3 1761 07977803 1

E656B
.R

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

Sobranie sochineny
Kn. 16-18
(3pts. in 1v.)

ДВА БРАТА

LES DEUX FRÈRES (etc.)

37r
[kn. 16]

491646
12.5.49

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PQ
2238
D417

ДВА БРАТА.

I.

Поднявшись по рѣкѣ Саръ, нѣсколькими милями выше Маладри, въ узкомъ ущельи Вогезовъ, вы увидите небольшую деревню Шомы. Около сотни домиковъ высокихъ и низкихъ, крытыхъ то гонтомъ, то старыми черепицами, окаймляютъ рѣку. Кое-гдѣ черезъ нее переброшены мостики, съ двумя жердями, вмѣсто перилъ: дѣти перевѣшиваются черезъ нихъ, чтобы полюбоваться на уклеекъ, рѣзвящихся на солнцѣ, на утокъ, плывущихъ по теченію и вытягивающихъ сзади свои широкія, желтыя лапки, и на высокую траву, называемую кошачьими хвостиками. Они стоятъ тутъ по цѣлымъ часамъ, растрепанныя, въ разорванныхъ панталонахъ и курткахъ, съ маленькими сумками у пояса, такъ какъ въ деревнѣ есть школа, куда онѣ, впрочемъ, никогда не торопятся. Вотъ идетъ женщина въ юбкѣ и босикомъ, на головѣ у нее лохань съ бѣльемъ; это Марія-Анна или Катерина отправляется на плотъ. Потянулись вереницей быки и козы; старый Миникъ, съ заступомъ и наклонивъ голову, идетъ проводить воду на свой лугъ; пасторъ, приподнявъ рясу, съ тросточкой въ рукѣ, торопится служить обѣдню и т. д. Все это виднѣется издали на большомъ, цвѣтущемъ лугу, среди палисадниковъ и живыхъ изгородей, на которыхъ сушится бѣлье.

Влѣво возвышается холмъ съ полями ячменя, овса, ржи и картофеля, съ старыми, погнувшимися отъ вѣтра, яблонями.

Вотъ уже 50 лѣтъ какъ я живу въ Шомахъ, но я никогда не могъ уговорить владѣльцевъ улучшить ихъ деревья; большая часть изъ нихъ не признаетъ ни подрѣзываніе, ни прививку, и

оставляетъ все расти на волю Божію. Плоды получаются, конечно, кислые, но жители ими довольствуются. Эта система воздѣлыванія простирается и на лѣса, которые, по вечерамъ, покрываютъ своею тѣнью поля, сады, рѣку и даже деревню: только на лугахъ остается еще полоса свѣта, но и та постепенно уменьшается и, наконецъ, исчезаетъ съ наступленіемъ ночи

Въ этотъ часъ, подъ звуки пастушьяго рожка, стада возвращаются съ поля; козы и овцы бѣгутъ по деревнѣ къ своимъ хлѣвамъ, никогда не ошибаясь дверью, и обыкновенно хрюкаютъ и блеятъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не впустятъ. Наконецъ, умолкаетъ и этотъ шумъ. Только въ долинѣ, нарушая тишину, раздается вдоль рѣки тихое, продолжительное кваканіе лягушекъ.

Въ домикахъ зажигаются огоньки; тамъ ужинаютъ и ложатся отдыхать отъ дневного труда. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ начинаются посидѣлки; старые церковные часы пробьютъ нѣсколько разъ, прежде чѣмъ женщины съ прялками, дѣвушки съ вышиваньемъ и вязаньемъ, наболтавшись, возвращаются домой, спать.

Вотъ вамъ и деревня Шомы.

Въ двухстахъ или трехстахъ шагахъ отъ нея стоятъ мельницы отца Лазаря; еще подальше подъ самымъ лѣсомъ, въ узкомъ проходѣ—лѣсопильни Францеля и Гросъ-Сапэна.

Въ то время, какъ меня назначили учителемъ въ Шомы, должность мэра занималъ тамъ г. Фортье, а помощникомъ его былъ г. Риго, содержатель трактира «Бычачья нога». Два брата Ранцо, благодаря своему богатству, пользовались тамъ большимъ вліяніемъ и управляли отчасти общественными дѣлами. Старикъ Ранцо, ихъ отецъ, умершій два или три года тому назадъ, былъ земледѣльцемъ и торговалъ лѣсомъ и солью. Онъ нажилъ деньги и послѣ смерти раздѣлилъ все свое богатство между дочерью своею Катериною, бывшею замужемъ за Луи-Пикотомъ, пивоваромъ, въ Лютцельбургѣ, и двумя сыновьями Жаномъ и Жакомъ.

Къ несчастью, дѣлежъ его не понравился братьямъ; по крайней мѣрѣ, надо было такъ думать, потому что при жизни отца они всегда любили другъ друга, даже женились въ одно время на двухъ дочеряхъ стараго мирового судьи Лефевра; съ этой же минуты возненавидѣли другъ друга.

Жанъ, старшій, былъ уже плѣшивъ, но большой гуляка; онъ былъ страшно надмѣненъ и любилъ владѣть имѣніями. По духовному завѣщанію отецъ отдалъ ему совершенно отдѣльный домъ, какъ старшему въ семьѣ, такъ и потому, что тотъ помогалъ ему въ работѣ. Это предпочтеніе было, однако, несправедливо, потому что если Жанъ помогалъ отцу въ земледѣліи и соляной торговлѣ, Жакъ былъ не менѣе полезенъ при рубкѣ лѣса.

Домъ стараго Ранцо былъ самымъ большимъ и великолѣпнымъ строеніемъ во всей странѣ, выштукатуренный и выкрашенный заново, съ сараями, съ садомъ при рѣкѣ, съ конюшнями на пятнадцать головъ рогатаго скота, съ гумнами, куда вмѣщался запасъ сѣна и соломы на цѣлый годъ, съ хорошими погребами, прачешной и съ водочнымъ заводомъ. Жанъ былъ доволенъ; онъ находилъ совершенно естественнымъ владѣть домомъ своего отца; но обстоятельство это не понравилось Жаку. Онъ построилъ, противъ дома брата, точно такой же собственный, раздѣленный отъ того только улицей; амбары, сараи и другія службы поставилъ, какъ разъ, противъ сараевъ и строеній брата, двери противъ дверей, даже оставилъ совершенно одинаковое мѣсто для хвороста и дровъ. Жанъ понялъ, что это былъ вызовъ. Больше всего раздосадовало его то, что три мѣсяца спустя, Жакъ купилъ большой лугъ Гизи, самый лучшій въ долинѣ, заплативъ за него 12 тыс. франковъ, что, конечно, никогда не было, да и не будетъ, вѣроятно, видано въ Шомахъ. Узнавъ объ этомъ, Жанъ поблѣднѣлъ, но не сказалъ ничего, такъ какъ Ранцо были слишкомъ горды, чтобы кричать противъ своей собственной фамиліи; но съ этихъ поръ два родные брата, живя рядомъ, встрѣчаясь по 20 разъ въ день, не говорили другъ съ другомъ ни слова, дѣлая видъ, что не знаютъ одинъ другого.

Вскорѣ у Жана родилась дочь, а у Жака—сынъ. Всѣ жители долины и деревни перешли на сторону того или другого брата, смотря по своимъ собственнымъ интересамъ.

Въ такомъ состояніи я нашелъ страну въ царствованіе Людовика XVIII, когда я пріѣхалъ въ Шомы замѣстить прежняго учителя Лабади, отставленнаго по старости. Я женился на его единственной дочери Маріи-Аннѣ, которой я обязанъ всѣмъ счастьемъ моей пятидесятилѣтней жизни и моими честными дѣтьми. Мы жили вмѣстѣ съ тестемъ въ школьномъ домѣ. Онъ иногда помогалъ мнѣ работать и я пользовался его добрыми со-

вѣтами. «Не вмѣшивайтесь никогда въ дѣла деревни и постороннія ссоры, Флорансъ,—говаривалъ онъ мнѣ;—старайтесь сохранять со всѣми хорошія отношенія. Ревностно исполняйте свои обязанности въ школѣ, въ церкви, въ ратушѣ, и будьте почтительны съ тѣми, отъ кого вы получаете приказанія. Это не мѣшаетъ вамъ имѣть обо всемъ собственное мнѣніе, но не высказывайте ничего. Такимъ образомъ жизнь ваша будетъ покойна, и вы будете имѣть возможность дѣлать нѣкоторое добро окружающимъ васъ». Такъ говорилъ этотъ превосходный человѣкъ. Онъ разсказалъ мнѣ о страшной ненависти, существующей между братьями Ранцо, совѣтуя быть съ ними болѣе осторожнымъ, чѣмъ съ остальными. Эта предосторожность была тѣмъ болѣе благоразумна, что дѣти Жана и Жака поступили бы рано или поздно въ мою школу, и малѣйшее предпочтеніе, оказанное мною тому или другому, принесло бы мнѣ, современемъ, большой ущербъ. Эти первые годы, когда юноша покидаетъ свою родину, отправляясь искать счастья на чужбинѣ,—самое тяжелое время жизни; счастливъ тотъ, кто найдетъ себѣ хорошаго совѣтника; онъ часто избѣгаетъ непоправимыхъ ошибокъ. Слушаясь благоразумныхъ совѣтовъ, мнѣ не приходилось раскаяваться впослѣдствіи, и я вспоминаю съ удовольствіемъ это время. Какая разница между равниною, покинутою мною, и горами, гдѣ я находился теперь. Мой старый учитель, Діезъ, въ Лоранѣ, развилъ во мнѣ вкусъ къ естественной исторіи, — растеніямъ и насѣкомымъ, и передалъ мнѣ свое небольшое знаніе музыки. Какъ мнѣ пригодились эти первые уроки! Они поддерживали, не разъ, мое терпѣніе въ неблагодарномъ, школьномъ трудѣ. Каждый вечеръ послѣ классовъ, прикрѣпивъ къ плечамъ мой маленькій гербарій, я бродилъ по береговымъ тропинкамъ. Большіе, цвѣтущіе испанскіе жабники, розовый верескъ, тысячи различныхъ дикихъ растеній, которыя лѣпятся по скаламъ, миріады золотистыхъ мушекъ, отливающихъ то темнымъ, то яркимъ бархатомъ и производящихъ безконечное жужжанье при послѣднихъ лучахъ солнца,—все это услаждало мою душу. Не слишкомъ свѣдущій въ наукѣ, я часто воображалъ, что дѣлаю открытія. Стоя наверху, подлѣ развалинъ стараго замка, гдѣ столѣтній, поблекшій терновникъ и плющъ простираются долговѣчнымъ ложемъ подъ молодыми растеніями, я подолгу любовался мирною долиной, зеркальной рѣкой,

церковью, домикомъ священника, съ бесѣдкой и пчельникомъ, съ мельницей и пильными заводами, скрывающимися въ тѣни. «Вотъ уголокъ свѣта, думалось мнѣ при этомъ, гдѣ ты долженъ провести свою жизнь: здѣсь будешь ты служить своимъ ближнимъ, воспитывать данныхъ тебѣ Богомъ дѣтей, и, наконецъ, мирно отдыхать подъ конецъ жизни. Работай, учи... Кто знаетъ, что изъ этихъ бѣдныхъ дѣтей, сидящихъ на скамейкѣ, оборванныхъ, невѣжественныхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, какъ деревца въ лѣсу, не выйдетъ впослѣдствіи людей полезныхъ, благодѣтельныхъ и даже замѣчательныхъ ученыхъ. Господь сѣетъ добрыя сѣмена повсюду, не разбирая званія. Старайся подражать Ему! Большая часть твоихъ уроковъ упадетъ на скалы, другая—въ терновникъ, но въ чаяніи того, что хоть одно зерно попадетъ въ хорошую почву, ты долженъ быть счастливымъ».

Когда наступалъ вечеръ, я медленно спускался къ берегу, размышляя о новыхъ, собранныхъ мною растеніяхъ, о насѣкомыхъ, приколотыхъ къ моей шляпѣ, стараясь разсортировать ихъ не по научнымъ классамъ, такъ какъ у меня не было для этого ни знанія, ни книгъ, но по семействамъ растеній и по мѣстнымъ названіямъ.

Тесть мой, ждавшій меня обыкновенно у дверей, при приближеніи моемъ, съ улыбкой говорилъ: «Вы запоздали, Флорансъ; Марія-Анна цѣлый часъ ужъ за столомъ, и супъ простылъ.—Какъ же вы хотите иначе,—отвѣчалъ я ему;—въ вашихъ горахъ такъ много прекраснаго! Поистинѣ, благословеніе Божіе!

— Идите, идите,—возражалъ онъ добродушно. Въ столовой я находилъ мою жену; за ужиномъ болтали; я обыкновенно разсказывалъ о ботаникѣ. При этомъ разговорѣ тесть оживлялся.

— Да я понимаю это!—восклицалъ онъ;—въ мое время это было дѣломъ ученыхъ. Мы, здѣсь, только случайно слышали о Бюффонѣ, Линнеѣ и Жюсье. А между тѣмъ, мы могли бы оказать очень большую услугу ученымъ, изучая растительность. Вся наука о растеніяхъ, вмѣсто того, чтобы быть распространенной до самыхъ послѣднихъ хижинъ, сосредоточивается только въ библіотекахъ большихъ городовъ.—Онъ сожалѣлъ о столькихъ годахъ, потерянныхъ для всѣхъ этихъ богатствъ.

Старикъ очень любилъ музыку. Въ столовой стояли у насъ

маленькіе клавикорды о 4-хъ октавахъ; какъ только наступала ночь и запирались ставни, онъ садился въ кожаное кресло, стоявшее у клавикордъ, и своими костлявыми руками наигрывалъ аллилуія и другіе церковные напѣвы, съ истиннымъ наслажденіемъ аккомпанируя воображаемому имъ церковному пѣнію. У него былъ полный ящикъ сочиненій старинныхъ нѣмецкихъ композиторовъ, которыхъ онъ возносилъ до небесъ; всей странѣ было извѣстно, что отецъ Лабади, изъ Шомъ, былъ первый органистъ между католиками. Между лютеранами есть много хорошихъ музыкантовъ, такъ какъ они всѣ занимаются музыкою. Хотя я не надѣялся играть такъ, какъ мой тесть, но благодаря его урокамъ, я скоро зналъ столько же, какъ и Летшеръ Дабо, такъ что могъ уже играть на органѣ даже въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ дни конфирмаціи, въ присутствіи монсиньора Форбинъ-Жансона, епископа нашей епархіи.

II.

Въ этихъ занятіяхъ и работахъ прошли первые годы моего пребыванія въ Шомахъ. У меня родился сынъ, котораго окрестили Полемъ и которому, съ этого времени, отецъ Лабади посвящалъ все свое время. Старикъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, становился глухъ, не ходилъ уже въ церковь, но никогда не имѣлъ несчастія впасть въ дѣтство. Когда у него спрашивали, конечно, громко, о содержаніи бумагъ городской управы, о свидѣтельствѣ, о рожденіи или смерти, о правахъ общины, или о рѣшеніяхъ общественнаго совѣта за 15 или 20 л. тому назадъ, онъ, выслушавъ все обстоятельно, отвѣчалъ всегда вѣрно: «Вы найдете все, что вамъ нужно, въ такомъ-то мѣстѣ, въ такомъ-то ящикѣ и на такой-то полкѣ». Несмотря на старость и увеличивающуюся слабость моего тестя, мы были совершенно счастливы; я занялъ его мѣсто въ школѣ, въ ратушѣ и въ церкви; занимался межеваніемъ и продажею лѣса; меня приняли въ общину, откуда мнѣ шелъ постоянный доходъ въ 300 франковъ; кромѣ того, я получалъ жалованье какъ органистъ, какъ пѣвчій, за крестины, свадьбы, похороны, по 50 копѣекъ въ зиму за каждаго ученика, подарки на Новый годъ и т. п.; все это превышало сумму въ 800 франк. Нашъ садъ при школьномъ домѣ, который мы сами обработывали, давалъ намъ овощей на цѣлый

годъ; свинью нашу гонялъ въ поле пастухъ Бальтасаръ за то, что я училъ его сына. Дѣла мои шли хорошо, и я строго придерживался совѣта тестя, не вмѣшиваться въ ссоры деревни. Пасторъ Жанекинъ принималъ въ насъ участіе; онъ любилъ потолковать со мной о своихъ пчелахъ; я вынималъ у него, осенью, медъ изъ улей, за что получалъ всегда хорошій сотъ.

Онъ былъ изъ переселенцевъ, человѣкъ благоразумный и опытный, видѣвшій многое на свѣтѣ. Рвеніе, съ которымъ молодые священники, отецъ Таринъ и миссіонеры путешествовали по всей Франціи, стараясь обращать еретиковъ, заставляло его только пожимать плечами.

Нѣсколько разъ, когда мы были одни въ его саду, за домомъ, онъ, прочитавъ только что полученную газету, блѣднѣлъ какъ полотно и говаривалъ:—«Всемогущій Боже, отчего потомки наши не пользуются опытностью стариковъ? Какое несчастіе, что ошибки наши, такъ дорого искупаемыя, не наставили никого на путь истинный!» — Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго исполнялъ свои обязанности, съ чувствомъ говорилъ проповѣди и пріобрѣлъ себѣ уваженіе всей страны.

Однажды вечеромъ, пять лѣтъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Шомы, тихо угасъ отецъ Лабади. Это было первое тяжкое горе, постигшее мое семейство. Жена моя съ горя заболѣла, не могла присутствовать на похоронахъ, на которыя сошлись всѣ горцы. Я, плача, какъ ребенокъ, несъ гробъ и проводилъ его до деревенскаго кладбища. Ахъ! Только мысль о Богѣ поддерживаетъ насъ въ подобныя минуты, мысль о Томъ, Кто вознаграждаетъ благочестивую жизнь, и принимаетъ на свое лоно всѣхъ, мужественно перенесшихъ горести и заботы земной жизни. Долго мы тосковали, невольно вспоминая тестя, при взглядѣ на его обычное мѣсто. Не слышно было больше музыки; никто, какъ будто, не рѣшался вызвать звуки.

Это несчастіе постигло насъ осенью. Въ школѣ остается, въ это время, очень немного дѣтей богатыхъ родителей; побѣдно гоняютъ скотину на пастбище. Я не знаю ничего скучнѣе пустой школьной залы; оставшіяся дѣти совсѣмъ не занимаются, вѣваютъ въ окна и заводятъ ссоры. Опустивши голову на руки, я думалъ все время о моемъ тестѣ. Большимъ утѣшеніемъ было для меня, когда настала зима, и скамейки снова наполнились. Опять гурьбой приходили, по утрамъ, дѣти, снимали шапочки,

здороваясь со мной, и всѣ вмѣстѣ начинали складывать бе-а-ба. Все это развлекало меня, и грустныя мысли смѣнялись другими; только по вечерамъ, находя дома жену, сидящую съ заплаканными глазами у колыбели ребенка, я вспоминалъ дорогого намъ человѣка.

Нужны были мѣсяцы, чтобы смягчить наше горе; но на землѣ ничто не вѣчно, и воспоминаніе о честныхъ людяхъ переходитъ, наконецъ, въ надежду свидѣться съ ними въ лучшемъ мірѣ.

Вотъ въ началѣ этой-то зимы Жанъ и Жакъ прислали ко мнѣ своихъ дѣтей Жоржа и Луизу, которые были почти ровесники, отъ 6 до 7 лѣтъ. Луиза лишилась недавно матери, что дѣлало мои обязанности, въ отношеніи ея, болѣе важными. Это была высокая, живая дѣвочка, съ густыми, бѣлокурыми волосами и большими, нѣжно голубыми глазами. Когда она шла, въ своемъ всегда чистомъ салопчикѣ, поднявъ голову и озираясь по сторонамъ, ее можно было уподобить лани, несущейся, съ быстротою вѣтра, по долинѣ. Жоржъ, сынъ Жака и ея кузенъ, имѣлъ блѣдное лицо, большой горбатый носъ Ранцо, ихъ темные курчавые волосы и широкій, квадратный подбородокъ. Фамильное упорство отражалось въ его глазахъ; что онъ хотѣлъ—то должно было быть; но Луиза была умнѣе его; она обращалась къ нему всегда къ послѣднему и смотрѣла на него свысока.

Я помѣстилъ этихъ двухъ дѣтей, Луизу къ дѣвочкамъ, а Жоржа къ мальчикамъ, раздѣленнымъ только перегородкой, и долженъ признаться, что онѣ совершенно разнились отъ этихъ бѣдняжекъ, которыя зимою сушатъ свои лохмотья у большой, чугунной печки. Боже! Какъ тяжела нищета! Она лишаетъ бѣдняковъ не только здороваго цвѣта лица и довѣрчиваго вида, но дѣйствуетъ даже и на умъ. Но не естественно ли это? Что видятъ и кого слышатъ дѣти мясниковъ, сплавщиковъ и т. п., входя по вечерамъ въ свою хижину? Бѣдныхъ родителей, собравшихся у горшка картофеля, или кислаго молока; изнеможенные отъ усталости, съ сгорбленными спинами, и съ волосами, прилипшими къ потному лбу, они не въ состояніи даже о чемъ-либо думать.

Нѣсколько словъ о рубкѣ, о снѣгѣ, отъ котораго спускъ сдѣлается опаснымъ, о Полѣ или Пьерѣ, находящихся теперь въ дорогѣ, и которые могутъ легко погибнуть, вотъ и весь раз-

говоръ; по воскресеньямъ, слушая разсказы пастора о Богѣ, вѣчной жизни и обязанностяхъ христіанина, они чувствуютъ усталость и голодъ.

Совсѣмъ другое видятъ дѣти буржуа; большія комнаты, хорошо меблированныя и освѣщенныя, сытныя кушанья, довольные родители, слуги, наконецъ посторонніе посѣтители разсказывающіе о своихъ дѣлахъ, или передающіе новости, вычитанные изъ журналовъ—все это научаетъ дѣтей тому, чего бѣдняки никогда не узнаютъ во всю свою жизнь. А по моему мнѣнію, вѣрно то, что для дѣтей нужны прежде познанія, которыя онѣ получаютъ дома; школьныя же придутъ въ свою очередь.

На Жоржа и Луизу повліяла домашняя обстановка; къ концу мѣсяца они знали склады, скоро научились читать, а главное понимать прочитанное, вещь, у насъ, довольно рѣдкая. Что касается до меня, то я, конечно, принималъ въ нихъ большее участіе, чѣмъ въ остальныхъ ученикахъ, которые не дѣлали никакихъ успѣховъ. Мнѣ доставляло удовольствіе ихъ спрашивать, видя, что труды мои не пропали даромъ. Одно, что сторчало меня, это то, что дѣти ихъ, какъ и родители ихъ, ненавидѣли другъ друга. Я не могъ похвалить Жоржа, безъ того, чтобы Луиза не закусывала, съ досадой, губы и не хмурила брови, ни одобрить Луизы, безъ того, чтобы Жоржъ не блѣднѣлъ отъ зависти. Старики, безъ сомнѣнія, вооружили дѣтей другъ противъ друга постоянными разговорами о домѣ, поляхъ и лугахъ, которыхъ каждый изъ нихъ считалъ себя лишеннымъ по милости дяди, и напоминая имъ о проклятіи, которое падетъ на главы потомковъ, если они когда-нибудь сойдутся. Я замѣтилъ эту дурную наклонность и постарался бы непремѣнно ее истребить, если бы благоразумныя предостереженія тестя. Это скорѣе дѣло пастора, говорилъ я самъ себѣ; причащаясь они должны будутъ, вмѣстѣ, произнести молитву, данную Господомъ своимъ ученикамъ: «И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ».

Но меня постоянно раздражала эта непріязнь, и въ одинъ прекрасный день я вышелъ изъ терпѣнья.

Надо замѣтить, что у насъ, въ горахъ, строго соблюдаются всѣ праздники, а особенно дѣтскіе. Сперва бываетъ праздникъ Святого Николая Лоранскаго, который изображается съ корзи-

ною на спинѣ, съ колокольчикомъ въ одной рукѣ, и съ прутомъ, намоченнымъ уксусомъ, въ другой; далѣе слѣдуетъ праздникъ Рождества съ его пирожками и съ деревянными саблями; люди зажиточные дѣлаютъ елку, украшенную лентами, золоченными орѣхами и разными лакомствами; потомъ Новый годъ и наконецъ праздникъ Поклоненія Волхвовъ. Послѣдній—самый великолѣпный изъ всѣхъ, и празднуется зимою. Дѣти, одѣтыя въ рубашки, съ бумажными, разрисованными коронками на головахъ и съ деревянными скипетрами на плечахъ, какъ у карточныхъ королей, толпой бѣгаютъ по деревнѣ; у одного изъ нихъ, представляющаго короля негровъ, лицо вымазано сажей. Они входятъ въ дома, и поютъ народную пѣсню, до того старинную, что ее съ трудомъ можно понять:

«Пришли три короля,
Чтобы поклониться Іисусу»

Причемъ всѣ они кланяются въ землю, выкрикивая хоромъ: «Вотъ мы становимся на колѣни». Добрые люди даютъ имъ черносливъ, яблоки, яйца и масло. Эта процессія съ шумомъ вбѣгаетъ и въ школу, гдѣ пѣніе ихъ вызываетъ всеобщій восторгъ; черезъ нѣсколько времени появляется Иродъ, прятавшійся въ аллеѣ. Всѣ дѣти провожаютъ ихъ завистливыми глазами. По уходѣ ихъ, я воспользовался случаемъ и разсказалъ своимъ ученикамъ о путешествіи маговъ восточныхъ на поклоненіе нашему Спасителю, родившемуся въ Іудеѣ, въ маленькомъ городкѣ Вифлеемѣ, въ ясляхъ, посреди стада и бѣдныхъ пастуховъ; о чудной звѣздѣ, указывавшей имъ путь, и о дарахъ, елеѣ, ладонѣ и золотѣ, которые они принесли младенцу Іисусу. Всѣ слушали мой разсказъ съ удивленіемъ и задумчиво.

Желая знать, что они запомнили, я, черезъ нѣсколько дней, велѣлъ ученикамъ повторить его; ни одинъ, не исключая и Жоржа, не могъ разсказать исторію волховъ. Я вызвалъ Луизу и она, безъ малѣйшаго затрудненія, повторила все, также, если не лучше моего. «Хорошо, хорошо, Луиза, мое милое дитя,—сказалъ я тронутый.—Давно у меня не было подобнаго утѣшенія»!

Личико ея сіяло отъ радости, но Жоржъ нахмурился.

Въ этотъ же день, по окончаніи классовъ, отворяя окна, чтобы освѣжить воздухъ, я увидѣлъ дѣтей, катавшихся гуськомъ

по замерзшей рѣчкѣ. Мальчики и дѣвочки шумѣли и смѣялись; нѣкоторые, половчѣе, присѣдали и скользили на ногахъ; зарумянившіеся личики весело выглядывали изъ подъ лохмотьевъ. Черезъ минуту я увидѣлъ смѣющуюся Луизу, храбро скользившую посреди мальчиковъ; полы ея сапончика развѣвались, отчего она походила на птичку, распустившую свои крылышки. Въ одну секунду, къ ней подскочилъ Жоржъ, съ быстротою хищной птицы, и сильнымъ толчкомъ повалилъ ее въ снѣгъ. Я тотчасъ же бросился къ ней на помощь; она горько плакала, но къ счастью не ушиблась. Жоржъ намѣревался бѣжать. «Поди сюда, злой мальчикъ,—сказалъ я, взявъ его за руку и отведя въ залъ,—ты сдѣлалъ это нарочно». Онъ былъ блѣденъ, но не отвѣчалъ. «Нарочно?—повторилъ я,—отвѣчай!» Слишкомъ гордый, чтобы лгать, онъ молча сѣлъ на край скамейки, сурово потупя глаза. «Такъ какъ ты не отвѣчаешь, значитъ это вѣрно, ты нарочно толкнулъ Луизу, за то, что она знала лучше тебя исторію волхвовъ. Это скверно... ты заслуживаешь наказанья... Я не пущу тебя обѣдать». Проговоривъ это, съ сердцемъ, я тотчасъ же вышелъ изъ комнаты, повернувъ два раза ключъ. Жена отправилась предупредить родителей Жоржа о томъ, что онъ наказанъ. Сошедши внизъ, почти черезъ часъ, я нашелъ мальчика на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ; также какъ и прежде, локти его лежали на столѣ; сжавъ кулаками лицо, онъ смотрѣлъ на одну и ту же точку.—«Ты раскаеваешься?»—кротко спросилъ я, подошедши къ нему. Онъ не отвѣчалъ.—«Ты вѣдь не будешь больше это дѣлать?» Ни слова! Я нѣсколько разъ сходилъ въ залъ, но не добился отъ него ничего. Вскорѣ пришла его мать, съ распухшими глазами; она принесла въ мискѣ, подъ передникомъ, обѣдъ своему ребенку; посмотрѣвъ на него съ грустью, она поставила передъ нимъ миску; пообѣдавъ, мальчикъ опять сѣлъ къ своему пюпитру, ожидая прибытія товарищей. «Ахъ, господинъ Флорансъ,—говорила мнѣ бѣдная женщина, идя со мной по аллеѣ,—какое несчастье! Они всѣ одинаковаго характера... Это все Ранцо»!

Луиза, возвратясь въ комнату, была очень весела; она бросала, время отъ времени, на своего кузена удовлетворенные взгляды. Съ этого дня и впродолженіи шести недѣль, Жоржъ, если я спрашивалъ его, никогда не смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза; онъ на меня сердился. Если дѣти на васъ сердятся, они

стараются смотрѣть всегда въ сторону, чтобы скрыть свою злобу.—«Погляди на меня прямо, Жоржъ»,—говорилъ я ему; но онъ не глядѣлъ и оставался до конца зимы такимъ же молчаливымъ и мрачнымъ.

Только ужъ весною, когда онъ отвѣтилъ свой урокъ лучше Луизы, и я привелъ его въ примѣръ другимъ ученикамъ, онъ поднялъ глаза и, казалось, помирился со мной.

III.

Въ это время у насъ въ общинѣ случились болѣе важныя событія: умеръ нашъ мэръ г-нъ Фортье. Впродолженіи своей восьмидесятилѣтней жизни онъ перебывалъ и солдатомъ, и нѣловальникомъ, и подрядчикомъ рубки лѣса; наконецъ послѣдніе годы занималъ должность мэра въ Шомахъ.

Всѣ деревенскія хозяйки уже давно разсчитывали на его смерть, и распродажу имущества; одна изъ нихъ заранѣе выбрала себѣ его большую, расписанную миску, другая—тарелки или чугунникъ, третья—столъ, буфетъ и т. д. Но несмотря на ревматизмы, отецъ Фортье все еще влачилъ свое существованіе, когда вдругъ въ одно весеннее утро пронесся по деревнѣ достовѣрный слухъ, что онъ скончался въ ночь. Распродажа была одна изъ самыхъ большихъ и многолюдныхъ, какія мнѣ только случалось видѣть въ горахъ. Я не буду говорить о погребеніи, снятіи печатей, объявленіяхъ и другихъ церемоніяхъ, совершаемыхъ при этомъ, но нахожу нужнымъ разсказать объ аукціонѣ, гдѣ желаніе жителей пріобрѣсти себѣ что-нибудь, доходило до неистовства.

Моя жена хотѣла купить 2 большихъ, мѣдныхъ подсвѣчника мэра, которыми она соблазнялась уже цѣлые три года.

— Мы также пойдемъ, Флорансъ, — сказала она мнѣ утромъ въ день распродажи,—намъ нужно много вещей, и особенно подсвѣчниковъ.

Я понялъ ея умыселъ.

— Хорошо Марія-Анна,—отвѣчалъ я,—мы отправимся въ 11-ть часовъ, послѣ уроковъ.

Но она не могла дождаться этого времени и нѣсколько разъ прибѣгала въ классъ, чтобы посмотрѣть въ окошко.

Распродажа началась съ ранняго утра; изъ моего окна виднѣлись столы со множествомъ наваленныхъ на нихъ вещей.

Тутъ были рѣшетки, чугунки, котлы, столовая посуда, стулья, часы, столовое и постельное бѣлье, однимъ словомъ, всякаго рода рухлядь, наполнявшая впродолженіи 40 лѣтъ весь домъ г-на мэра, отъ чердака до погреба. Боже мой, сколько денегъ приходится тратить, чтобы омеблировать подобный домъ, особенно если въ это дѣло вмѣшиваются женщины, имѣющія, обыкновенно, очень завистливые глаза!

Нотаріусъ Бажолетъ изъ Лоркина, съ своимъ главнымъ клеркомъ Шотомъ, и оцѣнщикъ Лемуанъ находились посреди шумящей толпы; громкіе возгласы послѣдняго, стоящаго на столѣ передъ дверью, достигали до конца деревни.

— Разъ, два... Никто не набавляетъ?.. Превосходная чугунка... 3 луидора 10 су,—выкрикивалъ онъ, приподнимая чугунку.

— 3 луидора 10 су...

— 4 луидора!

— 4 луидора... Разъ, два 4 луидора... Никто больше? Второй разъ, 4 луидора... Никто больше? И... три... Остается за Жанъ-Пьеромъ Машетъ.

Слыша все это, и видя жену, которая спускалась иногда внизъ, я невольно отвлекался отъ своихъ занятій; къ счастью, такое развлеченье бываетъ не часто. Дѣти, при такихъ случаяхъ, также не обращаютъ никакого вниманія на ученіе и горятъ нетерпѣніемъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Ровно въ 11-ть часовъ я велѣлъ прочесть молитву, и при послѣднемъ словѣ «Аминь» всѣ посыпались со скамеекъ и, какъ стадо, бросились изъ комнаты.—«Прощайте, прощайте г-нъ Флорансъ!»—кричали они со смѣхомъ; я не разсердился, но былъ еще кстати освобожденъ отъ нихъ, потому что въ это самое время пришла моя жена, говоря:—«Пора, Флорансъ».—«Я готовъ, пойдемъ». И мы отправились. Подсвѣчники были еще тамъ; какое счастье! Но было уже время! Распродажа мелкихъ домашнихъ вещей приходила къ концу; тарелки, стаканы, котлы, и вся кухонная посуда были почти раскуплены; переходили къ шкафамъ, стульямъ и кресламъ. Марія-Анна потащила меня за руку въ толпу, которая наполняла старый домъ, смотря въ окна, торгуясь и жужжа, какъ пчелиный рой; множество народа сновало и около дома.

— А! г-нъ Флорансъ!—закричалъ мнѣ главный лѣсничій г-нъ Ботъ, толстый, веселый человѣкъ, съ краснымъ лицомъ и большимъ животомъ стянутымъ зеленою курткою.—«Проходите тутъ!»—и онъ началъ расчищать намъ дорогу своими широкими плечами.—«Вы, значитъ, тоже хотите набить цѣну на что-нибудь?»—Я хотѣлъ было сказать про подсвѣчники, но жена, дернувъ меня за руку, отвѣчала:—«Хотимъ посмотрѣть, г-нъ Ботъ».

Мы были уже у стола подлѣ нотаріуса и клерка, наклонившагося надъ своимъ пюпитромъ, для записыванья.

Если споры въ толпѣ усиливались, то стоило только жандарму Лалеману, стоявшему тутъ, опираясь на саблю, повернуть голову и косо взглянуть на крикуновъ, какъ они тотчасъ же умолкали и отправлялись утѣшаться за выпивкой, такъ какъ на всѣхъ большихъ распродажахъ распивали непремѣнно, 2, 3, даже 4 мѣры бѣлаго или краснаго вина; это было тогда въ употребленіи. Вино придавало бодрость покупателямъ, хотя, иногда, на завтра они чувствовали, что она имъ дорого обошлась.

Пробравшись туда, мы могли стоять спокойно; крестьяне раскланивались со мной и предлагали выпить съ ними, разсказывая о сдѣланныхъ ими покупкахъ, и толкуя о томъ, что скоро будетъ продаваться недвижимое имѣніе, причемъ высчитывались настоящіе покупатели, набивавшіе цѣну не двумя-тремя франками, а цѣлыми сотнями, даже тысячами.

Въ глубинѣ комнаты виднѣлись всѣ окрестные богачи: два еврея, Самуэль Леви и Іуда Майеръ изъ Имлинга, въ плоскихъ, надвинутыхъ на глаза, фуражкахъ; братья Рестиніатъ изъ Гранъ-Сольда, г-нъ Барабино изъ Харберга, г-нъ Жоржъ изъ Сенъ-Киприна, и г-нъ Ристрофъ изъ Абрешевиля, по своему громадному богатству, прозванный принцемъ; наконецъ на противоположныхъ концахъ залы, скрытые въ тѣни, стояли Жанъ и Жакъ Ранцо, совершенно равнодушно слѣдя за ходомъ мелкой распродажи. Первый братъ высокій, плѣшивый; другой—невысокій, коренастый, съ черными, вьющимися волосами и окладистой бородой, но схожіе своею блѣдностью, большими, горбатыми носами, блестящими глазами и широкими, сжатыми челюстями. Евреи говорили имъ что-то; но они, казалось, не слушали и не отвѣчали имъ.

Немного приподнявшись, я могъ все это видѣть; вниманіе

жены моей было поглощено подсвѣчниками и другими, еще не распроданными вещами. Она дернула меня за рукавъ, и, обернувшись, я увидѣлъ, что Лемуанъ поднялъ надъ столомъ подсвѣчники, выкрикнувъ: «2 мѣдныхъ подсвѣчника!»—Голосъ его совершенно охрипъ отъ пятичасового кричанья.—«2 прекрасныхъ подсвѣчника», повторилъ онъ, наклоняясь спросить цѣну. «Сорокъ су»,—подсказалъ г-нъ Бажолетъ.

— 40 су, за 2 прекрасныхъ подсвѣчника,—громко продолжалъ Лемуанъ, озираясь во всѣ стороны.—Сорокъ су... Ну же! Сударыни, смѣлѣе!

Я хотѣлъ было набавить 10 су, но жена, болѣе опытная въ этихъ вещахъ, сказала; «45 су»! Лемуанъ обернулся: «Сорокъ пять су... разъ два... сорокъ пять су... никто не набавляетъ? разъ, два и... три. Остаются.

Онъ передалъ подсвѣчники моей женѣ, добродушно говоря:

— Вы сдѣлали хорошую покупку, мадамъ Флорансъ, они стоятъ 4 франка.

Жена, очень довольная, тотчасъ же ушла; но меня интересовало все это, и я остался дожидаться крупной распродажи, когда набиваютъ цѣну не су, а разомъ нѣсколькими десятками и сотнями франковъ.

Присутствуя при подобномъ зрѣлищѣ, какъ то невольно волнуешься, всеобщее рвеніе пріобрѣсти себѣ что-нибудь, суматоха, восклицанія, все это какъ бы отражается на насъ; живо воображаешь себя дѣйствующимъ лицомъ этой сцены. Я съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда дойдетъ очередь до полей, луговъ, фруктовыхъ садовъ и дома, какъ будто это касалось и меня.

Отецъ Ботъ, стоявшій рядомъ, сказалъ мнѣ со смѣхомъ:

— Все это—только еще маленькое начало, г-нъ Флорансъ; стычки кончились, теперь начнется сраженіе!

И онъ былъ правъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго домашнія вещи и мебель были уже проданы; хотѣли было отложить распродажу недвижимаго имущества до послѣ-полудня, но нотаріусъ былъ—старая лиса; видя, что продажа идетъ хорошо и покупатели вошли въ азартъ, онъ сказалъ:

— Лемуанъ, можно отдохнуть завтра... Куй желѣзо, пока горячо! Пойдемте въ залъ.

Клеркъ взялъ въ руку свой списокъ, Лемуанъ—нюпитръ и всѣ отправились въ залу, уже наполненную народомъ. Нотаріусъ и остальные расположились посрединѣ; тогда г-нъ Бажолетъ объявилъ условія распродажи: плата или сейчасъ наличными, или дается отсрочка на годъ и одинъ день, по пяти процентовъ на 100, смотря по желанію покупателей. И распродажа началась.

Народъ толпился у стола; я стоялъ позади, и только и видѣлъ лица еврея Самуэля Леви, Жана и Жака Ранцо и высокаго Іуды Майера.

Прежде всего продали фруктовый садъ на берегу, и нѣсколько полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и овсомъ, тщательно обозначая при этомъ межи. Продажа сотенныхъ и тысячныхъ имуществъ шла въ проволочку; евреи не всегда принимали въ ней участіе. Нотаріусъ, время отъ времени, помогалъ Лемуану, повторяя цѣну. Онъ иногда выходилъ, и кричалъ, стоявшему на улицѣ, народу: «Продается такое-то поле, или такой-то садъ». Оттуда медленно приходило нѣсколько человѣкъ, сопровождаемые женами, которыя старались удержать ихъ. Женщины любятъ обыкновенно разныя мелкія вещи, но ихъ мужьямъ больше нравится недвижимое имущество, отчего между ними происходятъ ссоры: мужъ чего-нибудь хочетъ, жена—нѣтъ, и хотя споръ нерѣдко оканчивается потасовкой, однако жена никогда не уступаетъ. Такія парочки входили вмѣстѣ въ залу и массами тѣснились около стола.

Около полудня я хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ нотаріусъ, возвыся голосъ, воскликнулъ:—«Теперь будетъ продаваться лугъ на пять дней сѣнокоса; одной стороной онъ прилегаетъ къ рѣчкѣ, а другой къ большому лугу Жака Ранцо, такъ называемому «Лугъ Гизи». Ну, Лемуанъ!»

Лемуанъ всталъ на стулъ и громко сказалъ:

— Лугъ на пять дней сѣнокоса, 1500 франковъ!.. Лугъ на пять дней, по триста франковъ на день; 1500 франковъ на 5 дней!

— Двѣ тысячи,—сказалъ одинъ еврей.

— Двѣ тысячи двѣсти,—подхватилъ другой.

— Двѣ тысячи двѣсти,—повторилъ Лемуанъ

Оба еврея продолжали еще набивать по сотнѣ, такъ что дошло до 3-хъ тысячъ.

— Самуэль—довѣренный Жана Ранно, а Іуда—Жака: сраженіе происходитъ между двумя братьями,—шепнулъ мнѣ Бетъ.

Я взглянулъ на обоихъ братьевъ; они были мрачны, но казалось, спокойны. Набивка по пятидесяти франковъ продолжалась еще съ полчаса; дойдя до 4-хъ тысячъ, евреи начали медлить, ожидая знаковъ Ранно, когда вдругъ по лицу Жака пробѣжала молнія.—«4 тысячи 500 франковъ!»—воскликнулъ онъ ужаснымъ голосомъ.

— Пять тысячъ,—улыбаясь сказалъ Жанъ

— Шесть,—проговорилъ Жакъ, стиснувъ зубы и нахмуривъ брови, но не глядя на брата.

— Семь тысячъ,—сказалъ, наконецъ. Жанъ.

Жакъ захохоталъ и пошелъ прочь, расталкивая толпу; кулаки его судорожно сжимались въ карманахъ куртки.

— Это добро мнѣ не по карману,—сказалъ онъ у двери и вышелъ. Жанъ торжествовалъ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Это немножко дорого; но зато его большой лугъ на Сарѣ не будетъ лучше моего; мнѣ хотѣлось имѣть мою часть, и она у меня.

Когда я вышелъ на улицу, онъ тихо шелъ съ Самуэлемъ; Жакъ стоялъ у своей двери съ высокимъ Іудою и наблюдалъ за ними. Его смѣхъ и хорошее расположеніе духа пропали при мысли, что прекрасный лугъ Гизи, котрый онъ разсчитывалъ увеличить послѣ смерти стараго Фортье, былъ какъ бы раздѣленъ надвое частью, купленною Жаномъ.

Видя вражду этихъ людей, я дрожалъ при мысли, что Жакъ долженъ былъ меня также ненавидѣть съ тѣхъ поръ, какъ я, изъ-за Луизы, оставилъ его сына. Это тѣмъ болѣе безпокоило меня, что подумывали назначить его мэромъ, на мѣсто г-на Фортье, и въ этомъ званіи онъ могъ сдѣлать мнѣ большой вредъ.

Эта тревожная мысль не покидала меня и за вечерними классами; я положительно не зналъ, какъ обращаться съ дѣтьми подобныхъ людей; одинъ и другая внушали мнѣ страхъ. Никогда не приходилось мнѣ сталкиваться съ подобными опасными характерами. Въ тотъ же день, около 7-ми часовъ вечера, когда мы сидѣли за ужиномъ, я говорилъ именно объ этомъ съ женой,

которая совѣтовала мнѣ быть всегда насторожѣ, какъ вдругъ мы услышали на лѣстницѣ шаги, и кто-то постучался въ дверь.

— Войдите,—сказала жена.

На порогѣ появился маленькій Жоржъ, съ корзинкою въ рукахъ.

— Здравствуйте, г-нъ Флорансъ,—сказалъ онъ.—Вотъ мои родители вамъ что-то прислали.

Раскрывъ корзинку, мы вскрикнули отъ удовольствія: на широкой тарелкѣ лежали отличныя свиныя котлеты и колбасы.

— Какъ!..—воскликнула жена,—но мы никогда не будемъ въ состояніи васъ отблагодарить.

— Мы закололи вчера,—сказалъ Жоржъ,—и отецъ приказалъ выбрать для васъ лучшіе куски.

Можно себѣ представить наше изумленіе. Я принудилъ Жоржа всыпать въ его карманы двѣ добрыя пригоршни орѣховъ, и нѣсколько разъ наказывалъ ему передать нашу глубочайшую благодарность его родителямъ за оказанное намъ вниманіе. Онъ весело убѣжалъ, обѣщавъ исполнить это.

Значитъ, мало того, что Жакъ Ранцо на насъ не сердился (чего мы такъ опасались), но надо было полагать, что мы были даже въ числѣ его друзей, потому что такіе подарки дѣлаются только друзьямъ. Я не буду говорить о томъ, что эти котлеты и колбасы, конечно, были самыя лучшія, какія мы когда-либо пробовали; достаточно сказать, что онѣ были приготовлены руками г-жи Шарлоты Ранцо, которая вмѣстѣ съ г-жею Герито Лимонъ, женою пивовара, заслужили репутацію наилучшихъ стряпухъ во всей странѣ. Особенно дорогъ мнѣ былъ этотъ подарокъ потому, что онъ служилъ доказательствомъ того, что я былъ со всѣми въ мирѣ. Въ жизни главное условіе—миръ и спокойствіе, безъ чего существованіе покажется, иногда, очень горькимъ.

Ранцо, враждовавшіе между собою, оставляли, по крайней мѣрѣ, другихъ въ покоѣ, и считали благомъ обученіе своихъ дѣтей; оба брата всегда раскланивались со мной при встрѣчѣ въ деревнѣ, или гдѣ бы то ни было, такъ что я съ совершеннымъ спокойствіемъ исполнялъ свои обязанности.

Пасторъ Жанекинъ, по своимъ лѣтамъ и положенію, имѣлъ болѣе всѣхъ право напоминать этимъ значительнымъ людямъ о ихъ христіанскихъ обязанностяхъ, и помню, съ какою теп-

костью онъ, однажды, высказалъ истину, искусно намекая на присутствовавшаго тутъ Жана.

Около трехъ мѣсяцевъ спустя послѣ смерти г-на Фортье, въ одинъ четвергъ, утромъ, во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, г-нъ пасторъ предупредилъ меня, что въ горахъ случилось несчастье, и мы должны нести причастіе въ деревеньку Брюйеръ. Въ это время года, по четвергамъ, всѣ дѣти собираютъ въ лѣсу чернику,—поэтому я былъ въ большомъ затрудненіи найти кого-нибудь нести колокольчикъ. Къ счастью, мимо школы проходилъ въ это время маленькій Жоржъ Ранцо.—«Жоржъ,—сказалъ я ему,—бѣги предупредить твоего отца, что ты пойдешь съ нами нести колокольчикъ умирающихъ; иди скорѣе, мы отправляемся въ Брюйеръ.

Дѣти, обыкновенно, любятъ побѣгать; особенно лестно имъ принимать участіе въ этихъ печальныхъ церемоніяхъ. Мальчуганъ поспѣшно убѣжалъ домой, отпрашиваться, а я вошелъ въ ризницу переодѣться.

Черезъ нѣсколько минутъ Жоржъ возвратился; я надѣлъ на него маленькій стихарь и далъ въ руки колокольчикъ; г-нъ Жанекинъ поджидалъ насъ у воротъ своего домика, и мы, не медля ни минуты, отправились со Святыми Дарами въ путь. Случай былъ важный: Жанъ-Пьеръ Абба, дровосѣкъ Жана Ранцо упалъ съ высокой ели, съ которой онъ обрубалъ вѣтви и сильно ударился бокомъ о толстый корень, такъ что вся нижняя половина туловища несчастнаго человѣка была отшиблена и это было причиною его гибели.

Мы шли скорымъ шагомъ. Заслыша колокольчикъ по деревнѣ, старые люди высовывались въ окна и шептали молитву. На берегу, на песчаной тропинкѣ сильная жара заставила насъ замедлить шаги. Всѣ молчали; близость смерти, обыкновенно, нагоняетъ на насъ невеселыя мысли.—«Боже! Какъ ничтоженъ человѣкъ,—думается намъ иногда.—Всѣ эти милліоны существъ, жужжащихъ около насъ, вся эта мелюзга живетъ и радуется, между тѣмъ, какъ нашъ несчастный собратъ распростертъ тамъ, безъ надежды подняться... Чѣмъ отличались бы мы отъ послѣдняго изъ насѣкомыхъ, еслибъ намъ не была обѣщана вѣчная жизнь?» Потъ выступалъ у насъ на лбу; престарѣлый пасторъ долженъ былъ останавливаться нѣсколько разъ, чтобы

собраться съ силами. Видъ этой высокой, печальной страны нагонялъ на насъ тоску: сухой грунтъ, не производящій ничего, кромѣ вересска и терновника, цѣлый рядъ высокихъ, обнаженныхъ скалъ, и полуденная, мертвая тишина, нарушаемая только отдаленнымъ пѣніемъ стрекозы; съ трудомъ можно себѣ представить такую грустную картину. Я никогда не заходилъ такъ далеко, и мнѣ казалось страннымъ, что здѣсь могутъ жить человѣческія существа. Но какъ же тутъ живутъ? Чѣмъ питаются? — думалъ я, напрасно отыскивая глазами людскія жилища. Только по истеченіи часа, когда мы обогнули скалу, моимъ глазамъ представились на вершинѣ 3—4 маленькія лачужки, крытыя драницей, съ слуховыми окнами, съ оставшимися еще въ нихъ осколками стеколъ, или просто заткнутыми соломою, съ еле держащимися дверями, съ шаткими, ломаными лѣстницами, все самое жалкое, скорѣе напоминающее логовища дикихъ звѣрей, чѣмъ человѣческія жилища. До этой минуты я полагалъ, что имѣю понятіе о самой крайней нищетѣ, но теперь увидѣлъ, что ошибался. Передъ одной изъ этихъ ужасныхъ лачужекъ виднѣлось нѣсколько человѣкъ, вышедшихъ посмотрѣть на насъ; мужчины въ холстинковыхъ панталонахъ, такъ протертыхъ на колѣняхъ, что внизъ висѣли одни только лохмотья; женщины въ такихъ же платьяхъ, съ всклокоченными, лежащими по плечамъ, волосами. Что же сказать еще въ описаніе деревушки Брюйеръ? Позади, на небольшомъ возвышеніи, разстилались 3 или 4 поля, кажется обработанныя; но по недостатку воды, растительность до того была скудная, что едва можно было узнать, что это картофель. Разсматривая все это, мы достигли хижины Пьера-Абба. Жоржъ принялся опять звонить, причемъ несчастные падали ницъ.

Мы вошли въ какое-то подобіе кухни, съ очагомъ, на одномъ углу котораго была насыпана зола; перекладины потолка были такъ низки, что намъ приходилось нагибаться. На скамейкѣ сидѣла старая, совершенно сѣдая женщина; ея высохшія желтыя руки были закинуты за голову; она не шевелилась, но все тѣло ея судорожно тряслось отъ рыданій.

Г-нъ Жанъ Ранно и Лукза, поспѣшившіе сюда тотчасъ же по полученіи печальнаго извѣстія, стояли возлѣ нея.

— Не плачь, Зали, полно,—говорилъ онъ, утѣшая ее,—я никогда не оставлю васъ... никогда. Жанъ-Пьеръ былъ честный

человѣкъ, мой старинный товарищъ... Вѣдь онъ былъ еще работникомъ у моего отца... Не бойтесь ничего... Разсчитывайте на меня!..

Но несчастная старуха, спустивши на землю босыя ноги и положивъ голову на колѣни, не отвѣчала ни слова.

Мы съ пасторомъ невольно поблѣднѣли при видѣ этой ужасной картины.

— Подумай, Зали,—продолжалъ Жанъ.—что тебѣ остается еще твой славный мальчикъ Сирьякъ; увѣряю тебя, что онъ никогда не будетъ нуждаться въ работѣ, которую всегда найдетъ у меня.

Все это мы слышали, стоя у дверей, гдѣ остановились, чтобы нѣсколько оправиться и вытереть потъ, катившійся съ нашихъ лицъ.

Жоржъ потряхивалъ колокольчикомъ. При входѣ нашемъ въ комнату, г-нъ Жанъ раскланялся съ нами, съ грустными, полными слезъ, глазами; Луиза тоже плакала. Онъ указалъ намъ въ глубинѣ комнаты маленькую дверь, прошептавъ:

— Онъ тамъ.

Пасторъ, открывъ Святыя Дары, вошелъ по указанію, я—также; за нами послѣдовали Жанъ и Луиза, и остальные, за исключеніемъ только бѣдной старухи.

Тамъ было совершенно темно, только на концахъ стола мерцали двѣ маленькія лампочки: посреди ихъ лежало маленькое, мѣдное распятіе и стояли двѣ тарелки: одна наполненная святой водой, съ вѣточками букса, другая—съ свѣтильней изъ хлопчатой бумаги для священнаго масла. Только черезъ минуту, привыкнувъ къ темнотѣ, мы разсмотрѣли направо, на старой кровати отца Абба, вытянувшагося во весь свой ростъ; лицо его было покрыто смертельной блѣдностью, щеки изрыты глубокими морщинами, глаза ввалились и космы сѣдыхъ волосъ падали на влажный лобъ.

Неподвижный до сихъ поръ, онъ, при звукѣ колокольчика, сдѣлалъ усиліе повернуться.

— Не двигайтесь, не двигайтесь! — сказалъ ему г-нъ пасторъ.—Благословеніе Господне сойдетъ на васъ. Въ состояніи ли вы еще слышать и говорить?

— Да,—прошепталъ Абба,—я васъ слышу. Г-нъ пасторъ наклонился надъ кроватью несчастнаго для исповѣдыванія,

что продолжалось около десяти минутъ. Каждый изъ насъ въ эту торжественную минуту былъ погруженъ въ мысль, что Спаситель незримо присутствуетъ теперь среди насъ, видитъ и слышитъ насъ, на основаніи его божественныхъ словъ, сказанныхъ Апостоломъ: «Если трое изъ васъ соединятся во Имя Мое, то я буду среди васъ». Эта мысль наводила невольный трепетъ.

Исповѣдывавшись и получивши отпущеніе грѣховъ, Абба причастился. Мы тихо молились; сзади нѣсколько женщинъ тоже шептали молитву: изъ сосѣдней комнаты раздавались рыданія Зали. Бѣдный больной казался спокойнымъ; взоръ его былъ обращенъ на потолокъ, слабо освѣщенный лампочками. Жизнь оставляла его; для несчастнаго страдальца наступилъ часъ искупленія и вѣчнаго блаженства.

Мы отправились домой, усталые, съ трудомъ спускаясь по высокому берегу. Я съ г-мъ пасторомъ шелъ впереди, за нами Жанъ съ Луизой и, наконецъ, Жоржъ; всѣ были задумчивы и съ опущенными головами. Было около трехъ часовъ по нашему разсчету, и мы приближались къ ельнику, растущему немного выше Шомъ, когда намъ повстрѣчался какой-то дровосѣкъ, блѣдный, въ войлочной шапкѣ, сдвинутой на бокъ.

— Онъ не умеръ?—закричалъ онъ.

— Нѣтъ еще, Симонъ,—отвѣчалъ ему пасторъ,—но поторопитесь.

— Господи! Какое несчастье! — воскликнулъ этотъ человѣкъ, снова, безъ остановки, принявшись карабкаться, не обращая вниманія на колючій, терзавшій его терновникъ.

Г-нъ пасторъ, съ грустной улыбкой посмотрѣлъ вслѣдъ дровосѣку, съ ловкостью звѣря пробирающемуся между колючими растеніями, и сказалъ мнѣ:

— Это Шуринъ Абба. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ они враждуютъ между собою изъ-за угла коноплянаго поля; каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить его себѣ, послѣ смерти отца. Они сто разъ клялись погубить одинъ другого и причинили другъ другу уже много зла. Теперь же, узнавъ о несчастьи свего родственника, этотъ, съ отчаянья, рветъ на себѣ волосы, а тотъ который готовился предстать предъ лицемъ Всевышняго, отъ души прощаетъ своего врага, надѣясь быть прощеннымъ и имъ. О Боже! Неужели же насъ долженъ примирять только страхъ смерти и Твоего правосудія, и достаточно ли намъ на-

слаждаться миромъ только на землѣ? Что значатъ всѣ блага земныя въ сравненіи съ вѣчностью?—Г-нъ Жанекинъ дѣлалъ видъ, что обращается ко мнѣ одному, но говорилъ на столько громко, чтобы жанъ Ранцо, Луиза и Жоржъ могли слышать, и, быть можетъ, воспользоваться его словами.

У насъ было довольно времени поразмыслить объ этихъ великихъ истинахъ, потому что только въ четыре часа пополудни, умирая отъ жажды, мы достигли, наконецъ, деревни. Передъ домомъ г-на Жана общество наше раздѣлилось. Жоржъ подбѣжалъ сказать своему отцу, смотрѣвшему прямо въ окно, что ему надо отнести стихарь и колокольчикъ, послѣ чего онъ тотчасъ же возвратился домой. Мы пошли съ нимъ въ церковь, гдѣ раздѣлись и разошлись по домамъ. Жена оставила мнѣ обѣдъ; я сѣлъ за столъ, и поѣлъ съ большимъ аппетитомъ, держа на колѣняхъ моего маленькаго Поля. Какъ счастливъ бываетъ человѣкъ, когда послѣ подобной усталости, можетъ отдохнуть въ кругу любимыхъ существъ!

IV.

Изъ только что разсказаннаго мною видно, что г-нъ пасторъ не упускалъ случая наставлять братьевъ Ранцо на путь истинный и напоминать имъ о христіанскихъ обязанностяхъ; но что могутъ сдѣлать добрыя слова и совѣты, когда ненависть уже пустила глубокіе корни въ жесткихъ сердцахъ людей—эгоистовъ, думающихъ только о собственныхъ интересахъ, тѣмъ болѣе, когда они живутъ поблизости, даже другъ противъ друга, и постоянно стараются найти новый поводъ къ усиленію вражды. Вспышка не замедлила послѣдовать.

Въ это время надо было избрать новаго мэра на мѣсто г-на Фортье. Всѣ подумывали было о братьяхъ Ранцо, но они уже разъ отказались отъ этой должности, подъ предлогомъ, что ихъ собственныя дѣла мѣшали бы имъ вполнѣ отдаться интересамъ общины. Въ виду имѣлись еще двое: г-нъ Риго, трактирщикъ «Бычачьей ноги», и г-нъ Лимонъ, пивоваръ. Такъ дѣло тянулось изо дня въ день, и рѣшеніе все не могло состояться, когда, наконецъ, въ концѣ іюня г-нъ Жакъ объявилъ, что онъ взялъ бы эту должность, если бы его на нее назначили. Всѣ полагали, что выборъ падетъ на него, и это случилось бы, если бы г-нъ Жанъ не вступилъ также въ число претендентовъ. Теперь до-

машнія распри этихъ двухъ людей отразились на жителяхъ долины и деревни. За г-на Жана было все населеніе Шомъ, состоящее изъ хлѣбопашцевъ, поденщиковъ, извозчиковъ, мастеровыхъ, вообще людей, работавшихъ на него; одинъ возилъ у него сѣно, другой—навемъ, третій пахалъ землю, косилъ его луга, или молотилъ его хлѣбъ.

Жители же долины,—сплавщики, дровосѣки и т. п., тѣ всѣ были работниками г-на Жака, получали отъ него, по воскресеньямъ, по 10 и даже по 15 франковъ за свою недѣльную работу и потому, естественно, хотѣли избрать его. Это было самое большое смятеніе изъ всѣхъ, какія я только запомню; разладъ между двумя партіями былъ замѣтенъ даже на дѣтяхъ. Каждую минуту я былъ принужденъ возстановлять тишину въ классѣ и унимать Жержа и Луизу, болтавшихъ со своими сосѣдями. Конечно, главная причина дѣтскихъ пересудъ—сами родители: дѣти пересказываютъ только то, что слышатъ и видятъ дома. Можете себѣ представить мое положеніе среди всѣхъ этихъ споровъ, распространившихся до самыхъ послѣднихъ лачужекъ; настоящее мѣсто мое зависѣло вполнѣ отъ будущаго мэра, такъ что мнѣ было крайне опасно отдать малѣйшее предпочтеніе той или другой сторонѣ. Мнѣ казалось даже возможнымъ, что люди, до такой степени раздражительные, просто-на-просто, схватятся въ драку, въ присутствіи всей общины, и что я, по формальному приказанію г-на адъюнкта, Рито, долженъ буду внести это въ протоколъ. Но дѣло окончилось благополучно; Ранцо слишкомъ уважали себя, чтобы публично выставить свои оскорбительныя отношенія. Окончательный выборъ остановился на г-нѣ Жанѣ; братъ его, на этотъ разъ, ограничился только тѣмъ, что отказался быть членомъ совѣта; всю эту недѣлю его видѣли попрежнему ходившимъ взадъ и впередъ по долинѣ, съ метромъ въ рукѣ; съ обычнымъ спокойствіемъ присматривалъ онъ за рубкой и сплавкой лѣса. Только ужъ въ слѣдующій понедѣльникъ, около 7-ми часовъ утра, въ то время, какъ я ждалъ у школьныхъ дверей прихода моихъ учениковъ, онъ проѣхалъ мимо въ своей телѣжкѣ: пара сѣдыхъ, съ яблоками, лошадей бѣжала хорошей рысцой. Большая голова Жака, обросшая волосами, была какъ-то вдавлена въ плечи, а глаза полузакрыты, какъ у человѣка, погруженнаго въ раздумье. Онъ не замѣтилъ моего поклона, и принялся громко понукать лошадей: «Ну,

ну, Гризета!.. Ну, Шарло!» Телѣжка ѣхала по Сарбургской дорогѣ и вскорѣ исчезла по направленію Тюльери.

Въ восемь часовъ вечера, увидя ее возвращавшуюся назадъ я сказалъ женѣ:—«Это г-нъ Жакъ возвращается изъ Сарбурга. Онъ, навѣрное, ѣздилъ туда за протоколомъ, подобнымъ тому, какой составилъ разъ главный лѣсничій Лефевръ противъ своего слуги».

Уже на другой день утромъ, еще до начатія классовъ, стало извѣстно всей деревнѣ, что г-нъ Жанъ Ранцо получилъ письменный вызовъ въ судъ, гдѣ ему предлагали согласиться полюбовно на условіе брата, проложить дорогу поперекъ луга на пять дней сѣнокоса, купленнаго имъ на распродажѣ г-на Фортье. Прошло не болѣе двадцати минутъ съ распространенія этого извѣстія, какъ г-нъ Жанъ уже поскакалъ галопомъ на своей высокой лошади, прозванной Зозотою; лицо его было блѣдно отъ ярости, глаза выгаращены, а горбоватый носъ какъ-то болѣе обыкновеннаго пригнулся къ подбородку. Онъ отправился въ Сарбургъ, чтобы посовѣтоваться съ адвокатомъ Колемъ и препоручить ему защиту своихъ правъ, такъ какъ проложеніе дороги, требуемой Жакомъ, на половину уменьшило бы цѣнность луга, за который онъ заплатилъ такъ дорого, собственно для того, чтобы только помѣшать брату округлить его владѣнія.

Такъ началась у насъ знаменитая тяжба, продолжавшаяся 18-ть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ издержками братьевъ Ранцо обогатилось множество адвокатовъ, экзекуторовъ, регистраторовъ, посредниковъ и судей; наводились справки, противу-справки;—иные лишались мѣста. Коль и Гидъ, защищая противоположныя стороны, говорили другъ противъ друга великолѣпныя рѣчи, обоюдно насмѣхаясь надъ противникомъ и обвиняя его въ незнаніи новыхъ законовъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ, встрѣчаясь на сторонѣ, любезно раскланиваться и съ улыбкой пожимать руки. Въ началѣ этой тяжбы у насъ ежедневно появлялись различнаго рода законовѣды, эксперты, увѣряя обоихъ Ранцо, разомъ, въ правотѣ ихъ дѣлъ. Сначала въ Сарбургѣ одержалъ побѣду Гидъ; Коль немедленно прибѣгнулъ къ суду Панси, и въ свою очередь взялъ верхъ. Къ счастью, въ судопроизводствѣ оказалось недоразумѣніе; можно было подать кассаціонную жалобу. Дѣло снова перешло на сторону, въ Дижонъ. Въ концѣ концовъ, по истеченіи восемнадца-

ти мѣсяцевъ, Жакъ получилъ право на дорогу поперекъ луга г-на Жана, который принужденъ былъ заплатить всѣ убытки, за исключеніемъ, конечно, платы адвокатамъ г-на Жака, которые, я полагаю, не даромъ истощали свое краснорѣчіе. Жакъ добился таки своего! Онъ назвалъ свою дорогу «На зло Жану». Жители постоянно называютъ ее такъ. «Мы пойдемъ къ рѣчкѣ по дорогѣ «На зло Жану». Жакъ построилъ даже въ концѣ ея маленькій деревянный мостикъ черезъ Сару, чтобы всѣ ходили черезъ лугъ брата, который не могъ этого запретить. Эта взаимная ненависть не мѣшала, однакоже, братьямъ каждое воскресенье ходить къ обѣднѣ, вмѣстѣ садиться на фамильную скамью, служившую еще ихъ отцу и матери, и съ обнаженными головами набожно преклонять колѣна; никто внимательнѣе ихъ не слушалъ г-на пастора, проповѣдывавшаго о семейномъ согласіи и о прощеніи несправедливости и ошибокъ ближняго. Но за то, взявъ Святой воды и выйдя изъ церкви, они расходились, стараясь даже не смотрѣть другъ на друга и, конечно, мечтая только о томъ, какъ бы сильнѣе повредить одинъ другому.

Такіе поступки, естественно, усиливали вражду и въ дѣтяхъ, и я вполнѣ сознавалъ, что напрасно тратилъ труды и время, говоря имъ ежедневно о христіанскихъ добродѣтеляхъ и заставляя ихъ вмѣстѣ отвѣчать катехизисъ, что имъ было необходимо исполнить при первомъ причастіи. Ни я, ни г-нъ пасторъ, наконецъ, никто не былъ въ состояніи истребить дурную траву, запускавшую все глубже и глубже свои корни въ сердца этихъ бѣдняжекъ. Мнѣ было это очень больно, но я утѣшался сознаніемъ, что исполняю свою обязанность, насколько хватаетъ силъ и средствъ. Въ душѣ, однако, я еще надѣялся на одно средство. «Первое причастіе — такое важное, торжественное дѣйствіе, думалось мнѣ; можетъ быть, въ этотъ день, при видѣ счастливыхъ дѣтей, преклонившихъ колѣна на ступеняхъ паперти, въ присутствіи толпы, въ ожиданіи принятія тѣла Христова, старики смягчатся и, кто знаетъ, можетъ быть простятъ другъ друга? Достаточно одного воспоминанія добраго, стараго времени, довольно мысли о тѣхъ, кого уже нѣтъ съ нами, но которые видятъ насъ, наконецъ,—просто великодушнаго порыва сердца, чтобы броситься во взаимныя объятія и забыть всѣ обиды. Но увы! Надежда моя не сбылась. Вотъ насталъ и ожидаемый день; рядъ дѣтей, въ бѣлыхъ пла-

тыцахъ и новыхъ одеждахъ, потянулся въ церковь; отцы и матери ожидали ихъ тамъ, набожно преклонившись на своихъ скамьяхъ. Пасторъ, стоя на каѳедрѣ, говорилъ трогательную рѣчь о прощеніи ошибокъ ближняго. Мать Жоржа тихо всхлипывала; многіе жалѣли бѣдную женщину, сочувствуя ея горю. Жанъ, съ блистающей отъ солнца, плѣшивой головой, сложенными руками и благочестивымъ видомъ, стоялъ возлѣ Жака, также внимательно слушавшаго поученія и шептавшаго молитву. Два обманщика! Я принужденъ ихъ такъ назвать, потому что это сущая правда. Несмотря на апостольскія физіономіи, сердца несчастныхъ были такъ же мягки, какъ скалы Лиль-Бари, на которыхъ дождь, роса и солнечный свѣтъ, въ продолженіе шести тысячъ лѣтъ, не могли произвести ни одного цвѣточка. Это было извѣстно не мнѣ одному, но всѣмъ жителямъ страны. Первое причастіе не произвело въ нихъ ровно ничего; оно не внушило добрыхъ мыслей ни молодымъ, ни старымъ.

Послѣ церемоніи г-нъ Жакъ, а послѣ него г-нъ Жанъ отдѣльно поблагодарили пастора за его прекрасную рѣчь, что выказало ихъ лицемѣріе, еще худшее, чѣмъ ихъ закоренѣлая ненависть. Они изъявили ему свое мнимое удовольствіе, произведенное его проповѣдью, тѣмъ, что послали къ нему дѣтей съ довольно цѣнными подарками. Жоржъ и Луиза приходили и ко мнѣ благодарить меня за свое обученіе. Оба вручили моей женѣ по двадцатифранковой золотой монетѣ; сумма безспорно значительная, такъ какъ они платили, какъ и другіе, школьную плату, не говоря уже о многочисленныхъ подаркахъ, получаемыхъ мною къ Новому году и дню моего рожденья. И такъ братья Ранцо исполнили, повидимому, всѣ обязанности добрыхъ христіанъ, но на самомъ дѣлѣ ненависть ихъ была также сильна. Мнѣ казалось даже, что при каждомъ подобномъ случаѣ враждебныя чувства ихъ еще увеличивались отъ усилій, которыя они дѣлали, чтобы сохранить достоинство Ранцо; они владѣли собой только при помощи гордости.

V.

Послѣ причащенія, старшіе изъ моихъ учениковъ, по обычаю страны, перестаютъ ходить учиться; дѣвушки нанимаются горничными въ дома буржуа, или поступаютъ работницами на

окрестныя фабрики: мальчики дѣлаются дровосѣками, сплавщиками, башмачниками, кровельщиками и портными, смотря по ремеслу родителей. Это бываетъ каждый годъ, и дѣти скоро забываютъ то, чему я ихъ училъ. Такова обыкновенная судьба бѣдняка. Какъ многіе изъ нихъ хотѣли бы продолжать свое ученіе! Иные обладали такими же способностями, какъ и Ранцо, иногда даже большими, но гдѣ же взять денегъ? А школьный учитель—самъ бѣднякъ, при всемъ своемъ желаніи, не въ состояніи имъ помочь.

Въ октябрѣ г-нъ Жакъ отправилъ своего сына въ коллегію въ Фальцбургъ учиться греческому, латинскому языку и математикѣ, однимъ словомъ, всему необходимому для знанія бакалавра, чтобы потомъ изучать лѣсную часть, къ чему молодой человѣкъ чувствовалъ естественное влеченіе, воспитываясь въ странѣ, изобилующей лѣсами и горами. Его очень занималъ красивый зеленый мундиръ, какъ у нашего главнаго лѣсничаго Бота, вышитый серебромъ воротникъ и охотничій ножъ. Отецъ не раздѣлялъ его мнѣнія: ему хотѣлось бы лучше передать сыну свои дѣла, но онъ не противорѣчилъ его намѣренію, полагая, что современемъ молодому человѣку самому понравится лучше работать для своей собственной выгоды, и отдавать приказанія, вмѣсто того, чтобы получать ихъ.

Жоржъ пришелъ разсказать мнѣ объ этомъ во время ужина, наканунѣ своего отъѣзда; щеки его пылали, а блистающіе глаза какъ бы говорили: «вотъ, чѣмъ я буду, г-нъ Флорансъ: я ужъ постараюсь сдѣлать вамъ честь». Онъ, казалось, видѣлъ уже себя въ высокомъ положеніи. Я готовъ былъ сдѣлать ему маленькое предостереженіе противъ тщеславія, но жена, наслѣдовавшая благоразуміе своего отца, сдѣлала мнѣ знакъ молчанія. Прощаясь, Жоржъ обнялъ меня съ искреннею любовью. Два или три дня спустя, пришла проститься и Луиза. Она сказала намъ, что уѣзжаетъ въ Мольсгеймскій монастырь, который считался самымъ лучшимъ во всей странѣ. Всѣ молодыя дѣвушки хорошихъ буржуазныхъ семействъ отправлялись туда. Луиза, въ своемъ хорошенькомъ, голубомъ платьицѣ, и большой соломенной шляпкѣ съ розовой кокардой, живая, граціозная, съ плутовскими голубыми глазками была очень мила. Удовольствіе, испытываемое ею при мысли ѣхать въ такое хорошее заведеніе,

вызвало румянецъ на ея щеки. Она много болтала, скромно посматривая на кончики своихъ ботинокъ.

— Да, г-нъ Флорансъ, я поѣду туда! Никогда я не забуду вашихъ уроковъ; вамъ я буду всѣмъ обязана, добрый мой г-нъ Флорансъ.

На прощаньи мы расцѣловались; я хотѣлъ проводить ее и сталъ спускаться по старой деревянной лѣстницѣ, но Луиза заботливо остановила меня:—«Не ходите, не ходите, г-нъ Флорансъ,—сказала она,—не безпокойтесь пожалуйста».

Какъ различно вліяютъ довольство и нищета даже на обращеніе; можно не соглашаться съ этимъ, но въ сущности это такъ. Весь тотъ вечеръ я думалъ объ этихъ дѣтяхъ, душевно моля Бога, чтобы между другими добродѣтелями, Онъ внушилъ имъ чувство прощенія. Господь говоритъ особенно о немъ въ Своей молитвѣ и неоднократно заповѣдывалъ апостоламъ прощать ближняго.

На другой день, рано утромъ, отворя дверь школьной залы, чтобы освѣжить воздухъ, я услышалъ нѣжный голосокъ Луизы. «Прощайте, г-нъ Флорансъ, будьте здоровы!»—кричала мнѣ дѣвочка, проѣзжавшая съ отцомъ на телѣжкѣ, дѣлая прощальные знаки рукою. Г-нъ Жанъ также приподнялъ шляпу. Я былъ тронутъ.—«Да благословитъ тебя Небо, милое дитя,—отвѣчалъ я,—будь всегда добра и послушна».

Опустѣлая школа наводила на меня тоску. Я бродилъ по ней, вспоминая о своихъ прежнихъ ученикахъ, которые, за недостаткомъ нѣсколькихъ копѣекъ, чтобы заплатить за свое ученіе, должны были остаться въ крайней нищетѣ. Каждый день я видѣлъ ихъ, идущими на работу, съ заступомъ на плечѣ, съ сгорбленными, подъ тяжкой ношей, спинами. Они здоровались со мной задыхающимся отъ усталости голосомъ. Не разъ разрывалось у меня, при этомъ видѣ, сердце, особенно, если это были хорошіе мальчики, которыхъ я считалъ способными добиться чего-нибудь большаго.

Самъ я, несмотря на свое незавидное положеніе, все же можно сказать, жилъ по своему вкусу, прочитывалъ иногда хорошую книгу и составлялъ обо всемъ здравыя идеи, а между тѣмъ, какое множество несчастныхъ, для поддержанія средствъ къ жизни, должны исполнять до самой старости, съ утра до ве-

чера, тяжелую работу, сгибая спины надъ станкомъ или роясь въ землѣ.

Въ сравненіи съ ними я считалъ себя счастливцемъ; и теперь, когда уже голова моя покрылась сѣдиною, я могу сказать, что доля моя была завидною для большинства. Я не говорю уже ни о моихъ почетныхъ должностяхъ: органиста при церкви, секретаря при ратушѣ и хранителя секретовъ многихъ семействъ, приходившихъ ко мнѣ писать письма и прошенія; ни о семейномъ счастьи имѣть добрую жену и видѣть, какъ подрастаютъ мои малютки Поль и Жюльета. А развѣ я не наслаждался по четвергамъ и воскресеньямъ прогулками, обогащая свой маленькій гербаріумъ, и не пользовался всѣми удовольствіями, какихъ только можетъ желать благоразумный человѣкъ? Со смерти тестя я уже наполнилъ высушенными растеніями три большія листовыя книги; у меня была также порядочная коллекція насѣкомыхъ, наколотыхъ на картонѣ: тутъ были и майскіе жуки, черные, коричневые, желтые, и бабочки различныхъ цвѣтовъ, и вересковыя мушки, блестящія, какъ искорки. Меня печалило только то, что гербаріумъ мой не былъ разсортированъ по системѣ Линнея, такъ какъ я могъ давать растеніямъ только латинскія названія, большею частью, не понимая изъ значенія.

Однажды въ началѣ этой зимы, около 11-ти часовъ утра, когда классы только что кончились, и я еще прибиралъ свои бумаги передъ уходомъ наверхъ, въ дверь заглянулъ странствующій торговецъ Мартинъ—ходокъ, какъ ихъ называютъ въ деревняхъ, съ своей огромной корзиной книгъ, привязанной на спинѣ толстымъ, кожанымъ ремнемъ. Черезъ каждые пять-шесть мѣсяцевъ онъ приходилъ въ Шомы, и я закупалъ все, что было нужно: пачки перьевъ, карандаши, сургучъ и т. д.

— Какъ поживаете, сударь? Не нужно ли вамъ чего-нибудь?—спросилъ онъ, приподнимая фуражку.

— Кажется, ничего,—сказалъ я,—но войдите же, однако, я посмотрю.

Онъ вошелъ въ комнату, медленно передвигая тяжелые башмаки, наполненные снѣгомъ; ловкимъ взмахомъ плеча поставивъ корзину на край стола, онъ снялъ клеенчатую покрышку. Я, по обыкновенію, принялся разсматривать весь его товаръ, спрашивая о цѣнѣ той или другой книги.

Большею частью, у него покупали, конечно, учителя; потомъ еще пасторы пользовались иногда его книгами, такъ какъ онѣ были одобрены г-мъ Фрейсинусомъ, министромъ народнаго просвѣщенія, такъ, напр.: «Священная исторія», «Описаніе мученій проповѣдниковъ въ Китаѣ», «Исторія израильтянъ», написанная аббатомъ Флери, «Прихожанинъ», и др. назидательныя произведенія.

Пересматривая все это, я замѣтилъ на самомъ низу какую-то огромную книгу, уже не новую, но чрезвычайно обширныхъ размѣровъ. Изъ любопытства я вытащилъ ее изъ корзины и спросилъ у торгаша, что это такое?

— А!—заговорилъ онъ. — Это хорошая книга; я купилъ много такихъ на распродажѣ въ горахъ; онѣ мнѣ обошлись порядочно дорого, но я надѣюсь всѣ ихъ распродать современемъ; при каждомъ объѣздѣ я буду покупать еще по нѣскольку этихъ книгъ; онѣ допущены къ продажѣ, какъ и всѣ прочія. Въ то время, какъ онъ говорилъ, я просматривалъ это произведеніе; это былъ лексиконъ естественныхъ наукъ, составленный Антуаномъ-Лораномъ Жюсье, профессоромъ ботаническаго музея; въ концѣ была помѣщена большая статья о раздѣленіи растеній по классамъ.

Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвелъ на меня одинъ видъ подобной книги; я даже поблѣднѣлъ при мысли, что она должна стоить, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ франковъ. Не знаю, замѣтилъ ли торговецъ мое волненіе, но, очень хорошо понимая, что онъ въ такомъ случаѣ запросилъ бы очень дорого, я, какъ можно равнодушнѣе, положилъ лексиконъ на его мѣсто, говоря:

— Эта книга недурно переплетена, и изъ довольно порядочной бумаги, но за то уже стара, и притомъ нынче не дѣлаютъ этихъ красныхъ обрѣзовъ.

— Да! А между тѣмъ, — отвѣчалъ онъ, — я распродаю ихъ каждый день.

Пересмотрѣвъ еще нѣсколько книгъ, я опять взялся за лексиконъ и спросилъ о его цѣнѣ.

— Три франка, сударь,—сказалъ торговецъ, — я беру только за переплетъ и доброту бумаги, а она стоитъ гораздо дороже.

— Ого-го! Три франка... Неужели вы думаете, что я могу бросать деньги за окошко? Мнѣ хотѣлось бы пріобрѣсти эту книгу для того только, чтобы немножко прикрасить мою библіотеку ея кожанымъ переплетомъ. Ну, хотите тридцать су?

— Нѣтъ, такъ нельзя, — сказалъ онъ; — ну, хорошо, я отдамъ вамъ ее за два франка, и ни одного сантима меньше.

Сердце мое сильно билось, и я не могъ не согласиться на эту цѣну. Взявъ въ руки книгу, и перевернувъ нѣсколько страницъ, я сказалъ съ недовольнымъ видомъ:

— Ужъ такъ и быть, но вы дадите мнѣ въ придачу двѣ пачки перьевъ.

— Только для васъ, по старому знакомству, — отвѣчалъ онъ;—мы съ вами потомъ разсчитаемся. Вотъ извольте вамъ перья; но только это очень, очень дешево.

Боясь, чтобы онъ не измѣнилъ своего рѣшенія при видѣ радости, отразившейся въ моихъ глазахъ, я поспѣшилъ положить лексиконъ на каѳедру, а перья въ ящикъ, и отсчиталъ ему сорокъ су.

— Вы ничего больше не купите?—почти ужъ съ досадой спросилъ онъ меня, замѣтя мое возрастающее восхищеніе.— Вотъ, посмотрите,—прибавилъ онъ, вытаскивая съ самаго низа корзины большую тетрадь въ сѣрой оберткѣ.—Это тоже съ распродажи.

Онъ раскрылъ тетрадь, и я увидѣлъ, что это были гравюры къ лексикону, изображавшія искусно нарисованныхъ насѣкомыхъ, различнаго рода гусеницъ, куколокъ, шелковичныхъ червей и бабочекъ. Несмотря на все желаніе, я не могъ удержать своего восторга. Торговецъ, замѣтившій это, поспѣшилъ сказать:

— О, это будетъ подороже; тутъ отличная рисовка... Это другое дѣло.

Я не зналъ положительно, что сказать на это справедливое замѣчаніе, когда, къ счастью, въ эту минуту вошла жена; прождавъ меня напрасно, съ четверть часа, къ обѣду, и съ грустью видя, что я трачу на покупку книгъ наши скромныя сбереженія, давно предназначенныя ею на пріобрѣтеніе коровы, она не вытерпѣла и сказала мнѣ:

— Господи, у насъ уже столько книгъ, Флорансъ; вся верх-

ня комната полна ими; къ чему же тебѣ такое множество книгъ? Намъ теперь гораздо необходимѣе купить корову.

— Ты права, Марія-Анна, я объ этомъ не подумалъ,—отвѣчалъ я, вручая обратно разносчику его тетрадь.

Онъ замѣтно разсердился на мою жену, но тотчасъ же опомнился и вскричалъ:

— Но мнѣ надо же сбывать товаръ; что вы даете за эту тетрадь, господинъ школьный учитель?

Онъ протянулъ мнѣ тетрадь:

— Дайте три франка и кончено дѣло.

Услышавъ о трехъ франкахъ, жена моя чуть не упала въ обморокъ.

— Три франка,—повторила она,—да это не стоитъ больше четырехъ су.

— Сударыня,—возразилъ разносчикъ,—не въ гнѣвъ вамъ будь сказано, но я полагаю, что вашъ мужъ больше вашего знаетъ толкъ въ книгахъ.

— Послушайте,—перебилъ я его,—я не скажу ничего о лексиконѣ, онъ, дѣйствительно, довольно цѣненъ, потому что въ хорошемъ переплетѣ; а эта тетрадь безъ всякаго переплета, покрытая только сѣрою бумагою, вѣдь тутъ же есть разница.

— Сколько же вы дадите?—спросилъ онъ.

— Двадцать су.

Жена опять нахмурилась, а торговецъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ согласиться.

— Ну, хорошо, надо отдать,—сказалъ онъ.

Марія-Анна такъ бы, кажется, и разорвала его; она даже поблѣднѣла, когда я вынулъ и началъ отсчитывать деньги; но не сказала ни слова, такъ какъ привыкла во всемъ слушаться мужа, что, конечно, не помѣшало ей въ душѣ разсердиться на меня.

Что касается до торгаша, то онъ, очень хорошо понимая что я въ присутствіи жены не куплю больше ничего, молча уложилъ свои книги, закрывъ ихъ клеенкой и взвалилъ коробъ на плечи.

— До свиданія, господа, — сказалъ онъ, уходя,—теперь до весны. Надѣюсь, что мы видимся не въ послѣдній разъ

По его уходѣ мы также отправились наверхъ. Никогда еще я не былъ такъ счастливъ, а жена такъ скучна. Она ни слова

не сказала со мной за обѣдомъ; зато, какъ только вышли изъ-за стола дѣти, она принялась упрекать меня; но я поспѣшилъ ее остановить слѣдующими словами:

— Я знаю, ты будешь говорить о коровѣ... Она будетъ у тебя... Непремѣнно... Но, ради самаго Бога, не огорчай меня упреками. Признайся, развѣ я расточитель? Трачу-ли я деньги на свои удовольствія? Не исполняю-ли я ревностно свои обязанности въ отношеніи каждаго? Спроси у всѣхъ, можно-ли найти кого-нибудь экономнѣе меня во всей деревнѣ. И вотъ единственный разъ, какъ мнѣ захотѣлось сдѣлать себѣ удовольствіе, ты будешь упрекать меня и надоѣдать цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Да и не должна-ли ты всегда покоряться моимъ желаніямъ? Мнѣ нравятся эти книги... Наконецъ, онѣ мнѣ нужны!.. Тебѣ же хочется корову; еврей Илья каждый день говоритъ тебѣ о другой еще коровѣ, и ты хотѣла бы купить всѣхъ; каждая изъ нихъ нихъ стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ такія двѣ книги, которыя достались мнѣ за три франка; самую маленькую корову вѣдь нельзя достать менѣе, какъ за сто франковъ. А гдѣ взять такія деньги? А кормъ?

— Я ужъ отложила деньги на эту покупку, — сказала жена; — а на сѣнникѣ у насъ есть сѣно съ фруктоваго сада, что за школой.

Я былъ очень удивленъ услышавъ о такомъ богатствѣ. Впрочемъ, я всегда зналъ, что жена была рѣдкая экономка, и отдавалъ должную справедливость этой женщинѣ, которая въ свою очередь постоянно заботилась о моемъ спокойствіи. Узнавъ, что у нея припасено денегъ, я больше не противорѣчилъ ея желанію. Я самъ сознавалъ, что корова была бы большой подмогой нашему хозяйству; не надо бы было покупать ни молока, ни масла, ни сыра; а на эти вещи выходила порядочная сумма.

— Если это такъ, — отвѣчалъ я,—то постарайся справиться. Я не прочь пріобрѣсти корову; но не могу же я отказаться отъ моихъ книгъ. Дѣлай какъ знаешь, смотри только будь осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ, — а то Илья какъ разъ тебя обманетъ; евреи — народъ хитрый, они понимаютъ лучше насъ толкъ въ скотинѣ. Нашъ сосѣдъ Буверетъ, впродолженіи шести недѣль, мѣнялъ три раза корову у Ильи, давая каждый разъ въ придачу 10 или 15 франковъ; а вымѣненныя оказывались

гораздо хуже прежнихъ. Такъ подумай объ этомъ; а главное никогда меня не безпокой по поводу этихъ книгъ, которыя мнѣ были необходимы, и которыхъ я не отдалъ бы, если бы мнѣ даже давали въ пять разъ дороже того, что я заплатилъ самъ.

Марія-Анна была очень довольна, что я не противорѣчилъ болѣе ея желанію купить корову и совершенно успокоилась, тѣмъ болѣе, что все высказанное мною была сущая правда. Я еще впервые потратилъ деньги собственно для своего удовольствія; женщины вообще очень проницательны, и моя жена очень хорошо понимала, что не стоитъ безпокоить меня изъ-за такихъ пустяковъ.

Въ этотъ же день вечеромъ, когда дѣти играли въ столовой, а жена мыла посуду, я сидѣлъ одинъ наверху въ моей комнатѣ, освѣщенной лампой, и наслаждался чтеніемъ лексикона. Я занимался этимъ впродолженіе многихъ лѣтъ, постоянно тщательно повѣряя прочитаное на растеніяхъ и на своемъ собственномъ гербаріумѣ.

Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ, что дѣйствительная наука раздѣляетъ растенія и насѣкомыхъ по ихъ органамъ, а не по наименованіямъ, какъ это сдѣлалъ Линней. Я, школьный учитель, познакомился съ тѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ, которое заключалось въ этомъ прекрасномъ произведеніи. Я, въ первый разъ моей труженической жизни, увидѣлъ и изумился той ясности всеобъемлющихъ законовъ природы, которые излагались съ такою простотою и вмѣстѣ съ такимъ громаднымъ знаніемъ и любовью къ природѣ, и вообще ко всей вселенной, которую создалъ Богъ для изученія человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для Его прославленія. — Я изумлялся обширной учености и ясности мыслей, наблюденіямъ, послѣдовательности и логическимъ выводамъ, которыми наполнено это прекрасное сочиненіе. Тутъ были обширныя статьи, посвященныя растеніямъ, животнымъ, насѣкомымъ, минераламъ и т. п.

Эти книга была какъ бы повѣркой моихъ скромныхъ ограниченныхъ знаній и наблюденій, она была, такъ сказать, моимъ толкователемъ, разрѣшителемъ возникавшихъ во мнѣ сомнѣній, однимъ словомъ, моимъ умнымъ педагогомъ. — И, вмѣстѣ съ симъ, читая эту книгу, я преклонялся передъ величіемъ и премудростію Божіей и передъ тѣми неисчерпаемыми дарами, которые Богъ розлилъ во всей вселенной, для того, чтобы чело-

вѣкъ изучая природу, слѣдовалъ и руководствовался во всемъ Его волей и тѣмъ приближался нравственно и умственно къ Нему.

Всю эту зиму, послѣ классовъ, я читалъ превосходныя статьи Жюсье и Жоржа Кювье о соотношеніи органовъ, о дыханіи, о кровообращеніи и т. п.

Но я, кажется, слишкомъ углубился въ свои размышленія и незамѣтно отклонился отъ главной нити описанія моей жизни. Я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія разсказывать вамъ о такихъ возвышенныхъ матеріяхъ, для чего не имѣю ни достаточнаго званія, ни таланта. Я только долженъ вамъ сказать, что наука подѣйствовала на меня благодѣтельно; душа моя, какъ бы укрѣпилась, постигнувъ глубокую истину природы и ея вѣчно смѣняющейся жизни.

Въ это же время мнѣ наглядно пришлось убѣдиться въ превосходствѣ мыслящаго человѣка надъ субъектами, преданными только инстинктамъ жадности и дикой свирѣпости. Это было зимою; дѣйствующими лицами были братья Ранцо. Уже впродолженіе многихъ недѣль, когда моя жена закупала разныя мелочи у бакалейнаго торговца Клоделя, я постоянно замѣчалъ, что мыло, свѣчи и другія приносимыя отъ него вещи были завернуты въ превосходную печатную бумагу. Это возбудило мое любопытство: каково же было мое удивленіе, когда прочитавъ эти листки, я увидѣлъ, что это были отрывки статей объ исторіи, торговлѣ, механикѣ, управленіи и др. важныхъ предметахъ; и все это написано отличнымъ слогомъ, глубоко обдумано и, можно даже сказать, ни мало, не уступало книгамъ, одобреннымъ господиномъ Фрейсинусомъ. Я сталъ совершенно втупикъ. Прочитавъ еще шесть или семь разъ вновь приносимые листки, я отправился, наконецъ, самъ, въ четвергъ утромъ, къ Клоделю, находившемуся какъ разъ въ это время въ лавкѣ и занятому продажею патоки.

— Г. Клодель,—сказалъ я ему, показывая извѣстную мнѣ бумажку, — ради Бога, скажите мнѣ, откуда это у васъ? Вотъ ужъ шесть недѣль, какъ жена приноситъ домой покупки, завернутыя вами въ такую бумагу. Это ужасно, г. Клодель, мнѣ очень это жаль.

— Аа!—сказалъ онъ, взглянувъ на листикъ и ставя на прилавокъ кружку, — я знаю, что это такое: это изъ библіотеки

г. Лефевра, прежняго мирового судьи, дѣда гг. Жака и Жана Ранцо; онъ умеръ прошлымъ лѣтомъ. У него было много старья; послѣ смерти его была распродажа; я пошелъ туда, желая выбрать себѣ что-нибудь подходящее, и вотъ купилъ себѣ нѣсколько сотъ килограммовъ негодныхъ книгъ, по 2 су за фунтъ.

Сказавъ это, онъ самодовольно засмѣялся.

— И вы ихъ рѣжете, эти книги!—проговорилъ я, съ негодованіемъ разведя руками.

— Ахъ, Господи, да конечно! — отвѣчалъ онъ. — Я вѣдь ихъ и купилъ для обертки. Не случись въ это время этого странствующаго торговца, который проходитъ тутъ каждый годъ, я бы получилъ все это за полъ-цѣны. Онъ былъ, какъ нарочно, въ Сенъ-Киринѣ, и тоже захотѣлъ этихъ книгъ; такой плутъ! Вотъ и пришлось ихъ раздѣлить между тремя: бакалейнымъ торговцемъ Клеренвалемъ изъ Абрешевиля, имъ, и мною. Я потерялъ изъ-за этого торговца по крайней мѣрѣ 50 франковъ. Впрочемъ онъ мнѣ ихъ заплатитъ! Я бы хотѣлъ знать, г. Флорансъ, могутъ-ли бакалейные торговцы съ такимъ патентомъ, какъ у меня, запретить подобнымъ плутамъ ходить въ нашу деревню?

— Право не знаю, — отвѣчалъ я изумленный. — Но, неужели братья Ранцо продали вамъ это на вѣсъ? И ничего не оставить себѣ изъ библіотеки своего дѣда, этого ученаго человѣка! Да вѣдь онъ былъ одинъ изъ тѣхъ буржуа, которые знаютъ толкъ въ этомъ. Они ничего не оставили себѣ?!

— Ничего! Четыре тысячи книгъ пошли въ продажу! Позвольте, впрочемъ, мнѣ помнится, что г. Жанъ оставилъ у себя сводъ гражданскихъ законовъ, а г. Жакъ взялъ исторію графовъ Дабо, древнихъ властителей страны. Я купилъ себѣ еще сборникъ старыхъ пѣсенокъ; вы понимаете какихъ?—сказалъ онъ, подмигивая мнѣ,—шуточки пастушковъ и пастушекъ; но только имъ далеко до Беранже, ха, ха!

Онъ сладко засмѣялся, раскрывая чуть не до ушей свой огромный ротъ.

— Но что-жъ вы не войдете ко мнѣ, г. Флорансъ, въ лавкѣ холодно; теперь же никого нѣтъ, и намъ будетъ удобнѣе подвинуться поближе къ печкѣ.

— Благодарю, — отвѣчалъ я. — мнѣ не холодно. Послу-

шайте, г. Клодель, не покажете-ли вы мнѣ книги, которыя еще остались у васъ?

— Отчего же нѣтъ? Жанъ-Батистъ, а Жанъ-Батистъ! — закричалъ онъ.

На зовъ его явился тупой малый, съ постоянно разинутымъ ртомъ и съ выраженіемъ лица, еще глупѣйшимъ, чѣмъ у его хозяина.

— Жанъ, проводи г. Флоранса на чердакъ, онъ хочетъ посмотрѣть наши старыя бумаги. Да открой тамъ слуховое окошко, чтобъ было посвѣтлѣе. Слышишь?

— Да, сударь, — отвѣчалъ мальчикъ.

Онъ сталъ подыматься по лѣстницѣ, тяжело сопя носомъ; я послѣдовалъ за нимъ. Невеселыя мысли бродили у меня въ головѣ: «Все распродать!—думалъ я.—Вотъ и работайте до поту лица для подобныхъ потомковъ! Если бы старый судья могъ снова встать, онъ проклялъ бы ихъ до шестого колѣна!.. И послѣ этого посылать миссіонеровъ въ Китай, когда среди насъ существуютъ сотни тысячъ подобныхъ варваровъ, которые готовы бы были продать на вѣсъ, по два су за фунтъ, всѣ геніальныя произведенія человѣческаго ума, Бюффона, Кювье, Жюсье, Энциклопедію, да и всѣ европейскія библіотеки. Господи, господи, да гдѣ же это мы? А еще преподобные отцы іезуиты находятъ, что слишкомъ многіе умѣютъ читать».

Съ такими грустными мыслями дошелъ я до чердака. Жанъ-Батистъ отодвинулъ слуховое окошко, и я увидѣлъ въ углу, подъ самой кровлей, цѣлую груду однихъ переплетовъ, а самыя книги были разрѣзаны на одинаковые куски и аккуратно сложены столбиками.

У меня упало сердце; а такъ какъ на чердакѣ было очень холодно, и Жанъ-Батистъ начиналъ стучать зубами, то я поспѣшилъ сказать:

— Ну, пойдемъ назадъ... Довольно!.. Благодарствуй Жанъ! Поблагодари отъ меня твоего хозяина.

— Хорошо, г. Флорансъ, — отвѣчалъ мальчикъ.

Сойдя внизъ, я не зашелъ уже въ лавку, а прошелъ аллеей и отправился прямо домой.

VI.

Съ этого дня и до конца зимы, я только и занимался раздѣленіемъ на классы моихъ растеній и животныхъ. У меня еще

недоставало многихъ, свойственныхъ собственно нашей странѣ, и я обозначалъ заранѣе ихъ мѣста на картонѣ и въ гербаріумѣ. Оставалось только ихъ добыть, и я твердо рѣшилъ рубить деревья, безъ устали рыться въ верескѣ и долинѣ весною, чтобы пополнить свою коллекцію.

Въ это же время я, съ удовольствіемъ, замѣтилъ въ моихъ дѣтяхъ какъ бы наслѣдственную склонность къ естественнымъ наукамъ. Каждый вечеръ онѣ наблюдали за моею работою и помогали мнѣ расправлять сухіе листочки, никогда не ломая ихъ, что непремѣнно требуетъ осторожныхъ рукъ. При этомъ я давалъ имъ объясненія, конечно, понятныя ихъ возрасту, которыя они всегда внимательно выслушивали.

Маленькая Жюльета быстрѣе понимала, а Поль зато удерживалъ дольше въ памяти; онъ отлично запоминалъ предметы, что особенно зависитъ отъ размышленія. Жюльета же сразу усвоила себѣ всѣ названія, и могла отвѣтить ихъ всѣ по порядку. Это навело меня на мысль, что наука о природѣ самая пригодная для дѣтскаго возраста; тутъ они, играя постоянно въ поляхъ, въ саду, находятъ предметы для нихъ новые и потому затрогивающіе ихъ любопытство; а все, заученное въ это время, остается на всю жизнь. Какая другая наука была бы имъ такъ полезна и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятна?—размышлялъ я. Вѣдь всѣ другія естественныя науки: физика, химія, наконецъ, медицина, не берутъ ли свое начало изъ этой? Да и можно ли найти болѣе полезную и здравую пищу для ума?

Жена моя, въ это время, только и мечтала о своей коровѣ; она привела въ порядокъ нашъ хлѣвъ и устроила такъ, чтобы сѣно прямо падало съ чердака въ рѣшетку, устроенную для корма; однимъ словомъ, недоставало только виновницы всѣхъ этихъ заботъ — коровы, — такъ горячо желаемой Маріею-Анною.

Каждую среду, утромъ, она поджидала у кухоннаго окна прохода еврея Ильи. Завидѣвъ его, она опрометью бросалась въ столовую, радостно восклицая:

— Вотъ онъ! Идетъ! Онъ ужъ на концѣ нашей улицы.

И старый еврей, въ грязной блузѣ, подпоясанный веревкою, въ истертой барашковой шапочкѣ съ рябиновой палочкой съ кожанымъ наконечникомъ въ рукѣ, былъ принимаемъ, какъ какой-нибудь посланникъ. Марія-Анна бѣжала къ шкафу до-

ставать водку и булку; а еврей, между тѣмъ, усаживался на стулъ, съ наслажденіемъ суживая свои маленькіе, красные глазки.

— На этотъ разъ, г-жа Флорансъ, — говорилъ онъ, — я исполнилъ ваше дѣло.

Къ сожалѣнію, Марія-Анна требовала такъ много качествъ отъ своей коровы, что часто, когда я уже, по окончаніи утреннихъ занятій, сходилъ внизъ, я находилъ еще обоихъ на совѣщаніи.

Наконецъ, этотъ старый плутъ, который ужъ давно могъ бы привести намъ хорошую корову, по которому, конечно, не хотѣлось скоро разстаться съ даровымъ угощеніемъ, получаемымъ у насъ каждую среду, привелъ однажды утромъ большую и прекрасную корову, коричневаго цвѣта, съ двумя большими бѣлыми пятнами на лбу и съ большимъ выменемъ.

Марія-Анна замѣтила ее издали и была уже внизу. Стоя въ аллеѣ, она выражала свой восторгъ громкими восклицаніями, оставивъ въ эту минуту свою обычную осторожность и забывая, что Илья, замѣтивъ ея восхищеніе, запроситъ съ меня наличныя деньги. Но что же дѣлать? Мысль имѣть такую корову въ своемъ хлѣвѣ, водить ее черезъ всю деревню на водопой, лишила ее благоразумія.

— Флорансъ! Флорансъ!.. Поди сюда!—крикнула она мнѣ.

Я спустился и увидѣлъ черезъ дверь это прекрасное животное, которое еврей держалъ на веревкѣ привязанной къ рогамъ. Я провелъ ее немного. Не смотря на восклицанія и старанія жены вселить въ меня свой восторгъ, я тотчасъ же увидѣлъ, что этой коровѣ по крайней мѣрѣ лѣтъ 10, что она уже давно телилась и не могла давать свѣжее молоко, какъ въ этомъ увѣрялъ Илья. Но въ другихъ отношеніяхъ она была хороша и жирна; послѣднее, впрочемъ, составляетъ дурной признакъ; это значитъ, что кормъ служитъ не къ увеличенію качества молока, а только прибавляетъ жиръ.

Мое равнодушіе почти разсердило Марію-Анну.

— Ну, — нетерпѣливо сказала она, — говори же свое мнѣніе! Или, можетъ быть, тебѣ не нравится наша корова?

— Послушай, — сказалъ я, — мнѣ кажется, что для живописца, который желалъ бы написать прекрасную корову, пасущуюся на лугу, съ красивой головой, тонкими ногами и ве-

личественнымъ видомъ. эта корова какъ разъ годилась бы, такъ какъ она очень красива на видъ; но для фермера она не годится.

— Отчего это? — вскричала жена.

— Оттого, что для тѣхъ, которые хотятъ имѣть молоко, сливки, масло и сыръ, нужна корова совсѣмъ другого сложенія: надо, чтобы она имѣла большой, круглый животъ, толстое отвислое вымя и большую голову; чтобы бока выдавались, а ноги были бы не лоснящіеся и гладкія, но раздвоенныя и мягкія, такъ чтобы она ходила, какъ въ туфляхъ. Конечно, она не будетъ такъ красива, какъ корова прогуливающаяся на длинныхъ ногахъ, вытягивающая на ходу шею направо и налѣво, и красиво поворачивающая голову, чтобы почесать спину своими острыми рогами; да, она не будетъ красива, но зато болѣе полезна.

— Господи! — отвѣчала жена. — Ты говоришь такъ, какъ будто бы понимаешь что-нибудь въ скотинѣ. Эта корова отличная. Не слушайте его, Илья! Какъ можетъ онъ знать толкъ въ животныхъ, когда цѣлый день сидитъ въ своей школѣ.

— Я вижу очень хорошо, — сказалъ старый еврей, усмѣхаясь въ свою сѣдую бороду, что г. Флорансъ — не большой знатокъ въ коровахъ. Онъ вѣрно вычиталъ все это въ своихъ книгахъ.

— Именно тамъ, — отвѣчалъ я.

— Ге, ге! — началъ онъ, склонивши на бокъ голову и поглядывая на мою жену, которая тоже начала смѣяться. — Я такъ и зналъ... Право! Такъ и думалъ!.. Но я вамъ отвѣчаю за эту корову, г. Флорансъ. Ей не больше пяти лѣтъ и у нея очень свѣжее молоко, она даетъ по семи литровъ въ день. Да она, до сихъ поръ, еще ни разу не стояла въ такой чистой и провѣтренной конюшнѣ, какъ ваша; у нея не было хорошаго корма; за ней не было такого ухода, какой она будетъ имѣть у васъ.

— Конечно нѣтъ, увѣряю васъ,—вскричала Марія-Анна,— никогда ей не было такъ хорошо, какъ будетъ у насъ.

— Я это очень хорошо знаю, сударыня, — возразилъ Илья, — и вотъ потому-то я и думаю, что вмѣсто семи литровъ, она будетъ давать непремѣнно восемь. Я вамъ это говорю; я уже три года знаю эту прекрасную корову, и потому продаю вамъ на совѣсть. Ужъ я вамъ отвѣчаю за нее.

— Слышишь?—сказала жена.

— Слышу, слышу, — отвѣчалъ я, — и очень радъ, если г. Илья отвѣчаетъ за нее.

— Моею совѣстью,—подхватилъ еврей, прикладывая руку къ сердцу.

— Ну, такъ какъ онъ ручается, то мы пойдемъ составить маленькій актъ, дружески, безъ законнаго засвидѣтельствованія.

При этихъ словахъ жена страшно покраснѣла, какъ будто бы я сказалъ большую несправедливость старому еврею, сомнѣваясь въ его словѣ, а тотъ воскликнулъ:

— Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я продаю въ этой странѣ рогатый скотъ и никто, до сихъ поръ, не требовалъ отъ меня росписки.

— Ну, что-жъ, начало необходимо во всякомъ дѣлѣ, — сказалъ я.

— Ахъ, г. Илья, — вскричала жена съ смущеннымъ видомъ; вы знаете, что мой мужъ служитъ секретаремъ въ общинѣ, и потому очень любитъ писать...

— Да, сударыня, но это никогда не дѣлается, это противъ правилъ.

— Правило каждаго честнаго человѣка, — сказалъ я, — это обдѣлывать свои дѣла на чистоту. Я очень вѣрю, что корова такая, какъ вы говорите; такъ какъ вы въ этомъ увѣрены, то что вамъ стоитъ написать все это? Я вамъ сполна отсчитываю деньги, и вы хорошо видите, что онѣ содержатъ всѣ требуемыя качества... Ну, такъ напишите же всѣ достоинства коровы; мнѣ кажется, что это справедливо.

Ему нечего было больше возражать.

— Пожалуй, пойдемте, — сказалъ онъ, — но только это никогда не дѣлается.

Онъ привязалъ корову къ кольцу двери и пошелъ со мной наверхъ въ мой кабинетъ, гдѣ я написалъ подробно всѣ качества коровы: ея лѣта, когда телилась, сколько даетъ молока и т. д. Еврей, видя, что дѣлать нечего, подписалъ свое имя. Я отсчиталъ ему 120 франковъ за корову и 5 фр. за хлопоты, взамѣнъ чего онъ выдалъ мнѣ квитанцію.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ я ему, — это не заняло и десяти минутъ, а между тѣмъ все исполнено по правиламъ.

— Да, да, — отвѣчалъ онъ, стараясь прикрыть свое неудовольствіе добродушной миной, все по правиламъ. — Это, конечно, безполезно, но я сдѣлалъ это, чтобы васъ успокоить. Вы понимаете?

— Да я понимаю, и теперь совершенно споконъ, у каждаго есть свои привычки.

Жена, очень довольная, вынула изъ шкафа бутылку водки и наполнила два маленькіе стакана; Илья залпомъ опорожнилъ свой стаканъ и, взявъ изъ угла палку, распрощался съ нами. Я, жена и дѣти сошли за нимъ слѣдомъ. Корову отвели въ стойло, но она не стала ѣсть сѣна, которымъ была уже наполнена рѣшетка. Еврей увѣрилъ насъ, что она не ѣстъ теперь отъ усталости, но что скоро за него примется, и вечеромъ мы получимъ свои три съ половиной литра молока. Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю его обѣщаніямъ, и онъ ушелъ домой.

Марія-Анна была въ такомъ восхищеніи, что и не подумала больше упрекать меня въ томъ, что я сомнѣвался въ такомъ честномъ человѣкѣ, какъ еврей Илья.

Такъ какъ было время идти въ школу, то я съ дѣтьми туда и отправился. Въ этотъ вечеръ корова, дѣйствительно, дала намъ 4 литра молока, но это не убѣдило меня въ ея достоинствѣ, такъ какъ я зналъ, что всѣ евреи имѣютъ обыкновеніе совсѣмъ не доить корову, за два или за три дня до продажи, чтобы у нея было толстое вымя. Я сказалъ торжествующей женѣ, чтобы она погодила еще радоваться, и мы отправились спать. На другой день корова поѣла очень умѣренно и дала намъ только по два литра молока, утромъ и вечеромъ; такъ продолжалось восемь дней, несмотря на всѣ старанія жены, которая уже не говорила ни слова. Наконецъ, на восьмой день я написалъ Ильѣ, чтобы онъ пришелъ взять ее назадъ и привелъ бы намъ другую, которая давала бы намъ, по крайней мѣрѣ, семь литровъ, а что эта даетъ только четыре. Я просилъ его поспѣшить и сказалъ, что мы ждемъ его непремѣнно завтра.

На другой день онъ пришелъ, только безъ коровы. Осмотрѣвъ нашу корову, онъ продолжалъ восхвалять ее, какъ и прежде, но сказалъ, что она даетъ мало молока потому, что нехорошъ кормъ. Жена оставила насъ однихъ. Я сказалъ еврею, что нашъ кормъ наилучшій во всей странѣ; но что корова его

стара, телилась уже давно и очень истощена; что, впрочемъ, онъ зналъ, я думаю, лучше меня.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ, — сегодня вечеромъ, или завтра я приведу вамъ другую.

— Посмотримъ, приведите.

Дѣйствительно, на другой день онъ привелъ намъ другую, но еще старѣе первой, которая ѣла гораздо больше, а молока давала еще меньше той.

Марія-Анна была очень опечалена, а меня разбирала ужасная досада. Я снова написалъ Ильѣ, что если онъ будетъ водить меня за носъ и не приведетъ намъ молодой коровы съ хорошимъ молокомъ и со всѣми качествами, означенными въ контрактѣ, я буду принужденъ подать на него въ судъ, чтобы заставить его исполнить свои обѣщанія и, кромѣ того, возьму съ него вознагражденіе въ размѣрѣ той выгоды, которую мы могли бы получить, въ это время, съ нашей коровы. Я давалъ ему сроку только два дня, такъ какъ вовсе не желалъ, чтобы все наше сѣно было истреблено старыми, не приносящими намъ пользы, коровами.

Письмо было отослано, въ тотъ же день, и на другое же утро, часовъ въ десять, еврей былъ уже у насъ съ отличной, небольшой горной коровой, съ большой головой, длинными рогами, живыми глазами, съ большимъ животомъ, напоминавшимъ форму бочонка, толстымъ выменемъ и короткими, немного кривыми ногами.

Съ перваго взгляда я увидѣлъ, что это была добрая скотина, и съ улыбкой обратился къ Ильѣ:

— Наконецъ-то, г-нъ Илья, наконецъ-то; на этотъ разъ, у васъ, надѣюсь, будетъ легкая рука. Приходите дней черезъ пятнадцать, и если...

— Мнѣ не нужно будетъ снова приходить,—перебилъ онъ меня,—эта одна изъ лучшихъ горныхъ коровъ; вы никогда не захотите другой. Но, право, вы напрасно такъ писали ко мнѣ, г-нъ Флорансъ: вѣдь всякій человѣкъ можетъ обмануться или быть обманутымъ. Я всегда имѣлъ намѣреніе доставить вамъ хорошую корову; это была неудача съ моей стороны, вотъ и все.

— На этотъ разъ, наконецъ, вамъ удалось, и въ этомъ увѣренъ; съ постоянствомъ рано или поздно всегда достигаешь желаемаго,—сказалъ я.

Онъ отправился домой.

Мнѣ кажется, что мой маленькій актъ много способствовалъ нашей удачѣ. Если бы всѣ поселяне поступали какъ я, всѣ были бы принуждены всегда выполнять свои обѣщанія. Да къ тому же, кажется, не составляетъ никакого труда написать на клочкѣ бумаги условія и заставить внизу подписаться. Но, къ сожалѣнію, это не всегда возможно, для этого, разумѣется, надо умѣть писать, а преподобные отцы іезуиты, одни желающіе разумѣть искусство писать, проповѣдуютъ, что не надо посылать дѣтей въ школу, и вообще заботиться о земныхъ благахъ; евреи же, какъ и множество другихъ, пользуются этимъ.

Приведенная Ильею корова принялась тотчасъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ; на другое утро она дала три съ половиной литра густого молока, вечеромъ столько же, и такъ продолжалось много лѣтъ сряду. Жена моя, вполнѣ теперь понявшая, что я былъ совершенно правъ, взявъ съ еврея росписку, сдѣлалась еще покорнѣе, если это только возможно.

Она ничего теперь не дѣлала безъ моего совѣта. Удовольствіе имѣть свое масло, молоко, сыръ, вмѣсто того, чтобы доставать все это у сосѣдей, дѣлало ее совершенно счастливою. Можно съ увѣренностью сказать, что даже въ такихъ маленькихъ хозяйствахъ, какъ наше, нѣтъ ничего полезнѣе хорошей коровы; кромѣ молока, она доставляетъ еще отличное удобреніе для земли.

VII.

Я не знаю право, можно ли быть болѣе счастливымъ на землѣ, какъ я былъ въ то время, особенно, когда опять возвратились теплые дни, и я могъ совершать каждый четвергъ прогулки, вдвоемъ съ моимъ маленькимъ Полемъ. Мнѣ доставляло истинное наслажденіе смотрѣть, какъ мой мальчикъ, совершенно темный отъ загара, прыгалъ, какъ молодой козленокъ, въ высокомъ верескѣ и, найдя какое-нибудь растеніе, бѣжалъ мнѣ его показывать: «Папа,—кричалъ онъ,—вотъ, посмотри, какой большой Hircus sylvestris! А вотъ прекрасная, сѣрая Lucíole Липнея! Открывай скорѣе твой ящикъ... Мы сегодня сдѣлали славный сборъ.»—И онъ былъ еще кажется счастливѣе меня.

Впрочемъ, этотъ годъ оказался счастливымъ и для всего

населенія; былъ большой урожай пшеницы и овса; съ долинъ собрали очень много сѣна, также отлично уродился и картофель.

Община также наслаждалась бы совершеннымъ миромъ и благосостояніемъ, если бы не эти несчастные братья Ралпо, которые никакъ не могли помириться. Тутъ еще, напротивъ, случилось обстоятельство, усилившее ихъ ненависть. Осенью, возвратились домой на каникулы ихъ дѣти, одинъ изъ Фальсбурга, другая—изъ Мольсгейма, и на другой же день въ деревнѣ стало извѣстно, что М-lle Луиза привезла полученныя ею всѣ награды своего класса, а Жоржъ возвратился изъ своей коллегіи съ пустыми руками. Къ сожалѣнію это была правда, и это было мнѣ тѣмъ болѣе прискорбно, что я любилъ равно обоихъ дѣтей и хорошо понималъ, что это должно было усилить ненависть родителей.

Большая толпа сосѣдскихъ кумушекъ, которыя никогда не работаютъ, а цѣлый Божій день проводятъ вмѣстѣ, неутомимо работая языками, потянулась вереницей къ г-ну Жану, посмотрѣть прекрасныя книги и другія награды Луизы.

Теперь только и было разговору, что объ этомъ. Старый Жанъ, польщенный въ своей гордости, говорилъ своимъ посѣтителямъ: «Вотъ, посмотрите, онѣ лежатъ на комодѣ».

Иногда онъ приподымалъ занавѣску окна и, самодовольно улыбаясь, старался разсмотрѣть, что дѣлается у брата; но дверь послѣдняго была все время заперта. Никто не зналъ, что тамъ происходитъ, но всякій понималъ, что г-нъ Жакъ, конечно, не могъ быть доволенъ.

Жена моя тоже хотѣла сбѣгать къ мэру, но я предостерегъ ее, сказавъ, что нехорошо тотчасъ же бѣжать къ людямъ, которые получили какую-нибудь радость; во-вторыхъ, что мнѣ это не нравится, такъ какъ г-нъ Жакъ никогда бы не простилъ намъ этого.

Впрочемъ, по наружности все было спокойно. Черезъ два дня насъ посѣтила Луиза; она была очень весела и радостно разсказывала о добротѣ настоятельницы, о добрыхъ совѣтахъ сестры Пласиды и т. д., о восхищеніи и гордости отца, когда она была награждаемаго пять разъ сряду, въ присутствіи лучшаго общества Альзаса и Вогезовъ. Я былъ очень счастливъ за нее, потому что это была дѣйствительно прелестная молодая дѣвушка, и одна изъ моихъ ученицъ, которою я могъ вполнѣ гор-

диться. Но я былъ глубоко огорченъ, когда на мой вопросъ, счастливъ ли также ея кузенъ, она, смѣясь, покачала головкой и сказала: «Онъ ничего не получилъ, г-нъ Флорансъ, ровно ничего». Однако, на этотъ разъ, я не сдѣлалъ ей ни одного упрека. Жена съ любопытствомъ разсматривала ея прекрасныя книги со множествомъ изображеній Святыхъ. Я, между тѣмъ, задумчиво прохаживался по комнатѣ, какъ вдругъ увидѣлъ на улицѣ Жоржа, съ поникнутой головой, направлявшагося прямо къ намъ; на немъ былъ его маленькій мундиръ, съ свѣтло-голубымъ воротникомъ.

— Очень хорошо, Луиза,—поспѣшилъ сказать я дѣвушкѣ,—твои успѣхи очень радуютъ меня; но теперь ко мнѣ кто-то пришелъ, я долженъ идти къ нему. И я сошелъ внизъ, оставивъ ее съ женой. Жоржъ ожидалъ меня въ аллеѣ; я обнялъ его отъ чистаго сердца, тѣмъ болѣе, что онъ былъ печаленъ и блѣденъ.

— Пойдемъ въ садъ,—сказалъ я ему,—тамъ подъ тѣнью яблони, намъ будетъ удобнѣе поболтать однимъ.

И мы отправились.

Когда я спросилъ его, дѣйствительно ли онъ ничего не получилъ, бѣдный мальчикъ залился слезами, что меня несказанно тронуло.

— Но какъ же могло случиться это?—спросилъ я.—Вѣдь у тебя есть способности, ты постоянно доставлялъ мнѣ удовольствіе своими успѣхами; я положительно не понимаю, какъ ты ничего не заслужилъ.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—я попалъ къ взрослымъ, они уже цѣлый годъ до меня занимались латынью.

— Такъ ты и не могъ ихъ догнать?

— Нѣтъ, они уже были сильны въ ней.

Мнѣ кажется, что это большая ошибка, въ одинъ и тотъ же классъ принимать дѣтей не одинаковыхъ лѣтъ; большіе только теряютъ время, а маленькіе не могутъ никакъ ихъ догнать, и это отбиваетъ у нихъ охоту къ ученью.

— Ну, это ничего не значитъ,—утѣшалъ я Жоржа,—ты догонишь ихъ на будущій годъ. Правда, твоя кузина получила награды, но вѣдь въ пансіонахъ почти что всѣмъ даютъ ихъ,

чтобы только привлечь больше учениць; въ коллегіяхъ совсѣмъ другое дѣло. Итакъ не отчаявайся! Твой отецъ, я думаю, очень упрекалъ тебя?

— О, да! Онъ очень сердился!.. Къ счастью, еще, при проѣздѣ черезъ Лютсельбургъ, за меня заступилась моя тетка Катерина; она говорила отцу то же самое, что и вы говорите теперь.

— Твоя тетка честная, благоразумная женщина,—сказалъ я,—она очень хорошо поступила, успокоивши гнѣвъ твоего отца, потому что онъ несправедливъ. Всѣ эти награды ничего не значатъ, такъ какъ самымъ лѣнивымъ иногда способствуетъ счастье, а другіе, болѣе прилежные, попадаютъ на неудачу; но во всемъ надо видѣть конецъ. Повторяю еще разъ. Жоржъ, тебѣ не посчастливилось; я знаю тебя хорошо и увѣренъ, что ты сдѣлалъ все, что было въ твоихъ силахъ.

— Да, г-нъ Флорансъ.

— Ну, вотъ видишь ли, а это главное; всему остальному я не придаю большаго значенія; сколькимъ лѣнтяямъ служитъ счастье!—говорилъ я всячески стараясь его успокоить.

— Благодарю васъ, г-нъ Флорансъ,—сказалъ онъ,—я васъ очень, очень люблю. Не согласитесь ли вы давать мнѣ уроки на этихъ каникулахъ?

— Но развѣ ты не хочешь теперь отдохнуть и позабавиться?

— Нѣтъ, я долженъ работать; мнѣ хочется въ будущемъ году непремѣнно получить столько же наградъ, какъ и Лунза.

Это рѣшеніе увеличило мое доброе мнѣніе о немъ, и я отвѣчалъ:

— Хорошо, приходи ко мнѣ каждый вечеръ послѣ семи часовъ, мы вмѣстѣ прейдемъ ариѳметику и начала геометріи. Я, конечно, не могу тебѣ преподавать латынь, потому что самъ не знаю ни одного слова, но что касается до исторіи, геометріи и грамматики, ты можешь разсчитывать на меня; я постараюсь тебѣ помочь.

— Вы очень добры,—сказалъ онъ.—Мнѣ не нужно вѣдь говорить съ вами о цѣнѣ за уроки?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я люблю когда трудятся.

— Ахъ! Мой отецъ будетъ очень радъ... Вамъ надо только спросить у него...

— Ужъ я все сдѣлаю, Жоржъ, не безпокойся объ этомъ;

чѣмъ чаще ты будешь приходить, тѣмъ доставишь мнѣ больше удовольствія.

Онъ еще разъ расцѣловалъ меня и ушелъ, говоря, что пойдетъ теперь къ пастору просить его заниматься съ нимъ латынью. Я былъ тронутъ его горемъ, хорошо понимая, что это не его вина, такъ какъ его помѣстили наряду съ большими, которыхъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ, понятно, не могъ догнать; притомъ мнѣ очень нравилась его энергія.

На другой день онъ началъ свои занятія, утромъ у пастора, вечеромъ у меня. Я никогда не видалъ, чтобы ребенокъ могъ заниматься съ такой охотой; каждый день онъ дѣлалъ замѣчательные успѣхи... Удивительно право, что можетъ сдѣлать твердая воля. Мои опасенія насчетъ гнѣва г-на Жака незамедлили сбыться. Въ одно прекрасное утро всѣ его должники, жены которыхъ имѣли неосторожность ходить смотрѣть награды Луизы, получили приказаніе заплатить ему долги въ двадцать четыре часа. Число такихъ несчастливцевъ было немалое. Всѣ бросились умолять г-на Жака подождать, пока они сожнутъ рожь и выдергаютъ картофель, но онъ, съ своимъ горбатымъ носомъ и растрепанной бородой, прохаживался взадъ и впередъ, съ заложенными назадъ руками, и на всѣ ихъ просьбы отвѣчалъ: «Заплатите... мнѣ нужны деньги... Если не будетъ выплачено въ восемь дней, я позову экзекутора изъ Вогезовъ».

Всѣ возвращались отъ него въ отчаяніи.

Услышавъ объ этихъ вещахъ, я только взглянулъ на Марію-Анну; она поняла, что я поступилъ какъ нельзя благоразумнѣе, не позволивъ ей идти къ г-ну Жаку, и что лучше всего держаться въ сторонѣ отъ такихъ опасныхъ характеровъ.

Г-нъ Жакъ зашелъ такъ далеко въ своемъ гнѣвѣ, что даже отказалъ менѣе чѣмъ въ пятнадцать дней многимъ дровосѣкамъ, работавшимъ уже давно въ его лѣсахъ.

— Вотъ вамъ жалованье,—сказалъ онъ имъ,—вы можете теперь искать себѣ другую работу.

— Но за что же это, г-нъ Ранцо?—въ недоумѣніи спрашивали они.

— Я не намѣренъ входить съ вами въ объясненія.

— Но ради Бога! Гдѣ же мы найдемъ теперь работу?

— Пойдите къ г-ну Жану; онъ, можетъ быть, дастъ вамъ ее.

Несчастные поняли, откуда пришла на нихъ эта напасть; въ тотъ же день, возвратясь домой, разъяренные отъ неудачи, они до полусмерти избили своихъ женъ; по деревнѣ долго слышались крики, вылетавшіе изъ стѣнъ жилищъ.

Эта мѣра, повидимому, удовлетворила г-на Жака, потому что дня черезъ три или четыре онъ объявилъ этимъ людямъ, что снова беретъ ихъ на работу. Но ихъ несчастныя жены, насчитывавшія на своемъ тѣлѣ безчисленное множество синяковъ, не пожелали бы, я думаю, еще когда-либо пойти посмотрѣть награды Луизы.

Г-нъ Жанъ, знавшій, отчего это происходитъ, принялъ къ себѣ на работу несчастныхъ, отвергнутыхъ его братомъ, а Жакъ далъ съ этихъ поръ себѣ зарокъ, никогда не одолжать денегъ тѣмъ, кто не послѣдовалъ примѣру его дровосѣковъ. «Идите къ г-ну Жану,—говорилъ онъ имъ,—у него есть для васъ деньги. Я былъ бы очень глупъ, еслибъ сталъ одолжать своихъ враговъ... Идите, идите!..

За нѣсколько дней до окончанія каникулъ я встрѣтилъ его съ метромъ въ рукѣ, идущаго на рубку. Онъ раскланялся со мной и освѣдомился объ успѣхахъ его сына.

— Онъ идетъ очень хорошо, г-нъ Жакъ,—отвѣчалъ я,—это свѣтлая голова; съ его мужествомъ, постоянствомъ и способностями онъ непремѣнно пробьетъ себѣ дорогу.

— Вы такъ думаете, г-нъ Флорансъ?

— Я въ этомъ увѣренъ! Это ничего не значитъ, что онъ не получилъ награды. Жоржъ учился съ мальчиками четырнадцати и пятнадцати лѣтъ; какъ же вы хотите, чтобы онъ равнялся съ ними въ ученьи? Это совершенно невозможно. Если вы желаете, чтобы онъ непремѣнно получалъ награды, то оставьте его на два года въ одномъ классѣ; въ такомъ случаѣ онъ, конечно, возвысится надъ младшими себя, но только не сдѣлаетъ никакихъ успѣховъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы совершенно правы, г-нъ Флорансъ,—вскричалъ онъ,—мнѣ вовсе не нужны награды, я хочу только, чтобы мой сынъ шелъ впередъ и выучился чему-нибудь.

Онъ уже прошелъ мимо меня, какъ вдругъ опять обернулся и сказалъ:

— Г-нъ Флорансъ.

Я подошелъ.

— Кстати,—сказалъ онъ,—вы знаете, что за уроки вамъ слѣдуетъ по двадцати франковъ въ мѣсяцъ?

— О, г-нъ Жакъ, мнѣ ничего не нужно; я даю уроки Жоржу изъ дружбы къ нему.

— Все это прекрасно, я это уже слышалъ... Вы честный человѣкъ, ученый, любите моего сына; тѣмъ болѣе причинъ заплатить вамъ какъ слѣдуетъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку; каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ своей рукѣ двѣ двадцати-франковыхъ монеты, вещь, тогда довольно рѣдкая въ нашихъ деревняхъ.

— Это не все, — сказалъ онъ; — если когда-нибудь вы будете въ чемъ-нибудь нуждаться, г-нъ Флорансъ, смѣло обращайтесь ко мнѣ. До свиданья.

И онъ поспѣшно ушелъ, не давъ мнѣ времени его поблагодарить.

Марія-Анна, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же перешла на сторону г-на Жака, говоря, что онъ гораздо лучше брата и, по крайней мѣрѣ, вдвое богаче его.

— Это до насъ не касается,—отвѣчалъ я.—Вотъ возьми, положи эти деньги въ коробку на дно шкафа; у насъ теперь есть, чѣмъ заплатить за картофель на всю зиму; это пріятно. Однако, поудержимъ нашъ языкъ, потому что г. Жанъ — меръ общины, и если бы онъ узналъ, что ты думаешь, что онъ не такъ богатъ и великодушенъ, какъ его братъ, то непремѣнно лишилъ бы меня мѣста.

Она меня поняла и замолчала, довольствуясь весь вечеръ пряденьемъ и вязаньемъ, пока я давалъ урокъ Жоржу. Это все, что она могла сдѣлать лучшаго.

Скоро каникулы кончились, Жоржъ уѣхалъ въ коллегію, а Луиза—въ Мольгеймскій пансіонъ. Потомъ опять наступила зима, и очень жестокая. Это было въ 1829-мъ году; никто не запоминалъ подобной зимы съ 1812 года, со времени отступленія изъ Россіи. Вино замерзало въ погребахъ, вода въ сосудахъ тоже обращалась въ льдины; а послѣ было еще холоднѣе. Къ счастью, урожай былъ хорошъ, и всякій запирался въ своемъ домѣ; но, несмотря на это, много людей померло, старыхъ и молодыхъ; они чувствовали колотье въ боку и начинали харкать кровью: а такъ какъ, по дурной привычкѣ крестьянъ, за врачемъ посылали только при послѣд-

немъ издыханіи, то онъ приходилъ всегда слишкомъ поздно, и люди умирали.

Этою же болѣзнью умерла въ концѣ декабря и г-жа Пикетъ, урожденная Ранцо, сестра Жана и Жака, восхитительная особа; ее во всей странѣ называли: «добрая госпожа Катерина», и всѣ ее любили. Она умерла въ Лютсельбургѣ, въ срединѣ зимы. Услышавъ о ея смерти, вся наша деревня была неутѣшна.

Очень многіе отправились на ея похороны; и я никогда не забуду, какъ вечеромъ, послѣ моего урока, будучи позванъ къ мэру, я нашелъ г. Жана, спрятавшаго свою горячую голову въ большую книгу: этотъ жестокій человѣкъ плакалъ, какъ дитя; онъ рыдалъ, и я слышалъ, какъ онъ тихо восклицалъ:

— О, бѣдная Катерина... Бѣдная сестра... Боже мой... Боже мой... Я болѣе не увижу тебя... Кончено!

Онъ вздыхалъ такъ горько, что мнѣ показалось, какъ-будто у меня вырвали сердце, такъ-такъ я тоже любилъ эту женщину; я сѣлъ на свое обычное мѣсто, думая: и этотъ человѣкъ, однако, добръ... Онъ любилъ свою сестру!

Молчаніе продолжалось минутъ пять; огонь громко трещалъ въ большомъ каминѣ; наконецъ, г. Жанъ, поднявшись и обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Г-нъ Флорансъ, я позвалъ васъ, какъ друга дома и секретаря мэра, чтобы вы вникнули на этотъ разъ со мной въ тѣ печальныя обстоятельства, въ которыхъ мы находимся. — Необходимо, чтобы почетные люди изъ деревни прибыли на печальную церемонію, поэтому я избираю васъ. — Хотите-ли сдѣлать мнѣ это удовольствіе?

— Г-нъ мэръ, — сказалъ я ему, — я считаю за большую честь сопровождать васъ, да и кромѣ того, я долженъ отдать эту дань уваженія въ память особы, о которой всегда будутъ жалѣть всѣ, кто ее зналъ.

— Это хорошо, — отвѣтилъ онъ, — я зналъ, что вы не откажете. Итакъ, завтра утромъ, мы отправимся вмѣстѣ на моихъ саняхъ. Есть-ли у васъ хорошій плащъ?

— Да, г-нъ мэръ.

— Не забудьте его, потому что довольно холодно; у насъ

также будетъ для ногъ двѣ овечьихъ шкуры. Такъ вы уже слышали: завтра, въ шесть часовъ утра.

— Да, непремѣнно.

Тогда онъ пожалъ мнѣ обѣ руки и сказалъ, снова принимаясь вздыхать:

— Благодарю!.. О, моя бѣдная Луиза, что скажешь ты, услыша объ этомъ несчастьи?.. Тетка такая честная... Такая добрая... Такая божественная женщина!.. А подлецы остаются на свѣтѣ... Да, они остаются...Только добрые умираютъ!

Онъ думалъ о своемъ братѣ Жакѣ; такъ какъ дурныя побужденія брали въ немъ верхъ, и я видѣлъ, что онъ хочетъ разсказать мнѣ болѣе, чѣмъ я долженъ былъ знать, въ чемъ онъ самъ тотчасъ бы раскаялся, то я перебилъ его, сказавъ:

— Г-нъ мэръ, ужъ около семи часовъ, моя жена ждетъ меня ужинать...

— Идите, Флорансъ, — сказалъ онъ, — идите; я-же послѣ этого несчастья не знаю болѣе, куда идти.

Онъ сѣлъ лицомъ къ печкѣ, бросивъ туда толстое полѣно, и я вышелъ.

Пришедши домой, я сообщилъ Маріи-Аннѣ, что г. Жанъ проситъ меня сопутствовать ему на другой день въ Люксельбургъ. Мы поужинали молча. Дѣти пошли спать; я-же, зная, что нужно отправиться рано, вынулъ изъ шкафа свое праздничное платье, бѣлую рубашку, шерстяные чулки, войлокъ и плащъ. Марія-Анна помогала мнѣ. дѣти-же крѣпко спали, покрывшись съ головой одѣялами. Наконецъ, когда платье было вынуто и положено въ порядкѣ на стулъ, мы легли спать, поговоривъ нѣсколько времени о холодѣ, бывшемъ во время дня, и о предосторожностяхъ противъ него. Я еще спалъ, когда звонъ бубенчиковъ на улицѣ разбудилъ меня. Я вскочилъ съ постели, полагая, что это сани г-на Жана; но шумъ удалялся, и я догадался, что это бубенчики г. Жака, что, однако, не помѣшало мнѣ тотчасъ же одѣться, засвѣтивши предварительно свѣчку. Не прошло и четверти часа, какъ я услышалъ. какъ прибыли сани г. Жана; я выглянулъ въ окно.

— Это вы, г. мэръ?

— Да! Не забудьте чего-нибудь.

Я живо собрался, посовѣтовавъ женѣ затушить свѣчу, такъ какъ она спала еще обыкновенно около часа. Потомъ,

поднявъ воротникъ плаща, я сошелъ въ темныя сѣни и вышелъ на улицу.

— Садитесь сюда,—сказалъ г. Жанъ, указывая мнѣ мѣсто возлѣ себя,—и хорошенько покройте ноги этой овечьей шкурой.

Я исполнилъ его совѣтъ, и лошади тронули рысью по снѣгу, съ монотоннымъ звономъ бубенчиковъ. Г. Жанъ правилъ, держа кнутъ и возжи въ лисьихъ рукавицахъ, доходившихъ ему до локтей.

Лошади также были покрыты овечьими шкурами. Только и видна была бѣлая полоса дороги; далеко, очень далеко слышались бубенчики г. Жана; темныя крыши обрисовывались на фонѣ неба; блѣдный день начинался за линіей горъ. Отъ времени до времени одна изъ лошадей, живѣе другихъ поднимала голову, испуская отрывистое ржанье, какъ-бы для того, чтобъ ободрить своего товарища, бѣжавшаго рысью размѣренными шагами.

Спрятавши носъ и уши въ воротники плащей, мы не имѣли никакой охоты разговаривать.

Спустя около двухъ часовъ, приближаясь къ лѣсной гостиницѣ Бурдоннэ, мы увидѣли нѣсколькихъ крестьянъ изъ Дабо, мужчинъ и женщинъ, въ ихъ большихъ голубыхъ одеждахъ съ рукавами незапамятныхъ временъ, въ пелеринкахъ, съ капишонами, поднятыми на шапки; всѣ они также отправлялись на похороны; они медленно подвигались по краю дороги, идя гуськомъ по тропинкѣ, проложенной въ снѣгу. — Это показывало, какимъ уваженіемъ пользовалась госпожа Трикотъ, чтобы заставить этихъ людей придти издалека, при такомъ страшномъ холодѣ, для присутствія при погребеніи; да, это былъ большой знакъ почтенія и скорби. Они оборачивались при нашемъ приближеніи и, узнавъ г. Жана Ранцо, снимали молча свои большія шляпы.

Мы имъ отвѣчали тѣмъ-же.

Наконецъ, въ половинѣ десятаго, мы пріѣхали къ повороту долины; и нашимъ глазамъ представились маленькіе домики по берегу рѣки, покрытой льдомъ, старая остроконечная колокольня и развалины древняго замка.

Тогда г. Жанъ произнесъ глухимъ голосомъ свои первыя слова:

— Вотъ!.. Вотъ домъ Катерины!

И онъ показалъ концомъ своего кнута, не далеко отъ церкви, на гористую улицу, уже наполненную народомъ.

Съѣхавъ съ маленькаго мостика, мы прямо подкатили къ дверямъ дома, гдѣ находился гробъ, обитый бѣлымъ сукномъ, посреди восковыхъ свѣчей. Всѣ жители Лютсельбурга и пришедшіе изъ другихъ мѣстъ молча подходили бросить по нѣсколько капель святой воды на гробъ, и потомъ сходили внизъ въ большой залъ.

Лакей тотчасъ вышелъ принять возжи и кнутъ изъ рукъ г. Жана, который болѣе не заботился о лошадяхъ и направился въ домъ.—Проходя, онъ смотрѣлъ только на гробъ, поднявъ обѣ руки, сжимая голову руками и вскрикивая:

— О, Боже мой!.. Боже мой!..

Я покропилъ святой водой и послѣдовалъ за нимъ. Большіе столы были поставлены внизу, до самой кухни, съ безчисленнымъ множествомъ тарелокъ, возлѣ которыхъ стояли стаканы и бутылки вина. Пять или шесть старыхъ знакомыхъ подошли обнять г. Жана; почти тотчасъ-же, какъ мы пріѣхали, въ долинѣ начали звонить колокола; звонъ этотъ такъ печаленъ, что каждый съ грустью вспоминаетъ, что онъ слышалъ его при большой печали о вѣчной разлукѣ. Смерть уходила: она уже собиралась покинуть этотъ старый домъ, гдѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ бѣдная женщина дѣлала столько добра. Рыданія раздавались со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ, какъ колокола плавно звонили одинъ послѣ другого, какъ-бы плача вмѣстѣ съ скорбящими.

Вскорѣ пришелъ священникъ съ своими пѣвчими.

Начали приготовляться; самые близкіе родственники помѣстились за гробомъ; это были г. Пикотъ, мужъ покойной, въ невыразимомъ отчаяніи, и потомъ два ея брата, Жанъ и Жакъ Ранцо. Они не глядѣли другъ на друга, держа оба одну руку у лица, а въ другой большую шляпу; и когда первыя молитвы были кончены и пѣвчіе тронулись, носильщики подняли гробъ.

Отправились въ дорогу.

Я былъ однимъ изъ первыхъ; это все, что мнѣ вспоминается, такъ какъ во время церемоніи оба брата, идя одинъ возлѣ другого, ни разу не посмотрѣли и не сказали ничего другъ другу, что привело меня въ сильное смущеніе.

Я обращалъ вниманіе только на это обстоятельство и по-

тому едва и припоминаю, сколько было отслужено обѣдней съ пѣніемъ и безъ пѣнія.

Гробъ поставили въ среднее помѣщеніе посреди большихъ свѣчей въ деревянныхъ канделябрахъ и шести череповъ, означающихъ нашу печальную участь для всѣхъ безъ исключенія; обѣдни и пѣніе продолжались: въ церкви было холодно, окна побѣлѣли, толпа была многочисленна, а я видѣлъ только Жана и Жака, то падающихъ на колѣни, то встающихъ съ полу.

Наконецъ, вышли; земля кладбища позади церкви была сплошь покрыта льдомъ.

«De Profundis» началось, — и поднялся громкій шопотъ, люди молились... Начали спѣшить. Всѣ дрожали отъ холода: и только тогда, когда могильщикъ съ помощникомъ протянули веревки, гробъ началъ опускаться, веревки были выдернуты, и большіе комки земли, твердые какъ камень, стали падать съ глухимъ шумомъ, — только тогда оба брата посмотрѣли другъ на друга какъ испуганные, но не сказали ничего.

Нѣсколько родственниковъ, стоявшихъ около нихъ и бѣдного г. Пикотъ, увели ихъ; мы всѣ послѣдовали въ безпорядкѣ. Приглашенные вошли въ домъ; многіе же, которыхъ и не приглашали, послѣдовали также за ними и усѣлись вокругъ столовъ, гдѣ записные ѣдоки изъ всей страны, предъ жирными супами, огромными четвертями быковъ, предъ кушаньями изъ свиного сала, цвѣтной капусты и сосисекъ, начинали ѣсть по мѣрѣ своей привычки, не заботясь объ остальномъ. Ужасная вещь: оба брата были посажены одинъ возлѣ другого на концѣ большого стола. Они ничего не ѣли.

Только г. Жакъ изрѣдка пилъ понемногу вина и оставался пасмурнымъ, опустивъ глаза.

Жанъ, скрестивши руки, смотрѣлъ въ тарелку; казалось, что онъ ничего не видитъ.

Трое или четверо старыхъ друзей тихо между собой разговаривали; только и слышно было стуканье стакановъ и вилокъ, какъ вдругъ г. Пикотъ, этотъ добрый человѣкъ, весь красный, съ глазами, полными слезъ, сказалъ:

— Жанъ!.. Жакъ!.. Вы потеряли свою сестру, которую такъ любили!.. Если бы она могла васъ примирить, бѣдная душа, это было бы для нея самымъ большимъ утѣшеніемъ въ

этой жизни и счастьемъ въ будущей! До послѣдней минуты она только и говорила о васъ... Она хотѣла видѣть васъ вмѣстѣ у своей постели, рука въ руку, какъ двухъ добрыхъ братьевъ... Она васъ звала!.. Развѣ вы не захотите обняться въ память Катерины?.. Всѣ ваши старые друзья, которые присутствуютъ здѣсь, были бы очень довольны; и мы были бы немного утѣшены въ настоящей печали... Ну-же Жакъ... Жанъ... Катерина васъ проситъ объ этомъ, и я, вашъ братъ, и всѣ мы!..

Онъ протянулъ имъ руки; многіе рыдали!..

И въ то же время оба брата поднялись; они цѣловались, сжавши другъ друга въ объятіяхъ и вздыхая ужаснымъ образомъ.

Тогда всѣ ѣдоки и пьяницы, съ набитыми ртами и желудками, принялись стучать ногами и хлопать въ ладоши, крича:

— Въ добрый часъ!.. Въ добрый часъ!.. Поцѣлуйтесь!.. Такъ, такъ!

Весь домъ дрожалъ; оба брата какъ бы пробудились отъ сна: они повернулись совсѣмъ блѣдные, смотря на этотъ гвалтъ.

Это было стыдомъ для дома умершей.

Подобныхъ пировъ негодяи ждутъ иной разъ пять или шесть лѣтъ, говоря: «Скоро такой-то или такая-то умрутъ, и мы можемъ повеселиться на счетъ наслѣдниковъ!..»

Эти пиры настоящее омерзѣніе; но что вы хотите,—это обычай очень древній.

Подъ конецъ досада Жака не могла удержаться, его большія брови нахмурились, и онъ сказалъ громовымъ голосомъ:

— Я ухожу!

Онъ хотѣлъ прибавить другое и закричать всѣмъ этимъ обжорамъ, чтобъ они замолчали; но, конечно, изъ уваженія къ честнымъ людямъ, онъ ничего не сказалъ и вышелъ.

Я былъ въ негодованіи противъ этихъ людей. Г-нъ Жанъ снова сѣлъ и оставался еще нѣсколько времени среди большого шума; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и весь дрожалъ.

— Выпейте стаканъ вина,—сказалъ я ему, поднося стаканъ.

Онъ выпилъ и сказалъ мнѣ:

— Благодарю, г. Флорансъ.

Г. Жакъ уже проѣзжалъ предъ окнами на своихъ саняхъ,

онъ возвращался въ Шомы; г. Пикотъ, провожавшій его, вошелъ въ залъ и пришелъ въ ужасъ; друзья его молча опустили головы; но ѣдоки и крикуны, все еще прославляли примиреніе обоихъ братьевъ, не теряли даромъ ни одного удара зубами; я никогда не видалъ, чтобъ могли ѣсть такъ, какъ ѣли здѣсь на похоронахъ. Навѣрно, многіе изъ этихъ омерзительныхъ бродягъ были бы очень довольны, еслибъ черезъ каждыя двѣ недѣли умиралъ одинъ изъ ихъ, какъ они говорили, друзей или знакомыхъ, чтобы возобновлять пиры.

Спустя четверть часа послѣ того, какъ уѣхалъ г. Жакъ, г. Жанъ сдѣлалъ мнѣ знакъ; мы въ свою очередь вышли.

Онъ самъ заложилъ лошадей; когда все было готово, мы отправились и возвратились въ нашу деревню къ шести часамъ, не сказавъ ни слова другъ другу о происшедшемъ.

VIII.

На другой день братья Ранцо не сблизились ни на волосъ противъ прежняго; но какъ ихъ дѣла до меня не касались, то я преспокойно началъ заниматься своими.

Много еще терпѣли вслѣдствіе холода до конца марта; наконецъ, это жестокая зима кончилась, какъ и всѣ другія: послѣ страшныхъ морозовъ наступили, во время таянія снѣговъ, большія наводненія въ долинѣ; пильные заводы и мельницы пошли ходить; а потомъ, въ одно прекрасное утро услышали перваго жаворонка, поющаго въ блѣдномъ небѣ свою пѣсенку, которая заставляетъ васъ поднять къ небу глаза и думать:

— Вотъ возвратилась весна!.. Все снова зацвѣтетъ: чрезъ двѣ или три недѣли дѣти выгонятъ козъ на пастбища; будутъ дѣлать нарѣзы на березахъ, чтобъ пить новый сокъ; а молодыя дѣвушки, обвивъ станъ зелеными вѣтвями, снова будутъ ходить изъ дома въ домъ, плясать и пѣть старинный гимнъ Tri mâso:

«Tri mâso,
So lo mâ, et lo tri mâ
So lo tri mâ so!»

Нѣтъ ни одного горца, который бы не представлялъ себѣ заранѣе всѣхъ этихъ вещей, и который бы не сказалъ, входя вечеромъ въ свою маленькую дверь, согнувъ спину: »Сегодня

я слышалъ, какъ пѣлъ первый жаворонокъ!»—Какъ въ городѣ говорятъ: «сегодня я видѣлъ первую ласточку!»

Мартъ, апрѣль и май еще трудны для выхода, такъ какъ земля подъ картофелемъ, хлѣбомъ и травой еще совсѣмъ истощена, и нужно долго ждать новой уборки, но это ничего; уже болѣе не холодно, и веселость приходитъ къ вамъ раньше, чѣмъ наступилъ изобильный сборъ.

Итакъ, въ то время, когда весна появлялась такъ, какъ будетъ появляться сотни и тысячи лѣтъ, когда уже насъ не будетъ, новыя извѣстія стали пробѣгать по странѣ.

Сперва была большая исторія касательно Алжирскаго дея, который съ давнихъ поръ захватывалъ морскихъ путешественниковъ и продавалъ ихъ на рынкѣ въ невольники. Эти слухи распространялись повсюду; услышали также, что онъ, несчастный, ударилъ нашего посланника опахаломъ по лицу; это было стыдомъ для Франціи!

Мартинъ, савояръ, проходя по Шомамъ, продалъ огромное количество изображеній этого самаго дея Гуссеина, его невольничьяго рынка и его женъ, сидящихъ на землѣ, скрестивъ ноги, какъ сидятъ наши портные, и играющихъ на гитарѣ.

Потомъ вдругъ узнали, что нашъ флотъ отправился, чтобъ требовать выдачи христіанъ, которыхъ бандитъ держалъ въ острогѣ.

О, это была большая радость! Каждый вечеръ, переписавъ служебныя дѣла, я читалъ въ ратушѣ новости въ газетѣ «Moniteur de la Meurthe». У меня въ школѣ висѣла карта Африки, и я показывалъ ученикамъ мѣста, гдѣ гнѣздились морскіе разбойники, разсказывая про нашихъ солдатъ и матросовъ, плававшихъ въ открытомъ морѣ.

Мы, какъ и всѣ, желали успѣха королевскимъ войскамъ. Мнѣ было приказано моимъ собственнымъ начальникомъ молиться утромъ и вечеромъ за солдатъ, между которыми много было изъ нашей деревни. Я объяснялъ дѣтямъ, что наша обязанность требовать справедливости и помогать несчастнымъ. Они поняли это отлично; ибо человѣку естественно любить справедливость. Къ несчастью, явились сильные вѣтры и другія обстоятельства, которыя насъ очень безпокоили; потомъ войска сдѣлали высадку и принялись бомбардировать не городъ, какъ теперь поступаютъ нѣмцы въ христіанскихъ земляхъ—но Ал-

жирскіе форты.—Варвары сильно защищались; они отрубили головы у нашихъ раненыхъ солдатъ; ярость увеличивалась съ каждымъ днемъ. Былъ у насъ въ Шомахъ Николай Геттъ, прозванный Египтяниномъ, старый солдатъ, любившій поговорить о пирамидахъ, мечетяхъ и обо всемъ, что только видѣлъ въ своей молодости. Къ нему ходили задавать вопросы насчетъ похода; онъ жевалъ табакъ и ничему не удивлялся. Его домишко постоянно былъ наполненъ людьми; даже моя жена ходила его послушать.

Дѣло тянулось такимъ образомъ, какъ вдругъ въ началѣ іюля «Moniteur» возвѣстилъ, что сила императора взяла верхъ; что Арабы скрылись чрезъ проходъ въ горѣ, и что Алжирскій дей взятъ съ своими женами, неграми, съ острогомъ и звѣринцемъ. Новость распространилась на другой день, и вездѣ кричали:

— Да здравствуетъ король!

Трибулетъ, сборщикъ податей, пріѣхалъ въ своемъ шарабанѣ, говоря, что надо открыть засѣданіе и сдѣлать новые выборы. У него былъ письменный приказъ монсиньора Форбэна-Мансона нашего епископа, служить благодарственные молебны во всѣхъ церквахъ его епархіи, чтобъ прославить побѣду нашей святой религіи надъ невѣрными. Прибавляли также новости о миссіяхъ въ западныя владѣнія, чтобъ обратить лютеранъ и жидовъ, такъ какъ они не вели съ нами войны, будучи изъ нашей же собственной земли.

Эти старыя воспоминанія еще живы въ моей памяти: я помню, что многія почетныя личности не были довольны. Особенно г. Жакъ не затруднялся говорить, что іезуиты могли воспѣвать свои побѣды, когда они бичевали себя самихъ, но что французскіе іезуиты не брали съ нихъ примѣра: что Франція бичевалась за правду, а не для тріумфа святой конгрегаціи, которая заставитъ повѣрить, что наши войска принадлежатъ ей.

Эти легкомысленныя слова были переданы г. Жану: онѣ раздражили его, ибо со времени принятія званія мэра, онъ сдѣлался святошей, и никогда не пропускалъ случая присутствовать при обѣднѣ и процессіяхъ.

Теперь же онъ ничего не сдѣлалъ и только нѣсколько дней спустя, когда пришли первыя извѣстія о возмущеніи парижанъ

противъ Карла X, и когда Николай Геттъ, Жанъ Лимонъ, бакалейщикъ Клодель, г. Жакъ и пять или шесть другихъ знатныхъ людей, соединившись вечеромъ въ гостиницѣ «Бычья Нога», — позволили себѣ пѣть пѣсни Беранже противъ короля, духовенства и знати, только тогда я увидѣлъ истинный характеръ нашего мэра.

Мы были одни въ ратушѣ; и какъ я ему говорилъ, что парижане не имѣютъ ничего святого и надъ всѣмъ насмѣхаются, онъ, не выдержавъ дальше, воскликнулъ:

— Не только въ Парижѣ находятся подлецы; они встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ; они готовы возмутиться противъ законной власти. Но пусть берегутся!..—вскричалъ онъ,—пусть берегутся! Нашъ глазъ зорко за ними смотритъ, жандармскій бригадиръ прибылъ, кандалы готовы... Вотъ, что я вамъ говорю, г. Флорансъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по залу; и, остановившись у окна, съ глазами, обращенными къ дому Жака, онъ погрозилъ пальцемъ съ угрожающимъ видомъ, сжалъ зубы и сказалъ:

— Погоди!.. Погоди, негодяй!.. Ты скоро услышишь отъ меня новость.

Я никогда не видалъ болѣе скверной фигуры, какъ та, какую имѣлъ г. Жанъ въ эту минуту; я дрожалъ, думая про себя:

— Какъ! Его ненависть дойдетъ до того, что онъ донесетъ на своего брата!

И я основательно думалъ, что доносъ отправленъ, и что жандармы должны прибыть, какъ вдругъ получили извѣстіе, что парижане перебили королевскую гвардію; что они господствуютъ повсюду; что Карлъ X скрылся, а Людовикъ Орлеанскій долженъ быть временнымъ правителемъ государства. Узнали почти тотчасъ же, что нашъ епископъ, Фарбэнъ Жансонъ выгнанъ изъ Нанси, что народъ разрушилъ его замокъ; а на третій день послѣ этихъ ужасныхъ извѣстій бѣшенство разразилось и у насъ. Съ каждымъ часомъ приходило новое извѣстіе.

Я, конечно, не выходилъ изъ своей школы. Марія-Анна говорила мнѣ:

— Ради Бога, Флорансъ, не вмѣшивайся ни во что, не говори ничего, не разговаривай ни съ кѣмъ!

Да я и не имѣлъ никакой охоты вмѣшиваться въ подобныя дѣла! Напротивъ, я еще искалъ возможности закрыть дверь и

окна: къ несчастью, надо было оставить школу отпертой, хотя большая часть скамеекъ была пуста.

Во всѣхъ мѣстахъ улицы говорили, что люди идутъ изъ Дабо... Они хотятъ свести счеты съ лѣснымъ начальствомъ... Они уже въ дорогѣ... Они въ Вальшѣ... Они на Большомъ Солдатѣ... Они приближаются!..

Подъ конецъ пять или шесть босоногихъ мальчиковъ, запыхавшись, прибѣжали въ деревню, крича:

— Вотъ они!

И посмотрѣвъ на косогоръ, я увидѣлъ, какъ они сотнями выходили изъ лѣса: мужчины, женщины, дѣти, съ ружьями, вилами, топорами; вотъ они сошли на дорогу и скрылись за горкой: видны были только верхушки вилъ; но ихъ столько выходило изъ лѣса, что и конца не было.

Услышавъ, что пробило десять часовъ, я отослалъ дѣтей, сказавъ, чтобъ они шли къ своимъ родителямъ. Я заперъ двери и велѣлъ Полю и Жюльетѣ итти въ верхнюю комнату.

Глава горцевъ прибылъ уже послѣ поселянъ; они въ безпорядкѣ кричали, какъ стая вороновъ:

— Протоколы!.. Протоколы!.. Долой лѣсничихъ!.. Долой священниковъ, сборщиковъ податей и все остальное!.. Мы хозяева!.. Лѣсъ принадлежитъ намъ!.. Да здравствуетъ Лафайетъ!..

Они пошли къ главному лѣсничему требовать всѣ протоколы, которые были написаны противъ нихъ, думая, что тогда все уже будетъ кончено: несчастные не знали, что оригиналы этихъ бумагъ находятся въ Сарребургскомъ трибуналѣ; они ничего не знали и ничего не хотѣли слушать.

Было очень жарко; я заперъ ставни, но видѣлъ въ щели, какъ они проходили все въ такомъ же количествѣ. Вся деревня была наполнена. Пусть представятъ себѣ наше безпокойство; къ счастью, они требовали только главнаго лѣсничаго. Это производило страшный шумъ въ отдаленіи; а потомъ мы вдругъ услышали, какъ падали рамы, выламывались двери, услышали крики, споры. Моя жена дрожала какъ листъ; я ее разувѣрялъ, говоря, что это насъ не коснется, что никогда не нападаютъ на учителей. Поль и Жюльета, раскрывъ большіе глаза, смотрѣли на меня, слушая изъ своего угла. Я показывалъ видъ, что ничего не боюсь, но при каждомъ сильномъ стукѣ въ дверь, по-

лагая, что это у меня внизу, не могъ удержаться отъ дрожи и отъ того, чтобы не броситься на лѣстницу, насторожив уши. Уже давно прошелъ полдень, а никто еще не вспомнилъ объ ѣдѣ. Наконецъ, около трехъ часовъ я рѣшился пріотворить ставни и увидѣлъ, что толпа отправлялась обратно къ горамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были пьяны, но большая часть казалась въ своемъ видѣ и радостно кричала:

— Все разорвано!.. Все сожжено!.. За все отомщено!.. Да здравствуетъ Лафайетъ!..

Больше четверти часа я слышалъ эти возгласы; они все проходили. Моя жена, немного разубѣжденная, поставила на столъ сыръ, хлѣбъ и холодную говядину для дѣтей. Мы сами также должны были подкрѣпиться, ибо боязнь увидѣть, что эти дровосѣки, угольщики, контрабандисты, браконьеры, вся эта толпа преступниковъ вторгнется въ нашу бѣдную деревню, разстроила насъ. Видя теперь изрѣдка только отсталыхъ, я прежде чѣмъ поѣсть захотѣлъ узнать случившееся и вышелъ.

Мать нашего сосѣда, Нанетта Бувертъ, преспокойно шила, сидя по обыкновенію у дверей; увидя меня, она закричала:

— Не бойтесь ничего, г-нъ Флорансъ, они ушли!..

Эта старуха, которую звали «якобинкой», потому что мужъ ея, Николай Бувертъ, предсѣдательствовалъ въ клубѣ Святого Квирина во время Робеспьера, не удивлялась ничему: она видѣла много чего другого!..

— Революція возобновляется,—говорила она, щуря глазъ,— революція возобновляется!..

И не заставляя долго себя просить, она разсказала мнѣ, что толпа напала на главнаго лѣсничаго. Г. Ботъ, извѣщенный во-время, успѣлъ скрыться, переправившись черезъ Сарру, и добраться до лѣса Барковъ. Горцы же выколотили рамы, сломали дверь его дома, разорвали и сожгли всѣ его бумаги съ необыкновенною яростью. Нашего мэра, г. Жана Ранцо, которому было поручено остановить грабежъ, негодяи совершенно затравили, называя его колпакомъ и осмѣливаясь даже грозить ему кулакомъ. Ему стоило большихъ трудовъ вырваться изъ ихъ рукъ. Наконецъ, около двухъ часовъ, г. Жакъ вышелъ изъ своего дома; онъ созвалъ на свой дворъ главныхъ руководителей, угощалъ ихъ пивомъ и сыромъ; сверхъ того онъ обѣщалъ фор-

мально написать Лафайету, чтобы получить ихъ древнія лѣсныя права, которыя онъ рѣшилъ имъ возвратить.

Вотъ что разсказала мнѣ бабушка Напетта совершенно весело; я же могу сказать, что революціи ужасны, особенно въ горахъ, гдѣ несчастные, лишенные освѣдомленности, требуютъ невозможныхъ вещей; у нихъ нѣтъ истинной вѣры, потому что послѣ каждой революціи они увѣрены, что избавились отъ жандармовъ; они кричатъ противъ священниковъ и набожныхъ людей, оскорбляя ихъ тысячью способовъ.

Эти дабойцы, кончивъ успѣшно въ первый разъ, могли вернуться снова; пусть себѣ представятъ, радовала ли насъ эта мысль; къ счастью, у нихъ не было для этого времени. Людовикъ-Филиппъ тотчасъ же былъ переименованъ королемъ Франціи тѣми же депутатами, которыхъ Карлъ X хотѣлъ смѣнить; и всѣ тѣ, про которыхъ двѣ недѣли назадъ говорили, что ихъ арестуютъ, получили награды: г. Жакъ былъ назначенъ мэромъ вмѣсто брата своего Жана, бакалейщикъ Клодель добылъ табачную лавку, о которой онъ хлопоталъ ужъ такъ давно, а Николай Геттъ за то, что кричалъ: «да здравствуетъ герцогъ Рейхштадскій», получилъ маленькій пенсіонъ въ 150 франковъ, что охладило его энтузіазмъ къ сыновьямъ императора.

Я боялся потерять свое мѣсто въ ратушѣ; но г. Жакъ вспомнилъ, вѣроятно, о дружбѣ моей къ его сыну; онъ призвалъ меня и сказалъ въ присутствіи знати, что человѣкъ такой тихій, свѣдущій, исполняющій такъ, какъ я, свои обязанности, заслуживаетъ прибавки, и что онъ ѣдетъ самъ просить мнѣ прибавки въ городскомъ совѣтѣ.

Мнѣ доставило очень большое утѣшеніе то, что дѣла мои приняли такой хорошій оборотъ и благодарилъ отъ всего сердца новаго мэра. Немного спустя мнѣ дали сто франковъ прибавки, что было очень кстати. Горцы принялись рубить государственные лѣса, и противъ нихъ надо было послать войска и національную гвардію. Г. Жакъ въ этомъ дѣлѣ показалъ большое мужество: онъ одинъ отправился въ Дабо, чтобы объявить бунтовщикамъ, что если они будутъ продолжать опустошенія, то три четверти изъ нихъ рискуетъ пойти на галеры. Но большая часть не хотѣла ему вѣрить и принялась срубать безъ разбора какъ маленькій, такъ и большой лѣсъ, складывая въ сараяхъ

и въ садахъ огромное количество дровъ, за которые можно было впослѣдствіи получить хорошую цѣну.

Тогда войска и жандармы, лѣсничіи и всѣ чиновники, обязанные подавать помощь властямъ, окружили ихъ деревни. Нетрудно было доказать преступленіе, потому что дрова были тамъ, за сараями; эти люди были арестованы массой и отправлены въ Нанси; они оставались тамъ въ тюрьмѣ болѣе года и затѣмъ были преданы уголовному суду. Главные зачинщики, которые разорвали и сожгли бумаги главнаго лѣсничаго, пошли въ Брестъ, въ Тулонъ, другіе, обвиненные только въ томъ, что брали дрова изъ лѣса, были отосланы домой, но совсѣмъ разорены. Эти несчастные контрабандисты, браконьеры, вмѣсто того, чтобъ быть добрыми крестьянами, они сдѣлались разбойниками.

Вотъ каковъ свѣтъ!

На кого нужно было болѣе всего жаловаться, такъ это на пасторовъ; едва можно было увидать по дорогѣ двухъ или трехъ, въ ихъ черныхъ платьяхъ и клобукахъ; вслѣдъ имъ мужчины, женщины, дѣти, всѣ земледѣльцы бросали свои заступы грабли и, приставя пальцы къ губамъ, съ злобой подражали крику вороновъ.

IX.

Послѣ столь великихъ потрясеній, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ только и была забота у всѣхъ какъ бы разбогатѣть всяческими способами. Тогда къ подошвамъ горъ, вмѣсто прежнихъ ярмарокъ, куда экономы отправлялись одинъ разъ въ годъ, чтобъ закупить провизіи для ихъ хозяйствъ, прибывали сотнями путешественники изъ Парижа, Нанси, Страссбурга, продавая все и отдавая въ долгъ тѣмъ, которыхъ они считали способными выплатить долгъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Говорили, что имъ было необходимо, во что бы то ни стало, освободиться отъ своихъ товаровъ. Потомъ основали журналы, обозрѣнія, которые считали полезными, по предметамъ земледѣлія, торговли, мастерства, воспитанія. Всѣ владѣльцы виллъ безпокоились о нашемъ благосостояніи, о нашемъ образованіи и давали намъ совѣты, которые имъ приносили больше денегъ, чѣмъ намъ самимъ.

Учредили новыя фабрики въ долинахъ. Ткани, желѣзо, стеклянная посуда, фаянсовыя издѣлія, все шло одно возлѣ

другого. Братья Ранцо, враги болѣе, чѣмъ когда-либо, но оба дѣятельные, отважные, все предпринимающіе, участвовали во всѣхъ новыхъ заводахъ до берега Ширмеки; они все болѣе и болѣе обогащались. Г. Жанъ хотѣлъ быть чуть-чуть что не мѣстнымъ законнымъ королемъ и опорою нашей Святой Церкви. Никто не зналъ, который изъ братьевъ былъ богаче, и праздношатающіеся каждый вечеръ спорили объ этомъ въ кабакѣ.

Жоржъ и Луиза возвращались каждый годъ изъ ихъ коллегіи и пансіона съ большимъ количествомъ наградъ; это были лучшіе и богатѣйшіе молодые люди во всей странѣ. Они не переставали питать ко мнѣ любовь. Я видѣлъ, какъ Луиза проѣзжала съ своимъ отцомъ въ шарабанѣ, все болѣе граціозная и прекрасная; а Жоржъ — верхомъ, плечистый, съ орлинымъ носомъ, съ черными растрепанными кудрявыми волосами; каждый разъ, проѣзжая галопомъ, онъ кричалъ мнѣ:

— Здравствуйте, г-нъ Флорансъ!

Онъ былъ силенъ и отваженъ, какъ его отецъ; это былъ тотъ же самый человѣкъ, моложе тридцатью годами.

Иногда онъ останавливался у моихъ дверей, чтобъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Луиза присылала мнѣ маленькіе подарки, корзинки фруктовъ, винограда и восхитительныхъ конфектъ, которыя она сама приготовляла. Я видѣлъ, что эти достойныя дѣти любили меня; они не забывали меня, какъ другіе. Мои дѣти также росли; Поль имѣлъ счастливыя способности, но я не зналъ, куда его опредѣлить, не имѣя денегъ. Съ давнихъ поръ это меня безпокою, когда г. Жакъ, угадавъ, безъ сомнѣнія, мысль меня тревожившую, сказалъ мнѣ однажды вечеромъ, когда мы находились въ ратушѣ, онъ, чтобъ отдать мнѣ приказанія, я, чтобъ исполнить ихъ:

— Г. Флорансъ, который годъ Полю?

— Четырнадцать лѣтъ, г. мэръ.

— Четырнадцать лѣтъ... А что хотите вы изъ него сдѣлать?.. Нужно объ этомъ подумать раньше.

— Я думаю объ этомъ постоянно, но къ несчастью, я не знаю, что дѣлать, такъ какъ для всякой карьеры нужны деньги, а...

— Ба,—возразилъ онъ,—это дитя не хуже посредственнаго... Довольны вы имъ?

— Послѣ выхода Жоржа,—отвѣчалъ я ему,—у меня нѣтъ лучшаго ученика.

Онъ поднялся съ мѣста, обошелъ залъ, смотря на полъ и скрестивъ руки на спинѣ; вдругъ, остановившись, сказалъ горячо:

— Ну, что жъ, ему можно выхлопотать стипендію въ образцовой школѣ въ Нанси; какъ учитель, вы имѣете на это право, я, какъ мэръ и членъ окружного совѣта, могу похлопотать объ этомъ. Молодой человѣкъ, будучи прилежнымъ, самъ рекомендуетъ себя. Что вы объ этомъ думаете?

— Г. мэръ,—отвѣчалъ я со слезами на глазахъ,—я не могу выразить своей признательности...

— Ну, что же, вы согласны?

— Боже мой, это все, чего я желаю.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—это рѣшено. У насъ на будущей недѣлѣ большое собраніе въ Сарребургѣ; окружное собраніе соглашается на прибавочные сантимы для начальнаго образованія; я помѣщу это дѣло впереди и, если нужно будетъ, напишу нашему депутату, и дѣло въ шляпѣ!

Это все, что онъ мнѣ сказалъ. Я былъ очень растроганъ и хотѣлъ поблагодарить его за заботы, но у него былъ крутой характеръ, и онъ перебилъ меня:

— Это кончено, любезный г. Флорансъ. Я хочу постараться для пользы Поля, ибо это добрый мальчикъ, а еще отплатить вамъ за услугу: вы это заслуживаете во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ вышелъ, пожавъ мнѣ руку.

Полтора мѣсяца спустя я убѣдился, что онъ имѣлъ большое значеніе; все что онъ мнѣ обѣщалъ, исполнилось! Г. инспекторъ Питтъ во время своего путешествія, проэкзаменовавъ моего сына по грамматикѣ, исторіи и географіи, уѣхалъ довольный. Скоро г. Жакъ самъ пришелъ извѣстить меня, что Поль принятъ въ школу съ стипендіей, что меня переполнило радостью. Я бы никогда не повѣрилъ, что этотъ жесткій человѣкъ принесетъ мнѣ столько радости. Единственнымъ моимъ горемъ было то, что я не могъ ему сдѣлать нѣсколько большихъ подарковъ, пропорціонально моей благодарности; да, я часто грезилъ, но не шелъ дальше посредственнаго! Поль уѣхалъ въ концѣ вакацій, и мнѣ не надо было больше безпокоиться

объ его будущности, такъ какъ г. инспекторъ въ каждый свой пріѣздъ дѣлалъ мнѣ комплименты насчетъ его прилежанія и поведенія; я былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ людей.

Тогда мысль моя переносилась на Жюльету, которой уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ; и о ней надо было подумать; когда исчезаетъ одно безпокойство, приходитъ другое. Но, благодаря Бога, эта новая забота тоже должна была имѣть конецъ. Мастерство распространялось все больше и больше, и къ тому времени въ нашу страну прибыли поставщики вышиванья съ рисунками, матеріей и нитками, необходимыми для этой деликатной работы, обѣщая дѣвушкамъ, которая лучше исполнитъ работу, приличное вознагражденіе; плата могла доходить до тридцати, даже до тридцати пяти су въ день, только надо было быть ревностной, имѣть хорошіе глаза и вкусъ въ работѣ.

Жюльета исполнила работу одна изъ первыхъ, и съ тѣхъ поръ я сталъ спокоенъ. Но торговля и ремесла сдѣлали бы у насъ гораздо больше улучшеній, еслибъ мы имѣли хорошія дороги для путешественниковъ и для товаровъ. Къ несчастью, до Карла X и Людовика XVIII только и думали о распространеніи миссій, о процессіяхъ, объ очищеніи грѣховъ, о совершеніи преступленій по праву силы, предоставляя все остальное на волю Божью, такъ что дороги были всѣ въ ямахъ и рытвинахъ, гдѣ вода стояла недѣли и мѣсяцы. Ни одинъ изъ нашихъ крестьянъ, которые каждый день вязнули до осей по этимъ дорогамъ и которые должны были вести лошадей подъ устцы, чтобъ выбраться оттуда,—ни одинъ не набросалъ на дорогу земли и камней: нѣтъ, они боялись сдѣлать удовольствіе ближнему. Повозки съ тяжелыми товарами, также какъ земля и песокъ, необходимые для выдѣлыванія стеклянной и глинянной посуды, часто оставались посреди деревни часть зимы, погруженныя въ ямы, такъ, что ни лошади, ни быки не могли ихъ оттуда вытащить; нужно было дожидаться весны!

А что иногда бѣдные путешественники,—въ ихъ колясках, наполовину изломанныхъ дурными дорогами,—не сердятся ли они на насъ, крича, что у насъ нѣтъ разсудка и что мы не понимаемъ своихъ величайшихъ выгодъ?

Все, что они ни говорили, ни къ чему не повело; ибо наши священники, оправившись отъ большого страха въ 1830 году,

были далеко отъ того, чтобы совѣтовать помочь другъ другу выйти изъ грязи невѣжества, и говорили съ кафедры, что это состояніе предохраняетъ насъ отъ порчи, что это благодѣяніе неба, что у насъ нѣтъ дорогъ; что лучше быть несчастными, чѣмъ окаянными.

Это положеніе дѣлъ долго бы продолжалось, если бы вся Франція не принялась дѣлать проселочныхъ дорогъ, и если бы эльзасцы, показавъ намъ примѣръ и поспѣшивъ открыть сообщеніе съ сосѣдями, не отбили бы всей нашей торговли. Тогда, такъ какъ они обогащались на нашъ счетъ, нѣкоторые начали подумывать, что было бы не худо послѣдовать ихъ примѣру и также сдѣлать дороги чрезъ горы.

Г. Жакъ объявилъ первый, что намъ нужна хорошая проселочная дорога, чтобы ѣздить въ гражданскій судъ, на хлѣбный рынокъ, въ трибуналъ, въ подпрефектуру; что это необходимо, и каждый съ своей стороны долженъ помогать этому.

Г. Жанъ понималъ эти вещи также хорошо, какъ и его братъ, это касалось общей выгоды; а такъ какъ у него было много чего для продажи, то тутъ была его прямая выгода; но одного того, что эта мысль возродилась у Жака, было достаточно, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ него.

— Г. мэръ,—говорилъ онъ насмѣшливо,—не хочетъ ничего, кромѣ дорогъ, ему нужны только дороги! Какая ему выгода налагать на насъ подати, тяжелыя работы, прибавочные сантимы? Онъ хочетъ показать, что отлично управляетъ; онъ хочетъ схватить крестикъ.

Эти слова г. Жана пробѣжали по всей деревнѣ; а такъ какъ смѣлые люди вездѣ пользуются уваженіемъ, то тотчасъ же онъ имѣлъ на своей сторонѣ большую часть городского совѣта.

Въ этотъ же день, въ два часа пополудни, можно было слышать въ большомъ верхнемъ залѣ крики негодованія противъ проекта. Можно было видѣть, какъ поднялся огромный каретникъ Доминикъ Бокіонъ, держа огромный кулакъ на столѣ, и съ сверкающими глазами; онъ кричалъ, что лѣсъ графства Дабо принадлежитъ имъ; если же заведутъ дороги, то жители Сарребурга, Бламонта и далѣе до подошвы Лорэна будутъ пріѣзжать за нимъ, за досками, гонтомъ и дубомъ.

Хорошій грабовый лѣсъ, изъ котораго дѣлаютъ лучшія колеса, лучшія лѣстницы и сохи, достанется другимъ; сѣно, со-

лома и овесъ пойдутъ тою же дорогой; у насъ не будетъ болѣе говядины, масла, яицъ, овощей, потому что ихъ будутъ продавать на Лоренскій и Сарребургскій рынки; путешественниковъ будетъ гораздо больше, а мы имъ будемъ продавать худое сукно, полотно, худую водку, отославъ уже наши хорошіе товары, каковы, напримѣръ, наша чудесная вишневка, наши орудія, выкованныя на наковальнѣ, пенька, ткани, вышитыя хозяйками, и полотно, вытканное ткачами.

Онъ былъ въ ярости: всѣ члены совѣта отдавали ему справедливость, кромѣ бакалейщика Клоделя.

Г. Жакъ на каждомъ словѣ хотѣлъ перебить его, крича:

— А деньги!.. А деньги!.. Если будутъ отвозить товары, то будутъ привозить деньги. Въ нашей странѣ слишкомъ много лѣса, сохнущаго на корнѣ... у насъ недостатокъ денегъ...

Никто не хотѣлъ его слушать, всѣ бушевали, кричали:

— Не нужно дорогъ!.. Не нужно работъ!.. Не нужно прибавочныхъ сантимовъ!.. Нѣтъ! Нѣтъ!.. Намъ такъ хорошо, не нужно измѣнять... Другіе хотятъ пробираться къ намъ... надо имъ запереть двери... съ насъ довольно и настоящихъ дорогъ!..

Я въ своемъ углу, позади пюпитра, удивлялся мужеству г. Жака, защищавшагося противъ всѣхъ этихъ бѣшенныхъ, говоря:

— Что же, вы хотите остаться дикарями? Тогда, какъ всѣ сосѣдніе департаменты цивилизуются, вы хотите жить волками въ своихъ лѣсахъ!..

А бѣшенство возрастало:

— Мы настолько же волки, насколько и другіе,—кричали болѣе разсерженные,—мы только хотимъ сохранить наше добро и не хотимъ быть обворованными!

Въ этотъ день г. Жакъ не могъ ничего сдѣлать; его даже не хотѣли выслушивать. Въ пять часовъ дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ.

Г. Жанъ, услышавъ это, былъ очень доволенъ.

— Въ добрый часъ!—сказалъ онъ.—Я вижу, что хорошее чувство еще несовсѣмъ погибло въ странѣ. Это отлично! Все что намъ только нужно теперь—это религія; денегъ у насъ довольно; ужъ и такъ слишкомъ много нетодяевъ продаютъ свою совѣсть за табачную лавочку, за мѣсто, крестъ или пенсіон

Эта дорога была бы погибелью для честныхъ людей и торжествомъ для негодяевъ.

Онъ засмѣялся, видя какъ г. Жакъ шелъ мимо его оконъ и входилъ къ себѣ очень задумчивый.

Но нашъ мэръ не былъ такимъ человѣкомъ, у котораго можно было отбить охоту, если онъ задумалъ какое-нибудь дѣло; уже одной мысли разбить брата и унизить его предъ всѣмъ обществомъ было достаточно, чтобы не отступать.

Онъ отправился на другой день въ подпрефектуру, а потомъ къ мѣстному начальнику департамента.

Спустя четыре или пять дней, г. Жакъ возвратился изъ Нанси и въ слѣдующее воскресенье снова собралъ совѣтъ около часа пополудни. Ни одинъ членъ не преминулъ придти, боясь, чтобы въ его отсутствіе не утвердили дорогъ и работъ.

Г. Борникъ, продавецъ лѣса, говорилъ, входя, что Клодель желаетъ дорогъ для того, чтобы получать товары дешевле; Клодель ему отвѣтилъ, что если бы онъ получалъ товары дешевле, то и продавалъ бы ихъ не такъ дорого, и все общество имѣло бы барыши отъ этого; но Борникъ не хотѣлъ понять этой правды и говорилъ, что Клодель положилъ бы всѣ барыши въ карманъ.

Въ эту минуту вошелъ г. Жакъ; весь совѣтъ стихъ, каждый усѣлся на свое мѣсто, а г. мэръ, сидя въ своемъ креслѣ, на концѣ стола, далъ мнѣ знакъ записывать все, что я услышу, потомъ всталъ и сказалъ:

— Господа члены муниципальнаго совѣта, я разсказалъ наше послѣднее совѣщаніе въ префектурѣ. Г. префектъ, его главный секретарь и весь его совѣтъ были очень изумлены и не хотѣли мнѣ вѣрить; но это совѣщаніе прошло, не будемъ о немъ больше говорить.

Вотъ что я вамъ теперь сообщу:

«Нашъ общественный лѣсъ доставляетъ намъ, считая среднимъ числомъ, тысячу саженъ дровъ ежегодно.—Теперь за сажень дровъ на мѣстѣ платится восемь франковъ; восемь разъ тысяча, это будетъ восемь тысячъ франковъ.—По другую же сторону Сарребурга сажень дровъ стоитъ двадцать четыре франка; положимъ восемь франковъ за провозъ по хорошей дорогѣ, тогда останется шестнадцать франковъ вмѣсто восьми.—Хотите ли вы вмѣсто восьми-франковаго дохода имѣть шестнад-

цати-франковый? Въ этомъ весь вопросъ.—Я этого хочу, это входитъ въ мои соображенія, но если вы не хотите этого, вы свободны.

«Мой домъ, мои поля, луга, пильные заводы, все будетъ въ такой же пропорціи, какъ дровяной лѣсъ: вмѣсто восьми, шестнадцать! Когда дорога будетъ готова, все пойдетъ вдвойнѣ.—Я бы смотрѣлъ на себя, какъ на настоящаго осла, если бы отказался. Впрочемъ, у каждаго свой взглядъ.

«Вотъ почему я отстаивалъ дорогу въ окружномъ совѣтѣ, не смотря на ваши протесты, которые я предвидѣлъ.—Тутъ идетъ дѣло объ общемъ интересѣ».

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ это, досада и гнѣвъ увеличивались. Но г. Жакъ не показывалъ вида, что онъ занятъ ими, и смолкъ; когда же бѣшенство великана Фокіона, Борника и другихъ утихло, онъ продолжалъ:

«Если для васъ это дурно, то пойдемте въ отставку; другой совѣтъ будетъ созванъ, который утвердитъ, можетъ быть, то, что мы спрашиваемъ.

«Вы понимаете отлично одно: округъ и весь департаментъ не могутъ страдать оттого, что пятнадцать отдѣльныхъ личностей рѣшили не дѣлать дороги.—Департаментъ нуждается въ дорогахъ; четыреста тысячъ человѣкъ не могутъ быть обездолены рѣшеніемъ дюжины крестьянъ изъ Шомъ, которые не понимаютъ ихъ собственной выгоды; департаментъ и вся Франція нуждаются въ дровахъ, доскахъ, гонтѣ и во всемъ, что у насъ находится въ огромномъ количествѣ.

«Намъ хотятъ щедро платить.—Мнѣ кажется, что если бы мы даже болѣе были погружены въ наши привычки, то это не есть причина для цѣлой Франціи, не пролагать здѣсь дороги. Для вашей же пользы я приглашаю васъ признать справедливое; мы получимъ огромную пользу отъ этой дороги, и потому справедливость требуетъ, чтобы мы содѣйствовали работѣ.

«Если вы не согласитесь, то люди, болѣе благоразумные и менѣе эгоистичные въ окружномъ и въ главномъ совѣтахъ постановятъ, по справедливости, сколько должна заплатить наша деревня.—Вмѣсто того, чтобы пособлять податями и работами, мы заплатимъ деньгами; другіе за наши деньги будутъ копать землю, привозить песокъ и камни на наши участки; и какъ они будутъ пріѣзжать утромъ и вечеромъ отъ себя сюда и обратно,

то потеряютъ много времени, и намъ придется заплатить гораздо больше.

«Теперь дѣло ясно... Выбирайте!»

Наконецъ рѣшили... Всѣ, кромѣ г. Жака и Клоделя, рѣшили противъ дорогъ.

Всѣ разошлись съ большимъ шумомъ; но это не помѣшало тому, чтобы дорога началась строиться въ ту же весну. Работники прибывали отовсюду, и, спустя двѣ недѣли, всѣ тѣ, которые имѣли хоть одну повозку въ Шомахъ, просились помогать, одни, свозя камни и песокъ, другіе—дѣлая свои участки дороги.

Г. мэръ принималъ ихъ охотно, и на слѣдующій годъ, не смотря на оппозицію г. Жана и его гнѣвъ, у насъ уже была къ концу іюля великолѣпная дорога, идущая отъ Шомъ къ Сарребургу,—дорога, отлично оправленная, съ большими камнями внизу для стока воды; сверху ихъ былъ положенъ мелкій камень, потомъ земля съ пескомъ, слоемъ толщиною въ футъ. Она была отлога съ обѣихъ сторонъ; никогда не дѣлали лучшей дороги; вотъ уже впродолженіи тридцати лѣтъ она служитъ и постоянно находится въ отличномъ порядкѣ.

Въ этотъ годъ Жоржъ оканчивалъ свои занятія; его отецъ часто говорилъ мнѣ о немъ съ удовольствіемъ, что онъ не думаетъ больше о лѣсной школѣ, а тотчасъ по выходѣ изъ коллегіи онъ примется за торговлю лѣсомъ. — Г. Жакъ дѣлался старъ; уже два года онъ страдалъ ревматизмомъ въ лѣвой ногѣ, что мѣшало ему надсматривать за рубкой лѣса, а потому мысль, что сынъ его скоро возьметъ у него всѣ дѣла, радовала его.

Въ концѣ августа, когда я однажды вечеромъ ужиналъ въ своемъ семействѣ топленымъ молокомъ и картофелемъ, не думая ни о чемъ, кто-то началъ всходить по лѣстницѣ, что меня очень изумило, ибо обыкновенно никто не приходилъ такъ поздно. Жюльета пошла было посмотрѣть, но дверь отворилась, и самъ г. Жакъ показался на дорогѣ, говоря:

— Не безпокойтесь, это я, г. Флорансъ. Я пришелъ васъ спросить, не можете ли вы завтра сопровождать меня въ Фальцбургъ? Тамъ будетъ происходить раздача наградъ, и Жоржъ написалъ мнѣ, чтобы привести васъ; онъ хочетъ, чтобы вы увѣнчали его! Развѣ это не доставитъ вамъ удовольствія?

— О, г. мэръ,—отвѣчалъ я, поднявшись, совершенно изумленный,—это будетъ для меня большимъ счастьемъ!

Я ему предложилъ стулъ, но онъ не хотѣлъ садиться и сказалъ:

— Итакъ вы согласны... это рѣшено!.. Я заѣду за вами завтра утромъ въ шесть часовъ. Мы поѣдемъ туда въ шарабанѣ и устроимъ тамъ маленькій кутежъ.

Онъ засмѣялся и дружески пожалъ мнѣ руку.

— До свиданія, м-мъ Флорансъ.

Я хотѣлъ проводить его, но онъ остановилъ меня:

— Останьтесь, я найду дорогу и одинъ.

Жюльета свѣтила ему съ верха лѣстницы; онъ ушелъ, а мы воротились очень удивленные: г. мэръ никогда не былъ у насъ, это было въ первый разъ.

Моя жена поспѣшила приготовить мое хорошее платье, а на другой день, какъ было условлено, мы, г. Жакъ и я, отправились въ городъ. Его шарабанъ, запряженный двумя лошадками, катилъ, какъ почтовая карета. Я не видалъ г. Жака такимъ веселымъ; каждую минуту онъ вынималъ часы и восклицалъ:

— Вотъ видите!.. Мы въ Ниттингѣ... Мы въ Гессѣ, намъ бы надо было въ прежнее время болѣе двухъ часовъ времени, чтобы прибыть сюда, а мы доѣхали въ пятьдесятъ минутъ... мы пріѣдемъ къ десяти часамъ.

А лошади скакали галопомъ. Видъ былъ великолѣпенъ: со всѣхъ сторонъ виднѣлись поселяне, жавшіе хлѣбъ; безчисленное множество сноповъ тянулось вдоль полей и терялось изъ виду; и всѣ эти работники отрывались отъ жатвы, чтобы посмотрѣть на насъ.

— Гей!—кричалъ имъ г. Жакъ.—Видите, какъ катитъ! Не нужно ужъ вытаскивать колеса изъ ямъ!

— Нѣтъ, г. мэръ,—говорили они,—теперь идетъ хорошо!

Въ десять часовъ мы пріѣхали въ Фальцбургъ, и г. Жакъ, вынувъ въ послѣдній разъ часы, вскричалъ:

— Что я вамъ сказалъ! Мы сдѣлали въ четыре часа дорогу, на которую нужно было употребить восемь или десять въ прежніе года. Вотъ что называется «шагать». Съ мыслями брата Жана мы были бы еще въ Грессѣ въ грязи по уши. Вотъ м-мъ Антони, которая хочетъ сказать намъ любезность. Ну!

Шарабанъ переѣхалъ площадь и остановился у гостиницы

«La ville de Bâle», наполненной народомъ.—Всѣ родители воспитанниковъ, отцы, матери, братья, сестры, пріѣхавъ изъ Эльзаса и Лотарингіи, остановились тамъ; въ это время дорогъ и новыхъ изобрѣтеній гостинница «La ville de Bâle» дѣлала значительные обороты; тамъ не было обѣда дешевле тридцати су, а богатые путешественники и пріѣзжіе иностранцы и не смотрѣли на издержки.

Сама госпожа Антони, женщина восхитительная, рослая, смуглая, въ большомъ бѣломъ чепчикѣ, прибѣжала, крича:

— А, г. мэръ, вы еще разъ пріѣзжаете увѣнчать вашего молодого человѣка! Отлично... отлично!.. Касперъ... Касперъ... Иди скорѣе, отложи экипажъ г. мэра; поспѣши же. Вы обѣдаете у себя, г. Ранцо?

— Да, м-мъ Антони, около двухъ или трехъ часовъ, послѣ раздачи наградъ. Вы поставите три прибора.

— Хорошо, хорошо!.. Я вамъ все приготовлю.

Какое участіе, какое доброе чувство было у этой славной женщины, тогда какъ ея мужъ, Николай Антони, не занимался ничѣмъ и пилъ цѣлый день бѣлое вино, покуривая свою трубку.

Какимъ образомъ одна женщина могла вести столь трудное дѣло, присматривать на кухнѣ, за комнатами, за приборами и т. д., и не забывать ничего въ этой суматохѣ? Я этого не понимаю, и все, что могу сказать, это то, что она была очень способной личностью.

Когда она насъ оставила, работникъ ужъ свелъ нашихъ лошадей въ конюшню. Мы же, счистивъ пыль съ платья, отправились въ коллегію повидаться съ Жоржемъ, который ожидалъ насъ съ утра.

У меня нѣтъ охоты передавать этотъ день: коллегія, начальство, профессора, воспитанники, испытанія, раздача наградъ,—нѣтъ, это было бы слишкомъ долго.—Представьте только себѣ все лучшее, что вы видѣли въ этомъ родѣ: играла военная музыка, въ залѣ сидѣли отцы и матери, возлагая вѣнки на головы своихъ сыновей и плача отъ умиленія; представьте себѣ Жоржа, одного изъ выходныхъ, съ небольшой русой бородкой, окаймлявшей его щеки и губы,—завивающейся какъ и у отца,—съ блестящими глазами и веселымъ видомъ, который пробрался въ толпу, чтобы обняться со мною; я его осыпалъ моими благосло-

вѣніями, покрывъ его лобъ великолѣпнымъ дубовымъ вѣнкомъ, и далъ ему въ руки книгу.

Эти вещи нельзя разсказывать, онѣ слишкомъ трогательны. И мнѣ можно было думать, что я имѣлъ въ своей школѣ это дитя, которое вышло однимъ изъ первыхъ изъ коллегіи, между учеными!.. Я былъ этимъ тронутъ... Я говорилъ себѣ, что онъ къ тому же имѣетъ много добрыхъ качествъ для жизни. Да, это былъ лучшій день въ моей жизни! Жоржъ получилъ награды въ испытаніяхъ изъ французскаго и латинскаго языковъ, естественной исторіи, географіи и математики; онъ зналъ въ десять разъ больше меня; это былъ ученый! Вотъ, что получаетъ богатый отецъ, который, несмотря на богатство, даетъ сыну хорошее образованіе.

Сколько несчастныхъ людей, полныхъ дарованій, которымъ науки даются легко, людей, полезныхъ и даже замѣчательныхъ лишены этого преимущества, и становятся людьми вредными и способными все критиковать и опрокидывать. Сравнивъ себя позже съ тѣми, которые начальствовали надъ ними, они, понятно, находятъ себя обиженными

Другіе въ свою очередь слушаютъ и слѣдуютъ за ними; я видѣлъ это во всю свою жизнь, а въ особенности въ 1830 году, во время крупнаго возстанія горцевъ противъ лѣсничихъ. Я себѣ позволю сказать: стоитъ ошибиться въ одной прививкѣ, и лучшее, самое здоровое, самое доброе деревцо даетъ только горькіе плоды!..

Послѣ раздачи наградъ мы возвращались вмѣстѣ въ гостиницу, отягощенные книгами и вѣнками: прохожіе смотрѣли на насъ, говоря:

— Вотъ старый школьный учитель!.. Вотъ отецъ!

Я слышалъ все это и гордился.

А потомъ въ гостиницѣ мы устроили обѣдъ... О, какой обѣдъ!.. Этого ужъ больше не повторялось. Г. Жакъ, очень высокомѣрный между этими чужестранцами, между этими огромными эльзасцами въ красныхъ жилетахъ, которые вертѣлись вокругъ насъ, г. Жакъ спрашивалъ всѣхъ винъ: бордосскаго, бургонскаго, даже шампанскаго! Подъ конецъ я ужъ и не зналъ, что пилъ; и еслибы намъ не надо было сохранять свое достоинство послѣ такого торжества, мы принялись бы пѣть. Я, который пѣлъ только въ церкви и никогда въ жизни не плясалъ,—

я пѣлъ и плясалъ!.. Я громко хохоталъ, самъ не зная чему, и обнималъ своего воспитанника. Наконецъ, вѣдь, можно одинъ разъ въ пятьдесятъ лѣтъ быть немного навеселѣ; и такъ довольно ужъ непріятностей и бѣдъ; когда случится одинъ прекрасный денекъ, то о немъ долго помнятъ! А потомъ, около пяти часовъ, г. Жакъ заплатилъ, не знаю, сколько; и мы отправились съ чемоданами и пожитками Жоржа, который не долженъ былъ болѣе туда возвращаться. Благодаря Бога, г. мэръ былъ еще въ хорошемъ видѣ; я же ничего не видѣлъ: только вдали, на поляхъ, посмотрѣвъ на скачущихъ лошадей и мелькающія деревья, я сказалъ самъ себѣ:

— На этотъ разъ, Флорансъ, ты можешь похвастать, что вышелъ немного изъ твоей обыкновенной рамки.

Подъѣзжая къ Сарребургу, я уже совсѣмъ оправился. Жоржъ, счастливый окончаніемъ классовъ и возвращеніемъ съ такими наградами, былъ также доволенъ видѣть меня веселымъ, и всю дорогу я только и дѣлалъ, что городилъ околесную, разсказывая своему ученику малѣйшія подробности его молодости: какъ онъ учился складамъ, выводить прямыя линіи, писать первыя цифры на доскѣ, наконецъ, все, что мнѣ приходило на память; а онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Да, г. Флорансъ, я это помню очень хорошо!

Что же касается до г. Жака, то онъ, отъ времени до времени ударялъ лошадей, крича:

— Мы веземъ пять первыхъ наградъ!.. Наше имя будетъ въ «Moniteur de la Meurthe»! Пусть-ка посмотрятъ, есть ли у другихъ столько!.. Отлично!.. Ну!..

Въ три часа мы доѣхали до Шомъ. Тутъ около моихъ дверей шарабанъ остановился на двѣ минуты. Мнѣ пожали руки, и я ушелъ въ восхищеніи; едва я поднялся на первыя ступени нашей лѣстницы, какъ экипажъ уже продолжалъ свой путь чрезъ деревню быстрымъ галопомъ. Я обнялъ мою жену такъ, какъ будто не видалъ ея впродолженіи двухъ лѣтъ. Я смѣялся. Марія-Анна была совершенно изумлена! Но разсудивъ затѣмъ, что это не въ моей привычкѣ такъ дѣйствовать, я вспомнилъ случившееся и, переодѣвшись въ старое платье, важно усѣлся, хотя все еще веселый, и принялся разсказывать своей женѣ и Жюльетѣ, которая вошла въ комнату, всѣ событія этого достопамятнаго дня. Онѣ приняли живо участіе въ моемъ счастіи.

Въ этотъ вечеръ я легъ спать безъ ужина и проспалъ крѣпко до утра; Марія-Анна должна была разбудить меня въ семь часовъ, чтобъ идти въ школу.

Я вамъ разсказалъ про этотъ счастливый день; а теперь пойдемте дальше, такъ какъ одна глава кончена, нужно начать другую.

X.

Въ началѣ сентября Луиза возвратилась изъ Мольсгейма; она также кончила курсъ и посѣтила насъ, какъ и въ прежніе годы. Она стала теперь первой красавицей въ странѣ, взрослая, живая; ни у кого не было такихъ восхитительныхъ бѣлокурыхъ волосъ, какъ у нея, ни такихъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, кроткихъ и пріятныхъ; къ тому же въ ней былъ умъ Ранцо; нужно было смѣяться, несмотря ни на какое расположеніе духа, когда она говорила о добромъ дядѣ Жакѣ и о бородѣ кузена Жоржа, насмѣшливо прищуривая глазъ. Моя жена, Жюльета и я, мы были въ восхищеніи во время этого визита. Наконецъ, все это не мѣшало Луизѣ быть доброй и честной; теперь я, имѣя двухъ моихъ лучшихъ воспитанниковъ въ деревнѣ, обѣщалъ себѣ болѣе пріятное препровожденіе времени, посѣщая ихъ отъ времени до времени. Я ихъ очень любилъ, они меня также, вотъ главное. На этомъ свѣтѣ самое лучшее не обращать вниманія на свои маленькія ошибки.

Два или три дня спустя, въ четвергъ, около часа, мадмуазель Сюзанна, горничная г. пастора, пришла мнѣ сказать, что ея господинъ ожидаетъ меня въ своемъ саду, чтобъ вынуть медъ изъ ульевъ, по нашему обыкновенію.

Г. пасторъ уже приготовилъ маски изъ проволоки, съ ихъ мѣшкомъ, падающимъ на плечи, какъ капишонъ трубочистовъ, и перчатки изъ грубаго холста, доходящія до локтя. Я позаботился заложить брюки въ сапоги, ибо эти трудолюбивыя насѣкомыя не любятъ, когда ихъ безпокоятъ и, въ отмщеніе за похищеніе меда, залѣзаютъ всюду.

Большія острыя ложки и горшки были также готовы, а также старыя тряпки, чтобъ обкуривать улья; съ этого всегда начинаютъ. Я прибылъ весь сіяющій, и г. пасторъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Ну-съ, г-нъ Флорансъ, на этотъ разъ у насъ будетъ

хорошая пожива; въ цвѣтахъ не было недостатка, въ медовомъ цвѣтѣ также; я думаю получить изъ каждаго улья фунтовъ по тридцати меду.

— Увидимъ, увидимъ, г. пасторъ,—отвѣчалъ я ему,—вѣдь часто обманываются: думающіе, что у нихъ нѣтъ совсѣмъ меда, получаютъ и, наоборотъ! И еще нужно позаботиться о пищѣ пчеламъ на зиму; послѣ такого теплаго лѣта у насъ непремѣнно будетъ длинная и жестокая зима.

— Вы правы,—сказалъ онъ.—Ну же, одѣнемтесь.

Онъ снялъ рясу.

Я снялъ фракъ и надѣлъ блузу; но прежде, чѣмъ надѣть маски, хорошо обтянутыя капишонами, и нарукавники, я приказалъ Сюзаннѣ закрыть окна въ домѣ, чтобъ не терять много пчелъ, которыя, остервенясь, провожаютъ людей до самыхъ комнатъ. Послѣ этого я взялъ въ кухнѣ три горящія головни для жаровни, и мы отправились.

Пчелы, какъ будто, ужъ знали, что мы хотимъ дѣлать, ибо, подпуская постоянно насъ къ себѣ, онѣ теперь въ одну минуту облѣпили насъ съ ногъ до головы; онѣ кружились около моей маски; но это ни къ чему не служило, намъ нужно было пройти!

Я началъ обкуривать ихъ, проводя тряпкой по жаровнѣ съ угольями, предъ тремя ульями, а г. пасторъ дулъ въ это время.

При запахѣ дыма всѣ пчелы начали покидать ульи. Пройдя всѣ улья, я возвратился къ первому; всѣ пчелы улетѣли, кромѣ небольшого числа, которыя какъ бы оцѣпенѣли, и я принялся срѣзывать первые соты сверху. Г. пасторъ держалъ мнѣ горшки, а я осторожно клалъ въ нихъ соты, одни на другіе. Это былъ воскъ, бѣлый, какъ снѣгъ, и медъ, лучше котораго я не видѣлъ: прозрачный, золотистаго цвѣта.

Жара была страшная; много пчелъ возвратились назадъ къ ульямъ, такъ что нужно было ихъ снова обкуривать.

Мы прошли такимъ образомъ десять улей г. Жаннекина, не трогая очень молодыхъ, только что выроившихся, у которыхъ не было времени приготовить весь запасъ. Это намъ не мѣшало рѣзать по тридцати фунтовъ, какъ полагалъ г. Жаннекинъ; восемь большихъ горшковъ были наполнены. Я также старался оставлять въ покоѣ молодыхъ пчелъ, еще безъ крыльевъ, и за-

купоренныхъ въ ихъ ячейкахъ, въ формѣ бѣлыхъ гусеницъ; это вѣрное средство впредь ихъ имѣть, неразумные же очень много ихъ губятъ.

Подъ конецъ мы все поставили на мѣста, обложивъ ульи сверху жирной глиной, смѣшанной съ коровьимъ навозомъ, ибо только онъ предохраняетъ пчелъ отъ холода. Другимъ словомъ нельзя было этого выразить, да къ тому же это вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій совѣтъ для пчеловодовъ.

Потомъ, видя, что все въ порядкѣ, мы хотѣли возвратиться въ домъ, когда на порогѣ, позади садовой рѣшетки, мы услышали крики и торопливые удары кнута. Какой-то экипажъ въѣзжалъ въ деревню, и наши пчелы, разсерженныя, бросились на этихъ людей. Мы слышали, какъ они кричали.

— Сколько пчелъ!.. Ну же... поспѣшите!.. Поѣзжайте! Кой чортъ принесъ этихъ пчелъ!.. Откуда это?

Говорящій это былъ иностранецъ, а одинъ изъ нашихъ крестьянъ отвѣчалъ:

— Это, милостивый государь, пчелы г. пастора.

— А!—воскликнулъ другой.—Я догадывался; это только и могло быть отъ него.

Онъ ругалъ іезуитовъ и духовенство такъ, что по удаленіи экипажа мы не могли удержаться отъ смѣха, и самъ г. Жаннекинъ сказалъ:

— Ну... ну... этотъ насъ не пощадилъ... это, вѣроятно, какой-нибудь фабричный... Онъ иностранецъ?

— Да,—отвѣтилъ я,—говоритъ, какъ истый парижанинъ; а онъ будетъ-таки искусанъ.

Говоря это, я тихо раздвинулъ листья и увидалъ въ ста шагахъ отъ насъ, позади рѣшетки, огромную карету, а на ней огромный бѣлый деревянный ящикъ. Старый Доминикъ, лакей г. Жана, держалъ подъ уздцы лошадей, а немного далѣе бѣжалъ иностранецъ, держа у носа платокъ. Что могло заключаться въ этомъ ящикѣ? Я спрашивалъ себя объ этомъ, думая, что этотъ ящикъ пріѣхалъ къ г. Жану и, должно быть, издалека. Сдѣлавъ это заключеніе, я воротился кончать работу. Мы отнесли горшки въ маленькую темную комнатку, гдѣ г. Жаннекинъ держалъ зимой цвѣты и свои садовничьи инструменты.

Сюзанна, увидѣвъ, что мы входимъ, поспѣшила скрыться; всѣ окна были облѣплены пчелами; г. пасторъ, смѣясь сказалъ:

— Сюзанна, идите-же пробовать нашъ медъ!

— Благодарю, благодарю, г. пасторъ, — кричала она за дверью; я попробую послѣ!

Развеселившись такимъ образомъ, мы обкурились и освободились, наконецъ, отъ масокъ, рукавицъ и блузъ.

Количество меда, вынутаго нами, было громадно; г. пасторъ очень довольный, самъ взялъ въ кухнѣ тарелку и положилъ на нее три лучшихъ сота, сказавъ:

— Это для васъ, любезный г. Флорансъ, я васъ очень благодарю за хлопоты, которыя вы для меня охотно на себя взяли.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, г. пасторъ,—отвѣчалъ я.

— Я это знаю и благодарю васъ за это,—сказалъ онъ.— Такъ, до свиданья!

Я ушелъ съ своей тарелкой, предварительно накрывъ ее. Хотя прошло уже около часу послѣ операціи, однако, милліарды пчелъ, выгнанныхъ дымомъ, летали еще повсюду; но онѣ ужъ начинали возвращаться, и вотъ почему только три или четыре изъ самыхъ остервенѣлыхъ преслѣдовали меня, чувствуя запахъ меда и желая его отобрать. Наконецъ, я пришелъ къ себѣ и быстро захлопнулъ дверь. Моя жена и Жюльета были удивлены прекрасными сотами, которые я принесъ, и тотчасъ поставили ихъ на холодъ въ чуланъ.

— Видѣлъ ли ты проѣхавшую огромную карету?—спросила меня жена, въ то время, какъ я мылъ руки и лицо въ нашей маленькой кухнѣ.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ я ей, смѣясь.

— А! Вся деревня говоритъ объ этомъ.

— А, что? Былъ ли кондукторъ искусанъ?

— Да, подъ носомъ и на шеѣ; но это пустяки, не объ этомъ говорятъ; говорятъ о прекрасной мебели и о восхитительномъ роялѣ, которые г. Жанъ выписалъ изъ Парижа для дочери. Наша сосѣдка, г-жа Буверетъ, и жители всей деревни говорятъ, что никогда не видѣли ничего столь прекраснаго

Когда она это разсказывала, мнѣ пришла мысль пойти посмотрѣть; ужъ давно мнѣ хотѣлось увидѣть настоящее фортепьяно изъ Парижа; у насъ было только Харшкиршское, изъ Лорэна, въ три октавы; а производители въ этой странѣ, я могу это сказать, не причинивъ имъ большой несправедливости, настоящіе пачкуны. Ихъ рояли не держатъ строя; надо постоянно

имѣть ключъ въ карманѣ, чтобъ поднимать ноты на полтона, а осенью дерево коробитъ, и струны лопаются съ страшнымъ трескомъ. Это какъ коровы еврея Ильи; прежде чѣмъ заплатить за инструментъ, хорошо было бы сдѣлать подробный списокъ всѣхъ хорошихъ качествъ, которыя ему приписываютъ фабриканты; тогда, можетъ быть, мѣняя, можно было бы найти одинъ подходящій изъ пятидесяти.

Моя жена также хотѣла сбѣгать туда, но я сказалъ ей, что она можетъ это дѣлать на другой день, тогда какъ мнѣ только и можно въ четвергъ, и я вышелъ, обѣщая къ ужину возвратиться домой.

Выйдя на улицу, я увидѣлъ нѣсколькихъ сосѣдей и сосѣдокъ предъ домомъ г. Жана; другіе также прибывали; дѣвушки, возвращаясь изъ лѣсу съ огромными пуками сухихъ листьевъ, завернутыхъ въ парусину на головѣ, бросали свои ноши на землю; и всѣ эти люди толпились около отворенныхъ оконъ, смотря, что происходило въ нижнемъ залѣ.

Кажется, что Луиза меня увидѣла, когда я шелъ, потому что она вышла и, смѣясь, сказала мнѣ:

— А, г. Флорансъ, хорошо, что вы пришли... Войдите!.. Посмотрите, какое прекрасное фортепьяно купилъ мнѣ отецъ.

— Для этого-то я и пришелъ, дитя мое,—сказалъ я ей, входя въ залъ, заново перекрашенный и обитый голубыми обоями.

Рояль былъ поставленъ между двухъ оконъ, выходившихъ на улицу. Г. Жанъ съ спотѣвшимъ лбомъ, скрестивъ руки на спинѣ, расхаживалъ вдоль и поперекъ съ озабоченнымъ видомъ.

— А! Это вы, г. Флорансъ,—сказалъ онъ, остановившись;— вы пришли посмотрѣть нашъ инструментъ: вотъ, посмотрите... Что вы о немъ скажете?

Мнѣ захотѣлось все разсмотрѣть, и не безъ основанія, ибо эта мебель своимъ блескомъ привлекла мое вниманіе: рояль былъ палисандроваго дерева, ножки изъ бронзы, похожей на золото, высокій, прямой, вродѣ буфета, онъ блестѣлъ, какъ зеркало; да и кромѣ наружнаго вида, онъ долженъ былъ быть восхитительнымъ. Этотъ рояль не чета Харшкирскимъ; на него не щадятъ работы. Но все, что я могъ предположить, было ничто предъ тѣмъ, что я долженъ былъ услышать.

Луиза, желая показать мнѣ свой талантъ въ музыкѣ, поспѣшила его открыть; прекрасныя клавиши изъ слоновой кости и чернаго дерева полутоны блестѣли на солнцѣ; а когда ея маленькія бѣлыя ручки принялись бѣгать, всходя и сбѣгая по октавамъ, какъ молнія, и я услышалъ эти звуки флейты, гобоя, и басовые полные звуки, густые, звонкіе, какъ колокола, тогда я подумалъ, что дѣйствительно нахожусь въ раю.

Луиза была гораздо сильнѣе меня въ этомъ; у ней была аппликатура, которая показывала, съ какимъ стараніемъ преподаются искусства въ Мольсгеймѣ; да, надо отдать справедливость добрымъ сестрамъ, онѣ не пренебрегали этимъ обученіемъ. Только, если мнѣ позволятъ сказать, связь аккордовъ, которую можно получить только чрезъ упражненіе на инструментѣ, гдѣ должно выдерживать всѣ звуки, этой-то связи, перехода отъ одного тона къ другому, что называютъ фугой, и которую выдѣлывалъ такъ мастерски старикъ Лабади, да еще нѣкоторыхъ мелочей въ выраженіи и не доставало ей.—Но все-таки она играла очень хорошо, и торопливость, съ какой она принялась выказывать мнѣ свое знаніе, повредила, можетъ быть, немного такту.

Наконецъ, я ничего не могъ сказать и восхищался, слушая ее.

— Вы довольны, въ самомъ дѣлѣ, довольны, любезный мой г. Флорансъ?—говорила она.

— Я восхищенъ,—сказалъ я ей,—ты счастливишь меня во всѣхъ отношеніяхъ.

— Хорошо же, садитесь,—вскричала она,—нужно, чтобъ я также пропѣла!—Вы мнѣ будете аккомпанировать г. Флорансъ, вы будете пѣть вмѣстѣ со мною.

— Что ты выдумала?—сказалъ я ей тогда; мнѣ пѣть съ тобой... Но я только и знаю церковныя пѣсни: Господи помилуй, Слава въ Вышнихъ, Аллилуйя..

— Все равно, все равно!.. Что жъ, мы споемъ церковныя пѣсни. Въ капеллѣ добрыхъ сестеръ я пѣла контръ-альто. У васъ прекрасный басъ, г. Флорансъ, намъ нужно пѣть вмѣстѣ.

Тогда, чтобы ей не противорѣчить, я послалъ одного изъ моихъ учениковъ, который смотрѣлъ въ окно, поискать поскорѣе у меня дома книгу для органа. — Онъ побѣжалъ босыми ногами по пыли и воротился чрезъ пять минутъ, принеся книгу.

Г. Жанъ, для котораго только и существовала воля дочери, также казался довольнымъ услышать, какъ мы будемъ пѣть. Я же поставилъ свою тетрадь на блестящій пюпитръ, положилъ ноги на прекрасныя педали, и пропустилъ три такта молчанія: разъ, два, три! Мы начали большое «Господи помилуй», какъ при полномъ собраніи:

«Господи.., Господи... Господи... по-о-милуй...» Никогда не думалъ я, чтобъ Луиза обладала такимъ прекраснымъ голосомъ; это былъ голосъ полный, трогательный, который все поднимался, поднимался до небесъ.—Въ первую минуту меня бросило въ дрожь; я вытаращилъ глаза, думая, что это будетъ постоянно возвышаться; къ счастью, ноты были назначены, нужно было слѣдить за ними.—И какъ ничто васъ такъ не ободряетъ и не воодушевляетъ, какъ слушать такой голосъ, то я не запомню, чтобъ пѣлъ такъ хорошо во всю мою жизнь, какъ въ тотъ день; мнѣ казалось, что мой басъ достоинъ аккомпанировать подобному пѣнію.

Вотъ дѣйствія соревнованія!.. Когда вы поете подъ старый одышливый органъ, въ маленькой церкви безъ резонанса, гдѣ дѣти въ хорѣ испускаютъ пронзительные и невѣрные крики, въ присутствіи стариковъ, разсѣвшихся на скамьяхъ и которые не слушаютъ, потому что стали глухими, то вы отлично можете оставить въ покоѣ ноты, возвышать голосъ, прижимать педали; это не повредитъ дѣлу.

Какая разница въ этотъ день!

Г. Жанъ отворилъ всѣ окна; вся деревня снаружи слушала насъ, а мы объ этомъ и не думали; удовольствіе пѣть то «Аллилуйя», то «О, Salutaris», уносило насъ далеко и приводило въ энтузіазмъ. Я опять сдѣлался ребенкомъ и исполнялъ все, что хотѣла Луиза; а ночь наступила, какъ будто въ одну минуту. Тогда только я вспомнилъ, что время ужина прошло; я поднялся, сказавъ:

— А моя жена... Жюльета... онѣ меня дожидаютъ ужинать!

Г. Жанъ смѣялся; онъ хотѣлъ оставить меня ужинать, но разъ я обѣщалъ придти домой, мнѣ это казалось невозможнымъ. Я вышелъ. Луиза и отецъ ея провожали меня. Старикъ сказалъ:

— А вѣдь у васъ идетъ... отлично идетъ!.. Да, эти парижане дѣлаютъ славные инструменты; но вѣдь это и стоитъ, г.

Флорансъ!.. Подумайте-ка немного, сколько я заплатилъ за эту вещь?

— Это никогда не можетъ стоить слишкомъ дорого, г. Ранцо,—отвѣчалъ я ему;—когда вещь безподобна, она никогда не бываетъ слишкомъ дорога.

— Безъ сомнѣнія... безъ сомнѣнія,—говорилъ онъ со смѣхомъ,—но рояль стоитъ двѣ тысячи франковъ!..

— Ба! Это немного для васъ...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Я смѣло могу себѣ позволить это!.. Но двѣ тысячи франковъ всегда останутся двумя тысячами франковъ; мнѣ нужно продать сотни фунтовъ соли и возы сѣна и соломы, чтобъ возвратить ихъ... Двѣ тысячи франковъ!.. Парижане не должны бросать издѣлія роялей, они получаютъ отъ этого огромную пользу.

— Это справедливо, г. Ранцо; гдѣ заслуга, тамъ должна быть и благодарность.

— Я и не говорю противнаго.

Разговаривая такимъ образомъ, мы стояли въ дверяхъ; народъ разошелся. Луиза подала мнѣ руку, говоря:

— Вы придете еще, г. Флорансъ, вы придете?..

— Безъ всякаго сомнѣнія, дитя мое, буду приходить какъ можно чаще.

Во время моего выхода, за рѣшеткой сада г. Жака, я встрѣтилъ Жоржа, уходившаго медленно и наклоняющагося, какъ бы чтобъ спрятаться. Что онъ слышалъ, я въ этомъ увѣренъ; можетъ быть, онъ даже слушалъ. Вотъ что я говорилъ самъ себѣ.

Наконецъ, пожелавъ ему спокойной ночи, я отправился домой, вспоминая объ удовольствіи, которое я имѣлъ въ нынѣшній день, и обѣщая воспользоваться приглашеніями, сдѣланными мнѣ. Во время ужина я разсказывалъ всѣ эти вещи въ подробностяхъ женѣ и дочери, а потомъ, помолившись Богу, мы отправились спать.

XI

Теперь все шло хорошо. Послѣ двадцати пяти лѣтъ работы я началъ собирать плоды моихъ трудовъ; Поль кончалъ свои занятія въ городскомъ училищѣ и долженъ былъ получить хорошее мѣсто; Жюльета имѣла столько работы въ вышиваньѣ, что не успѣвала управиться; моя жена и я, мы, слава Богу, были

постоянно здоровы. Мои два лучшихъ воспитанника возвратились; всѣ меня любили, чего мнѣ было желать болѣе? Я смотрѣлъ на себя, какъ на самаго счастливаго человѣка.

Но въ это время случилось одно обстоятельство очень непріятное. Въ слѣдующій четвергъ, перебирая старыя тетради отца Лабади, я отыскалъ много хорошенькихъ кусочковъ изъ Моцарта и пошелъ отнести ихъ къ Луизѣ; прибывъ туда, я нашелъ г-на Жана въ необыкновенной досадѣ. Онъ стоялъ у окна и, увидѣвъ меня, сказалъ, раздвинувъ занавѣси:

— Подите сюда, г-нъ Флорансъ, посмотрите-ка на эту фигуру; видали вы что-нибудь гнуснѣе этого?

Онъ мнѣ показывалъ на своего брата Жака; тотъ преспокойно сидѣлъ въ рубашкѣ, на кучѣ сноповъ, въ углу своей риги, и нюхалъ табакъ съ улыбкой.

Я не зналъ, чего хотѣлъ отъ него г-нъ Жанъ, когда, принявшись ходить по залу, онъ воскликнулъ:

— Въ прошломъ году, бѣдные люди молотили его хлѣбъ въ другой ригѣ, позади его дома; у него была отдушина съ той же стороны, въ садъ, чтобъ не задохнуться отъ пыли, ибо пыль также хорошо проходитъ къ нему, какъ и къ намъ; но нынѣшній годъ, чтобы помѣшать моей дочери заниматься музыкой, онъ приказываетъ молотить за три недѣли до надлежащаго времени, отворивъ двери на улицу; онъ хочетъ оглушить насъ и заставить запереть окна! Развѣ такой негодяй не заслуживаетъ отправиться въ Тулонъ! Развѣ онъ не заслуживаетъ, чтобъ его каждый день колотили палкой по спинѣ?

Никогда г-нъ Жанъ не казался мнѣ такъ разсерженнымъ; его щеки дрожали, и какъ, къ несчастью, тикъ-такъ, тикъ-такъ продолжались, и вся улица была наполнена шумомъ и пылью, то мнѣ ничего нельзя было отвѣчать ему на это. Но чрезъ минуту мнѣ пришло въ голову возраженіе, и я сказалъ:

— Г-нъ Ранцо, это очень скучно; но, можетъ быть, г. Жакъ не думаетъ объ этомъ; можетъ быть, у него есть другія причины, чтобы молотить свой хлѣбъ на улицѣ. Боже мой, вѣдь нельзя же знать; нужно всегда предполагать лучшее и не смотрѣть на вещи только съ худой стороны...

— Вы добрый человѣкъ,—перебилъ меня г-нъ Жанъ,—вы хотите быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми; въ вашемъ положеніи это оправдывается, бездѣльникъ можетъ лишить васъ

мѣста въ ратушѣ; но я вамъ говорю, что это такъ. Я его знаю очень давно, онъ только и дѣлаетъ зло, у него только и удовольствіе вредить, онъ только и думаетъ, какъ бы надоѣдать честнымъ людямъ; онъ слишкомъ глупъ для сильныхъ ударовъ, да къ тому же боится галеръ; но если бы онъ имѣлъ столько же власти, какъ и злости, вы бы навѣрное увидѣли много другихъ поступковъ, гдѣ бы нахалъ участвовалъ. А! Бездѣльникъ... И говорить, что это самъ Богъ даетъ вамъ подобныхъ братьевъ! Вотъ... вотъ... А развѣ не осудятъ стараго еврея, стараго ростовщика, который отыскиваетъ въ своемъ умѣ средства уничтожить людской родъ.

Г-нъ Жанъ не думалъ, что онъ походилъ на своего брата, исключая того, что онъ былъ плѣшивъ, а у того сѣдые волосы; гнѣвъ его ослѣплялъ.

Наконецъ, видя это и не желая вмѣшиваться въ чужіе дѣла, я положилъ свою тетрадь на рояль и сказалъ Лунзѣ:

— Слушай, дитя мое, не огорчайся очень, я тебѣ принесъ ноты, но такъ какъ нельзя играть по причинѣ шума, ну, чтожъ, я приду въ воскресенье, послѣ вечерни; г-нъ Жакъ не можетъ молотить въ ригѣ въ священный день воскресенья, и мы попробуемъ эти новые кусочки.

И поклонившись г-нъ Жану, я вышелъ изъ задней двери, боясь встрѣтить г-на Жака, который бы сталъ разспрашивать меня о новостяхъ и, можетъ быть, подалъ бы мнѣ руку передъ своимъ братомъ. Я вышелъ въ садъ въ аллею, разсуждая о семейномъ раздорѣ, который часто приводитъ насъ къ печальному концу.

Я хорошо видѣлъ г-на Жака, который смѣялся, сидя на снопахъ предъ своей ригой; да, я видѣлъ злостное удовольствіе, отражавшееся на его лицѣ, и все-таки я не смѣлъ вѣрить всему, что про него говорилъ г-нъ Жанъ; это мнѣ казалось слишкомъ преувеличеннымъ!..

Вечеромъ того же дня, Жоржъ, возвращаясь съ пильныхъ заводовъ отца, около Саррегбурга, пришелъ къ намъ послѣ ужина и сказалъ мнѣ весело:

— Вотъ нѣчто для васъ, г-нъ Флорансъ; это бѣлый верескъ съ высокой горы; онъ рѣдокъ, и я поэтому думалъ, что это доставитъ вамъ удовольствіе.

— А! Да, ты мнѣ сдѣлалъ большое удовольствіе,—отвѣчалъ

я ему.- Садись. У меня ужъ много вересковъ, но нѣтъ такого, это родъ очень рѣдкій въ семействѣ. Марія-Анна принесла намъ вишенъ и водки; Жоржъ, навѣрное, отвѣдаетъ вишенъ вмѣстѣ со мной.

— Съ большимъ удовольствіемъ, г-нъ Флорансъ, сказалъ онъ, садясь.

И пока моя жена приготовляла вишни и говорила о высокихъ мѣстахъ, гдѣ растутъ бѣлые вересковъ, и о лѣсопильныхъ заводахъ, о рубкѣ лѣса, о продажѣ дровъ, объ оцѣнкѣ, мнѣ пришла въ голову мысль о ригѣ.

— А, вотъ что,—сказалъ я ему,—мы молотите теперь свой овесъ и рожь на улицѣ; представь себѣ, твой дядя, Жанъ, думаетъ, что это дѣлается для того, чтобъ помѣшать Луизѣ заниматься музыкой. Ты хорошо знаешь, что мнѣ не могутъ придти въ голову такія мысли; онъ...

Тутъ онъ принялся громко хохотать и сказалъ:

— Слушайте-ка, г-нъ Флорансъ, вѣдь это довольно непріятно слушать крики съ утра до вечера и брякапья по фортепіано.

— Какъ, Жоржъ,—сказалъ я ему,—ты, который учился музыкѣ въ коллегіи и играешь очень хорошо на флейтѣ, ты можешь сказать, кричитъ ли Луиза?.. Она поетъ... у ней много вкуса и даже таланта. Ея голосъ восхитителенъ...

Моя жена, сидя въ углу, у окна, дѣлала мнѣ знаки, чтобъ я молчалъ, но справедливость заставляла меня говорить, и я не могъ слышать этого, не разсердившись.

Жоржъ весь покраснѣлъ.

— Э,—сказалъ онъ смущеннымъ голосомъ,—это очень можетъ быть... Я не утверждаю противнаго! Но что хотите, если мой отецъ не любитъ музыки... Каждый думаетъ о ней, какъ ему хочется...

Такъ какъ я качалъ головой, какъ бы говоря: все это худыя причины, онъ продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ съ давнихъ поръ намъ несносенъ... Думаете ли вы, что это пріятно, г-нъ Флорансъ, видѣть подобнаго негодяя, который укралъ у насъ домъ дѣда и покупаетъ рояль въ двѣ тысячи франковъ на наши деньги?

— Но,—вскричалъ я, несмотря на знаки моей жены,—это ужъ слишкомъ, не будемъ говорить болѣе объ этомъ, мы не

можемъ выслушивать одинъ другого. Луиза у васъ ничего не украла... Послѣ ея пріѣзда я узналъ въ ней всѣ добрыя качества; она восхитительна, я ее очень люблю, и меня сильно огорчаетъ, что ты и твой отецъ дѣлаете ей столько непріятностей!

Моя жена казалась очень встревоженной, но у меня сердце слишкомъ переполнилось, чтобъ молчать; Жоржъ слушалъ, смотря на меня, и я прибавилъ:

— Я бы очень хотѣлъ знать, есть ли во всемъ округѣ Сарребурга дѣвушка, лучше воспитанная и красивѣе, чѣмъ твоя кузина? Я не Ранцо, я не хочу льстить Ранцо, но еслибъ я имѣлъ честь принадлежать къ первому семейству въ странѣ, то не сталъ бы постоянно кричать противъ моихъ родственниковъ; напротивъ, я бы гордился всѣми, кто принадлежалъ бы къ моему роду. Вотъ, что я думаю и что скажу также Луизѣ, если она будетъ отзываться худо о тебѣ!

Я былъ совершенно выведенъ изъ терпѣнья

Вдругъ Жоржъ схватилъ мою руку и вскричалъ:

— Вы на меня сердитесь, г-нъ Флорансъ?

— Сердиться на тебя? Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ я ему.—Я люблю всѣхъ моихъ старыхъ учениковъ, особенно, если я ихъ уважаю и уважаю очень. Вотъ, почему я и разсердился на твою несправедливость; будь это другой, мнѣ это ничего бы не значило.

Онъ посмотрѣлъ на меня, растроганный и, сжавъ мнѣ руку, вскричалъ:

— Да, вы правы... Я васъ люблю еще болѣе за это, если это возможно. Всѣ люди должны бы были походить на васъ.

Онъ поднялся.

— До свиданья, г-нъ и г-жа Флорансъ. Покойной ночи, Жюльета.—И, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Если вы хотите, то мы пойдемъ какъ-нибудь на этихъ дняхъ на высокую гору, мой дорогой учитель; вы увидите, какая прекрасная мѣстность у истоковъ Сарры.

— Да, Жоржъ, мы отправимся,—сказалъ я ему,—я всегда люблю поговорить съ тобой.

Я проводилъ его до дверей. Онъ мнѣ пожалъ руку, пожелалъ доброй ночи и убѣжалъ.

Когда я успокоился, то почувствовалъ какое-то удовольствіе, что высказалъ бывшее у меня на сердцѣ, но жена моя

дѣлала мнѣ выговоры, предсказывая, что, наконецъ, я буду между г-номъ Жаномъ и г-номъ Жакомъ, какъ между молотомъ и наковальней.

— Ну, что-жъ, тѣмъ хуже!—вскричалъ я.—Да мнѣ это все равно!

Я отвѣдалъ слишкомъ много вишенъ и водки и не видѣлъ въ этомъ опасности.

— Тѣмъ хуже! Если эти люди сдѣлаютъ мнѣ зло оттого, что я ихъ люблю, то это ихъ дѣло; они въ этомъ раскаются... Богъ ихъ накажетъ!

Вотъ что значитъ предоставить себѣ обольститься вкусомъ, это можетъ повести къ большимъ несчастьямъ. Однако же, со мной не случилось ничего дурного, а въ слѣдующій четвергъ, Жоржъ, въ блузѣ и въ большой соломенной шляпѣ, съ палкой въ рукѣ, пришелъ за мной, чтобъ идти на лѣсопильный заводъ. Я положилъ кусокъ хлѣба и маленькую фляжку водки въ свой мѣшокъ, и мы весело отправились.

Несмотря на мои пятьдесять лѣтъ, я, будучи темперамента холоднаго, даже нервнаго, ходилъ еще хорошо.

Красота страны, большія деревья, плющи, мхи, игривый свѣтъ въ листвѣ, свѣжесть маленькихъ ручейковъ, падающихъ между скалъ, тысячи насѣкомыхъ, кружащихся на солнечныхъ лучахъ, бархатныя лѣсныя бабочки; все это меня возбуждало и дѣлало меня внимательнымъ, какъ въ двадцать лѣтъ.

А то еще послѣ большого перехода, входя и спускаясь по вереску и сухой черникѣ, какъ пріятно было спускаться вдругъ въ тѣнистую долину, гдѣ извивается рѣка; предъ вами старая лѣсопильня, покрытая мшистымъ гонтомъ: ея маленькій мостъ, тяжелое колесо, прудъ, множество досокъ въ видѣ вѣера, станокъ въ ходу для обтесыванія досокъ топоромъ, который можно видѣть издалека; къ тому же шумъ пилы, журчанье воды подъ шлюзами наполняютъ тишину; а сокола на охотѣ вертятся въ небѣ надъ ельникомъ!

Вотъ что я любилъ болѣе всего, и что меня заставляло забывать усталость.

Что касается Жоржа, то его дѣломъ была оцѣнка лѣса, онъ имѣлъ взглядъ оцѣнщика.

— Сколько эта сосна можетъ дать досокъ и кубическихъ метровъ топлива?

— Столько-то!

— А этотъ старый букъ?

— Столько-то.

Онъ никогда не ошибался, получая съ ранней молодости уроки отъ своего отца и потомъ выучившись вычисленіямъ. Всѣ видѣли, что изъ него выйдетъ отличный продавецъ лѣса, настоящій коммерческій человѣкъ; и я радовался за него, думая, однако, совсѣмъ о другомъ предметѣ. Мы отправились въ пять часовъ утра, а въ девять прибыли къ подошвѣ горы Лангина, возлѣ истоковъ красной Сарры, въ узкій проходъ, наполненный черными мѣстами, показывающими, что здѣсь выжигаютъ угли. Въ окрестностяхъ не было ни души, послѣднія корзинки спустились къ кузницамъ въ долинѣ; только и оставалась хижина угольщика на берегу ручья, наполненнаго дикимъ крессомъ.

Жоржъ пропихнулъ руку въ трещину двери и отворилъ щеколду изнутри; потомъ, бросивъ свой мѣшокъ на землю, онъ побросалъ въ огонь остатокъ почернѣвшихъ щепокъ вмѣстѣ съ сучьями сосны; потомъ, высѣкши кремнемъ огонь, онъ положилъ трутъ въ связку сухого вереска, который тотчасъ же вспыхнулъ; огонь поднялся на очагѣ, и дымъ развернулся въ безмолвіи лѣса.

Такъ дѣлали первобытные люди; но тогда этотъ дымъ, восходя доверха деревьевъ, возвѣщалъ, что человѣческая душа пробуждалась, и что у дикихъ звѣрей былъ господинъ. Я читалъ это гдѣ-то, но не помню гдѣ.

Сдѣлавъ это, Жоржъ вытащилъ изъ своего мѣшка двѣ хорошія колбасы, отлично прокопченныя: онъ ихъ закопалъ въ теплую золу подъ уголья; я же вытащилъ свою тыквенную бутылку, и мы усѣлись, очень довольные. Аппетитный запахъ колбасъ наполнилъ хижину; снаружи пѣли сѣрые дрозды и синицы, которые охотно держатся около лѣсныхъ жилищъ. Поднялся маленькій вѣтерокъ, шелестя листьями; эта прохлада намъ была очень пріятна, такъ что у насъ теперь было все.

Я не желалъ быть въ другомъ положеніи; это было бы самымъ прекраснымъ препровожденіемъ времени, еслибъ исполненіе нашихъ обязанностей не призывало насъ въ деревню.

Мы отдыхали такимъ образомъ до одиннадцати часовъ; тогда надо уже было снова взяться за палки, и мы весело спустились къ первой лѣсопильнѣ, гдѣ Жоржъ сдѣлалъ списокъ бре-

венъ, дубовыхъ досокъ и дровъ, заготовленныхъ для поставокъ, въ кубическихъ метрахъ.

Нѣсколько грузовъ прибыло еще съ сосѣдней рубки: цѣлые стволы, покрытые корой, привязанные цѣпями къ телѣгѣ, а впереди маленькіе рыжіе быки, съ свирѣпыми глазами, съ ногами, вдавленными въ песокъ, тихо тащились, направляя всѣ свои силы. Слышно было, какъ оси пищали и колеса трещали по ямистой дорогѣ, полной рытвинъ, откуда вода изъ тысячи маленькихъ ручейковъ бѣжала, подобно ртути, подъ тѣнь сосенъ. Эта вода освѣжала ноги бѣдныхъ животныхъ. И вездѣ, вокругъ ущелья поднимались къ небу синія горы.

Нельзя было себѣ представить что-либо болѣе прекрасное. Щелканье кнутовъ на днѣ долины, громкіе крики дровосѣковъ переносились съ одной горы на другую, рѣзкіе удары топора и время отъ времени колокольчики животныхъ, блуждающихъ по пастбищу, весь этотъ шумъ смѣшивался вмѣстѣ съ шелестомъ листьевъ и монотоннымъ журчаньемъ рѣки. Какое движеніе даже въ этихъ мѣстахъ, про которыя думали, что онѣ покинуты! Надо работать, постоянно работать... Это жизнь! Угольщики, судовщики, дровосѣки, скотъ, все работаетъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Но это величественное зрѣлище наводитъ васъ на мысль объ отдыхѣ и вѣчности

Въ то время, какъ я размышлялъ, сидя на маленькомъ мостикѣ, свѣсивъ ноги и глядя дальше на старый прудъ, наполовину наполненный деревянными щепками, гдѣ сплавщики строили одинъ изъ огромныхъ лѣсныхъ плотовъ, которые спускаются по Саррѣ, да Саарбрюкена, въ Пруссіи, Жоржъ, кончивъ свою работу и взявъ книги, сдѣлалъ мнѣ знакъ, и мы отправились дальше, немного отдохнувъ.

Мы пошли тогда по тропинкѣ, полной корней; она идетъ сбоку, надъ дорогой для экипажей. Было очень жарко; стрекозы, кузнечики поднимались съ земли къ облакамъ и вертѣлись подъ нашими ногами; нѣсколько большихъ зеленыхъ ящерицъ грѣлись на горячемъ пескѣ и, при нашемъ приближеніи, съ трудомъ перетаскивали свой животъ, наполненный насѣкомыми, въ сосѣдній хворостникъ.

Потъ покрывалъ наши лбы; мы шли въ молчаніи подъ тѣнистой листвой сосенъ; мы мечтали. Мнѣ приходили на память далекіе дни юности; я вспоминалъ первое время моего прибытія

въ эту страну, мои первыя удивленія, мою первую дружбу съ дѣдушкой Лабади, благоговѣйную любовь къ его дочери, которая постоянно занималась шитьемъ и починкой стараго платья, бросая на меня отъ времени до времени боязливый взглядъ; и потомъ первыя слова, первые вопросы, когда она отняла отъ меня тихо свою руку и сказала дрожащимъ голосомъ: «Г-нъ Флорансъ, скажите моему отцу».

Она отворотилась: я былъ боязливъ и робокъ, какъ и она. А потомъ признаніе, обѣщанія, уединенныя прогулки, грезы вдали, на косогорѣ. «Что дѣлаетъ она? Думаетъ ли обо мнѣ?» Любовь, свадьба...

Эти лѣса, гдѣ я провелъ столько времени, мнѣ напомнили все это.

Что касается Жоржа, я не знаю, о чемъ онъ думалъ, онъ былъ также грустенъ; и вдругъ, увидѣвъ слабый свѣтъ опушки лѣса онъ сказалъ мнѣ:

— Вы еще хорошо идете, г-нъ Флорансъ; вы не устали еще?

— Нѣтъ! Я не устаю, когда мечтаю.

— О чемъ мечтаете вы?

— А!.. О многихъ вещахъ... О прошедшихъ дняхъ, о жизни... Позже, Жоржъ, ты узнаешь, о чемъ мечтаютъ, когда придетъ время. Теперь ты еще въ полномъ цвѣтѣ своей молодости, я не могу тебѣ этого объяснить, ты еще не оглядываешься на прошедшее. Но ты самъ, о чемъ ты думалъ?

— Да я и не знаю, о чемъ!..

Разговаривая такимъ образомъ, мы вышли на дорогу въ нашей долинѣ, окаймленную съ одной стороны лѣсомъ, а съ другой изгородью, которая отдѣляетъ отъ нея луга, такъ какъ ниже, за сто шаговъ течетъ рѣка посреди большого луга г. Жана.

Такъ какъ лѣто было очень жаркое, то былъ еще второй сѣнокосъ. Мы уже давно слышали смѣхъ и пѣсни сушильщицъ сѣна. Скоро сквозь ольховыя деревья мы увидѣли высокій возъ сѣна, который пускался въ путь съ другого берега, спускаясь съ песчаной дороги, чтобъ переправиться вбродъ, черезъ рѣчку, которая была очень мелка вслѣдствіе засухи; она имѣла всего футъ глубины; и повозка, спускаясь медленно, покачивалась налѣво и направо, вслѣдствіе того, что колеса ея очень погружались въ мокрый песокъ.

Вокругъ воза женщины съ граблями на плечахъ смотрѣли,

какъ онъ спускается: большіе быки г-на Жана, черный и бѣлый, шли впереди мѣрнымъ шагомъ; а немного позади шла Луиза въ маленькомъ индѣйскомъ платьѣ, въ большой соломенной шляпѣ съ гибкими полями, достающими до шеи; ея бѣлокурые волосы были немного растрепаны, и щеки оживлены отъ усердной работы. Она говорила, и казалось, что она говорила сушильщицамъ:

— Дорога плохая... возъ наклоняется!..

Мы ее не слышали; мы разсматривали сквозь листву эту прекрасную картину, окруженную зеленѣющими лугами и высокими горами.

Жоржъ также казался внимательнымъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Возъ худо наложенъ... онъ опрокинется!..

Онъ засмѣялся, когда показалось, что песокъ въ водѣ опустился подъ возомъ.

Тогда со всѣхъ сторонъ раздался крикъ испугавшихся женщинъ, поднимавшихъ руки къ небу; и въ ту же минуту мы увидѣли другое зрѣлище: Луиза сбѣжала, какъ вѣтеръ; она держала длинныя вилы и, не безпокоясь ни о чемъ, вошла въ рѣку, подперевъ вилой ту сторону воза, которая наклонялась, крича:

— Сюда!.. Сюда!.. Не бойтесь...

Но другія, хотя и видѣли опасность, но не очень спѣшили бѣжать на помощь.

Ея слабыя усилія не могли поддержать эту громаду; возъ могъ ее задавить. Я дрожалъ.

Тогда Жоржъ однимъ скачкомъ перепрыгнулъ хворостникъ, потомъ въ три или четыре подобныхъ прыжка сбѣжалъ съ покатаго луга, потомъ, вскочивъ въ воду по колѣна, онъ взялъ вилы изъ рукъ Луизы и съ страшными усиліями поднялъ эту массу, готовую обвалиться на нихъ. Въ то же время онъ гнѣвно закричалъ:

— Ну!.. Ну же! Ну!.. Погоняйте вашихъ быковъ... чтобъ они подвигались впередъ!..

Сушильщицы, видя теперь, что нечего больше бояться, также прибѣжали, уставивъ свои грабли въ сѣно, а старый Доминикъ впереди дергалъ своихъ быковъ и усердно погонялъ ихъ кнутомъ.

Животныя, смущенныя сначала всѣмъ этимъ шумомъ, теперь снова принялись идти; возъ мало-по-малу выпрямился и въѣхалъ на берегъ рѣки; сѣно было спасено! Тотчасъ долина наполнилась радостными криками, и Жоржъ, отдавая вилы Луизѣ, сказалъ съ страннымъ смѣхомъ:

— Что! Вѣдь я подоспѣлъ во-время.

— Да,—отвѣчала ему Луиза, вся красная. — Спасибо, Жоржъ!

Потомъ, показавъ другимъ подолъ замоченнаго платья и смѣясь какъ сумасшедшая, она вскричала:

— Посмотрите-ка, какъ я отдѣлалась, мои башмаки наполнены пескомъ.

Всѣ окружающіе смѣялись отъ чистаго сердца.

Тогда посмотрѣвъ на Жоржа, который возвращался большими шагами, я увидѣлъ, что онъ блѣденъ и съ растрепанными волосами.

— Ну-съ,—сказалъ я ему,—что ты думаешь, мальчикъ, объ этой артисткѣ? Она не труситъ!..

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—она Ранцо!..

И поднявъ свою шляпу, упавшую въ хворостникъ, онъ сказалъ со смѣхомъ:

— Я думалъ, что весь возъ полетитъ въ рѣку; такъ худо наложенъ!.. Сейчасъ видно, что кузина пріѣхала изъ монастыря. Развѣ такъ надо пригнетать шестъ къ возу съ сѣномъ, какъ у нихъ было? Но въ монастырѣ этому не учатъ... Тамъ поютъ!..

— Да поютъ, и поютъ очень хорошо,—сказалъ я,—что, однако, не мѣшаетъ быть мужественной!

Я увидѣлъ, что это ему досадно, и не сказалъ больше ни слова.

Мы снова пошли по дорогѣ въ деревню; возъ слѣдовалъ за нами на разстояніи трехъ или четырехъ сотъ шаговъ; послѣ того какъ шестъ былъ передвинутъ на середину и крѣпко привязанъ, и сѣно было уравновѣшено, сушильщицы взобрались наверхъ, и я видѣлъ, какъ Луиза привязывала букетъ цвѣтовъ къ вершинѣ лѣстницы.

Жоржъ, опустивъ голову, шелъ впереди, ничего не говоря.

Я обертывался два или три раза назадъ; онъ же постоянно продолжалъ путь; но при поворотѣ въ долину, онъ уронилъ

что-то и остановился искать въ высокой травѣ. Немного далѣе, нагнавъ меня, онъ сказалъ:

— Я уронилъ свой ножикъ... Я нашелъ его... вотъ онъ!..

Мы вошли въ деревню.

— Ну-съ, прощайте, г-нъ Флорансъ, — сказалъ онъ мнѣ предъ моей дверью; если вы захотите идти со мной въ другой разъ...

— Да, Жоржъ, мы сдѣлали хорошую прогулку,—отвѣчалъ я ему,—и я надѣюсь, что она не будетъ послѣдней.

Онъ удалился, а я поднялся по лѣстницѣ.

Моя жена и Жюльета были очень довольны, снова увидавъ меня. Я вошелъ въ свой кабинетъ перемѣнить рубашку и платье; насталъ часъ ужина, и мы и усѣлись за столъ.

Ужиная, мы вдругъ услышали пѣніе сушильщицъ, которыя возвращались домой; моя дочь подбѣжала къ окну посмотрѣть и скоро потомъ возвратилась, говоря:

— Это послѣдній возъ, у нихъ букетъ наверху; мадемуазель Луиза съ сушильщицами. Теперь все сѣно высушено, и дождь можетъ идти

XII.

Въ это время въ Шомахъ умеръ главный лѣсничій Боттъ, славный старикъ. Во всю свою службу онъ не подалъ ни одной жалобы, не поссорился ни съ кѣмъ. Когда къ нему приходили съ подарками, г. Боттъ сердито говорилъ:

— Что вы приходите ко мнѣ? Идите на кухню! Эй, Розалія! Посмотри, что это за дрянь принесли мнѣ!..

Но несмотря на такой пріемъ, пришедшій зналъ, что у него уже не будетъ большихъ споровъ съ главнымъ лѣсничимъ при первой покупкѣ лѣса.

Онъ велъ дѣла съ торговцами лѣса, какъ выражались «по родственному», не входя въ подробности; все состояло въ умѣньи взяться за него; стоило только предъ рукобитьемъ быть немного покраснорѣчивѣе; тогда все шло согласно, и обѣ стороны оставались удовлетворенными. Бѣдняга страдалъ воспаленіемъ въ кишкахъ болѣе шести недѣль; а между тѣмъ тѣ, которымъ онъ дѣлалъ столько услугъ, говорили смѣясь:

— Однако, этотъ славный г. Боттъ не хочетъ покидать своей должности? Онъ за нее держится!.. Ну, да это и неуди-

вительно; должность главнаго лѣсничаго въ Шомахъ—тепленькое мѣстечко. Но что съ нимъ? У него навѣрное несвареніе желудка отъ досокъ, брусьевъ, валежника: это нехорошо проходитъ... задерживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Такъ позволяли себѣ говорить о государственномъ чиновникѣ, о человѣкѣ честномъ и ученомъ. Во время своей службы онъ снова обсѣменилъ всѣ вырубки до срока, всѣ непозволенныя расчистки лѣса, покрылъ всѣ убытки отъ пастьбы и собиранія желудей; онъ окружилъ казенные лѣса рвами, чтобы защитить ихъ отъ скота; онъ проложилъ дороги для вывозки лѣса; но никакіе таланты на свѣтѣ недостаточны, чтобы заслужить похвалы людей; нужно еще умѣть держать себя.

Наконецъ, онъ умеръ. Лѣсничіе, торговцы лѣсомъ, съ г. Жакомъ во главѣ, присутствовали на его похоронахъ; г. Жаннекинъ отслужилъ большую панихиду; а чрезъ недѣлю пріѣхалъ новый главный лѣсничій, можетъ быть, менѣе способный, чѣмъ г. Боттъ; но зато у него были болѣе вѣрные взгляды на различныя вещи.

Мнѣ еще теперь кажется, что я вижу его, пріѣхавшаго верхомъ; а за нимъ слѣдовала повозка изъ Сарребурга съ мебелью и книгами. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, маленькій, сухощавый, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, длинными рыжими усами, тонкимъ носомъ, такими же губами; онъ носилъ особыя очки въ черепаховой оправѣ, соединенныя съ его бѣлымъ жилетомъ шелковымъ шнуркомъ. Посмотрѣвши очень внимательно во всѣ стороны, онъ ударилъ лошадь своими тощими колѣнами, и та поскакала, поднимая густую пыль.

Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ. Я провожалъ его глазами; онъ остановился около церкви, противъ водоема, предъ запертымъ домикомъ г. Ботта, который лѣсное начальство нанимало уже давно для главнаго лѣсничаго въ Шомахъ. Привязавъ лошадь къ кольцу двери, онъ вложилъ ключъ въ замокъ, вошелъ, открылъ два ставня, посмотрѣлъ наверхъ; потомъ поднялся туда и также раскрылъ тамъ ставни.

Повозка остановилась, и возница тотчасъ принялся стаскивать книги и маленькія вещи. Прежняя служанка г. Ботта, старушка Розалія, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же пришла предложить свои услуги молодому господину, который, конечно, ихъ принялъ, и она начала помогать возницѣ въ его работѣ; она по-

звала сосѣдокъ, чтобъ онѣ помогли разгрузить очень большіе предметы. Это происходило къ вечеру, около шести часовъ. Новаго лѣсничаго звали г. Лебель, о чемъ узнали уже на другой день; а черезъ два дня уже знали, что всѣ правила и уставы насчетъ рыбной ловли, охоты, насчетъ сбереженія лѣсовъ, раздѣловъ, пользованія лѣсомъ, всѣ правила насчетъ права рубить дрова, забытыя г. Ботгомъ, будутъ примѣнены во всей ихъ строгости; узнали, что число свиней при собираніи желудей будетъ ограничено, и каждая свинья будетъ заклеймена горячимъ желѣзомъ; что нельзя болѣе безъ позволенія собирать въ казенныхъ лѣсахъ желуди, буковые орѣхи, листья; что не можетъ быть больше никакихъ измѣненій въ рубкѣ лѣса, какъ при г. Боттѣ: что всякая торговля, произведенная не публично, будетъ считаться продажей скрытной и непозволенной, не говоря уже о штрафѣ, налагаемомъ за каждый проступокъ, могущемъ дойти до шести тысячъ франковъ и болѣе. А потомъ узнали, что г. Жакъ имѣлъ уже два процесса, чтобы начать рубку прежде срока и чтобъ не отмѣнять клейма, которое служитъ для мѣтки деревьевъ, назначенныхъ для каждой срубки.

Это надѣлало много шума въ деревнѣ. Г. Жакъ говорилъ, что онъ не могъ сдѣлать ни своего показанія, ни отмѣнить распоряженія Ботта, такъ какъ тотъ былъ мертвъ; что онъ не могъ спросить уполномочія пользоваться лѣсомъ, по той же самой причинѣ; но новый главный лѣсничій отвѣчалъ ему, что онъ долженъ подождать его прибытія.

Это былъ процессъ съ начальствомъ, а такіе процессы, въ особенности съ лѣснымъ начальствомъ, почти всегда проигрываютъ, не говоря уже о всѣхъ непріятностяхъ, которыя слѣдуютъ за этимъ.

Какая перемѣна въ странѣ чрезъ прибытіе этого молодого человѣка, какія исторіи!..

Трое старыхъ лѣсничихъ тотчасъ были отставлены отъ службы, пять или шесть охотниковъ были вызваны въ судъ, и много рыболововъ съ сѣтями, съ вершами, были арестованы на тропинкѣ и отосланы въ Сарребургъ, вслѣдствіе того только, что они несли рыболовные снаряды. Бригадиръ Кретьенъ и два жандарма пришли взять ихъ вечеромъ; ужасъ былъ повсюду. Теперь только пожалѣли о бѣдномъ старикѣ г. Боттѣ; теперь уже не смѣялись надъ нимъ и не упрекали, что онъ про-

глотилъ слишкомъ много досокъ; охотно пожелали бы видѣть его снова, даже положить ему пенсію; но онъ спалъ на косогорѣ, около старой церкви, не заботясь ни о западняхъ для дроздовъ, ни о зайцахъ, ни о бѣломъ эльзасскомъ винѣ, ни о раздѣлахъ лѣса. Онъ лежалъ спокойно въ то время, какъ молодой человѣкъ, полный энтузіазма къ законамъ, упражнялся въ своихъ опустошеніяхъ.

Болѣе всѣхъ раздраженъ и приведенъ въ ужасъ былъ г. Жакъ: онъ говорилъ повсюду:

— Никогда я не испыталъ подобной обиды!

Въ свою очередь г. Жанъ, который покупалъ лѣсъ только по случаю, и главнымъ дѣломъ котораго была обработка своихъ земель, Жанъ говорилъ посмѣиваясь:

— Г. мэръ нарушалъ законы; оказалось, что должность мэра не даетъ права дѣлать все, какъ при г. Боттѣ, и г. мэръ долженъ повиноваться законамъ, какъ и всѣ другіе; оказалось, что г. Лебель, этотъ достойный молодой человѣкъ, не позволяетъ, чтобъ негодяи обогащались насчетъ Имперіи, и что въ концѣ концовъ все раскрывается, и нужно возвратить несправедливо взятое.

Г. Жанъ, проходя по улицѣ, всякій разъ при встрѣчѣ съ г. Лебелемъ, раскланивался съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ. Главный лѣсничій отвѣчалъ ему сперва съ подозрительностью, предполагая, вѣроятно, что имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь ужъ очень вѣжливымъ торговцемъ лѣсомъ. Но узнавъ вскорѣ отъ своихъ лѣсничихъ, что это г. Жанъ Ранцо, врагъ своего брата Жака, и отецъ хорошенькой особы, которую онъ видѣлъ какъ-то проходившей мимо него, г. Лебель началъ съ поспѣшностью отдавать поклоны. Этотъ молодой человѣкъ очень любилъ музыку; онъ каждый вечеръ игралъ на скрипкѣ и, примѣняя во время дня законы, отставляя отъ службы своихъ лѣсничихъ и отсылая въ судъ прошенія, наигрывалъ по вечерамъ серенады, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Я бьюсь объ закладъ, что музыка г. Лебеля нравится г. мэру не больше нашей,—говорилъ г. Жанъ.—Хотя этотъ молодой человѣкъ играетъ очень хорошо, но нельзя же доставить удовольствіе всѣмъ; на всѣхъ не угодишь!

Эти разсужденія еще болѣе разжигали ненависть его брата.

Къ концу осени г. Жакъ, пропустивъ сроки, назначенные

въ книгѣ повинностей, чтобъ окончить свои рубки и совершенно очистить лѣса отъ терновника, ежевики и другихъ вредныхъ кустарниковъ, долженъ былъ произвести эти работы по приказанію главнаго лѣсничаго. За это лѣсничій немедленно привлекъ его къ суду, и старику приходилось волей-неволей тащиться въ Сарребургъ.

Это случилось въ началѣ декабря. День былъ ненастный, шелъ снѣгъ. Г. Жакъ, слегшій въ постель отъ своего ревматизма и гнѣва, не могъ отправиться въ палату; его сынъ Жоржъ отправился туда вмѣсто него, и вечеромъ, около восьми часовъ, мы услышали, какъ бѣдный мальчикъ стучалъ ногами въ нашихъ сѣняхъ, произнося безпорядочныя слова; потомъ онъ взошелъ по лѣстницѣ и показался на порогѣ; штиблеты его были покрыты грязью, а блуза и большая шляпа совсѣмъ побѣлѣли отъ снѣга.

— Это я, г. Флорансъ,—сказалъ онъ, ставя свою палку въ уголъ.—Я пришелъ изъ Сарребурга; мы присуждены заплатить пятьсотъ франковъ въ вознагражденіе убытковъ. — Ахъ, какъ пріятно теперь увидѣться снова съ честными людьми, когда выходишь изъ вертепа разбойниковъ!

Онъ, безъ сомнѣнія, немного выпилъ; его отецъ посѣщалъ также иногда питейныя заведенія, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Дай же стулъ Жоржу,—сказалъ я женѣ.

И обратившись къ нему, спросилъ:

— О комъ ты говоришь, Жоржъ?

— Э! О комъ?—сказалъ онъ, усаживаясь.—О Сарребургской палатѣ, о президентѣ, о судьяхъ, о стряпчихъ, объ адвокатахъ. О всѣхъ этихъ негодяяхъ, которые какъ ярмарочные плуты грабятъ честныхъ людей.

— О! о!—сказалъ я ему,—такъ-то ты называешь людей, обязанныхъ охранять наши законы...

— Это вѣрно,—сказалъ онъ.—И вы можете еще прибавить сюда главныхъ лѣсничихъ и простыхъ лѣсничихъ; они дѣлаютъ изъ всего нашего отечества разбойничью шайку.

Я думалъ въ это время: «Не стоитъ труда изучать риторику и философію, чтобы имѣть подобныя мысли!» Но я не сказалъ ничего, видя, что въ его положеніи онъ легко можетъ разсвирѣпѣть.

— Ну, кто же, послѣ этого, всѣ они?—говорилъ онъ.—Конечно бездѣльники! Этотъ главный лѣсничій, откуда онъ? Что онъ знаетъ? Что у него есть? Мѣсто въ тысячу восемьсотъ франковъ! Ну, можетъ ли онъ съ тысячью восемью стами франковъ такъ держать себя, какъ теперь? Я побился бы объ закладъ, что онъ сынъ чеботаря.—И подобные бездѣльники все хотятъ пересоздать; они дѣлаются большими господами, они ѣздятъ верхомъ на старой кавалерійской клячѣ, забракованной въ Люневиллѣ; они надѣваютъ на носъ очки; они откапываютъ уставы, которыхъ не знали съ Адама и Евы; это безпокоитъ, это мучитъ всѣхъ людей и, въ одинъ прекрасный день, этихъ господъ находятъ гдѣ-нибудь на дорогѣ съ переломанными хребтами.

Его фигура въ эту минуту была очень мерзка, и я даже боялся его слушать.

— Есть у васъ еще вишневая вода?—спросилъ онъ.

— Марія-Анна, поди, принеси вишневую воду,—сказалъ я своей женѣ.

Она поспѣшила открыть шкафъ и предложить намъ обоимъ.

— Отлично освѣжаетъ!—сказалъ онъ, щуря глазомъ.

Я возвратился къ исторіи тяжбы, сказавъ, что прежній главный лѣсничій г. Боттъ неглижировалъ немного своими обязанностями, что онъ выводилъ изъ употребленія старые законы и почти никогда не безпокоился вводить новые; что новый главный лѣсничій показываетъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ много усердія, но что онъ исполняетъ свои обязанности; вдругъ, перебивъ меня, онъ вскричалъ:

— А, такъ-то! Такъ и вы его защищаете? Вы... вы... г. Флорансъ!..

— Я его не защищаю, Жоржъ, я только дѣлаю маленькое обсужденіе.

— Это негодяй, интриганъ! — сказалъ онъ такимъ же жесткимъ тономъ, какъ и его отецъ;—но ему я пожелалъ бы еще чего-нибудь похуже.

— Кому же?

— Моему достославному дядюшкѣ Жану; тамъ-то г. Лебель и беретъ уроки, тамъ его и настраиваютъ противъ насъ

— Но, Боже мой, Жоржъ,—вскричалъ я,—пойдетъ-ли главный лѣсничій слушать совѣты постороннихъ по своимъ дѣ-

ламъ? Какое вліяніе можетъ имѣть г. Жанъ на этого молодого человѣка?

Прежде, чѣмъ отвѣчать мнѣ, его щеки вздрогнули раза два; онъ посмотрѣлъ на мою жену и Жюльету, и сказалъ мнѣ:

— А вы не знаете, что эта прелестная птица ходитъ почти каждый день къ дядѣ... Вѣдь васъ болѣе не приглашаютъ, г. Флорансъ, заниматься музыкой? Теперь обходятся и безъ васъ... Луиза поетъ съ другимъ... она ужъ не поетъ церковныхъ пѣсенъ... она поетъ дуэты... романсы...

И поднявъ руку, онъ представилъ воркованье главнаго лѣсничаго очень смѣшно, покачивая головой, и рулады Луизы. Жюльета хохотала, но мнѣ было не до смѣха; я видѣлъ, что имъ овладѣлъ гнѣвъ; онъ весь побѣлѣлъ.

— Этотъ стыдъ,—сказалъ онъ,—стыдъ для Ранцо, привлекать въ семейство подобнаго пустого человѣка.

— Но это не твое семейство, Жоржъ, это тебя не касается.

— Это касается всѣхъ Ранцо,—сказалъ онъ.—Я не зря насмѣхаюсь надъ отцомъ и дочерью; еслибъ это не были Ранцо, я подумалъ бы: ну, ихъ къ чорту! Что старикъ выдастъ свою дочь за Петра или за Павла, мнѣ рѣшительно все равно! Но въ подобныхъ дѣлахъ, всѣ члены семейства имѣютъ право вмѣшиваться.

Я съ удивленіемъ слушалъ его.

— Это Луиза все это дѣлаетъ,—сказалъ онъ чрезъ минуту.—Я ее знаю!.. Я ее знаю!..

— Какъ, Луиза? Наивная молодая дѣвушка, незнакомая съ свѣтомъ?

— Незнакомая съ свѣтомъ! — вскричалъ онъ, пожавъ плечами.—Это самая хитрая муха во всей странѣ

— Луиза?..

— Да, Луиза! Я ее знаю съ дѣтства; изъ-за нея меня всегда наказывали, она навлекала на мэня всѣ непріятности, и вы ничего не видѣли, вы ничего не знали; меня наказывали, хотя всѣ худые поступки дѣлала она, принимая видъ святоши.

— Ну... ну... вы никогда не дѣлали худыхъ поступковъ, ни тотъ, ни другой,—сказалъ я ему, смѣясь.

— Вы ее не знаете!—вскричалъ онъ;—она всѣхъ насъ проведетъ за носъ съ главнымъ лѣсничимъ,—васъ, меня, моего

отца, своего, всю деревню; она вся состоитъ изъ злости; она знаетъ дѣла дяди лучше, чѣмъ онъ самъ.

— А какъ же ты самъ говорилъ, что она только и научилась въ монастырѣ пѣнью!..

Онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ меня и, поднявшись, сказалъ:

— Повѣрьте, это правда, этотъ главный лѣсничій слѣдуетъ совѣтамъ дяди; онъ хочетъ насъ истребить, чтобъ сдѣлать удовольствіе старому разбойнику и жениться на его дочери... Но это худо кончится, это худо кончится... берегись!..

Потомъ услышавъ, что пробило девять часовъ, онъ пожалъ мнѣ руку, пожелалъ всѣмъ добраго вечера и вышелъ.

Я посмотрѣлъ на жену, испуганный всѣмъ, что мы слышали.

— Что ты объ этомъ думаешь?—сказалъ я ей.—Знаешь ли ты, что ненависть этихъ людей съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе размѣры?

— Да,—отвѣчала она,—но вѣдь это касается ихъ. Не будемъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла!

Я сошелъ внизъ задвинуть засовъ, и потомъ мы отправились спать.

XIII.

Скоро наступила зима, время огромныхъ снѣговъ, когда всѣ лѣсные работники возвращаются въ деревню и отдыхаютъ отъ трудовъ. Тогда рубка лѣса прекращается. Болѣе бѣдные еще ходятъ маленькими партіями собирать въ лѣсу негодное въ дѣло дерево; нѣкоторые несутъ на продажу метлы въ городъ, другіе дѣлаютъ башмаки или плетутъ корзины: имъ нуженъ лѣсъ, постоянно нуженъ лѣсъ! Лѣсничій ждетъ ихъ на возвратномъ пути, онъ осматриваетъ вязанки и, удостовѣрившись, что тамъ нѣтъ зеленыхъ вѣтокъ, пропускаетъ ихъ дальше. Несмотря на это, процессы очень рѣдки; бѣднымъ лѣсничимъ гораздо пріятнѣе сидѣть въ теплѣ въ уединенныхъ домикахъ, куря трубочку у очага; они поднимаются только тогда, когда услышатъ выстрѣлъ браконьера, вслушиваются и берутъ направленіе по звуку эхо; тогда они отправляются въ путь и обходятъ весь свой участокъ; слѣды преступника идутъ за нимъ до самаго дома. Они входятъ къ нему, но почти всегда дичь исчезла, она или передана сосѣду, или хорошо запрятана гдѣ-нибудь подъ хворост-

никомъ, дожидаясь, чтобъ ее взяли и отнесли въ городъ. Промыселъ браконьера очень опасенъ; рано или поздно несчастные просиживаютъ пять или шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и, возвратясь въ свою хижину, находятъ тамъ только страшную бѣдность, да жену и дѣтей, умирающихъ съ голода.

Такъ прошли декабрь и январь въ обыкновенномъ отдыхѣ; вѣтеръ, снѣгъ, изморозь, большіе холодные дожди, гололедица,— одно смѣнялось другимъ. Главный лѣсничій, строгій, какъ и всѣ молодые люди знающіе только свои книги, вычисленія, законы, не принимая въ разсчетъ человѣческія несчастья, не смягчался къ своимъ лѣсничимъ; ему необходимъ былъ рапортъ еженедѣльно отъ каждаго. Онъ занимался также музыкой, ходилъ въ гости къ г. Жану и пѣлъ вмѣстѣ съ Луизой; г. Жакъ видѣлъ все это изъ оконъ своего дома.

Однажды, когда была большая изморозь, и я находился въ ратушѣ, куда повивальная бабка Симона и гуртовщикъ Николай Серфъ, изъ прихода Большого-Солдата, пришли записать актъ рожденія ребенка мужескаго пола въ книгу городского округа. По удаленіи этихъ людей, вошелъ г. мэръ, чтобъ засвидѣтельствовать актъ, и сѣлъ возлѣ меня, положивъ на столъ свою табакерку изъ черной папки. Я переписывалъ свои бумаги на-бѣло, огонь трещалъ въ печкѣ, какъ вдругъ г. Жакъ, очнувшись, спросилъ меня:

— Жоржъ постоянно посѣщаетъ васъ, г. Флорансъ?

— Иногда ходитъ, г. мэръ; онъ приходитъ по вечерамъ, и мы толкуемъ о разныхъ разностяхъ.

— О чемъ разсуждаете вы?

— Боже мой, да обо всемъ; о рубкахъ, о тяжбахъ, о запрещеніяхъ; нужно же провести вечеръ...

— Вы бы должны были уговорить его, чтобъ онъ уѣхалъ отсюда,—сказалъ онъ.—Это не прилично для молодого человѣка, ученаго, богатаго, изъ хорошей фамиліи, прогуливаться въ блузѣ, со шляпой подъ мышкой, вымѣрять полѣнья, считать доски и давать себя мучить нищему, которому не на что даже купить себѣ новое платье. Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться; необходимо, чтобъ Жоржъ уѣхалъ, или это худо кончится.

Я слушалъ его, озадаченный такой быстрой перемѣной, потому что онъ повторялъ пятьдесятъ разъ, что нигдѣ такъ не

хорошо, какъ дома, что его сынъ заступилъ его мѣсто, что онъ будетъ самъ себѣ хозяиномъ, что онъ будетъ смотрѣть за своимъ собственнымъ добромъ, и что гораздо лучше отдавать приказанія, чѣмъ получать ихъ.

Я ничего не отвѣчалъ, а онъ, угадавъ мои мысли, продолжалъ:

— Прежде, при г. Боттѣ и при другихъ главныхъ лѣсничихъ, которые проводили вечера за пикетомъ съ покупателями, выпивъ бутылку или двѣ бѣлаго вина, дѣло еще могло идти, но въ настоящее время эти новые чиновники только и думаютъ, какъ бы отличиться, и чѣмъ болѣе они сочиняютъ процессовъ, тѣмъ болѣе отличаются. Вотъ новая администрація Людовика-Филиппа! Надо стричь людей такъ гладко, какъ яйцо — или вы неспособны! Въ Сарребургѣ они называютъ это новѣйшимъ разумомъ, прогрессивнымъ разумомъ, положительностью. Они всѣ хотятъ быть положительными. Будучи таковыми, они пріобрѣтаютъ себѣ общую ненависть крестьянъ, купцовъ, работниковъ; и все это кончится возмущеніемъ. Наконецъ, до нихъ доберутся! Но, въ ожиданіи этого, торговля портится, рубки достаются съ переторжкой, покупатели исчезаютъ. Вы мнѣ сдѣлаете огромное одолженіе, г. Флорансъ, изложивъ все это ясно Жоржу. Боже мой, я не хочу его принуждать дѣлать то или это. На его мѣстѣ я постарался бы сдѣлаться адвокатомъ. Теперь адвокаты вездѣ: они и генералъ-прокуроры, и депутаты, и министры. Или, если Жоржъ не хочетъ быть адвокатомъ, пусть выберетъ что-нибудь другое, все, что онъ хочетъ, мнѣ все равно, только чтобъ онъ удалился отсюда. Я старъ, моя лѣвая нога болитъ уже два года, я бы очень желалъ имѣть при себѣ моего мальчика, видѣть, какъ онъ будетъ продолжать мои дѣла; но у Ранцо горячія головы, они не снесутъ несправедливости; будучи въ лѣтахъ Жоржа, я взбунтовался бы сто разъ; мнѣ кажется... онъ, того и гляди, что-нибудь набѣдокуритъ!.. Вы понимаете!.. Жоржъ долженъ уѣхать.

Я положительно не зналъ, что отвѣчать ему.

— Постарайтесь дать ему это понять,—сказалъ онъ,— потому что самъ я не хочу вмѣшиваться; съ нѣкоторыхъ поръ онъ меня больше не слушаетъ.—У меня голосъ немного жестокъ, я привыкъ, чтобъ меня слушали... я могу разгорячиться подъ конецъ; тогда онъ, можетъ быть, уѣдетъ въ Америку и не

будетъ давать о себѣ извѣстій. Мы уже видѣли примѣръ въ нашемъ семействѣ, это случилось бы не въ первый разъ; нашъ дѣдушка Жанъ-Баптистъ уѣхалъ на другой же день послѣ спора съ своимъ отцомъ, лѣтъ за пятнадцать или за двадцать до революціи; онъ отправился скитаться по Польшѣ, по Турціи и, Богъ его знаетъ гдѣ, и бѣдный старикъ никогда уже не зналъ, что съ нимъ случилось; это было величайшимъ его горемъ.—А что мнѣ осталось бы послѣ Жоржа? Только мой ревматизмъ, да жена. Значитъ, я работалъ всю жизнь для постороннихъ, которые послѣ моей смерти раздѣлятъ мое состояніе. Вотъ, г. Флорансъ, что я хотѣлъ вамъ сказать; много времени я объ этомъ думаю и только ждалъ удобнаго случая.

— Но, г. мэръ,—отвѣчалъ я ему съ безпокойствомъ,—развѣ вы думаете, что Жоржъ меня послушаетъ?—Въ настоящее время онъ знаетъ въ этомъ дѣлѣ въ десять разъ болѣе, чѣмъ старый его школьный учитель...

— Да,—сказалъ онъ,—Жоржъ васъ послушаетъ; вы хорошій человѣкъ, онъ васъ любитъ; только говорите ему то, что я сейчасъ вамъ сказалъ, какъ-нибудь отъ себя; я вполнѣ полагаюсь въ этомъ на васъ. Приведите все это немного въ порядокъ; когда я объ этомъ думаю, мною тотчасъ же овладѣваетъ гнѣвъ. Я хотѣлъ бы видѣть его теперь уже въ Страсбургѣ, въ Парижѣ, гдѣ бы то не было.—Еслибъ это стоило мнѣ по пяти тысячъ франковъ въ годъ, я бы не посмотрѣлъ на это, только бы онъ уѣхалъ.—Но онъ больше меня не хочетъ слушать; еще скажутъ, что онъ боится, что я его обкраду!

— О! г. мэръ...

— Это у меня привычка такъ говорить—сказалъ онъ; — слава Богу, у Жоржа нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, все перейдетъ къ нему. Но именно такъ нужно за него взяться! Вы мнѣ это обѣщаете, г. Флорансъ?

— Такъ-какъ вы возлагаете на меня свои надежды, г. мэръ, то я сдѣлаю все возможное.

— Да, у меня самая большая надежда на васъ, и я очень доволенъ, что вы взялись растолковать ему это; дѣло удастся.

— Можетъ быть.. посмотримъ.

Наступила уже ночь; поднявшись съ мѣста, г. Жакъ заперъ дверцы печки, чтобъ затушить огонь

— Не стоитъ ни зажигать лампы, ни жечь дровъ, —сказалъ онъ, никто больше не придетъ сегодня вечеромъ.

Мы вышли въ большія сѣни. Я заперъ дверь на два замка, положивъ огромный ключъ въ свой карманъ, и мы вышли, пожелавъ другъ другу доброй ночи. Я поворотилъ къ себѣ, занятый мыслями, а г. Жакъ вошелъ въ свой домъ.

Придя домой, за нѣсколько минутъ до ужина, я нашелъ свою жену одну, за вязаньемъ около стола, уже накрытаго; Жюльета была въ кухнѣ. Скинувъ свой сюртукъ и надѣвъ вязаную фуфайку, я ей разсказалъ все происшедшее; она сложила свою работу возлѣ лампы и съ удивленіемъ слушала меня; я видѣлъ, что она не очень одобряла данное мною обѣщаніе.

— Какъ, Флорансъ,—сказала она, всплеснувъ руками,— какъ, ты берешь на себя подобныя дѣла? Ему только и можно было самому говорить съ своимъ сыномъ; развѣ это насъ касается? Если онъ хочетъ, чтобъ Жоржъ уѣхалъ, ему только нужно сказать, чтобъ тотъ это исполнилъ.

— Хорошо, хорошо, Марія-Анна, я все это отлично знаю; это непріятно, но я обѣщалъ.

— Ты обѣщалъ! Но этотъ мальчикъ не послушаетъ тебя; онъ можетъ разсердиться!.. Что г. мэръ затѣваетъ самъ, въ то мы не должны вмѣшиваться.

— Но, вѣдь, я обѣщалъ!..—повторилъ я ей еще разъ.

— Все равно,—настаивала она.—Ради самаго Создателя, Флорансъ, не вмѣшивайся въ это дѣло; вѣдь ты не знаешь, куда все это можетъ насъ привести.

Тогда я почти разсердился и сказалъ ей:

— Слушай, Марія-Анна, не говори мнѣ такъ никогда: я не хочу, чтобъ мнѣ говорили подобнымъ образомъ: у человѣка самое главное—его слово! Г. Жакъ дѣлалъ мнѣ не одно одолженіе, онъ мнѣ сохранилъ мѣсто, выхлопоталъ прибавку въ сто франковъ, я не могъ ему отказать; я обѣщалъ и сдержу свое слово... Слышишь ты меня?

Я никогда не говорилъ такъ сурово съ Маріей-Анной, но она въ первый разъ также давала мнѣ дурной совѣтъ, потому что каждый человѣкъ долженъ исполнять свои обѣщанія. Она была очень удивлена: Жюльета въ это время принесла блюдо картофеля и горшокъ кипяченаго молока, и за ужиномъ не было сказано ни слова объ этомъ.

Въ слѣдующіе два дня не произошло ничего новаго.—Снѣгъ продолжалъ идти. Я занимался въ школѣ и думалъ, что вся недѣля пройдетъ такъ же, но въ субботу вечеромъ пришелъ Жоржъ. Моя жена встревожилась; Жюльета, ничего не зная, была по обыкновенію весела; она сейчасъ же встала и, предлагая Жоржу стулъ, просила его садиться. Онъ курилъ, по своему обыкновенію, глиняную трубку. Я не люблю запаха табаку,—въ нашемъ домѣ никто не куритъ,—но для своего стараго ученика я сдѣлалъ исключеніе.

— Вы позволите, г. Флорансъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Да... да... продолжай, не стѣсняйся,—отвѣчалъ я;—это хорошій табакъ, и...

— Да,—сказалъ онъ,—это капральскій, по восьми копѣекъ за пучекъ; другого не продаютъ въ деревнѣ; но я не люблю нѣмецкой контрабанды; они смѣшиваютъ высшій сортъ табака съ капустнымъ листомъ; поэтому то онъ и пахнетъ такъ скверно.

Мы принялись толковать о худомъ времени.—Онъ жаловался на запоздалость рубокъ, на остановку пильныхъ мельницъ, по причинѣ огромнаго количества воды, въ видѣ снѣга, застаивающейся на горѣ, онъ предвидѣлъ разлитіе воды и, можетъ быть, даже наводненіе вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ.

Я его слушалъ, постоянно порываясь вставить и свое слово.

Подъ конецъ, когда онъ говорилъ, что деревенская жизнь зимой очень скучна, я подумалъ: «вотъ отличный случай!»—и сказалъ ему:

— Да, ты правъ!.. Какая жизнь.. какая жизнь!.. Въ особенности, когда это должно продолжаться тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ... Какая скука!.. Потомъ ужъ сдѣлаешься машиной, которая исполняетъ постоянно однѣ и тѣ же вещи, не думая ни о чемъ.—Вотъ чего я не понимаю, Жоржъ, какимъ образомъ молодой человѣкъ, ты, напримѣръ, богатый, образованный, ты хочешь похоронить себя въ Шомахъ.—Не скрою, что когда я увидалъ тебя въ коллегіи, увѣнчаннаго всѣми этими наградами, то никакъ не могъ себѣ представить, что ты кончишь карьеру, сдѣлавшись простымъ торговцемъ лѣсовъ, который прогуливается въ блузѣ, по грязи, по снѣгу, въ дождь, вѣтеръ, какъ Савояръ Мартинъ и всѣ несчастные этого рода. Нѣтъ, это никогда не входило въ мои разсчеты. Я видѣлъ тебя

сперва, Жоржъ, въ большомъ городѣ, занимающагося адвокатурой или медициной, математикой или естественной исторіей; я видѣлъ тебя слушающимъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, а потомъ избравшимъ ученую карьеру. Я уже думалъ прочесть имя Жоржа Ранцо въ ученыхъ запискахъ, и даже въ газетахъ. Вотъ на что я надѣялся! Мнѣ казалось очень естественнымъ имѣть подобныя мысли, потому что всѣ профессора признали счастливыя способности, которыми природа тебя надѣлила; это счастливые зародыши, которые нужно обработать, чтобъ они приносили плоды; ихъ столькіе желали бы имѣть, ими они исправили бы хозяйство въ странѣ, какъ наша, гдѣ только и слышатся обыкновенные доводы, да грубыя разсужденія.

Я оживился самъ, съ искусствомъ приводя въ порядокъ то, что сказалъ мнѣ г. Жакъ; Жоржъ меня слушалъ, смотря искоса, не моргнувъ ни разу глазомъ. Моя жена, дѣлая видъ, что углублена въ свое вязанье, дрожала, какъ листъ; Жюльета, одна, которая не смущалась ничѣмъ, глядѣла на меня, раскрывъ свои большіе удивленные глаза, потому что я обыкновенно не любилъ долго говорить и гораздо лучше любилъ слушать другихъ. Жоржъ, не говоря ни слова, поднялся съ мѣста и началъ прохаживаться по комнатѣ, поплевывая направо и налѣво, и выпуская изъ трубки огромные клубы дыма, какъ-будто моя рѣчь произвела на него огромное впечатлѣніе.

Больше, чѣмъ добрыхъ полчаса, я только воспламенялся, и разгорячался, рисуя ему прекрасную судьбу молодыхъ людей, продлжающихъ свои занятія, блестящую жизнь, которую они ведутъ въ средѣ цивилизаціи; большую оперу, театры, музеи, библіотеки, великолѣпныя коллекціи ботаническаго сада, наконецъ все, что я себѣ представлялъ, прочтя нѣкоторыя описанія; все, чего я желалъ бы себѣ, еслибъ родился въ высокомъ положеніи; все, что меня заставляло вздыхать впродолженіи столькихъ лѣтъ, при мысли, что я лишонъ этого на всю жизнь.

Я подумалъ, что тронулъ его, когда онъ спокойно сѣлъ и сказалъ мнѣ:

— Да, г. Флорансъ, это все отлично; этого вы желаете для меня; но я желаю другого.

— Чего жъ ты желаешь?

— Я хочу остаться въ Шомахъ; а такъ-какъ я тутъ и нахожусь, то правду говоря, я не желаю ничего.

— Но, мой милый Жоржъ,—сказалъ я ему,—вспомни о всѣхъ непріятностяхъ при продажѣ лѣса, со времени пріѣзда этого г. Лебеля; вспомни, что возлѣ него, несмотря на твои богатства и счастье, ты не имѣешь никакого значенія!—Вотъ что меня болѣе всего огорчаетъ. — Продолживъ свое ученье въ Нанси на два или на три года, ты воротился бы съ такимъ же чиномъ, какъ и онъ, ты могъ бы ему возражать; тогда какъ теперь ты гнешь спину; онъ заводитъ процессы, а ты платишь за нихъ; онъ отдаетъ приказанія, а ты ихъ исполняешь!

Онъ весь поблѣднѣлъ, щеки его задрожали.

— Г. Флорансъ,—сказалъ онъ сердито,—будемъ говорить о другихъ вещахъ; я не люблю, когда при мнѣ говорятъ объ этомъ человѣкѣ.

— Такъ ты не хочешь,—сказалъ я ему, почти испуганный его гнѣвнымъ взглядомъ,—ты не хочешь слушать твоего стараго школьнаго учителя, который говоритъ только для твоего добра? Ты хочешь остаться въ этой странѣ, гдѣ твои прекрасныя качества, твои счастливыя способности...

— Да,—сказалъ онъ твердо, перебивая меня,—я остаюсь!

И эти слова: «я остаюсь!» не допускали никакого возраженія; это былъ голосъ его отца, Жака, въ минуты его гнѣва.

Моя жена глядѣла на меня исподлобья, дергая наудачу нитку и я видѣлъ въ ея взглядѣ просьбу не продолжать больше; думая также, что я кончилъ свою обязанность, я только сказалъ:

— Вѣдь для твоего же добра, Жоржъ, я все это говорилъ; а за то, что ты не хочешь ничего больше слушать, мнѣ никакъ не слѣдуетъ досадовать.

Наклонившись на стулѣ, онъ глядѣлъ неподвижно въ каминъ. И вдругъ, когда всѣ молчали, онъ обернулся въ мою сторону и сказалъ съ добродушнымъ юморомъ:

— Вотъ скоро и весна, г. Флорансъ, мы совершимъ не одну прогулку на горы; надѣюсь, что нынѣшній годъ вы будете приходить чаще, потому что вы прекрасно разсказываете, вы любите эту страну также, какъ и я...

— Э, да я и не говорю противнаго, Жоржъ; но въ твои лѣта, въ твоемъ положеніи... Наконецъ, оставимъ это!.. А такъ-какъ ты остаешься, то, конечно, мы будемъ чаще гулять вмѣстѣ по горамъ; мнѣ всегда пріятно быть съ тобой.

— Въ добрый часъ,—сказалъ онъ, смѣясь—вотъ что называется говорить!

И болѣе получаса разговоръ вертѣлся на цвѣтахъ нашихъ горъ, на красотѣ долины Красной-Саары и т. д. Можно было подумать, что ничего необыкновеннаго не было сказано...

Около девяти часовъ, Жоржъ, поднявшись и вытряхнувъ золу изъ трубки, пожалъ мнѣ руку дружескимъ образомъ, и вскричалъ:

— Г. Флорансъ, вы лучшій изъ всѣхъ людей, какихъ я только зналъ! Если я когда дѣлалъ вамъ непріятности, нужно мнѣ простить, потому что это дѣлалось помимо моей воли.

Потомъ, не дожидаясь моего отвѣта, онъ сказалъ:

— Доброй ночи, мадамъ Флорансъ, доброй ночи, Жюльета, и вышелъ.

Тогда жена моя, посмотрѣвъ на меня, пробормотала;

— Слава Богу, прошло благополучно!.. Но съ этимъ мальчикомъ не надо возобновлять этого разговора, Флорансъ, онъ еще упрямѣе своего отца.

И хотя Жюльета ничего не знала, я видѣлъ, что она какъ-будто испугана.

— Ну-съ, такъ какъ все прошло хорошо, то, пора идти спать,—сказалъ я весело.—Первая вещь на этомъ свѣтѣ, это исполнять свои обязанности; если же не удастся—это васъ не касается, и совѣсть ваша спокойна.

И мы отправились спать.

На другой день, въ Сборное воскресенье, я только на минутку видѣлся съ г. Жакомъ; я шелъ къ обѣдни съ нотами, жена и Жюльета уже пошли, и я отворялъ нижнюю дверь, когда явился на порогѣ г. мэръ, въ праздничномъ платьѣ.

— Войдемте, г. мэръ, сказалъ я ему;—въ сѣняхъ холодно.

— Нѣтъ! Вотъ ужъ послѣдній ударъ колокола. Вы видѣли Жоржа вчера вечеромъ; говорили вы ему?

— Да, г. мэръ, больше часа. Я сказалъ все, что только можно было сказать, я ничего не забылъ; я даже прибавилъ нѣсколько очень сильныхъ доводовъ.

— А что онъ отвѣчалъ? Что онъ хочетъ дѣлать?

— Онъ отвѣчалъ: «Довольно... я остаюсь!»

— Онъ остается!.. А почему?..

— Онъ ничего не сказалъ... ему нравится остаться... онъ любитъ эту страну... вотъ и все!..

— А!..—произнесъ старикъ, глядя задумчиво въ землю. Я видѣлъ на его лицѣ нѣчто тяжелое и грустное. Вдругъ колокола снова начали звонить; тогда, очнувшись отъ своихъ думъ, г. Жакъ пожалъ мнѣ руку, говоря:

— Я вамъ очень благодаренъ, г. Флорансъ, за трудъ, который вы взяли на себя для меня.

— Это было отъ чистаго сердца, г. мэръ, — отвѣчалъ я ему,—я былъ бы очень счастливъ, еслибъ успѣлъ въ этомъ.

Мы вышли на улицу, полную снѣга; онъ пошелъ впереди, на тридцать или на сорокъ шаговъ, а я позади, заперевъ предварительно дверь дома.

Войдя въ церковь, я ужъ увидѣлъ его на скамейкѣ Ранцо, возлѣ своего брата.

Я пошелъ занять свое мѣсто у органа, и обѣдня началась.

XIV.

Съ этого дня Жоржъ больше не приходилъ ко мнѣ. Онъ только кричалъ, проѣзжая:

— Здравствуйте, г. Флорансъ!

Я думаю, что онъ нѣчто подозрѣвалъ, что онъ думалъ, что я дѣйствую по уговору съ отцомъ, но что, зная мое трудное положеніе въ ратушѣ и то, что я долженъ осторожно поступать, онъ не сердился на меня. Я также продолжалъ посѣщать иногда г. Жана и занимался музыкой, потому что послѣ его приглашенія я положительно не могъ отъ этого воздержаться. Г. Лебель мнѣ не нравился, онъ былъ гордъ и взглядывалъ на меня постоянно непріязненно, когда я входилъ.

Онъ называлъ наши лучшіе церковные отрывки старыми пѣснями, и это меня больше всего настраивало противъ него.

Этотъ молодой человѣкъ пѣлъ дуэты, романсы, аккомпанируя себѣ такъ, что нельзя было видѣть въ немъ большого знатока теоріи музыки; но у него былъ очень красивый голосъ, и безъ его гордаго вида я бы чаще ходилъ слушать его къ г. Жану. Луиза всегда была рада меня видѣть; она мнѣ казалась скучной и немного блѣдной.

Каждый разъ, когда я уходилъ, она меня провожала до

самыхъ дверей, пожимая мнѣ руки, какъ бы чтобъ удержать меня, и говорила мнѣ съ просьбой:

— О, г. Флорансъ, приходите, приходите чаще; приходите, пожалуйста; если бы вы знали, сколько удовольствія доставляете вы мнѣ этимъ!

Эти слова и ея голосъ заставляли меня думать; я говорилъ себѣ, что она не была счастлива, что ей наскучило пѣть съ г. Лебелемъ; я въ этомъ не былъ увѣренъ, но эти разсужденія преслѣдовали меня, такъ сказать, помимо моей воли.

Такъ прошла зима.

Въ началѣ весны сынъ мой Поль, который пріѣхалъ занять мѣсто младшаго учителя къ Діезѣ, зная мою любовь къ хорошимъ книгамъ, привезъ мнѣ двѣ, которыя я потомъ читалъ и перечитывалъ болѣе ста разъ.

Это были, во-первыхъ, литературный сборникъ нравственныхъ и экономическихъ сочиненій Веньямина Франклина, а другое—разсужденіе Жоржа Кювье, члена Академіи Наукъ, объ исторіи земного шара. Я былъ такъ счастливъ, сидя въ углу моего маленькаго кабинета наверху и читая эти два произведенія, что забывалъ все остальное; я едва замѣтилъ весну тогда, когда она уже кончалась; долины, поля, фруктовые сады, уже давно были въ цвѣту, и почти всѣ мои четверги и воскресенья прошли въ этомъ чтеніи. Какое доброе чувство было у этого Веньямина Франклина! Можно ли встрѣтить что-нибудь болѣе вѣрное, болѣе разумное, чѣмъ его нравоученія? Напримѣръ, когда онъ говоритъ:

«Опытъ это—школа, уроки въ которой дорого стоятъ, но это единственная школа, гдѣ глупцы могутъ научиться.

«Хорошіе работники во всемъ хотятъ усовершенствоваться въ своемъ государствѣ; они чувствуютъ потребность путешествовать, но чтобъ путешествовать съ пользой, ничего не надо оставлять безъ внимательнаго разсмотрѣнія и не спросивъ себя: къ чему это служитъ?

«Если ты путешествуешь не такъ, то это все равно, что оставаться въ твоей деревнѣ: вездѣ ты увидишь деревья зелеными, дома бѣлыми и животныхъ на четырехъ лапахъ».

«Если ты найдешь въ деревнѣ много кабаковъ, будь увѣренъ, что найдешь тутъ и много лѣнтяевъ.

«Когда ты не увидишь крестьянъ на поляхъ съ восходомъ солнца, будь увѣренъ, что они будутъ пить до полуночи.

«Когда ты увидишь много молодыхъ дѣвушекъ, блѣдныхъ и тощихъ, это значитъ, что тутъ много танцовальныхъ залъ и мало работы.

«Когда ты увидишь, что купецъ устраиваетъ увеселеніе во время недѣли, берегись банкротства!

«Когда ты услышишь частый звонъ колоколовъ, бери побольше денегъ, въ нищихъ не будетъ недостатка».

«Страна, въ которой худо поддерживаются дороги, не обѣщаетъ ничего хорошаго ищущему работы; проходи своей дорогой».

«Гдѣ увидишь много адвокатовъ и докторовъ, берегись заболѣть или завести тяжбу».

«Если ты приходишь въ страну, гдѣ дороги прекрасны, гдѣ не видно не паханой земли, гдѣ перекрестки не усѣяны нищими, гдѣ иностранцы принимаются радушно, гдѣ школы и больницы суть лучшія строенія въ городѣ,—остановись тамъ, сынъ мой, ты въ странѣ, населенной хорошими людьми, имѣющими голову и сердце на мѣстѣ».

Хотѣлось бы привести здѣсь эту книгу съ начала до конца!

Что же касается до разсужденій Жоржа Кювье объ исторіи земного шара, это такое большое и столь ясное сочиненіе, что, прочтя его, я былъ задумчивъ цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Всевышній мнѣ тогда показался въ тысячу разъ величественнѣе, потому что онъ создалъ міръ не въ одинъ разъ, каждый разъ возобновляя его до основанія—въ землѣ, въ скалахъ, растеніяхъ, животныхъ, въ милліардахъ небесныхъ свѣтилъ, то огнемъ, то разлитіемъ морей, то рѣкъ и озеръ, то льдами или другими невѣдомыми средствами.

Въ продолженіе всей весны солнце не переставало блестѣть цѣлые дни; и горы Бѣлой и Красной Сарры, изрѣзанныя сотнями ручейковъ, которые открывали геологическіе слои земли на тысячу и на тысячу двѣсти метровъ глубины,—эти горы обѣщали мнѣ богатую жатву.

Послѣ постройки дорогъ, открыты также были во всѣхъ мѣстахъ каменныя ломки; мои прежніе ученики работали тамъ, и я былъ увѣренъ, что они меня хорошо примутъ.

Тотчасъ же былъ поставленъ въ мой кабинетъ длинный сос-

новый столъ, чтобъ раскладывать работы, производимыя мною. Я приводилъ на память всѣ мои знанія съ горячностью молодости; а въ четвергъ, рано утромъ, по росѣ, съ кускомъ хлѣба и маленькой фляжкой вишневки въ мѣшкѣ, и съ жестяной коробкой, повѣшенной черезъ плечо, я шелъ въ путь, какъ въ двадцать лѣтъ. Я пошелъ вдаль, въ ущелья Сарры и Бланшъ-Рю, проходя по оврагамъ, высохшимъ подъ полуденнымъ солнцемъ; потому что теперь я не былъ болѣе въ тѣни деревьевъ, гдѣ я могъ бы производить поиски, подъ мхами, травой и хворостникомъ; я былъ въ безводной мѣстности, гдѣ каждый слой обнаруживается, смотря по его природѣ: известковый, песчаный или гранитный.

Я трудился до поту; и часто, измученный усталостью, видя, сколько платья и башмаковъ изнашивалъ я для этихъ раковинъ и камешковъ, я былъ принужденъ называть себя старымъ сумасшедшимъ, который, не зная своихъ силъ, увлекается привлекательностью работы.

Вся окрестность знала, что я искалъ камни; и, несмотря на дружбу, которую ко мнѣ питали крестьяне столько лѣтъ, но видя, какъ я возвращался съ огромной соломенной шляпой, совсѣмъ разорванной, съ согнутой спиной, съ подгибающимися колѣнами, съ руками, съ шеей и лицомъ, загорѣлыми, какъ пеклеванный хлѣбъ, они хохотали и останавливались сгребать сѣно, крича мнѣ:

— Боже мой, г. Флорансъ, что же вы ищите въ такое время въ скалахъ? И на что вамъ всѣ эти камешки и булыжники?.. Подите-ка сюда, присядьте, г. Флорансъ; вотъ отдохните здѣсь, освѣжитесь.

Они собирали для меня кучу сѣна, и приносили горшокъ молока, которое холодилось у нихъ въ ближайшемъ ручьѣ; это очень меня освѣжало.

Чтобъ отблагодарить ихъ, я выкладывалъ имъ мои камни, показывая при этомъ различные отпечатки папоротниковъ или другихъ растеній, объясняя, за сколько тысячъ вѣковъ росли эти растенія.

Они слушали меня, и какъ будто понимали, а когда я кончалъ, говорили:

— Вы уморительны, г. Флорансъ! Что намъ до всего этого? Сто тысячъ лѣтъ прежде, сто тысячъ лѣтъ послѣ насъ!.. Тѣ, которые тогда жили, ужъ не страдаютъ зубной болью.

Они смѣялись и снова принимались за работу, не раздумывая больше

Что до меня касается, всѣ исторіи деревни, процессы, вражды Жана и Жака Ранцо, все, что мнѣ казалось иногда такъ значительно, не имѣли теперь никакой важности въ моихъ глазахъ; земныя катаклизмы, обвалы, наводненія, разрушенія заняли все мое вниманіе; и только иногда мнѣ приходилось слышать отъ жены новости этого міра.

Казалось, что Жоржъ, наскучивъ увѣщаніями своего отца, который хотѣлъ, чтобъ онъ продолжалъ занятія, положительно не приходилъ больше домой: онъ не видалъ никого, блуждалъ по лѣсамъ и жилъ, какъ дикарь.

Единственная вещь, оставшаяся у него, была строгость Ранцо къ своимъ интересамъ; онъ ходилъ отъ одной рубки къ другой, наблюдая за исполненіемъ условій, прогонялъ немилосердно гуртовщиковъ, угольщиковъ, дровосѣковъ, всѣхъ служащихъ отца, если они осмѣливались не слушаться его или даже грубо отвѣтить ему.

Вотъ, что вышло изъ этого мальчика въ нѣсколько мѣсяцевъ! Вся деревня была противъ него, всѣ его боялись, говорили:

— Вотъ такъ Ранцо! Самый жестокій, самый гадкій изъ Ранцо!

Въ минуты спокойствія въ школѣ, размышляя объ этомъ, мнѣ сдѣлалось грустно, такъ какъ я не могъ объяснить себѣ подобную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ; ибо въ основѣ Жоржъ всегда мнѣ казался добрымъ, великодушнымъ; его жестокость къ бѣднымъ людямъ щемила мое сердце.

Жена моя говорила мнѣ иногда по вечерамъ о музыкѣ, о концертахъ и о большихъ обѣдахъ, даваемыхъ Жаномъ; неопредѣленная молва о будущемъ бракѣ между главнымъ лѣсничимъ и m-elle Луизой распространялась повсюду; такъ всегда начинается. Ничего рѣшительнаго пока еще не обнаружилось, но молва все распространялась, и я былъ сердитъ на Луизу; г. Лебель, по моему, совсѣмъ не стоилъ этого, но вѣдь у всякаго свой вкусъ; я говорилъ себѣ, что прекрасныя манеры главнаго лѣсничаго и его красивый голосъ, можетъ быть, прельстили ее.

Въ это время, однажды въ концѣ іюля, я дошелъ до мраморныхъ каменоломенъ Фрамонта, которыми управлялъ тогда Баптистъ Лашамбръ, одинъ изъ моихъ прежнихъ учениковъ.

Онъ отложилъ въ сторону для меня, на днѣ каменоломни, всѣ камни, имѣющіе отпечатокъ растеній или раковинъ.

Подивившись столь глубокимъ раскопкамъ, правильности слоевъ, лежащихъ другъ на другѣ больше, чѣмъ на пятьдесятъ метровъ и ясно обозначавшихъ присутствіе воды въ продолженіе столѣтій въ высокой горѣ; отдохнувъ, смотря на работниковъ, поднимавшихъ массы мрамора, подъемами и рычагами, я отправился назадъ около часа, съ полной корзиной интересныхъ окаменѣлостей. Было страшно жарко, въ особенности на плоскогоріи. Моя ноша мѣшала мнѣ идти, и я шелъ тихо, опираясь на палку, чтобъ достичь опушки лѣса.

Солнце садилось въ сторонѣ Лорени; небо тамъ за горами было красно; ни одного насѣкомаго, ни даже кузнечика,—этотъ болѣе всѣхъ любитъ жару,—ни одно изъ нихъ не шумѣло на сухой и растресканной землѣ. Я весь вспотѣлъ, я шелъ по безводной тропинкѣ, наклонивъ голову, не имѣя даже силъ бодриться, до того жара меня отягощала; я чувствовалъ головокруженіе. Это продолжалось слишкомъ часъ, когда, наконецъ, я вошелъ въ тѣнь сосенъ. Тутъ тропинка спускалась мимо терновника и черники, и вдали я слышалъ журчаніе ручья; верхушки большихъ деревьевъ были залиты краснымъ цвѣтомъ, лѣсочки вокругъ казались прозрачными; и я живо спускался, заранѣе предвкушая удовольствіе напиться.

Таковы были мои мысли и желаніе, когда, при поворотѣ тропинки, я увидалъ въ тридцати шагахъ отъ себя человѣка, сидящаго на берегу рѣки, съ огромной соломенной шляпой на головѣ, порыжѣвшей отъ дождя и солнца, плечистаго, и держащаго между колѣнъ большую палку, обитую желѣзомъ. Видъ этого человѣка меня встревожилъ; я всмотрѣлся хорошенько: это былъ Жоржъ! Онъ какъ будто бы сѣлъ и заснулъ подъ тѣнью деревьевъ. О чемъ думалъ онъ? Богъ его знаетъ! Но казалось, будто онъ въ глубокомъ снѣ, потому что онъ не слышалъ, какъ я шелъ. Минуты двѣ я стоялъ и смотрѣлъ на него, потомъ зашумѣлъ, чтобъ привлечь его вниманіе. Онъ тотчасъ сердито повернулся и посмотрѣлъ въ мою сторону; его большіе, кудрявые волосы были растрепаны, и рука сжимала палку; его глаза подъ широкими полями шляпы блестѣли, какъ глаза волка.

— Это вы, г. Флорансъ?—вскричалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, Жоржъ, это я. Я возвращаюсь съ каменоломенъ Фрамонта; я очень усталъ.

И я сошелъ къ нему.

Онъ горячо схватилъ мою руку; и когда я наклонился, чтобъ напиться, онъ сказалъ мнѣ:

— Постойте!.. Вода слишкомъ холодна... Вы въ поту... вотъ вино.

Онъ вытащилъ тыквенную бутылку, опустилъ ее въ ручей, потомъ предложилъ мнѣ, и я напился.

— Не хотите ли присѣсть, г. Флорансъ?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно идти, безъ этого мои ноги перестанутъ слушаться, и я не подвинусь впередъ.

— Ну, такъ, дайте мнѣ вотъ это!—сказалъ онъ, снимая съ меня ящикъ и надѣвая на свое плечо; это стоитъ добрыхъ двадцати книгъ.

— По крайней мѣрѣ, Жоржъ; это ископаемыя, и еслибъ я ихъ не такъ цѣнилъ, я бы выбросилъ ихъ на дорогѣ; это слишкомъ тяжело для меня.

Онъ меня слушалъ задумчиво. Мы снова пошли возвратной дорогой, и я ему разсказывалъ о прекрасной коллекціи окаменѣлостей, которую я набиралъ. Онъ не отвѣчалъ, и только подъ конецъ сказалъ:

— Вы очень счастливы, г. Флорансъ, вы постоянно любите что-нибудь.

— Да, у меня сперва были цвѣты, потомъ насѣкомыя, а теперь окаменѣлости. Я засмѣялся, оживленный тѣнью и виномъ, выпитымъ мною.

— Вы счастливы!—повторилъ онъ задумчиво.

Мы шли сквозь тысячу вечернихъ отблесковъ, дрожащихъ въ листвѣ. То, что онъ сказалъ о моемъ счастіи, заставило меня задуматься, и вдругъ я вскричалъ:

— Безъ сомнѣнія, я счастливъ!.. Я на себя не жалуюсь, напротивъ еще!.. Но ты, Жоржъ, въ твои лѣта, съ твоей судьбой, съ твоимъ образованіемъ, неужели ты можешь считать себя несчастнымъ!..

— Я,—сказалъ онъ угрюмо,—я не люблю никого, да и меня никто не любитъ.

— Какъ? Какъ? — вскричалъ я, глядя на него вопроси-

тельно,—никто тебя не любитъ? Что ты этимъ хочешь сказать? А твой отецъ! А твоя мать! А я! А всѣ твои друзья!..

— Да, я очень вѣрю, что вы всѣ благосклонны ко мнѣ,— сказалъ онъ,—я не противорѣчу, но...

— Но что?

— Но все это не стоитъ привязанности къ достойной женщинѣ, къ добрымъ дѣтямъ...

— А! Вотъ это ты дѣло говоришь! —сказалъ я съ удивленіемъ,—ибо, любя свою жену и дѣтей, я не могу такъ же любить другихъ! Кто же тебѣ мѣшаетъ жениться и имѣть привязанности, какъ и всѣ ихъ имѣютъ? Боже мой, молодые люди хотятъ имѣть все заразъ; но жизнь долга, она научитъ ихъ терпѣнію.

Я былъ удивленъ, какъ мало у него чувства, когда онъ сказалъ:

— Я никогда не женюсь... Я буду послѣднимъ Ранцо... Когда фамилія производитъ чудовищъ, лучше пусть она кончится...

— Чудовищъ!.. Но о комъ ты говоришь, Жоржъ?—сказалъ я ему изумленный.

— Э!..—вскричалъ онъ,—вы его отлично знаете!.. Я говорю о старомъ разбойникѣ, который хочетъ погубить насъ; который хотѣлъ бы увидѣть насъ мертвыми, и у котораго достанетъ совѣсти отдать свою дочь, свою собственную кровь, за этого несчастнаго главнаго лѣсничаго, чтобъ онъ разорилъ насъ процессами и ввергнулъ насъ въ нищету, моего отца и меня. Развѣ вы не слышали разговора объ этомъ?

— Да,—сказалъ я ему,—ты самъ же мнѣ объ этомъ и говорилъ; но я никогда не повѣрю, чтобъ отецъ принесъ свою дочь, свое единственное дитя, въ жертву своей ненависти, своей мести; это противъ природы, это невозможно.

— Невозможно?.. Но вѣдь этотъ комедіантъ приходитъ каждый день; каждый день онъ занимается музыкой; каждый день старикъ слушаетъ его и низко ему кланяется. «Добраго утра, г. главный лѣсничій... я имѣлъ честь, г. главный лѣсничій... садитесь, пожалуйста, г. главный лѣсничій!.. Луиза... эй... Луиза... иди скорѣй!.. Луиза, гдѣ же ты, Луиза?.. Г. главный лѣсничій у насъ»... Онъ кричалъ, онъ подражалъ поклонамъ г. Жана и смѣшному виду главнаго лѣсничаго

— Но,—сказалъ я ему съ кротостью,—если Луиза любитъ этого молодого человѣка...

— Луиза!.. — вскричалъ онъ, остановившись и глядя на меня съ бѣшенымъ видомъ.—Луиза полюбитъ такую пустую голову, жалкое существо, съ остроконечнымъ носомъ, который, какъ женщина, одѣвается въ бѣлое, который поетъ, водя глазами по потолку, прижавъ руку къ сердцу, да вы, кажется, потеряли голову? Чтобъ Ранцо, дѣвушка съ неиспорченными чувствами!... Что съ вами!.. Что съ вами!..

Онъ пожалъ плечами и принялся шагать. А какъ я шелъ задумчиво, то черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Но она умираетъ отъ печали; каждый день, какъ тотъ приходитъ, она скрывается; нужно, чтобъ онъ за ней бѣгалъ; чтобъ онъ звалъ ее, чтобъ онъ ей говорилъ, въ то время, какъ она дѣлаетъ видъ, что поливаетъ цвѣты въ саду, а сама смотритъ черезъ заборъ, какъ бы ища тамъ помощи! И вы этого не видали, вы!.. Это стыдъ, это гнусность; я бы хотѣлъ пойти задушить старика и выкинуть изъ окна комедіанта... О! Еслибъ я ихъ держалъ въ рукахъ... какъ бы я ихъ стиснулъ! Этотъ старикъ ужъ не смѣялся бы больше... а другой этотъ прекрасный хитрецъ... онъ не свистѣлъ бы долго... О, несчастье!..

Я на него взглянулъ искоса и увидалъ, что челюсти у него сжаты, носъ сгорбился, глаза блестѣли, а огромный кулакъ сжималъ палку. Я удивлялся его гнѣву за Луизу, которую онъ прежде такъ поносилъ.

А такъ какъ наступило снова молчаніе, то я спросилъ:

— А ты думаешь, что она несчастна?

— Несчастна!—сказалъ онъ.—Скажите, что она больна, очень больна; она погибаетъ, она блѣднѣетъ, какъ воскъ; она была такая свѣжая, такая веселая, съ живыми глазами, съ розовыми губами въ послѣдній годъ ея возвращенія изъ монастыря; она больше не рѣзвится, она уходитъ отсюда!.. Но, г. Флорансъ, изъ милости, только изъ милости, вы должны время отъ времени навѣщать ее!.. Съ тѣхъ поръ, какъ вы возитесь съ вашей коллекціей окаменѣлостей, вы забываете все остальное. Она была такъ довольна, когда вы приходили; это ее освобождало на нѣсколько времени быть одной со своимъ отцомъ и комедіантомъ; она имѣла время свободно подышать... Вы не сильны, но вы добрый человѣкъ, а предъ честнымъ человѣкомъ подобные

субъекты чувствуютъ себя неловко. Вы непремѣнно должны бы были пойти туда и пѣть съ ней: Господи помилуй, аллилуйя...

— Хорошо, хорошо, Жоржъ,—сказалъ я ему, совсѣмъ смягченный и съ сжатымъ сердцемъ,—я пойду, и не позже, какъ завтра, послѣ классовъ; я пойду, будь въ этомъ увѣренъ. Но какъ дѣла дошли до подобнаго положенія? Вѣдь ты мнѣ разсказываешь ужасное.

— Да,—сказалъ онъ,—я вижу все... Но если такъ будетъ продолжаться!..

Онъ не прибавилъ ни слова.

Тутъ мы вышли изъ лѣса на то самое мѣсто, гдѣ прошлый годъ мы увидѣли Луизу, бросившуюся въ Сарру, чтобъ поддержать вилами возъ сѣна. Это воспоминаніе пришло, навѣрное, и къ Жоржу, потому что онъ остановился, чтобъ выбить огниво и долго смотрѣлъ на рѣку, ничего не говоря; потомъ мы продолжали свою дорогу. Тысяча мыслей пробѣгала въ моей головѣ. Наступила уже ночь, когда мы пришли въ Шомы. На порогѣ моего дома Жоржъ указалъ на домъ Жана, въ которомъ не виднѣлось ни одной свѣчи на улицу и сказалъ:

— Посмотрите, какъ веселятся тамъ внутри! Это дядя Жанъ выдаетъ замужъ счастливую дочь! Ну-съ, доброй ночи, г-нъ Флорансъ!

Онъ удалился.

— Боже мой, Флорансъ,—сказала мнѣ моя жена, стаскивая съ меня окаменѣлости,—какъ ты поздно возвращаешься!.. М-Ше Луиза только что вышла отсюда, она ждала тебя до семи часовъ.

— Луиза Ранцо?

— Да.

— О!.. Чего она отъ меня хотѣла?

— Я не знаю... ей нужно было что-то сказать тебѣ... Она опять придетъ завтра.

Мы поужинали; я ничего не могъ дѣлать отъ усталости. Часъ спустя, мы ужъ всѣ спали подъ охраной Бога.

XV.

Утро слѣдующаго дня прошло въ совершенномъ спокойствіи; въ это время, время моихъ собираній и коллекцій, у меня оставалось очень мало учениковъ, и классная была почти пуста. Большіе возы со снопами проѣзжали мимо время отъ времени,

бросая тѣнь на окна; дѣти, сидя на скамьяхъ, засыпали въ іюльскую жару; они слѣдили за полетомъ мухъ: веселый смѣхъ работниковъ, возвращающихся съ поля, лай собакъ, глухое мычанье быковъ, вотъ только что мѣшало имъ спать, потому что нельзя же постоянно складывать или учить наизусть катехизисъ. Я, сидя на каѳедрѣ, раскладывалъ собранныя рѣдкости, чинилъ свои перья, печально размышляя о положеніи Луизы, о всѣхъ удовольствіяхъ, которыя она мнѣ прежде доставляла, объ ея счастливой памяти, о добромъ сердцѣ, потомъ о ея отъѣздѣ въ Мольстеймъ, какъ она насъ посѣщала во время вакацій, какъ она радовалась, дѣлая намъ маленькіе подарки...

Эти воспоминанія растрогали меня. Я сожалѣлъ, что у нея такой жестокій отецъ, который приноситъ ее въ жертву главному лѣсничему, чтобы удовлетворить своему гнѣву противъ г. Жака.

Такъ тянулось время; при каждомъ проходѣ жницъ дѣти смотрѣли въ окна; славный запахъ сѣна и хлѣба врывался въ комнаты; и я долженъ былъ сожалѣть дѣтей, удерживаемыхъ въ школѣ въ то время, когда хорошо побѣгать, покупаться, пожить въ свое удовольствіе.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ, заставивъ прочесть молитву, я подалъ знакъ къ роспуску, и обрадовавшіеся ученики, схвативъ мѣшочки подъ мышку, выбѣгали, крича:

— Прощайте, Флорансъ! Прощайте, Флорансъ!

Они были очень довольны расправить свои ноги и сбѣгать передъ обѣдомъ навѣстить своихъ кузнечиковъ и свои силки, разставленные въ кустахъ возлѣ ручейковъ, куда прилетаютъ пить и купаться маленькія птички.

Я убралъ свои бумаги въ шкафъ и, стоя у двери, смотрѣлъ вдоль по улицѣ на линію повозокъ, остановившихся у гумна; мужчины, поднимая длинными вилами снопы, подавали ихъ дѣвушкамъ, взобравшимся наверхъ, въ слуховое окно риги.

Это было зрѣлище довольства, на которое я смотрѣлъ съ радостью и даже позабылъ про Луизу, какъ вдругъ увидѣлъ ее, идущую вдали, подъ тѣнью старыхъ сараевъ, кланяясь всѣмъ, кого только знала. Она была съ распущенными волосами; ея худоба поразила меня. Но это не мѣшало ей быть все-таки прекрасной. Большой носъ Ранцо, ихъ удлиненный подбородокъ, придавали ей гордый и смѣлый видъ, что-то благородное, что

рѣдко можно встрѣтить въ деревнѣ; но она была больна, очень больна, и я сказалъ себѣ:

— Боже мой, ты ли это, моя дорогая Луиза; возможна ли подобная перемѣна въ столь короткое время?

У меня сжалось сердце. И, подошедши ко мнѣ, она протянула мнѣ свои исхудалые пальцы, бормоча:

— Г. Флорансъ, я хочу просить у васъ большой услуги, я все время думала о васъ.

— Войдемъ, дитя мое, войдемъ!

Мы поднялись въ маленькую столовую, гдѣ жена моя и Жюльета накрывали на столъ. Луиза, проходя, сказала имъ нѣсколько словъ тихимъ голосомъ и прошла въ мой кабинетъ, который я и заперъ вслѣдъ за нею.

Она сѣла у конца стола, покрытаго разными окаменѣлостями, а я въ свое кресло, задомъ къ окну, выходящему въ садъ. Я смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ; ея блѣдность изумляла меня; она думала о чемъ-то, подперши рукой блѣдную щеку и смотря въ землю.

— Луиза, ты приходила вчера, когда меня не было дома?

— Да, г. Флорансъ, я приходила. Прежде чѣмъ придти, я хорошо обдумала; то, что я вамъ скажу, крѣпко засѣло въ моей головѣ; я у васъ прошу большой услуги...

— Въ чемъ она состоитъ, Луиза?

— Я хочу вступить въ монастырь.

— Въ монастырь... ты... Луиза... ты... дитя мое!—не могъ я удержаться, чтобъ не вскрикнуть, съ жалостью смотря на нее.— Ты хочешь сдѣлаться монахиней, отказаться отъ жизни, отъ молодости, отъ всѣхъ благъ этого свѣта?.. О! Ты объ этомъ не подумала!

Она не отвѣчала тотчасъ, да и не могла, вслѣдствіе душевнаго волненія; она вынула изъ кармана бѣлый платокъ и приложила къ глазамъ, облокотясь на столъ; она не плакала, но вздрагивала. Я ждалъ нѣсколько времени; другой рукой она откидывала назадъ свои прекрасные волосы. Молчаніе продолжалось; я весь поблѣднѣлъ, когда она очнулась и сказала мнѣ:

— Такъ нужно!.. Я думала, хорошо обдумала... Я только и была счастлива въ монастырѣ, съ добрыми сестрами, вдали отъ свѣта... Такъ нужно.

Я видѣлъ, какъ мучили ее эти мысли; я самъ былъ весь

разстроенъ и началъ спрашивать причину такого тяжелаго рѣшенія, когда она прибавила:

— Я пришла просить васъ, г. Флорансъ, во имя дружбы, которую вы мнѣ постоянно оказывали, объявить о моемъ рѣшеніи отцу... Сама я не осмѣливаюсь... я боюсь... онъ такой жестокій...

Она остановилась, когда я сказалъ ей, придя, наконецъ, въ себя:

— Слушай, все это не натурально! Во-первыхъ, Луиза, ты больна, а въ болѣзни не позволено принимать подобныхъ рѣшеній, это святотатство, слышишь ли? Когда хотятъ принести Богу жертву, нужно быть въ здравомъ разсудкѣ: а я тебѣ говорю, что ты не въ здравомъ состояніи, если даешь такія клятвы объ отреченіи отъ міра. А потомъ, тутъ должна быть какая-нибудь другая причина... скажи мнѣ, какая?..

Она молчала.

— Ты не хочешь сказать мнѣ ее,—продолжалъ я тогда, между тѣмъ, какъ она отвела глаза, все болѣе блѣднѣя и дѣлаясь печальнѣе.—Ну, я знаю... вся деревня знаетъ: ты не хочешь имѣть мужемъ г. Лебеля и приняла это намѣреніе, убѣжденная, что не избѣжать воли отца. Я согласенъ передать ему твое рѣшеніе, но это будетъ какъ бы угроза, чтобъ узнать, что онъ отвѣтитъ, вотъ и все!

— Нѣтъ, г. Флорансъ, я серьезно приняла это намѣреніе.

— Хорошо!.. Хорошо!.. — вскричалъ я. — Я вижу теперь, что Жоржъ былъ правъ; это мерзко, очень мерзко.

Мною овладѣлъ гнѣвъ; никогда я не былъ въ томъ состояніи; меня должны были слышать въ сосѣднихъ комнатахъ и даже на улицахъ: я вскакивалъ и садился въ негодованіи.

При имени Жоржа, Луиза вся покраснѣла, ея блѣдныя щеки покрылись краской.

— Жоржъ говорилъ обо мнѣ?—сказала она.

— Да, онъ сказалъ, что тебя хотѣли силой заставить вступить въ этотъ бракъ, но что ты настоящая Ранцо, и твоей воли не переломятъ, что ты не принесешь себя въ жертву ненависти твоего отца, и что ты никогда не продашь себя.

— Онъ говорилъ это?

— Да, и былъ правъ! Вся страна, всѣ честные люди за тебя. Будь спокойна, я пойду объясн[illegible] Посмотрим[illegible]... Я не боюсь!

я скажу, что ты уѣзжаешь... что ты больше не возвратишься... что ты погребешься живой въ гробъ... навсегда... навсегда... Твой отецъ, навѣрное, воротится къ здравому разуму.

— Но, г. Флорансъ, я васъ увѣряю, что мое рѣшеніе твердо обдумано, что я хочу служить Богу, и что...

— Хорошо!.. Ты поступишь, какъ тебѣ угодно,—сказалъ я ей сердито,—но необходимо сперва, чтобъ ты была свободна, чтобъ тебѣ не нужно было выбирать между Богомъ и г. главнымъ лѣсничимъ! Не такъ себя посвящаютъ... Нѣтъ!.. Богъ не хочетъ, чтобъ выбирали между нимъ и человѣкомъ, который вамъ не нравится; это святотатство, и тѣ, которые тебѣ совѣтуютъ принимать подобныя рѣшенія, осуждены навѣки, они оскорбляютъ Бога въ его величіи. Я ужъ тебѣ это говорилъ! А теперь можешь идти; мы будемъ обѣдать, возвращайся домой, а ровно въ четыре часа я пойду къ твоему отцу.

Луиза мнѣ ничего не отвѣчала, она мнѣ пожала руку съ большимъ волненіемъ, тихо прибавивъ: «Благодарю, г. Флорансъ, благодарю!.. Я знала, что вы мнѣ не откажете». Потомъ она ушла; а двѣ минуты спустя, я вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Жена моя и дочь все слышали; онѣ дрожали, и Марія-Анна мнѣ сказала:

— Надѣюсь, Флорансъ, что ты не пойдешь къ г. Жану?

Я разсердился и отвѣтилъ ей:

— Я пойду!.. Да, пойду!.. И я не хочу, чтобъ мнѣ давали непристойные совѣты. Не хорошо со стороны преданной жены давать своему мужу подобные совѣты. Еслибъ даже я и не обѣщалъ, то и тогда долженъ бы былъ пойти! Развѣ человѣкъ, подобный мнѣ, почтенный наставникъ, можетъ оставить свою лучшую ученицу въ несчастіи, котораго она не заслужила? Развѣ я не сталъ бы краснѣть предъ самимъ собой за такую слабость?

— Но онъ съ тобой худо обойдется, Флорансъ!

— Онъ!.. Пусть-ка попробуетъ худо обойтись со мной,— сказалъ я, сжавъ кулаки,—пусть-ка попробуетъ!

Никогда я не чувствовалъ въ себѣ мужества пойти съ угрозой къ важному лицу, въ его собственномъ домѣ; у меня всегда было очень много благоразумія, но негодованіе было слишкомъ сильно, оно взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами.

Во время обѣда я укрѣпился въ своемъ рѣшеніи; Жюльета и жена моя, обѣ блѣдныя, переглядывались между собою.

Послѣ обѣда я пошелъ въ свой кабинетъ немного обдумать все; потомъ я сошелъ заняться въ школѣ, а въ четыре часа пошелъ переодѣться: надѣлъ бѣлую рубашку, сюртукъ и шляпу, чтобъ явиться, какъ слѣдуетъ, къ варвару, и имѣть на него вліяніе своимъ внѣшнимъ видомъ, ибо всѣ люди судятъ по наружному виду.

Главный лѣсничій, г. Лебель, уѣхалъ въ Сарребургъ за новыми распоряженіями; онъ долженъ былъ воротиться вечеромъ; мнѣ нельзя было терять времени, и я вышелъ въ то время, какъ на колокольнѣ пробило половина пятаго. Моя жена и дочь не говорили больше ничего, но я вышелъ на улицу, и въ концѣ церковнаго переулка увидѣлъ г. Жаннекина, читающаго въ своемъ саду служебникъ, надсматривая между тѣмъ и за пчелами. Онъ тотчасъ прервалъ чтеніе и сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти къ нему. Переулокъ былъ пустъ; священникъ, проводя меня подъ тѣнь большихъ деревьевъ, началъ мнѣ выговаривать за порученіе, которое я взялъ на себя, говоря, что г. Жанъ Ранцо не проститъ мнѣ этого никогда; что онъ начнетъ меня притѣснять; что онъ можетъ отрѣшить меня отъ должности; что отецъ семейства обязанъ жить для него, и т. д.

Я слушалъ его, понявъ, что жена моя его пред предила; когда же онъ кончилъ, я отвѣчалъ ему:

— Г. священникъ, я, можетъ быть, и воспользовался бы вашими добрыми совѣтами прежде, но теперь слово уже дано.

— Я на это сердитъ,—сказалъ онъ,—потому что дѣло нешуточное.

— Безъ сомнѣнія, г. священникъ, но я обѣщалъ и долженъ сдержать обѣщаніе.

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ, не настаивая, прибавилъ:

— Ну, если ваше рѣшеніе такъ твердо, г. Флорансъ, то идите!.. Богъ не допуститъ, чтобъ съ вами случилось что-нибудь непріятное.

Я ушелъ, разсерженный на жену, а г. Жаннекинъ снова принялся читать служебникъ.

Но чѣмъ ближе подходилъ я къ старому строенію, въ которомъ окна и ставни въ нижнемъ этажѣ были заперты, вслѣдствіе жары, тѣмъ болѣе меня одолѣвала робость. Не дай я обѣщанія, я поворотилъ бы назадъ къ школѣ, но я обѣщалъ, и, несмотря на свой страхъ, я былъ уже на порогѣ сѣней, открытыхъ

для прохода служанокъ, помогавшихъ жнецамъ,—первая дверь направо вела въ контору г. Жана, гдѣ должники, отсрочивши свои долги, вносили проценты, аренду, получали плату за работу.

Здѣсь г. Жанъ велъ свои книги; а такъ какъ дверь была полуоткрыта, то я увидалъ его тотчасъ же, сидящаго въ тѣни передъ его маленькой конторкой изъ орѣховаго дерева.

Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной.

Свѣтлыя струи жаркаго воздуха, входя въ комнату черезъ щели ставенъ, освѣщали въ этомъ углу его большую плѣшивую голову, окаймленную нѣсколькими сѣдыми волосами около ушей, его широкія плечи и круглую спину. Онъ писалъ; онъ записывалъ въ своей книгѣ число возовъ съ сѣномъ, съ соломой, число мѣшковъ съ рожью, ячменемъ и пшеницей, возлѣ труды своихъ денегъ.

Я смотрѣлъ на него, еле дыша, но такъ какъ черезъ пять, шесть минутъ въ сѣни вошелъ слуга, то я кашлянулъ тихонько и подвинулся съ шляпой въ рукѣ, сказавъ:

— Г. Ранцо, честь имѣю...

Тогда онъ, повернувшись немного въ креслѣ, не вставая, посмотрѣлъ на меня свысока и вскричалъ грубымъ голосомъ:

— А! Это вы!.. Скажите, пожалуйста, что это значитъ? Мнѣ разсказывали, что моя дочь ходила къ вамъ вчера вечеромъ и сегодня...

Я тотчасъ увидѣлъ, что на насъ донесли, потому что въ деревнѣ довольно-таки шпіоновъ, особенно у богатыхъ людей, и я еще больше растерялся.

— Ну-съ,—повторилъ онъ,—что же это все значитъ?

— Я связанъ очень труднымъ порученіемъ, г. Ранцо,—сказалъ я ему; Луиза просила меня передать вамъ, что она хочетъ идти въ монастырь.

— Въ монастырь?

— Да, г. Ранцо; она хочетъ постричься, идти въ монастырь и посвятить себя на служеніе Богу.

Онъ весь поблѣднѣлъ отъ гнѣва и поводилъ глазами ужаснымъ образомъ; я началъ запинаться:

— Вы понимаете, г. Ранцо, что я не могъ отказать лучшей моей ученицѣ, чтобъ...

Но онъ меня больше не слушалъ, а выбѣжалъ въ сѣни, яростно крича:

— Луиза... Луиза!

Потомъ, войдя въ комнату, онъ принялся шагать, нагнувъ голову, заложивъ руки за спину и не обращая на меня никакого вниманія, какъ будто меня тутъ и не было.—Его большіе башмаки стучали по полу, носъ его сгибался, подбородокъ сжимался.

Вдругъ онъ остановился, прислушиваясь; легкіе шаги слышались по лѣстницѣ; тогда онъ откашлянулся. Вся кровь въ жилахъ застыла у меня. Почти тотчасъ Луиза появилась на порогѣ, дрожа какъ листъ. Она увидѣла меня, почти такъ же дрожавшаго, какъ и она; а старикъ, нахмуривъ брови, гнѣвно сказалъ:

— Что мнѣ приходится узнать? Ты идешь къ этому школьному учителю разсказывать то, что не хочешь разсказать мнѣ, твоему отцу? Ты не стыдишься говорить разныя нелѣпости его женѣ, этому старому животному, этимъ двумъ сорокамъ, которыя не преминутъ распустить это по всей деревнѣ! Похоже ли это на поведеніе Ранцо? Г. Флорансъ приходитъ мнѣ разсказывать, что ты хочешь поступить въ монастырь, хочешь посвятить себя Богу! Что это значитъ?

Этотъ старый негодяй былъ до невѣроятности мерзокъ, говоря о Всевышнемъ, а между тѣмъ онъ не пропускалъ ни одной воскресной обѣдни или проповѣди.

Только въ эту минуту я узналъ его настоящую религію,—религію гордости, скупости и всѣхъ лживыхъ благъ земли!

— Посмотримъ,—кричалъ онъ,—говори же!.. Отвѣчай мнѣ!..

— Ну, что жъ,—отвѣчала Луиза, обратившись къ нему,—я хочу идти въ монастырь!

И, посмотрѣвъ на меня, она прибавила:

— Я прошу извиненія у г. Флоранса за непріятности, которыя онъ получилъ изъ-за меня; онъ сказалъ только правду. Я здѣсь несчастна... Я хочу посвятить себя на служеніе Богу... Я снова хочу увидѣть моихъ дорогихъ сестеръ въ Мольгеймѣ... Тамъ, по крайней мѣрѣ, я буду имѣть миръ и спокойствіе.

Ея голосъ дрожалъ, но она была тверда.

Г. Жанъ, слушая ее съ скрещенными руками, смотрѣлъ на

нее срысока, какъ на муху; можно было сказать, что онъ уничтожитъ ее однимъ ударомъ; потъ струился у меня по лбу, при мысли, что у меня недостаточно силы защитить ее. Но вмѣсто того, чтобъ выйти изъ себя, съ настоящей яростью стараго волка, онъ началъ сперва ее увѣщевать, говоря:

— Такъ вотъ цѣна моимъ жертвамъ и моей любви къ своему дитяти! Вотъ мнѣ благодарность!

Онъ поднялъ руки и походилъ на жалующаго на свое несчастіе:

— У меня была дочь!.. Для этой дочери, которую я любилъ больше своей жизни, я всѣмъ жертвовалъ!.. Я могъ бы вновь жениться, но не хотѣлъ ей дать мачеху; я остался вдовцомъ въ тридцать восемь лѣтъ. Я день и ночь думалъ, какъ бы разбогатѣть, чтобъ дать ей образованіе.—Никогда, никогда я ей ни въ чемъ не отказывалъ! Она любила музыку, у ней были лучшіе учителя!.. Она хотѣла имѣть рояль, я выписалъ его изъ Парижа. Она желала модныхъ платьевъ, шляпъ, я велѣлъ ихъ присылать изъ Страсбурга!.. Ничто не было слишкомъ дорого для нея... Еслибъ она спросила у меня послѣдній кусокъ хлѣба, она бы его имѣла!.. Я ее только и любилъ; я говорилъ себѣ:— Это Луиза!... и все было сказано. Она была моей славой, моимъ счастьемъ, она была всѣмъ для меня!.. И вотъ... вотъ ея благодарность!..

Луиза, вся блѣдная, не говорила ничего; а старикъ, видя что онъ не тронулъ ее этимъ средствомъ, сердито вскричалъ:

— И такъ, это рѣшено, ты хочешь посвятить себя доброму Богу!

— Да,—сказала она,—это рѣшено.

Но едва она сказала это, какъ старикъ, отворивъ ударомъ кулака ставни и взявъ за плечи дочь, повернулъ ее, какъ перышко и, показавъ на противоположный домъ, вскричалъ съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ:

— Добрый Богъ... Ха! ха! ха! Вотъ твой добрый Богъ.. вотъ онъ!.. Это сынъ негодяя, разбойника, который хочетъ моей погибели, который портитъ мою кровь впродолженіи тридцати лѣтъ... Вотъ онъ твой добрый Богъ!.. Скажи же противное... Обманывай!.. Обманывай!.. Вѣдь ты же хочешь сдѣлаться монахиней!

Онъ былъ ужасенъ; Луиза, скорѣе мертвая, чѣмъ живая, не отвѣчала.

— Такъ это правда?—кричалъ онъ бѣшено.—Говори же... Ты ничего не говоришь... значитъ, это правда!

Наконецъ, такъ какъ она не трогалась съ мѣста, онъ ее выпустилъ изъ рукъ.

Я больше не могъ держаться на ногахъ; я хотѣлъ закричать:

— Спасайся, дитя мое, спасайся!—Но я чувствовалъ, что что-то душило меня, сжимало мнѣ горло.

А онъ, принявъ снова чрезъ минуту смягченный видъ, принялся ходить.

— Да,—сказалъ онъ,—для своей дочери я всѣмъ пожертвовалъ!.. Я находилъ сотни богатыхъ партій, я ихъ не хотѣлъ; но, благодаря Бога, несмотря на разбойника, желавшаго моей смерти, я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Прибылъ сюда честный человѣкъ, самый честный и образованный во всей странѣ; онъ просилъ руки моей дочери... Какая честь для фамиліи!.. Я согласился... Я далъ ему свое слово... Вся страна знаетъ, что У Жана Ранцо только одно слово!.. Все идетъ отлично... Все, что я потерялъ, я буду имѣть. У меня будутъ маленькія дѣточки, мы заживемъ въ согласіи и радости... Негодяй надъ нами не будетъ смѣяться... Мы будемъ первыми въ обществѣ во всемъ округѣ; моя дочь будетъ первой дамой, болѣе всѣхъ почитаемой на десять лье въ окружности; она будетъ владѣлицей Шомъ; а тотъ, съ его лѣнтяемъ, пьяницей, гулякой, изсохнетъ со злости! Я не хочу, чтобы мнѣ приходили сказать нѣтъ, когда я говорю да! Слышишь ли ты меня?

Гнѣвъ овладѣлъ имъ снова; а видя ее, прямо стоящую противъ двери, съ потупленными глазами, но твердую какъ всѣ Ранцо, онъ повторилъ съ бѣшенствомъ:

— Слышишь ли ты меня! Осмѣлься теперь противорѣчить... Осмѣлься сказать мнѣ: нѣтъ.

— Ну, такъ нѣтъ же!—сказала она, смотря ему въ глаза.

По спинѣ моей пробѣжали мурашки.

Едва успѣла она проговорить нѣтъ, какъ огромная рука варвара ударила ее и сшибла съ ногъ; она упала на колѣни; она была уничтожена, но, поднимая голову съ страшными глазами, все еще повторяла:

— Нѣтъ... никогда!..

Онъ хотѣлъ ударить ее снова, но я схватилъ его за руку, крича:

— Г. Ранцо, вѣдь это ваше дитя!..

— А! Ты вмѣшиваешься въ мои дѣла?—вскричалъ онъ.— Погоди же!..

И я почувствовалъ, какъ меня подняли двѣ огромныя руки; я почувствовалъ, какъ голова моя колотилась объ стѣну, а потомъ, не знаю, какимъ образомъ, я очутился въ сѣняхъ и скатился задомъ до послѣдней ступени, полумертвый отъ страху.

Я считалъ себя погибшимъ; и между тѣмъ, какъ я пытался подняться, моя шляпа вылетѣла на улицу и дверь хлопнула, какъ ударъ грома. Тогда, посмотрѣвъ вокругъ себя, я увидѣлъ, что всѣ разбѣжались по сторонамъ, а въ домѣ я слышалъ болѣзненные крики: старый злодѣй билъ свою дочь! Эти крики разрывали мое сердце. Много труда стоило мнѣ приподняться, всѣ мои члены ныли. Я сѣлъ опять на ступеньку лѣстницы, не имѣя даже силъ стонать.

Чрезъ нѣсколько минутъ, переводя дыханіе, я могъ поднять свою шляпу и идти. Я повернулъ къ дому.

Изрѣдка кто-нибудь показывался въ слуховомъ окнѣ и опять тотчасъ скрывался.

Къ счастью, у меня ничего не было сломано; поблагодаривъ Бога, я дотащился до нашихъ дверей, взошелъ по лѣстницѣ, вошелъ въ нашу маленькую комнатку и усѣлся, ничего не говоря.

Но Жюльета и жена моя замѣтили мое волненіе; весь мой лѣвый бокъ побѣлѣлъ отъ пыли, моя шляпа была изломана; они были очень поражены моимъ видомъ и жена моя вскрикнула:

— Флорансъ, ради Бога, что случилось?

— Ничего, — сказалъ я, — г. Жанъ вытолкалъ меня, я упалъ, и...

Ихъ ужасъ увеличился, Марія-Анна вскричала:

— Я предупреждала тебя, Флорансъ; ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить... О, Боже мой, какое несчастье!

Жюльета плакала. Скоро пришли нѣсколько сосѣдокъ освѣдомиться.

Уже разнесся слухъ, что я отрѣшенъ за то, что нанесъ оскорбленія г. Жану. Сѣтованья удвоились въ домѣ; меня успо

коивало сознаніе, что я исполнилъ свой долгъ; а около семи часовъ, во время ужина, видя, что моя жена и дочь такъ огорчены, я сказалъ имъ, чтобы онѣ ничего не боялись; что всѣ угрозы г. Жана, и все могущество г. главнаго лѣсничаго не въ состояніи столкнуть съ мѣста меня, потому что имъ было бы очень непріятно услышать отъ меня кое-что; притомъ я буду поддержанъ г. Жакомъ.

Онѣ немного успокоились, но всякій пойметъ, что ни у кого въ домѣ не было охоты ни къ ѣдѣ, ни ко сну.

Около девяти часовъ мы услышали, что возвращался верхомъ изъ Сарребурга г. Лебель, въ ночной тишинѣ; онъ скоро долженъ узнать все и, конечно, захочетъ выгнать меня, какъ и его тесть.

Жоржъ возвратился позже; мы пошли спать, и я разсказывалъ тихо своей женѣ все, что произошло между г. Жаномъ и Луизой, когда мы услыхали, какъ проѣзжалъ мимо дома его шарабанъ скорой рысью.

— Вотъ,—сказалъ я Маріи-Аннѣ,—вотъ онъ возвращается съ рубки лѣса; еслибъ онъ зналъ, что Луиза его любитъ!..

— Молчи!—вскричала моя жена съ ужасомъ.—Не говори объ этомъ никогда, Флорансъ, а то мы погибнемъ!..

Она вся дрожала.

У меня болѣли члены, но я не чувствовалъ никакой большой боли; только на другой день, когда нужно было идти заниматься въ школу, мнѣ показалось, что я не въ состояніи этого исполнить, такъ сильно было потрясеніе.

Я не хотѣлъ лежать этотъ день въ постели; съ помощью жены я одѣлся и усѣлся въ кресло.

Что за несчастье быть бѣднымъ и жить только своимъ жалованьемъ!

Ужъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я еще дрожу при мысли объ этомъ. Я не заслуживалъ подобныхъ оскорбленій, г. Жанъ не осмѣлился бы поступать подобнымъ образомъ съ богатымъ человѣкомъ, способнымъ защищаться: справедливость безъ силы не очень-то почитается на этомъ свѣтѣ.

XVI.

Не успѣлъ я просидѣть и четверти часа у маленькаго окна, выходящаго на большую улицу, раздумывая о горестяхъ сего міра, какъ въ концѣ дороги показался Жоржъ, въ соломенной

пирокополой шляпѣ, въ блузѣ, и съ палкой съ желѣзнымъ на-
конечникомъ. Крестьяне, которые вывозили наземъ изъ хлѣ-
овъ, провѣтривали конюшни, или выпускали изъ загородей
уръ, оставляли свои занятія, чтобы взглянуть на него, но онъ
азался задумчивымъ и ни на что не обращалъ вниманія.

Жена, приготовлявшая въ кухнѣ кофе, вошла въ комнату.

— Флорансъ,—сказала она,—къ намъ идетъ Жоржъ. Онъ
ѣрно хочетъ знать, что происходитъ. Смотри только, не говори
му, что ты мнѣ разсказывалъ вчера, а то г. Жакъ узнаетъ, и
огда...

— Послушай, Марія-Анна,—сказалъ я, обернувшись,—за-
оться о своихъ дѣлахъ. Я былъ такъ разобиженъ, что имѣю,
нѣ кажется, нѣкоторое право на сожалѣніе.

Меня разбирала досада. Жюльета, убиравшая комнатуэ за-
ерла окна и ушла вмѣстѣ съ матерью; въ это время Жоржъ
однимался ужъ на лѣстницу.

— Здравствуйте, г. Флорансъ,—сказалъ онъ, входя,—я шелъ
а пильную мельницу и мимоходомъ зашелъ на васъ взглянуть.

— Бери стулъ и садись Жоржъ, а я положительно не могу
ошевелиться.

— О я знаю, что дядя Жанъ обошелся съ вами очень
рно! Это подло; онъ не присталъ небось, ко мнѣ, а обвинилъ
стнаго, незлобиваго, но слабаго человѣка; онъ мучитъ свою
дную дочь! Тутъ, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ преслѣдовать
знаказанно. О, бездѣльникъ! Надо надѣяться, что придетъ и
ой чередъ, ты не всегда будешь сильнѣйшимъ!

Я мысленно, совершенно соглашался съ нимъ.

— Знаете ли, что тамъ происходитъ теперь, г. Флорансъ?—
кричалъ онъ опять. — Въ то время какъ я выходилъ, весь
отивоположный домъ былъ въ хлопотахъ: самъ дядя бѣжалъ
конюшню сѣдлать лошадей и кричалъ своему старому Доми-
ку:

— Скорѣй за докторомъ!.. Ну, въ дорогу, ступай поскорѣй
г. Бургарду, въ Сарребургъ!

Тотъ поскакалъ сломя голову и даже не успѣлъ надѣть
узы... понимаете ли вы, что Луиза очень больна, лежитъ въ
стелѣ, онъ ее вчера всю избилъ... она можетъ отъ этого
ереть!..

Говоря это, онъ смотрѣлъ на меня съ лицомъ искаженнымъ

гнѣвомъ и горестью: я не зналъ, что ему сказать, волосы становились у меня дыбомъ.

— Жоржъ,—сказалъ я, наконецъ,—ты можешь похвастаться, что имѣешь дядей страшнаго тирана!

— Не говорите мнѣ о немъ,—вскричалъ онъ, заскрежетавъ зубами,—я кажется былъ бы способенъ вернуться туда сейчасъ же, и убить его!.. Я и ушелъ оттуда потому, что не въ состояніи былъ бы сдержать себя; я думалъ, что лучше убѣжать оттуда, чѣмъ совершить преступленіе.

— И хорошо сдѣлалъ!—сказалъ я.—Вѣдь это его дочь! Никто не имѣетъ права войти въ его домъ, кромѣ твоего отца, какъ мэра общины, въ сопровожденіи жандарма или какого-нибудь другого служащаго. Мы же, посторонніе, должны равнодушно смотрѣть на это; но все-таки это ужасно.

— О, ужасно!—отвѣчалъ онъ, задумчиво и медленно прохаживаясь по комнатѣ.—Какое несчастье, что меня вчера тамъ не было; Господи, какое несчастье!..

Представляя себѣ удовольствіе, которое бы я почувствовалъ если бы Жоржъ вошелъ въ домъ дяди, и взялъ бы его за воротъ, я согласился съ нимъ, что въ самомъ дѣлѣ это было большимъ несчастьемъ.

Нѣсколько минутъ мы молча соображали это обстоятельство, наконецъ, онъ опять заговорилъ:

— Да, это замѣчательный разбойникъ! Но что я хотѣлъ бы знать—это причину, почему онъ едва не убилъ свою дочь до смерти; вы понимаете г. Флорансъ, онъ долженъ имѣть важныя причины.

— Ахъ,—сказалъ я,—она хотѣла поступить въ монастырь.

— Въ монастырь!—вскричалъ онъ пораженный.—Луиза... Монахиня!

— Да, она хотѣла возвратиться въ монастырь Мольсгеймъ; она хотѣла отказаться отъ свѣта; она чувствовала себя слишкомъ несчастной, и мнѣ поручила сказать объ этомъ отцу, какъ своего стараго наставника, ты понимаешь Жоржъ, она выбрала меня...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ проникнуть мнѣ въ душу.

— И онъ за это билъ ее?—сказалъ онъ черезъ минуту.

— Не совсѣмъ за это,—отвѣчалъ я ему встревоженный.

Моя жена, слушавшая насъ изъ кухни, прибѣжала дѣлая мнѣ, по своему обыкновенію, знаки. Вмѣсто того, чтобы ее слушать, я разсердился, такъ какъ никому не нравится, чтобы имъ руководила его жена, какъ ребенкомъ, и сказалъ Жоржу:

— Ты хочешь знать настоящую причину этой исторіи?.. Ну, потому что она тебя любитъ!.. Старикъ сказалъ, что она тебя любитъ!.. Онъ открылъ окно, крича: «Вотъ твой Богъ, вотъ онъ!.. Это сынъ бездѣльника, живущаго напротивъ..

— Онъ сказалъ это... Вы слышали, г. Флорансъ?—сказалъ онъ, поблѣднѣвъ.

— Слышалъ ли я? Да онъ кричалъ это, громко!..

— А она... что отвѣчала она?

— Ничего! Онъ кричалъ: отвѣчай же мнѣ!.. Лги... лги... если ты смѣешь!..

— А она не отвѣчала?..

— Нѣтъ, Жоржъ, она не хотѣла лгать!.. Это была правда.

Я посмотрѣлъ на мою жену, какъ бы говоря: и это отучитъ тебя приходить мнѣ надоѣдать, теперь дѣлай мнѣ сколько хочешь знаковъ.

Жоржъ покраснѣлъ, посмотрѣлъ на насъ обоихъ и вдругъ вскричалъ:

— Ну да, мы любимъ другъ друга!.. Ахъ! Это не со вчерашняго, ни съ сегодняшняго дня... Нѣтъ!.. Я всегда любилъ ее! Даже тогда, когда я воображалъ, что ненавижу ее, потому что меня воспитали съ этой мыслью, я ужъ любилъ ее... Я возставалъ противъ нее, и ненавидѣлъ тѣхъ, которые мнѣ внушали это. Но я защищался... Я скрывалъ все это!—сказалъ онъ, кладя руку на сердце.—Только, съ того времени, когда возили сѣно, вы помните, г. Флорансъ, съ того дня я думаю только о ней!

На глазахъ его были слезы; онъ держалъ мою руку и я видѣлъ, что ему хотѣлось меня обнять.

— Ахъ, какъ я былъ несчастливъ!.. Какъ я ненавидѣлъ себя за любовь къ дочери дяди Жана! Какъ я проклиналъ себя; какимъ низкимъ казался я себѣ; какъ метался я взадъ и впередъ по лѣсу, повторяя себѣ: «Старикъ обокралъ твоего отца! Старикъ думаетъ только о твоемъ разореніи!» И я злился!.. Что вы хотите, эта мысль преслѣдовала меня всюду... Это пронзало меня въ самое сердце: я не могъ болѣе этого выносить! Я ви-

дѣлъ ее всюду: въ лѣсу, въ деревнѣ, за рѣшеткой ихъ сада, въ полѣ, у ея окна. Наконецъ, я видѣлъ, что она сочувствовала мнѣ, г. Флорансъ; не ища другъ друга, не говоря между собой ни слова, не глядя, какъ бы не узнавая другъ друга, мы встрѣчались всюду. Да, да, мы любимъ одинъ другого!—вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ, стуча палкою въ полъ. Луиза любитъ меня! Она меня любитъ... и будетъ моею!..

Его можно было принять за сумасшедшаго; онъ былъ похожъ на коршуна, который, по утрамъ, распускаетъ свои крылья, издавая зловѣщіе крики.. Я былъ внѣ себя.

— Но, Жоржъ,—сказалъ я,—ради самого Неба не кричи такъ громко, вся деревня тебя слышитъ! И при томъ ты говоришь:—Она будетъ моя!.. Она моя!.. Но главный лѣсничій?

— Главный лѣсничій,—вскричалъ онъ, съ презрительнымъ видомъ,—главный лѣсничій!.. Чортъ съ нимъ! Пусть придетъ!.. пускай его только придетъ!.. А!

— А дядя Жанъ?

— Онъ билъ свою дочь... Онъ хочетъ принести ее въ жертву своей ненависти... Она меня любитъ болѣе, чѣмъ его... Она любитъ только меня... Вы ее хорошо знаете... Вы сказали это.

— Безъ сомнѣнія! Но твой отецъ, несчастный! Все противъ тебя, все!..

— Послушайте, г. Флорансъ,—сказалъ онъ съ жаромъ,—вы честный человѣкъ!.. Эти два старика ненавидятъ другъ друга уже тридцать лѣтъ, за старую избушку; они не могутъ видѣть другъ друга безъ злобы, и мы должны бы были поступать какъ они; мы должны бы были по примѣру отцовъ разорять, безчестить другъ друга, мѣшать и уничтожать одинъ другого! Справедливо ли это?

— Нѣтъ, Жоржъ, нѣтъ, я не говорю этого, совсѣмъ напротивъ; но...

— Здравый смыслъ указываетъ это,—сказалъ онъ.—Луиза любитъ меня, и я люблю ее!.. Ну, мы женимся и будемъ счастливы, это ясно!.. Пусть другіе дѣлаютъ, что хотятъ, это ихъ дѣло!

Въ то же время онъ вышелъ. Я снова его позвалъ:

— Жоржъ!..

Онъ взошелъ на двѣ ступеньки.

— Куда ты идешь? Что хочешь ты дѣлать?..

— Я хочу объявить это моему отцу тотчасъ же.

— Но ты не будешь говорить обо мнѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Будьте покойны,—сказалъ онъ, сходя съ лѣстницы;—это касается меня одного!..

И онъ ушелъ.

Несмотря на боль въ ногахъ, я не могъ утерпѣть, чтобы не посмотрѣть въ окно.

Онъ медленно переходилъ улицу, повѣся голову, съ своей большой палкой въ рукѣ, и смѣло вошелъ къ себѣ.

Въ крайнемъ безпокойствѣ, я снова сѣлъ къ окну; за завтракомъ и до самаго начала классовъ я все размышлялъ о томъ, что происходитъ тамъ.

«Ужасная гроза, думалъ я, въ эту самую минуту разразилась между отцомъ и сыномъ, одинаково смѣлыми, твердыми, и упорными въ своихъ мнѣніяхъ, какъ тотъ такъ и другой». То мнѣ казалось, что отецъ, ослабѣвшій отъ лѣтъ и неудачъ— уступитъ; то, что онъ будетъ настаивать, и выгонитъ сына изъ дома. Эти мысли путались въ моей головѣ. Наконецъ, въ семь часовъ, снова посмотрѣвъ въ окно, и ничего не видя на улицѣ, я сошелъ къ моимъ занятіямъ.

Во все время моихъ занятій я оставался на кафедрѣ, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что всѣ мои ученики были недовольны тѣмъ, что со мной случилось; ихъ родители всѣ обвиняли г. Жана, всѣ эти дѣти любили меня и принимали во мнѣ участіе; по временамъ они смотрѣли на меня изъ-за своихъ книгъ, но какъ только я взглядывалъ на нихъ, они опускали глаза, боясь меня оскорбить. Надъ другими наставниками они бы можетъ быть смѣялись, такъ какъ дѣти всегда насмѣшливы надъ тѣми, которыхъ они находятъ не слишкомъ справедливыми, но я къ моему удовольствію, видѣлъ, что они принимаютъ мою сторону противъ того, который такъ дурно поступилъ со мной.

Все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ; по окончаніи классовъ мнѣ стоило только взглянуть на улицу, чтобы убѣдиться, что въ деревнѣ происходитъ большое волненіе.

Съ утра разпространились тамъ разныя новости; сосѣди и сосѣдки толковали у своихъ дверей; женщины кричали внизу, дѣ ушки слушали вверху. Вездѣ разговаривали о болѣзни

Луизы и объ отъѣздѣ стараго Доминика за докторомъ: было извѣстно, что Луиза хотѣла возвратиться въ Мольсгеймскій монастырь, чтобы не выйти замужъ за г. Лебеля, и что отецъ билъ ее за это; все это было извѣстно и волненіе увеличивалось. Я слышалъ, какъ бабушка Буверетъ, наша сосѣдка, кричала на улицѣ:

— Бѣдное дитя желаетъ лучше похоронить себя живою въ монастырѣ, чѣмъ выйти замужъ за этого урода... Отецъ ее билъ!.. А главный лѣсничій Лебель, вотъ такъ подходящій супругъ для Луизы!.. Погоди... Она только и создана для тебя... Гадкій щеголь... Со времени пріѣзда этого аристократа въ нашъ край, только и слышно что объ уголовныхъ процессахъ. Его нужно было бы выбросить вонъ, а не бѣднаго г. Флоранса, этого богобоязненнаго человѣка, который не обидѣлъ и мухи.

Крикливый голосъ бабушки Буверетъ раздавался съ одного конца улицы на другой, причемъ она поднимала свой тощій палецъ, какъ бы грозя г. Жану.

Сынъ ея, Николай Буверетъ, плотникъ по ремеслу, старался ее успокоить, говоря:

— Замолчи, бабушка, замолчи; не говори этого, хозяева могутъ узнать объ этомъ, и намъ придется плохо.

— Я смѣюсь надъ ними!—кричала она еще громче.—Не по ихъ милости я имѣю пеньку, пряду ее и выгоняю козъ на пастбище... Что могутъ они мнѣ сдѣлать? Развѣ они даютъ мнѣ работу? Развѣ я должна имъ? Пускай имъ все донесутъ, тѣмъ лучше! Я говорю, что стыдно принуждать молодую дѣвушку выходить замужъ за того, кого она не любитъ. Я скажу это самому Жану Ранцо; пусть онъ придетъ, Анна Буверетъ не будетъ съ нимъ церемониться!

Она продолжала въ этомъ же тонѣ; другіе подстрекаемые ею, кричали также; деревня была въ волненіи изъ-за Луизы и я видѣлъ тогда въ первый разъ, что всѣ женщины поддерживаютъ другъ друга противъ мужчинъ.

Марія-Анна снова вооружилась мужествомъ, видя, что вся округа за насъ; ея опасенія превратились въ гнѣвъ.

— Теперь, Флорансъ,—сказала она,—виденъ перстъ Божій. Этотъ старый, грубый скряга, своими дурными поступками возстановилъ всѣхъ противъ себя. Пусть только скажетъ онъ

намъ о своемъ г. Лебелѣ! Пусть только лишитъ насъ работы; гора сдвинется съ мѣста для нашей защиты.

Изступленіе овладѣло ею въ такой степени, что дѣлалось страшно; я принужденъ былъ ее успокоить, говоря, что мое мѣсто въ общинѣ зависѣло только отъ г. Жака; что всѣ мэры выбирали на эту должность людей, по своему усмотрѣнію, не давая въ этомъ никому отчета, и мнѣ нечего бояться г. Жана.

— Тѣмъ лучше, Флорансъ,—говорила она, тѣмъ лучше!.. Но онъ тебя билъ, и я желала бы видѣть его на висѣлицѣ!

Женщины не умѣютъ сдерживать себя; самое лучшее имъ не отвѣчать, потому что никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ и споръ никогда не кончается. Я принужденъ былъ вооружиться терпѣніемъ слушая во все время обѣда ея безконечныя обвиненія противъ Жана, и предсказанія объ его близкой погибели, что впрочемъ не могло ему сдѣлать ни малѣйшаго вреда. Волненіе, продолжавшееся цѣлый день, къ вечеру начало увеличиваться, и мои послѣобѣденныя занятія прерывались нѣсколько разъ громкими криками женщинъ, проходившихъ мимо моихъ оконъ, и грозившихъ разломать дверь стараго Ранцо, и освободить его дочь. Жанъ зналъ это, такъ какъ его домашніе доносили ему разговоры его враговъ; но этотъ гордый человѣкъ былъ не изъ тѣхъ, которые боятся угрозъ, и легко отказываются отъ своихъ желаній; онъ доказалъ это въ этотъ день.

Въ пять часовъ, во время окончанія классовъ, служанка г. Жака сказала мнѣ, что г. мэръ желаетъ со мною говорить. Я тотчасъ же пошелъ; нѣкоторые сосѣди вызывались помочь мнѣ идти, но я поблагодарилъ ихъ и пошелъ одинъ.

Въ домахъ обоихъ братьевъ Ранцо была тишина. Я вошелъ въ залъ направо, гдѣ г. мэръ давалъ мнѣ иногда переписывать бумаги. Онъ сидѣлъ тамъ одинъ, передъ своимъ чернымъ бюро, скрестивъ ноги, съ вытянутымъ и разстроеннымъ лицомъ. Онъ казался постарѣвшимъ на 10 лѣтъ.

— Ахъ, это вы, Флорансъ,—сказалъ онъ.—Вотъ посмотрите это пожалуйста.

Онъ показалъ мнѣ бумагу своего брата Жана, безсмысленную бумагу о томъ, чтобы мэръ объявилъ въ тотъ же день, о свадьбѣ Поля Люсьена Лебеля, главнаго лѣсничаго деревни Шомъ, съ дѣвицей Луизой-Амеліей-Ранцо, единственной до-

черью Жана Ганцо, собственника въ томъ же округѣ. Я задрожалъ; это казалось мнѣ невозможнымъ, ужаснымъ. Жанъ смотрѣлъ на меня своими зеленоватыми глазами, и такъ какъ я былъ очень смущенъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Что вы объ этомъ думаете?

— Это ужасно,—отвѣчалъ я.

— Да вы правы. Мой братъ, чтобы разорить меня, продастъ свою дочь главному лѣсничему. Онъ приноситъ Луизу въ жертву своей мести. Тотъ соглашается на все, онъ будетъ вести уголовные процессы такъ, какъ они захотятъ. Надо быть ужаснымъ негодяемъ, чтобы заключать подобные торги; надо имѣть страшную охоту обогатиться... Это грустно... очень грустно...

Я не отвѣчалъ ничего.

— Вы можете писать, г. Флорансъ,—сказалъ онъ;—объявленіе будетъ извѣстно всѣмъ сегодня же вечеромъ.

Я, въ смущеніи, сѣлъ къ столу и написалъ объявленіе самыми крупными буквами, означивъ число.

Г. мэръ размышлялъ и разсѣянно смотрѣлъ въ окно. Его табакерка и платокъ лежали на столѣ, у него подъ рукою. Когда я кончилъ, онъ бросилъ на бумагу нѣсколько пылинокъ табаку, и перечитывая самъ, сказалъ мнѣ:

— Это совершенно такъ, приложите общинную печать.

Я исполнилъ это; онъ подписалъ и отдалъ мнѣ бумагу.

— Да, Флорансъ,—сказалъ онъ,—это ужасно, присутствовать при постыдномъ торгѣ, способствующемъ вашему собственному разоренію; это ужасно, не правда ли? Да, мой добрый другъ, но все это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ осталось вамъ сказать; да, это еще ничего! Боже мой! Этотъ проступокъ брата Жана заставилъ бы меня отказаться отъ торговли лѣсомъ, вотъ и все!.. У меня его довольно!.. Я нанялъ бы пильныя мельницы, и занялся бы другимъ дѣломъ. Но, — вскричалъ онъ, — чему вы никогда не повѣрите, Флорансъ, чего я не смѣю никому сказать кромѣ какъ вамъ, истинно честному человѣку, это, что мой сынъ... Жоржъ... любитъ дочь подобнаго негодяя!..

Его громкій голосъ звонко раздавался въ пустомъ залѣ.

— Какъ, г. мэръ,—сказалъ я съ удивленнымъ видомъ;—возможно ли это?..

— Да,—вскричалъ онъ,—это возможно, это правда!.. Онъ самъ—слышите ли вы?—онъ самъ, сегодня утромъ, объявилъ мнѣ объ этомъ.

Я опустилъ глаза, не смѣя на него взглянуть; щеки его сморщились, челюсти судорожно сжались, и его большой носъ какъ бы еще больше пригнулся къ подбородку.

— Вотъ что ждало меня!—началъ онъ опять.—Мой сынъ хочетъ жениться на дочери этого лицемѣра, этого низкаго существа, который укралъ у меня домъ моего отца, когда тотъ сдѣлался старъ, глухъ и отступился отъ церкви; дочь этого отвратительнаго ханжи, у котораго дома только и было на языкѣ: «да, папа!.. вы правы, папа!.. это справедливо, папа!..» и который поощрялъ бѣднягу въ его безбожныхъ мысляхъ, говоря всегда: «Такъ, папа, такъ!» А! плутъ! Онъ зналъ, что онъ за все это получитъ!.. Между тѣмъ, какъ я, тысячу громовъ, я не могъ этого сдѣлать!.. кричалъ онъ, стуча кулакомъ по столу. Я не могъ твердить съ утра до вечера. «Да папа!.. это такъ!.. Богъ васъ благословитъ»... Это перевернуло бы мнѣ сердце; я не могъ бы!.. Онъ достигъ всего этимъ способомъ, а я получилъ только то, что мнѣ слѣдовало по закону и чего не могли у меня отнять! Безъ этого, лицемѣръ, толковавшій всегда о своемъ старшинствѣ, разорилъ бы меня до рубашки.

Говоря это, онъ былъ ужасенъ; и не смотря ни на что, я лучше понималъ тогда его ненависть и его гнѣвъ; я чувствовалъ, что онъ правъ.

— Вамъ только, Флорансъ,—вскричалъ онъ,—я могу это сказать! Я никогда, никому объ этомъ не говорилъ, кромѣ моего сына; но вы—мой другъ, болѣе чѣмъ другъ. Вотъ какъ онъ меня обокралъ!

Тронутый до глубины души, я ничего не говорилъ и не поднималъ глаза. Послѣ этого взрыва онъ нѣсколько успокоился и съ ожесточеніемъ понюхалъ табаку.

— Да! И теперь мой сынъ любитъ дочь этого разбойника... Слышали ли вы когда-нибудь о подобномъ несчастьи?.. Онъ любитъ ее!.. О! Флорансъ, давно уже не довѣрялъ я ему, и желалъ, чтобы онъ уѣхалъ. Онъ любитъ ее!.. Онъ хочетъ на ней жениться!

Гнѣвъ его возобновился, и я, въ отчаяніи, не могъ не сказать ему:

— Но г. мэръ, несмотря на это, вѣдь она добрая дѣвушка, прекрасное дитя...

— О!—вскричалъ онъ съ отчаяніемъ, схвативъ себя за голову,—кто же говоритъ вамъ противное? Но это дочь Жана!..

Отчаяніе его меня тронуло и я не сказалъ ничего болѣе. И что могъ я сказать? Къ чему послужили бы мои слова?

Онъ долго молчалъ; потомъ началъ глухимъ голосомъ:

— Да, Жоржъ говорилъ мнѣ это,—сказалъ онъ.—Я дамъ ему подумать до вечера, чтобы онъ или измѣнилъ свое намѣреніе, или ушелъ отсюда... Двѣнадцать часовъ!.. Я буду одинъ, всегда одинъ!

Голосъ, которымъ говорилъ онъ это, вызывалъ у меня слезы, я готовъ былъ зарыдать.

— Со мною будетъ также какъ съ моимъ дѣдомъ; онъ умеръ бездѣтнымъ, имѣвши дѣтей двѣнадцать человѣкъ; я имѣю только одного и теряю его также; хотѣлъ бы я очень знать, чѣмъ я заслужилъ это?..

Въ эту самую минуту Жоржъ проходилъ мимо оконъ, и г. Жакъ, не оборачиваясь, сказалъ:

— Вотъ онъ!

Слышно было, какъ отворились сѣни и потомъ комнаты. Это былъ онъ!.. Онъ подошелъ къ бюро, и отецъ спросилъ его гнѣвнымъ голосомъ:

— Ну, что?

— Я размышлялъ,—сказалъ онъ,—это рѣшено и не измѣнится... Я не могу этого измѣнить.

— Такъ ты уходишь?

— Нѣтъ!..

— Ты хочешь остаться въ моемъ домѣ, противъ моей воли?—сказалъ отецъ, сердито смотря на него.

— Я не говорилъ этого,—отвѣчалъ Жоржъ твердымъ голосомъ.—Вы господинъ въ вашемъ домѣ, батюшка. Если вы прикажете уйти, я уйду; но я не уйду изъ деревни; я поселюсь въ гостиницѣ, и это вызоветъ скандалъ.

Старикъ затрепеталъ. Жоржъ покраснѣлъ, подъ своей маленькой курчавой бородкой, до самыхъ ушей; кровь прилила ему къ глазамъ и горлу, но онъ овладѣлъ собой; отецъ, сидя въ своемъ креслѣ съ поникшей головой, размышлялъ.

Въ глубинѣ души я любилъ этого человѣка, и, при видѣ

его неутѣшной горести, грудь моя разрывалась; мнѣ было невыносимо дурно!

— Ахъ!—сказалъ онъ медленно,—какое несчастіе! Поговорите же ему, Флорансъ; скажите ему, что онъ не можетъ жениться на этой дѣвушкѣ... Что я не могу идти сдѣлать ей предложеніе для него... Что это невозможно!

— Я не прошу васъ объ этомъ, батюшка, — отвѣчалъ Жоржъ.—Я сказалъ вамъ: «Я люблю Луизу; Луиза любитъ меня!.. Мы были долго разлучены; но это кончилось, мы любимъ другъ друга!.. Дѣлайте что хотите... Дядя Жанъ пусть также дѣлаетъ, что хочетъ; но если принудятъ Луизу выйти за другого, клянусь именемъ Ранцо, произойдутъ большія несчастія!» Вотъ что я говорю, батюшка, это будетъ такъ! Теперь хотите ли вы, чтобы я оставилъ вашъ домъ?..

— Нѣтъ,—сказалъ старикъ не колеблясь,—это доставило бы удовольствіе другому; останься! Мы будемъ жить вмѣстѣ, но какъ чужіе.

— Хорошо батюшка,—сказалъ Жоржъ. Онъ хотѣлъ выйти, но въ эту минуту мать, бѣдная женщина столько лѣтъ не выходившая изъ кухни, и которая даже въ большіе праздники становилась за стуломъ мужа, чтобы ему прислуживать, бѣдная мать взошла какъ потерянная, вытирая глаза передникомъ, и сказала раздирающимъ голосомъ:

— Ранцо!

Она не могла болѣе говорить; старикъ, не поворачивая головы и не глядя на нее, указалъ ей дверь; она, молча опять ушла въ кухню.

Жоржъ медленно послѣдовалъ за ней, и затворилъ за собой дверь.

Отецъ остался въ своемъ креслѣ, потупивъ глаза. Я понялъ тогда великія человѣческія горести. Черезъ нѣсколько минутъ проведенныхъ въ молчаніи, онъ всталъ, пошелъ въ шкафъ и досталъ маленькій ключъ, говоря:

— Подите сюда, Флорансъ.

Мы вмѣстѣ вышли въ общину; онъ самъ выставилъ объявленіе въ ящикъ и заперъ рѣшетку. Потомъ, пожелавъ мнѣ добраго вечера, онъ возвратился къ себѣ, и я также пошелъ домой.

XVII.

Съ того времени, какъ мы сдѣлали это оглашеніе въ общинѣ, болѣзнь Луизы со дня на день все дѣлалась серьезнѣе, и замедлила свадьбу. Доктора пріѣзжали со всѣхъ окрестностей и совѣтовались между собой. Тутъ былъ г. Бургардъ изъ Сарребурга, человѣкъ очень свѣдущій и извѣстный во всей странѣ, г. Вирло изъ Бламона, г. Сосеротъ изъ Люневиля, наконецъ, всѣ лучшіе врачи на 10 миль въ окружности Шомъ. Видѣли, какъ они пріѣзжали и уѣзжали, но результатъ ихъ совѣщаній не былъ извѣстенъ въ деревнѣ.

Главный лѣсничій взялъ отпускъ, подъ предлогомъ, что онъ ѣдетъ за своими бумагами. Конногвардеецъ Кейль, изъ Сенъ-Кирина замѣнилъ его.

Наступила осень съ своей грустной обстановкой, съ заунывнымъ вѣтромъ, предвѣщавшимъ зиму. По окончаніи классовъ, я каждый день ходилъ къ мэру, для исполненія обязанностей общиннаго секретаря.

Г. Жакъ страдалъ ревматизмомъ, не жалуясь; ноги его лежали на табуреткѣ. Онъ сидѣлъ у бюро, устремивъ глаза въ окно, за которымъ при каждомъ порывѣ вѣтра, летѣли листья съ виноградника, и солома изъ подъ навѣса сарая. Казалось, что все разрушается; большіе тополи, которыми была обсажена дорога, заунывно шептались.

Мы оба сидѣли тамъ; я писалъ, а онъ размышлялъ, кашляя по временамъ хриплымъ голосомъ и говоря:

— Я становлюсь старъ, Флорансъ, я становлюсь старъ!.. Я слишкомъ много трудился!.. И для кого?..

— Ахъ, г. мэръ, для васъ еще настанутъ хорошіе дни.

— Никогда, никогда,—говорилъ онъ,—все кончено!..

Жоржъ, возвращаясь вечеромъ съ работъ, проходилъ мимо оконъ, не повертывая головы. Отецъ и сынъ будто бы не знали друга друга, а мать, съ заплаканными глазами, носила сыну завтракъ на верхъ. Только одинъ разъ г. Жакъ сказалъ мнѣ съ горечью:

— Флорансъ, теперь у меня два брата Жана: одинъ здѣсь, а другой тамъ. Домъ болѣе не принадлежитъ мнѣ; я не хозяинъ въ своемъ домѣ.

Негодованіе и горесть, противъ его воли, слышались въ каждомъ словѣ, и онъ кончалъ всегда такъ:

— Ахъ, если бы я лежалъ въ долинѣ, съ моими предками. Они спятъ, они уже ничего не знаютъ, что происходитъ на этомъ свѣтѣ.

Но если г. Жакъ страдалъ, то на другой сторонѣ улицы было еще хуже. Каждый разъ, какъ я проходилъ мимо рѣшетки сада, сдѣлавшейся прозрачной послѣ паденія листьевъ, я видѣлъ г. Жана въ длинномъ, сѣромъ шерстяномъ камзолѣ, медленно гуляющимъ по аллеѣ, съ непокрытой головой. Какой бы ни былъ дождь или вѣтеръ, если только послѣдній лучъ солнца падалъ на обнаженныя деревья, г. Жанъ всегда гулялъ, не будучи въ состояніи оставаться въ домѣ, гдѣ старая сидѣлка Симона, служанка Розетта и доктора сдѣлались хозяевами. Этотъ суровый человѣкъ дряхлѣлъ; онъ прогуливался согнувшись, носъ его какъ бы еще болѣе сгорбился; такъ разсказываютъ обыкновенно о старыхъ орлахъ, которые уже не могутъ болѣе клевать, и умираютъ съ голоду,—естественное наказаніе за ихъ жестокость и хищность.

Видя это, я думалъ съ грустью:

«Ты заслужилъ это вполнѣ, варваръ, но ты заслуживаешь этого каждый день твоимъ упорнымъ желаніемъ выдать твое бѣдное дитя, твою собственную кровь за существо, которое она не можетъ видѣть. Ахъ, ты заслуживаешь твоей участи, и я не жалѣю тебя. Гордость и ненависть заслуживаютъ этого возмездія».

Вотъ что я говорилъ себѣ. Однажды вечеромъ я увидѣлъ его, молящагося въ церкви. Въ этотъ разъ онъ молился усердно, устремивъ глаза въ землю; это не была болѣе комедія.

«Вѣроятно, положеніе Луизы очень опасно,—подумалъ я,—если этотъ человѣкъ молится; случилось что-нибудь необыкновенное!»

Послѣ классовъ я пошелъ за нотами, которые утромъ забылъ на органѣ, и смотря сверху нашей маленькой, холодной и темной церкви, на этого ужаснаго человѣка, на колѣняхъ и усердно молящагося, съ наклоненной головой и сложенными руками, въ глубокой тишинѣ, я снова возвратился къ этимъ мыслямъ.

Я возсылалъ жаркую молитву къ Всевышнему, о здоровьѣ

моей дорогой ученицы, увѣренный, что положеніе ея безнадежно. Я не ошибался; какъ только вошелъ я домой, Марія-Анна сказала мнѣ:

— Ты знаешь, Флорансъ, что всѣ доктора отказались отъ Луизы, и что главный докторъ изъ Нанси, господинъ Дюкудра, долженъ пріѣхать?..

— Нѣтъ, я не зналъ этого,—отвѣчалъ я,—но у меня было предчувствіе, которое предостерегало меня объ опасности. Это и случилось такъ.

Я вошелъ въ свой кабинетъ, грустнѣе и задумчивѣе обыкновеннаго.

Мы не говорили объ этомъ за ужиномъ; но каждый объ этомъ думалъ, каждый совершалъ обѣты за бѣдное дитя, которую мы видѣли такою молодою, прекрасною, кроткою, доброю для насъ и для бѣдныхъ, а теперь умирающею. Вечеромъ, ложась, я молился за нее. На утро пріѣхалъ главный докторъ и собрались всѣ прочіе. Это было въ концѣ осени; погода, послѣ большихъ дождей, опять прояснилась. Деревья стояли обнаженныя, стада болѣе не выгоняли, потому что скотъ портитъ сырые луга.

Школа была полна дѣтей. Вся деревня знала, что происходитъ у Жана; всѣхъ это безпокоило. Около одиннадцати часовъ утра, по окончаніи классовъ, я пошелъ въ мою комнату; столъ былъ накрытъ и мы только что хотѣли садиться обѣдать, какъ вдругъ вошла Розетта, служанка г. Жана и вскричала испуганнымъ голосомъ:

— Г. Флорансъ, идите скорѣе къ намъ, васъ зовутъ; г. Дюкудра, докторъ изъ Нанси хочетъ съ вами говорить.

— Со мною?—сказалъ я съ удивленіемъ.—Вы ошибаетесь, Розетта, объ чемъ можетъ говорить такой ученый человѣкъ съ бѣднымъ сельскимъ учителемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь,—отвѣчала она,—эти господа спрашиваютъ г. Флоранса, учителя. Идите, идите скорѣй!..

Вообразите мое удивленіе! Я уже снялъ свой камзолъ, приготовляясь обѣдать, повѣсилъ шинель въ шкафъ, когда Марія-Анна закричала мнѣ:

— Куда ты идешь, Флорансъ! Берегись... берегись... г. Жанъ тамъ... ты знаешь, какъ онъ поступилъ съ тобой!

— Ахъ, Марія-Анна,—сказала съ отчаяніемъ служанка,— не бойтесь ничего. Нашъ бѣдный господинъ, послѣ послѣдняго консиліума, сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ; онъ упалъ духомъ, не говоритъ ничего и не обращаетъ ни на кого вниманія. Г. Флорансъ, ради самого неба...

Я не слыхалъ конца ея рѣчи, и взявъ шляпу, почти побѣжалъ, потомъ я пошелъ тише и пришелъ туда, размышляя объ этомъ странномъ приключеніи.

Какъ Розетта и говорила, дверь дома была открыта; приходилъ и уходилъ, кто хотѣлъ. Множество слугъ было около экипажей; они посмотрѣли на меня, когда я входилъ.

Въ большой музыкальной залѣ, я увидѣлъ собравшихся докторовъ. Пять или шесть стариковъ въ шинеляхъ, съ измятыми галстуками съ всклокоченными волосами, кричали, спорили между собою, не стѣсняясь, какъ истинные ученые, которые только и заботятся о своемъ дѣлѣ. Въ минуту, какъ я показался на дорогѣ, г. Бургардъ изъ Сарребурга, знавшій меня, сказалъ:

— Вотъ онъ.

Я поклонился имъ, совершенно взволнованный.

Самый высокій, г. Дюкудра изъ Нанси, въ черномъ платьѣ и бѣломъ галстукѣ, съ длиннымъ лицомъ, толстымъ носомъ, высокимъ и широкимъ лбомъ, нависшими бровями, большимъ ртомъ, съ почтеннымъ видомъ университетскаго инспектора, очень вѣжливо обратился ко мнѣ:

— Вы г. Флорансъ, наставникъ?

— Да, милостивый государь, это я.

— Ну, сударь,—сказалъ онъ любезнымъ, но серьезнымъ тономъ,—мы находимся въ такомъ исключительномъ положеніи, что только вы одни можете намъ его разъяснить.

Я хотѣлъ извиниться, говоря, что я бѣдный сельскій учитель, совершенно неспособный быть полезнымъ такимъ ученымъ лицамъ, но онъ тотчасъ же прервалъ меня:

— Подождите,—сказалъ онъ,—дайте мнѣ объяснить вамъ въ чемъ дѣло. Вы, конечно, знаете, что мои собраты, находящіеся тутъ, пріѣзжали въ Шомъ нѣсколько разъ, для изслѣдованія болѣзни Луизы Ранцо.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Они нашли нужнымъ прибѣгнуть ко мнѣ,—продолжалъ онъ.—Я видѣлъ больную; она серьезно больна; болѣзнь эта

изнуряетъ и убьетъ ее, если мы не постараемся узнать ея причины. Я старался получить отъ нея самой объясненіе объ этомъ важномъ предметѣ, но, отъ страха или скромности, она не хотѣла дать намъ необходимыхъ свѣдѣній. Наконецъ, сударь, уступая моей настойчивости, больная, въ слезахъ и закрывая лицо сказала:

— Нѣтъ! Никогда... никогда я не буду въ состояніи сказать этого!.. Спросите г. Флоранса!..» Она казалась изнуренною тѣмъ, что сказала это. Говорите же милостивый государь; участь бѣднаго дитяти въ вашихъ рукахъ; что вы знаете о причинахъ этой болѣзни? Ваше объясненіе укажетъ намъ, какъ лечить ее. Разскажите не колеблясь; вы говорите людямъ, которые отвѣчаютъ за все.

Я поблѣднѣлъ и, отирая глаза, такъ какъ слезы противъ моей воли бѣжали изъ глазъ—сказалъ:

— Ну, сударь, что бы со мною ни случилось, когда я потеряю должность и впаду въ нищету, за то, что я открою вамъ, все-таки вы должны все узнать. Луиза любитъ своего кузена Жоржа Ранцо, который отвѣчаетъ ей тѣмъ же и отдалъ бы свою жизнь за нее; но отцы молодыхъ людей—несмотря на то, что братья—ненавидятъ другъ друга уже много лѣтъ; они дѣлаютъ всевозможное зло одинъ другому; они раздѣлили и осрамили всю страну своей ужасной ненавистью, и никогда не согласятся на свадьбу своихъ дѣтей, которые знаютъ это и приходятъ въ отчаяніе... Моя бѣдная Луиза неутѣшна... Она скорѣе умретъ, чѣмъ согласится выйти за главнаго лѣсничаго, котораго навязываютъ ей... Вотъ, милостивые государи, истина. Я вамъ говорю, что это такъ... Вы можете мнѣ повѣрить!.

— И мы вамъ вѣримъ,—сказалъ медикъ изъ Нанси, посмотрѣвъ на своихъ собратовъ.—Вы видите, господа, что я не ошибся, подобный случай я второй разъ встрѣчаю въ моей практикѣ; любовь преобладаетъ надъ чувствомъ самохраненія!.. Вѣрность до гроба!..

Когда онъ замолчалъ, я обернулся и увидѣлъ г. Жана; онъ вошелъ въ маленькую дверь кабинета, и слышалъ все. Но это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ два мѣсяца тому назадъ: теперь это были только кожа да кости; онъ согнулся, пожелтѣлъ, и не обращалъ ни на что вниманія; его жилетъ былъ разстегнутъ, рубашка безъ галстука; онъ походилъ на разрушившееся

существо, не заботящееся о себѣ; такъ представляютъ скрягу, лишившагося своихъ сокровищъ. Онъ лишился того, что составляло его гордость!

Г. Дюкудра обратился къ нему и сказалъ:

— Вы слышали, милостивый государь?

— Такъ вы ничего не можете больше сдѣлать?—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Вы не имѣете никакихъ средствъ? Вы...

— Мы знаемъ,—прервалъ его докторъ суровымъ тономъ, что ваше бѣдное дитя умретъ черезъ нѣсколько недѣль, при первыхъ сильныхъ холодахъ, если вы не помиритесь съ вашимъ братомъ, и не согласитесь на свадьбу молодыхъ людей, которые сильно любятъ другъ друга!.. Вотъ, что мы знаемъ навѣрное!..

Онъ взялъ со стола шляпу и маленькій сѣрый плащъ, и сказалъ:

— Господа, совѣщаніе кончено, и я думаю, что мы можемъ ѣхать.

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ остальными; слуги бросились закладывать лошадей.

Я также вышелъ на крыльцо, и смотря на эту суету, размышлялъ о случившемся. Г. Жанъ остался одинъ въ залѣ; я не знаю, что онъ чувствовалъ, но онъ долженъ былъ, съ прискорбіемъ, сказать себѣ: «Я виноватъ въ этомъ!.. да, одинъ я виноватъ!..»

Былъ первый уже часъ, когда я зашелъ домой, наскоро отрѣзалъ кусокъ хлѣба, и поспѣшилъ въ школу; дѣти уже давно собрались туда, шалили и шумѣли, удивляясь моему отсутствію; впродолженіи двадцати лѣтъ со мной еще не случалось, чтобы я опаздывалъ въ классъ!

При моемъ приходѣ порядокъ возстановился; но я былъ совершенно неспособенъ заниматься. Отъ постоянныхъ огорченій въ эти два мѣсяца я также былъ нездоровъ. Я негодовалъ на людей, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ; мой гербарій, насѣкомыя, минералы, все было забыто. Въ этотъ именно день, узнавъ объ опасномъ положеніи Луизы, я сильно страдалъ; вопросы и замѣчанія жены за ужиномъ были для меня невыносимы.

— Оставь меня въ покоѣ, — сказалъ я ей, — не говори со мной; мое существованіе отравлено и безъ этой пустой болтовни!..

Наконецъ, Марія-Анна и Жюльета сложили скатерть, убрали посуду и окончивъ свои занятія, отправились спать. Я ушелъ въ свой кабинетъ, зажегъ лампу, и погрузился въ размышленія, спрашивая себя, будетъ ли г. Жанъ имѣть варварство настаивать на своемъ до конца? Неужели онъ не подастъ надежды своей дочери, если даже увидитъ, что она должна умереть? Допуститъ ли Господь такую великую несправедливость? Это возмущало меня и казалось невозможнымъ; я проклиналъ этого человѣка и желалъ ему заслуженнаго имъ наказанія.

Около одиннадцати часовъ, когда всѣ уже спали, я, все еще думая объ этомъ ужасномъ случаѣ, прежде чѣмъ лечь, по своему обыкновенію, сошелъ запереть дверь нашего дома. Ночь была холодная, облака покрывали небо; чувствуя, что прохлада освѣжаетъ меня, я сталъ прохаживаться по улицѣ, какъ вдругъ замѣтилъ огонь въ домѣ г. Жана: тамъ покоилась Луиза!

Она больше ихъ всѣхъ довѣряла мнѣ, говоря постоянно: «Спросите г. Флоранса!» довѣрчивость эта очень меня трогала.

Я воображалъ, приближаясь теперь, въ ночной тишинѣ, къ дому г. Жана, что бѣдное дитя можетъ угадать или почувствовать приближеніе друга; это была конечно, суевѣрная, но, тѣмъ не менѣе, занимающая меня мысль.

Скоро достигнувъ конца улицы, я увидѣлъ нѣсколько вязанокъ дровъ, прислоненныхъ къ углу дома г. мэра; не много далѣе, за дровами, видѣнъ былъ свѣтъ въ конторѣ. Г. Жанъ тоже не спалъ! Онъ тоже не могъ успокоиться!..

Я остановился у этой поленницы, смотря въ окно комнаты, гдѣ я представлялъ себѣ Луизу, покинутую докторами; некому было сказать ей утѣшительное слово, не было у нея друга, который держалъ бы ея руку въ ужасную минуту разставанія съ жизнью.

Она окружена старой сидѣлкой—занятой своимъ вязаньемъ у ногъ умирающей, и спокойно выслушивающей ея стоны, если только на каминѣ стоитъ бутылка съ водкой—и г. Жаномъ съ мрачнымъ лицомъ, негодующимъ на то, что она соглашается лучше умереть, чѣмъ выйти замужъ за главнаго лѣсничаго.

Мысли эти волновали мнѣ кровь.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ ничто не шевелилось; свѣтъ былъ по прежнему; казалось, что такъ продолжится до

утра и я хотѣлъ уже удалиться, какъ вдругъ какой-то шумъ привлекъ мое вниманіе.

Въ домѣ г. Жана начали ходить; свѣтъ показался на другомъ концѣ зданія, потомъ погасъ; тяжелые шаги послышались на лѣстницѣ, и нижняя дверь осторожно отворилась. Ночь была такъ темна, что я не могъ ничего различить; но вскорѣ я услышалъ, что кто-то переходилъ улицу на мою сторону. Я испугался: «Можетъ быть это г. Жанъ!.. Если онъ увидитъ меня здѣсь!»—подумалось мнѣ. Я замѣтилъ, что шаги пріостанавливаются... шедшій прислушивался...

Вдругъ огромная фигура Жана Ранцо показалась на освѣщенномъ окнѣ Жака. Онъ приподнялся, стараясь заглянуть во внутренность дома. Что хотѣлъ онъ дѣлать? Мнѣ казалось, что онъ способенъ совершить преступленіе; сердце мое сильно билось. Онъ долго смотрѣлъ, и наконецъ тихо постучалъ задвижкой. Скоро послышался, въ ночной тишинѣ, суровый голосъ Жака.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ.

— Это я,—отвѣчалъ г. Жанъ;—отопри мнѣ!

Показался свѣтъ, и окно отворилось. Два брата, послѣ тридцатилѣтней вражды, встрѣтились лицомъ къ лицу: Жакъ, съ лампой въ рукѣ, съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами, съ всклокоченными сѣдыми волосами и сердитымъ видомъ; Жанъ, съ поникшей головой, имѣлъ видъ несчастливца.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ сурово г. Жакъ.

— Я хочу поговорить съ тобою,—отвѣчалъ тихо Жанъ.

И такъ какъ братъ не трогался съ мѣста, смотря на него съ гордымъ видомъ, онъ тихо прибавилъ:

— Жанъ... моя дочь умираетъ!..

Жакъ не сказалъ ни слова; онъ закрылъ окно и вышелъ отпереть дверь дома; потомъ они оба, молча, какъ тѣни, скрылись въ двери и, минуту спустя, Жакъ снова открылъ окно и затворилъ ставни.

Я ждалъ еще добрыхъ четверть часа, изо всѣхъ силъ напрягая слухъ; но никакого шума, ни одного слова не вылетало изнутри,—и я пошелъ домой, очень удивленный странной сценой, только что происшедшей на моихъ глазахъ.

Я не спалъ цѣлую ночь; эти двѣ личности, внезапно сошедшіяся между собою, не выходили у меня изъ головы. и я

спрашивалъ себя: «Что это значитъ?.. О чемъ они хотѣли переговорить?.. Что-то мы теперь увидимъ?» и кончилъ тѣмъ, что заснулъ.

На другой день, въ четвергъ, свободный для меня день послѣ завтрака, часовъ въ восемь, любопытство заставило меня пойти къ г. Жаку, въ надеждѣ открыть что-нибудь по его лицу.

Я отправился. Мнѣ нужно было приготовить нѣсколько бумагъ городского управленія. Когда я вошелъ въ сѣни, г-жа Ранцо сходила съ лѣстницы, держа на рукѣ кучу рубашекъ; дверь въ большой залъ была отворена; на полу стоялъ большой кожанный чемоданъ, наполненный всякаго рода вещами, одеждой, фланелевыми жилетами, щетками и башмаками, завернутыми въ газеты; оставалось только наполнить огромную крышку съ двойнымъ дномъ, и добрая женщина усердно занималась своей работой. Г. Жакъ, въ рубашкѣ, расчесывалъ свою бороду передъ маленькимъ зеркаломъ, повѣшеннымъ у окна.

Увидя меня, онъ вскричалъ сердитымъ голосомъ:

— А! Это вы!.. Я хотѣлъ за вами послать... Я уѣзжаю!.. ѣду въ Саарбрюкенъ... Одинъ изъ моихъ служащихъ, негодяй, обанкрутился и бѣжалъ!.. Только и видишь около себя разбойниковъ, презрѣнныхъ... Вотъ и довѣряйтесь послѣ этого людямъ!.. Каналья!.. Адъюнктъ предупрежденъ... онъ сейчасъ пріѣдетъ... А! Вотъ и онъ...

— Здравствуйте, г. мэръ,—сказалъ г. Риго, входя.—Вы за мной присылали; что тутъ такое случилось?

— Случилось то, что меня хотятъ обокрасть,—сказалъ г. Жакъ;—одинъ негодяй, лѣсной торговецъ въ Саарбрюкенѣ, удралъ къ Гамбургу, или къ Гавру, продавъ мой лѣсъ и присвоивъ себѣ деньги... Вотъ что!.. Теперь я долженъ бѣжать за нимъ, съ моимъ ревматизмомъ, и догнать негодяя, пока онъ еще не на морѣ.

— А!—сказалъ Риго.—Какъ грустны подобные случаи... А когда вы думаете возвратиться?

— Развѣ я знаю?—вскричалъ сердито г. Жакъ.—Если я поймаю этого человѣка, нужно будетъ назначить конкурсъ о несостоятельности, вести процессъ, подкупать того и другого... Кто пруссакъ, тотъ и воръ! Если же разбойникъ пробрался въ Америку, какъ всѣ нѣмецкіе банкроты, нужно будетъ поста-

раться спасти хоть то, что онъ оставилъ, узнать, всѣ ли деньги онъ забралъ, наложить запрещеніе... Дѣло это будетъ безконечно... Кажется очень трудно будетъ спасти что-нибудь.

Такъ говорилъ г. Жакъ недовольнымъ тономъ. Мы всѣ смотрѣли и слушали его съ удивленіемъ.

Надѣвъ сюртукъ, онъ отворилъ конторку и сказалъ Риго:

— Вы замѣните меня на это время; возьмите печать мэра. Не забудьте о публикаціяхъ на цѣны сѣмянъ и хлѣба. Вы получите необходимыя свѣдѣнія отъ Рено.

— Эхъ,—сказалъ Риго,—непріятно ѣхать въ такую погоду; посмотрите, ужъ накрапываетъ дождь.

— Э,—вскричалъ г. мэръ,—къ чему говорить объ этомъ?.. Когда нужно, необходимо ѣхать!

Онъ взялъ изъ конторки огромный пакетъ, запечатанный на четырехъ углахъ, и отдавая его мнѣ, сказалъ:

— Г. Флорансъ, мой зять Пикотъ, изъ Лютцельбурга, пріѣдетъ сегодня вечеромъ, или завтра; вы отдадите ему это отъ моего имени, слышите?

— Да, г. мэръ.

— Смотрите же, не забудьте!.. Это дѣло очень важное...

— Вы хорошо знаете, г. мэръ, что я никогда ничего не забываю.

Потомъ, осмотрѣвшись вокругъ, и увидя готовый чемоданъ, онъ спросилъ отъ него ключъ; ощупавъ свои карманы, и накинувъ на плечи огромный, дорожный плащъ съ серебряной застежкой, онъ надвинулъ на уши мѣховую шапку и сердито вышелъ.

У дверей ждалъ его запряженный шарабанъ, съ огромнымъ кожанымъ верхомъ, и со стеклами въ переднемъ фартукѣ; начиналъ идти дождь. Слуга вошелъ взять чемоданъ и привязалъ его сзади, накрывъ парусиннымъ чехломъ.

Мы всѣ вышли въ сѣни посмотрѣть, какъ онъ поѣдетъ. Добрая Шарлотта надѣялась, что онъ обниметъ ее на прощаньи, но г. Жакъ былъ въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что и не подумалъ объ этомъ. Онъ сошелъ съ лѣстницы, стуча сапогами, и взявъ въ руки вожжи, закричалъ намъ:

— Не забудьте же ничего!.. Ну!..

Въ ту минуту, какъ экипажъ уѣзжалъ, Жоржъ, въ своей широкой, поярковой шляпѣ, мѣховомъ плащѣ и съ большою

палкою въ рукѣ, вышелъ изъ сѣней дома; онъ прошелъ мрачный, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова и направился прямо въ лѣсъ.

Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ; но Жоржъ продолжалъ идти, не оборачиваясь, и хотя экипажъ проѣхалъ очень недалеко отъ него, онъ какъ будто и не видѣлъ его. Мы съ г. Риго постояли еще нѣсколько минутъ, пока ливень утихъ, и разошлись по домамъ.

XVIII.

Отъѣздъ Жака за торговцемъ лѣса не удивилъ никого: это было очень натурально, каждый сдѣлалъ бы тоже самое на его мѣстѣ. Марія-Анна и моя дочь очень сердились вечеромъ на негоднаго пруссака, заставившаго бѣднаго старика отправиться въ дорогу, въ такое дурное время, не смотря на его ревматизмъ; я соглашался съ ними.

Но вообразите общее удивленіе, когда на другой день, рано утромъ, увидѣли экипажъ, наполненный поклажей также какъ и вчерашній; внутри повозки помѣщался г. Жанъ, одѣтый въ большой плащъ, и лисью шапку надвинутую на глаза. Закрытый фартукомъ шарабана почти до подбородка, онъ украдкой поглядывалъ по сторонамъ, и стегалъ лошадей изо всѣхъ силъ, какъ человѣкъ, который стыдится что его увидятъ и спасается бѣгствомъ.

Тогда въ деревнѣ сдѣлалось большое волненіе. Народъ бѣжалъ изъ сѣней, амбаровъ и сараевъ; многіе смотрѣли изъ слуховыхъ оконъ.

Я одѣвался въ своей комнатѣ, и оттуда уже слышалъ пронзительный голосъ бабушки Буверетъ, раздававшійся какъ изъ трубы:

— Вотъ улетаетъ старая сова!..—кричала она.—Это дурной знакъ!.. Когда эта птица улетаетъ, это предвѣщаетъ покойника въ домѣ. А, разбойникъ!.. Ты спасаешься теперь, твой злодѣйскій поступокъ уже совершенъ!.. Ты не смѣешь остаться на погребеніе!.. Ты боишься, что тебя убьютъ... Ты бѣжишь... а бѣдное дитя остается одно со смертью... Нѣтъ болѣе средствъ къ ея спасенію, и ты бѣжишь!.. Ни одинъ честный браконьеръ не стрѣляетъ эту зловѣщую птицу!.. Ахъ, люди очень низки въ наше время!.. Эй!.. Эй, люди!.. Кричите, свистите!.. Чтобы

онъ зналъ, по крайней мѣрѣ, что его ненавидятъ, проклинаютъ, и что онъ не смѣетъ болѣе возвратиться въ нашу сторону. И бабушка Буверетъ, съ своими сѣдыми, всклоченными волосами, потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками, кричала такъ, что волосы становились дыбомъ.

Экипажъ былъ уже далеко, и я не знаю, могъ ли слышать г. Жанъ; но изъ всѣхъ улицъ, изъ всѣхъ угловъ неслись крики и свистъ; собаки лаяли, все пришло въ возмущенье.

Такъ убѣжалъ г. Жанъ. Мы всѣ думали также, какъ старая торговка, что это дурной знакъ. Глубокая грусть овладѣла мною. Я говорилъ себѣ: «Флорансъ, нѣтъ болѣе надежды, иначе старикъ не убѣжалъ бы... все кончено!» Мнѣ не хотѣлось ѣсть, я не могъ завтракать; и размышляя о людскихъ несчастіяхъ, о бѣдной Луизѣ,—этомъ цвѣткѣ молодости и любви, принесенномъ въ жертву ненависти стариковъ,—я повторялъ себѣ, что пути Господа неисповѣдимы, да будетъ Его святая воля!... Покорность волѣ Божьей проникла въ мое сердце, потому что уничтоженіе красоты, молодости и любви, словомъ всего, что привязываетъ насъ къ жизни—сверхестественно. Нашъ слабый разсудокъ не можетъ этого постигнуть. Я думалъ о Жоржѣ и сердце мое разрывалось!.. Марія-Анна, которая пошла узнавать нѣтъ ли чего новаго, возвратилась, совершенно запыхавшаяся, только въ семь часовъ.

— Флорансъ,—сказала она мнѣ,—у тебя есть письмо къ г. Пикоту?

— Да,—отвѣчалъ я;—оно спрятано въ ящикѣ.

— Ну,—сказала она,—бѣги скорѣе къ г. Жану; Пикотъ пріѣхалъ вчера вечеромъ на его мѣсто; отнеси скорѣе письмо и узнай, что тамъ происходитъ.

Любопытство заставляло говорить такъ мою жену; но я самъ очень безпокоился и поспѣшилъ послѣдовать ея совѣту. Положивъ письмо въ карманъ, я вышелъ изъ дому, оставивъ всѣхъ домашнихъ въ безпокойствѣ. На улицѣ всѣ смотрѣли на меня, когда я проходилъ мимо. Кто-то, видя, что я иду къ дому г. Жана, хотѣлъ остановить меня вопросомъ, но я, не слушая его, продолжалъ свою дорогу.

Меня, прежде всего, поразила мертвая тишина, господствовавшая въ этомъ домѣ, между тѣмъ какъ на улицѣ все было въ такомъ волненіи.

Г. Пикотъ, одѣтый въ широкій сюртукъ, съ своими длинными, сѣдыми локонами, спокойно сидѣлъ передъ маленькимъ письменнымъ столомъ, собираясь писать письмо. Его добрая, честная наружность выражала внутреннее довольство. Увидя меня, онъ съ улыбкою сказалъ:

— Ахъ, это вы, г. Флорансъ; я радъ, что вы пришли; садитесь, пожалуйста.

— Какъ здоровье Луизы, г. Пикотъ?—тревожно спросилъ я, не будучи въ состояніи сдержать своего нетерпѣнія.

— Хорошо!.. Сколь возможно хорошо!..—сказалъ онъ, продолжая писать.

Потомъ, кончивши письмо, и зажигая свѣчу, чтобы запечатать его, онъ прибавилъ съ влажными отъ слезъ глазами:

— Да, все идетъ хорошо теперь; бѣдное дитя оправилось отъ своей жестокой болѣзни... Хотя она еще слаба, очень слаба!.. Это очень натурально! Но она выздоровѣетъ, мой милый г. Флорансъ; черезъ двѣ или три недѣли, я надѣюсь видѣть ее на ногахъ.

— Да услышитъ васъ Богъ, г. Пикотъ; вы возвращаете меня къ жизни этою радостною вѣстью. Съ послѣдняго консиліума, я думалъ, что Луиза безнадежна... Господь совершилъ чудо!..

— Да,—сказалъ добрый человѣкъ, — это дѣйствительно чудо.

Потомъ онъ разогрѣлъ сургучъ, приложилъ печать, и обратясь ко мнѣ съ радостнымъ лицомъ, спросилъ:

— У васъ есть что-нибудь ко мнѣ отъ зятя Жака?

— Да, письмо, вотъ оно.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ распечатывая письмо, и надѣвая на носъ роговые очки.

Онъ подошелъ къ окну и началъ внимательно читать. Потомъ снова сѣлъ къ письменному столу, и, положивъ на открытое письмо свою большую руку, радостно вскричалъ:

— Вы ни за что не угадали бы, г. Флорансъ, что тутъ написано; я бьюсь объ закладъ на сто противъ одного.

— Нѣтъ, я не могу отгадать.

— Ну,—сказалъ онъ,—это согласіе на свадьбу Жоржа съ Луизою! Условія состояли въ томъ, что домъ дѣда Мартина будетъ отданъ въ приданое Луизѣ, и что Жанъ возвратитъ ему,

Жаку, ту часть имѣнія, которой лишилъ его отецъ, въ пользу брата; ничтожное наслѣдство приносящее пять процентовъ на сто, съ того времени какъ Жанъ владѣлъ имъ!

Безпокойство снова овладѣло мною, когда я прочиталъ эти условія и, отдавая письмо г. Пикоту, я сказалъ:

— Это хорошо!.. Но... Но... Г. Пикотъ... тотъ не согласится никогда на такія условія...

Онъ засмѣялся и, открывъ ящикъ, молча подалъ мнѣ другое письмо.

Съ перваго взгляда я узналъ почеркъ г. Жана. Онъ соглашался на все!.. Давно уже не ощущалъ я такой радости.

— А, теперь я понимаю исцѣленіе Луизы!—вскричалъ я.— Сраженіе выиграно!..

— Да,—сказалъ г. Пикотъ,—два старые упрямца убѣжали! Они согласились лучше быть бѣглецами, чѣмъ присутствовать при благополучіи своихъ дѣтей. Имъ приходилось помириться, сознаться, что они напрасно враждовали тридцать лѣтъ, и отравили этой враждой жизнь всѣхъ своихъ родныхъ; мою, жизнь бѣдной Катерины, своей сестры, своихъ дѣтей, и даже добрыхъ людей этой деревни!.. Имъ приходилось обняться при всѣхъ!.. Гордость, отвратительная гордость — причина всѣхъ ихъ несчастій—заставила ихъ спасаться бѣгствомъ. Это варвары, настоящіе варвары!.. Вотъ какой конецъ!.. Впрочемъ, обойдемся и безъ нихъ. Вы, г. Флорансъ, замѣните на свадьбѣ отца Жоржу,—это воля Жака! Я—Луизѣ. Празднество отъ этого ничего не потеряетъ, такъ какъ было бы не особенно пріятно видѣть на одномъ концѣ стола Аттилу, а на другомъ—Чингисъ-Хана».

Онъ засмѣялся; мнѣ было такъ весело, что хотѣлось танцовать.

Въ эту минуту, на улицѣ послышался какой-то шумъ, мы услышали звуки шаговъ, и г. Пикотъ, вставая, сказалъ:

— Это долженъ быть онъ!

Это дѣйствительно былъ Жоржъ, съ утра ушедшій въ лѣсъ. Г. Пикотъ посылалъ за нимъ слугъ, но они съ трудомъ его нашли.

Открывъ окно, Пикотъ закричалъ ему:

— Сюда, Жоржъ, сюда... иди скорѣй... Тебя давно ждутъ.

Жоржъ, одѣтый въ свою войлочную шляпу и высокіе сапоги, съ удивленіемъ остановился.

— Войди же!.. Войди скорѣе, — сказалъ ему Пикотъ, смѣясь,—дядя Жанъ уѣхалъ, мы хозяева въ этомъ домѣ.

— Ну вотъ, я и здѣсь,—сказалъ, входя, Жоржъ;—что вамъ угодно дядюшка?

— Мнѣ угодно, чтобы ты женился на Луизѣ,—отвѣчалъ ему дядя, смотря на него изъ-за своихъ очковъ.—Ну, что ты думаешь объ этомъ? Я полагаю, что ты не будешь сопротивляться, когда старые упрямцы соглашаются...

Онъ отдалъ ему оба письма; но Жоржъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, колѣна его подгибались; онъ непремѣнно бы упалъ, еслибъ я, его старый школьный учитель, не поддержалъ его.

— Ну... ну, Жоржъ,—сказалъ я ему,—ободрись... неужели же теперь тебѣ сдѣлается дурно?

— Ахъ, г. Флорансъ, — прошепталъ онъ, — вы не знаете, сколько я выстрадалъ! Я не надѣялся обладать Луизою... я думалъ... а теперь...

— Чортъ возьми!—вскричалъ растроганный г. Пикотъ,—можетъ быть я сказалъ тебѣ объ этомъ слишкомъ неосторожно... я долженъ бы былъ тебя приготовить... но мнѣ хотѣлось самому сообщить тебѣ эту радость!.. Надѣюсь, что ты обнимешь меня за это, племянникъ?

И они бросились обниматься; потомъ онъ расцѣловалъ и меня. Прочитавъ оба письма, онъ былъ такъ растроганъ, что не могъ выговорить ни слова, и смотрѣлъ на насъ, какъ бы во снѣ.

— Ахъ, Луиза!—вскричалъ онъ, наконецъ.—Луиза!

— Да, Луиза!—сказалъ, смѣясь, г. Пикотъ.—Нужно также, чтобы и она согласилась!

Проговоривъ это, онъ отворилъ боковую дверь и закричалъ:

— Луиза, можно войти?.. Настало время!

— Да, войдите!—отвѣчалъ слабый голосъ.

Жоржъ бросился въ комнату; мы послѣдовали за нимъ. Онъ былъ уже у ногъ Луизы; она сидѣла въ большомъ креслѣ, блѣдная и слабая, въ томъ самомъ голубомъ платьѣ, которое было на ней надѣто, когда косили траву.

Бѣдное дитя пожелало опять надѣть это платье, которое напоминало ей первое время любви, а г-жа Ранцо сама надѣла его.

Она держала теперь въ своихъ маленькихъ, бѣлыхъ ручкахъ большую курчавую голову Жоржа; глаза ея были закрыты, и двѣ слезы блистали на блѣдныхъ щекахъ. Я не имѣлъ понятія о подобномъ блаженствѣ. Жоржъ плакалъ навзрыдъ, какъ дитя. Мать его, стоявшая за кресломъ Луизы, плакала, закрывъ лицо руками; для бѣдной женщины послѣ столькихъ лѣтъ горя также наступилъ радостный день.

Наконецъ, Жоржъ всталъ съ лицомъ омоченнымъ слезами, и они обнялись.

Я и Пикотъ стояли около нихъ; мы были серьезны, сдержаны, вспоминая давно пережитыя нами радости, радости, которыя въ нашемъ бѣдственномъ существованіи, въ горестяхъ и безпокойствѣ походятъ на звѣзды, блистающія изъ облаковъ. Мы смотримъ на мрачныя и печальныя облака и думаемъ: «Звѣзда тамъ... всегда тамъ!.. Въ самыя печальныя минуты она показывается ясная и блистающая. Такова же любовь и воспоминаніе о ней!»

Нужно ли разсказывать остальное: выздоровленіе Луизы, новое объявленіе, оглашеніе въ церкви и празднованіе свадьбы? Нужно ли описывать вамъ Флоранса, съ большимъ букетомъ въ петлицѣ, играющаго на органѣ и поющаго съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Большой свадебный столъ прекрасно-убранный, окруженный веселыми лицами, которыя смѣялись и пили при звонѣ стакановъ; въ сосѣдней залѣ труппа цыганъ пѣла то веселыя, то трогательныя пѣсни.

Нѣтъ, все это, я думаю, вамъ уже знакомо. Кто изъ васъ не былъ на чьей-нибудь свадьбѣ, если только не имѣлъ счастья праздновать свою собственную?

Я не стану описывать блаженства Жоржа и Луизы въ этотъ достопамятный день. Они не хотѣли остаться въ домѣ Жана и на другой же день поселились въ хорошенькомъ домикѣ, съ маленькимъ садикомъ при рѣчкѣ Саръ, на концѣ деревни. Имъ очень нравилось это уединенное жилище, съ зелеными ставнями и балкономъ, выходящимъ на берегъ рѣчки.

Жоржъ не хотѣлъ выгнать своего тестя изъ его стараго дома; это казалось ему несправедливымъ.

Счастливый молодой человѣкъ опять сдѣлался добрымъ и

опять взялъ снова на работу дровосѣковъ и угольщиковъ, которымъ отказалъ прежде.

Онъ снялъ свои грубые, съ подковками сапоги, измятую поярковую шляпу и сталъ одѣваться, какъ и слѣдовало богатому поселянину той страны, немало также соображаясь при этомъ со вкусомъ Луизы.

По четвергамъ я бывалъ у нихъ и игралъ на хорошемъ фортопьяно, выписанномъ ими изъ Парижа, мелодіи изъ Оберона, аріи изъ «Волшебной Флейты», или «Волшебнаго Стрѣлка»; это занятіе сокращало намъ длинные зимніе вечера. Луиза и Жоржъ пѣли, а я съ душевной радостью имъ аккомпанировалъ. Мы не замѣчали, какъ летѣло время. Но все это такъ натурально, что можно было бы даже и не говорить объ этомъ. Однако, что было мнѣ очень памятно, такъ это то странное обстоятельство, что старики, возвратившись домой черезъ двѣ или три недѣли послѣ свадьбы, нисколько не перемѣнили своихъ отношеній.

Они быстро старѣлись! Они ужъ потеряли свое вліяніе, всѣ обращались къ молодымъ людямъ, наслѣдникамъ ихъ богатствъ.

Теперь всѣ дѣла относились въ маленькій домикъ, тамъ писали векселя, вносили арендныя деньги, торговались на лѣсъ. Жизнь удалялась отъ стариковъ и переходила къ молодымъ. Это вѣчный законъ! Мать Жоржа часто бывала у своихъ дѣтей; она тоже начинала участвовать въ общей радости, тѣмъ болѣе, что г. Жакъ полюбилъ уединеніе и даже отказался отъ должности мэра, чтобы быть больше одному.

Во время этихъ событій, въ концѣ осени, блеснулъ еще разъ солнечный лучъ для этихъ двухъ развѣнчанныхъ королей—такъ я всегда называлъ старыхъ Ранцо. Такими представлялъ я себѣ Кловисовъ, Хильпериковъ, Хильбертовъ, исторію которыхъ мы обязаны изучать съ дѣтьми: «Все для меня, ничего для другихъ!» Вотъ основа ихъ правосудія! Только иногда, очень рѣдко, они удѣляли небольшую часть св. Христофору и св. Маглуару, которые давали имъ отпущеніе грѣховъ, когда ихъ постигала болѣзнь, заставлявшая ихъ вспоминать мученія ада.

Эти два падшіе монарха узнали, что въ домикѣ на Сарѣ родился наслѣдникъ мужского пола. Они задрожали отъ радости, но не вышли изъ своихъ дворцовъ посмотрѣть на своего внука; они боялись встрѣтиться тамъ. Старая бабушка Мэна должна была принести къ нимъ этого наслѣдника высокаго рода. Ка-

жется, что наружность этого новаго Ранцо очень понравилась имъ, потому что съ этого дня они оба оспаривали его другъ у друга: они изобрѣли войну новаго рода: маленькій Жанъ-Жакъ, такъ назывался ребенокъ, долженъ былъ прогостить у одного непремѣнно столько же, сколько и у другого. Когда онъ былъ у одного брата, другой ждалъ его съ нетерпѣніемъ, выглядывая изъ-за своей занавѣски. Чтобы оставить его подольше у себя, каждый изъ нихъ старался достать все, что только могло нравиться ребенку; шкафы ихъ были наполнены игрушками, конфектами и вареньемъ. Такимъ образомъ Жанъ-Жакъ, не умѣя еще говорить, былъ уже ихъ господиномъ, и два старые гордеца ползали на четвереньках для забавы и танцовали по комнатѣ, посадивъ его на спину.

Все это я видѣлъ своими собственными глазами. Едва только Жанъ-Жакъ начиналъ пищать, самъ еще не зная, чего онъ хочетъ, всѣ слуги дѣдушки Жана или Жака были въ страшныхъ хлопотахъ. Итакъ ненависть этихъ двухъ людей не могла смягчиться, даже послѣ соединенія ихъ дѣтей; ненависть эта отравила ихъ жизнь и сдѣлала бы несчастнымъ ихъ внука, если бы Жоржъ и Луиза не положили ей конецъ.

Вотъ что дѣлаетъ несправедливость отцовъ семействъ, которые любятъ одно дитя въ ущербъ другимъ. Это показываетъ, какъ безумны, даже смѣю сказать, безсердечны и лишены здраваго смысла тѣ, которые хотѣли возстановить неравенство раздѣла, давая отцу и матери права дѣлать завѣщанія по своему капризу, или руководствуясь гордостью; разорять нераздѣляющихъ ихъ мнѣнія въ пользу тѣхъ, которые во всемъ имъ потворствуютъ. Остается только сказать, что братья уничтожали бы другъ друга, и нашимъ врагамъ нѣмцамъ оставалось бы только воспользоваться нашимъ несогласіемъ, чтобы напасть и поработить насъ себѣ. Всѣ лишенные наслѣдства, а это была бы большая часть, конечно, не пошли бы драться для защиты имущества ханжей и себялюбцевъ, которые обокрали ихъ.

Этимъ я кончу и извиняюсь, что много говорилъ.

Впрочемъ, еще одно слово.

Братья Ранцо не достигли такой глубокой старости, какъ ихъ отецъ Мартинъ и дѣдъ Антуанъ. Жанъ умеръ первый—шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Тогда Жакъ успокоился; но благополучіе его продолжалось недолго, два года спустя онъ

тоже скончался. Теперь они спятъ другъ подлѣ друга на кладбищѣ старой церкви, откуда видна долина Сарры, съ ея зеленѣющими лугами; далѣе, по лѣвую сторону, высокія, темныя сосны верхушками своими какъ бы касаются небесъ.

Недалеко отъ братьевъ покоится Шарлотта Ранцо.

Жоржъ сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ во всей странѣ; обширной торговлей лѣсомъ съ того времени, какъ устроили каналъ Марнъ на Рейнѣ и желѣзную дорогу изъ Парижа въ Страсбургъ, онъ почти удвоилъ свое состояніе. Онъ все также любитъ Луизу, и Луиза любитъ его. Богъ благословилъ ихъ: у нихъ большое семейство.

Я уже старый, старый дѣдушка и живу своими доходами!. Явленіе необыкновенное во Франціи—старый школьный учитель, употребившій всю жизнь на обученіе себѣ подобныхъ, не умираетъ въ нищетѣ, а между тѣмъ это такъ: Я собственникъ! Мой сынъ Павелъ, достигшій своими трудами должности инспектора начальныхъ школъ, даетъ мнѣ средства къ безбѣдному существованію; безъ него я былъ бы очень несчастенъ, потому что 125 франковъ пенсіи, выдаваемыхъ мнѣ казной, и мои маленькія сбереженія не позволили бы мнѣ жить въ достаткѣ. Онъ добрый сынъ! Я благословляю его и его семейство!..

Теперь, друзья мои, прежде чѣмъ я навсегда прощусь съ вами, я хотѣлъ бы вамъ сказать, что я еще занимаюсь естественной исторіей, несмотря на мои восемьдесятъ лѣтъ, но Марія-Анна, дѣлаясь все осторожнѣе, запрещаетъ мнѣ говорить о моихъ лѣтахъ, боясь, что меня услышитъ смерть. Прощайте же, живите мирно, честно и справедливо. Все прочее суета!..

БѢЛОЕ И ЧЕРНОЕ.

Въ то время мы просиживали вечера въ пивной Брауера, которая выходитъ на Старо-Бризахскую площадь.

Бывало, какъ только пробьетъ восемь, такъ и потянутся туда одинъ за другимъ: нотаріусъ Фридерикъ Шульцъ, бургомистръ Францъ Мартинъ, мировой судья Христофель Ульметтъ, совѣтникъ Клерсъ, инженеръ Ротанъ, молодой органистъ Теодоръ Блитцъ и нѣсколько другихъ почетныхъ гражданъ города. Всѣ они усаживались за одинъ столъ и тутъ, по семейному, своимъ отдѣльнымъ кружкомъ, потягивали пѣнистый бокбиръ.

Прибытіе Теодора Блитца изъ Іены, привезшаго рекомендательное письмо отъ Хармозіуса, произвело въ нашемъ кружкѣ нѣкоторое замѣшательство и тревогу. Это былъ черноглазый человѣкъ, съ растрепанными темными волосами, тонкимъ и блѣднымъ носомъ. Онъ отличался рѣзкостью сужденій и явнымъ оттѣнкомъ мистическаго настроенія. Всѣхъ удивляла его манера иной разъ вскакивать съ мѣста, дѣлать три-четыре круга по залѣ, размахивая руками, со страннымъ выраженіемъ разсматривать швейцарскіе виды на стѣнахъ и насмѣхаться надъ ихъ индигово-синими озерами, яблочно-зелеными горами и красными тропинками, потомъ снова усаживаться на мѣсто, однимъ залпомъ выпивать свою кружку и вдругъ начать споръ о музыкѣ Палестрины, о лютнѣ у древнихъ евреевъ, о введеніи органовъ въ нашихъ базиликахъ, о пятикнижіи Моисея, о субботнихъ эпохахъ и т. п. Иной разъ онъ хмурилъ брови, упирался костлявыми, острыми локтями въ край стола и погружался въ глубочайшія созерцательныя думы.

Конечно, все это нѣсколько удивляло насъ, людей солидныхъ, важныхъ, привычныхъ къ методическому мышленію. Но

надо было съ этимъ примириться, освоиться, и даже самъ инженеръ Рэтапъ, хоть и обладалъ насмѣшливымъ нравомъ, кончилъ тѣмъ, что умиротворился и пересталъ на каждомъ шагу противорѣчить молодому капельмейстеру, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ былъ ужъ явно правъ.

Очевидно, Теодоръ Блитцъ обладалъ одною изъ тѣхъ нервическихъ организацій, которыя отзываются на всѣ колебанія температуры. А тотъ годъ у насъ стояла ужасная жара, осенью же поднялись грозы, такъ что многіе тогда опасались за виноградники.

И вотъ разъ вечеромъ вся наша компанія, по обыкновенію, собралась вокругъ стола; не было только, пока еще, стараго судьи Ульметта да капельмейстера. Бургомистръ ораторствовалъ о градѣ, о большихъ работахъ по части орошенія; я слушалъ какъ вѣтеръ неистово завывалъ среди большихъ деревьевъ Замковаго сада, и какъ капли дождя хлестали въ окна. Отъ времени до времени слышался стукъ черепицы, сорванной вѣтромъ съ крыши, грохотъ двери, захлопнувшейся отъ вѣтра, стукъ ставней о стѣны, и этотъ ревъ и свистъ, и вой урагана, свирѣпствующаго гдѣ-то вдали, на широкомъ просторѣ, словно бы толпы какихъ-то невидимыхъ существъ искали и звали другъ друга среди тьмы, въ то время какъ всѣ перепуганныя живыя существа прячутся, забиваются по угламъ, стараясь избѣжать роковой встрѣчи съ ними.

На колокольнѣ св. Стефана пробило девять, когда внезапно вошелъ Блитцъ. Онъ, словно одержимый, махалъ своей шляпой и пронзительнымъ голосомъ восклицалъ:

— Ну, расходились сегодня черти!.. Бѣлое и Черное сталкиваются, перемѣшиваются!.. Девятью девять тысячъ девятьсотъ дэвяносто тысячъ Завистей бьются и терзаютъ другъ друга!.. Иди, иди, Ариманъ, иди, гуляй-разгуливай... опустошай все... громи, уничтожай!.. Амшаспанды обратились въ бѣгство... Ормуздъ закрываетъ лицо свое!.. Вотъ такъ погодка!..

И выкрикивая все это онъ кружился по залѣ, вытягивая свои сухія, тощія ноги и то и дѣло разражаясь отрывистымъ хохотомъ.

Всѣ мы были ошеломлены этою выходкою, и втеченіе нѣсколькихъ мгновеній никто не могъ слова вымолвить. Наконецъ,

инженеръ Ротанъ, увлекаемый своимъ ѣдкимъ нравомъ, вскричалъ:

— Что за галиматью вы порете, господинъ органистъ!.. Что это за Амшаспанды?.. Что значитъ девятью девять тысячъ девятьсотъ девяносто Завистей?.. Ха, ха,ха,.. Все это ужасно смѣхотворно. И гдѣ вы, у черта, научились такому языку?..

Теодоръ Блитцъ вдругъ остановился, какъ вкопанный. Онъ совсѣмъ прищурилъ одинъ глазъ, а другой вытаращилъ до нельзя, и въ этомъ открытомъ глазу сверкала дьявольская иронія. И когда Ротанъ договорилъ свое, Блитцъ крикнулъ ему:

— О, инженеръ, о возвышенный разумъ! О, великій мастеръ цемента и лопатки, правитель фигурнаго кирпича, распорядитель отвѣса и прямого, и тупого, и остраго угла!.. Вы правы, тысячу разъ правы!

И онъ насмѣшливо отвѣсилъ глубокій поклонъ Ротану.

— Единое, что есть и существуетъ,—продолжалъ онъ,—это матерія, это уровень, это линейка, это циркуль! А всѣ эти откровенія Зороастра, Моисея, Пифагора, Одина, Христа, и гармонія, и мелодія, и искусство и чувство—все это мечты и фантазіи, недостойныя такого пресвѣтлаго духа, какъ вашъ. Вамъ однимъ довлѣетъ истина, вѣчная истина!.. Хе, хе, хе!.. Преклоняюсь передъ вами, привѣтствую васъ, простираюсь во прахѣ передъ вашею славою, вѣчною и неистребимою, какъ слава Ниневіи и Вавилона!..

Произнеся эти слова, онъ дважды повернулся на каблукахъ и разразился хохотомъ, до такой степени пронзительнымъ, что его можно было принять за пѣніе пѣтуха на зарѣ.

Ротанъ, видимо, готовъ былъ разсердиться, но какъ разъ въ эту минуту вошелъ старый судья Ульметтъ. Его шапка изъ мѣха выдры была у него нахлобучена до ушей, а на плечахъ была шуба бутылочно-зеленаго цвѣта съ выпушкою изъ лисьяго мѣха, съ длинными, висящими рукавами. Вошелъ онъ сгорбившись, съ полузакрытыми глазами, а по его толстымъ щекамъ скатывались потоки дождевой воды.

Весь онъ вымокъ, какъ утка.

На дворѣ вода лилась потоками; въ водосточныхъ трубахъ и желобахъ клокотало, канавы переполнились, ручейки превратились въ рѣчки.

— О, Боже милостивый! — проговорилъ добрякъ.—Съ ума

надо спятить, чтобъ въ такую погоду выходить изъ дому, да особенно послѣ такого хлопотливаго денька: два слѣдствія, да протоколы, да допросы! Но ужъ таковъ я уродился. Ради бокбира да добрыхъ старыхъ друзей готовъ Рейнъ переплыть!

И, бормоча такія несвязныя слова, онъ снималъ съ себя свою выдровую шапку и повертывалъ шубу, чтобъ вынуть изъ нея свою длинную ульмскую трубку, кисетъ съ табакомъ и огниво; все это онъ бережно выложилъ на столъ. Потомъ повѣсилъ одежду на задвижку окна и позвалъ:

— Брауеръ!

— Что прикажете, г. судья?

— Вы хорошо бы сдѣлали, кабы закрыли ставни. Повѣрьте мнѣ, этотъ ливень непремѣнно закончится грозою.

Хозяинъ тотчасъ вышелъ, ставни были закрыты, и судья усѣлся на своемъ обычномъ мѣстѣ, испустивъ глубокій вздохъ.

— Знаете ли вы, что у насъ дѣлается, бургомистръ?—спросилъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Нѣтъ. Что же дѣлается у насъ, мой старый Христофель?

Прежде чѣмъ отвѣтить, г. Ульметъ внимательно оглядѣлъ всю залу.

— Мы одни, друзья мои,—сказлъ онъ,—и я могу вамъ довѣрить это. Дѣло въ томъ, что около трехъ часовъ пополудни нашли бѣдняжку Гредель Дикъ подъ мельничною запрудою въ Гольдерлохѣ.

— Подъ запрудою въ Гольдерлохѣ!—вскричали всѣ присутствовавшіе.

— Да... съ веревкою на шеѣ!..

Чтобы понять, до какой степени эти слова всѣхъ насъ взволновали, надо вамъ знать, это эта Гредель Дикъ была одна изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ Старомъ Бризахѣ. Это была высокая брюнетка съ голубыми глазами, съ розовыми щечками, единственная дочь стараго анабаптиста Петруса Дика, который держалъ въ арендѣ значительныя земли въ Шлоссгартенѣ. Съ нѣкотораго времени всѣ видѣли ее печальною, серьезною, ее, которая въ прежнее время была такая хохотушка, когда вмѣстѣ съ подругами сходилась около фонтана, гдѣ онѣ оживленно болтали. Видали ее всю въ слезахъ, и всю эту ея грусть приписывали непрестаннымъ преслѣдованіямъ Сафери Мутца, сына почтмейстера, здороваго парня, сухощаваго, жилистаго, съ орли

пымъ носомъ и черными кудрявыми волосами, который всюду ходилъ за нею, какъ тѣнь, и по воскресеньямъ танцовалъ всегда только съ нею, почти и не выпуская ея руки.

Возникалъ было вопросъ о ихъ свадьбѣ. Но самъ Мутцъ, отецъ, его жена, зять его, Карлъ Бремеръ, и дочь Софайель слышать объ этомъ не хотѣли, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ихъ семью не должна вступать язычница.

И вотъ Гредель три дня тому назадъ исчезла. Что съ ней подѣлалось, куда дѣвалась, никто не зналъ. Теперь вообразите себѣ тѣ тысячи мыслей, которыя взбрели намъ въ головы, когда мы узнали о ея смерти. Всѣ и думать забыли о ссорѣ Теодора Блитца съ инженеромъ Ротаномъ, возникшей изъ-за невидимыхъ духовъ. Всѣ глаза вопрошали г. Христофеля Ульметта, который, склонивъ свою широкую, лысую голову и сдвинувъ густыя, сѣдыя брови, важно и задумчиво набивалъ свою трубку.

— А Мутцъ... Зафери Мутцъ, — спросилъ бургомистръ, — онъ-то какъ же?..

Легкій румянецъ появился на щекахъ старика судьи, и послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія онъ отвѣтилъ:

— А Зафери Мутцъ... задалъ тягу!..

— Задалъ тягу!—вскричалъ маленькій Клерсъ.—Значитъ, онъ призналъ себя виновнымъ?..

— Да, что-то въ этомъ родѣ; и мнѣ тоже думается,—добродушно вымолвилъ старикъ судья.—Кто удираетъ, такъ вѣдь у того должна же быть на это своя причина... Ну, мы, конечно, нагрянули къ отцу, а тамъ весь домъ вверхъ дномъ. Всѣ они словно помѣшались. Мать что-то бормочетъ, да рветъ на себѣ волосы; дочка разодѣлась по-праздничному и пляшетъ, какъ безумная; ничего отъ нихъ ровнехонько не могли добиться. Отецъ Гредель, конечно, впалъ въ несказанное отчаяніе. Конечно, ему не хочется опорочить свое дитя, но, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что Гредель Дикъ добровольно ушла изъ дома во вторникъ, и ушла къ Зафери. Это въ одинъ голосъ подтверждаютъ всѣ сосѣди. Ну... пустили по слѣдамъ жандармовъ... Вотъ увидимъ, что будетъ дальше.

Наступило продолжительное молчаніе. На дворѣ бушевалъ ливень.

— Это ужасно! — вскричалъ внезапно бургомистръ.—Это гнусно!.. И подумать только, что всѣ отцы семействъ, всѣ, кто

воспитываетъ своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, могутъ быть поражены такимъ несчастьемъ!

— Да,—закуривая свою трубку, сказалъ судья Ульметтъ,— да, все это такъ. И напрасно говорятъ, что все на свѣтѣ совершается по волѣ и назначенію Господа Бога. Я такъ думаю, что духъ тьмы вмѣшивается во всѣ наши дѣла гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало бы. На самаго добраго человѣка посчитайте-ка сколько найдется сволочи безъ вѣры и чести! На одно доброе дѣло—сколько пакостей и мерзостей! Я думаю, друзья мои, что еслибъ дьяволъ принялся пересчитывать свое стадо...

Онъ не могъ договорить, потому что въ это самое мгновеніе тройная вспышка молніи прорѣзала яркимъ свѣтомъ щели въ ставняхъ, такъ что лампа совсѣмъ поблѣднѣла. И почти немедленно вслѣдъ за нею раздался ударъ грома, но такой рѣзкій, сухой, ужасный, что отъ него у насъ волосы поднялись на головахъ, словно земля треснула.

На церкви св. Стефана пробило половина, и медленныя вибраціи бронзы показались намъ совсѣмъ близкими, будто колоколъ звонилъ за четыре шага отъ насъ. И вотъ, гдѣ-то далеко, далеко раздался жалобный, протяжный голосъ, кричавшій:

— Помогите, помогите!..

— Зовутъ на помощь!—заикаясь пробормоталъ бургомистръ.

— Да,—отозвались всѣ остальные, блѣдные, внимательно прислушиваясь.

Въ то время, какъ всѣ мы сидѣли перепуганные, Ротанъ съ насмѣшкою вытянувъ губы, вскричалъ:

— Хе, хе, хе! Это кошка мадемуазель Резель поетъ любовный романсъ своему возлюбленному, юному тенору изъ перваго этажа.

И, поднявъ руку трагическимъ жестомъ, онъ пропѣлъ:

«Полночь пробило на башнѣ замка!»

Этотъ насмѣшливый тонъ возбудилъ общее негодованіе.

— Горе тому, кто насмѣхается надъ такими вещами!—воскликнулъ, вставъ съ мѣста, старикъ Христофель.

Онъ торжественно и важно подошелъ къ двери, и всѣ мы потянулись за нимъ, въ томъ числѣ и толстякъ хозяинъ, который держалъ въ рукѣ свой бумажный колпакъ и тихонько бормоталъ молитву, словно собирался предстать передъ самимъ Господомъ Богомъ. Одинъ Ротанъ остался сидѣть на своемъ мѣстѣ. Я дер-

жался позади всѣхъ, вытянувъ шею и заглядывая черезъ плечи другихъ.

Едва стеклянная дверь съ грохотомъ отворилась, какъ снова сверкнула молнія. Вся улица со своими бѣлыми плитами мостовой, омытой ливнемъ, со своими рокочущими ручьями и потоками, со своими тысячами оконъ, со своими ветхими башенками на крышахъ, со своими вывѣсками моментально вынырнула изъ мрака, а потомъ снова въ немъ утонула.

Этого короткаго мгновенія было для меня достаточно, чтобъ увидѣть шпицъ церкви св. Стефана и статуетки, которыми она уставлена, залитыя бѣлымъ свѣтомъ молніи, и низы колоколовъ, повѣшенныхъ на черныхъ балкахъ, и ихъ языки и веревки отъ нихъ, опускающіяся книзу, въ притворъ храма, и, выше, гнѣздо аистовъ, полуразрушенное грозою, и птенцовъ съ разинутыми клювами, и перепуганную мать, и самца, вихремъ кружившагося около сверкающаго шпица церкви, выпятивъ грудь, согнувъ шею, вытянувъ назадъ длинныя ноги, словно бросающаго вызовъ зигзагамъ молніи.

Странное было видѣніе, настоящая китайская картина, тонкая, прозрачная, легкая, что-то странное и страшное, рѣзко выдѣлявшееся на черномъ фонѣ облаковъ, озаренныхъ золотистымъ отблескомъ молніи.

Всѣ мы, разинувъ рты, стояли въ дверяхъ пивной, спрашивая другъ у друга:

— Что мы слышали, господинъ Ульметтъ?... или: Что вы видите, господинъ Клерсъ?..

Въ эту минуту надъ нами раздалось мрачное и зловѣщее мяуканье, и мы увидали на краю крыши цѣлое полчище кошекъ. Въ то же время въ залѣ раскатился взрывъ хохота.

— Ну, что?.. Ну, что?—кричалъ инженеръ.—Слышите?.. Что же, я не правду говорилъ?,.

— Ничего, ничего, слава Богу, — пробормоталъ старый судья.—Вернемся въ залу... дождь усиливается.

Усаживаясь на свое мѣсто, онъ сказалъ:

— Господинъ Ротанъ, что удивительнаго въ томъ, что воображеніе такого жалкаго старика, какъ я, принимается пошаливать, когда небо и земля сливаются въ такой хаосъ, когда любовь и ненависть перепутываются другъ съ другомъ, чтобы предстать передъ нами въ видѣ такихъ преступленій, о какихъ никто

у насъ до сихъ поръ и не слыхивалъ? Что въ томъ удивительнаго?

Всѣ мы начали усаживаться по мѣстамъ, испытывая чувство досады противъ инженера, который одинъ оставался спокойнымъ, видя всѣхъ насъ трепетавшими отъ страха. Всѣ мы повернулись къ нему спиной и выпивали кружку за кружкою, не говоря ни слова. Онъ же усѣлся у окна, облокотился на подоконникъ, и что-то насвистывалъ потихоньку, какой-то маршъ, отбивая пальцами тактъ по стеклу. Онъ даже и вниманіемъ не удостаивалъ наше дурное настроеніе.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, и вдругъ Теодоръ Блитцъ разсмѣялся и заговорилъ:

— Господинъ Ротанъ торжествуетъ! Онъ не вѣритъ въ невидимыхъ духовъ. Ничто не нарушаетъ его спокойствія. Онъ обладаетъ надежною ногою, вѣрнымъ глазомъ, исправнымъ ухомъ! Что же еще надо, чего не хватаетъ, чтобы насъ изобличить въ невѣжествѣ и сумасбродствѣ?

— Вотъ именно!—возразилъ Ротанъ.—Я самъ не посмѣлъ бы такъ выразиться; но вы совершенно вѣрно опредѣляете вещи, господинъ органистъ, такъ что вамъ совершенно нечего возразить, въ особенности во всемъ томъ, что относится до васъ лично; что же касается моихъ старыхъ друзей—Шульца, Ульметта, Клерса и прочихъ, то они—другое дѣло; всякому можетъ что угодно пригрезиться, лишь бы только это не выродилось въ... привычку.

Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на этотъ прямой выпадъ Блитцъ наклонилъ голову и, казалось, внимательно прислушивался къ какому-то шуму на дворѣ.

— Т-съ!..—шепнулъ онъ, оглядывая всѣхъ насъ.—Т-съ!..

Онъ поднялъ палецъ... Послышались громкіе всплески воды около дома, и чья-то рука начала нащупывать щеколду двери. Тогда капельмейстеръ сказалъ намъ дрожащимъ голосомъ:

— Оставайтесь спокойными... слушайте и смотрите!.. Помоги намъ, Господи!

Дверь отворилась и появился Зафери Мутцъ.

Тысячу лѣтъ проживу — не забуду лица этого человѣка, вѣчно оно останется у меня въ памяти! Вотъ онъ!.. Такъ и вижу его передъ собою... Онъ шелъ спотыкаясь; онъ былъ блѣденъ, волосы падали ему на лицо, глаза помутились, блуза, вся мо-

края, прилипла къ бедрамъ; въ рукѣ у него была толстая дубина. Онъ смотрѣлъ на насъ, но не видѣлъ насъ; онъ былъ какъ спящій. Слѣдомъ за нимъ остался потокъ грязи... Онъ остановился, кашлянулъ потихоньку, и словно разговаривая самъ съ собою промолвилъ:

— Ну, вотъ я!.. Арестуйте меня... рубите голову... Хуже не будетъ!

Потомъ онъ словно бы проснулся, и оглядѣвъ насъ одного за другимъ, невольно сдѣлалъ движеніе ужаса.

— Я говорилъ!.. Что я сказалъ?.. А-а, тутъ бургомистръ!.. И судья Ульметтъ!..

Онъ сдѣлалъ прыжокъ назадъ, какъ бы намѣреваясь бѣжать. Но очутившись опять лицомъ къ лицу съ ночью, онъ какъ будто чего-то ужаснулся и снова бросился въ залу.

Теодоръ Блитцъ всталъ съ мѣста. Онъ обвелъ насъ всѣхъ предупреждающимъ, глубокимъ взглядомъ, подошелъ къ Мутцу, и указывая ему на темную улицу, онъ тихо спросилъ его, такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о чемъ-то имъ обоимъ совершенно понятномъ и извѣстномъ:

— Онъ тамъ?

— Тамъ,—отвѣтилъ убійца тѣмъ же таинственнымъ тономъ

— Шелъ за тобой?

— Отъ самаго Фишбаха.

— Сзади?

— Да, позади.

— Ну, вотъ, такъ и есть,—сказалъ капельмейстеръ, снова обводя насъ прежнимъ взглядомъ.—И всегда такъ бываетъ! Ну, оставайся здѣсь, Зафери, садись тутъ, у огня. Брауеръ, сходите за жандармами!

При словѣ «жандармы», презрѣнный страшно поблѣднѣлъ и вновь было сдѣлалъ попытку бѣжать; но опять тотъ же ужасъ оттолкнулъ его отъ дверей. Онъ повалился на стулъ около стола, сжалъ голову руками, и простоналъ:

— О, еслибъ я зналъ!.. еслибъ я зналъ!..

Всѣ мы сидѣли, ни живы, ни мертвы. Хозяинъ пивной вышелъ. Въ залѣ стояла мертвая тишина. Старикъ судья положилъ свою трубку, бургомистръ уставился на меня безсмысленнымъ взглядомъ, Ротанъ пересталъ свистать. Теодоръ Блитцъ усѣлся

на скамейку, скрестивъ ноги, и смотрѣлъ на дождь, струи котораго смутно поблескивали во мракѣ ночи.

Такъ мы сидѣли съ четверть часа, и, помню, все боялись, какъ бы убійца не очувствовался и не вздумалъ бѣжать. Но онъ не шевелился; его длинные волосы космами падали внизъ сквозь пальцы, и вода капала съ его одежды на полъ, какъ изъ дождевого желоба.

Но вотъ на дворѣ послышалось бряцанье оружія и жандармы Вернеръ и Кельтцъ показались въ дверяхъ. Кельцъ бросилъ искоса взглядъ на убійцу и приподнялъ свою большую шляпу, со словами:

— Доброй ночи, господинъ мировой судья.

Потомъ онъ вошелъ въ залу и спокойно надѣлъ ручныя кандалы на Зафери, который все еще сидѣлъ сжавъ голову руками.

— Ну, малый, пойдемъ,—сказалъ онъ.—Вернеръ, иди позади!

Тутъ изъ тѣни выступилъ третій жандармъ, низенькій, толстый; всѣ четверо тотчасъ ушли.

Несчастный не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Мы переглядывались, подавленные, блѣдные.

— Добрый вечеръ, господа,—сказалъ органистъ.

И онъ ушелъ.

И мы всѣ, каждый погруженный въ собственныя, личныя впечатлѣнія и размышленія, тоже поднялись съ мѣста и молча разошлись по домамъ.

Что до меня касается, я по дорогѣ разъ двадцать оглядывался, прежде чѣмъ дошелъ до своей двери. Мнѣ все чудились шаги того, «другого», того, что шелъ по пятамъ за Зафери Мутцемъ, и я боялся что онъ и за мною такъ же крадется.

Когда же, наконецъ, благодареніе небу, я добрался до своей комнаты, то, прежде чѣмъ лечь въ постель и погасить свѣчу, я съ мудрою предусмотрительностью заглянулъ подъ кровать, чтобъ ужъ положительно убѣдиться и успокоиться, что того нѣтъ у меня подъ кроватью. Помнится, я даже сотворилъ особую молитву, чтобъ онъ не задавилъ меня ночью. Что прикажете? Не каждый день удается человѣку быть твердымъ философомъ!..

II.

До этого времени я смотрѣлъ на Теодора Блитца, какъ на какого-то полупомѣшаннаго мистика. Его увѣренность въ томъ, что онъ обладаетъ способностью поддерживать сношенія съ какими-то невидимыми духами при посредствѣ музыки, состоявшей изъ смѣшенія всѣхъ звуковъ природы—шелеста листьевъ, свиста вѣтра, жужжанья насѣкомыхъ,—казалась мнѣ просто за просто смѣхотворною, и не одинъ я держался такого взгляда.

Напрасно онъ тщился доказывать намъ, что если торжественная музыка органа будитъ въ насъ религіозное чувство, если военная музыка увлекаетъ насъ въ бой, если пѣсни, раздающіяся въ полѣ или въ лѣсу располагаютъ насъ къ мечтательности, къ созерцательности, то зависитъ это отъ того, что всѣ эти разнообразныя мелодіи и гармоніи—воззванія къ геніямъ земли, которые при этомъ внезапно появляются среди насъ, дѣйствуютъ на наши органы и пріобщаютъ насъ къ ихъ собственному существу. Все это представлялось мнѣ ужасно туманнымъ, темнымъ, и только убѣждало меня въ томъ, что у органиста мозги не въ порядкѣ.

Но съ тѣхъ поръ мое мнѣніе о немъ перемѣнилось, и я началъ склоняться къ мысли, что, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ существо не исключительно матеріальное, что мы состоимъ не изъ одного тѣла, а изъ тѣла и души; что приписывать все только одному тѣлу и все имъ объяснять—не раціонально; что нервное истеченіе, приводимое въ движеніе колебаніями воздуха столь же трудно понять и уяснить себѣ какъ и прямое дѣйствіе оккультныхъ силъ; что невозможно, напр., уяснить себѣ какимъ путемъ простое щекотаніе нервовъ въ нашемъ ухѣ звуками, сочетанными по извѣстнымъ правиламъ контрапункта, вызываетъ въ насъ тысячи впечатлѣній и движеній души, и пріятныхъ и страшныхъ, возноситъ нашу душу къ Богу, ставитъ ее лицомъ къ лицу съ небытіемъ или, наоборотъ, пробуждаетъ въ насъ пылъ жизни, воодушевленіе, любовь, жалость... Нѣтъ, это объясненіе болѣе уже не удовлетворяло меня; идеи капельмейстера предоставлялись мнѣ болѣе величественными, болѣе мощными и справедливыми и пріемлемыми во всѣхъ отношеніяхъ.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить приходъ Зафери Мутца въ пивную съ помощью одного только щекотанія нервовъ? Чѣмъ объяснить ужасъ несчастнаго, который вынудилъ его предать себя, и чудесную прозорливость Блитца, когда онъ сказалъ намъ: — «Т-съ, слушайте!.. Онъ идетъ... Да сохранитъ насъ Господь!»

Словомъ, всѣ мои предубѣжденія противъ невидимаго міра разсѣялись, и новые факты укрѣпили меня на этой точкѣ зрѣнія.

Спустя недѣли двѣ послѣ описанной мною сцены съ Зафери Мутцъ жандармы перевезли его во Фрейбургскую тюрьму. Безчисленные слухи и толки, порожденные смертью Гредели Дикъ начали понемногу затихать. Бѣдная дѣвушка мирно опочила за холмомъ Трехъ Источниковъ, и люди перестали говорить о ней, перешли къ разговорамъ о предстоящемъ сборѣ винограда.

Однажды, часовъ въ пять вечера, я шелъ домой изъ большого виннаго склада при таможнѣ, гдѣ я, по порученію Браусра опробовалъ нѣсколько сортовъ вина. Брауеръ въ этомъ дѣлѣ больше довѣрялся мнѣ, чѣмъ самому себѣ. Голова у меня нѣсколько отяжелѣла. Я шелъ машинально, и попалъ какъ разъ въ большую платановую аллею, позади церкви св. Стефана.

Вправо отъ меня Рейнъ развертывалъ свою лазоревую скатерть, и на немъ виднѣлось нѣсколько рыболововъ, бросавшихъ сѣти. Налѣво были старыя укрѣпленія. Воздухъ становился прохладнѣе; волны пѣли свой вѣчный гимнъ, порывы вѣтерка, душившаго со стороны Шварцвальда шевелили листву деревьевъ. Я шелъ себѣ впередъ, ни о чемъ не думая, и вдругъ до моего уха донеслись звуки скрипки.

Я началъ слушать.

Мнѣ кажется сама малиновка не въ состояніи вложить столько граціи, нѣжности въ свои быстрыя трели, и столько вдохновенія въ струи своихъ пѣснопѣній. Только музыка была какая-то ни на что не похожая. Въ ней не было ни такта, ни мѣры. Это былъ каскадъ какихъ то, похожихъ на бредъ нотъ, издаваемыхъ съ изумительною вѣрностью, но лишенныхъ всякаго порядка. А въ перебой съ порывами вдохновенія, вдругъ, изрѣдка, вырывались рѣжущіе, непріятные звуки, пронизывавшіе до мозга костей.

— Здѣсь Теодоръ Блитцъ,—подумалъ я, и раздвинулъ высокія вѣтви изгороди изъ бузины, росшей внизу откоса.

Я сейчасъ же разглядѣлъ, что нахожусь въ тридцати шагахъ отъ почтовой станціи, близъ водопойнаго пруда, затянутаго ряскою; изъ воды выставлялись курносыя мордочки громадныхъ лягушекъ. Немного подальше возвышались конюшни съ широкими навѣсами и старый, одряхлѣвшій жилой домъ. На дворѣ, огороженномъ каменною стѣною до высоты груди и заржавѣвшею рѣшеткою, ходило пять или шесть куръ, а подъ навѣсомъ бѣгали кролики, загнувъ кверху свои хвостики. Они увидали меня и тотчасъ какъ тѣни исчезли въ дверяхъ амбара.

Слышенъ былъ только плескъ волнъ въ рѣкѣ, да эта старинная музыкальная фантазія, исполняемая на скрипкѣ.

Какъ попалъ сюда Теодоръ Блитцъ?

Мнѣ было пришло въ голову, что это онъ вздумалъ попытать свою музыку на семьѣ Мутцъ. Любопытство толкало меня впередъ; я прокрался вдоль стѣны двора и подошелъ поближе къ дому, чтобы взглянуть, что такое тамъ дѣлается.

Окна были открыты настежъ и въ низенькой, просторной залѣ, съ стѣнами изъ побурѣвшихъ бревенъ, съ поломъ на уровнѣ съ землею, я увидѣлъ длинный столъ, накрытый со всей обычной роскошью деревенскихъ праздниковъ; на немъ стояло не меньше тридцати приборовъ. Но меня особенно удивило то, что за столомъ, такъ пышно убраннымъ, сидѣло всего пять человѣкъ. Сидѣлъ тутъ самъ отецъ Мутцъ, угрюмый, задумчивый, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ съ металлическими пуговицами; костлявая сѣдѣющая голова его носила явные слѣды какой-то неподвижной мысли, а впалые глаза безъ мысли уставились впередъ;—рядомъ сидѣлъ его зять—сухая, незначительная фигура, съ высоко, до ушей, выпущеннымъ воротникомъ рубашки;—затѣмъ—мать въ черномъ тюлевомъ чепчикѣ, тоже какая-то растерянная; далѣе — дочка, довольно недурненькая брюнетка, въ головномъ уборѣ изъ черной тафты съ серебряными и золотыми блестками, въ косынкѣ самаго пестрѣйшаго цвѣта;—наконецъ—Теодоръ Блитцъ, заломившій свой треухъ на бокъ, сжимавшій скрипку между плечемъ и подбородкомъ, съ блиставшими маленькими глазами, съ широкою улыбкою, кривившею его щеки, пилившій смычкомъ и двигавшій локтями, словно кузнечикъ, когда онъ скребетъ себя лапкою, выводя свою скрипящую пѣсенку.

Тѣни отъ заходящаго солнца, старые часы съ фаянсовымъ циферблатомъ, расписаннымъ красными и синими цвѣтами, уголъ бороны, на которую опущена была занавѣсь кровати съ сѣрыми и бѣлыми квадратами, а особенно эта музыка, которая становилась все болѣе и болѣе безпорядочной, произвели на меня невыразимое впечатлѣніе; на меня прямо какой-то ужасъ напалъ. Ужъ не знаю, происходило ли это отъ возліяній рюдесгеймскаго, котораго я только что «напробовался» въ таможнѣ, или отъ чего другого, но только я немедленно повернулся вспять и сталъ, наклонившись, пробираться около стѣнки двора, чтобы выйти на дорогу; но тутъ вдругъ вскочила большая цѣпная собака, рванулась ко мнѣ, насколько пустила цѣпь, и заставила меня вскрикнуть отъ неожиданности.

— Тирикъ!..—раздался окрикъ старика.

А Теодоръ, увидавъ меня, бросился вонъ изъ залы, крича:

— Э, да это Христіанъ Спеціесъ! Зайдите же, дражайшій мой! Вы какъ разъ кстати подошли!

Онъ перебѣжалъ дворъ и подхватилъ меня подъ руку.

— Другъ мой,—сказалъ онъ мнѣ съ какимъ-то страннымъ одушевленіемъ,—теперь какъ разъ настала минута схватки между чернымъ и бѣлымъ... Идемте, идемте!

Его восторженность привела меня въ ужасъ; но онъ слышать ничего не хотѣлъ и тащилъ меня съ такою силою и упорствомъ, что я не въ силахъ былъ противиться.

— Надо вамъ сказать, дорогой Христіанъ, что сегодня утромъ мы окрестили маленькаго ангелочка Божьяго, новорожденнаго Никкеля-Зафери Бремера. Я привѣтствовалъ его вступленіе на сей, исполненный сладостей свѣтъ, хоромъ серафимовъ. И вотъ, вообразите же себѣ—три четверти нашихъ гостей обратились въ бѣгство... Хе, хе, хе!.. Идите же, идите... Милости просимъ, желанный гость!

Онъ толкалъ меня въ плечи, и волей не волей мнѣ пришлось перешагнуть черезъ порогъ.

Всѣ члены семьи Мутцъ обернулись ко мнѣ. Напрасно я отказывался сѣсть; всѣ эти, вдругъ ужасно обрадовавшіеся люди, окружили меня, и Блитцъ кричалъ:

— Вотъ кто будетъ у насъ шестой! Шесть—прекраснѣйшее число!

Старикъ-хозяинъ горячо пожималъ мнѣ руки и, тропутый и взволнованный, говорилъ мнѣ:

— Спасибо, спасибо, господинъ Спеціесъ, спасибо, что пришли!.. Пусть же не говорятъ, что добрые люди знать насъ не хотятъ, что насъ и люди и Богъ покинули!.. Вы вѣдь останетесь съ нами до конца?..

— О, да,—проговорила старушка, устремляя на меня умоляющій взглядъ,—конечно, господинъ Спеціесъ останется до конца; онъ намъ не откажетъ въ этомъ!

Тутъ-то я и понялъ, зачѣмъ былъ накрытъ такой большой столъ на столько приборовъ, а застольниковъ было такъ мало. Всѣ, кого пригласили, вспомнили о Гредели Дикъ и подъ разными предлогами отказались.

У меня сердце сжималось при мысли о такомъ всеобщемъ отчужденіи.

— Что же, я съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я,—я останусь, посижу... съ удовольствіемъ... съ большимъ удовольствіемъ...

Стаканы наполнились, и мы выпили терпкаго, крѣпкаго вина, стараго маркобруннера, крѣпкій букетъ котораго навелъ на меня грустныя размышленія.

Старуха положила мнѣ на плечо свою длинную руку и пробормотала:

— Еще стаканчикъ, господинъ Спеціесъ, еще стаканчикъ!

Я не посмѣлъ отказаться.

Въ эту минуту Блитцъ, ударивъ смычкомъ по струнамъ, повергъ меня въ ледяную дрожь.

— Друзья мои,—вскричалъ онъ,—это воззваніе царя Саула къ аэндорской колдуньѣ!

Мнѣ хотѣлось вскочить и бѣжать. Но на дворѣ страшнымъ голосомъ завывалъ песъ, да и ночь начиналась, и въ залѣ становилось уже темновато. Рѣзкія черты лица стараго Мутца, его блуждающіе глаза, тяжелое движеніе его широкихъ скулъ имѣли въ себѣ мало успокоительнаго.

А Блитцъ все скребъ, скребъ смычкомъ свое воззваніе. Морщина его лѣвой щеки дѣлалась все глубже и рѣзче, потъ струился по его вискамъ.

Старикъ снова наполнилъ стаканы и, обратясь ко мнѣ, произнесъ глухо и повелительно:

— За ваше здоровье!

— За ваше, г. Мутцъ,—отвѣчалъ я, весь дрожа.

Вдругъ новорожденный, лежавшій въ колыбели, началъ кричать, а Блитцъ съ какой-то дьявольской ироніей началъ подыгрывать его плачу на скрипкѣ, громко крича:

— Это гимнъ жизни!.. Хе, хе, хе!.. Много разъ будетъ его распѣвать маленькій Никкель, пока сдѣлается лысымъ, хе, хе, хе!..

Старые часы заскрипѣли въ своемъ орѣховомъ футлярѣ. Я, изумленный этими звуками, поднялъ глаза и увидалъ, какъ изъ внутренности ихъ вышелъ маленькій автоматикъ, сухощавый, лысый, со впалыми глазами, съ насмѣшливою улыбкою—очевидно, образъ смерти. Она подвигалась впередъ размѣренными шагами и начала косить полоски бумаги, окрашенной въ зеленый цвѣтъ. Потомъ, когда пробилъ послѣдній ударъ, она сдѣлала полуоборотъ, вошла въ свою дверцу и скрылась внутри.

— Чортъ бы взялъ этого органиста! Зачѣмъ онъ меня затащилъ сюда!—говорилъ я про себя.—Вотъ такъ крестины, вотъ такъ веселье праздничное!.. Ха, ха, ха!..

Я самъ налилъ себѣ стаканчикъ, чтобы придать себѣ куражу.

— Ну ну... теперь ужъ нечего разговаривать, отъ судьбы не уйдешь!.. Всякому свое назначено, и мнѣ, видимое дѣло, отъ вѣчности и начала временъ было предназначено въ этотъ вечеръ по выходѣ изъ таможни пройти сквозь Сенъ-Ландольфову аллею и противъ воли и охоты попасть въ эту гнусную ловушку, куда меня приманила музыка Блитца... и пить маркобруннеръ, отъ котораго пахнетъ кипарисомъ и вербеной, и видѣть, какъ Смерть коситъ зеленыя бумажки... А забавно все это, ей-Богу забавно!..

Такъ думалъ я, насмѣхаясь надъ участью людей, которые воображаютъ себя свободными, а на самомъ дѣлѣ идутъ на веревочкѣ, привязывающей ихъ къ звѣздамъ. Такъ сказали волхвы, надо имъ вѣрить.

Такъ посмѣивался я про себя, а музыка вдругъ смолкла.

Настало продолжительное молчаніе. Часы продолжали свое монотонное тикъ-такъ. Изъ-за Рейна медленно поднималась луна, освѣщая сквознымъ свѣтомъ трепетавшіе листья тополей, и ея блѣдный свѣтъ трепеталъ и прыгалъ по гребешкамъ безчисленныхъ волнъ. Я видѣлъ все это, и видѣлъ, какъ въ полосѣ свѣта по водѣ проскользнула черная барка; на ней стоялъ человѣкъ,

тоже весь черный, въ развѣвающемся короткомъ плащѣ и широкополой шляпѣ съ лентой на тульѣ.

Онъ проскользнулъ мимо, какъ сонъ. Я чувствовалъ, что ои вѣки тяжелѣютъ.

— Выпьемъ!—вскричалъ капельмейстеръ.

Зазвенѣли стаканчики.

— А какъ Рейнъ прекрасно поетъ!.. Онъ поетъ хоралъ Бартольда Гутерольфа,—проговорилъ зять хозяина:—«Ave, ave Stella!»...

Никто ничего на это не отвѣтилъ.

Гдѣ-то далеко, далеко раздавались мѣрные удары веселъ по водѣ.

— Сегодня Зафери долженъ получить помилованіе!—внезапно вскричалъ старикъ хриплымъ голосмъ.

Онъ давно уже все думалъ объ этомъ, и эта-то мысль и повергла его въ такое уныніе. У меня мурашки пробѣжали по тѣлу.

— Онъ думаетъ о сынѣ,—подумалъ я,—о сынѣ, котораго должны повѣсить!

— Помилованіе!—со страннымъ хохотомъ сказала дочь.—О, да, да... помилованіе!..

Теодоръ тронулъ меня за плечо и нагнувшись мнѣ къ уху, шепнулъ:

— Духи близко!.. Сейчасъ будутъ тутъ!

— Коли вы говорите объ этомъ,—вскричалъ зять, у котораго зубы стучали,—коли объ этомъ станутъ говорить, такъ я уйду!..

— Ну, и убирайся, трусъ! — отвѣчала дочь.—И не надо тебя!

— Ну, коли такъ, я ухожу!—сказалъ онъ, вставая.

И, схвативъ свою шапку съ вѣшалки, онъ быстро вышелъ.

Я видѣлъ, какъ онъ проходилъ мимо оконъ, и ужасно ему завидовалъ.

Какъ бы сдѣлать, чтобъ уйти?..

На стѣнѣ, высившейся противъ окна, что-то двигалось. Я смотрѣлъ, вытаращивъ глаза отъ изумленія, и распозналъ, что это былъ пѣтухъ. А дальше, сквозь обомшѣлые жерди изгороди сверкала рѣка, и ея крупныя волны медленно набѣгали на берегъ; по нимъ прыгалъ свѣтъ луны, придавая имъ видъ стаи

чаекъ съ большими, бѣлыми крыльями. И мнѣ казалось, что моя голова исполнилась пѣснями и голубоватыми отблесками.

— Слушай, Петръ, слушай! — вскричала вдругъ старуха послѣ продолжительнаго общаго молчанія.—Это ты виноватъ во всемъ, все изъ-за тебя вышло!

— Я?..—отозвался старикъ глухимъ сердитымъ голосомъ.— Я виноватъ во всемъ?..

— Да, ты никогда не хотѣлъ пожалѣть нашего мальчика; ты ничего ему не позволялъ, ничего не прощалъ! Развѣ нельзя было ему позволить жениться на этой дѣвушкѣ?..

— Жена,—проговорилъ старикъ,—вмѣсто того, чтобъ обвинять другихъ, подумай лучше о томъ, что кровь его падаетъ на твою голову. Двадцать лѣтъ подрядъ ты только и дѣлала, что скрывала всѣ проступки твоего сына. Когда я его каралъ за его злое сердце, за его пьянство, это ты, ты утѣшала его, ты плакала надъ нимъ, ты давала ему денегъ потихоньку отъ меня, ты ему говорила: «Твой отецъ тебя не любитъ... это суровый человѣкъ!» И ты нарочно лгала, чтобъ заставить его больше любить тебя. Ты крала у меня довѣріе и уваженіе, которое дитя должно имѣть къ тѣмъ, кто его любитъ, кто хочетъ его исправить. И когда онъ вздумалъ жениться на этой дѣвушкѣ, у меня не оказалось достаточно власти надъ нимъ, чтобъ заставить его повиноваться мнѣ.

— Тебѣ стоило только сказать—да!—простонала старуха.

— А я хотѣлъ сказать—нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ,—потому что моя мать, моя бабушка и всѣ мужчины, и всѣ женщины нашей семьи не могли принять въ свой кругъ эту язычницу, тамъ, на небѣ!

— На небѣ!—сказала, издѣваясь, старуха,—на небѣ!..

А дочь рѣзкимъ и ѣдкимъ голосомъ добавила:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, мы ничего не видали отъ отца, кромѣ колотушекъ!

— Потому что вы ничего, кромѣ колотушекъ, не заслуживали,—отвѣтилъ старикъ.—Мнѣ съ вами солонѣе досталось, чѣмъ вамъ отъ меня.

— Солонѣе!.. Ха, ха, ха!.. Солонѣе!..

Въ эту минуту чьи-то пальцы коснулись моей руки. Я вздрогнулъ. Это былъ Блитцъ. Лучъ луны, ударивъ въ стекло окна и отражаясь отъ него, заливалъ его своимъ свѣтомъ; его блѣдное

лицо и протянутая рука выступали изъ сумрака комнаты. Я посмотрѣлъ по направленію его указующаго пальца,— потому что онъ мнѣ что то указывалъ,—и увидалъ самое страшное изъ всего, что мнѣ случалось видѣть въ моей жизни: это была недвижимая, синяя тѣнь, ясно видная въ окно на фонѣ свѣтлой скатерти рѣки; эта тѣнь имѣла форму человѣческаго тѣла и казалась висѣвшею между небомъ и землею; голова падала на грудь, локти углами выдавались за спиною, а ноги вытянулись внизъ.

Я смотрѣлъ, вытаращивъ глаза отъ ужаса, и скоро различалъ малѣйшую подробность въ этой туманной фигурѣ. Я узналъ Зафери Мутца, а надъ его приподнятыми плечами веревку, крюкъ и висѣлицу. А внизу, подъ этою замогильною группою, бѣлую фитуру на колѣняхъ, съ распущенными волосами, съ сложенными руками, молящуюся,—фигуру Гредели Дикъ.

Кажется и всѣ другіе въ ту же минуту, какъ и я, увидали этотъ страшный призракъ, потому что я услыхалъ стонъ старика:

— Господи Боже... Господи Боже... помилуй насъ!..

А старуха тихимъ, задыхающимся голосомъ проговорила:

— Зафери умеръ!

И принялась рыдать.

Дочь же кричала:

— Зафери, Зафери!

Но тутъ все исчезло, и Теодоръ Блитцъ, взявъ меня подъ руку, сказалъ мнѣ:

— Пойдемте!

Мы вышли. Ночь была прекрасная; листья потихоньку трепетали.

Въ то время какъ мы совершенно ошеломленные, пробѣгали по большой Платановой аллеѣ, отдаленной голосъ на рѣкѣ пѣлъ старую нѣмецкую балладу:

Могила глубока и безмолвна
Край ея страшенъ!
Она простираетъ темное покрывало,
Она простираетъ темное покрывало
Надъ страною мертвецовъ.

— Ахъ,—вскричалъ Блитцъ,—еслибъ Гредель Дикъ тамъ не было, мы увидѣли бы другого, великаго чернаго, видѣли

бы, какъ онъ снимаетъ Зафери. Но она за него молилась, бѣдная душа... Она молилась за него. Бѣлое бѣлымъ и останется!

Отдаленный голосъ, все болѣе ослабѣвавшій, снова пропѣлъ, едва слышный сквозь плескъ воды:

Смерть не отзывается эхомъ
На пѣсни соловья.
Розы, разцвѣтающія на могилѣ,
Розы, разцвѣтающія на могилѣ,
Это розы горести.

Страшная сцена, которая только что разыгралась у меня на глазахъ, и этотъ отдаленный грустный голосъ, который все болѣе и болѣе удаляясь, наконецъ, потухъ гдѣ-то въ пространствѣ.— остался во мнѣ какъ туманный образъ безконечнаго, того безконечнаго, которое втягиваетъ насъ въ себя безжалостно и поглощаетъ насъ безвозвратно! Одни надъ этимъ смѣются, какъ инженеръ Ротанъ; другіе трепещутъ, какъ бургомистръ; иные стонутъ жалобнымъ голосомъ, а иные, какъ Теодоръ Блитцъ, наклоняются надъ бездною, чтобъ заглянуть въ нее и разсмотрѣть, что тамъ происходитъ, въ глубинѣ. Но все это сводится къ одному и тому же, и знаменитая надпись на храмѣ Изиды всегда остается вѣрною:

«Я тотъ, кто есть, и никто никогда не проникъ въ тайну, которая меня окружаетъ, и никто никогда въ нее не проникнетъ».

ВСЕСОКРУШАЮЩЕЕ ВРЕМЯ.

Въ день св. Зебальта, часовъ въ семь вечера, я подъѣхалъ къ гостиницѣ «Короны» въ Пирмазенѣ. Весь тотъ день стояла адская жарища; мой бѣдный Шиммель совсѣмъ выбился изъ силъ. Въ то время, какъ я привязывалъ его за поводъ къ кольцу, изъ сѣней вышла очень хорошенькая дѣвушка съ засученными рукавами, въ синемъ передникѣ, закинутомъ на руку, и принялась съ улыбкою разглядывать меня.

— А гдѣ же папаша Блезіусъ?—спросилъ я у нея.

— Папа Блезіусъ!—переспросила она, видимо, ошеломленная моимъ вопросомъ.—Да вы откуда взялись?.. Изъ Америки?.. Вѣдь онъ ужъ десять лѣтъ какъ померъ!

— Померъ?!.. Какъ, онъ померъ, бѣдняга?.. А мадмуазель Шарлотта?

Дѣвушка ничего не отвѣтила, только плечами пожала и повернулась ко мнѣ спиной.

Я призадумался и вошелъ въ большую залу. Казалось мнѣ, что тутъ ничто не измѣнилось. Вотъ тѣ же скамьи, стулья, столы; все на прежнемъ мѣстѣ, все разставлено попрежнему, вдоль стѣнъ. Вотъ бѣлый котъ мадмуазель Шарлотты сидитъ и дремлетъ, поджавши кулачки лапокъ подъ брюшко и зажмурившись. Кружки, бутылки, стаканы, какъ и въ прежнее время, сверкаютъ на полкахъ. Стѣнные часы въ орѣховомъ корпусѣ все также размѣренно тикаютъ. Но едва я усѣлся около огромной чугунной печки, какъ мнѣ послышалось какое-то странное шушуканье, которое меня побудило оборотиться. Вечерніе потемки уже начинали овладѣвать просторною залою, но я все-таки разглядѣлъ за дверью трехъ какихъ-то увѣчныхъ личностей, склонившихся надъ столомъ и игравшихъ въ рамсъ Одинъ изъ нихъ былъ кривой, другой хромой, третій горбатый.

— Вотъ компанія-то!..—подумалъ я. — И какъ они ухитряются въ этой тьмѣ видѣть свои карты? И чего они всѣ такіе унылые?..

Въ эту минуту вошла мадмуазель Шарлотта со свѣчею въ рукѣ.

Бѣдняжка Шарлотта! Она все еще думала, что она молоденькая! На ней былъ все тотъ же тюлевый чепчикъ съ тонкими кружевами, то же шелковое фишю, тѣ же бѣленькіе, надѣтые въ обтяжку чулочки и башмачки на высокихъ каблучкахъ. Она попрежнему подпрыгивала на ходу и граціозно качала бедрами, словно хотѣла сказать:

— Хе, хе!.. Вотъ она, мадмуазель Шарлотта!.. О!.. Взгляните-ка, какія у нея хорошенькія ножки, какія ручки, какіе пухленькіе локоточки!.. Хе, хе!..

Бѣдная Шарлотточка! Сколько юношескихъ воспоминаній пробудила она во мнѣ!

Она поставила свѣчу на столъ игроковъ и сдѣлала мнѣ граціозный реверансъ, распустивъ свою юбочку вѣеромъ, улыбаясь и кланяясь.

— Мадмуазель Шарлотта, да неужели вы меня не узнаете?—вскричалъ я.

Она широко открыла глаза, потомъ съ милою гримаскою отвѣтила мнѣ:

— Это вы, monsieur Теодоръ? О, я узнаю васъ! Милости просимъ!

Она взяла меня за руку и увела въ свою комнатку. Она открыла конторку и начала тамъ рыться въ старыхъ письмахъ, лентахъ, увядшихъ букетовъ, маленькихъ образкахъ... Потомъ, вдругъ, бросила это и вскричала:

— Боже мой! Да вѣдь сегодня день св. Зебальта! Ахъ, m-r Теодоръ, m-r Теодоръ, какъ вы кстати явились!..

Она усѣлась за старенькія клавесины и, какъ бывало въ старину, пропѣла, жеманясь:—«Майская роза, что ты медлишь»...

И вотъ все это вдругъ нахлынуло на меня:—и старая пѣсенка, и хриповатый голосъ Шарлотты, и ея крошечный, окруженный морщинами ротикъ, который она не рѣшалась открыть, и высохшія руки, которыя она метала вправо и влѣво, не соблюдая ритма, качая головою, кидая взгляды на потолокъ, и скрежещущій звонъ струнъ старыхъ клавесинъ и, наконецъ, какой-то ветхій, затхлый запахъ резеды и розовой воды...

О, ужасъ!.. О, разрушеніе!.. Безуміе!.. О, страшная развалина!.. Скрипи, скрежещи, пищи, мяукай, крошись, распадайся на части!.. Пусть все это разсыплется, все пойдетъ къ чорту на рога!.. Какъ?.. Это она, Шарлотта!.. Она!.. Она!.. О, какая скверность все это!..

Я взялъ въ руки зеркальце и взглянулъ на себя. Я былъ очень блѣденъ.

— Шарлотта, Шарлотта!—вскричалъ я.

Она пришла въ себя, стыдливо опустила глазки и прошептала:

— Теодоръ, вы все еще любите меня, попрежнему?

Меня морозъ подралъ по кожѣ, и языкъ у меня прилипъ къ гортани. Я однимъ прыжкомъ ринулся къ двери, но престарѣлая дѣва повисла у меня на плечѣ и вопила:

— О, дорогой мой, сердце мое!.. Не покидайте меня, не предавайте меня горбуну!.. Онъ скоро явится вновь! Онъ каждый годъ возвращается! И сегодня какъ разъ его день!.. Слушай!..

Я насторожился и слышалъ только, какъ стукаетъ мое сердце. Улица была тиха и безмолвна. Я приподнялъ занавѣску окна. Свѣжій запахъ каприфолія наполнилъ комнату. Вдали надъ горою ярко сверкала звѣзда, и я долго глядѣлъ на нее; слезы застилали мнѣ глаза. Обернувшись, я увидалъ лежавшую безъ чувствъ Шарлотту.

— Бѣдная, вѣчно юная старая дѣва! Неужели тебѣ навѣки суждено оставаться ребенкомъ!

Я брызнулъ на нее водою, она очнулась и сказала мнѣ:

— О, простите, простите меня, я съ ума сошла!.. Увидала васъ, и столько воспоминаній...

Она не договорила, закрыла лицо руками и знакомъ попросила меня сѣсть.

Она видимо вошла въ разумъ, но это какъ-то не очень успокоило меня. Но что жъ было дѣлать!..

Она долго молчала, потомъ сказала мнѣ:

— Значитъ васъ не любовь привела сюда, сударь?

— Э, милая барышня! Какая любовь! Любовь!.. Конечно, любовь... потому что я все еще люблю музыку... и цвѣты! Но старыя пѣсни... старыя сонаты... старая, сухая резеда!.. Ну ихъ къ чорту!..

— Увы!.. Значитъ, я присуждена горбатому!

— О какомъ горбатомъ вы все говорите, м-ль Шарлотта? О томъ, который сидитъ тамъ, въ залѣ? Такъ, стоитъ вамъ слово сказать, и мы живо выставимъ его!

Но она печально покачала головою, призадумалась на время и начала мнѣ разсказывать такую исторію:

«Когда-то за меня сватались трое хорошихъ жениховъ: лѣсничій, нотаріусъ и мировой судья изъ Пирмазена. Отецъ говорилъ мнѣ:

— «Шарлотта, выбирай любого. Видишь сама, всѣ три партіи хороши.

«Но я хотѣла переждать. Мнѣ лучше нравилось, чтобъ они всѣ трое ходили къ намъ. Мы пѣли, смѣялись, болтали. Мнѣ завидовалъ весь городъ. О, какъ времена-то перемѣнчивы!

«Однажды вечеромъ всѣ эти господа сидѣли на скамейкѣ у дверей. Была чудесная погода, вотъ какъ сегодня. Лунный свѣтъ заливалъ всю улицу. Наши гости сидѣли и пили мускатное вино, а я сидѣла у клавесинъ, между двумя изящными подсвѣчниками и пѣла: «Майская роза». Часовъ около десяти послышался въ улицѣ топотъ лошади, сопровождавшійся какимъ-то звономъ. Всѣ услыхали этотъ звонъ и всѣ говорили: «Какой странный звукъ!» Но всѣ были выпивши, много въ тотъ вечеръ пѣли, танцовали, всѣ были радостно возбуждены; наши кавалеры начали смѣяться надъ нашими дамскими страхами. И вотъ черезъ нѣкоторое время показался на улицѣ, среди потемокъ, какой-то верховой. На немъ была огромная шляпа съ перьями, зеленый кафтанъ; у него былъ длинный носъ, рыжая борода; въ заключеніе оказалось, что онъ кривой, хромой и горбатый!

«Можете вообразить, г. Теодоръ, какъ всѣ наши кавалеры принялись взапуски издѣваться надъ нимъ, а особенно мои женихи. Каждый ему преподносилъ какую-нибудь злую выходку. Но онъ не отвѣчалъ никому ни слова.

«Подъѣхавъ къ гостиницѣ, онъ остановился, и тутъ мы увидѣли, что это былъ торговецъ нюрембергскими часами. У него было ихъ множество, и большихъ и маленькихъ, и всѣ они были подвѣшены на веревочкѣ, которая была перекинута у него черезъ плечо. Но всего больше меня поразили большіе часы, которые лежали передъ нимъ, на сѣдлѣ; у нихъ былъ фаянсовый кругъ, и этотъ кругъ былъ обращенъ въ нашу сто-

рону; надъ этимъ кругомъ былъ очень изящный, красный пѣтухъ, который поворачивалъ голову и поднималъ лапку.

«И вотъ, вдругъ, въ этихъ часахъ пружинка пошла въ ходъ, стрѣлка завертѣлась съ быстротою молніи, и внутри послышался ужасный звонъ и хляскъ. Продавецъ поочередно переводилъ свои глаза съ лѣсничаго, котораго я предпочитала всѣмъ прочимъ, на нотаріуса, который мнѣ тоже нравился, и на судью, который тоже мнѣ былъ не противенъ. И пока онъ на нихъ глядѣлъ, каждый изъ нихъ охватывался дрожью съ ногъ до головы. Когда онъ покончилъ это оглядываніе, онъ потихоньку засмѣялся и спокойно продолжалъ свой путь посреди наступившаго безмолвія.

«Я какъ сейчасъ вижу его, какъ онъ уѣзжаетъ, поднявъ носъ кверху и понукая коня, который, впрочемъ, отъ этого не прибавлялъ прыти.

«Спустя нѣсколько дней послѣ того лѣсничій сломалъ себѣ ногу; потомъ окривѣлъ нотаріусъ, а мировой судья началъ понемногу какъ-то перегибаться. И никакой лекарь не умѣлъ указать лѣкарства отъ этой немочи. Напрасно онъ надѣвалъ на себя желѣзный корсетъ; его горбъ росъ со дня на день».

Тутъ Шарлотта примолкла и заплакала, а потомъ продолжала:

— Ну, конечно, всѣ мои женихи испугались меня, да и другіе всѣ перестали ходить къ намъ. Изрѣдка только останавливались у насъ проѣзжіе.

— Однако, я видѣлъ у васъ трехъ какихъ-то калѣкъ,—сказалъ я.—Эти, значитъ, не покинули васъ!

— Да,—отвѣчала она,—но потому что имъ некуда было больше дѣваться, и мнѣ пришлось принимать ихъ, хоть и не хотѣлось. Я и сама не знаю, какъ и почему, но только мнѣ хочется хохотать съ кривымъ, пѣть съ горбатымъ, который съ трудомъ дышитъ, и танцовать съ хромымъ. О, какое горе, какое горе!

— Да что жъ это съ вами? Вы помѣшались?—вскричалъ я.

— Тсс!..—прошептала она, и все ея лицо ужасно измѣнилось.—Тсс!.. Вотъ онъ!

У нея глаза была на выкатѣ, и она съ ужасомъ указывала на окно.

Въ эту минуту на дворѣ стало темно, какъ въ печкѣ; но

все-таки позади оконныхъ стеколъ я кос-какъ разглядѣлъ силуэтъ лошади и услыхалъ глухое ржаніе.

— Успокойтесь, Шарлотта, успокойтесь,—сказалъ я ей.— Это просто ушедшая со двора лошадь, которая подобралась къ дереву и ѣстъ листъ.

Но въ ту же минуту окно отворилось, словно отъ порыва вѣтра. Длинная голова, въ громадной, съ острою тульею шляпѣ, съ насмѣшливымъ выраженіемъ просунулась черезъ окно въ комнату и начала тихо смѣяться, и въ то же время въ воздухѣ раздавался стукъ и шипѣніе часовъ, у которыхъ пустили пружину. Глаза этой головы уперлись сначала въ меня, потомъ въ Шарлотту, которая поблѣднѣла, какъ смерть. Потомъ окно вдругъ захлопнулось.

— О, зачѣмъ меня занесло въ эту сторону!—горестно крикнулъ я.

И я хотѣлъ было схватить себя за волосы; но тутъ, впервые въ жизни, замѣтилъ, что я облысѣлъ!

Шарлотта, обезумѣвъ отъ страха, хлопала какъ попало по своимъ клавесинамъ и пронзительнымъ голосомъ вопила: «Майская роза, майская роза»!.. Это было ужасно.

У убѣжалъ въ большую залу. Свѣча потухла и начадила ужасной вони, которая перехватывала дыханіе. Горбатый, кривой и хромой сидѣли на прежнихъ мѣсталъ, только уже не играли. Они сидѣли, облокотившись на столъ, упершись подбородками на ладони и грустно капали слезами въ свои опустѣ[illegible] кружки.

Пять минутъ спустя я сѣлъ на коня и помчался проч[illegible] весь духъ.

«Роза.. майская роза!»—все повторяла Шарлотта.

Увы! Старая телѣга громко скрипитъ, да дальше ѣдет[illegible] И пусть Господь Богъ ведетъ ее!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Два брата 3

Бѣлое и черное 165

Всесокрушающее время 185

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

c Кн. 17. J

БЛОКАДА

LE BLOCUS

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

1

Ужъ если тебя, дружокъ, и въ самомъ дѣлѣ такъ занимаетъ блокада Пфальцбурга въ 1814 году,—сказалъ мнѣ однажды Моисей изъ Еврейской улицы,—такъ я не прочь, пожалуй, и разскажу тебѣ подробно, какъ было дѣло:

Жилъ я, въ ту пору, вонъ тамъ, въ домишкѣ, что на углу Рыночной площади. Лавка, въ которой я торговалъ желѣзомъ, находилась у меня внизу, въ подвальномъ этажѣ; самъ же я помѣщался наверху съ Саррой, женой моей, и съ малюткой Сауломъ. Двое другихъ сыновей моихъ, Исаакъ и Ефраимъ, въ то время уже уѣхали въ Америку, а дочь Ципора жила въ Саверне съ мужемъ своимъ, Варухомъ, кожевникомъ по ремеслу.

Кромѣ торговли желѣзомъ, я еще промышлялъ старой обувью, разнымъ бѣльемъ и носильнымъ платьемъ. Всю эту рухлядь продавали мнѣ, по большей части, рекруты, получившіе казенную экипировку. Бѣлье, обыкновенно, перекупали у меня ходебщики, для бумажныхъ фабрикъ, а остальное сбывалъ я пригороднымъ крестьянамъ.

Торговля моя шла хорошо, прибыльно, потому что рекруты то и дѣло проходили тысячами черезъ нашъ городъ: въ ратушѣ съ нихъ снимали мѣрки, обмундировывали, а потомъ и гнали то въ Майнцъ, то въ Страсбургъ, то тамъ, куда слѣдовало по маршруту.

Наборы тогда бывали здѣсь частые; много народу шло отъ семей. А послѣ русской войны, дружокъ, да усиленнаго набора въ 1813 году, ужъ всѣмъ и очень круто пришло, всѣмъ... всѣмъ...

Ты понимаешь, мой любезный, что я-то не сталъ дожидаться очереди, а заранѣе постарался убрать моихъ старшихъ мальчиковъ отъ солдатчины. Умные-преумные были ребята, скажу я тебѣ, хоть и подростки; въ головкахъ уже было настолько ума-разума, что рѣшились вотъ бѣжать лучше отъ отца-матери, на другой конецъ свѣта, чѣмъ подставлять свои лбы подъ пули...

Иной разъ вечеромъ, сидимъ всѣ мы здѣсь за ужиномъ, вокругъ нашего обрядоваго свѣтильника, а Сарра закроетъ лицо руками и станетъ вздыхать горько-прегорько...

— Бѣдныя дѣточки,—скажетъ бывало,—глядя на нихъ,—бѣдняжечки вы мои. Какъ я подумаю, что скоро вамъ придется стоять подъ ружейными выстрѣлами, подъ штыками, подъ пушечными ядрами... сердце мое все кровью обливается. О, Боже мой... Вотъ горе-то.

Мальчики-то тутъ и поблѣднѣютъ оба, какъ полотно. Право. А я гляжу, да посмѣиваюсь въ душѣ, да и думаю про себя: «умницы... понимаютъ... жить хотятъ... что хорошо, то хорошо».

Да, я, Фрицъ, видишь ли, умеръ бы съ горя, если бы сыновья мои были способны идти охотой въ солдаты... отказался бы отъ нихъ... не призналъ бы своими дѣтьми.

А время-то все идетъ да идетъ, день за днемъ, незамѣтно: дѣтки ростутъ, да развиваются, да хорошѣютъ. Въ пятнадцать лѣтъ Исаакъ уже самъ по себѣ велъ кое-какіе торговые обороты: покупалъ скотъ въ деревняхъ и продавалъ съ барышемъ городскимъ мясникамъ. Ефраимъ тоже не отставалъ отъ брата: никто лучше его, бывало, не умѣлъ спускать съ рукъ всякое тряпье, на Рыбномъ рынкѣ.

У обоихъ уже была торговая сметка...

А правду сказать, шибко-таки хотѣлось мнѣ навсегда сохранить подъ своимъ крыломъ моихъ дѣтокъ. Такъ радостно мнѣ было глядѣть на нихъ, играющихъ съ малюткой Сауломъ... Курчавенькій онъ такой былъ тогда, а глазки какъ у бѣлочки, такъ и бѣгаютъ во всѣ стороны. Видѣть ихъ всѣхъ вмѣстѣ было моей отрадой.

Часто я, молча такъ крѣпко прижималъ ихъ къ груди, что даже они подчасъ пугались и плакали...

Но послѣ 1812 года страхъ меня обуялъ. Я зналъ, что императоръ, возвращаясь всегда въ Парижъ, послѣ похода, требовалъ то 400.000, то 300.000 человѣкъ. На этотъ разъ дума-

лось мнѣ тревожно, возьмутъ, вѣрно и семнадцатилѣтнихъ. Вѣсти шли часъ отъ часу все хуже и хуже... и я рѣшился поговорить съ дѣтьми.

Слушайте, — сказалъ я имъ обоимъ. — Вы уже знакомы, отчасти съ торговымъ дѣломъ... а чего теперь не знаете, тому научитесь и послѣ. Если же мы будемъ ждать, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы попадете въ очередь... ну, и погибнете, какъ другіе.. Возьмутъ васъ, выучатъ заряжать ружья, потомъ отправятъ въ чужую сторонку... и не будетъ про васъ ни слуху, ни духу...

Сарра горько заплакала... заплакали и мы всѣ.

Оправившись, я продолжалъ такими словами: — «Но если вы сейчасъ же, говорю вамъ, отправитесь въ Америку, моремъ, черезъ Гавръ, то будете тамъ здравы и невредимы. Займетесь торговлею, женитесь, размножитесь по совѣту Всевышняго, да оттуда и намъ будете помогать, по заповѣди «Чти отца твоего и матерь твою». Благославляю я васъ, какъ благословилъ Исаакъ своего Іакова—и будете вы долголѣтни. Выбирайте»

Оба, не задумавшись, выбрали Америку, да. И я самъ проводилъ ихъ до Сарбурга. Каждый изъ нихъ уже успѣлъ накопить по двадцать луидоровъ, и мнѣ осталось только дать имъ, на дорожку, свое родительское благословеніе...

И все, что я ни говорилъ имъ, все это въ точности исполнилось: оба по сю пору и живы, и здоровы, и дѣтей имѣютъ... И, когда я въ чемъ-нибудь нуждаюсь, охотно помогаютъ мнѣ, дружокъ, безъ задержки.

Итакъ, Исаакъ и Ефраимъ уѣхали въ Америку. При мнѣ остался одинъ Саулъ, мой послѣдній, мой Веньяминъ, котораго я любилъ чуть ли не больше всѣхъ остальныхъ. Дочь, по прежнему, жила съ Варухомъ въ Саверпѣ...

Она была старшая изъ дѣтей моихъ, и уже подарила мнѣ одного внука, нарѣченнаго мною, по обычаю нашему, Давидомъ, въ честь покойнаго дѣда моего зятя. Я съ нетерпѣніемъ поджидалъ рожденія другаго, который долженъ получить имя Ездры, въ честь собственнаго моего родителя.

Вотъ, Фрицъ, что происходило передъ блокадой Пфальцбурга въ 1814 году. До тѣхъ поръ все шло отлично, но тутъ все сразу перемѣнилось, и уже втеченіе полутора мѣсяца и городъ, и вся сторона наша переживало тяжелое, трудное время:

появился тифъ; тысячи раненыхъ наполняли дома; землѣ-кормилицѣ не доставало рабочихъ рукъ, вовсе ихъ уже не было; хлѣбъ, мясо, напитки вздорожали неимовѣрно. Эльзасцы и лотарингцы уже не приходили на рынокъ. Товаръ не продавался, а когда онъ не продается, то ничего и не стоитъ. Нищета поселилась среди былого изобилія. Голодъ грозилъ отовсюду...

И вотъ, въ самые эти несчастные дни, Всевышній послалъ мнѣ опять утѣшеніе. Въ началѣ ноября прошелъ слухъ, что моя Ципора родила мнѣ еще молодца-внука. И до того сильно обрадовался я, что, не медля, отправился въ Саверне.

Надо тебѣ сказать, любезный Фрицъ, что меня обрадовало, главнымъ образомъ, не рожденіе внука, но то, что, если онъ останется живъ, Варуху уже не придется никакъ попасть въ наборъ. Да, Варухъ не могъ пожаловаться на свою судьбу. Въ то время, какъ сенатъ издалъ законъ, по которому всѣ неженатые должны были идти на войну, Варухъ только-что женился на моей дочери. Когда же, впослѣдствіи, сенатомъ было постановлено, что набору подлежатъ всѣ бездѣтные, у Варуха уже былъ сынъ. Наконецъ теперь, когда разнесся тревожный говоръ о томъ, что рекрутчину распространяютъ и на тѣхъ, у кого только одинъ сынъ, у моего Варуха сейчасъ же оказалась на-лицо цѣлая пара.

Да, въ это время большое количество дѣтей было истиннымъ счастьемъ: они спасли отцовъ отъ смерти...

Вотъ почему я сейчасъ же взялъ свою сучковатую палку и отправился къ зятю, чтобы самолично освидѣтельствовать новаго внука и узнать годенъ ли онъ. И сколько Господу будетъ угодно продлить мою жизнь, никогда не забуду я этого дня, Фрицъ, ни того, что я встрѣтилъ тогда на пути.

Множество повозокъ, наполненныхъ ранеными и больными, стояло длинной, безконечной вереницей, по всей дорогѣ, отъ Катрвана до Саверна. Крестьяне изъ Эльзаса, которыхъ было приказано отвести до мѣста этихъ бѣдняковъ, отпрягли своихъ лошадей ночью, и уѣхали домой, покинувъ на произволъ судьбы и повозки, и людей, находившихся въ нихъ. И морозъ покончилъ то, что пощадила война: никто уже не двигался— всѣ умерли. Это не дорога была, а огромное страшное кладбище. Миріады вороновъ, словно тучи, покрывали небо; судорожное хлопанье ихъ крыльевъ и зловѣщее карканье сливались въ одинъ тяжелый, безпрерывный гулъ. Казалось даже не-

понятнымъ, откуда ихъ взялось столько. Они облѣпляли повозки, но чуть кто-нибудь подходилъ близко, всѣ шумно поднимались и улетали то къ лѣсу, а то къ развалинамъ сосѣдняго монастыря.

Я ускорилъ, какъ могъ, шаги свои: чувство самоохраненія говорило мнѣ, что я долженъ бѣжать, что тифъ гонится за мной, гонится по пятамъ...

Когда я пришелъ въ Саверпъ, весь городъ былъ безпорядочно нагруженъ войсками всякаго рода: артиллеріей, пѣхотой, кавалеріей.

Проходя по главной улицѣ, я замѣтилъ, что окна одного изъ трактировъ были открыты: сквозь нихъ виднѣлся длинный столъ, покрытый бѣлой скатертью. Въ это время мимо проѣзжалъ отрядъ почетныхъ гвардейцевъ; это были все молодые люди изъ знатныхъ родовъ. Денегъ у нихъ было, конечно, вдоволь, несмотря на прорванные и потрепанные мундиры. Едва они замѣтили накрытый столъ, какъ спрыгнули быстро съ лошадей, и бросились въ обѣденную залу. Трактирщикъ Гансъ взялъ съ нихъ впередъ по пяти франковъ съ головы. Но только что они успѣли усѣсться, какъ вбѣжали слуги, крича во все горло: «пруссаки... пруссаки...» Не проглотивъ куска, тотчасъ же, безъ оглядки, кинулись они къ своимъ лошадямъ, и ускакали. Гансъ до двадцати разъ, говорятъ, продавалъ такимъ маперомъ одинъ и тотъ же обѣдъ. Вотъ уже стоило бы на висѣлицу такихъ негодяевъ, частенько-таки я думалъ потомъ. Это не коммерція, а чистый грабежъ. Очень это возмутило меня, очень.

Чѣмъ дальше я шелъ, Фрицъ, тѣмъ прискорбнѣе становилось на сердцѣ. Искаженныя лица страдальцевъ, валявшихся на камняхъ мостовой, ихъ стоны, вопли... слезы тѣхъ изъ нихъ, которые силились идти и не могли, отъ упадка силъ, двинуться съ мѣста...

Нѣтъ лучше и не говоритъ, да всего-то я и не припомню.

Видѣлъ я тамъ молоденькаго гвардейца... ребенка лѣтъ 17 или 18, не больше... онъ лежалъ ничкомъ на старомъ мосту, что около кожевенныхъ заводовъ... приникнувъ лицомъ къ голымъ плитамъ... и вотъ до сихъ поръ не выходитъ изъ моей памяти. Время отъ времени онъ приподнимался въ безпамятствѣ и все показывалъ кому-то свою руку, черную-черную, какъ сажа... Въ спинѣ у него сидѣла пуля, а рука была перебита.

Бѣдняжка, вѣроятно, выпалъ изъ повозки, переѣзжая черезъ рѣку. И никто не осмѣливался помочь ему, никто. Всѣ бѣжали отъ него, говоря, онъ зараженъ, онъ въ тифѣ.

Охъ, страшно. И вспомнить-то страшно, Фрицъ, да.

Теперь, дружокъ, я разскажу тебѣ лучше о томъ, какъ я видѣлъ въ этотъ день маршала Виктора.

Я изъ Пфальцбурга вышелъ, изволишь видѣть, поздно, и въ Саверне-то уже темненько было, когда я, проходя по площади, мимо гостиницы «Солнца», увидѣлъ, что она ярко освѣщена вся съ низу до верху. Двое часовыхъ прохаживались передъ воротами. Офицеры, въ полной парадной формѣ, то входили, то выходили, звеня саблями. Вдоль стѣнъ были привязаны лошади ординарцевъ, одна лучше другой, а на дорогѣ стояла коляска, фонари которой блестѣли въ темнотѣ, какъ двѣ звѣзды.

Караульные разгоняли толпу, собравшуюся на улицѣ, не давая никому прохода, а я-то именно долженъ былъ пройти мимо, во что бы то ни стало, потому что Варухъ жилъ нѣсколько подальше.

Я пробирался тихонько сквозь толпу, но одинъ изъ караульныхъ, замѣтивъ меня, уже кричалъ неистово мнѣ:

— Эй ты, назадъ, назадъ!

Какъ вдругъ, изъ-подъ воротъ гостинницы, показался какой-то гусарскій офицеръ... маленькій, коренастый, съ большими рыжими бакенбардами... Увидалъ меня и подбѣжалъ прямо ко мнѣ съ крикомъ:

— Ты ли это, Моисей? Ты? Очень радъ тебя видѣть!

И протянулъ мнѣ руку.

Конечно, я вытаращилъ глаза. Офицеръ, протягивающій руку нашему брату, простому человѣку... вѣдь это... самъ посуди... кого угодно озадачитъ. Удивленный донельзя, смотрю я на него въ оба и узнаю, наконецъ...

Ротмистръ Циммеръ!..

Правда, тридцать пять лѣтъ тому назадъ мы учились съ нимъ въ одной школѣ, вмѣстѣ, бывало, и бѣгали, и играли, и проказили всячески, да послѣ того Циммеръ, хотя и часто бывалъ въ Пфальцбургѣ, а ни разу ни единаго не вспомянулъ своего стараго товарища.

— Ну,—сказалъ онъ, смѣясь и, взявъ меня подъ руку,— ступай сюда, я сейчасъ представлю тебя маршалу.

И я, не знаю самъ какъ, очутился вдругъ за воротами, на парадной лѣстницѣ, а потомъ въ большой залѣ, гдѣ помѣщался нашъ генеральный штабъ. Посерединѣ стояли два длинныхъ стола, заставленные свѣчами, кушаньями и бутылками

Множество генераловъ, полковниковъ, конноегерскихъ, драгунскихъ и гусарскихъ офицеровъ, въ каскахъ, киверахъ, въ шляпахъ съ плюмажемъ, гремя шпорами, расхаживали по залѣ съ озабоченнымъ видомъ, взадъ и впередъ въ ожиданіи ужина...

Циммеръ протащилъ меня по залѣ мимо ихъ всѣхъ.

Черезъ одинъ покой, мы остановились съ нимъ у какой-то маленькой двери, а потомъ вошли въ очень высокій кабинетъ съ большими окнами, выходящими въ садъ.

Тутъ-то и былъ самъ маршалъ.

Онъ стоялъ къ намъ спиной, у догоравшаго камина, и диктовалъ приказы двумъ своимъ адъютантамъ.

Вотъ все, что я могъ замѣтить, находясь внѣ себя отъ страха и смущенія...

Когда мы вошли, маршалъ живо къ намъ повернулся. Лицо у него было привѣтливое, доброе, въ родѣ лицъ лотарингскихъ крестьянъ: онъ былъ высокаго роста, широко сложенъ и уже сѣдъ. На видъ казалось ему лѣтъ подъ пятьдесятъ... человѣкъ, что называется, еще въ соку былъ...

— Маршалъ, вотъ пріискалъ... готово,—сказалъ ему Циммеръ, указывая на меня.—Одинъ изъ моихъ старыхъ школьныхъ товарищей, Самуилъ-Моисей... Здѣшній старожилъ... какъ свои пять пальцевъ знаетъ всѣ деревни Эльзаса и Лотарингіи...

Маршалъ стоялъ шагахъ въ четырехъ отъ меня. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, что говорить, и въ смущеніи только мялъ руками свою шляпу.

Окинувъ меня быстрымъ взглядомъ, маршалъ взялъ бумагу, которую ему подалъ одинъ изъ писавшихъ офицеровъ, прочелъ ее, подписалъ, а потомъ снова повернулся къ намъ.

— Ну, мой милый,—сказалъ онъ,—что у васъ тамъ говорятъ о послѣдней войнѣ? Что думаютъ въ вашихъ деревняхъ? А?..

Слова «мой милый» и тонъ маршала нѣсколько меня обод-

рили и я отвѣчалъ ему, что въ нашихъ мѣстахъ народъ сильно страдаетъ отъ тифа, что много умираетъ, но что мы не теряемъ довѣрія ни къ императору, ни къ арміи...

Онъ перебилъ меня сурово:

— Да... А станете ли вы защищаться?

Эльзасцы и лотарингцы, всѣ до единаго, умрутъ, защищаясь, потому что, говорю, любятъ императора и всѣ готовы жертвовать для него.

Сказалъ я это, признаюсь, по осторожности и не безъ хитрости... Но маршалъ и по лицу моему самъ догадался, что я далеко не изъ охотниковъ до драки, добродушно усмѣхнулся, немного помолчалъ, а потомъ сказалъ Циммеру:

— Съ меня довольно, ротмистръ. Благодарю..

Адъютанты продолжали писать. Циммеръ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, и мы вышли.

— Добраго пути, Моисей, добраго пути,—сказалъ онъ мнѣ, вслѣдъ по лѣстницѣ, и возвратился въ залу.

Благополучно миновавъ караульныхъ, я поспѣшилъ идти своей дорогой, еще не оправившись толкомъ отъ волненія, и вскорѣ былъ уже у дверей Варуха: онъ жилъ въ переулкѣ, около бывшихъ кардинальскихъ конюшенъ.

Я стукнулъ нѣсколько разъ кольцомъ.

Вокругъ меня стояла такая темная ночь, что ни зги не было видно...

Сердце мое, за нѣсколько минутъ трепетавшее еще отъ безпокойства и неожиданности встрѣчи, мгновенно притихло и успокоилось. Вблизи отъ дорогихъ, близкихъ мнѣ людей, припомнивъ быстро все то, чего я такъ неожиданно и такъ недавно былъ свидѣтелемъ, какою жалкою и ничтожною показалась мнѣ вся эта сила, вся эта слава, творящія въ мірѣ столько зла...

Скоро я услыхалъ, что мой зять уже въ коридорѣ и отмыкаетъ дверь. Варухъ и Ципора, дочь моя, уже давно перестали ждать меня, по времени.

— Это вы, батюшка?—спросилъ Варухъ, извнутри.

— Я, сынъ мой, я. Немножко поздно. Да меня задержали.

— Милости просимъ. Пожалуйте,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Мы вошли сначала въ коридоръ,—а оттуда—въ ту комнату, гдѣ лежала Ципора, любезная дочка моя, блѣдная, усталая... и счастливая. Она по голосу уже узнала меня и издали улыбалась мнѣ. Горячо цѣлуя ее, я не могъ вымолвить ни слова отъ

радости. Глаза мои искали новорожденнаго. Ципора держала его на рукахъ, подъ одѣяломъ.

— Вотъ онъ,—промолвила она и показала мнѣ его, обвернутаго свивальникомъ. Впервые увидавъ новорожденнаго, моего внука, полненькаго, здороваго мальчугана, съ маленькими крѣпко сжатыми въ кулачекъ ручками, я не выдержалъ и закричалъ въ восторгѣ:

— Варухъ, этотъ будетъ Ездра... въ честь отца моего. Да будетъ онъ благословенъ въ семъ мірѣ на благоденственное и долгое житіе.

Я пожелалъ видѣть его безъ пеленокъ, совсѣмъ голаго, и тотчасъ же началъ раздѣвать: въ комнатѣ было тепло...

Дрожа отъ волненія я снималъ свивальникъ съ ребенка.

Дочь помогала мнѣ...

— Не торопись, отецъ, не торопись,—говорила она мнѣ.

Зять стоялъ нѣсколько поодаль насъ, позади, и смотрѣлъ на меня и на Ципору.

На глазахъ у всѣхъ были слезы.

Ну, вотъ, наконецъ раздѣтъ...

Я поднялъ его высоко надъ головой своей, любуясь его круглыми бедрами, его упругими ножками, его широкой грудкою и всѣмъ его нѣжнымъ, полнымъ, еще красноватымъ тѣльцемъ...

Мнѣ хотѣлось плясать, какъ нѣкогда плясалъ царь Давидъ передъ ковчегомъ завѣта...

Мнѣ хотѣлось пѣснословить:

«Хвалите Всевышняго. Хвалите его слуги его. Хвалите имя Его. Да будетъ благословенно оно отнынѣ и до вѣка. Кто равенъ Ему, Богу нашему, изъ праха творящему жизнь, дающему семью безплодной женѣ, содѣлывая ее счастливой матерью многихъ дѣтей. Хвалите Всевышняго».

Да, мнѣ хотѣлось пѣснословить, но у меня отъ избытка чувства не хватало силы. Я могъ проговорить только:—«Прекрасный мальчикъ, надежный!.. Славно сложенъ и проживетъ долго. Онъ будетъ благословеніемъ нашего рода и счастіемъ нашихъ ветхихъ лѣтъ».

И я благословилъ ихъ всѣхъ.

Отдавъ ребенка матери, я пошелъ обнять старшаго внука, который сладко спалъ въ своей люлькѣ.

Потомъ мы долго просидѣли вмѣстѣ, не говоря ни слова,

а только радостно глядя другъ на друга. Тамъ, за стѣной— скакали лошади, кричали солдаты, гремѣли кареты. А здѣсь все было такъ трезво, такъ тихо, мать кормила грудью свое дитя...

Да, Фрицъ, вотъ я уже очень старъ, а между тѣмъ это далекое прошлое, какъ живое стоитъ передо мной, и сердце мое все такъ же бьется, вспоминая его, какъ билось и въ ту пору. Умиленно благодарю Бога за его великія милости, благодарю, да, и молюсь Ему. Онъ преисполнилъ меня годами, дозволилъ мнѣ узрѣть мое третье поколѣніе... но я все еще не пресытился жизнью, нѣтъ: хотѣлъ бы жить еще, еще, чтобы видѣть четвертое, и пятое. Да будетъ Его святая воля.

Идя къ Варуху, я намѣревался разсказать и ему и дочери моей, что случилось со мной въ гостиницѣ «Солнца», но, подлѣ нихъ, забылъ объ этомъ: все было такъ ничтожно въ сравненіи съ моей радостью.

Когда мы, я и зять, вышли изъ спальни моей дочери, чтобы дать ей успокоиться и отдохнуть, я за стаканомъ вина, разсказалъ Варуху свои городскія похожденія. Онъ очень удивился, конечно.

— Слушай, сынъ мой,—сказалъ я ему.—Этотъ маршалъ спрашивалъ меня, давеча: станемъ ли мы защищаться. Изъ этого вопроса явствуетъ для меня, что союзники идутъ по слѣдамъ за нашей арміей, что они превосходятъ ее силами, что уже нѣтъ возможности препятствовать ихъ вторженію во Францію. И вотъ, среди нашего семейнаго счастья, мы должны уже готовиться къ бѣдствіямъ, намъ предстоящимъ... и бѣдствіямъ, быть можетъ не малымъ. Подходитъ расплата съ тѣми, которымъ мы, въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ причиняли столько зла. Да, это такъ, вѣрно. Дай-то Богъ, чтобы я ошибся.

Недолго побесѣдовавъ, мы легли спать. Былъ уже одиннадцатый часъ ночи, а уличный шумъ все еще продолжался...

На слѣдующее утро, позавтракавъ пораньше, я сталъ собираться домой, въ Пфальцбургъ. Дочь и зять просили было меня погостить у нихъ еще день, но я сказалъ имъ:

— А мать... вы про нее забыли? Она вѣдь безпокоится обо мнѣ... ждетъ не дождется, ужъ, чай, поминутно глядитъ въ окошко. Нѣтъ, мнѣ пора. Мы, теперь, слава Богу, спокойны, а потому должны позаботиться и объ ней.

Ципора тутъ не стала меня удерживать долѣе и наполнила скорѣй мои карманы гостинцами для братишки. Обнявъ еще разъ всѣхъ ихъ, и маленькихъ и большихъ, я пустился въ обратный путь. Варухъ провожалъ меня до того мѣста, гдѣ расходится дорога въ Шлиттенбахъ и Лютцельбургъ.

Все войско уже ушло: оставались въ городѣ раненые да больные. Вдали, на вершинѣ косогора, все еще виднѣлась вереница покинутыхъ повозокъ съ мертвецами. Толпы поденщиковъ рыли для нихъ могилы.

Мысль, что я долженъ буду опять пройти тамъ, невольно заставила меня содрогнуться. На перекресткѣ я простился съ Варухомъ, обѣщавъ ему придти вмѣстѣ съ бабушкой для обрѣзанія внучка, а потомъ отправился низомъ до Цорны, черезъ лѣсъ, мягко усыпанный облетѣвшими листьями. Втеченіе моего двухчасового пути, я ни на минуту не переставалъ думать о томъ, что было со мной въ Саверне, въ гостиницѣ «Солнце», о Циммерѣ, о маршалѣ, о его высокомъ станѣ, широкихъ плечахъ, сѣдой головѣ и расшитомъ золотомъ мундирѣ. То представлялась мнѣ та уютная комнатка, въ которой я провелъ вечеръ... то молодая мать съ ребенкомъ на рукахъ... то, наконецъ, приходили на умъ ужасы войны, которая близко угрожала намъ, и толпы враговъ, идущія на насъ отовсюду.

По временамъ я останавливался среди широкихъ долинъ, покрытыхъ еловыми, дубовыми и буковыми деревьями, и мнѣ грустно думалось:

— Какъ знать. Быть можетъ, скоро пойдутъ здѣсь пруссаки, австрійцы и русскіе..

А тамъ немного погодя эта печальная мысль смѣнилась другою радостною, отрадною...

— Мальчики твои, Моисей,—разсуждалъ я самъ съ собой,—уже въ Америкѣ, далеко отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Съ тюками на плечахъ ходятъ они теперь изъ деревни въ деревню: бояться тебѣ за нихъ нечего. Да и дочь твоя, и она можетъ спать спокойно: У Варуха—двое славныхъ дѣтей, а до конца войны-то, пожалуй, и еще будетъ. Станетъ зятекъ продавать свой товаръ на ранцы, да на башмаки тѣмъ, которые пойдутъ воевать, а самъ не пойдетъ, останется дома...

Радостно посмѣиваясь, думалъ я также о томъ, что и меня-то, по старости, нельзя уже въ рекруты поставить, что у меня

такая сѣдая борода... и что вербовщики не тронутъ, стало быть, ни одного изъ насъ. Да, весело было мнѣ сознаваться самому себѣ, что во всѣхъ дѣлахъ моихъ я велъ себя толково, разумно, и что Всевышній, такъ сказать, очистилъ по благости своей, отъ терній земной путь мой...

Да, дружокъ, каждому, небось, пріятно видѣть, что кровныя дѣлишки-то идутъ ладно.

Занятый такими мыслями я и не замѣтилъ, какъ добрался до Лютцельбурга, право. Тамъ я зашелъ къ Брестелю въ гостинницу «Аистъ», выпить чашку чернаго кофе...

Въ «Аистѣ» нашелъ я Бернарда, мыльнаго торговца—ты уже не засталъ его кажется... низенькій такой... совсѣмъ лысый съ болячками на головѣ... а съ нимъ Допадье, лѣсного сторожа изъ Гарбурга.

Поставивъ къ стѣнѣ, одинъ свою корзинку, а другой — ружье, оба они сидѣли за столомъ и потягивали винцо.

Брестель къ нимъ же присоединился.

— Ба, ба, никакъ Моисей!—закричалъ Бернардъ, увидѣвъ меня.—Откуда, братецъ, это чортъ тебя несетъ такъ рано.

Въ то время христіане всѣмъ евреямъ «ты» говорили, не исключая и стариковъ.

Я отвѣчалъ ему, что пришелъ полемъ изъ Саверна, отъ дочери...

— А, значитъ ты видѣлъ, на горѣ-то покойниковъ—перебилъ лѣсничій.—Ну, что же ты намъ скажешь объ этомъ, Моисей?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ я ему печально,—видѣлъ вчера, вечеромъ... ахъ, ужасно.

— Теперь всѣ наши тамъ: видишь, тетка Гредель нашла нечаянно въ одной изъ повозокъ своего племянника, Іосифа Берту... хромого часовщика... ну, помнишь, работалъ еще въ прошломъ году, у дяди Гульдена... такъ вотъ за ней всѣ изъ Дагсберга и изъ Гарбурга туда же полѣзли: думаютъ, въ повозкахъ-то нѣтъ ли кого изъ ихнихъ...

И лѣсничій повелъ плечами съ видомъ сожалѣнія.

— Что говорить, бѣдовыя времена подошли,—сказалъ Брестель,—да такъ того и ждать надлежало. Вотъ уже два года, почитай, торговлю хоть кинь. У меня вонъ тамъ, на дворѣ свалено дубовыхъ досокъ на три тысячи ливровъ. Въ другое

время, такой товаръ не залежался бы долѣе двухъ мѣсяцевъ... а въ теперешнее—гніетъ на мѣстѣ, никуда не требуется ни на Сарру, ни въ Эльзасъ... никто ничего не спрашиваетъ... никто ничего не покупаетъ. Гостиница моя—въ такомъ же положеніи. Ни у кого нѣтъ ни гроша: всѣ сидятъ дома, ѣдятъ картофель, да тянутъ воду... Вино и пиво киснутъ, плѣсневѣютъ на погребѣ, въ ожиданіи посѣтителей... а ты вотъ между тѣмъ плати... надо платить... а не то, того и гляди, какъ разъ все съ молотка пойдетъ...

— Эхъ!—вскричалъ Бернардъ.—Всѣ то поютъ ту же пѣсню. А императору что? Какое ему дѣло до того: продается или нѣтъ какой-нибудь тамъ тесъ или мыло. Ему платили бы только подати, да исправно бы ставили рекрутовъ...

Донадье замѣтивъ, что товарищъ хлебнулъ немного черезъ край, поднялся тотчасъ же съ мѣста, перекинулъ черезъ плечо свое ружье и вышелъ, сказавъ на прощанье:

— До свиданья, господа. Некогда мнѣ. Потолкуемъ въ другой разъ...

Нѣсколько минутъ спустя, я заплатилъ за кофе и послѣдовалъ его примѣру.

Соображенія, только что высказанныя Брестелемъ и Бернардомъ, и схожія до нельзя съ моими собственными, заставили меня крѣпко призадуматься. Да. Торговля желѣзомъ и старымъ платьемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не могла уже мнѣ быть такъ выгодна, какъ была прежде...

Идя тихохонько въ гору, я такъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Надо найти какой-нибудь, исходъ, Моисей, непремѣнно надо. Теперь все стало, а послѣдній грошъ ни за что, ни про что добивать не слѣдуетъ. Подумай толкомъ, размысли хорошенько, да подыщи такое занятіе, которое подходило бы побольше ко времени... однимъ словомъ, такое, чтобы на него постоянно запросъ былъ. А гдѣ оно, гдѣ? Всякій товаръ хорошъ только на извѣстный срокъ... а тамъ—и не съ мѣста, и конецъ ему, коли такой срокъ вышелъ...

Размышляя обо всемъ этомъ, я незамѣтно прошелъ бараки, Буа-де-Шенъ, и уже достигъ до той возвышенности, откуда открывался видъ на бастіоны и стѣны Пфальцбурга, какъ неожиданно раздавшійся оттуда пушечный выстрѣлъ далъ мнѣ знать, что маршалъ выступилъ уже изъ крѣпости. Въ то же время, я

увидалъ, налѣво, вдали, по направленію къ Миттельброну, подобно молніямъ сверкавшія, между тополями большой дороги, сабельныя полосы скакавшихъ тамъ кавалеристовъ. Деревья были безъ листьевъ, а потому мнѣ даже ясно виднѣлась, среди султановъ и мохнатыхъ шапокъ, во весь опоръ несущаяся коляска маршала.

Пушечные выстрѣлы раздавались каждую секунду. Далекое эхо повторяло ихъ съ перекатами. А я, вспоминая, что наканунѣ еще и видѣлъ маршала и говорилъ съ нимъ, не вѣрилъ самъ себѣ. Точно все это во снѣ было со мной, а не на яву...

Наконецъ, часамъ къ десяти, я перешелъ крѣпостной мостъ и ворота. Послѣдній выстрѣлъ только что прогремѣлъ на ближайшемъ бастіонѣ. Мужчины, женщины и дѣти гурьбой спускались съ вала, громко крича, смѣясь и радуясь пальбѣ. Всѣ они ничего не знали, не подозрѣвали, ни о чемъ не догадывались. Крики «Vive l'empereur!» раздавались на всѣхъ улицахъ...

Я протолкался кое какъ сквозь толпу, довольный тѣмъ, что все-таки иду къ женѣ съ доброй вѣстью, и направился переулками къ своему дому.

— Славное дитя, — шепталъ я самъ себѣ, — здоровое дитя, да...

Повернувъ на рынокъ, я увидѣлъ Сарру, она стояла на порогѣ и ждала меня. Тогда я поднялъ высоко палку и сталъ весело, во всѣ стороны махать ею, желая дать тѣмъ понять женѣ, что зять спасенъ и что мы можемъ быть спокойны на счетъ нашей дочери.

Она сразу поняла меня и тотчасъ вошла въ домъ. На лѣстницѣ мы встрѣтились и сладко поцѣловались.

— Вотъ такъ дитя,—сказалъ я ей, — кровь съ молокомъ. Пипора здорова. Варухъ поручилъ мнѣ обнять тебя за него. Гдѣ же Саулъ?

— На рынкѣ... торгуетъ.

— Доброе дѣло.

Мы вошли прямо въ нашу комнату Я усѣлся и началъ расхваливать внука. Сарра съ восторгомъ слушала, глядя въ упоръ на меня своими большими, какъ вишни, черными глазами и непрестанно вытирала платкомъ мой лобъ, порядкомъ таки взмокшій отъ скорой ходьбы.

Сауликъ скоро вернулся. Не успѣлъ я обернуться на стукъ двери, какъ онъ уже сидѣлъ у меня на колѣняхъ, глубоко запустивъ рученки въ мои карманы. Плутишка зналъ, что сестра его уже не минуетъ прислать ему какого-нибудь лакомства. Сарра также полакомилась яблочкомъ...

Да, Фрицъ, да... вотъ какъ подумаю я о томъ времени, такъ столько разомъ вспомянется, что скоро и не перескажешь всего-то...

На другой день, въ пятницу, наканунѣ шабаша, въ ожиданіи прихода нашей «шабашъ-гойи» *) сидѣли мы вдвоемъ въ сумерки, съ женой, и я ей уже въ пятый, не то въ шестой разъ передавалъ мельчайшія подробности встрѣчи моей съ Циммеромъ и разговоры мои съ графомъ Беллунскимъ **). Вотъ именно тутъ, и она мнѣ, какъ сейчасъ помню, разсказывала, какъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи своего штаба, маршалъ осматривалъ наканунѣ передовыя позиціи, укрѣпленія, башни, бастіоны, гласисъ, и какъ онъ, слѣзая съ лошади, въ Училищной улицѣ, сказалъ окружающимъ его, что крѣпость можетъ держаться восемнадцать дней и что нужно скорѣе вооружать стѣны...

Я, тотчасъ, тутъ, опять вспомнилъ, какъ онъ спрашивалъ меня: «станемъ ли мы защищаться».

— Значитъ, онъ увѣренъ,—сказалъ я Саррѣ,—что къ намъ придетъ непріятель. Ужъ если онъ велитъ ставить по стѣнамъ пушки, такъ выходитъ, навѣрное знаетъ, что пушки эти нужны намъ будутъ для обороны. Такія приготовленія, разумѣется, не дѣлаются даромъ, безъ цѣли. Но что же съ нами станется, когда нельзя будетъ торговать. Окрестнымъ крестьянамъ, понятно, закрыты будутъ сюда всѣ ходы. Намъ-то, милая моя, что дѣлать тогда, а?

Тутъ Сарра доказала мнѣ, что у нея въ головѣ разума было довольно...

— Давно уже, мой другъ,—сказала мнѣ она,—обо всемъ

---

*) Женщина, не еврейскаго исповѣданія, занимающаяся, по субботамъ, хозяйствомъ евреевъ, которымъ въ этотъ день, по закону Моисееву, всякія занятія строго воспрещены.

**) Маршалъ Викторъ, какъ извѣстно, имѣлъ титулъ герцога Беллунскаго.

этомъ я думала... я думала, признаться, не мало. Желѣзо и старую обувь, дѣйствительно, у насъ кромѣ крестьянъ покупать некому. А потому то тебѣ и слѣдовало предпринять такое дѣло, которое бы прямо подходило къ городскимъ потребностямъ, открыть торговлю такого рода, чтобы и рабочій людъ, и обыватели, и солдаты принуждены были брать у насъ именно то, что имъ всегда нужно. Вотъ, что тебѣ слѣдовало бы, Моисей, да... да...

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Саулъ облокотясь локтями на столъ слушалъ также внимательно, позабывъ даже о сестриныхъ яблокахъ...

— Прекрасно, Сарра,—отвѣчалъ я,—прекрасно... но какой же это товаръ, по твоему, для всѣхъ необходимый? Можешь ли ты указать мнѣ его? Найди-ко мнѣ сама такую торговлю, ну?

— А вотъ ты слушай. Если крѣпостныя ворота заперты, то подвозъ изъ деревень яицъ, масла, рыбы и всего тамъ съѣстного долженъ тогда прекратиться. Поневолѣ придется питаться только сушеными овощами, мукой, да солониной. Припасы всѣ, въ скорости, шибко вздорожаютъ, а тѣ, которые ими заранѣе позапасутся, будутъ потомъ перепродавать ихъ по выгодной цѣнѣ... и непремѣнно уже получатъ отмѣнные барыши. Такъ ли я говорю?

— Сарра, Сарра,—вырвалось невольно у меня изъ груди,—тридцать лѣтъ, благодаря тебѣ, я счастливѣйшій изъ людей... а только теперь... да, впервые только теперь познаю я тебя вполнѣ и оцѣняю достойно.

Чѣмъ больше я обдумывалъ мысль, мнѣ поданную женою, тѣмъ основательнѣе, практичнѣе, дѣльнѣе мнѣ она казалась...

Наконецъ, обсудивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, вотъ что я сказалъ Саррѣ:

— Мука и солонина... ну, и вообще все то, что долго сохраняется... безъ сомнѣнія уже давно заготовлено въ большомъ количествѣ въ запасныхъ магазинахъ. Само начальство должно было принять заблаговременно всѣ необходимыя мѣры для продовольствія войска и жителей. Жизненныхъ припасовъ хватитъ на осаду. Но вотъ чего можетъ не хватить, вотъ чего—водки. Да. Она необходима людямъ въ военное время, потому что подкрѣпляетъ и возбуждаетъ ихъ: ею-то мы и торговать станемъ. Сарра, вотъ ею, ею. Теперь, когда исподтишка закупимъ ее за-

насемся вдоволь, а потомъ, нигдѣ кромѣ насъ, пожалуй, ея не будетъ.

— Что дѣло, то дѣло, Моисей,—отвѣчала она,—воля твоя, умнѣе-то и выдумать нельзя... Вполнѣ съ тобой согласна, вполнѣ.

— Да. Рѣшено,—продолжалъ я,—такъ тому и быть. Сейчасъ же напишу, чтобы намъ прислали съ заводовъ спирту, а разбавлять то его мы сумѣемъ и сами. Провозъ спирта-то намъ обойдется даже гораздо дешевле, а воду-то вѣдь намъ не покупать, вѣдь ее вездѣ довольно...

— Отлично,—сказала она,—отлично!

Такъ мы и порѣшили.

— Ты объ этомъ никому ни гу-гу, смотри...—замѣтилъ я Саррѣ и строго Саулу.

— Не безпокойся, Моисей,—отвѣчала мнѣ за него жена.— Сауликъ самъ смекаетъ, что отъ такого дѣла, если оно втайнѣ будетъ ведено, зависитъ все наше будущее благосостояніе.

И представь, долгое время потомъ, мальчуганъ мой все не могъ забыть, что я заказалъ ему молчать. Право такъ.

— Отецъ считаетъ меня дуракомъ что-ли.

Умный ребенокъ былъ, даромъ, что маленькій.

III.

На другой день я написалъ въ Южную Францію, а именно въ Пезена, о немедленной высылкѣ мнѣ оттуда виннаго спирта: въ этомъ городѣ его много производятъ и тамошнія цѣны имѣютъ вліяніе на рынки всей Европы. Всякій коммерческій человѣкъ долженъ знать въ точности: гдѣ и что покупается изъ первыхъ рукъ. Мнѣ-то лично, это, дружокъ, тѣмъ болѣе было хорошо извѣстно, что меня всегда занимали «биржевыя извѣстія», помѣщаемыя обыкновенно на послѣднихъ страницахъ газетъ и журналовъ. Доставка на мѣсто моихъ двѣнадцати бочекъ была поручена мной торговому дому Катайа, тоже въ Пезена. По моему разсчету, каждая должна была обойтись мнѣ по тысячѣ франковъ ровнехонько...

Оставшійся у меня на рукахъ желѣзный товаръ, я сдалъ скорѣе на комиссію, чтобы и мѣсто очистить, да и покончить разомъ съ нимъ, благо уже за иное принялся...

Платежъ двѣнадцати тысячъ франковъ за спиртъ меня нисколько не безпокоилъ: деньги были готовы...

Сумма, пущенная мной тутъ въ оборотъ, составляла, любезный мой, ровно половину всего моего состоянія, а потому можешь понять самъ, сколько нужно было мнѣ силы воли, чтобы рискнуть потерять сразу то, что я накопилъ впродолженіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ.

По отправленіи письма, признаться, я было порядкомъ струхнулъ... охотно бы даже вернулъ его, да нельзя: ужъ было поздно.

— Дѣло, повидимому, вѣрное. Бояться намъ нечего...—говорилъ я часто женѣ, желая придать себѣ бодрости.

Жена старалась казаться спокойной. Но, въ дѣйствительности, мы шибко оба трусили, шибко, шибко...

Недѣли черезъ двѣ-три пришло увѣдомленіе о принятіи заказа, а тамъ, вскорѣ, выслали накладную и извѣстили, по порядку, объ отправкѣ спирта.

Не разъ, бывало, просыпался я ночью, покрытый холоднымъ потомъ, отъ страшной думы, что у меня нѣтъ ничего, что спиртъ мой пропалъ, что я окончательно разорился. А въ то же время, еслибы кто-нибудь тогда предложилъ мнѣ взять на себя мое дѣло, я бы отказалъ, да, да... потому что сколько боязни было мнѣ за мой капиталъ, столько же и хотѣлось получить съ него хорошіе проценты. При такихъ-то обстоятельствахъ, дружокъ, вотъ и познаются настоящіе негоціанты и великіе полководцы. Весь же остальной людъ годенъ только на то, чтобы продавать табакъ, да стрѣлять изъ ружей. Слава тѣхъ и другихъ одинакова. Вотъ почему, когда идетъ рѣчь объ Аустерлицѣ, Іенѣ или Ваграмѣ никто и не помянетъ тамъ какого-нибудь Жана или Николая, а всѣ говорятъ объ одномъ Наполеонѣ...

Онъ одинъ рисковалъ всѣмъ: другіе рисковали только жизнью.

Я не для того говорю это тебѣ, чтобы сравнить себя съ императоромъ. Куда мнѣ до него. Но покупка этихъ двѣнадцати бочекъ спирта, въ своемъ родѣ, была также моимъ генеральнымъ сраженіемъ, моимъ Аустерлицомъ.

Всѣ поняли что намъ грозитъ нашествіе, всѣ бросились продавать, что могли, лишь бы только выручить кое-какъ свои деньги... а я, наоборотъ. Я сталъ покупать не поддаваясь об-

щему страху. Вотъ, ты, и суди самъ. Какъ же мнѣ тутъ не гордиться, а?

Среди такихъ заботъ и волненій засталъ насъ день обрѣзанія маленькаго Ездры. Ципора уже оправилась, слава Богу, и Варухъ написалъ Саррѣ, что они 24-го ноября сами пріѣдутъ къ намъ въ Пфальцбургъ.

Жена принялась готовить къ этому дню всякія лакомства, кушанія и праздничные пироги. И вотъ тебѣ друзья, которыхъ я, бродя по городу съ приглашеніями, позвалъ къ себѣ на пирушку: Лейсеръ съ женой изъ Миттельбурна, Гиршъ и профессоръ Бюрге.

Бюрге былъ не еврей, но стоилъ такой чести. Это скажу тебѣ, былъ человѣкъ высокаго ума и способностей необыкновенныхъ. Напримѣръ, нуженъ былъ привѣтственный адресъ для подношенія императору, при проѣздѣ его черезъ Пфальцбургъ: кто написалъ его? Бюрге. Кто сочинялъ стихъ по случаю какого-нибудь праздника? Опять-таки Бюрге. А когда требовалось представить латинскую диссертацію на степень доктора, или магистра, къ кому обращались? Къ Бюрге. На кого разсчитывали, чтобъ сочинить просьбу къ префекту, на кого? Все-таки на Бюрге. А ужъ если онъ брался защищать передъ военнымъ судомъ какого-нибудь дезертира, то всѣ мы знали напередъ, что дезертира не разстрѣляютъ, а признаютъ невиннымъ.

И при всемъ этомъ: простъ, обходителенъ, ни малѣйшей гордости, ни-ни.

Иной разъ, весь городъ, бывало, про него толкуетъ, а онъ сидитъ себѣ въ кофейной, какъ ни въ чемъ ни бывало, да покрываетъ въ пикетъ съ Соломономъ по маленькой...

Часто приходило мнѣ въ голову, какъ мелки, жалки и смѣшны должны были казаться ему разныя городскія персоны, считавшія себя выше его, по своему служебному положенію, задиравшія передъ нимъ носы свои и требовавшія отъ него перваго поклона, при встрѣчѣ съ ними. Впрочемъ, я отъ него никогда, признаюсь, ничего не слыхалъ: ужъ онъ въ лѣтахъ былъ, попривыкъ таки къ свѣту и не любилъ понустому болтать. Прежде онъ былъ священникомъ, а во время революціи перешелъ въ міряне...

Несмотря на всѣ таланты свои, Бюрге, къ сожалѣнію, по

обращалъ должнаго вниманія на свои выгоды: встрѣчный поперечный могъ обмануть его.

— Бюрге,—не разъ говаривалъ ему я.—Бога ради не дозволяйте вы негодяямъ обворовывать себя такъ нахально. Позвольте мнѣ условиться за васъ: тогда, право, лучше пойдетъ дѣло-то... угодно?

Только усмѣхнется, бывало, да махнетъ рукой...

Такой уже безпечный характеръ былъ у него... потому и не имѣлъ ничего, да...

Итакъ, я пригласилъ къ обрѣзанію внука старыхъ друзей своихъ. Утромъ 21-го ноября, всѣ они собрались у меня, ни одинъ не обманулъ. Отецъ и мать съ ребенкомъ, а съ ними и воспріемники, еще раньше всѣхъ пріѣхали въ наемной каретѣ.

Къ одиннадцати часамъ, священный обрядъ былъ совершенъ въ нашей синагогѣ, а потомъ всѣ мы, веселые и довольные, потому что ребенокъ едва крикнулъ, вернулись домой, гдѣ все было уже заранѣе приготовлено. Украшенный цвѣтами столъ былъ уставленъ оловянными блюдами съ разнымъ жаркимъ и большими корзинами съ фруктами. Мы чинно усѣлись и принялись праздновать радостный для насъ день.

Старый раввинъ Гейманъ, Лейсеръ и Бюрге помѣстились подлѣ меня, по правую руку; маленькій Саулъ, Гиршъ и Варухъ—по лѣвую. Женщины: Сарра, Ципора и обѣ гостьи—напротивъ насъ, по ту сторону стола, согласно съ закономъ Божіимъ, предписывающимъ именно такой порядокъ...

Бюрге, въ бѣломъ галстукѣ и въ новомъ коричневомъ сюртукѣ, во все время пирушки, занималъ моихъ гостей, говоря съ ними очень умно и понятно о разныхъ возвышенныхъ предметахъ о древнихъ обычаяхъ и обрядахъ нашего народа, о Пасхѣ, о Новомъ Годѣ и о днѣ Искупленія. Вѣру нашу онъ находилъ прекрасной и прославлялъ дѣйствія Моисея. Халдейскій языкъ Бюрге зналъ превосходно, и всѣ книги наши прочиталъ въ подлинникѣ. Иногородніе гости мои удивлялись его возвышенному уму, глубокимъ познаніямъ и вполголоса спрашивали у сосѣдей:

— Кто этотъ ученый? Что онъ, раввинъ вашъ или начальникъ вашей общины?

И когда имъ отвѣчали, что онъ даже не еврей, они долго не хотѣли вѣрить. Возражать Бюрге могъ только старый раввинъ

Геймапъ, да, по правдѣ сказать, много возражать-то и не приходилось: они оба почти во всемъ сходились другъ съ другомъ, какъ оно въ сущности и слѣдуетъ ученымъ и воспитаннымъ людямъ, разсуждающимъ о хорошо знакомыхъ вопросахъ науки. Нашъ маленькій Ездра, со спокойнымъ личикомъ и сжатыми рученками, такъ крѣпко спалъ на постели бабушки, что ни разговоръ, ни смѣхъ, ни звонъ стакановъ ни будили его...

Любезные гости мои, то одинъ, то другой, неоднократно ходили любоваться ребенкомъ и похваливали его взапуски.

— Вотъ такъ молодецъ будетъ... и какъ похожъ на дѣдушку Менсея... вылитый да и только!

Я тоже, разумѣется, то-и-дѣло, заглядывался съ умиленіемъ на внука...

Часамъ къ тремъ, когда блюда были убраны, а на столъ поставили для дессерта, разныя варенья, да лакомства, я самъ отправился въ погребъ и открылъ тамъ старую, покрытую снаружи плѣсенью и паутиною, бутылку лучшаго руссильонскаго вина: осторожно вынесъ ее и поставилъ передъ гостями на столъ.

— Вы одобряли прежнее мое вино,—сказалъ я имъ, улыбаясь,—посмотримъ, что-то вы скажете...

Въ отвѣтъ на мои слова, Бюрге весело засмѣялся: онъ, надо тебѣ сказать, былъ большой охотникъ хорошо выпить и понималъ толкъ въ старомъ винѣ. Потомъ протянулъ надъ бутылкою руку и важно проговорилъ:

— Привѣтствую тебя, старая бутылка, почтенная и благородная старушка...

Не успѣлъ онъ докончить, какъ въ это самое время на улицѣ неожиданно загремѣли трубы, раздался топотъ лошадей, грохотъ какихъ-то металлическихъ тяжестей...

Стѣны дома дрогнули.

— А... Что такое?—невольно закричали всѣ мы и бросились безпорядочно къ окнамъ...

Отъ самыхъ крѣпостныхъ воротъ и вплоть до маленькой площадки, по всей улицѣ тянулся артиллерійскій паркъ. Солдаты въ высокихъ клеенчатыхъ киверахъ, на сѣдлахъ изъ бараньей кожи, съ саблями наголо, везли за пушками фургоны, наполненные ядрами, бомбами и гранатами.

Пойми, дружокъ Фрицъ, пойми все это, то, что я перечувствовалъ въ эту минуту.

— Вотъ война, друзья мои,—сказалъ строго Бюрге,—вотъ она, вотъ она! Вотъ! Пришелъ и нашъ чередъ...

Я пошатнулся и облокотился рукой о стѣну, чтобы не упасть...

— Теперь непріятель явится скоро... очень скоро...—подумалъ я.—Эти пушки, очевидно, присланы сюда, чтобы оборонять крѣпость. Легко можетъ случиться, что городъ запрутъ прежде, чѣмъ я получу мой спиртъ. Что же станется со мною, если русскіе или австрійцы перехватятъ его, а?.. Товара у меня не будетъ, а деньги все-таки заплатить придется... погибъ, разоренъ!

Сарра, блѣдная, встревоженная, ничего не говоря, пристально смотрѣла на меня.

Вѣроятно, ей въ голову пришло тоже самое, что и мнѣ.

Мы оставались у оконъ, покуда поѣздъ весь не проѣхалъ. Улица наша была полна народа. Старые солдаты, мой сосѣдъ Демаре, Парадисъ, Ральфъ, Фезаръ и другіе больше все инвалиды, да калѣки орали во все горло: «Vive l'empereur!»

Мальчишки бѣжали за пушками и фургонами съ веселыми криками...

Но большинство жителей, съ строгимъ выраженіемъ лица и стиснутыми судорожно губами, глядѣли молча...

Когда послѣдній фургонъ скрылся за угломъ, вся толпа разошлась, а мы, возвратясь къ столу своему, грустно посматривали другъ на друга: не до пирушки ужъ намъ было... нѣтъ, не до пирушки...

— Вамъ вѣрно нездоровится, Моисей,—промолвилъ мнѣ вполголоса Бюрге,—на васъ лица нѣтъ.

— Я думаю, другъ мой, о бѣдствіяхъ, которыя теперь скоро на насъ обрушатся,—отвѣчалъ я ему.

— Ба,—возразилъ онъ, — чего намъ бояться? Крѣпость наша постоитъ за себя. А, впрочемъ, чему быть, тому не миновать, пріятель. За столъ. До завтра печали и заботы. Выпьемъ-ка стараго винца: оно развеселитъ насъ.

Всѣ усѣлись опять на свои мѣста. Я откупорилъ завѣтную бутылку и налилъ стаканы. Слова Бюрге оправдались на дѣлѣ: старое руссильонское вино развеселило насъ...

— За здоровье маленькаго Ездры,—кричалъ Бюрге, — да хранитъ его Всемогущее Провидѣніе!

— Да будетъ онъ утѣшеніемъ дѣдушки Моисея и бабушки Сарры,—повторяли другіе.—Выпьемъ за ихъ здоровье!

Подъ конецъ, тости мои поразгорячились и начали даже ободрять императора за то, что онъ не хочетъ никому уступать и не теряетъ даромъ времени для защиты нашей и для уничтоженія всѣхъ этихъ зарейнскихъ бродягъ...

Тѣмъ не менѣе, къ пяти часамъ, какъ пришла пора расходиться, напускное веселье быстро пропало: всякій, очевидно, понималъ, что подходили худыя, тяжелыя времена.

Даже самъ Бюрге, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ встревоженнымъ голосомъ:

— Нужно будетъ, однако, распустить учениковъ... теперь не до ученія...

Пріѣзжіе изъ Саверна, Ципора и Варухъ недолго оставались и уѣхали домой почти сейчасъ же послѣ обѣда.

Весело начатый день окончился очень невесело...

IV.

Все это, Фрицъ, было только началомъ нашихъ золъ и несчастій. Интересно было таки посмотрѣть, дружокъ, что стало съ городомъ на другой день послѣ нашей первой пирушки, по утру, когда пронесся слухъ, что инженеры, присланные императоромъ, осмотрѣвъ крѣпостныя позиціи и укрѣпленія, нашли нужнымъ воздвигнуть: семьдесятъ двѣ платофомы внутри бастіоновъ, три блокгауза, на тридцать человѣкъ каждый; десять зубчатыхъ палисадъ, около Нѣмецкихъ воротъ да четыре блиндажа на большой площади близъ ратуши, для ста десяти человѣкъ каждый. Въ полдень мы узнали, что всѣ эти работы будутъ произведены нами, обывателями, что мы немедленно должны сами запастись лопатами, ломами и тачками. Подгородныхъ крестьянъ обязали, на собственныхъ лошадяхъ, привозить бревна, кирпичи, камни...

Сарра, Сауль и я, всѣ мы даже не знали, что значатъ эти «блиндажи и палисады». Отправился я было справиться у сосѣда нашего, стараго оружейника Бальи, а онъ на спросъ мой только засмѣялся...

— Э,—говоритъ сосѣдушка,—поймешь и самъ, когда вотъ

засвищутъ ядра, да бомбы. А объяснять, право, слишкомъ долго. Да ты не торопись... еще успѣешь. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Вообрази, Фрицъ, какія лица были на всѣхъ, послѣ такихъ вѣстей и разговоровъ.

Въ часъ всѣ побѣжали, помню какъ теперь, къ ратушѣ, гдѣ нашъ мэръ, баронъ Пармантье, говорилъ рѣчь. И мы отправились туда же, да. Сарру взялъ я подъ руку, а Саулъ держался за полу моего кафтана...

Тамъ, на площади, сошелся цѣлый городъ: мужчины, женщины и дѣти стояли полукругомъ, въ глубочайшемъ молчаніи, внимательно слушали, а по временамъ всѣ вмѣстѣ кричали: «Vive l'empereur!»

Баронъ, высокій, худощавый мужчина, въ свѣтлоголубомъ длиннополомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, повязанный, вмѣсто пояса, трехцвѣтнымъ шарфомъ стоялъ на ступенькахъ ратуши, окруженный муниципальнымъ совѣтомъ.

— Жители Пфальцбурга!—громко говорилъ онъ,—настало время доказать преданность вашему императору и родинѣ. Въ прошломъ году вся Европа была съ нами, а теперь вся Европа противъ насъ. Какъ ни страшна такая коалиція, но мы не содрогнемся, не такъ ли. Взоры цѣлой Франціи обращены на насъ. Мы бодро и безстрашно встрѣтимъ враговъ и готовы мы на всѣ случайности, мы не остановимся ни передъ какими пожертвованіями и усиліями. Кто въ эту минуту общей невзгоды не исполнитъ своего долга, да будетъ тотъ измѣнникомъ своего отечества. Жители Пфальцбурга, докажите имъ на дѣлѣ, кто вы. Вспомните только, что и ваши дѣти погибли черезъ нихъ, нашихъ прежнихъ союзниковъ, въ опасности покинувшихъ насъ... измѣнившихъ намъ. Отомстите за нихъ. Гибель за гибель, кровь за кровь.

Стоило послушать его, чтобы окончательно струхнуть... со мной такъ и было...

— «Теперь все кончено,—подумалъ я,—все, прощай мой спиртъ... не успѣютъ тебя никакъ привести... союзники уже близко... они идутъ, идутъ, а онъ не ѣдетъ...

И такъ мнѣ тутъ горько сдѣлалось, что и пересказать не могу...

Илій, мясникъ изъ Училищной улицы, да Левій торговавшій тогда еще галантерейнымъ товаромъ, стояли въ ту пору,

рядомъ съ нами на площади. И въ то время, когда все вокругъ насъ неистово кричало «Vive l'empereur!» они развели этакъ руками и сказали оба въ одинъ голосъ, словно сговорились:

— Пускай дерутся съ непріятелемъ императорскіе бароны, и графы, и герцоги, а намъ-то за что же драться... съ какой стати... нѣтъ, наше дѣло сторона...

Всѣ старые солдаты, а преимущественно ветераны республики, Гульденъ, Донадье, Демаре и другіе тамъ, у которыхъ, по большей части и зубовъ то во рту не было, горланили пуще всѣхъ:

— Не поддаваться... нѣтъ! Будемъ сражаться всѣ, всѣ... до послѣдней капли крови... на жизнь и на смерть!

Одинъ изъ нихъ такъ косо посмотрѣлъ на Левія, что я тотчасъ же шепнулъ ему, чтобы замолчалъ и уходилъ по добру, по здорову, а не то, молъ, они тебя разорвутъ на кусочки.

Левій угомонился и поплелся домой... а Илій не пошелъ, нѣтъ, остался съ нами до конца, и когда толпа стала расходиться съ восторженными кликами, не удержался, подошелъ какъ-то смѣло къ Гульдену и сказалъ ему:

— Какъ же это вы, сосѣдъ,—говоритъ,—человѣкъ, я знаю серьезный и умный, всегда небольно таки благоволили къ императору, въ качествѣ республиканца... а вотъ теперь вызываетесь сами защищать его... Кричите, что надобно всѣмъ, поголовно идти на войну. Развѣ его дѣла до насъ касаются? Мало ли, вотъ уже скоро десять лѣтъ, имъ взято съ насъ деньгами и людьми? Довольно ужъ народа побито изъ-за него... Надо же когда-нибудь и честь знать! Неужели же всѣмъ жертвовать опять для бароновъ, герцоговъ, да графовъ своей кровью и потомъ...

Старикъ Гульденъ не далъ ему окончить...

— Слушай, пріятель,—пробормоталъ онъ, стиснувъ зубы,—ты лучше прикуси язычекъ. Совѣтую, право. Не время теперь разбирать: кто правъ, кто виноватъ. Наша Франція гибнетъ... надо ее спасать, ее, да! А если ты, на свою бѣду, попробуешь и другимъ тоже сказать, что мнѣ... такъ берегись... плохо придется. Повѣрь на слово, да убирайся къ дьяволу!

Нѣсколько ветерановъ, прослышавъ въ чемъ дѣло, уже было окружили насъ...

Илій едва успѣлъ улепетнуть, а то бы вышла пренепріятная исторія: избили бы они его непремѣнно.

Съ этого дня пошли у насъ бюллетени, реквизиціи, общественныя работы, домашніе обыски, осмотры. Никто у себя не былъ больше хозяиномъ: полицейскіе комиссары брали подъ квитанціи изъ лавокъ и магазиновъ, что имъ только было угодно, какъ будто, все уже имъ принадлежало. Все желѣзо изъ моего подвала отправилось, такимъ манеромъ, на крѣпостныя укрѣпленія. Хорошо еще, что отъ комиссіи-то, немного его оставалось, иначе бы эти квитанціи, которыхъ никто не хотѣлъ брать у насъ, совсѣмъ бы разорили меня... ей-ей, такъ... въ концѣ концовъ бы разорили, навѣрное...

Время отъ времени, баронъ произносилъ торжественныя рѣчи, а комендантъ, забылъ его фамилію... толстый, угреватый такой генералъ былъ... все намъ объявлялъ, въ дневныхъ приказахъ, свою признательность... это вмѣсто платежа за работу. Понимаешь, а? Когда мнѣ подходилъ чередъ копать рвы да возить тачку, я ставилъ за себя работника по найму... въ день по тридцать су платилъ, честное слово! Вотъ ты и суди самъ, дружокъ, каково, тяжко приходилось-то. Такого времени, Фрицъ, дай Богъ, скажу тебѣ, чтобы никогда въ другой разъ не было.

Между тѣмъ какъ губернаторъ распоряжался нами въ городѣ, жандармская команда, то-и-дѣло, находилась въ разъѣздахъ, конвоируя крестьянъ и подводы. По Лютцельбургской дорогѣ, съ утра до ночи, ѣздили, взадъ да впередъ, телѣги, нагруженныя старыми дубами для постройки блокгаузовъ. Это, изволишь видѣть, такіе сарайчики, въ родѣ караульныхъ будокъ, изъ цѣльныхъ деревьевъ, крестъ на крестъ положенныхъ, а сверху-то покрытыхъ туго-на-туго землей. Такія крыши, пожалуй, покрѣпче будутъ каменныхъ сводовъ: бомбы и ядра, какъ я впослѣдствіи самъ убѣдился, имъ не почемъ... увѣряю тебя, мой милый... вотъ ни почемъ, да и только. Потомъ, изъ этакихъ же деревьевъ, воздвигались еще такія бойницы... по военному палисады... съ заостренными кверху кольями... а въ середкѣ-то для стрѣльбы небольшія бойницы понадѣланы...

Иной разъ, мнѣ еще до сихъ поръ чудятся неумолкавшія по городу тогда, ни днемъ, ни ночью, крики, шумъ, трескъ и грохотъ...

Видя такую ускоренную дѣятельность эти всѣ оборонитель-

ныя работы и приготовленія, частенько таки, Фрицъ, думалъ я, про себя, втихомолку:

— Куда бы хорошо было, какъ бы успѣли мнѣ спиртъ-отъ мой сюда привезти... Не легко бы достался онъ русскимъ, австрійцамъ и пруссакамъ... скоро-то не добрались бы теперь они, разбойники, до него...

Сарра моя каждое утро надѣялась, что къ вечеру уже транспортъ будетъ на мѣстѣ, а объ немъ не было слуху попрежнему...

Разъ какъ-то намъ захотѣлось сходить, отъ нечего дѣлать, взглянуть на новыя сооруженія. Объ нихъ толковали много въ городѣ, такъ и этакъ. Сауликъ, которому уже нечѣмъ было торговать на рынкѣ, а дома-то удержать возможности никакой не было, день деньской бѣгалъ по городу, туда, да сюда, а потомъ и сообщалъ намъ всѣ слухи и вѣсти. Вотъ отъ него-то именно мы тутъ и узнали, что передъ арсеналомъ уже начиняютъ бомбы, что пушки всѣ уже установлены, какъ указано маршаломъ, и что Большой бастіонъ, у пѣхотныхъ казармъ, вооружается сорока двумя орудіями.

Любопытно стало: пошли туда втроемъ...

Цѣлыя сотни тачекъ возили песокъ на крѣпостной валъ... близъ Французскихъ воротъ... какъ разъ вотъ на то самое мѣсто, любезный ты мой, откуда видна, направо—дорога къ Мецу, а налѣво—къ Парижу.

Неподалеку отъ Большого бастіона, множество рабочихъ, почти всѣ изъ обывателей, строили земляное укрѣпленіе, въ видѣ громаднаго треугольника, по малой мѣрѣ, футовъ 25 въ вышину, да футовъ 200 въ длину и ширину. Старшій инженеръ, съ помощью своей подзорной трубы, изволишь, открылъ, что съ какого-то пригорка можно было обстрѣливать бастіонъ и, для безопасности, на всякій случай, возводилъ наскоро еще батарею для четырехъ орудій. Вездѣ кипѣла работа. Вокругъ башенъ возвышались семи-футовыя крѣпкія насыпанныя стѣны: мѣстами въ самыхъ стѣнахъ этихъ были пробиты воронкообразныя, расширявшіяся къ наружной сторонѣ, отверстія для громадныхъ орудій. Пушечныя жерла мрачно выглядывали оттуда въ поле. Лафеты можно было и отодвигать, и поворачивать во всѣ стороны особыми рычагами.

Мнѣ еще не доводилось слышать выстрѣлы изъ такихъ большихъ, кажется, сорока восьми фунтовыхъ пушекъ, но уже

одинъ видъ ихъ приводилъ въ страхъ и трепетъ, и давалъ понятіе о ихъ силѣ и мѣткости...

— Великолѣпно устроено, Моисей,—сказала мнѣ шепотомъ Сарра...—не правда-ли?

Дѣйствительно, внутри бастіоновъ все было очень чисто: не оставалось нигдѣ ни травинки, ни соринки. Вдоль стѣнъ, тамъ и сямъ, лежали въ кучахъ огромные мѣшки, плотно набитые землей и пескомъ: они назначались для защиты артиллерійской прислуги отъ непріятельскихъ ядеръ. Каждый выстрѣлъ изъ этихъ громадныхъ орудій, какъ мнѣ тутъ сказали, стоилъ, по крайности, двадцать франковъ. Ты вотъ тутъ и сочти, Фрицъ, сколько денегъ-то улетаетъ съ порохомъ на вѣтеръ.

Нерѣдко потомъ приходило мнѣ въ голову, что если бы мы, французы, употребляли свои труды, свой умъ, понятливость и усердіе только на однѣ мирныя занятія, то сдѣлались бы скоро счастливѣйшимъ и богатѣйшимъ народомъ на всемъ земномъ шарѣ, и, вѣроятно, превзошли бы давнымъ давно англичанъ и американцевъ. Но нѣтъ, нѣтъ. Вотъ порядкомъ поработаемъ, понакопимъ денегъ, понастроимъ вездѣ великолѣпные мосты да дороги, выроемъ каналы, а тамъ сейчасъ на насъ точно бѣшенство какое-то найдетъ, затѣемъ непремѣнно войну: три-четыре года сряду, разоряемся на содержаніе армій, на пушки, порохъ, да на ядра, растеряемъ милліоны денегъ, загубимъ тысячи людей... ну, тѣмъ и кончается, что приходимъ опять въ болѣе бѣдственное положеніе, чѣмъ прежде...

А тамъ явится какой-нибудь выскочка, захватитъ въ свои руки власть и почнетъ нами вертѣть по своему произволу, то вверхъ, то внизъ, то туда, то сюда...

Вотъ и вся прибыль.

Извѣстія изъ Майнца, Страсбурга и Парижа получались въ городѣ по нѣскольку разъ въ сутки. Нельзя было перейти улицы, не встрѣтясь съ курьеромъ. Всѣ они останавливались у дома Буктольца, на бульварѣ, гдѣ тогда квартировалъ губернаторъ. Толпы обывателей и солдатъ тотчасъ окружали ихъ, разспрашивали, узнавали содержаніе депешъ, а потомъ и подымался вездѣ говоръ, въ домахъ, въ кофейняхъ, на площадяхъ, о томъ, что союзники сходятся во Франкфуртѣ, что наши войска отступили и охраняютъ покуда Рейнскіе острова, что рекруты 1813 и 1814 годовъ призываются немедленно подъ

знамена, а слѣдовавшіе на 1815 годъ должны явиться также на мѣста и составить резервные корпуса въ Мецѣ, Бордо и Туринѣ, что депутаты наши сунулись было протестовать, да имъ захлопнули подъ носомъ дверь и т. д. и т. д.

По временамъ, подозрительныя личности въ родѣ контрабандистовъ... почти все нѣмцы... изъ Грауфталя, Кайзерслаутена и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстностей... подбрасывали, тайно распространяли по городу прокламаціи, въ которыхъ было напечатано, что союзники ведутъ войну не съ Франціей, а только съ однимъ императоромъ, чтобы помѣшать ему всячески волновать и тревожить Европу...

Прокламаціи эти обѣщали намъ уничтоженіе сословныхъ привиллегій и всякихъ налоговъ. Просто, мы уже не знали: кому намъ вѣрить, кому не вѣрить..

Все объяснилось сразу.

Утромъ, не то 8-го, не то 9-го декабря, только что я проснулся, вдругъ слышу барабанный бой на улицѣ, подъ самыми нашими окнами. Сейчасъ, понятно, открылъ окно и высунулся узнать, что тамъ и въ чемъ дѣло. Пармантье, верхомъ на лошади, развертывалъ какую-то бумагу, а барабанщики сзывали всѣхъ. Народъ стекался отовсюду. Наконецъ, когда сошлось довольно, баронъ прочелъ намъ, что правительство повелѣло всѣмъ, безъ исключенія, городскимъ обывателямъ каждодневно являться къ ратушѣ отъ восьми часовъ утра до шести часовъ вечера, для полученія тамъ ружей и патроновъ, а кто не явится-де и не исполнитъ приказанія—того подъ военный судъ...

Ты понимаешь, Фрицъ, чѣмъ это пахло, что значило? Всѣ способные къ военной службѣ были—уже были въ чистомъ полѣ... тамъ воевали. Теперь до насъ добирались, до стариковъ: намъ поручали защищать города...

Мирнымъ гражданамъ, торговымъ людямъ, привыкшимъ издавна сидѣть дома, да вести дѣла, предстояло теперь стоять на часахъ, стрѣлять, сражаться, рисковать ежеминутно жизнью...

Да. Неугодно-ли вотъ!

И такъ-то я тутъ, дружокъ Фрицъ, озлобился на императора, что дыханье захватило. Ни слова не могъ выговорить отъ негодованія... какъ будто языкъ отнялся.

— Готовь обѣдать, — сказалъ я, наконецъ, женѣ черезъ

четверть часа, уже одѣвшись, и нѣсколько поуспокоившись,— а я пойду за ружьемъ и патронами...

— Моисей... милый мой,—простонала она обливаясь слезами...—кто бы подумалъ, что тебя... въ твои лѣта... заставятъ воевать. О, Боже мой!

— Такая, значитъ, Господня воля!—отвѣчалъ я ей и скорѣй вышелъ, чтобы не растравлять ея любящаго сердца безполезными разговорами.

На углу встрѣтился я съ Бюрге. Онъ возвращался изъ ратуши: на плечѣ у него уже было ружье, а съ боку болталась кавалерійская сабля...

— Что, дружище? И мы не отвертѣлись,—еще издали крикнулъ онъ мнѣ смѣясь...—И насъ съ вами въ Маккавеи произвели! Ха,ха, ха.

Его веселость очень непріятно подѣйствовала на меня.

— Бюрге,—сказалъ я ему,—тутъ вовсе не до смѣху. Ну, не безсмысленно-ли, скажите мнѣ откровенно... не дико-ли отрывать отъ дому стариковъ... отцовъ семейства... и посылать на войну, чтобы ихъ всѣхъ перебили сразу? Какіе мы съ вами солдаты, спрашиваю я васъ? Ну?

— Да вы не волнуйтесь,—отвѣчалъ онъ, мѣняя тонъ,—не приходите въ отчаяніе: дѣло еще не такъ страшно, какъ сперва то кажется...

— Почему?

— Все это только однѣ пустыя формальности. У насъ за глаза довольно и линейныхъ войскъ для обороны Пфальцбурга, а намъ только придется, вѣроятно, содержать караулы. На вылазку насъ не возьмутъ и даромъ: какая можетъ быть тамъ отъ насъ польза. Ступайте получать ружье и патроны...

— Такъ мы не будемъ жить въ казармахъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ, покатываясь со смѣху опять.—Мы преспокойно останемся дома...

Я пожалъ ему руку и пошелъ прямо въ ратушу. Тѣснота на лѣстницѣ была страшная. Чиновники дѣлали перекличку обывателямъ, по кварталамъ. Устройство городской милиціи было въ самомъ разгарѣ...

Старые крикуны были уже заранѣе назначены сержантами, да капралами, а всѣ мы, всѣ—въ нижніе чины попали...

Война все измѣняетъ: послѣдніе становятся первыми, а первые послѣдними. Ни умъ, ни общественное положеніе, ни здра-

вый смыслъ тутъ ничего не значатъ: болѣе на главномъ планѣ— субординація и дисциплина. Тотъ, кто вчера мелъ вашъ полъ, потому что ничего умнѣе не могъ дѣлать, нынче дѣлается вашимъ начальникомъ, командуетъ вами... и если говоритъ, что 2×2 будетъ 5: вы не дерзайте спорить, избави васъ Господи...

Наконецъ, послѣ часового ожиданія, я услыхалъ, что меня вызываютъ и принялся проталкиваться къ губернатору, сквозь толпу, запрудившую всѣ залы ратуши.

Увидавъ меня, сѣдого и сгорбленнаго, иные стали было на смѣхъ меня поднимать, тыкая пальцами, и подталкивая локтями другъ друга...

Но я не обратилъ вниманіе на нихъ, даже не взглянулъ.

Въ задней комнатѣ, гдѣ происходила перепись, за большимъ столомъ, сидѣли полукругомъ, губернаторъ, комендантъ, городской мэръ, секретарь его, Фрошаръ, капитанъ Ролленъ и еще человѣкъ пять-шесть отставныхъ офицеровъ...

Когда я вошелъ и сталъ впереди, они вполголоса начали говорить, между собою обо мнѣ:

— Еще крѣпонекъ, можно записать....

— Ну, вы тамъ толкуйте, что хотите, а молодымъ-то вы меня все-таки не сдѣлаете, подумалъ я про себя, но ничего не сказалъ, чтобы чего не вышло...

Губернаторъ окинулъ меня глазами, съ ногъ до головы, поморщился и сказалъ коменданту:

— Ну, этотъ никуда не годится. Намъ такихъ не надо. Онъ едва стоитъ на ногахъ...

Я услыхалъ и принялся нарочно кашлять.

— Ступай домой, старикашка, да полечись отъ кашля,— прибавилъ онъ.

Обрадованный до нельзя, я скорѣе поклонился и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ назадъ, къ выходной двери, какъ вдругъ секретарь Фрошаръ поднялся съ мѣста и сказалъ губернатору:

— Ваше превосходительство, этотъ самый еврей мнѣ извѣстенъ съ дурной стороны: онъ двоихъ сыновей въ Америку спустилъ. Старшій-то теперь былъ бы ужъ три года на службѣ...

Фрошаръ, надо тебѣ сказать, тоже торговалъ желѣзомъ, рядомъ со мною, и ненавидѣлъ меня за то, что крестьяне всегда охотнѣе у меня покупали, нежели у него.

— Стой, старая лиса,—крикнулъ тогда губернаторъ,—ни съ мѣста! А-а! Ты вотъ какой. Сыновей-то въ Америку припряталъ! Хорошъ, нечего сказать. Эй, записать его, да выдать ему сейчасъ саблю и ружье!

Я задушилъ бы Фрошара, кабы могъ. Отомстилъ таки злодѣй, отомстилъ.

Жандармъ Вернеръ вывелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ мнѣ выдали подъ росписку ружье и саблю...

— Вотъ, Моисей,—сказалъ мнѣ старшій писарь,—возьми, береги, да старайся на службѣ...

Такъ и пошелъ я домой съ моимъ оружіемъ, да, признаться, даже не помню, какъ и пришелъ-то: такъ-то мнѣ обидно, больно, досадно было, что и словъ нѣтъ...

Когда бы не подлецъ Фрошаръ, меня бы освободили и не быть бы мнѣ вовсе въ милиціи: все онъ испортилъ все онъ, онъ. Ты можешь самъ себѣ представить, Фрицъ, какъ я потомъ его проклиналъ всячески, на свободѣ... Ни я, ни жена моя, до сихъ поръ еще не позабыли его поступка, да никогда его не позабудутъ и дѣти наши, никогда, никогда...

V.

На слѣдующее же утро, на зорькѣ, любезный Фрицъ, потребовали всѣхъ насъ гуртомъ, на площадь, для провѣрки милиціонныхъ списковъ, а въ полдень повели на площадь учиться маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Городскіе мальчишки бѣжали за нами, свистя намъ, шикая и кидая въ насъ грязью...

Ученье происходило на дворѣ семинаріи, близъ пороховыхъ погребовъ.

Мѣсто было свободное: всѣхъ воспитанниковъ ужо распустили наканунѣ...

Представь себѣ только то, что весь этотъ огромный дворъ былъ биткомъ набитъ мирными обывателями въ разнохарактерныхъ одѣяніяхъ, въ шляпахъ, картузахъ, камзолахъ, фракахъ, шинеляхъ и курткахъ... яблока было некуда кинуть...

Прежніе наши работники, а теперешніе отцы-командиры, наши капралы, сержанты и фельдфебеля, поставили насъ въ шеренги, по четыре, по шести, по десяти въ рядъ, а потомъ приказали намъ вытягивать ноги и маршировать въ тактъ...

Громкіе возгласы ихъ разносились по всему двору:

— Разъ, два! Разъ, два! Стой!.. Налѣво кругомъ! Маршъ. Держись прямѣй... Плечи назадъ. Эй, спрячь носъ подальше. Помни линію! Слушай команду! На плечо! Къ ногѣ! На караулъ!

И какъ они безцеремонно поступали съ нами, скажу я тебѣ, бѣда дъ и только: ругали, толкали въ спину и въ бока..

— Ахъ ты старый пентюхъ! Ну, можно ли быть такимъ дуракомъ! Гляди... да ну, гляди же, олухъ, чтобъ тебя черти взяли: этого-то что ли не можешь сдѣлать, а? Ну, начинай опять... сначала. Вотъ животное-то? Вотъ чучело-то!

— Мною командовалъ мой собственный башмачникъ Филипъ Монборнъ, отставной гренадеръ.

Вотъ злился-то, Боже мой, что я не такъ марширую, вотъ бранился-то.

Кабы тутъ не было капитана Винье, онъ бы для перваго же раза, отдулъ меня до полусмерти прикладомъ. Право не лгу.

Да и всѣ остальные, безъ исключенія, поступали со своими бывшими хозяевами точно такъ же, что и онъ со мною, ничуть не лучше.

Они думали, должно быть, что ужъ такъ и останутся на вѣкъ нашими начальниками, а мы ихъ подчиненными...

То, что я перечувствовалъ въ одно это утро, извѣстно только одному Богу, да, только Ему одному.

— Этотъ самый Монборнъ можетъ еще похвастаться тѣмъ, что я, изъ-за него, единственный разъ въ жизни отколотилъ тутъ же моего Саула.

Вотъ какъ это случилось:

— Всѣ ребятишки влѣзли на валъ, смотрѣли оттуда на наши истязанія и изо всей мочи издѣвались надъ нами...

Взглянувъ туда нечаянно, замѣтилъ я тамъ, въ числѣ другихъ, Саула, и строго погрозилъ ему. Онъ тотчасъ же спустился и больше его я на валу не видалъ.

Потомъ, по окончаніи ученія, когда, передъ ратушей, намъ закричали: «вольно», онъ и подойди ко мнѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, попрыгивая съ ножки на ножку...

А меня взяла такая злость, что я, ни съ того, ни съ сего, тутъ же при всѣхъ, на площади закатилъ ему двѣ полновѣсныя пощечины...

Заревѣлъ мой мальчуганъ, какъ бѣлуга, и плакалъ на-

взрывъ вплоть до дому. Сарра, увидавъ изъ окна, что онъ, рыдая, идетъ за мной, и замѣтивъ мою блѣдность, тотчасъ же вышла, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Я разсказалъ ей, взошелъ наверхъ со своей аммуниціей, и заперся на ключъ...

Немало досталось ему и отъ Сарры...

Передъ обѣдомъ онъ пришелъ, въ слезахъ, просить у меня прощенія, и сталъ передо мной на колѣни...

Простить я его, конечно, простилъ сейчасъ же, и отъ всего сердца.

Раздумывая, во время обѣда, о томъ, что мнѣ каждый день придется бывать на ученьи, я до того дошелъ, что готовъ былъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, если бъ только было можно взять съ собой и домъ, и все имущество...

Ужъ очень тошно пришлось мнѣ, дружокъ, пойми ты это... такъ тошно, что тошнѣе и нельзя.

Всемогущій и Всеблагій Господь тогда ниспослалъ мнѣ, въ горѣ моемъ, великое утѣшеніе...

Усталый, измученный, я собирался прилечь, чтобы отдохнуть отъ утренней тревоги, какъ Сарра вошла ко мно съ письмомъ въ рукѣ...

— Письмо отъ Катайо, изъ Пезена...—сказала она, улыбаясь.—А прочти же его: авось твоя досада и минуетъ...

Я распечаталъ.

Въ письмѣ этомъ меня увѣдомляли, что мои двѣнадцать бочекъ уже на половинѣ пути.

Уфъ. Наконецъ-то я могъ вздохнуть свободнѣе.

— Теперь бояться нечего, Сарра, нечего,—закричалъ я радостно,—спиртъ, черезъ три недѣли, будетъ здѣсь. Со стороны Страсбурга и Саарбрюкена дурныхъ вѣстей не слыхать: союзники тамъ еще не показывались. Спиртъ спасенъ... и мы также. Онъ получится, непремѣнно, въ цѣлости и сохранности. Дѣло сдѣлано!..

И я весело засмѣялся.

Но это было не все... нѣтъ.

Сарра пододвинула кресло, присѣла и показала мнѣ еще другое письмо.

— А это что, Моисей? Что ты объ этомъ скажешь?

Я узналъ на конвертѣ почеркъ сыновей моихъ — Исаака и Ефраима.

Письмо было изъ Америки.

Сердце мое наполнилось несказанною радостью: глубоко растроганный, я распростерся ницъ и восхвалилъ Всевышняго.

— Великъ Ты и премудръ, Владыко нашъ. Милость твоя безконечна. Не обращая вниманія на силу коня, не заботясь о быстрыхъ бѣгомъ мужахъ, Ты полагаешь всецѣло любовь свою, на чающихъ Твои щедроты.

Сыновья мои, въ письмѣ, прославляли Америку, это истинное отечество коммерціи и предпріимчивости... гдѣ господствуетъ свобода... гдѣ нѣтъ ни податей, ни налоговъ, ни рекрутской повинности... Гдѣ всѣмъ равно открыты пути... гдѣ каждый достигаетъ того, чего достоинъ по трудамъ и заслугамъ своимъ... гдѣ все идетъ, какъ слѣдуетъ, потому что постановляется съ согласія всѣхъ... гдѣ у каждаго не только обязанности, какъ у насъ, но и права... гдѣ существуютъ и общественное мнѣніе, и народная воля.

Это было одно изъ первыхъ писемъ сыновей моихъ.

Ефраимъ и Исаакъ сообщали намъ, что они, втеченіе года, достаточно нажили денегъ, чтобы не таскать на спинахъ тюки съ товарами, а купили себѣ трехъ добрыхъ лошадокъ и открыли въ Кастъ-Киллѣ, близь Альбани, въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, контору для обмѣна европейскихъ товаровъ на мѣстныя бычачьи и буйловыя шкуры. Дѣла ихъ шли хорошо, и горожане, и поселенцы уважали ихъ. Когда Ефраимъ былъ въ дорогѣ, Исаакъ оставался дома, а потомъ, когда уѣзжалъ Исаакъ, тогда Ефраимъ, въ свою очередь, смотрѣлъ за конторой. Наши несчастья были имъ уже извѣстны, и они благословляли Господа за то, что Онъ даровалъ имъ такихъ родителей, какъ мы, спасшихъ ихъ, заблаговременно, отъ опасности, а, пожалуй, и отъ вѣрной погибели. Въ концѣ письма они сожалѣли о томъ, что мы не съ ними, и звали насъ къ себѣ.

Послѣ горькихъ обидъ, мнѣ только что нанесенныхъ Монборномъ, ты можешь самъ вообразить, какъ я-то былъ бы радъ и доволенъ, если бы также находился тамъ, въ Америкѣ, вмѣстѣ съ ними, а не въ Пфальцбуртѣ...

Отъ негодяя Монборна мысли мои, естественнымъ путемъ, перешли къ Фрошару.

Все же ты оселъ въ сравненіи со мной. Ты можешь меня прижимать здѣсь, а сыновей моихъ тебѣ прижать все-таки не удасться. Ты весь свой вѣкъ останешься ничтожнымъ торга-

шемъ, а вотъ я продамъ водку да наживу разомъ вдвое, втрое, чѣмъ ты наживешь во всю свою жизнь до гроба. А захочу я рядомъ посадить съ тобой Саула, да велю продавать по своей цѣнѣ, лишь бы тебѣ-то не давать покупателей, такъ ты у меня не то что лопнешь со злости, но пойдешь съ сумой по міру...

Кончилось тѣмъ, что я горячо обнялъ и расцѣловалъ Сарру, которая и смѣялась, и плакала.

Сауликъ обѣщалъ мнѣ не сближаться впередъ съ нахалами-ребятишками, и за то получилъ отъ меня цѣлый франкъ на разживу...

Усталость какъ рукой сняло. Я снова одѣлся и пошелъ въ свой погребъ: онъ у меня, дружокъ, былъ изъ лучшихъ во всемъ городѣ, въ двѣнадцать футовъ вышины, да въ тридцать пять длины, весь выложенный тесаннымъ камнемъ. Сырости въ немъ никогда никакой не было: вино, долго стоя въ немъ, быстро улучшалось.

Такъ какъ спиртъ мой могъ быть доставленъ до конца мѣсяца, то времени терять не слѣдовало: немедленно приготовилъ, во-первыхъ, четыре толстыя бревна, для подставокъ, и расчистилъ мѣсто, а, во-вторыхъ, самъ осмотрѣлъ колодезь и убѣдился, что въ немъ воды достаточно.

Часамъ къ семи, сидя на крыльцѣ съ Саррой, я увидалъ проходящаго черезъ рынокъ, съ своимъ инструментомъ подъ мышкой, стараго архитектора Кремера и окликнулъ его:

— Эй, сосѣдушка...

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Осмотрите мой погребъ, пожалуйста,—сказалъ я ему,— мнѣ нужно узнать, устоитъ ли онъ противъ непріятельской бомбы, или нѣтъ.

Онъ согласился охотно, и мы сошли съ нимъ вмѣстѣ внизъ...

Оглядѣвъ своды и смѣривъ толщину стѣнъ, онъ усмѣхнулся и промолвилъ:

— Покуда нѣтъ еще такихъ бомбъ, которыя бы могли пробить такую кладку, почтенный Моисей. Можете быть совершенно спокойны.

Я угостилъ его на радостяхъ стаканомъ добраго вина, изъ бордосской бочки, и мы вышли на воздухъ.

Въ это время, неподалеку отъ меня, по сосѣдству раздался какой-то шумъ, и стекла полетѣли вдребезги.

— Сосѣдъ Моисей,—сказалъ мнѣ Кремеръ, поднимая голову, что-то неладное творится у Конюса...

Мы выбѣжали на крыльцо и увидали, что какой-то солдатъ въ сѣрой шинели, съ ранцемъ за плечами, тащилъ за шиворотъ на улицу дѣдушку Конюса...

Несчастный старикъ держался обѣими руками за дверь и кричалъ жалобно...

Наконецъ, ему удалось вырваться, оставивъ въ рукахъ солдата воротникъ своей куртки: онъ кинулся домой и задвинулъ щеколду...

— Начинается баталія между войсками и обывателями,— съ неудовольствіемъ сказалъ Кремеръ.—Ну, если такъ продолжится, нѣмцамъ и русскимъ будетъ на-руку.

Солдатъ увидѣлъ, что дверь заперта изнутри, взбѣсился и сталъ ломать ее ружейнымъ прикладомъ.

Сосѣди выбѣжали на шумъ. Собаки принялись лаять. А я съ Кремеромъ стоялъ и ждалъ, что выйдетъ...

Изъ дальней аллеи показался Бюрге, подошелъ скорыми шагами къ солдату и съ жаромъ что-то началъ говорить ему.

Солдатъ, сперва, какъ показалось мнѣ, не хотѣлъ его слушать, но потомъ, минутъ черезъ пять, грубымъ движеніемъ вскинулъ ружье на плечо и съ мрачнымъ видомъ направился къ синагогѣ.

Онъ прошелъ мимо насъ, а потому я могъ хорошо разглядѣть его.

Это былъ гренадерскій сержантъ, украшенный на рукавахъ тремя нашивками и съ крестомъ Почетнаго Легіона на груди... человѣкъ лѣтъ 50-ти, съ густыми сѣдыми усами и плохо выбритымъ подбородкомъ. Глубокія морщины лежали бороздами по его щекамъ.

Проходя мимо меня и Кремера, онъ пробормоталъ что-то себѣ подъ-носъ... для дѣдушки Конюса, очевидно, очень не лестное, а потомъ, не дойдя до синагоги, круто повернулъ въ ворота гостиницы «Трехъ Голубей» и тамъ исчезъ во дворѣ...

Бюрге слѣдовалъ за нимъ издали, надвинувъ на брови свою широкую шляпу, поднявъ до ушей воротникъ бекеши и засунувъ руки въ карманы глубоко

Онъ улыбался.

— Ну, что тамъ было? Что такое произошло у Конюса?— спросилъ я его, когда онъ къ намъ приблизился.

— Да вотъ, сержантъ Трюберъ, изъ 5-ой роты, — весело отвѣчалъ онъ,—опять штукъ понадѣлалъ. Этому молодцу угодно, чтобы все шло, какъ по командѣ: въ продолженіе двухъ недѣль неотступно перебывалъ уже на пяти квартирахъ и ни на одной не могъ ужиться...

— И у Конюса?

— Да у этого хрыча нѣтъ мѣста для своихъ-то. Предлагалъ сержанту нанять для него номерокъ въ гостиницѣ... такъ куда... и не подступайся... слышать не хочетъ. Выбралъ для себя собственную кровать Конюса, разложилъ на ней свою шинель, да толкуетъ одно: по билету квартира моя здѣсь, а потому я здѣсь и останусь, никуда не пойду отсюда. Старый Конюсъ разсердился, сталъ его выправаживать, а наконецъ, какъ вы сейчасъ сами видѣли, сержантъ потащилъ его было на расправу...

И Бюрге засмѣялся.

— Да, все это смѣшно,—сказалъ Кремеръ,—однако, такіе молодцы, чай, еще много похуже продѣлывали по ту сторону Рейна...

— Еще бы. Я увѣренъ,—перебилъ Бюрге,—что нѣмцамъ не весело было. Дай-то Богъ, чтобы намъ съ вами не привелось скоро платить чужіе долги. До свиданія, господа.

Онъ простился и направился къ библіотекѣ вмѣстѣ съ Кремеромъ. Я заперъ дверь своего погреба, а потомъ вернулся наверхъ...

Все это происходило 10 декабря.

Уже было очень холодно. Каждый вечеръ послѣ шести часовъ крыши и мостовыя покрывались инеемъ. Обыватели всѣ сидѣли по домамъ и грѣлись у печекъ.

Когда я вошелъ въ кухню, Сарра готовила намъ супъ на ужинъ. Сауликъ въ уголкѣ спалъ, свернувшись клубочкомъ. Пламя пылало и охватывало котелокъ.

Я сѣлъ на скамейку и закурилъ трубочку...

Все это, Фрицъ, вотъ у меня передъ глазами...

Да, словно это все вчера было...

Мы ничего не сказали другъ другу, а стали думать каждый про себя о спиртѣ, который уже былъ на полпути, о сыновьяхъ, мастерски дѣлавшихъ свое дѣло, о вкусномъ ужинѣ...

И никому-то изъ насъ двоихъ въ голову-то даже не приходило, что не пройдетъ двадцати пяти дней, а ужъ городъ нашъ обложенъ будетъ врагами со всѣхъ сторонъ, и что бомбы будутъ лопаться надъ нашими головами въ воздухѣ.

VI.

То, что я нынче разскажу тебѣ, мой любезный, доказываетъ, на мой взглядъ ясно и неопровержимо, что Всемогущій постоянно, неуклонно и всечасно слѣдитъ за дѣлами нашими и въ премудрости Своей всегда устраиваетъ къ лучшему, что только не творится на бѣломъ свѣтѣ...

Слѣпые и неразумные, мы часто ужасаемся того, что предстоитъ намъ, плачемъ, трепещемъ... а на дѣлѣ-то выходитъ, что это-то предстоящее, оно-то самое именно, и служитъ ко благу нашему...

Я говорилъ уже тебѣ вчера, что секретарь Фрошаръ былъ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ моихъ, то и дѣло вредилъ мнѣ и искалъ случая сдѣлать непріятность. Такой случай ему снова представился, и онъ, конечно, поспѣшилъ имъ воспользоваться...

Чѣмъ ближе подходило дѣло къ блокадѣ, тѣмъ больше старались всѣ продавать все, что могли...

На другой же день, по полученіи мною писемъ изъ Америки и отъ Катайо, столько наѣхало на базаръ эльзасцевъ и лотарингцевъ, что вся площадь была сплошь заставлена ихъ корзинами и коробами...

Всѣмъ имъ, понимаешь, до-зарѣза хотѣлось заполучить побольше денегъ, потому что куръ и коровъ трудненько припрятать, а золото, да и серебро-то, можно закопать безопасно и удобно, гдѣ-нибудь въ погребѣ или подъ знакомыми деревьями въ сосѣднихъ лѣсахъ. Клады, найденные впослѣдствіи въ огромномъ количествѣ, всѣ были зарыты въ землю крестьянами въ это самое время, изъ боязни быть ограбленными нѣмцами и казаками. Владѣльцы-то потомъ поумерли, или уже не могли что-ли ихъ распознать и найти: такъ только деньги ихъ по большей части и остались въ землѣ...

Это случилось въ пятницу 11-го декабря: сильный морозъ стоялъ... градусовъ было не то двѣнадцать, не то тринадцать...

Одѣвшись потеплѣе, плотно застегнувъ пальто свое и на-

двинувъ на затылокъ мѣховую шапку, вышелъ и я отъ бездѣлья на рынокъ: не утерпѣлъ... привыкъ, знаешь...

Большая и Малая площади уже были до того полны, что пройти трудно было...

Въ селахъ и деревняхъ уже смекнули, что если непріятель окружитъ городъ, то никому не будетъ возможности ни войти, ни выйти, а потому всѣ наѣхали разомъ: иные для покупокъ, а большинство-то для продажи...

По площади безпрестанно проходили дозоры. Караулы были уже вездѣ удвоены. Подъемные мосты и крѣпостныя ворота приведены въ порядокъ, какъ слѣдуетъ. На передовыхъ укрѣпленіяхъ стояли уже солдаты наготовѣ. Осадное положеніе объявлено еще не было, но объявленія ждали съ часа на часъ. Послѣднія депеши, поздно вечеромъ накапунѣ, изъ Майнца, Саарбрюкена и Страсбурга сообщали, что союзники перешли по сю сторону Рейна.

Около фонтана на рынкѣ повстрѣчался мнѣ Бюрге.

— Я шелъ къ вамъ, Моисей,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно передать вамъ кое-что...

Потомъ взялъ меня подъ-руку, не говоря больше ничего, и повелъ домой.

Лицо его меня крайне удивило: оно было серьезно, озабоченно, что съ нимъ очень рѣдко случалось.

Когда мы уже были на крыльцѣ моего дома, Бюрге, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Я прямо изъ ратуши: услыхалъ тамъ случайно, что къ вамъ присылаютъ на постой сержанта Трюбера.

Извѣстіе это поразило меня, какъ громомъ.

— Не хочу... не хочу,—закричалъ я. — Въ теченіе восемнадцати дней у меня уже перебывало шесть человѣкъ... не мой чередъ.

— Не горячитесь,—отвѣчалъ онъ,—крикомъ дѣлу не поможешь... а, пожалуй, еще больше напортишь.

Но я не слушалъ и повторялъ:

— Никогда... нѣтъ! Буянъ-сержантъ не войдетъ сюда! Нѣтъ! И за что такія напасти? Человѣкъ я скромный, никому вреда не дѣлалъ... со всѣми старался жить въ ладахъ. За что, за что?

Сарра, собиравшаяся также на рынокъ, вышла на мой крикъ на крыльцо и спросила, въ чемъ дѣло.

Тогда Бюрге разсказалъ ей, что провѣдалъ въ ратушѣ...

— Послушайте, сосѣдка,—прибавилъ онъ, — будьте благоразумнѣе вашего супруга. Вполнѣ согласенъ, что тутъ нѣтъ ровно ничего пріятнаго, да когда чего нельзя избѣгнуть, то слѣдуетъ покориться поневолѣ. Секретарь мэра золъ на васъ, а потому, чтобы досадить вамъ, вотъ и назначилъ нарочно сюда на постой сержанта Трюбера... человѣка, завѣдомо грубаго, неуживчиваго... по котораго, тѣмъ не менѣе, необходимо помѣстить куда-нибудь. На все, что я ни толковалъ за васъ Фрошару, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Моисея щадить нечего... онъ перехитрилъ, обманулъ меня... избавилъ таки сыновей отъ набора... ну, пускай же теперь и поплатится за это... По дѣломъ ему, такъ ему и надо. Вы видите сами: тутъ уже ничего не подѣлаешь. Послушайтесь же меня... говорю вамъ, какъ другъ вашъ, чѣмъ долѣе вы будете сопротивляться, тѣмъ болѣе дерзостей надѣлаетъ вамъ сержантъ, да тѣмъ сильнѣе и Фрошаръ-то будетъ смѣяться надъ вами. Обдумайте все хорошенько, не торопясь и не увлекаясь, сосѣдка... совѣтую отъ души...

Негодованіе мое усилилось еще вдвое, когда я узналъ, что эту интригу подвелъ подъ меня бездѣльникъ секретарь: я вышелъ изъ себя и хотѣлъ было уже бѣжать къ губернатору съ жалобою на Фрошара...

Сарра положила мнѣ руку на плечо и остановила меня.

— Погоди... дай мнѣ сказать одно слово, Моисей. Сосѣдъ Бюрге дѣло говоритъ, да, да... и я ему очень благодарна, что онъ предупредилъ меня. Фрошаръ на насъ досадуетъ и строитъ намъ разныя каверзы... все это мы запишемъ на него, расчетъ будетъ позже, когда наступитъ срокъ. Сержантъ когда долженъ придти? Сегодня, завтра или...

— Сегодня въ половинѣ двѣнадцатаго...—отвѣтилъ Бюрге.

— Хорошо,—сказала жена, — онъ имѣетъ право на квартиру, отопленіе и освѣщеніе, не правда ли? Онъ и получитъ ихъ отъ насъ...

Я слушалъ ее, сознавая въ душѣ, что она была права, совершенно права.

— Успокойся, Моисей,—продолжала Сарра,—и предоставь мнѣ устроить все по моему разумѣнію. Предоставляешь, да?

— Согласенъ.

— Больше ничего и не требовалось покуда,—сказалъ Бюрге,

спускаясь съ крыльца на улицу.—Впослѣдствіи я постараюсь избавить васъ отъ сержанта, а теперь—нельзя. Будьте здоровы...

Сарра вслѣдъ за нимъ отправилась на рынокъ.

Я былъ ужасно взволнованъ: досада на Фрошара и боязнь сержанта, все глубже и глубже овладѣвавшая мною, не давали мнѣ покоя...

— Вѣдь этакій мошенникъ,—говорилъ я самъ себѣ, ходя вдоль и поперекъ по двору,—мнѣ вотъ изъ-за него тото и гляди не будетъ житья въ Пфальцбургѣ. Пользуясь своимъ вліяніемъ на мэра, онъ на каждомъ шагу станетъ дѣлать мнѣ непріятности. Теперь ужъ я не буду хозяиномъ въ моемъ собственномъ домѣ... куда тутъ. Имъ съ нынѣшняго дня будетъ Трюберъ... начнетъ съ нами сейчасъ поступать по-военному, какъ привыкъ съ нѣмцами да съ испанцами... хоть бѣги вонъ.

Часамъ къ двѣнадцати, отправляясь наверхъ по лѣстницѣ, я былъ пораженъ пріятнымъ запахомъ жаркого, несшимся изъ кухни. Меня это весьма удивило, потому что жаркое за столомъ мы имѣли въ праздничные дни только...

Немедленно спустившись внизъ, я только что собирался открыть дверь въ кухню, какъ Сарра вышла оттуда сама и, увидавъ меня, сказала:

— Иди къ себѣ, обрейся и надѣнь чистое бѣлье и кафтанъ хорошій...

Сама она была одѣта по-праздничному: въ серьгахъ, въ узкой юбкѣ и красномъ шелковомъ передникѣ.

— Да зачѣмъ же, Сарра,—спросилъ я, — съ какой стати мнѣ сегодня одѣваться и бриться?

— Узнаешь послѣ! Ступай, ступай, — перебила она,—да поторопись... не опоздай, пожалуйста!

Чтобы сдѣлать ей угодное, я не сталъ разспрашивать, отправился въ свою комнату, обрился и перемѣнилъ бѣлье.

Когда я надѣвалъ чистую рубашку, на крыльцѣ послышались тяжелые шаги, и кто-то грубымъ голосомъ закричалъ:

— Эй, вы... эй: гдѣ тутъ хозяева?

— Онъ... сержантъ, — подумалъ я, подбѣжалъ скорѣй къ двери и сталъ подслушивать въ замочную скважину.

— Маменька, вотъ нашъ постоялецъ, — раздался веселый дискантъ Саула.

— Да. Ну, очень рада,—отвѣчала жена съ любезнымъ выраженіемъ въ голосѣ и вышла навстрѣчу.—Милости просимъ... Пожалуйте, служивый, пожалуйте. Мы поджидаемъ васъ съ утра. Мужъ мой ужъ такъ доволенъ, что къ намъ сержанта назначили... а то до сихъ поръ у насъ стояли только простые солдаты. Войдите же, войдите, служивый.

— Вотъ такъ умница,—подумалъ я.—Каково ловко сообразила-то: хочетъ впередъ ласкою задобрить этого грубіяна.. и непремѣнно задобритъ. Вотъ такъ жена у тебя, Моисей. «Веселись и радуйся»,—какъ говорится въ писаніи.

Потомъ я слышалъ, какъ сержантъ говорилъ ей:

— Ладно, да ладно, тетка... гдѣ же моя комната? Сперва ее покажи. Ты мнѣ не трещи больно-то, а подавай, что надо! Старый воробей: всѣхъ васъ насквозь вижу. Слыхала, небось, про сержанта Трюбера? То-то. Куда итти-то?

— Сюда, служивый, сюда, — отвѣчала жена.—Вотъ ваша комната... это у насъ самая лучшая.

Затѣмъ они вошли въ коридоръ.

Сарра отперла ему дверь нашей гостиной, въ которую мы помѣщали Варуха и Цинору, когда они пріѣзжали въ Пфальцбургъ.

Одѣвшись и пригладя волосы, наконецъ, я спустился съ лѣстницы потихоньку и подкрался къ нимъ.

Сержантъ, спиной ко мнѣ, передъ кроватью пробовалъ кулаками матрацъ и перину.

Сарра и Саулъ, стоя сзади, улыбались, подмигивая другъ другу.

Покончивъ съ постелью, онъ произвелъ осмотръ комнаты, хмурясь и съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе сердито что-то ворчалъ подъ носъ и спрашивалъ по временамъ у Сарры:

— А что это тамъ?

— Для васъ умывальникъ, служивый.

— А зачѣмъ крючки въ стѣнѣ?

— Ружье ваше вѣшать.

— А стулья прочны? Да, не ломаются.

При этомъ онъ стучалъ стульями по полу. Очевидно было, что онъ искалъ возможности къ чему-либо придраться.

Обернувшись, онъ замѣтилъ меня, взглянулъ искоса и спросилъ:

— Хозяинъ?

— Да, служивый, къ вашимъ услугамъ.

— А-а!

Сержантъ поставилъ ружье въ уголъ, бросилъ ранецъ на столъ, а потомъ сказалъ намъ сквозь зубы:

— Вы что тутъ стоите? Проваливайте.

Вкусный запахъ жаркого пахнулъ на насъ изъ отворенной двери.

— Почтенный сержантъ,—съ любезнымъ видомъ обратилась къ нему Сарра,—вы меня извините, пожалуйста: у меня до васъ просьба.

— А, что...—промычалъ онъ, глядя на нее исподлобья,—какая тамъ еще просьба? Ну!

— Такъ какъ вы теперь у насъ квартируете, а потому принадлежите, отчасти, къ нашей семьѣ, то не угодно ли вамъ по-пріятельски отобѣдать съ нами?

— Да,—проговорилъ онъ, поводя носомъ и нюхая.—Вотъ что... Вы меня обѣдать приглашаете!

Повидимому, онъ раздумывалъ, согласиться ли ему, или нѣтъ. Мы ожидали его отвѣта. Наконецъ, онъ потянулъ въ себя сильно воздухъ, бросилъ на кровать свою перевязь съ тесакомъ и сказалъ:

— Пожалуй... такъ и быть.

— Этакая дрянь,—подумалъ я,—а вотъ какъ еще умничаетъ.

Сарра сдѣлала видъ, что рада до-нельзя.

— Такъ не угодно ли пожаловать съ нами? Прошу покорнѣйше.

Войдя въ нашу столовую, я увидѣлъ, что она была убрана, словно для праздника: полъ выметенъ чисто-на-чисто; столъ накрытъ отличной скатертью, новыя тарелки и серебряные приборы.

Сарра усадила сержанта на почетное мѣсто вверху стола и предложила ему мое покойное кресло.

Онъ сѣлъ, даже не поблагодаривши ее за любезность: точно такъ тому и быть слѣдовало.

Не стану разсказывать подробно нашего обѣда, а только скажу тебѣ одно: ни ты, ни я въ жизнь свою, конечно, лучшаго не ѣдали.

Все было превосходно приготовлено и изъ лучшей провизіи. Вино тоже было хорошее, старое.

Четыре бутылки на столъ поставили, да, да. Просто, пиръ горой ему Сарра устроила.

И что же? Повѣришь ли, этотъ сычъ даже и виду не показалъ, что такой обѣдъ ему въ диковинку. Хоть бы разъ, что ли, похвалилъ вино, или кушанье. Хоть бы слово единое изъ учтивости вымолвилъ.

— Вотъ нѣтъ же, ни-ни...

И даже чѣмъ больше ему угождала жена, чѣмъ больше любезничала съ нимъ, тѣмъ угрюмѣе онъ становился, тѣмъ больше хмурился, тѣмъ недружелюбнѣе на насъ поглядывалъ.

А Сарра, не обращая никакого вниманія, продолжала все-таки угощать его, класть ему на тарелку лучшіе куски и подливала безпрестанно ему вина.

Нѣсколько разъ меня такъ и подмывало сказать ей:

— Ай-да Сарра, вотъ такъ обѣдецъ приготовила сегодня! Объѣденіе да и только!

Но только я разѣвалъ ротъ, сержантъ такъ посматривалъ на меня, что слова останавливались въ горлѣ.

Какъ мнѣ не хотѣлось отправить его ко всѣмъ чертямъ, но примѣръ Сарры невольно подстрекалъ меня и я старался также казаться довольнымъ...

— Теперь, когда онъ ужъ все съѣлъ... и выпилъ... и ничего не осталось,—думалось мнѣ,—Саррѣ мѣшать нечего... она ошиблась... но все равно: мысль ея была хорошая, тонкая... да этакого медвѣдя никакъ не уламаешь...

Послѣ обѣда я приказалъ подать кофе и досталъ изъ шкафа бутылку киршвассера...

— Что это такое?—спросилъ меня сержантъ.

— Киршвассеръ... настоящій старый киршвассеръ... прямо изъ Шварцвальда,—отвѣчалъ я.

— А-а, — проговорилъ онъ значительно.—Ужъ будто, въ самомъ дѣлѣ настоящій. Ой, полно, такъ ли?

Выпивъ свою чашку, онъ по края наполнилъ ее киршвассеромъ, пополоскалъ, поднесъ къ носу, довольно долго разсматривалъ, потомъ выпилъ, крякнулъ два раза... а опять-таки ничего не соблаговолилъ сказать...

Чуть-чуть не пустилъ ему въ лобъ бутылкой, право. Всякое терпѣніе лопнетъ.

Сарра собиралась налить ему еще... но онъ быстро всталъ съ мѣста, говоря:

— Довольно... больше не слѣдуетъ. Сегодня вечеромъ я въ караулѣ... надо быть въ исправности. Обѣдъ вашъ — ничего... ѣсть можно... время отъ времени буду васъ удостоивать, пожалуй.

— Милости просимъ, когда только заблагоразсудится, сержантъ...—отвѣчала Сарра.

Онъ пошелъ въ свою комнату, надѣлъ шинель и отправился на службу.

Я все молчалъ... но когда онъ убрался изъ дома, я не могъ долѣе удерживаться...

— Сарра... никогда... нѣтъ... никто не видывалъ такого грубіяна: съ нимъ нельзя ужиться, невозможно... онъ всѣхъ насъ отсюда выживетъ.

— А я такъ думаю, наоборотъ...—отвѣчала она, смѣясь,— увидишь самъ, что мы скоро будемъ съ нимъ друзья и пріятели... да, да.

— Услышь тебя Господь,—сказалъ я.—А мнѣ... воля твоя, мнѣ что-то не вѣрится...

У ней былъ взглядъ гораздо вѣрнѣй, чѣмъ у меня... да, гораздо вѣрнѣй...

VII.

Вечеркомъ, вскорѣ послѣ обѣда, отправился я потолкаться по городу, да поразвѣдать новости и вернулся домой въ сильной тревогѣ...

Извѣстія были очень и очень неутѣшительны: наши войска все отступали, а непріятель шелъ быстро впередъ...

Страхъ за мой спиртъ овладѣлъ мною.

Горько раскаивался я, что сдѣлалъ эту закупку въ такихъ размѣрахъ...

Половина достоянія, нажитаго тридцатилѣтнимъ трудомъ и заботами, была мной поставлена на одну карту и всецѣло зависѣла отъ произвола судьбы.

Никто никогда не узнаетъ, что перечувствовалъ я, дружокъ, въ эту ночь раздумывая, томясь и тоскуя...

Вѣришь ли, глазъ не сомкнулъ ни на минуту... весь изстрадался.

Сержанта мы не видѣли до слѣдующаго утра: онъ всю ночь провелъ въ караулѣ, на сторожевомъ бастіонѣ.

Домой онъ вернулся часовъ около шести. Только что я умылся,—на лѣстницѣ раздались торопливые шаги, дверь въ мою комнату широко распахнулась — и онъ въ киверѣ, съ ружьемъ на плечѣ, съ покраснѣвшимъ отъ мороза носомъ и сильно заиндевѣвшими усами, показался на порогѣ и громко захохоталъ...

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него... Жена еще не выходила изъ спальни.

— Ну, дядя, вотъ такъ пробрало ночью-то,—сказалъ онъ.— чуть было совсѣмъ не замерзъ...

И голосъ, и глаза, и выраженіе лица его были уже совсѣмъ не тѣ, что вчера...

— Декабрь на дворѣ,—отвѣчалъ я,—такъ и не мудрено, что холодно...

— А ты бы, дядя, помогъ согрѣться малую толику. Небось осталось еще стараго-то киршвассера. А?

Я тотчасъ подошелъ къ шкафу и досталъ бутылку...

— Разумѣется, сержантъ... вонъ еще сколько... грѣйтесь. Кушайте на здоровье.

Взглядъ сержанта сталъ еще привѣтливѣе.

Онъ поставилъ ружье въ уголъ, откашлянулся, потеръ руки и сказалъ:

— Наливай полнѣй, дядя Моисей, не скупись...

Я налилъ полную рюмку и поднесъ ему...

Безчисленныя морщины складками выступили на лицѣ его отъ удовольствія. Смѣхъ не былъ слышенъ, но по глазамъ видно было, что онъ смѣется...

— Славный киршвассеръ... настоящій, да, — промолвилъ онъ и опорожнилъ залпомъ рюмку.

— Толкъ-отъ въ немъ я знаю: не разъ таки пивалъ его въ самомъ Шварцвальдѣ.. и не мало признаться. Вѣдь, тамъ

онъ дешевъ, почитай, что нипочемъ. А ты-то, — продолжалъ онъ, развѣ не выпьешь со мной.

— Съ удовольствіемъ, сержантъ... — отвѣчалъ я,—позвольте чокнуться...

И мы чокнулись.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и вдругъ сказалъ весело:

— А что, Моисей, признайся... вѣдь я вамъ задалъ таки страха вчера? А?

Я не зналъ, что сказать ему.

— Да, ну, ну...—продолжалъ онъ, положивъ мнѣ на плечо свою широкую руку.—Что таить? Задалъ?

Онъ такъ радушно смѣялся, что я рѣшился ему отвѣтить шутливымъ образомъ:

— Пожалуй, что такъ... было немного.

— Ха, ха, ха. Распатронилъ? Правда?.. Тебя съ женой, вѣрно, пугнули сержантомъ Трюберомъ. Вы оба чертовски струсили, да и сочинили мнѣ скорѣй обѣдъ, чтобы задобрить меня. Такъ, а?

И онъ опять громко захохоталъ.

Глядя на него, и я не могъ не засмѣяться.

Сарра, услыхавъ нашъ смѣхъ изъ спальни, отворила дверь и сказала:

— Здравствуйте, любезный служивый... Съ добрымъ утромъ.

Увидавъ ее, онъ воскликнулъ:

— Дядя Моисей, у тебя женка—золото! И много поумнѣй, пожалуй, тебя будетъ... Можешь похвастаться своею женой... Право! Ха, ха, ха. Вотъ лиса-то: сейчасъ взяла, да впередъ и забѣжала...

Сарра была въ восторгѣ.

— Неужели, мой почтенный,—проговорила она,—вы можете думать, что я въ самомъ дѣлѣ...

— Еще бы нѣтъ...—перебилъ онъ.—У васъ голова на плечахъ-то недаромъ. Я какъ пришелъ, такъ вотъ сейчасъ же замѣтилъ, тетка, что ты себѣ на умѣ. Эге, думаю, берегись, Трюберъ... съ тобой любезничаютъ... тебя ублажаютъ... это все военная хитрость, чтобы отправить тебя потомъ на ночевку въ

гостиницу. А вы оба... вы славные люди. Угостили меня такимъ образомъ, такимъ обѣдомъ, что въ пору бы и маршалу имперіи А теперь вотъ что, дядя Моисей, ты мнѣ давай время отъ времени киршвассера... припрячь бутылку-то... а комнату отведи мнѣ другую... ну, да, разумѣется... Та, что мнѣ дали, не къ рылу старому солдату... всѣ эти ковры, да перины не подъ стать нашему брату... нѣтъ. Мнѣ бы какую-нибудь конурку—и баста... Вотъ хоть бы въ родѣ той, что рядомъ-то... стулъ, столъ, да кровать съ матрацомъ изъ соломы, да пять, шесть гвоздей, чтобы аммуницію вѣшать. Вотъ что мнѣ надо... да, да.

— Какъ вамъ угодно, мой любезный, такъ и будетъ...

— Ну, и отлично... а гостинная ваша пускай остается для парада...

— Вы съ нами будете завтракать, — спросила его жена, весьма довольная тѣмъ, что происходило.

— Спасибо. И обѣдаю, и завтракаю я всегда у маркитанта,—отвѣчалъ сержантъ.—Мнѣ и такъ хорошо, во-первыхъ... а во-вторыхъ: не люблю утруждать добрыхъ людей. Когда кто внимателенъ къ старому солдату, да такъ поступаетъ, какъ вотъ вы, Трюберъ всегда готовъ уваженіе оказать...

— Но, почтенный сержантъ...—проговорила Сарра.

— Зовите меня просто сержантомъ, — возразилъ онъ... — безъ церемоній и безъ всѣхъ этихъ «любезныхъ» и почтенныхъ. Я теперь знаю васъ обоихъ вдоль и поперекъ. Вы не похожи на вашу городскую сволочь... на этихъ торгашей-негодяевъ... богатѣющихъ здѣсь въ то время, какъ мы дрались за нихъ тамъ. На этихъ плутовъ-подрядчиковъ, набившихъ свои карманы за нашъ счетъ... Всѣ они, подлецы, по нашей милости и жить-то пошли... намъ обязаны всѣмъ... а теперь отправляютъ насъ ночевать съ клопами. Да, черти и дьяволы.

Его лицо снова приняло суровый видъ, сѣрые усы дрожали, а глаза искрились...

— А хорошо мы сдѣлали, — подумалъ я,—что такъ его встрѣтили. Кабы не Сарра плохо пришлось бы.

Тутъ онъ взглянулъ на меня и гнѣвъ его схлынулъ...

Онъ опять улыбнулся, немного помолчалъ, потомъ положилъ руку мнѣ на плечо исказалъ:

— Вѣдь, вы евреи... не правда ли?

Сарра отвѣчала утвердительно

— Все равно, — продолжалъ онъ,— все-таки славные люди... далеко не похожи на тѣхъ, что я видалъ въ Польшѣ и въ Германіи. Узнавъ, что меня посылаютъ квартировать въ евреямъ, я положилъ было себѣ, каюсь откровенно, задать хозяевамъ трезвону... по свойски.

Мы молчали, сконфуженные до нельзя.

— Но вы славные люди... — проговорилъ онъ,—хорошіе люди... васъ грѣхъ обижать чѣмъ-нибудь... не годится... Дядя Моисей, мнѣ хочется пожать тебѣ руку...

Я протянулъ ее ему.

— Ты мнѣ пришелся по сердцу, — сказалъ онъ.—И хозяйка тоже... Ну, а теперь дайте-ко мнѣ эту конурку, что рядомъ-то... надо всхрапнуть. Пора.

Мы сейчасъ же его отвели въ свѣтелку, которую онъ выбралъ.

Сержантъ перенесъ туда ранецъ свой и ружье.

— Вотъ и устроился... готово. Ну, будемъ жить въ дружбѣ и пріязни другъ къ другу не мѣшая: я самъ по себѣ, вы тоже... А иной, разъ мы съ тобой будемъ все-таки пропускать по рюмочкѣ... да. Идетъ, что ли?

— Идетъ, сержантъ!

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ. Теперь я сосну капельку. Будьте здоровы.

— Покойнаго сна, сержантъ!

Мы пожали ему руку, и вышли. А онъ немедленно улегся, и захрапѣлъ.

— Ты видишь, Моисей,—тихо сказала мнѣ, въ коридорѣ, жена,—ты видишь, что по-моему вышло... ладно устроилось.

— Да,—отвѣчалъ я,—дѣйствительно... ты обдѣлала дѣльно такъ, что и нельзя лучше. Ахъ, если бы спиртъ мой поспѣлъ во время... тогда намъ и желать-то больше нечего бы.

VIII.

Послѣ этого объясненія сержантъ сталъ жить-да-поживать у насъ на самой дружеской ногѣ.

Всякое утро, передъ тѣмъ, что наступало время идти на службу, онъ забѣгалъ ко мнѣ минутъ на пять, на десять: толковалъ со мной про войну, про слухи, да новости, и аккуратно выпивалъ свою рюмку киршвассера.

По вечерамъ, въ тѣ дни, когда ему было свободно, онъ приходилъ болтать съ Саррой, охотно шутилъ и смѣялся съ Сауломъ.

Мы всѣ его очень полюбили, очень... да и Трюберъ, съ своей стороны, былъ, кажется, весьма доволенъ нами.

Такого славнаго постояльца у насъ, скажу я тебѣ, еще никогда и не было.

Однажды, поутру, когда я отправлялся на перекличку и ученье, мы встрѣтились съ нимъ въ коридорѣ.

Онъ замѣтилъ ржавчину на моемъ ружьѣ, и пресерьезно распекъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Да развѣ такъ можно,—кричалъ онъ,—развѣ такъ обходятся съ ружьемъ, а?.. Ну, будь ты у меня подъ командой, досталось бы тогда тебѣ, пріятель, отъ меня... получилъ бы на орѣхи... долго помнилъ бы.

Съ этого дня сержантъ самъ постоянно осматривалъ всю мою аммуницію, отвинчивалъ замокъ, чистилъ и мылъ стволъ и полировалъ штыкъ.

Потомъ, когда я поразсказалъ ему, какъ обращается со мной Монборнъ, онъ объявилъ мнѣ, что всему обучитъ меня.

Всѣ мои доводы и просьбы ни къ чему не привели: уперся на своемъ, да и только

— Дядя Моисей, не перечь! Не спорь со мной, говорятъ тебѣ!.. Я не хочу... не дозволю, чтобы такой хорошій человѣкъ, какъ ты, зналъ меньше, чѣмъ какой-нибудь, тамъ, сапожникъ, или башмачникъ. Не дамъ тебя въ обиду... никому не дамъ... самъ тебя всему выучу... самъ.

Пришлось, поневолѣ, лѣзть съ нимъ на чердакъ, и началась тамъ мнѣ муштровка.

На чердакѣ было ужъ очень холодно, но сержантъ такъ пробиралъ меня, что, къ концу всякаго урока, потъ лился съ меня градомъ.

Сарра, Саулъ и служанка наша частенько всходили по лѣстницѣ, глядѣли на насъ въ щелку и помирали со смѣху.

Тѣмъ не менѣе благодаря Трюберу, я скоро сталъ, по выправкѣ и по умѣнію, лучшимъ милиціонеромъ въ моей ротѣ: такъ маршировалъ и дѣйствовалъ ружьемъ, что любо-дорого.

А спиртъ мой все не ѣхалъ.

Вмѣсто моихъ бочекъ, въ одно прекрасное утро, прибылъ

въ крѣпость батальонъ морскихъ артиллеристовъ, а съ нимъ четыреста рекрутъ для резервовъ.

Вскорѣ затѣмъ, губернаторъ приказалъ расчистить равнину, вокругъ всего города, на шесть метровъ въ окружности.

Вотъ поднялось опустошеніе-то, просто страсти.

Заработали солдатскіе топоры.

Перво-на-перво срубили всѣ изгороди и заборы, потомъ стали по бревну растаскивать хорошенькія дачки и домики, тутъ повалили столѣтнія кленовыя деревья, тополевыя и дубовыя аллеи, тамъ уничтожили всѣ фруктовыя деревья въ подгороднихъ садахъ... ничего-таки не пощадили... ничего.

И такъ-то было жалостно глядѣть на это, что только каменное сердце, дружокъ, могло остаться равнодушнымъ.

Старый Фризъ, оба брата Копюсы, Боссеръ и всѣ садоводы наши были въ совершенномъ отчаяніи, видя варварское разрушеніе того, что имъ стоило долголѣтнихъ трудовъ... въ чемъ заключались всѣ ихъ средства къ жизни.

Мнѣ вотъ, до сихъ поръ слышатся крики стараго Фриза:

О, Господи, прощайте мои миленькія яблоньки... мои чудныя груши. Своими руками сажалъ я васъ... поливалъ... берегъ... холилъ, лелѣялъ. А какъ вы цвѣли славно каждую весну... какіе плоды давали... и вотъ, вотъ... О, Господи!

А солдаты все рубятъ, да рубятъ...

Якопецъ, Фризъ не выдержалъ: надвинулъ на глаза шляпу, махнулъ рукой, горько заплакалъ, и ушелъ куда-то.

Больше мы его и не видали.

Былъ также приказъ сжечь бомбами все селеніе Мезонъ-Ружъ, близъ Миттельбрупа, черепичный заводъ и трактирчикъ «Зеленый Боръ», тамъ же, поблизости находившійся.

Но ихъ потомъ оставили, не тронули; губернаторъ ли позабылъ, или они были внѣ выстрѣловъ, или союзники, что ли, пришли раньше, чѣмъ ихъ ожидали.

Ужъ, признаться, вѣрно не знаю почему, а только они одни вотъ уцѣлѣли.

Изъ того, что случилось передъ блокадой, особенно мнѣ памятно утро 22-го декабря.

Насъ собрали пораньше обыкновеннаго и повели по-ротно къ ратушѣ.

Всѣ гарнизонныя войска уже стояли тамъ шпалерами, въ двѣ шеренги, параллельно съ бульваромъ.

Насъ поставили также въ двѣ шеренги по другую сторону.

Потомъ, черезъ полчасика, этакъ, вышли на площадь губернаторъ, комендантъ и мэръ.

Всѣ они были въ парадныхъ мундирахъ и трехцвѣтныхъ шарфахъ...

Барабаны забили... музыка заиграла.

Потомъ тамбуръ-мажоръ поднялъ свою палку и все разомъ смолкло.

Губернаторъ вышелъ впередъ и прочелъ намъ вотъ эту прокламацію:

«Гг. офицеры, унтеръ-офицеры, національные гвардейцы и солдаты! Непріятель уже на Рейнѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ насъ. Городъ нашъ отнынѣ состоитъ на военномъ положеніи. Всѣ гражданскія власти и вѣдомства упраздняются. Военный судъ замѣняетъ всѣ существовавшіе прежде управленія и суды. Жители Пфальцбурга, мы надѣемся на вашу вѣрность, ваше мужество, ваше самоотверженіе».

Въ отвѣтъ ему загремѣло множество криковъ:

А спиртъ мой все еще былъ въ дорогѣ.

Все было кончено для меня, все. Я былъ разоренъ.

Затѣмъ милиціонерамъ тутъ же роздали по десятку патроновъ, а потомъ, чтобы лишить непріятеля возможности продовольствоваться подъ стѣнами Пфальцбурга, приказали намъ немедленно идти въ сосѣднія селенія и истребить тамъ съѣстные припасы, фуражъ и топливо, а скотъ оттуда весь пригнать въ крѣпость.

Некогда было тутъ размышлять о моемъ горѣ, приходилось уже думать о самомъ себѣ послѣ такого приказанія, всякому было ясно, что крестьяне будутъ непремѣнно сопротивляться, и что намъ, вѣроятно, придется прокладывать себѣ дорогу силой...

О, это ужасно Фрилъ... ужасно!

Пойми: насъ посылали на грабежъ... и мы должны были повиноваться...

Меня била лихорадка. Все во мнѣ было возмущено, оскорблено глубоко.

Комендантъ скомандовалъ намъ:

— Заряжай!

Я раскусилъ первый разъ въ жизни патронъ... положилъ его въ стволъ... и шомполомъ забилъ до дна пулю...

Нашъ батальонъ направился къ баракамъ и Буа-де-Шену, второй къ Катрвану и Бихельбергу, а первый—къ Меттингу.

У меня въ глазахъ темнѣло.

Мнѣ пришли въ голову непосредственно близкія моему сердцу, дорогія мнѣ существа: Ципора, Варухъ, ихъ дѣти...

— Господи, — воскликнулъ я, — съ ними-то что станется!.. Саверн—открытый, ничѣмъ не защищенный городъ. У нихъ все отнимутъ. Мы всѣ станемъ нищими!

И дыханье сперлось въ груди.

Вскорѣ Бараки были передъ нами.

Ужъ намъ виднѣлись кучки крестьянъ, съ любопытствомъ смотрѣвшіе на нашъ батальонъ и нисколько не подозрѣвавшихъ зачѣмъ мы шли къ нимъ.

Впереди насъ ѣхало нѣсколько жандармовъ: комендантъ далъ имъ наказъ окружить Бараки и отнюдь не допускать крестьянъ угонять отъ насъ въ лѣса стада свои.

Передъ селомъ они вынули сабли и поскакали, одни направо, другіе налѣво...

Мы подошли къ первому дому... вотъ именно къ тому, возлѣ котораго теперь стоитъ каменное распятіе.

Тутъ раздалась команда:

— Стой!

Потомъ выбрали тридцать человѣкъ... а въ томъ числѣ и меня... и приказали намъ занять всѣ ходы и выходы по улицамъ и переулкамъ.

Попавъ въ число караульныхъ, я сильно обрадовался: все же лучше стоять на часахъ, чѣмъ грабить закромы и сараи.

Когда мы шли по улицѣ, крестьяне спрашивали насъ въ чемъ дѣло:

— Что случилось? Развѣ сдѣлана порубка какая? Арестовывать, что ли, вы кого идете?..

Мы ничего не отвѣчали и продолжали идти скорымъ шагомъ. Монборнъ поставилъ меня въ третьемъ переулкѣ справа, противъ дома дѣдушки Франца, пчеловода, у полевой калитки.

Оттуда слышно было мычаніе коровъ и блеяніе барановъ на сосѣднихъ дворахъ.

— Ого! Вонъ ихъ тутъ сколько! Будетъ пожива,—бормоталъ исподяй Монборнъ...—будетъ! Недаромъ пришли...

У этого человѣка не было ни капли состраданія въ сердцѣ.

— Рядовой Моисей, — сказалъ онъ мнѣ, — не зѣвать у меня... Глядѣть въ оба. Если кто захочетъ пройти—отпудь не пускай... Понялъ?.. Не будутъ слушаться—сперва коли штыкомъ.. а потомъ стрѣляй. А если пропустишь... ну, тогда пеняй на себя: упеку подъ военный судъ... тамъ расправа короткая.

Затѣмъ онъ оставилъ меня, а самъ съ остальными отправился дальше....

Минутъ около двадцати, стоялъ я тутъ и все раздумывалъ, что я дѣлать стану, если крестьяне захотятъ бѣжать мимо меня. Ну, и порѣшилъ тѣмъ, что, какъ бы тамъ ни было, я ни колоть, ни стрѣлять все-таки не буду.

Вдругъ поднялись со всѣхъ сторонъ страшные вопли и крики. Реквизація началась.

Сердце мое сильно забилось.

Въ ту же минуту, на обоихъ концахъ Бараковъ раздался барабанный бой.

Солдаты разбивали хлѣвныя ворота и выгоняли всю скотину на улицу...

Крестьяне бѣгали въ отчаяніи взадъ и впередъ и плакали... плакали... просили...

Нѣкоторые даже пробовали защищаться.

Батальонный командиръ во все горло скомандовалъ:

— На площадь! Сгоняйте на площадь!

Шумъ и возня были ужасныя.

У меня покуда обстояло все благополучно, но и этому благополучію скоро миновалъ срокъ...

Въ мой переулокъ вбѣжало съ улицы стадо овецъ, а за нимъ слѣдомъ двѣ старухи, гнавшія его въ долину вонъ изъ села.

Пришлось выставить штыкъ и крикнуть имъ грозно:

— Назадъ!

Обѣихъ старухъ этихъ я хорошо зналъ...

Бѣдовыя были, злющія-презлющія.

Въ рукахъ онѣ держали желѣзныя вилы.

Увидавъ меня они остановились въ испугѣ и недоумѣніи.

Потомъ одна изъ нихъ... звали ее Миньероной... поблѣднѣвъ какъ полотно, закричала мнѣ издали:

— Моисей, отвори калитку! Пропусти!

А затѣмъ бросилась храбро на меня впереди стада.

Я видѣлъ по ея глазамъ, что дѣло плохо и что она сейчасъ вотъ-вотъ хватитъ меня вилами.

Признаюсь, я бы пропустилъ ее, а потомъ сказалъ бы, что ничего не видалъ, но уже было поздно: сзади ихъ поручикъ Ронне кричалъ мнѣ:

— Берегись! Держи!..

Миньерона, увидавъ, что я уперся въ калитку и не хочу пропускать ее, заскрежетала зубами...

— А, подлый жидъ! Такъ-то! Ну, погоди! Ты поплатишься мнѣ!..—завопила она бѣшено. — Поплатишься своей поганой шкурой!

Представь, Фрицъ, старуха до того остервенилась, что даже и ружье мое не испугало ее...

Три раза кидалась она, какъ безумная, на меня съ вилами; но я отпарировалъ всѣ ея удары, всѣ до одного. Уроки сержанта пригодились...

Двѣ овцы прошмыгнули у меня между ногъ и убѣжали въ поле, а всѣ остальныя были захвачены прибѣжавшими товарищами...

Старухъ они прогнали пинками и прикладами...

Всю реквизицію собрали, наконецъ, на главной улицѣ: вся она была наполнена забранными козами, баранами и коровами.

Когда пришло время двигаться назадъ, добычу нашу распредѣлили на три отдѣла: быки и коровы поставлены были въ авангардъ; въ центрѣ шли овцы и бараны, а арріергардъ составляли свиньи.

Въ такомъ-то порядкѣ мы вышли изъ Бараковъ въ обратный путь.

Крестьяне долго слѣдовали за нами, проклиная насъ, показывая кулаки и кидая въ насъ камнями.

Монборнъ смѣялся и говорилъ намъ:

— Вотъ такъ обчистили! Не оставили ни одной овцы... Все сразу обобрали! Знай нашихъ!

Батальонъ нашъ шелъ колоннами, по обѣимъ сторонамъ дороги, стадо въ серединѣ, жандармы сзади, а капитанъ Томасъ съ егеремя впереди.

Все это растянулось по дорогѣ шаговъ на триста по крайней мѣрѣ.

На гласисѣ мы сдѣлали привалъ, а потомъ пустили стадо на пастбищѣ въ крѣпостные рвы, за арсеналомъ.

Слѣдомъ за нами вернулись и другіе батальоны съ награбленной ими добычей.

Губернаторъ остался доволенъ нами и объявилъ, что гарнизонъ снабженъ теперь провизіей мѣсяцевъ на шесть.

Передъ ратушей насъ распустили по домамъ.

Неподалеку отъ синагоги, вдругъ кто-то издали окликнулъ меня:

— Эй, старина, дядя Моисей!

Я обернулся.

Это былъ нашъ сержантъ.

— Ну, что?—сказалъ онъ, подходя.—Какъ дѣло, много пригнали?..

— Много-то много.... — отвѣчалъ я, — но если бы вы видѣли отчаяніе этихъ несчастныхъ крестьянъ... ихъ слезы...

— Видали мы эти виды.... — перебилъ онъ, — не разъ видали. Сначала-то оно... дѣйствительно... оно коробитъ нѣсколько... ну, а потомъ обойдешься... попривыкнешь. Да иначе-то нельзя... никакъ невозможно. Коли намъ не дѣлать реквизицій, такъ самимъ придется помирать съ голоду. Крестьяне всѣ плуты: ежели у нихъ не отобрать впередъ силой, такъ продавать потомъ, бестіи, непріятелямъ станутъ. Этого, дядя, въ военное время, не можно, да и не должно допускать... не въ порядкѣ вещей.

Разговаривая такимъ манеромъ, мы дошли до дому.

На дворѣ уже стемнѣло.

— Кто тамъ, ты, Моисей!..—спросила изнутри Сарра.

— Мы,—отвѣчалъ я ей.

— Наконецъ-то, — проговорила она, отпирая дверь,—а я тебя заждалась...

— Поздравьте мужа-то... — крикнулъ ей сержантъ,—теперь онъ настоящій воинъ: порохового дыма, положимъ еще не нюхалъ, а ужъ за то штыкомъ дѣйствовалъ...

— Неужели? — сказала Сарра. — Ну, слава Богу, что остался цѣлъ...

Сержантъ вошелъ къ себѣ, а мы прямехонько отправились къ нашу комнату.

— А гдѣ же Саулъ?—спросилъ я.

— Должно быть, на рынкѣ. Я послала его туда узнать: вернулся ты, или нѣтъ. Да вотъ онъ, кажется.

Я услыхалъ стукъ его маленькихъ сапожковъ по лѣстницѣ... дверь отворилась... онъ вбѣжалъ и бросился цѣловать меня....

Мы сѣли за столъ.

Несмотря на мое душевное разстройство, ѣлъ я съ большимъ аппетитомъ: вѣдь, съ утра ничего во рту не было.

— Если фактура не будетъ прислана до блокады,—вдругъ проговорила Сарра,—мы не будемъ обязаны платить: до полученія квитанціи за все, небось, отвѣчаетъ продавецъ...

— Справедливо, — отвѣчалъ я,—справедливо. Вольно было Катайя, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отправить спиртъ, только черезъ недѣлю отвѣчать намъ. Если бъ онъ снарядилъ транспортъ во время, мы бы давно уже получили его. Вина его: онъ и отвѣчай...

Тутъ вошелъ сержантъ, и я не сталъ говорить больше о спиртѣ.

Мы потолковали съ нимъ о Ципорѣ, Варухѣ и моихъ внукахъ, остававшихся въ Савернѣ.

Сержантъ старался успокоить меня, увѣряя, что непріятели въ такихъ городахъ, берутъ, дѣйствительно, контрибуціи, даромъ требуютъ отъ жителей вино и мясо, повозки и лошадей, но что людей, по большей части, оставляютъ въ покоѣ, если, конечно, они только не вздумаютъ сопротивляться...

Мы пробесѣдовали до десяти часовъ.

Потомъ сержанту надо было идти въ караулъ къ Нѣмецкимъ воротамъ.

Когда онъ простился съ нами, мы всѣ пошли спать.

Это было въ ночь съ 22-го на 23-е декабря. Сильный морозъ стоялъ на дворѣ, какъ теперь, помню.

IX.

Ночью выпалъ сильный снѣгъ, а къ утру все уже было покрыто сплошной бѣлой пеленою...

Наступила зима...

Не успѣлъ я отворить ставни, какъ Сауликъ, босой съ заспанными глазенками и взъерошенной головкой, бросился къ окошку съ радостными криками:

— Снѣгъ, снѣгъ... То-то покатаемся теперь на конькахъ!

И вотъ что я скажу тебѣ, Фрицъ, давненько-таки я живу на свѣтѣ, ко всему бы, кажется, мнѣ пора привыкнуть—анъ нѣтъ: перваго снѣга какъ хочешь, никогда равнодушно видѣть не могу. И что за славная пора, эта зима. На улицу выйдешь, словно оживешь на свѣжемъ воздухѣ, а какъ проберетъ тебя морозцемъ, да скорѣй вернешься домой, да присядешь у камелька съ трубочкой въ зубахъ, такъ-то тамъ все покажется тебѣ уютно, отрадно, что сердце не натѣшится. Да, семьдесятъ пятую зиму видятъ мои старыя кости, а я все радуюсь ея появленію какъ молоденькій.

Но не все же любоваться снѣгомъ: пора было и за дѣло приняться.

Я развелъ огонь, Сарра взялась за стряпню, а Сауликъ, торопливо одѣвшись, усѣлся за букварь и все опять вошло въ обычную колею.

Несмотря на снѣгъ, валившій хлопьями, на дворѣ стялъ трескучій морозъ.

Огонь въ каминѣ гудѣлъ и рвался какъ бѣшеный.

— Бѣдняжка сержантъ, — сказалъ я Саррѣ, — жестоко пробрало, чай, его на бастіонѣ ночью-то. Вотъ хорошо бы теперь поднесть ему киршвассера... пожалуй, стаканчика-то тамъ мало было бы... не отказался бы и отъ двухъ.

— Да, да, — живо отвѣчала она,—спасибо тебѣ, Моисей, что объ немъ вспомнилъ.

Она встала и, доставъ изъ шкафа бутылку съ киршвассеромъ, до верху наполнила имъ мою дорожную фляжку...

Ты вѣдь знаешь, дружокъ, что мы, евреи, не большіе охотники заходить въ харчевни и трактиры. У всякаго изъ насъ, на этотъ случай, имѣется про запасъ, дорожная фляжка съ виномъ. Общеніе съ невѣрными воспрещается и Всемогущимъ.

Засунувъ фляжку въ карманъ пальто и плотно закутавшись, побрелъ я, по колѣни въ снѣгу, къ сержанту на сторожевой бастіонъ. Съ трудомъ пробирался вдоль стѣнъ къ Нѣмецкимъ воротамъ, чуть-чуть не ощупью, наконецъ добрался я кое-какъ до караульни.

Только я хотѣлъ пуститься подъ своды налѣво, а оттуда навстрѣчу мнѣ показался и самъ дядя Трюберъ.

— Ба, ба, ба, дядя Моисей! Зачѣмъ пожаловать изволилъ? Да еще въ такую непогоду?

— А вотъ зачѣмъ, вотъ...—отвѣчалъ я, доставая изъ кармана фляжку,—пришелъ посмотрѣть не замерзли ли вы здѣсь, да поотогрѣть васъ немножечко.

— А! Такъ ты обо мнѣ позаботился... вспомнилъ про меня? —съ изумленіемъ спросилъ онъ.

Лицо его словно посвѣтлѣло...

— А кому же заботиться о постояльцахъ какъ не хозяину,— возразилъ я шутливо.

— Спасибо, спасибо, старина...—сказалъ онъ и ласково потрепалъ меня по плечу...

Потомъ поднесъ ко рту бутылку, зажмурился и жадно глотнулъ раза два, три...

Въ это время вдали раздался крикъ qui vive...

Часовые бросились поднимать шлагбаумъ.

— Важно, — сказалъ сержантъ, отирая рукою усы и подавая мнѣ бутылку. Спасибо, дядя Моисей,—продолжалъ онъ, разодолжилъ, утѣшилъ! Теперь тащи назадъ, смотри жену-то также поблагодари хорошенько отъ меня за память!

Потомъ, повернувшись въ ту сторону, откуда послышался крикъ, онъ прибавилъ:

— Что они тамъ суетятся? Въ чемъ дѣло?

Оба мы смотрѣли по одному и тому же направленію, стараясь что-нибудь разглядѣть среди снѣжной мятели, какъ вдругъ изъ нея выдѣлилась конная фигура, во весь опоръ подскакала къ намъ и какъ вкопанная, остановилась передъ нами...

Ну, Фрицъ, скажу я тебѣ, вѣкъ я не забуду этого гусара. Вотъ какъ теперь вижу его: лицо длинное, морщинистое, худощавое съ крючковатымъ носомъ и густыми усами; изъ подъ нависшихъ бровей, какъ уголья, сверкаютъ впалые глаза величины небывалой; шапка и доломанъ занесены снѣгомъ; шашка на отлетѣ, сабля звенитъ о шпоры, а дымящійся конь фыркаетъ и становится на дыбы.

— Сержантъ, гдѣ домъ губернатора?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Первый налѣво, квартирмейстеръ! Что новаго? Какія вѣсти?

— Непріятель въ Эльзасѣ,—крикнулъ онъ, далъ шпоры и поскакалъ дальше.

Ты не видалъ, Фрицъ, такихъ людей... не переживалъ та-

кихъ минутъ... гдѣ тебѣ все это понять. А у меня и теперь вотъ въ ушахъ слышится этотъ крикъ:

— Непріятель въ Эльзасѣ!

— Ну, дядя Моисей,—сказалъ мнѣ сержантъ,—теперь держись! Пришла пора!

Говоря это, онъ смѣялся... и у всѣхъ солдатъ были довольныя лица.

Но мнѣ было не до смѣха, я спѣшилъ вернуться домой, и дорогой съ ужасомъ повторялъ про себя слова пророка...

— «И прибудутъ вѣстникъ за вѣстникомъ и гонецъ за гонцомъ, и возвѣстятъ они царю, что пути его захвачены, болота спалены огнемъ, а воины его бѣгутъ передъ нашествіемъ. Храбрѣйшіе отказались отъ битвъ и заперлись въ крѣпостяхъ, силы ихъ были малы и преграды ихъ уничтожены. Подымайте высоко знамена и трубите народамъ, созывайте ихъ противъ него, возстановляйте царства, назначайте вождей. И земля дрогнетъ, потрясется и взволнуется, и совершится все, что предначертано Всевышнимъ, дабы привести страну въ отчаяніе, и стереть жителей съ лица земли».

Исчезала послѣдняя надежда получить спиртъ.

— Боже мой, Моисей, что случилось,—съ испугомъ спросила меня Сарра, когда я вернулся домой.—На тебѣ лица нѣтъ! Говори.

— Плохо, Сарра, совсѣмъ плохо...—отвѣчалъ я,—настали грозныя, бѣдственныя времена... исполнились слова пророка: «царь юга ударитъ его рогами своими, а царь аквилона воздвигнетъ противъ него бурю... она вторгнется въ его земли, наводнитъ, потопитъ и опустошитъ ихъ».

Произнося эти слова, я съ ужасомъ поднималъ руки къ небу.

Испуганный Сауликъ прижался ко мнѣ..

Сарра, молча и потупя голову, стояла передъ нами.

Тогда, въ короткихъ словахъ, передалъ я имъ, что австрійцы уже заняли Эльзасъ, что баварцы, шведы, пруссаки и русскіе, несмѣтной силой, сотнями тысячъ идутъ на насъ, что въ городъ прискакалъ гусаръ съ этими ужасными вѣстями, что гибель наша рѣшена, доставка спирта невозможна...

Потомъ я зарыдалъ. Сарра съ Сауликомъ также зарыдали.

Несмотря на ранній часъ, весь городъ былъ скоро на ногахъ. На улицахъ раздался барабанный бой. На перекресткахъ

читались прокламаціи губернатора о томъ, чтобы изъ всѣхъ чердаковъ и сараевъ немедленно было выбрано все находящееся тамъ. Суматоха сразу поднялась такая, какъ будто бы непріятель былъ уже передъ Пфальцбургомъ...

Мы съ Саррой отворили окошко, чтобы посмотрѣть, что дѣлается.

Нечаянно взглянулъ я направо—и сердце у меня дрогнуло...

— Изъ-за угла поворачивала большая эльзасская телѣга запряженная парой. Лошадьми правилъ зять мой Варухъ, а въ телѣгѣ на сѣнѣ, сидѣла Ципора съ дѣтьми. Они бѣжали изъ Саверна, чтобы искать спасенія у насъ.

Потрясенный этой неожиданностью, я воскликнулъ:

— Господи, подкрѣпи меня! Не дай мнѣ пасть духомъ! Ты зришь: жизнь моя нужна еще моимъ бѣднымъ дѣтямъ!

Поспѣшно спустился я внизъ, по лѣстницѣ, навстрѣчу дорогимъ спутникамъ.

— Ну, во время же мы добрались...—воскликнулъ Варухъ, обнимая меня, въ то время какъ Сарра и Саулъ здоровались съ Ципорой и цѣловали дѣтей.—Едва успѣла повозка въѣхать въ заставу, какъ городскія ворота уже были заперты: опоздай мы только на пять минутъ—и кончено, пропали бы безвозвратно.

— Восхвалимъ имя Всевышняго, Варухъ, — возразилъ я ему,—и да будетъ благодатно пришествіе ваше въ домъ отчій. Я не богатъ, но вы знаете, что мое, то ваше. Пойдемте.

Потомъ мы всѣ, съ дѣтьми на рукахъ, пошли наверхъ и сотворили по обряду молитву.

За завтракомъ, наскоро собраннымъ Саррой, Варухъ разсказалъ намъ, что весь Эльзасъ объятъ ужасомъ, что австрійцы идутъ форсированнымъ маршемъ на Шлештадтъ, Бризахъ и Страсбургъ, а Гунингъ уже обложенъ ими.

— Всѣ бѣгутъ безъ оглядки,—говорилъ онъ,—стада загоняютъ въ лѣсъ, а сами спасаются въ горы, наскоро забравъ съ собою, что полегче, да поцѣннѣе. Разнесся даже слухъ, будто бы казаки появились у Мютцига. Ну, да это, полагать надо, вздоръ: маршалъ Викторъ еще охраняетъ верховья Рейна. Чрезъ Савернъ ежедневно, на подкрѣпленіе къ нему, проходятъ драгунскіе полки. Вѣдь, не пропуститъ же онъ мимо себя казацкіе отряды. Не прорвутся же они безъ сраженія.

Мы всѣ съ такимъ вниманіемъ слушали его, что и не за-

мѣтили, какъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ сержантъ, вернувшійся съ караула.

Онъ прислонился къ притолкѣ и съ удивленіемъ глядѣлъ на всѣхъ насъ.

— Сержантъ,—сказалъ я ему,—вотъ моя дочь, мой зять и мои внуки. Всѣ они уже знаютъ васъ и любятъ васъ по моимъ письмамъ...

Сержантъ пристально посмотрѣлъ на Ципору.

— Ну, дядя Моисей,—сказалъ онъ мнѣ,—красавица же у тебя дочка! Не стыдно никому показать! Да и зятекъ-то хоть куда молодчина!

Съ этими словами онъ взялъ съ рукъ Ципоры маленькаго Ездру, и началъ пестать его высоко подбрасывая надъ головой. Малютка, поддерживаемый сильною рукою стараго солдата, заливался веселымъ смѣхомъ, въ то время какъ маленькій Давидъ, выпуча глазенки съ завистью смотрѣлъ на братишку....

— Дѣти мои пріѣхали погостить ко мнѣ,—сказалъ я, обращаясь къ сержанту.—Ужъ вы, пожалуйста, не взыщите, иной разъ, знаете, ребятишки—народъ шумливый...

— Вотъ старый шутъ, нашелъ въ чемъ извиняться. Словно, я здѣсь чужой,—вскричалъ сержантъ.—Авось какъ-нибудь да уживемся. Однако, вотъ что: семью-то разлучать не приходится... отдайте-ка тетка, гостямъ мою свѣтелку, благо она смежна съ вашей гостинной, а я-то ужъ перейду въ ту коморочку, что выходитъ окнами на дворъ.

Глубоко тронутый этимъ вниманіемъ я схватилъ его за обѣ руки.

— Благословенъ тотъ день, въ который вы переступили порогъ моего дома,—сквозь слезы проговорилъ я.—Благодарю Всевышнюю десницу, приведшую васъ подъ мой кровъ.

— Ну, вотъ! Еще расхныкался,—смѣясь отвѣчалъ онъ.—Словно, не вѣсть какое благодѣяніе оказали ему.

И тотчасъ же, простившись съ нами, чтобы дать намъ въ волю побесѣдовать между собою, онъ наскоро собралъ свои пожитки и перебрался съ ними самъ на свое новое помѣщеніе...

Такъ-то, любезный мой, ничего нельзя знать заранѣе. Фрошаръ, изъ ненависти ко мнѣ, на горе и на разореніе наше, назначилъ къ намъ на постой сержанта, а не прошло и двухъ не-

дѣль, какъ онъ сдѣлался нашимъ лучшимъ задушевнымъ другомъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, дружокъ, а вѣришь-ли, вотъ, по сю пору, объ этомъ безъ слезъ вспомнить не могу..

Когда мы остались опять одни, Варухъ объявилъ намъ, что онъ пріѣхалъ въ Пфальцбургъ только проводить свое семейство, а что самъ долженъ немедленно вернуться въ Саверн, гдѣ остался у него домъ и товаръ, составлявшіе все его состояніе.

— Будь, что будетъ,—говорилъ онъ,—а я останусь безотлучно при моемъ добрѣ: не для грабительскихъ же шаекъ, съ такимъ трудомъ, наживалъ я его.

Хоть и тяжело было намъ отпускать Варуха, а нечего было дѣлать: онъ говорилъ правду...

Приходилось покориться судьбѣ.

Отдохнувши немного, каждый занялся своимъ дѣломъ. Сарра съ Ципорой стлали постель дѣтямъ, которыхъ пора было укладывать спать. Варухъ вносилъ въ домъ привезенную имъ провизію. Сауликъ занималъ племянниковъ. Только я, повѣся голову, ходилъ взадъ, да впередъ по комнатѣ, размышляя о своемъ горѣ.

Нѣмецкія ворота были уже заперты. Французскія, какъ намъ сообщилъ сержантъ, рѣшено было запереть въ два часа. Времени терять было нельзя: наступала минута разлуки.

Всѣ это чувствовали, но молчали.

Ну и ни у кого не доставало духу произнести роковое слово...

— Ну, Ципора... пора... прощай, — дрожащимъ голосомъ сказалъ Варухъ, первый прерывая молчаніе и поднимаясь съ мѣста.

Отвѣтомъ ему былъ раздирающій вопль его жены...

Всѣ окружили ихъ... всѣ плакали...

Сердца наши разывались на части...

Да, Фрицъ, семейное счастье—это великая, святая вещь, величайшее изъ благъ, которыя Всевышній ниспосылаетъ на долю человѣка... но тяжела зато разлука съ близкими намъ... не дай Богъ никому ее испытать.

Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить то, что происходитъ на душѣ въ такую минуту.

Я отошелъ одинъ къ окошку, и, закрывъ лицо руками, предался самымъ безотраднымъ мыслямъ:

— Боже мой,—думалъ я,—за что же одинъ человѣкъ держитъ въ рукахъ своихъ судьбы милліоновъ людей. За что все приносится въ жертву его волѣ, его честолюбію... Все расторгается, гибнетъ и рушится черезъ него. Всемогущій Творецъ, отврати отъ насъ гнѣвъ твой и милостивымъ окомъ взгляни на созданіе твое...

Наконецъ, Варухъ, въ послѣдній разъ страстно прижавъ къ сердцу жену и дѣтей, вырвался изъ ихъ объятій, и, не оглядываясь, быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

Никто не послѣдовалъ за нимъ, никто...

Ципора лежала безъ памяти.

Всѣ мы словно окаменѣли.

Вотъ какія минуты переживались въ это смутное время, Фрицъ, какъ вспомнишь объ нихъ, такъ сердце кровью обливается...

Да, какъ подумаешь, куда какъ выносливъ человѣкъ.

Въ ушахъ ихъ раздался стукъ отъѣзжающаго экипажа... вотъ тише... тише... и все замолкло...

Всѣми нами овладѣла печаль безотрадная, мрачная, та печаль, о которой сказано въ писаніи:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ сидѣли мы и плакали о Сіонѣ, повѣсивъ лиры наши на кипарисы...»

X.

Въ этотъ же день, дружокъ, мнѣ суждено было вынести еще одно испытаніе, да ужъ такое скажу тебѣ, что и злому недругу не пожелаю.

Кажется, я говорилъ уже тебѣ, что мы съ Саррой наканунѣ порѣшили, что ежели до блокады не получимъ отъ Катайя квитанціи, то вовсе откажемся отъ спирта: вѣдайся онъ тамъ съ нимъ самъ, какъ знаетъ, а наше дѣло—сторона...

Было около трехъ часовъ пополудни. Нѣмецкія и Французскія вороты были заперты: никто уже не могъ ни въѣхать въ городъ, ни выѣхать изъ города. Стало быть о спиртѣ и думать было нечего...

Мое дѣло съ нимъ было покончено. Право отказа, по моему убѣжденію, принадлежало мнѣ несомнѣнно.

Прискорбно было мнѣ лишиться барышей, на которые я расчитывалъ, очень прискорбно. Ну, да ужъ, по крайности, конецъ—и съ плечъ долой.

— По дѣломъ тебѣ, Моисей,—сказалъ я самъ себѣ.—По дѣломъ! Впередъ наука! Не лѣзъ бы въ гору на старости лѣтъ, а торговалъ бы себѣ по маленьку... да. Вотъ и не вынесъ бы такой тревоги, ни за что, ни про что...

Вдругъ по лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то тяжелой поступью поднимался наверхъ, словно отыскивая дорогу.

— Кто тамъ,—спросилъ я и отворилъ дверь не дожидаясь отвѣта...

Передо мной стоялъ высокій, плотный извозчикъ, заплывшее жиромъ лицо его непривѣтливо выглядывало изъ-подъ широкой шляпы.

— Гдѣ тутъ живетъ винный торговецъ Моисей?—спросилъ онъ стоя на порогѣ.

Я весь поблѣднѣлъ и затрясся.

— Здѣсь. Что вамъ угодно,—отвѣчалъ я и впустилъ его въ комнату.

Онъ вытащилъ изъ-за пазухи толстый кожаный бумажникъ, и сталъ въ немъ шарить...

Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, не помня себя отъ волненія.

— Къ вамъ присланы двѣнадцать бочекъ спирту изъ Пезена,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ двѣ сложенныя бумаги.—Вотъ вамъ фактура да накладная. Получайте...

— Присланы-то онѣ, любезнѣйшій, ко мнѣ... дѣйствительно... ко мнѣ... да гдѣ же онѣ?

— Неподалеку отъ Миттельброна,—преспокойно отвѣчалъ онъ,—минутъ на двадцать ѣзды отсюда. Казаки тамъ захватили подводы. Хорошо, что еще лошадей-то мы успѣли отпречь. Самъ едва попалъ въ городъ-то... не хотѣли пускать... ужъ черезъ ровъ перебрался...

Меня то въ жаръ бросало, то обдавало холодомъ. Въ глазахъ темнѣло. Ноги подкашивались...

— Платите, что слѣдуетъ за провозъ, да давайте росписку въ полученіи товара...

— Сарра, Сарра,—закричалъ я отчаяннымъ голосомъ и почти безъ чувствъ опустился въ кресло.

Она сейчасъ прибѣжала, страшно перепуганная моимъ кри-

комъ. Извозчикъ объяснилъ ей въ чемъ дѣло. Я все сидѣлъ, какъ убитый, и только съ ужасомъ повторялъ:

— Погибъ... раззоренъ въ конецъ... Товаръ пропалъ, а мнѣ платить за него приходится...

Сарра, какъ всегда не потеряла и тутъ присутствія духа.

— Платить за него мы не прочь,—сказала она,—но спиртъ еще не доставленъ вами на мѣсто. Доставьте прежде, а потомъ и требуйте...

— Ну, на эту штуку вамъ меня не поддѣть. Я тоже малый не промахъ: прямо сюда отъ мирового судьи... Тоже принялъ свои мѣры... справился... напередъ зналъ что вы, жиды, будете отлынивать. Судья сказалъ мнѣ, что, по закону, вы должны платить безъ отговорокъ... да не только за провозъ, а даже за лошадей моихъ заплатили бы мнѣ, ежели бы у меня ихъ отбили. Да. Что лошадей то я спасъ, и за то скажите спасибо. Ну что же, будете платить вы, или нѣтъ? Отвѣчайте!

Въ эту минуту дверь отворилась... въ комнату вошелъ сержантъ.

— Что у васъ тутъ за шумъ, дядя Моисей, — спросилъ онъ.—Что случилось? Что это за человѣкъ?

Сарра въ короткихъ словахъ, разсказала ему, что случилось.

— Двѣнадцать бочекъ спирту, — вскричалъ онъ живо. — Отлично! Вотъ такъ находка для крѣпостного гарнизона!

— Была бы находка, кабы онѣ могли попасть въ городъ,— со вздохомъ отвѣчалъ я.

— Теперь уже кончено... опоздали онѣ: ворота заперты... мои бочки достались казакамъ.

— Что? Опоздали,—съ сердцемъ передразнилъ меня сержантъ.—Двѣнадцать бочекъ спирта опоздали! Да понимаешь ли что ты несешь, дядя Моисей! И за кого же ты принимаешь коменданта... Дуракъ онъ развѣ, чтобы уступить казакамъ твой спиртъ, когда у гарнизона уже теперь почти нѣтъ водки. Тетка, сейчасъ платите ему безъ разговоровъ, а ты, старина, одѣвайся проворнѣй! Пойдемъ со мной къ генералу: не тужи... поправимъ дѣло, головой отвѣчаю тебѣ, да и все тутъ. Да смотри не забудь захватить съ собою квитанцію-то. Ну, маршъ, всякая минута намъ дорога. Пока мы тутъ раздабарываемъ, казаки, пожалуй, шибко поубавятъ спиртъ...

— Сержантъ, вы спасаете мнѣ жизнь,—сказалъ я и сталъ торопливо одѣваться...

— Что же платить что ли?—закричала намъ вслѣдъ Сарра.

— Плати, плати,—отвѣчалъ я спускаясь съ лѣстницы.

Самъ посуди, Фрицъ, вѣдь, ужъ какъ тутъ ни вертись, а платить не миновать было. Извозчикъ и судомъ бы стребовалъ.

Мы вышли на улицу.

Я едва поспѣвалъ за сержантомъ, который шагалъ впереди меня, по снѣгу.

Я былъ до того взволнованъ, что и не помню, какъ мы дошли до комендантскаго дома.

Сержантъ сказалъ что-то стоявшему на часахъ саперу. Тотъ пропустилъ насъ. Мы отправились прямо наверхъ, по мраморной лѣстницѣ...

На верхней площадкѣ сержантъ тихонько постучалъ въ дверь, а потомъ обернулся ко мнѣ, подмигнулъ и сказалъ:

— Ну, дядя Моисей, только не трусь, а ужъ говорить-то я стану.

— Войдите,—послышался голосъ за дверью.

Мы вошли. Какъ теперь я гляжу на коменданта: въ широкомъ халатѣ и въ шелковой ермолкѣ, сидѣлъ онъ передъ каминомъ и курилъ трубку. Передъ нимъ стояла бутылка съ ромомъ и маленькая рюмочка. По его багровому лицу видно было, что ужъ онъ порядкомъ хлебнулъ.

— Кто тамъ? Что надо,—окликнулъ онъ, сердито оборачиваясь къ намъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, генералъ,—отпустилъ ему сержантъ, смѣло входя на середину комнаты.—Казаки близъ Миттельброна.

— А! Что! Казаки...—вскричалъ комендантъ.—Развѣ они уже пробились черезъ наши линіи?

— Эти разбойники, — отвѣчалъ сержантъ,—отбили нынче двѣнадцать бочекъ спирта, выписанныхъ для нашего гарнизона, вотъ этимъ самымъ обывателемъ.

— Каковы негодяи, — сказалъ комендантъ и быстро поднялся съ мѣста.

— Вотъ и квитанція,—продолжалъ сержантъ, взявъ у меня изъ рукъ ее и подавая коменданту.

Тотъ, вскользь пробѣжалъ фактуру, подошелъ сейчасъ къ

письменному столу, написалъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, а потомъ подозвалъ рукой сержанта и рѣзко проговорилъ:

— Сержантъ Трюберъ, сейчасъ же возьми изъ твоей роты человѣкъ двадцать пять надежныхъ солдатъ, да скорымъ шагомъ отправляйся съ ними на выручку спирта. Лошадей можешь взять въ деревнѣ изъ обывательскихъ. Вотъ предписаніе и пропускъ... Съ Богомъ!

Когда мы вышли на лѣстницу, сержантъ сказалъ мнѣ:

— Ну, дядя Моисей, бѣги теперь скорѣй за бондаремъ: пускай идетъ съ нами... да чтобы не забылъ захватить съ собой веревокъ да лѣстницу. Я казаковъ знаю: они ужъ, чай, давно сгрузили бочки-то съ повозокъ.

Я опрометью бросился домой, чтобы взять ружье и лядунку.

Видишь ли, Фрицъ, такое зло разобрало меня тутъ на этихъ казаковъ, что вотъ, кажется, своими руками передушилъ бы цѣлую дюжину.

— Что съ тобой, куда это ты снаряжаешься,—спрашивали меня Сарра и Цинора.

— Отстаньте, послѣ узнаете, — отвѣчалъ я и бѣгомъ пустился къ Швейеру.

Онъ тотчасъ же собрался, наскоро заткнувъ за поясъ два сѣдельныхъ пистолета, да топоръ. Работники его, Никель и Францъ захватили лѣстницу, и мы вчетверомъ отправились въ путь.

Когда мы пришли къ Французскимъ воротамъ, сержанта тамъ не было; но онъ вскорѣ явился со своей командой.

Взглянувъ на пропускъ, дежурный офицеръ тотчасъ же велѣлъ опустить подъемный мостъ, и черезъ нѣсколько минутъ, мы уже спускались въ крѣпостной ровъ, что позади госпиталя.

Тутъ сержантъ выстроилъ свою команду, и обратился къ солдатамъ съ слѣдующей рѣчью:

— Мы, братцы, идемъ теперь на выручку двѣнадцати бочекъ спирта... слышали? Изъ спирта дѣлается водка. Поняли?.. Вы знаете что въ городѣ ее осталось очень мало? Значитъ тутъ и разговаривать нечего. Впередъ!..

Когда мы вышли на шоссе былъ часъ седьмой пополудни. Направо тянулась Эйхматская долина, далѣе виднѣлись покрытые снѣгомъ пригорки Миттельброна. Морозъ пронизывалъ до костей.

Солдаты, по колѣна въ снѣгу, бодро шли, закинувъ ружья за спину. Мы съ Швейеромъ брели далеко позади ихъ...

Минутъ черезъ десятокъ, они уже такъ опередили насъ, что къ намъ едва только доносилось бряцанье ихъ ружей...

Скоро затихъ и этотъ звукъ.

Небо было ясно и усѣяно звѣздами. Воздухъ сквозилъ и свѣтился.

Въ отдаленіи, среди ночной тишины, послышался лай цѣпной собаки, привязанной у входа въ трактиръ «Зеленый Боръ».

Мнѣ какъ-то стало жутко. Въ вискахъ застучало.

Будь, любезный другъ, это по другому какому дѣлу, признаться, ни въ жизнь бы я шагу не сдѣлалъ дальше... ну, а тутъ, самъ посуди, рѣшалась судьба.

Швейеръ попризамялся.

— Швейеръ, голубчикъ мой, пойдемъ поскорѣе,—упрашивалъ я его.

— Тебѣ хорошо толковать то,—съ досадой возразилъ онъ. Ты идешь выручать свое добро... а насъ-то, спрашивается, зачѣмъ туда несетъ дьяволъ? Намъ-то какая тутъ прибыль? Мы-то съ какой стати вязнемъ по брюхо въ снѣгу?

Въ умѣ моемъ мелькнула мысль, что онъ хочетъ удрать...

— Смотри, Швейеръ, берегись,—сказалъ я ему, коли ты отстанешь отъ насъ, то тебя, пожалуй, еще обвинятъ въ измѣнѣ... не дури, братецъ...

— Э, убирайся ты, старый плутъ... отстань,—закричалъ онъ.—И дернулъ чортъ меня идти сюда съ тобой.

Однако же, онъ все-таки не убѣжалъ, а продолжалъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, подаваться впередъ со мной рядомъ. Никель и Францъ нѣсколько поодаль слѣдовали за нами..

Когда мы взобрались на горку, передъ нами, какъ на ладони, открылась деревенька Миттельбронъ, цѣль нашего путешествія.

Кое-гдѣ, тамъ и сямъ, мелькали огоньки. Все казалось тихо и спокойно, только около двухъ крайнихъ домовъ, въ полосѣ луннаго свѣта копошилась кучка народа...

Это были казаки.

Дверь трактирчика была настежъ отворена: свѣтъ отъ жарко топившейся печки падалъ на улицу. У воротъ стояли двѣ повозки со спиртомъ.

Онѣ не были еще разгружены.

Казацкій разъѣздъ, поставивъ лошадей своихъ подъ навѣсъ, шумно пировалъ у Гейца.

Намъ, на разстояніи, почитай, трехсотъ шаговъ очень явственно было видно, какъ люди то поднимались, то спускались по лѣстницѣ, передавая другъ другу кувшины и кружки.

Я сталъ вглядываться пристальнѣе. Сзади одной изъ моихъ бочекъ былъ привѣшенъ фонарь, проклятые казаки то-и-дѣло подбѣгали къ ней...

— Вѣдь это они мой спиртъ тянутъ, мерзавцы, — подумалъ я.

При этой мысли мною овладѣло такое бѣшенство, что я, позабывъ и Швейера, и опасность, угрожавшую мнѣ, сломя голову, бросился туда, чтобы остановить такой наглый грабежъ своей собственности.

Но опереди меня нашъ отрядъ, мнѣ было бы плохо.

Я еще былъ только на полпути, когда наши молодцы солдаты, какъ львы, ринулись на злодѣевъ моихъ съ крикомъ:

— Коли ихъ! Бей! Въ штыки!..

Казаки, въ одно мгновеніе ока вскочили на лошадей, гикнули и окружили нашихъ. Сначала началась ружейная перестрѣлка, а потомъ рукопашная схватка. Ежеминутно что-то тяжелое падало на снѣгъ. Испуганныя лошади, вырываясь изъ-подъ убитыхъ сѣдоковъ, фыркая и брыкаясь, вихремъ уносились въ поле.

И все это освѣщалось огнемъ ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ.

Старикъ Гейцъ спрятался на чердакъ; дочери его, высунувшись изъ окошка, кричали, какъ полоумныя; испуганный народъ сходился со всѣхъ сторонъ, а я, ничего не помня, ничего не видя передъ собой, озлобленный, раздраженный продолжалъ бѣжать къ моимъ бочкамъ...

Я былъ уже въ шагахъ пятидесяти отъ нихъ, не дальше, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ, отдѣлясь отъ товарищей, во всю прыть пустился на меня съ пикой на перевѣсъ.

Я успѣлъ нагнуться: холодное остріе только проскользнуло у меня по спинѣ.

Что со мной было въ эту минуту, Фрицъ, того и передать-то даже невозможно никакъ.

Я испыталъ тотъ страшный трепетъ, о которомъ пророкъ говоритъ:

«И содрогнулся я въ душѣ моей, и власы мои встали дыбомъ».

Придя въ себя, я доползъ по снѣгу до первой повозки и спрятался подъ нею...

Здѣсь, внѣ всякой опасности, я видѣлъ какъ наши храбрецы справлялись съ негодяями...

Одна половина ускакала, а другая забралась было на дворъ: ни одинъ изъ этихъ не спасся, всѣхъ тамъ уходили.

Пять или шесть казаковъ лежали кучей подъ воротами, а остальные валялись, посреди дороги, въ предсмертныхъ корчахъ.

Свалка длилась, дружокъ, не болѣе десяти минутъ. Потомъ все затихло, замерло.

Старикъ Гейцъ вышелъ съ фонаремъ въ рукахъ и освѣтилъ обѣ повозки. Сержантъ увидѣлъ меня и въ испугѣ бросился ко мнѣ:

— Дядя Моисей, зачѣмъ ты легъ, развѣ ты раненъ?—спросилъ онъ меня взволнованнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, Богъ помиловалъ,—отвѣчалъ я,—а это только мѣры предосторожности.

Онъ расхохотался.

— Хороши мѣры,—сказалъ онъ.—Ну, шутъ гороховый, напугалъ ты меня попустому. Вылѣзай, коли такъ, да спину-то вытри, а то, пожалуй, подумаютъ, что ты струсилъ.

Я тоже засмѣялся...

— Пусть себѣ думаютъ, что хотятъ, — подумалъ я въ душѣ.—Вотъ ужъ рѣшительно-то все равно для меня. Лишь остаться въ живыхъ-то.

Во всемъ нашемъ отрядѣ былъ только одинъ раненый старый капралъ Дюгэмъ. Ему пикой насквозь прокололи правую икру. Да и тотъ, вообрази, самъ сдѣлалъ себѣ перевязку и ни за что не хотѣлъ садиться въ повозку.

Только силой его посадили.

Старшая дочь Гейца вынесла ему стаканчикъ киршвассера, который сразу поправилъ и развеселилъ его.

— Это пятнадцатая рана,—смѣясь, говорилъ онъ, — придется, пожалуй, съ недѣлю проваляться по ея милости, въ госпи-

талѣ. Ты бы, красавица, всю бутылочку бы мнѣ отдала для компрессовъ, право!

Отчаянный народъ былъ... Да...

Теперь такихъ людей ужъ нѣтъ, всѣ выродились.

Я парадоваться не могъ, что бочки мои остались въ повозкахъ, потому что трусливый Швейеръ съ своими работниками при первомъ выстрѣлѣ удралъ безъ оглядки, а безъ нихъ намъ трудно было бы справиться.

Однако жъ, надо было посмотрѣть сколько выпили у меня бездѣльники.

Я подошелъ къ послѣдней бочкѣ и постучалъ по дну. Недоставало слишкомъ ведра.

Старикъ Гейцъ разсказалъ намъ, что они тянули спиртъ цѣликомъ, не разбавляя нисколько водой. Вотъ желѣзныя горла. Самый отчаянный изъ нашихъ пьяницъ съ одного стакана мертвымъ свалился бы.

Хвала Всевышнему! Все было кончено благополучно. Теперь оставалось вернуться въ городъ.

Никогда, Фрицъ, я не забуду этой минуты... Такъ все это, право, у меня въ памяти... точно вотъ сейчасъ передъ глазами. Сѣрыхъ лошадей Гейца выводятъ изъ конюшни. Въ темныхъ воротахъ сержантъ, съ фонаремъ въ рукахъ, кричитъ и распоряжается. На улицѣ, передъ трактиромъ солдаты толпятся вокругъ повозокъ. Сбѣжавшіеся крестьяне глазѣютъ на убитыхъ казаковъ, а я воспѣваю въ сердцѣ своемъ хвалебные гимны Всемогущему, и заранѣе наслаждаюсь восторгомъ Сарры, Ципоры и Саула, когда они увидятъ въ неприкосновенности и меня, и мой спиртъ...

Наконецъ, лошади запряжены, колокольчики звенятъ, бичъ хлопаетъ... трогаемся въ путь.

Какое блаженство...

Ахъ, Фрицъ, какъ черезъ тридцать лѣтъ все прошедшее хорошо-то кажется. Забываются всѣ былыя тревоги, заботы, огорченія. Остаются въ памяти однѣ только свѣтлыя минуты, да добрые, незабвенные друзья.

Солдаты, по обѣимъ сторонамъ повозокъ, съ ружьями на плечо, сопровождали мой спиртъ, точно какую-нибудь святыню. Гейцъ правилъ лошадьми. Мы съ сержантомъ шли сзади...

— Ну, дядя Моисей,—говорилъ онъ мнѣ, посмѣиваясь,— что радъ небось? Счастливо отдѣлался.

— Такъ радъ, что и высказать-то не въ силахъ, сержантъ,—отвѣчалъ я,—и всѣмъ этимъ обязанъ вамъ, да, вамъ.

— Ну, полно, полно, что за вздоръ,—отвѣчалъ онъ.

Я былъ тронутъ до глубины души...

XI.

Теперь, дружокъ, я разскажу тебѣ про наше возвращеніе въ Пфальцбургъ.

Ты можешь себѣ представить, конечно, въ какой тревогѣ были всѣ мои домашніе: никто вѣдь не зналъ, куда я дѣвался, гдѣ я, и что со мной...

Измучившись отъ неизвѣстности и безпокойства, видя, что меня все нѣтъ, да нѣтъ, Сарра съ Ципорой, наконецъ, вышли на улицу, чтобы развѣдать что-либо обо мнѣ. Тутъ-то имъ и сказали, что я съ отрядомъ солдатъ отправился къ «Зеленому Бору».

Самъ посуди, что онѣ перечувствовали бѣдняжки и какъ испугались...

Слухъ о какой-то отчаянной вылазкѣ быстро разнесся по всему городу: обыватели толпами бѣжали на бастіонъ къ пѣхотнымъ казармамъ, откуда была видна дорога въ Миттельбронъ.

Тутъ были и мэръ, и Бюрге, и всѣ городскія власти, окруженныя множествомъ женщинъ и дѣтей...

Всѣ напряженно смотрѣли въ нашу сторону, стараясь разглядѣть что-нибудь вдали. Ужъ повсемѣстно шелъ говоръ о томъ, что Моисей тоже ушелъ вмѣстѣ съ отрядомъ, но никто не хотѣлъ вѣрить.

— Не можетъ быть... вздоръ,—говорилъ Бюрге.—Никогда я не повѣрю, чтобы такой умный человѣкъ ни съ того, ни съ сего, да пошелъ подставлять свой лобъ подъ казацкія пули. Нѣтъ. Я его знаю: неспособенъ онъ на такую глупость...

Да будь я на его мѣстѣ, и я сказалъ бы тоже самое. Да дѣло въ томъ, Фрицъ, какъ только коснется до денегъ, такъ тутъ самый умнѣйшій изъ людей на ножъ полѣзетъ. Такая ужъ натура человѣческая.

Къ стоявшимъ на бастіонѣ, скоро присоединились Сарра и Ципора, закутанныя въ длинные плащи. Онѣ тоже взобрались на валъ и стояли тамъ, не говоря ни слова, а только дрожа и плача...

Ужасъ отнялъ у нихъ языкъ.

Все это я узналъ, понятно, уже позднѣе...

Когда жена моя и дочь пришли на бастіонъ, въ эту самую минуту у насъ, тамъ, начиналась схватка, а Швейеръ съ работниками удиралъ отъ насъ во всѣ лопатки.

Бюрге разсказывалъ мнѣ потомъ, что, несмотря на разстояніе, огонь перестрѣлки былъ виденъ такъ ясно, какъ бы стрѣляли въ ста шагахъ. Всѣ молчали и вслушивались въ раскаты выстрѣловъ, далеко разносившихся по окрестности...

Наконецъ, Сарра до того ослабѣла, что не могла уже стоять на ногахъ. Опираясь на руку Ципоры, сошла она съ бастіона. Бюрге довелъ ихъ до крѣпостныхъ воротъ и посадилъ въ караульнѣ.

Сарра ломала руки и только повторяла:

— Я до завтра не доживу! Охъ, пришла моя смерть!

Ципора, стоя подлѣ нея, громко рыдала.

Часто вспоминая потомъ все это, я горько упрекалъ себя за то, что былъ тогда для нихъ источникомъ такой страшной скорби. Да что же дѣлать? Всегда не убережешься.

Возвращаясь на бастіонъ, Бюрге встрѣтилъ у моста Швейера съ работниками.

Они отъ страха обезумѣли и во все горло кричали, что отрядъ нашъ окруженъ со всѣхъ сторонъ казаками, и что мы всѣ погибли, всѣ до единаго...

Мэръ тотчасъ же принудилъ Швейера замолчать и пригрозилъ ему тюрьмой.

Но дѣло уже было сдѣлано.

Всѣ имъ повѣрили и стали, мало-по-малу, расходиться.

Иные шли домой, другіе, стоя подъ сводами, грустно толковали о нашей гибели.

Никто уже не надѣялся свидѣться съ нами въ этой жизни.

На городской башнѣ пробило восемь часовъ.

При послѣднемъ ударѣ послышался громовой окликъ часового:

— Кто идетъ?

А это мы подходили къ заставѣ.

Услышавъ часового, всѣ опять бросились обратно назадъ къ валу.

До насъ доносился изъ города глухой гулъ. Въ темнотѣ невозможно было ничего разглядѣть, да намъ и въ голову не приходило, что всѣ съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ насъ.

Наконецъ, намъ отворили крѣпостныя ворота, подъемные мосты опустились, и мы вступили въ городъ.

Каково же было наше удивленіе, когда навстрѣчу намъ бросилась толпа народа съ радостнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ Моисей! Да здравствуетъ спиртъ!

Трогательная это была минута... да... О сю пору какъ вспомню, такъ слезы навертываются, да...

Отовсюду сыпались вопросы:

— Дядя Моисей, ты живъ? Не раненъ? А?

Веселая болтовня, хохотъ, крики все сливалось вмѣстѣ.

Всѣмъ хотѣлось со мной поговорить, узнать отъ меня, какъ было дѣло. Самъ мэръ съ комендантомъ подошли ко мнѣ...

Я просто уже не зналъ, кому прежде отвѣчать.

Сарра съ Ципорой и Сауломъ, сидѣвшія неподалеку, тоже прибѣжали на шумъ.

Не помня себя отъ радости, бросились онѣ въ мои объятія.

— Живъ!.. Спасенъ!..

Вотъ была минута истиннаго полнаго счастья...

Такія минуты, скажу тебѣ, дороже славы, дороже денегъ.

Пока повозки мои подъ конвоемъ солдатъ, медленно подвигались къ площади, я съ Саррой и Ципорой пошелъ впередъ, чтобы немножко обогрѣться и поскорѣй перемѣнить платье.

На улицѣ шумъ не утихалъ.

Такая была радость, скажу тебѣ, словно спиртъ принадлежалъ не мнѣ, а всему городу.

Сарра и Ципора до того были взволнованы, что я не рѣшился передать имъ всѣ подробности нашихъ похожденій, а увѣрилъ ихъ, что казаки обратились въ бѣгство, какъ только насъ увидали, и что намъ оставалось только запречь лошадей, да вывезти спиртъ.

Пообогрѣвшись, я снова пошелъ на улицу. Мнѣ хотѣлось немедленно разгрузить мои бочки, сейчасъ же все привести въ

порядокъ, чтобы, не откладывая въ дальній ящикъ, приняться скорѣй за свою торговлю.

Барышъ мнѣ предстоялъ не шуточный: спирта-то, кромѣ какъ у меня, достать уже было негдѣ. Можно было нажить отъ него, навѣрное, сто на сто. Ну, да зато чѣмъ же я рисковалъ! Что страху натерпѣлся! Не по своей же цѣнѣ было мнѣ теперь отпускать его.

По моему, настоящая торговля въ томъ именно и состоитъ, чтобы наживать какъ можно больше и какъ можно скорѣй. Обманывать грѣхъ, плутовать не годится, а надбавлять на товаръ цѣну всегда слѣдуетъ, глядя по обстоятельствамъ, да по времени. Тутъ и сердиться то никто не въ правѣ. Дорого, такъ не бери. Вѣдь не неволятъ.

Когда я вышелъ на крыльцо, повозки стояли уже передъ домомъ моимъ.

Было часовъ девять. Сарру съ Ципорой я отправилъ спать, а Саулика послалъ за бондаремъ Гроссомъ, чтобы пришелъ помочь мнѣ разгружать бочки.

Явился Гроссъ съ своими мастерами, и работа закипѣла.

Къ полуночи, всѣ двѣнадцать были уже на подмосткахъ.

Оставалось только разбавить спиртъ. Плотно прихлопнувъ дубовую дверь подвала, я простился съ Гроссомъ, сказавъ ему, чтобы онъ завтра пораньше утромъ приходилъ откупоривать бочки.

На другой день съ самой зари я, снявъ бекешу, принялся неутомимо качать воду, пока Гроссъ съ работниками разбавлялъ спиртъ. Къ вечеру чаны, заранѣе приготовленные мною, были до краевъ наполнены чудесной сорокаградусной водкой.

Я не забылъ припасти и жженый сахаръ, чтобы подцвѣтить спиртъ, и такъ-то мнѣ славно удалось придать ему оттѣнокъ стараго коньяку, что, любуясь имъ на свѣтъ, я вспомнилъ невольно слова пророка:

— «Дайте выжимковъ виноградныхъ имѣющимъ въ сердцѣ печаль. Да пьютъ они и да забудутъ съ ними терзанія духа своего».

Старикъ Гроссъ и его работники съ улыбкой смотрѣли на меня. Я налилъ имъ по полному стакану. Они такимъ манеромъ первые поздравили меня и пожелали мнѣ счастливой торговли.

Въ тотъ же день Саулъ мой принялся отдѣлывать лавку:

принанялъ работниковъ и вмѣстѣ съ ними, перетаскалъ въ сарай всю рухлядь изъ подвальнаго этажа, замазалъ въ штукатуркѣ трещины и выбѣлилъ стѣны.

Столяръ Демаре прибилъ полки для посуды, а сынъ его изготовилъ доски для прилавка.

Все шло такъ успѣшно, такъ живо, что у меня только сердце радовалось.

Ципора и Сарра подъ вечеръ тоже сошли къ намъ внизъ.

— Вотъ тебѣ и мѣсто готово,—сказалъ я женѣ, показывая на прилавокъ.—Поставимъ тебѣ сюда мягкое кресло и будешь ты тутъ сидѣть, да посиживать, да продавать нашу водочку.

Она засмѣялась и горячо поцѣловала меня.

Сосѣди то-и-дѣло забѣгали посмотрѣть на нашу работу и не могли надивиться, какъ у насъ все творилось чудесно, споро, да скоро...

Часамъ къ шести, когда Демаре вколачивалъ послѣдній гвоздь, вошелъ сержантъ. Онъ только что вернулся съ караула.

— Ай-да, дядя Моисей,—весело закричалъ онъ, отворяя дверь,—вотъ люблю за обычай, попусту время не теряетъ. И какъ ты ладно устроилъ... первый сортъ, да и только! Одного только не достаетъ...

— Чего же?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да вотъ чего,—отвѣчалъ онъ,—блиндажа нѣтъ надъ крышей. А то, какъ налетитъ бомба—и капутъ, братъ, тогда сразу твоей водочкѣ.

Сержантъ былъ правъ, совершенно правъ. Слова его отравили все мое удовольствіе.

— Нѣтъ, не пришелъ еще, видно, конецъ, нашимъ бѣдствіямъ,—подумалъ я про себя.

Сарра и Ципора тоже принасупились.

— Не тужи, старина,—сказалъ мнѣ сержантъ,—не тужи: поправимъ дѣло.

Мы пошли наверхъ, а Демаре сталъ запирать подвалъ. Саулъ принесъ мнѣ ключъ, когда мы уже сидѣли за ужиномъ.

Сержантъ, по обыкновенію, пришелъ вечеркомъ побесѣдовать съ нами, съ своей неизмѣнной трубкой въ зубахъ, и подробно объяснилъ намъ, какъ блиндируютъ крыши, ставя бревна крестъ на крестъ и упирая ихъ въ стропила.

— Такая крыша,—говорилъ онъ,—надежнѣе всякаго каменнаго свода. Вѣрь мнѣ. Устрой блиндажъ—и спи потомъ безъ заботы.

Но мнѣ что-то уже не вѣрилось.

XII.

Въ ночь съ пятаго на шестое января, непріятель подошелъ къ городу.

Холодъ стоялъ страшный: стекла замерзли у насъ сверху до низа.

Около часу ночи, меня разбудилъ барабанный бой. Я тревожно вскочилъ и сталъ прислушиваться...

Трудно представить себѣ, Фрицъ, что за ужасъ наводитъ этотъ грубый, зловѣщій стукъ, среди мертвой, ночной тишины.

Захватываетъ, просто, душу.

Охъ, и вспомнить-то, просто, страшно.

— Слышишь, Моисей?—шепотомъ спросила меня Сарра.

— Слышу, слышу...—отвѣчалъ я, едва переводя духъ.

Черезъ нѣсколько минутъ во всѣхъ окнахъ показались огни. На улицѣ поднялась бѣготня...

Вдругъ раздался крикъ:

— Къ оружію! Къ оружію!

Я только что хотѣлъ было лампу зажечь, какъ кто-то тихонько постучалъ къ намъ въ дверь.

— Войдите...—проговорила Сарра дрожащимъ голосомъ.

Вошелъ сержантъ, онъ былъ въ полной походной формѣ.

— Ты не волнуйся, а опять ложись спать, дядя Моисей,—сказалъ онъ.—Сборъ бьютъ нашимъ батальонамъ, а до васъ еще не скоро чередъ дойдетъ.

— Спасибо вамъ, сержантъ... премного благодаренъ,—отвѣчалъ я.

— Доброй ночи,—крикнулъ онъ, выходя на лѣстницу.

Слышно было, какъ онъ сошелъ внизъ и какъ за нимъ захлопнулась тяжелая, наружная дверь.

Дѣти, перепуганныя со сна, расплакались и раскричались

въ гостиной. Ципора, блѣдная, растрепанная, неодѣтая, вбѣжала къ намъ.

— Боже мой, что тамъ? Что такое случилось?—спрашивала она у насъ.

— Ничего, ничего, дитя мое, успокойся...—отвѣчала ей Сарра.—Это бьютъ сборъ солдатамъ. Вонъ они идутъ по улицѣ... слышишь?

Въ это самое время, дѣйствительно, батальоны проходили шумно мимо насъ, по направленію къ Нѣмецкимъ воротамъ.

Вслѣдъ затѣмъ все успокоилось: ставни въ домахъ закрылись; огни потухли. Ципора ушла къ себѣ, а я легъ спать.

Но мнѣ уже было не до сна. Въ умѣ моемъ рисовались разныя картины, одна другой безотраднѣе, мрачнѣе. То представлялось мнѣ, какъ русская армія, въ темную, холодную ночь подступаетъ къ стѣнамъ города. То, какъ навстрѣчу ей идутъ наши войска. Блиндажи, блокгаузы, батареи — словно выростали передо мною. Съ ужасомъ соображалъ я, что всѣ они воздвигнуты съ цѣлью защищать крѣпость отъ бомбъ и ядеръ...

Но что же будетъ съ нашими домами,—боязливо думалось мнѣ.—Они ничѣмъ не защищены... отъ нихъ, понимается, не останется камня на камнѣ... а мы всѣ будемъ погребены подъ развалинами...

Уже около получаса мрачныя мысли волновали меня, какъ вдругъ, со стороны Катрвана, послышался какой-то невнятный, странный гулъ, который сначала то усиливался, то ослабѣвалъ, какъ плескъ морскихъ волнъ о берега, а потомъ съ минуты на минуту сталъ дѣлаться все явственнѣе и явственнѣе... все громче и громче...

Я приподнялся, чтобы лучше разслышать.

Это было сраженіе... да не такое, какъ наше-то... съ казаками въ Миттельбронѣ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... а настоящее, большое сраженіе...

— Тамъ дерутся, Сарра,—воскликнулъ я,—Боже мой, тамъ дерутся! А, послушай-ка, Сарра, послушай! Творецъ небесный, какъ страшно!

— Да...—отвѣчала она.—Какъ бы чего не случилось... сохрани, Богъ, съ нашимъ бѣднымъ сержантомъ! Долго ли до бѣды! Господь, спаси его и помилуй!

Я совершенно обезумѣлъ отъ испуга. Торопливо началъ я одѣваться, самъ не зная, зачѣмъ я одѣваюсь...

Сарра, сидя на постели, громко творила молитву.

Одѣвшись, я открылъ окно.

Ночь была темная, претемная, хоть глазъ выколи.

Въ отдаленіи, надъ черной массой бастіона, виднѣлось красное, какъ будто бы пожарное зарево.

Дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ всегда кажется краснымъ, потому что освѣщается, дружокъ, пороховымъ огнемъ.

Окна во всѣхъ домахъ были опять отворены, но въ темнотѣ невозможно было разглядѣть лицъ...

— Однако, славную музыку тамъ затѣяли. Вотъ такъ жарятъ,—послышался голосъ сосѣда нашего оружейника Бальи. Онъ разговаривалъ со своей женой.—Да ты подожди еще это только начало концерта... еще не достаетъ турецкаго барабана, авось и онъ скоро загудитъ.

— Вотъ безсердечный-то человѣкъ: шутить рѣшается въ такую пору,—подумалъ я про себя, но ничего не сказалъ, чтобы еще не вышло съ нимъ непріятностей.

Холодъ былъ такъ силенъ, что, минутъ черезъ пять, пришлось затворить окошко.

Сарра встала и развела огонь въ камелькѣ.

Весь городъ былъ въ движеніи: крики людей, ржаніе лошадей и вой собакъ, все сливалось въ одинъ нестройный шумъ.

Сауликъ скоро проснулся и, протирая глазенки, прибѣжалъ въ нашу комнату. Грустно мнѣ было смотрѣть на этого бѣднаго ребенка, невыносимо грустно.

— Скоро во всѣхъ насъ будутъ стрѣлять,—думалось мнѣ.— Должны будемъ скрываться въ погребахъ, ежеминутно рискуя жизнью... и за что же?.. За то, что до насъ вовсе не касается, о чемъ большая часть изъ насъ и понятія не имѣетъ.

Вѣдь какъ хочешь, Фрицъ, въ самомъ дѣлѣ оно возмутительно...

Ципора, безутѣшно рыдая, упрекала себя въ томъ, что рѣшилась разстаться съ Варухомъ.

— Хоть бы умереть-то тамъ, вмѣстѣ съ нимъ... все бы легче было,—кричала она въ отчаяніи.

Слова ея надрывали мнѣ сердце.

Я поднялъ руки вверхъ и воскликнулъ вмѣстѣ съ пророкомъ:

— «Не возложилъ ли ты все упованіе свое на Господа, и всю надежду на правоту свою. Погибнетъ ли невинность, и посрамятся ли праведники. Нѣтъ. Сѣющіе неправду и беззаконіе—сами пожнутъ ихъ. Они погибнутъ отъ гнѣва Господняго, а тебя, раба Своего, Онъ спасетъ и избавитъ отъ смерти. И пріидешь ты въ сѣнь смертную, пресыщенный бытіемъ, какъ колосъ, достигшій зрѣлости своей.

Около семи часовъ, полиціею по улицамъ объявлено было, что казематы открыты для всѣхъ, и что всякій можетъ идти ночевать туда, куда захочетъ. Также былъ отданъ приказъ, чтобы, на случай пожара, всегда готовы были бочки съ водой.

Посуди ты самъ, Фрицъ, каково пріятно было выслушивать эдакія объявленія и приказы, а?

На разсвѣтѣ нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ пошли провѣдать, что дѣлается, а жены ихъ сбѣжались къ намъ...

Съ воплями обнимали онѣ Сарру и Ципору, падали въ обмороки, бились о землю и въ отчаяніи кричали:

— Боже мой, да что же съ нами будетъ... погибли наши головушки погибли...

Терпѣть я не могу этой бабьей привычки—пыть да стонать. Точно этимъ чему-нибудь поможешь.

Въ восемь часовъ оружейникъ Бальи прибѣжалъ къ намъ прямо съ крѣпостного вала.

— Измѣна,—кричалъ онъ въ бѣшенствѣ. — Губернаторъ съ комендантомъ насъ предали! Непріятельская армія уже спустилась изъ Катрвана и заняла всю долину! Казаки, башкиры, татары такъ и кишатъ тамъ, а изъ крѣпости по нимъ не стрѣляютъ... до сихъ поръ не дали еще ни одного выстрѣла...

— Гдѣ же наши солдаты?—спросилъ я его.

— Отступаютъ. Вотъ уже два часа, какъ въ городъ вносятъ раненыхъ, а артиллеристы сидятъ сложа руки. Измѣна, чистѣйшая измѣна!

Вслѣдъ за нимъ вбѣжали другіе.

— Непріятель приближается,—говорили они. — Онъ уже близъ гласиса, подлѣ нашихъ садовъ.

Я слушалъ ихъ съ сомнѣніемъ.

Въ эту минуту со стороны крѣпостного вала послышался конскій топотъ. Я взглянулъ въ окошко: это несся фургонъ изъ арсенала. Впереди его скакалъ на бѣлой лошади капитанъ Жовисъ, а сзади—наши милиціонеры: Ральфъ, Голлендеръ, Барреръ и старикъ Гульденъ... всѣ четыре тоже верхами.

Они остановились у воротъ нашего дома.

— Позвать сюда желѣзника... живо!—закричалъ капитанъ.

Булочникъ Шануэнъ, тогда служившій канонировъ во 2-ой баттареѣ, быстро было за мной, но я самъ уже бѣжалъ внизъ.

— Что вамъ? Зачѣмъ меня требуютъ?—спросилъ я, не сходя еще съ крыльца.

— Иди скорѣй,—отвѣчалъ грубо мнѣ Шануэнъ.—Некогда намъ съ тобой толковать...

Я спустился и подошелъ къ капитану Жовису. Какъ теперь смотрю на него: длинный, худой... на лбу, несмотря на морозъ, крупныя капли пота.

— Ты желѣзникъ?—спросилъ онъ меня.

— Точно такъ...

— Отпирай лавку, желѣзо твое требуется для городской обороны...

Нечего было дѣлать: пришлось поневолѣ вести ихъ въ сарай, гдѣ было сложено мелкое желѣзо, не взятое еще моимъ комиссіонеромъ. Тамъ, у меня, было навалено множество старыхъ гвоздей, заржавленныхъ скворней, замковъ, всякаго желѣзнаго хлама, да кромѣ того большія чугунныя плиты, фунтовъ по 30, по 40 каждая: онѣ шли въ то время на выкладку печей. На нихъ былъ большой спросъ въ деревняхъ и селахъ.

Вотъ это-то намъ именно и нужно,—сказалъ капитанъ, бѣглымъ взоромъ окидывая мой товаръ.—Тащите все на дворъ, да живѣе. Время чертовски дорого.

Тотчасъ весь сарай былъ перерытъ: желѣзо свалили въ кучи, плиты разбили на куски моими же молотками, а потомъ, въ огромныхъ корзинахъ, мигомъ, перетаскали все въ фургонъ.

— Вотъ такъ порядки...—думалъ я, глядя на нихъ издали.—Тащатъ себѣ, что хотятъ, да и баста. Ужъ и квитанцій прежнихъ даже нѣтъ и въ поминѣ.

Желѣза-то, да чугуна, вѣдь, у меня въ сараѣ было пудовъ до 350. Не шутка. Призадумаешься тутъ поневолѣ.

А они надо мной же еще посмѣивались.

Когда все было вытащено изъ сарая, краснорылый Шануэнъ заоралъ мнѣ:

— Вотъ такъ картечь! Ай-да, дядя Моисей! Спасибо, что приготовилъ! Смотри, къ завтраму опять приготовь еще, заѣдемъ...

Фургонъ тронулся. За нимъ толпою побѣжалъ народъ.

Я тоже побрелъ вслѣдъ за другими.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ крѣпостному валу, перестрѣлка дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе. При поворотѣ къ Семинарскому дому, часовые остановили народъ. Меня же нельзя было не пропустить: мое желѣзо-то небось было...

Чтобы составить себѣ понятіе о сраженіи, Фрицъ, надо его видѣть, а разсказать невозможно.

Вокругъ бастіоновъ—адскій шумъ, бѣготня, суматоха. Отъ дыму дыханіе захватываетъ. На крѣпостномъ валу—артиллеристы съ зажженными фитилями. Внизу—фуры съ пушечными снарядами. Гласисъ, то-и-дѣло, освѣщается батальнымъ огнемъ... пули визжатъ въ воздухѣ...

Страсти да и только.

Я притаился въ углу, у самаго спуска, налѣво отъ бастіона, между высокими, тростниковыми корзинами, наполненными пескомъ и глиной. Тутъ бы мнѣ и оставаться до поры, до времени, покуда выберется удобная минута, чтобы убраться домой... такъ нѣтъ...

Какое-то неодолимое, жгучее, никогда еще мной неиспытанное любопытство влекло, тянуло меня посмотрѣть, что дѣлалось внизу подъ крѣпостнымъ валомъ.

Покуда заряжали пушки, я осторожно вскарабкался въ уровень съ гласисомъ—и легъ ничкомъ.

Сюда пули не долетали...

Мнѣ стоило поднять голову и вся долина была, какъ на блюдечкѣ.

Подо мной, вдоль вала тянулась наша передовая линія, а по ту сторону рва расположились застрѣльщиками наши гренадеры...

Ружейный огонь не прекращался ни на минуту.

Прямо видна была дорога въ Катрванъ. Слѣва—большая тополевая аллея, а справа—кладбище было занято казаками.

Во весь опоръ, съ гиканьемъ и свистомъ, отважно подлетали они къ самымъ нашимъ застрѣльщикамъ и обмѣнивались съ ними выстрѣлами.

Какъ вихрь, носились они по полю, то туда, то сюда, на своихъ маленькихъ, косматыхъ лошадкахъ.

Видъ у нихъ былъ престрашный.

Бороды длинныя, на головахъ мѣховыя шапки, въ правой рукѣ пика, съ боку кривая сабля, а за поясомъ огромный пистолетъ.

По нимъ еще ни сдѣлали ни одного пушечнаго выстрѣла, да и невозможно было, они мчались вразсыпную по всѣмъ направленіямъ. Зарядовъ терять не стоило.

Наконецъ, изъ-за трактира затрубили имъ сборъ, и они устремились туда.

Въ это время человѣкъ тридцать изъ нашихъ, далеко подавшихся впередъ, солдатъ, собравшись въ кучку, стали медленно отступать къ крѣпости...

Они на ходу заряжали ружья, повертывались къ непріятелю, выстрѣливали и тотчасъ же опять начинали пробираться вдоль несрубленныхъ еще плетней и кустарниковъ.

Во главѣ этихъ смѣльчаковъ былъ мой сержантъ. Я его узналъ издали по высокому росту и по молодецкой осанкѣ...

Душа за него заиграла.

Казаки во весь опоръ, съ опущенными на перевѣсъ пиками, бросались безпрестанно къ нимъ... но нашихъ трудно было испугать.

Примкнувши плотно спинами другъ къ другу, они выставляли штыки и смѣло выжидали натискъ непріятеля. Стоило имъ только выстрѣлить, и въ мигъ казаки, поднявъ вверхъ пики, разсыпались опять направо и налѣво.

А наши-то, пользуясь временемъ, подъ командой моего сержанта, тотчасъ же снова продолжали въ порядкѣ подвигаться къ намъ...

И что жъ за молодцы солдаты были у насъ, скажу я тебѣ, Фрицъ, дорого было посмотрѣть...

Народъ все видный, рослый.

И шли-то они, не торопясь, не прибавляя даже шагу, и стрѣляли-то съ какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ... ну, точно, какъ бы щеголяли своимъ геройствомъ.

Такъ и подмывало меня закричать:

— Скорѣй, сержантъ, скорѣй!

Казаки, увидавъ, что наши уже доходятъ до гласиса, снова выстроились у трактира и понеслись на нихъ всей массой, съ обѣихъ сторонъ шоссе, чтобы перерѣзать имъ путь. Офицеры ихъ скакали впереди, махая саблями. Сержантъ и его товарищи сомкнулись въ карре. Минута была ужасная...

Застрѣльщики прекратили огонь, боясь попасть въ своихъ. Канониры перевѣшивались къ бастіонамъ, стараясь разглядѣть что дѣлается внизу...

Громовое «ура» казаковъ раздавалось въ воздухѣ.

— Теперь пропали наши,—съ ужасомъ подумалъ я, зажмуриваясь,—погибъ мой бѣдный сержантъ... То-то поплачутъ Сарра съ Сауликомъ.

Но въ эту минуту надъ моей головой послышалась команда:

— Пли!

Порохъ вспыхнулъ... раздался выстрѣлъ. За нимъ другой... третій... вся окрестность дрогнула.

Я взглянулъ невольно внизъ: какъ косой подкошенныя валялись по полю груды мертвыхъ лошадей и людей. Кое-гдѣ, тамъ и сямъ, раненые приподнимали головы и снова падали замертво. Все, что не было убито, спасалось бѣгствомъ.

Надо правду сказать, впрокъ таки пошло мое желѣзо.

Гвозди, шкворни и обломки чугуна до того опустошили казацкіе ряды, что непріятель вынужденъ былъ потомъ заключить на четыре дня перемиріе, чтобы только похоронить своихъ убитыхъ.

И все это, дружокъ, видѣлъ я своими собственными глазами, да, да...

Если хочешь, я тебѣ и мѣсто то укажу...

Бывалъ ты въ огородѣ Оттендорфа? Направо-то около забора, гдѣ большой каменный крестъ. Вотъ тутъ подъ нимъ-то, въ одной общей могилѣ, погребены убитые въ ту ночь казаки.

Удача нашихъ выстрѣловъ вызвала полнѣйшій восторгъ.

На бастіонѣ артиллеристы махали банниками. Снизу привѣтствовала ихъ, расположенная тамъ, пѣхота. Тысячи голосовъ поднимались къ небу, сливаясь въ одинъ восторженный, единодушный дружный крикъ:

«Vive l'empereur!»

Торжественная была минута, скажу я тебѣ, весьма торжественная.

Въ это самое время Трюберъ со своимъ взводомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже добрался до гласиса.

Имъ отворили крѣпостныя ворота.

Я кубаремъ скатился съ вала.

— Ну, слава Богу! Теперь вы въ крѣпости,—сказалъ я, бросаясь на шею сержанту.

— Что, дядя Моисей...—спросилъ онъ съ улыбкой, пожимая мнѣ руку.—Задали мы имъ жару... будутъ помнить пятую роту. Видѣлъ, а?

— Какъ не видать...—отвѣчалъ я.—Ну, и натерпѣлся же я за васъ страху.

— Подожди, то ли еще будетъ,—возразилъ онъ мнѣ, подмигивая и широко раздувая ноздри.

Въ городѣ всѣ жители окружили его и восхваляли на всякія лады.

Я шелъ рядомъ съ сержантомъ.

Когда мы поворачивали за уголъ нашей улицы, Сарра съ Пипорой и Сауликомъ, высунувшись изъ окна, закричали:

— Да здравствуетъ сержантъ Трюберъ! Да здравствуетъ 5-ая рота!

Сержантъ ласково усмѣхнулся, увидавъ ихъ, и дружески кивнулъ имъ головой.

— Ну, до свиданія,—сказалъ я ему, входя въ домъ. — Киршвассеръ будетъ васъ дожидаться.

— Ладно, дядя Моисей, не замедлю явиться,—отвѣчалъ онъ весело.

Всѣ батальоны, по обыкновенію, направлялись на плацъ, а я опрометью бросился къ своимъ.

На меня посыпались вопросы, поцѣлуи, точно я самъ только что вернулся съ войны...

На что уже малютка Давидъ, такъ и тотъ, цѣпляясь за мою ногу, тянулся обнять меня.

Я принялся было разсказывать имъ про нашу побѣду, про бѣгство казаковъ, да, признаться до того усталъ и проголодался, что не въ силахъ былъ докончить.

— Дайте духъ перевести,—сказалъ я,—да несите-ка завтракать, благо столъ накрытъ... Моченьки, право, моей нѣту... Совсѣмъ животъ подвело...

— Только что мы было присѣли, дверь шумно растворилась, на порогѣ показался сержантъ. Мы всѣ вскочили изъ-за стола и весело бросились къ нему навстрѣчу...

Вдругъ Ципора взвизгнула, увидавъ что-то и отскочила отъ Трюбера, испуганно закрывъ лицо руками.

— Ахъ, Боже мой, сержантъ! Что это у васъ на штыкѣ?..— дрожащимъ голосомъ проговорила она.

Къ концу штыка прилипъ большой клокъ рыжихъ волосъ.

— Вотъ это, что ли? — спокойно спросилъ онъ. — Признаться не замѣтилъ. Да, полагать надо. бороденка того казака, что вотъ подвернулся мнѣ въ послѣдней схваткѣ...

Онъ повернулся и вышелъ въ коридоръ, чтобы обчистить штыкъ.

Мы всѣ невольно содрогнулись.

Ужъ очень омерзительно было.

Ципора не могла придти въ себя отъ ужаса.

Сержантъ, вернувшись, черезъ минуту въ комнату, нашелъ ее въ томъ же положеніи съ закрытымъ руками лицомъ...

— Вотъ тебѣ разъ...—сказалъ онъ, съ недовольнымъ видомъ, качая головой.—Эдакая досада! Теперь я опротивлю молодой хозяюшкѣ...

— Что вы, что вы, сержантъ,—громко возразила она.— Развѣ можно ненавидѣть своихъ спасителей и защитниковъ.

А потомъ живо подошла къ нему, крѣпко пожала ему руку и посадила съ собой.

Я пригласилъ сержанта позавтракать съ нами: онъ было не соглашался, да мы всѣ такъ неотступно стали упрашивать его, что отказаться было невозможно.

Сарра достала бутылку добраго стараго вина и поставила его передъ нимъ.

За столомъ сержантъ разсказалъ намъ всѣ подробности сраженія, да такъ ясно, такъ понятно, точно все это было у насъ передъ глазами.

Давно не завтракали мы такъ пріятно...

Послѣ кофе, я хотѣлъ было налить ему еще стаканчикъ

киршвассера, но онъ отвелъ бутылку рукой, вытеръ усы свои и сказалъ мнѣ:

— Будетъ, дядя Моисей, баста! Не все пировать, надо и дѣло дѣлать. Давай-ка, примемся блиндировать крышу, а то, пожалуй, не сегодня, такъ завтра полетятъ бомбы... время-то теперь горячее.

Эти слова отняли разомъ у насъ все веселье.

— У тебя, тамъ на дворѣ, старина,— продолжалъ сержантъ,—есть нѣсколько толстыхъ, не перепиленныхъ полѣньевъ, да у стѣны, помнится, я видѣлъ три, четыре бревна. Вѣрно? Ну, такъ попробуемъ-ка, не втащимъ ли мы ихъ съ тобою на чердакъ.

И онъ хотѣлъ было сейчасъ же идти внизъ. Но я замѣтилъ ему, что намъ, вдвоемъ, не подъ силу будетъ, и побѣжалъ прямо изъ-за завтрака, за братьями Караби, пильщиками, жившими по сосѣдству.

Имъ эта работа была знакома

Они пришли со мной и въ мигъ перетаскали наверхъ бревна, которыя сержантъ потомъ вмѣстѣ съ ними сталъ укрѣплять, крестъ-на-крестъ, въ стропила, въ видѣ будки...

Видя, что работы хватитъ еще на долго, Сарра съ Ципорой пошли на кухню готовить для насъ всѣхъ ужинъ.

Становилось темно.

Трюберъ послалъ меня за фонаремъ.

Возвратившись назадъ, я преспокойно сталъ было подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ надо мной раздался страшный трескъ и грохотъ...

Словно громъ пронесся надъ самой крышей.

Я зашатался и присѣлъ со страха, едва не выронивъ фонарь изъ рукъ...

Оба брата Караби, блѣдные, какъ смерть, испуганные до безсмыслія, вытаращивъ глаза, смотрѣли другъ на друга.

— Ядро...—спокойнымъ голосомъ сказалъ сержантъ.

И въ ту же минуту звукъ пушечнаго выстрѣла раздался въ отдаленіи.

У меня застучало въ вискахъ... волосы встали дыбомъ.

Я все сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ и не смѣлъ пошевельнуться.

— Ежели ужъ одно пролетѣло, такъ могутъ пролетѣть и три, и четыре...—подумалъ я.

При этой мысли, глухой ужасъ обледенилъ меня.

Перепуганные пильщики схватили поспѣшно свои шапки и стали надѣвать ихъ...

— Куда вы... куда?—нетерпѣливо крикнулъ на нихъ сержантъ.—Ужъ немного осталось, сейчасъ кончимъ...

— Нѣтъ... благодарю покорно, — отвѣчалъ старшій изъ братьевъ. — Кончайте сами, какъ хотите, а мнѣ рисковать жизнью не приходится... у меня жена и дѣти.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ второе ядро, еще ужаснѣе перваго, пронеслось надъ крышей...

За нимъ черезъ нѣсколько секундъ опять прогремѣлъ выстрѣлъ.

Сержантъ пустился было насъ уговаривать, увѣрялъ, что въ совершенной безопасности, что не было еще примѣра, чтобы два ядра сряду упали на одно и то же мѣсто...

Да мы ужъ ничего не слыхали...

Пильщики давно уже удрали, а я, поставивъ поскорѣе фонарь на полъ, началъ спускаться съ лѣстницы ползкомъ, со ступеньки на ступеньку, держась обѣими руками за перила...

Мнѣ показалось, что всѣ члены у меня уже раздроблены.

На нашей улицѣ шла суматоха, не хуже давишней. Въ домахъ повыбило стекла, разломало нѣсколько печей и трубъ...

Женщины и дѣти толпами спасались въ казематы.

Всю ночь я просидѣлъ на кушеткѣ у камина: меня съ испуга трепала лихорадка. Сарра съ Ципорой тоже глазъ не сомкнули. Сержантъ одинъ, попѣвая пѣсни, неутомимо работалъ на чердакѣ.

Около полуночи, наконецъ, и онъ сошелъ внизъ.

— Ну, дядя Моисей,—сказалъ онъ мнѣ,—кончено. Готово Крыша заблиндирована. А подлецы-то пильщики твои... вѣдь, убѣжали и бросили меня тамъ одного.

— Благодарю васъ, сержантъ,—лепеталъ я,—искренно благодарю. А я совсѣмъ боленъ... совсѣмъ. Со мной то дѣлается, чего въ жизни никогда не бывало...

— Знаю, знаю,—смѣясь, возразилъ онъ,—со всѣми ново-

бранцами тоже бываетъ, послѣ перваго ядра. Да, вѣдь, это не надолго... пройдетъ... стерпится—слюбится...

Въ эту ночь союзники больше не стрѣляли.

XIII

Весь Пфальцбургъ былъ внѣ себя отъ радости.

Какъ только разсвѣло, народъ толпами побѣжалъ на крѣпостной валъ, а оттуда разсыпался по улицамъ, радостно восклицая:

— Побѣда, побѣда!.. Они ушли... ушли!.. Наша взяла!..

Я вскочилъ съ кушетки, какъ былъ, кинулся поспѣшно къ окошку и открылъ его.

На дворѣ шелъ снѣгъ, съ крышъ лило и на улицахъ стояла грязь.

Отъ радости я не чувствовалъ ничего.

Высунувшись по поясъ, я не могъ наслушаться, какъ сосѣди толковали между собой объ отступленіи русскихъ, о томъ, что ни на Катрванской дорогѣ, ни за Бараками, ни въ Буа-де-Шенъ—нѣтъ уже и слѣда непріятеля.

— Моисей... Моисей... Да затвори же окошко,—кричала мнѣ изъ спальни Сарра, оправлявшая постель.—Ты насъ всѣхъ простудишь...

Но мнѣ было не до ней.

— Ага!—смѣялся я про себя.—Ага! Отвѣдали моихъ гвоздей, да шкворней: не по вкусу видно, пришлось!

Тутъ жена съ Ципорою принесли ко мнѣ дѣтей въ комнату. Поневолѣ пришлось затворить окно, а то бы до вечера такъ и оставилъ...

Сарра принялась нагрѣвать бѣлье. Ципора, наливъ въ корыто теплой воды, стала мыть маленькаго Эздру. А я мысленно восхвалялъ Бога, избавившаго насъ отъ бѣдъ и опасностей.

— Получи я теперь извѣстіе отъ Варуха, — проговорила Ципора,—и я была бы совершенно довольна.

— Да,—сказалъ я женѣ, когда мы сѣли потомъ завтракать.—Счастливо мы отдѣлались. Такъ-то счастливо, какъ дажо и ожидать нельзя было. Городъ, пожалуй, будетъ находиться въ блокадѣ у союзниковъ, пока императоръ не одержитъ надъ ними окончательной побѣды, да намъ-то это и на руку теперь... да,

да. Подвоза не будетъ: и хлѣбъ, и мясо, и вино, и все вздорожаетъ. А мы тутъ-то и станемъ распродавать нашъ запасецъ. Стоитъ только не терять времени, да выбрать удобную минуту... Барышъ будетъ отмѣнный. Тутъ и думать нечего.

Сарра, какъ умная женщина, раздѣляла мое мнѣніе...

Тотчасъ же послѣ стола я спустился въ подвалъ и принялся усердно мыть и готовить бутылки.

Въ городѣ все успокоилось. Всѣ принялись за свои дѣла: милиціонеры сняли мундиры; старикъ Клиппель застучалъ своимъ молоткомъ; Шануэнъ, попрежнему, выложилъ на окна горячія булки; аптекарь Триболенъ свои бутылки съ синей и красной водой.

Однимъ словомъ, всѣ зажили прежней жизнью, радуясь и благодаря Бога, что военная гроза миновала...

Отъ войны, самъ знаешь, дружокъ, кромѣ горя, да разоренія во вѣки вѣковъ ничего не дождешься.

Мои столяры и плотники тоже пришли доканчивать стройку. По всему дому раздавался звукъ пилы и рубанка.

Сосѣди съ любопытствомъ останавливались передъ лавкой и заглядывали ко мнѣ въ погребъ.

А я, переходя отъ бочки къ бочкѣ, незамѣтно прислушивался къ ихъ толкамъ и пересудамъ.

— Ну, поживится же теперь Моисей,—говорили они между собою.—Зашибетъ копѣйку. Преловкій народъ эти евреи... мастера по торговому дѣлу; кого угодно проведутъ. Каково хитро придумалъ, старый хрѣнъ, а? Втихомолочку скупалъ себѣ да скупалъ, у насъ подъ носами... а какъ подвозу то не будетъ скоро, такъ намъ же и придется брать у него въ три дорога.

Весело мнѣ было слушать ихъ, Фрицъ, куда какъ весело...

Для нашего брата, еврея, коммерція, понимаешь, самое первое дѣло...

И до того увлекся я работой, что даже не видалъ, какъ время прошло до обѣда. Да не приди Сауликъ звать меня, такъ я бы, кажется, провозился тутъ безъ устали, да про ѣду то даже не вспомнилъ бы, право.

Весело бѣжалъ Сауликъ по лѣстницѣ, а я, слѣдуя за нимъ радовался въ душѣ, что, наконецъ-то, безмятежно сяду за столъ, посреди своей дорогой семейки, какъ вдругъ на площади, передъ ратушей, изо всей мочи, забили сборъ милиціонерамъ.

Въ осадное время, ты, небось, и самъ знаешь, попробуй только не явиться по первому призыву такъ тебя какъ разъ упекутъ подъ судъ...

Тутъ, Фрицъ, не до обѣда было.

Всѣ сосѣди уже повыбѣжали на улицу съ ружьями за плечами. Наскоро выпивъ стаканчикъ вина, да проглотивъ ложки двѣ супа, сталъ я торопливо надѣвать свою аммуницію.

— Что тамъ такое? Зачѣмъ собираютъ насъ?..—думалось мнѣ тревожно.

Кровь такъ и била въ голову.

Сарра и Ципора были до того поражены, что не могли выговорить ни слова...

Между тѣмъ барабанный бой продолжался все сильнѣе и сильнѣе.

Я спѣшилъ пристегнуть ранецъ—и все не могъ: ужъ больно руки дрожали...

— Боже мой!—воскликнула Сарра.—Только было мы утѣшились—и вотъ опять начались безпокойства!..

Въ эту минуту старый раввинъ Гейманъ, въ своей куньей шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, вбѣжалъ въ комнату. На лицѣ его лежала безконечная скорбь. На рѣсницахъ дрожали слезы...

Съ смутной тревогой глядѣлъ я на него, предчувствуя, что онъ не съ добрыми вѣстями...

— Скорѣй спасайте женщинъ и дѣтей! — захрипѣлъ онъ, страшно ворочая челюстями.—Отправляйте ихъ всѣхъ въ казематы! Отъ непріятеля прискакалъ парламентеръ и объявилъ, что весь городъ будетъ нынче же сожженъ бомбами, если черезъ часъ не сдадутъ крѣпости. Бѣгите, Сарра!.. Бѣги Ципора! Спасайтесь... спасайтесь!..

— Разбойники!—завопилъ я.—Злодѣи! Да будутъ они прокляты отнынѣ и до вѣка!..

Женщины съ рыданіемъ бросились ко мнѣ на шею...

Я потерялъ голову.

Раввинъ, видя наше отчаяніе, сказалъ намъ:

— Не ропщите, дѣти... непріятель поступаетъ у насъ также, какъ наши войска поступали у него. Надъ нами исполняются Господни слова: «и сбудется съ тобою то, что ты пожелаешь брату своему». Но не теряйте времени... спасайтесь.

У меня отнялись и руки, и ноги: я упалъ на скамейку и уронилъ на полъ ранецъ.

Сарра первая пришла въ себя.

— Ступай на площадь, Моисей!—сказала она, силой заставляя меня встать и почти выталкивая меня.—Ступай... смотри, не опоздай! Долго ли до бѣды: еще въ тюрьму, пожалуй, засадятъ!.. Ступай!

— Раввинъ, вся моя надежда на васъ! Поручаю ихъ вамъ! Спасайте ихъ! — сказалъ я Гейману, вырвался изъ объятій Сарры и выбѣжалъ изъ дому.

Какъ полоумный, несся я по улицѣ, поминутно натыкаясь на фонарные столбы и на тумбы...

Національная гвардія и милиція были уже передъ ратушей въ полномъ составѣ.

Я едва-едва не опоздалъ...

Жена и дѣти покинутыя мной... однѣ... въ такую страшную минуту... не выходили у меня изъ головы.

Тяжко было мнѣ, Фрицъ, не въ мѣру тяжко.

Да и всѣмъ-то, полагать надо, приходилось не легче: у всѣхъ семьи-то были брошены, какъ и у меня, на произволъ судьбы...

Одинъ только губернаторъ, съ комендантомъ, да тремя капитанами, заломивши шляпы свои на бекрень, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дули. У нихъ въ умѣ былъ только императоръ, а о насъ они вовсе и не заботились. Комендантъ даже еще и посмѣивался, и говорилъ во всеуслышаніе, что тогда только сдастъ крѣпость, когда бомба подожжетъ у него носовой платокъ въ карманѣ...

— Да. Вотъ какой сумасшедшій!

Милиціонеровъ построили въ четыре шеренги, вдоль площади. Начальство обошло ряды, внимательно осматривая съ головы до ногъ каждаго изъ насъ отдѣльно.

Въ это время по направленію къ казематамъ, толпами бѣжали женщины и дѣти... въ числѣ которыхъ я увидалъ Сарру и Ципору съ внучатами на рукахъ.

Несчастныя бѣжали, точно съ пожара... полуодѣтыя съ распущенными волосами. Лица ихъ выражали томительное, безсильное, безпомощное страданіе...

Глядя на нихъ, у меня сердце въ груди обливалось кровью, разрывалось на части...

Все бы отдалъ кажется, что имѣлъ, чтобы подойти только къ нимъ, и, какъ прикованный, долженъ былъ стоять на мѣстѣ.

Да, дружокъ, то пришлось испытать на старости лѣтъ, чего другой въ вѣкъ не извѣдаетъ.

По окончаніи смотра, насъ раздѣлили по частямъ: милиціонныхъ пушкарей послали готовить снаряды; пожарныхъ приставили къ трубамъ, а насъ, вмѣстѣ съ полубатальономъ 6-го егерскаго полка, отрядили на гауптвахту, для держанія по городу карауловъ и патрулей.

Два другіе батальона отправились на аванпосты за чертою города, къ блокгаузамъ и развалинамъ...

Мнѣ привелось стоять въ ратушѣ...

Всѣхъ насъ было тутъ 32 человѣка: наверху 16 армейцевъ, а внизу—16 милиціонеровъ, подъ командой Монборна и портного Депласа.

Помѣстили насъ въ огромную залу, гдѣ въ былое время находился архивъ. Такихъ залъ, дружокъ, нынче въ поминѣ нѣтъ... ужъ и не строятъ больше. Налѣво у входной двери находилась громадная чугунка, отъ которой трубы были проведены по стѣнамъ, вокругъ всей залы, а потомъ выходили въ каминъ. На полу стояли лужи отъ занесеннаго съ надворья снѣга. Высокія рѣшетчатыя окна запотѣли до того, что уже не пропускали свѣта...

То-и-дѣло раздавался голосъ Депласа:

— Такой-то въ караулъ! Такой-то—твой чередъ! Маршъ!

Красиво больно начальство-то это наше было. Стоило посмотрѣть, право. Грязные, оборванные... фуражки безъ козырьковъ, на ногахъ опорки, глядѣть гадко... а туда же—командуютъ, распоряжаются... словно и не вѣсть, кто они.

А ты, вотъ, молчи, да слушай этихъ сапожниковъ, да забулдыгъ, которыхъ ты въ иную пору-то и на порогъ къ себѣ никогда не пустилъ.

И добро бы еще отдавали только приказы по службѣ. Такъ нѣтъ, не тутъ-то было: все наровятъ обидѣть, зацѣпить, задѣть за живое, орутъ на тебя, какъ на лакея.

— Эй, ты! Подай воды. Моисей, сюда, живо... да поворачивайся, старый чортъ. Ну ты, жидъ проклятый, скорѣе дви-

гайся. Тебѣ бы все любо только сложа руки сидѣть, а другіе— лбы свои за тебя пускай подставляютъ.

И перемигиваются-то, языки показываютъ, и всячески на смѣхъ тебя поднимаютъ...

Вѣришь ли ты, по сю пору, равнодушно вспомнить не могу.

Воздухъ въ казармахъ былъ до того тяжелъ, что нельзя было дышать.

Я безпрестанно выбѣгалъ на улицу, чтобы перевести духъ, а тамъ тебя сейчасъ насквозь пронизывала сырость. Просто не зналъ, что дѣлать, куда мнѣ дѣваться.

И правду говорится, что нѣтъ худа безъ добра. Не приведись мнѣ, дружокъ, въ это время переносить тутъ то, что именно я перенесъ, мысль о Саррѣ и Ципорѣ съ дѣтьми, запертыхъ въ темномъ сыромъ подвалѣ свела бы меня съ ума.

Такимъ маперомъ шло до вечера. Только и дѣла было, что стоять на часахъ снаружи, то у воротъ, то у параднаго входа, да шагать подъ дождемъ взадъ да впередъ. Отстоишь свое— назадъ въ архивную: сидишь тамъ въ чаду, въ смрадѣ, да куришь трубку за трубкою отъ бездѣлья.

Пробило девять часовъ.

На дворѣ уже совершенно стемнѣло.

На пустыхъ улицахъ только раздавались шаги патрульныхъ, да слышался однообразный крикъ часовыхъ:

— Слушай-а-ай!..

У меня стало было отлегать отъ сердца.

Я начиналъ уже надѣяться, что, по милости Божіей, одною тревогою все и кончится, и что союзники съ ихъ ядрами и бомбами вздумали только попугать насъ...

Мало-по-малу я развеселился, а потомъ вздумалось мнѣ и другихъ развеселить. Подошелъ къ Монборну, взялъ подъ козырекъ и попросился сходить домой за штофомъ водки для товарищей. Кромѣ того, закусить шибко захотѣлось: проголодался-таки, сказать по правдѣ, порядкомъ.

Монборнъ, услыхалъ про водку, отпустилъ меня на четверть часа, безъ всякаго разговора...

Когда я вернулся со штофомъ въ рукахъ, меня такъ радушно встрѣтили, словно отца родного, ей-ей...

Передавая рюмку изъ рукъ въ руки, они живо осушили штофъ до дна, а потомъ принялись увѣрять меня, что коли мнѣ

еще разокъ понадобится домой сбѣгать, такъ Монборнъ, молъ, опять охотно отпуститъ и слова-де не скажетъ...

А тотъ развалился себѣ, да такъ-то важно, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ начальникъ, и процѣдилъ мнѣ сквозь зубы, съ разстановочкой:

— Что жъ, Моисея отпустить можно!.. Его я отпущу, пожалуй: онъ, у меня парень надежный... ну, а другого кого ни-ни!

Только что мы было дружно усѣлись въ кружокъ, около печки, забывъ и думать о бомбардировкѣ, какъ вдругъ въ окнахъ блеснула, словно молнія...

Всѣ обернулись и вскочили.

Черезъ нѣсколько секундъ отъ Бибельберга раздался пушечный выстрѣлъ. Потомъ опять сверкнула молнія... за ней другая, третья, четвертая, почти непрерывно слѣдуя одна за другой, освѣтили всю улицу.

И зачастили выстрѣлы...

— Ого! Пошла потѣха!—сказалъ капралъ Винтеръ.—Теперь только держись!

Вслѣдъ за этими словами въ городъ упали, съ страшнымъ трескомъ, разомъ три бомбы: одну разорвало направо, у самыхъ стерскихъ казармъ, другую—налѣво, на бульварѣ, близъ магазина Пиплингера, а третья, неподалеку отъ моего дома, прямо угодила въ каретный сарай банкира Геммерля.

Вѣришь ли ты, черезъ тридцать лѣтъ, какъ вспомню только, такъ морозъ по кожѣ подираетъ...

Оставшіяся кое-гдѣ въ домахъ женщины, не помня себя отъ ужаса, прямо съ постелей, выскочили на улицу и пробѣжали мимо ратуши, съ раздирающими криками:

— Пожаръ! Горимъ! Спасите!!.

Мы ясно видѣли, что теперь городъ погибъ... погибъ безвозвратно!

Отчаянье было у всѣхъ на лицахъ...

Одни только старые солдаты, какъ ни въ чемъ не бывало, балагурили, да покуривали свои трубки.

Ну, да вѣдь и то сказать: имъ и терять-то было нечего!

Наши пушки начали немедленно отвѣчать непріятелю со стороны арсенала и отъ пороховыхъ заводовъ.

Всѣ окна ратуши звенѣли и дрожали...

И въ эту-то минуту разбойникъ Монборнъ закричалъ во все горло:

— Соммъ, Шевріе, Моисей, Дюбуръ—вашъ чередъ въ патруль... маршъ!

Каково тебѣ это покажется, Фрицъ?!!

Насъ, престарѣлыхъ гражданъ, негоціантовъ, отцовъ семействъ, ночью, по колѣна въ грязи, подъ градомъ разрывающихся снарядовъ, посылали бродить по улицамъ, гдѣ, на всякомъ шагу обломки стѣнъ, печныхъ трубъ, карнизовъ и крышъ летѣли прямо въ голову...

Ну, скажи, развѣ не гнусно, не подло, не возмутительно?!.

Меня взорвало до того, что я себя не помнилъ со злости... да и не я одинъ взбѣсился... и Соммъ, и толстякъ Шевріе тоже такъ поглядѣли на подлеца Монборна, какъ бы убить его хотѣли на мѣстѣ...

А дѣлать-то все-таки было нечего: Монборнъ, какъ нашъ сержантъ, имѣлъ право распоряжаться нами, по своему усмотрѣнію.

Возражать было невозможно!

Пришлось, скрѣпя сердце, идти вслѣдъ за Винтеромъ: онъ былъ дежурнымъ ефрейторомъ по патрулямъ.

Какъ ни ужасно было все видѣнное и испытанное нами, но все это было ничто, да, положительно, ничто передъ той картиной, которая, представилась нашимъ глазамъ, когда мы сошли съ крыльца ратуши. Отъ грома пушекъ тряслись стѣны и лопались стекла въ рамахъ. Страшный, кровавый свѣтъ порохового огня сплошь залилъ всѣ дома на площади, зловѣще отражаясь въ лужахъ мостовой, на шпицахъ дальнихъ церквей, на мѣдномъ куполѣ кавалерійскихъ казармъ...

При видѣ такого, до мозга костей потрясающаго зрѣлища гибели и разрушенія, послѣдняя искра надежды угасла для насъ.

Мы съ ужасомъ переглянулись, какъ бы говоря другъ другу:

— Все кончено! Все! Все!..

Не успѣли мы ступить на улицу, какъ надъ нашими головами пролетѣли двѣ гаубичныя гранаты. Къ счастью, зарядъ былъ слишкомъ силенъ: онѣ упали въ ровъ, сзади госпиталя, не задѣвъ никого...

Въ первый еще разъ въ жизни приходилось мнѣ видѣть ихъ:

онѣ летѣли до того плавно, медленно, что за ними легко было слѣдить глазами...

Всѣ мы хранили мертвое молчаніе и жались, инстинктивно, другъ къ другу.

Старикъ Винтеръ, въ своей дрянненькой, полинялой блузѣ, замасленной, широкополой шляпѣ, съ сальнымъ фонаремъ въ рукѣ и коротенькой трубочкой въ зубахъ, мѣрнымъ шагомъ шелъ впереди насъ, шлепая по грязи.

— Берегитесь осколковъ, дурни!—по временамъ кричалъ онъ намъ, не обертываясь.—Чуть станетъ бомба опускаться, въ ту же минуту ничкомъ на землю! Слышите, что ли?

Признаться, дружокъ, я подозрѣваю, что онъ это говорилъ нарочно, чтобы напугать насъ. Всѣ эти старые солдаты, извѣстно, любятъ трунить надъ мирными обывателями.

Немного подальше, при поворотѣ въ узкій переулокъ, гдѣ жилъ Клутье, Винтеръ остановился.

— Пошевеливайтесь!..—крикнулъ онъ намъ изо всей мочи, увидавъ, что мы нѣсколько поотстали. Что вы, какъ раки, ползете! Прибавьте шагу, не церемоньтесь больно-то! Эй, Моисей, не зѣвать: чуть гдѣ опустится граната—сейчасъ же бѣги и вырывай фитиль!

И при этой глупой шуткѣ онъ такъ расхохотался, что у меня терпѣніе лопнуло!

— Я не на потѣху вамъ сюда пришелъ, а на службу,—рѣзко возразилъ я.—Коли я по вашему не гожусь на дѣло, такъ вотъ сейчасъ же брошу ружье и уйду въ казематы!

— Не кипятиться!.. Потише!—еще пуще расхохотавшись, отвѣчалъ онъ.—А то, какъ разъ, подъ военный судъ пріятеля... пифъ, пафъ—и поминай, какъ звали!

Товарищи, въ угоду ему, тоже хотѣли было расхохотаться, да тутъ было не до смѣху: отъ Катрвана раздались три пушечные выстрѣла...

Ядро, со свистомъ разсѣкая воздухъ, пронеслось, мимо насъ, вдоль Крѣпостной улицы...

Въ эту же минуту двѣ бомбы упали на Капуцинской площади и разрушили, въ виду у насъ, до основанія домъ Шписа...

— Ну, чего стали? Маршъ впередъ!—скомандовалъ Винтеръ.

Закусивъ до крови губы и не говоря ни слова, подъ гисту-

нимъ впечатлѣніемъ того, что мы только что видѣли, пошли мы, вслѣдъ за фонаремъ, къ Французскимъ воротамъ.

На улицахъ была мертвая тишина. Только вдали раздавались крики часовыхъ, да гдѣ-то въ сторонѣ протяжно выла собака.

Намъ бы уже давно пора была вернуться въ казармы, а между тѣмъ проклятый фонарь все подвигался впередъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Винтеръ, просто-напросто, былъ пьянъ, какъ стелька: моя водка забрала его!

— Богъ знаетъ, чего мы тутъ шляемся...—ворчалъ подъ носъ себѣ Шевріс.—Вѣдь, ужъ шагай не шагай, а гранатамъ летать не помѣшаешь...

Но Винтеръ все перъ впередъ, а мы брели за нимъ поневолѣ...

Не доходя немного до госпиталя, Винтеръ повернулъ налѣво. Прямо противъ того мѣста, гдѣ нынче стоятъ жандармскія конюшни, существовалъ въ былое время кривой переулочекъ, выходившій въ противоположномъ концѣ на большой пустырь, тянувшійся отъ городской стѣны вплоть до крѣпостного вала. Тутъ и днемъ-то никто никогда не ходилъ, а Винтеръ спьяна затащилъ насъ сюда ночью... Въ этой трущобѣ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Ощупью пробирались мы вдоль полуразвалившихся стѣнъ, ежеминутно грозившихъ обрушиться на насъ...

Добрыхъ минутъ двадцать потолкавшись такъ-то въ темнотѣ, выбрались мы, наконецъ, на пустырь..

Пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

На горизонтѣ, далекой цѣпью, рисовался силуэтъ крѣпостного гребня, съ возвышавшимися посрединѣ Французскими воротами.

Вся окрестность, сквозь рѣдкій, холодный воздухъ, открывалась на неизмѣримую даль...

Въ эту минуту, неподалеко отъ насъ, на городской стѣнѣ, между деревьями, что-то шуркнуло сначала, а потомъ, какъ тѣнь, мелькнула человѣческая фигура.

Я сталъ всматриваться...

Это былъ какой-то солдатъ.

Онъ пробирался, нагнувшись, почти ползкомъ, руками касаясь земли...

Мнѣ это показалось страннымъ...

Я дернулъ Винтера за руку и указалъ ему пальцемъ. Винтеръ тотчасъ же спряталъ фонарь подъ полу своей блузы, а намъ шепнулъ, чтобы мы молчали и не двигались.

Солдатъ выпрямился, минуты двѣ-три простоялъ на мѣстѣ, какъ бы прислушиваясь, и вдругъ исчезъ. Мы слышали, какъ онъ скользнулъ въ ровъ, вдоль стѣны.

— Дезертиръ! За мной... скорѣе!—какъ сумасшедшій, заоралъ Винтеръ и бросился къ сторожевой калиткѣ...

Надо тебѣ сказать, Фрицъ, что это былъ уже не первый примѣръ побѣга новобранцевъ.

— Кто идетъ?—крикнулъ часовой.

— Ночной патруль...—отвѣчалъ Винтеръ.

Сказалъ пароль, не останавливаясь, на бѣгу отодвинулъ засовъ и вскочилъ на лѣстницу, ведущую въ ровъ.

Мы всѣ, что мочи было, бѣжали за Винтеромъ, подобравъ наши фалды.

Во рву слѣдъ дезертира пропалъ. Передъ нами направо и налѣво тянулись только одни снѣжные сугробы, среди которыхъ изрѣдка виднѣлись каменныя глыбы, черной массой своей, рѣзко выдѣлявшіяся на серебристой пеленѣ. Догадайся бѣдняга притаиться тутъ подольше, такъ намъ бы и въ жизнь не найти его. Къ несчастью, онъ понадѣялся на свои ноги, не выдержалъ—и побѣжалъ вдоль рва, къ лѣстницѣ, по которой лазили наверхъ. Мы всѣ увидѣли его, несмотря на слабый свѣтъ нашего фонаря, едва мелькавшій огненной точкой впереди посреди темноты, во рву насъ окружившей со всѣхъ сторонъ...

— Стой, а не то застрѣлю!—во все горло закричалъ ему Винтеръ.

Но дезертиръ продолжалъ бѣжать.

Мы всѣ пустились за нимъ въ погоню съ крикомъ:

— Стой, стой!

Винтеръ мнѣ сунулъ въ руки фонарь, мѣшавшій ему.

Признаться, Фрицъ, шибко хотѣлось мнѣ погасить огонь, чтобы дать возможность бѣдняку скрыться. Меня мучила мысль, что я буду первой, хотя и невольной причиной, его гибели, ежели онъ попадется.

Будь съ нами не Винтеръ, а кто-нибудь другой—не утерпѣлъ бы я, задулъ бы...

Ну, а тутъ побоялся: у этого звѣря не дрогнула бы рука, тутъ же на мѣстѣ, пристрѣлить меня самаго, какъ собаку...

Дѣло въ томъ, что ему, видишь, желательно было выслужиться передъ начальствомъ: за поимку дезертира можно смѣло было разсчитывать на крестъ, а, пожалуй, и на пенсію.

Далеко опередивъ насъ, дезертиръ былъ уже почти тамъ, гдѣ обыкновенно стояла лѣстница—и вдругъ въ оцѣпенѣніи остановился—лѣстницы не было...

Ее убрали на ночь.

Бѣднякъ услыхалъ наши шаги... встрепенулся... и бросился къ развалинамъ.

Поминутно спотыкаясь онъ, падалъ, снова вскакивалъ и съ невѣрятной быстротой бѣжалъ дальше. Страхъ придавалъ ему крылья. Винтеръ несся за нимъ по пятамъ, на бѣгу прицѣливаясь въ него изъ ружья...

Было нѣчто потрясающее въ этой безумной ловлѣ, среди ночного мрака и мертвой тишины, въ этой страшной охотѣ на человѣка...

У подъемнаго моста дезертиръ снова исчезъ у насъ изъ виду.

Внѣ себя отъ злости, Винтеръ накинулся на меня, грозился посадить подъ арестъ за то, что я опоздалъ съ фонаремъ, и сваливалъ на меня всю неудачу...

Въ это мгновеніе мы увидали несчастнаго бѣглеца, опустивъ голову на грудь, онъ сидѣлъ плотно прижавшись къ стѣнѣ, скорчившись, съежившись, въ пяти шагахъ отъ насъ...

Какъ хищная птица, налетѣлъ на него Винтеръ, одной рукой схватилъ его за горло, а другой сталъ срывать съ него эполеты.

— Ага, попался, мерзавецъ!—свирѣпо шипѣлъ онъ.—Не уйдешь теперь. Ты не долженъ носить эти эполеты. Долой, долой!..

Потомъ онъ оттащилъ за волосы дезертира отъ стѣны и поднесъ фонарь къ лицу...

Это былъ мальчикъ лѣтъ 18-ти, 19-ти, не больше, высокій, стройный, съ едва пробивающимися бѣлокурыми усиками и большими голубыми глазами.

Онъ стоялъ, какъ убитый: ни кровинки не было на помертвѣломъ лицѣ его.

— Боже мой,—подумалъ я,—за что губить такого ребенка: у него, небось, есть семья: отецъ, мать...

Я не выдержалъ и подбѣжалъ къ Винтеру, проговоривъ, задыхаясь:

— Винтеръ, голубчикъ... побойтесь Бога, сжальтесь... вѣдь это ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ... въ другой разъ онъ не сдѣлаетъ...

Винтеръ обернулся ко мнѣ съ пѣной у рта и выпученными бѣлками.

— Слушай ты, жидъ!..—закричалъ онъ.—Ежели я только голосъ твой еще услышу, такъ проколю штыкомъ насквозь! Молчи! Ни слова больше!

— Разбойникъ,—подумалъ я про себя, — все это ты дѣлаешь изъ за того только, чтобы было тебѣ на что пьянствовать всякій день пока не околѣешь.

Да, дружокъ, бываютъ такіе люди... стыдъ и поношеніе рода человѣческаго.

Соммъ, Шевріе и Дюбуръ упорно молчали.

Винтеръ, не выпуская изъ рукъ дезертира, повлекъ его за шиворотъ, по направленію къ калиткѣ.

У несчастнаго подкашивались ноги. Глубокіе, раздирающіе душу вздохи вырывались изъ его стѣсненной груди.

Самъ подумай, дружокъ, каково ему было въ эту минуту...

Онъ сознавалъ, вѣдь, что погибъ безвозвратно... зналъ, что его ожидаетъ тюрьма, а за нею — позорная, насильственная смерть.

Я весь истомился за него. Холодный потъ крупными каплями выступалъ у меня на лбу. Нестерпимо жалко мнѣ его стало...

Время отъ времени обращалъ онъ на меня умоляющій взглядъ, словно понимая и чувствуя, что я одинъ принимаю въ немъ живое и горячее участіе.

Но что я могъ для него сдѣлать? Что?..

Будь я одинъ съ Шевріе и Дюбуромъ, я бы уговорилъ ихъ отпустить его, на свой страхъ... а съ этимъ живодеромъ Винтеромъ и думать было нечего.

— То и дѣло, онъ кричалъ намъ:

— Бейте его сзади прикладами... безъ пощады бейте! Инъ,

все упирается! Ахъ, негодяй! Вздумалъ бѣжать! Трусъ! Подлый трусъ! Ну, братъ, твоя пѣсенка спѣта: дня черезъ два, спровадимъ дружка къ дьяволу въ гости, для примѣра другимъ. Но отвертишься.

Близь калитки, навстрѣчу намъ, вышелъ дежурный по бастіону поручикъ, съ четырьмя солдатами. Они съ вала видѣли поимку дезертира. Поручикъ хотѣлъ было взять его у насъ и самъ представить куда слѣдовало, но Винтеръ не желая ни съ кѣмъ дѣлиться своей удачей, наотрѣзъ отказалъ ему.

— Мы сумѣли взять его,—грубо отвѣчалъ онъ,—такъ и довести сумѣемъ.

Поручикъ больше не настаивалъ.

Мы продолжали путь.

Посреди насъ, плелся нашъ плѣнникъ съ открытой головой, въ изорванномъ мундирѣ, Винтеръ шествовалъ сзади...

Такъ дошли мы до Старой площади и стали приближаться къ острогу. Пушечная пальба не прекращалась. Когда мы вступили на острожный дворъ, взрывомъ порохового огня внезапно освѣтило своды, и въ глубинѣ ихъ ясно обрисовалась колоссальная дверь тюрьмы, съ тяжелыми висячими замками.

Несчастный дезертиръ поднялъ голову, увидалъ, гдѣ онъ— и силы снова возвратились къ нему: онъ круто повернулся, закинулъ голову и съ сжатыми кулаками бросился на Винтера...

Винтеръ пошатнулся отъ удара, но устоялъ на ногахъ, оправился и съ размаха хватилъ его по головѣ прикладомъ...

Фонарь выпалъ у меня изъ рукъ...

Въ темнотѣ раздался шумъ борьбы и отчаянный крикъ Шевріс:

— Караулъ! Караулъ!..

Изъ караульни выбѣжали пѣхотинцы съ ружьями и фонарями въ рукахъ.

Дворъ освѣтился.

Глаза мои искали дезертира: онъ лежалъ навзничь у воротъ... на немъ сидѣлъ Винтеръ и держалъ его за руки... кровь ручьями текла по лицу несчастнаго ребенка... мундиръ его былъ изорванъ въ клочки...

— Поручикъ, сюда... ко мнѣ... вотъ дезертиръ! — закричалъ Винтеръ офицеру, тоже выбѣжавшему на крикъ.—Онъ

два раза порывался убѣжать, да нѣтъ, шалишь. Со старикомъ Винтеромъ шутки-то эти не ходятъ..

— А, хорошо,—отвѣчалъ поручикъ.—Позвать сюда тюремщика.

Дворъ наполнился солдатами.

Всѣ они хранили глубокое молчаніе.

Какъ ни будь золъ и испорченъ, но въ такую минуту при видѣ человѣка, заранѣе осужденнаго на смерть... человѣка, въ котораго, черезъ два дня, какъ въ позорную цѣль, будутъ направлены выстрѣлы его же бывшихъ товарищей... всякое сердце тутъ смягчится и заноетъ отъ жалости...

Черезъ нѣсколько секундъ, пришелъ, тюремщикъ Гармантье, съ тяжелой связкой ключей въ рукахъ...

— Запереть его въ отдѣльную камеру,—сказалъ поручикъ.

Дезертиръ самъ всталъ и молча, окруженный солдатами, по слѣдовалъ за тюремщикомъ.

Съ глухимъ скрипомъ отворилась желѣзная дверь тюрьмы: дезертиръ переступилъ мрачный порогъ... и крѣпкая стѣна отдѣлила его отъ всего живого...

— Всѣ по мѣстамъ! Стройтесь!—скомандовалъ намъ Винтеръ.

Вернувшись въ архивную, я прилегъ отдохнуть на холодномъ полу и немножко забылся...

Меня разбудилъ грубый смѣхъ и пошлыя шутки Винтера и Монборна, радовавшихся поимкѣ дезертира.

Мнѣ представились мои мальчики, мои дѣти, Ефраимъ, Исаакъ, которымъ, можетъ быть, предстояла та же участь, если бы я не отправилъ ихъ своевременно въ Америку. Тутъ же я принялъ твердое рѣшеніе отправить туда же, къ нимъ, Саулика, Давида и Ездру, какъ только они, Богъ дастъ, подрастутъ...

Въ пять часовъ утра—канонада стихла, а въ семь—насъ вывели изъ ратуши и выстроили на площади.

Капитанъ Винье скомандовалъ:

— Вольно!

И распустилъ насъ по домамъ

Приказа повторять не пришлось: всѣ опрометью бросились къ себѣ, всѣ торопились свидѣться съ семействами, да отдохнуть поскорѣй отъ всѣхъ тревогъ минувшей ночи...

Я хотѣлъ было снять только дома аммуницію, а потомъ

бѣжать прямо въ казармы, чтобы найти тамъ Сарру и Ципору съ дѣтьми, да на поворотѣ въ Еврейскую улицу, почти у самой квартиры, навстрѣчу мнѣ кинулся Сауликъ, давно уже тутъ поджидавшій меня...

— Мы всѣ дома и ждемъ тебя!—радостнымъ голосомъ кричалъ онъ, бросаясь въ мои объятія.

Не помня себя отъ радости, нагнулся я и обнялъ его. Въ эту самую минуту, у насъ отворилось среднее окошко; въ немъ показалась Ципора съ маленькимъ Ездрой на рукахъ... Изъ-за нея улыбаясь выглядывалъ Давидъ и Сарра. Глубоко растроганный, торопливо сталъ я подниматься по лѣстницѣ, благодаря Всевышняго и восклицая отъ души:

— Всемогущій Творецъ долготерпѣливъ и многомилостивъ. Гнѣвъ Его щадитъ насъ уповающихъ на Него а милосердію Его къ намъ нѣтъ предѣловъ. Да будетъ благословенно Святое имя Его, отнынѣ и до вѣка.

XIV.

Черезъ какіе-нибудь полчаса потомъ, замѣнивъ сюртукъ мой ваточнымъ халатомъ, а сапоги—теплыми туфлями, сидѣлъ я уже въ своемъ покойномъ тепломъ креслѣ, передъ накрытымъ столомъ, глядѣлъ съ восторгомъ на окружавшія меня и улыбавшіяся мнѣ лица, и мысленно благодарилъ каждое изъ нихъ...

Мнѣ едва вѣрилось, что столько опасностей пронеслось надъ нами, не разъединивъ нашъ тѣсный семейный кружокъ...

Сарра поняла, что происходило въ душѣ моей.

— Да, Моисей,—сказала она ласковымъ голосомъ, весело глядя на малютокъ.—Да, да, вотъ они всѣ тутъ, всѣ возлѣ насъ. Господь сохранилъ ихъ намъ.

Во время завтрака, Ципора принялась разсказывать мнѣ обо всемъ, что перенесли они въ казематахъ. Съ ужасомъ описывала она мнѣ вопли женщинъ, пискъ дѣтей, стоны стариковъ... и вдругъ, при первомъ раскатѣ пушечнаго выстрѣла, мертвое молчаніе всей этой, какъ бы окаменѣвшей отъ ужаса толпы.

При этомъ воспоминаніи она крѣпко прижала къ себѣ своего Ездру, а я неустанно цѣловалъ Давида, сидѣвшаго у нея на колѣняхъ.

Но и среди семьи моей мысль о несчастномъ дезертирѣ не покидала меня...

То мерещилось мнѣ его блѣдное, изможденное страхомъ лицо, то представлялась мнѣ его бѣдная мать, съ такой нѣжной любовью няньчившая его въ дѣтствѣ... его сѣдой отецъ, заботливо воспитывавшій и учившій его. И для чего же они берегли его и лелѣяли. Для того, чтобы, вдали отъ всего близкаго и родного, разные Монборны и Гульдены равнодушно произнесли надъ нимъ безпощадный приговоръ, разстрѣляли его, и, на чужой землѣ, зарыли въ позорной могилѣ преступника...

Съ ужасомъ думалъ я, что не дерни я Винтера за рукавъ, не укажи я ему тогда на бѣглеца, онъ, внѣ всякой опасности, полный жизни и счастья теперь, приближался бы, можетъ быть, уже къ родному дому...

И до того тяжко становилось у меня на душѣ, что я тебѣ и передать не могу.

Я не рѣшался сообщить своимъ о вчерашнемъ происшествіи, боясь отравить ихъ радость.

На улицѣ была страшная давка: отряды войскъ, накануне стоявшіе за чертою города, стройнымъ маршемъ возвращались мимо насъ, въ свои казармы; дѣти весело подбирали осколки бомбъ и гранатъ; сосѣди собирались кучками на перекресткахъ—и передавали другъ другу впечатлѣнія прошедшей ночи.

Отовсюду неслись оживленные голоса, шутки, слышался говоръ, смѣхъ...

И всегда-то такъ бывало, сколько ни замѣчалъ я впослѣдствіи: не успѣетъ окончиться бомбардировка, а ужъ объ ней сейчасъ и забыли, словно ее и не было никогда..

Вдругъ стукнулъ кольцо и на лѣстницѣ послышались шаги...

Сержантъ, по колѣна въ грязи, съ ружьемъ на плечахъ, показался на порогѣ.

— Ай, да, дядя Моисей!—закричалъ онъ, входя въ комнату.—Вотъ такъ молодецъ! Отличился!

— Какъ? Чѣмъ онъ отличился?—съ удивленіемъ спросила его Сарра.

— Да развѣ онъ еще не хвастался вамъ своимъ геройствомъ?.. Вчера, обходя дозоромъ, первый замѣтилъ дезертира и поймалъ его на мѣстѣ преступленія. Да объ милиціонерѣ Моисеѣ теперь весь городъ толкуетъ. Фамилія его значится даже въ

обвинительномъ актѣ, составленномъ поручикомъ Шнидретомъ. Вотъ онъ какой у насъ.

— Да не одинъ же я,—произнесъ я, потупляясь и вполголоса.—Насъ, вѣдь, было четверо...

— Ну, полно, старина, не ломайся, не скромничай. Кабы не ты, такъ ничего бы и не было. Тебя, того и гляди, за отличіе въ капралы произведутъ, помяни мое слово. Ну, а тому-то негодяю—достанется по заслугамъ, не пощадятъ его. Будь увѣренъ.

И Сарра, и Ципора, и дѣти—во всѣ глаза смотрѣли на меня, а что со мной происходило, Фрицъ, я и сказать тебѣ не сумѣю.... радъ былъ сквозь землю провалиться...

— Однако, до свиданія, пойду переодѣться,—сказалъ сержантъ, дружески хлопнувъ меня по плечу, и отправился въ свою комнату.

— Неужели это правда, Моисей?—спросила меня Сарра взволнованнымъ голосомъ.

— Послушай, Сарра,—отвѣчалъ я ей.—Клянусь тебѣ, я тутъ не виноватъ нисколько... Я не зналъ... не предполагалъ... Тутъ все дѣло слѣпой случайности...

Но она мнѣ не дала договорить.

— Бѣги скорѣе къ Бюрге. Проси, умоляй его взять на себя защиту этого несчастнаго. Ежели онъ будетъ разстрѣлянъ, то кровь его падетъ на насъ и на дѣтей нашихъ!

И она въ отчаяніи ломала руки...

Глубоко потрясенный, я схватилъ картузъ и выбѣжалъ изъ дому.

Бюрге сидѣлъ посреди кабинета съ намыленнымъ подбородкомъ. Подлѣ него, стоялъ цирюльникъ Везенеръ и правилъ на ремнѣ бритву.

Бюрге очень обрадовался мнѣ.

— Ба-ба-ба! Вотъ такъ рѣдкій гость!—закричалъ онъ завидя меня.—Милости просимъ! Чему обязанъ я удовольствіемъ видѣть васъ у себя?..

— Я къ вамъ съ большой просьбой, Бюрге,—отвѣчалъ я, садясь къ окошку, напротивъ него.

— Ну, если вы за деньгами, то не взыщите,—смѣясь возразилъ онъ.—Собственные финансы въ жалкомъ положеніи...

— Да кто пойдетъ къ вамъ за деньгами? Когда онѣ у васъ

бываютъ?—вставила свое словцо кухарка его, Маріэта Лерье, неожиданно показываясь изъ кухни.—Вотъ цирюльнику—второй мѣсяцъ за бритье не платимъ. Везенеръ, правда?

Бюрге расхохотался.

Никогда не въ состояніи былъ я понять, какъ могъ переносить Бюрге, человѣкъ умный и образованный, присутствіе такой глупой бабенки, какъ эта Лерье. Или ужъ онъ держалъ ее у себя для контраста, что ли.

Покуда онъ брился, я въ короткихъ словахъ передалъ ему цѣль моего посѣщенія и умолялъ его быть на судѣ защитникомъ дезертира.

— Вы спасете не одного его, а также и меня, и Сарру, и все наше семейство...

— Къ вашимъ услугамъ, Моисей... очень радъ. Вы знаете, я никогда не отказываюсь отъ защиты, ежели есть малѣйшая надежда спасти подсудимаго. Предупреждаю васъ, однако, что тутъ дѣло не легкое: надежды мало, черезчуръ мало. Побѣги все учащаются, а въ военное время этимъ не шутятъ. Располагайте мною, я готовъ. Ну, пойдемте,—сказалъ онъ, вставая.—Ведите меня къ арестанту...

И мы отправились къ острогу.

Много ужъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, Фрицъ, а вотъ, какъ сейчасъ, слышу я смѣло раздающійся подъ сводами голосъ Бюрге.

— Сержантъ, скажите тюремщику, чтобы отворилъ. Защитникъ обвиняемаго желаетъ его видѣть.

Немедленно явившійся Гармантье, съ низкимъ и неуклюжимъ поклономъ, отворилъ намъ дверь...

Въ темномъ углу, на кучѣ грязной соломы, лежала, скорчившись, человѣческая фигура.

— Эй, вставай!—крикнулъ тюремщикъ.—Защитникъ пришелъ.

Арестантъ зашевелился и съ трудомъ сталъ подниматься.

— Не безпокойтесь, лежите, пожалуйста. Я пришелъ потолковать съ вами объ вашей защитѣ,—нагибаясь къ нему ласково проговорилъ Бюрге.

Арестантъ судорожно зарыдалъ.

Въ бѣдѣ да въ горѣ—и взрослый дѣлается слабъ и безза-

щитенъ, какъ ребенокъ. Потому-то я всегда считалъ, да и теперь считаю дурное обращеніе съ арестантами—за величайшую низость, на которую только способенъ человѣкъ.

— Присядьте, не волнуйтесь,—говорилъ ему Бюрге, приподнимая и усаживая его поудобнѣе.—Скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ, гдѣ вы родились? Да полноте... не плачьте, ободритесь, мой другъ.

И чѣмъ привѣтливѣе звучалъ голосъ Бюрге, тѣмъ сильнѣе рыдалъ арестантъ. Только урывками удалось намъ узнать отъ него, что онъ изъ Вогезовъ, что его зовутъ Матье Бако, что у него остались дома—отецъ, служившій во время республики и раненый въ ногу при Маренго, старушка мать, да три маленькія сестры. Старшій братъ былъ убитъ въ Россіи.

Тамъ, на далекой родинѣ, у него осталась еще невѣста, имъ горячо любимая... Она ждала его, и къ ней рвалось его сердце...

Бюрге былъ видимо растроганъ. Его большіе, черные глаза безпокойно бѣгали подъ густыми бровями. Уголки губъ замѣтно дрожали.

— Не отчаивайтесь,—сказалъ онъ, торопливо вставая.—Богъ милостивъ. Терять надежду не слѣдуетъ. Дѣло ваше слушается завтра: постарайтесь явиться на судъ, какъ можно чище и опрятнѣе, это всегда производитъ впечатлѣніе пріятное...

Когда мы вышли изъ тюрьмы, Бюрге посовѣтовалъ мнѣ позаботиться о доставкѣ подсудимому бѣлья и платья. Винтеръ до того изорвалъ его и то, что было на немъ, что уже невозможно было одѣть.

— Все будетъ сдѣлано, все,—отрывисто отвѣтилъ я.

Съ минуту мы помолчали.

— Прощайте, Моисей,—произнесъ задумчиво Бюрге, поводя своей умной головою.—Пойду, да займусь рѣчью: необходимо только приготовиться къ защитѣ, сосредоточиться... все хорошенько сообразить, подумать. Дѣло идетъ о жизни человѣка.

Мы распростились. Онъ пошелъ въ библіотеку, а я вернулся домой.

Сарра безъ меня отперла лавку и начала продажу водки. Народъ бѣжалъ къ намъ со всѣхъ сторонъ. Двѣ недѣли уже во всемъ городѣ водки не было ни капли: трактирщикамъ приходилось хоть заведенія закрывать. Представь же себѣ, до чего всѣ обрадовались. Сарра съ Ципорой не успѣвали наливать.

Давка была такая, что сержантъ нашъ увѣрялъ, шутя, что надо поставить караулъ для порядка и наблюдать очередь.

Ни одному изъ пфальцбургскихъ купцовъ не приходилось видѣть такой толкотни передъ своею лавкою...

Вспомнишь—такъ сердце радуется.

Мимоходомъ шепнувъ Саррѣ, что Бюрге согласился защищать дезертира, я поскорѣй побѣжалъ въ подвалъ за секурсомъ: два бочонка, налитые наканунѣ, были уже пусты.

До самой вечерней зари продажа шла не прерываясь ни на минуту...

На водку у людей всегда найдутся деньги.

Бываетъ и такъ, что иногда у бѣдняка нѣтъ на хлѣбъ, а на выпивку непремѣнно достанетъ. Пьянство—одно изъ величайшихъ безумій рода человѣческаго.

XV.

Несмотря на усталость, я всю ночь, напролетъ, глазъ сомкнуть не могъ: дезертиръ не выходилъ у меня изъ ума. Я зналъ, что если его казнятъ, то Сарра и Цинора никогда не утѣшатся, да и на моей-то жизни—казнь эта ляжетъ вѣчнымъ, неизгладимымъ пятномъ...

На меня станутъ указывать пальцами, какъ на убійцу.

А тамъ, вдали, отецъ и мать несчастнаго будутъ проклинать мое имя...

Чуть только стало разсвѣтать, часу въ шестомъ, наскоро одѣвшись, я побѣжалъ на рынокъ, чтобы выбрать тамъ, въ своей лавкѣ—бѣлье, солдатскіе эполеты и мундиръ получше, да посвѣжѣе, а потомъ отнесъ все это къ Гармантье.

Засѣданіе назначено было въ 9 часовъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ майоръ Дюфо, членами суда—четыре капитана, да два поручика, а обвинителемъ—капитанъ иностраннаго легіона Монбрюнъ. До начала засѣданія оставалось еще около трехъ часовъ, а ужъ въ коридорахъ ратуши—народу было видимо невидимо. Большая зала наполнена была вся, сверху до низу, любопытными, некуда было яблока кинуть. На скамьяхъ шла веселая болтовня. Съ хоръ неслись крики, свистки. Всѣ со-

брались, какъ будто, на медвѣжью травлю, а не на судъ надъ человѣкомъ...

Да, Фрицъ, теперь настали другія времена: народъ сталъ пообразованнѣе, да и правы-то много смягчились. А въ ту пору-то, да подъ впечатлѣніемъ войны и нашествія непріятелей, всѣ до того были ожесточены, что въ дезертирѣ видѣли какого-то дикаго звѣря, и ждали его казни, какъ пріятнаго зрѣлища...

Перетрусилъ я за него, какъ услыхалъ, да воочію увидалъ все это, дружокъ, такъ перетрусилъ, что всю надежду потерялъ...

— Пропалъ, злополучный,—съ ужасомъ думалъ я.—Совсѣмъ пропалъ. Какой же тутъ ждать милости отъ судей, когда вотъ всѣ посторонніе съ такимъ остервенѣніемъ ждутъ его смерти...

Подъ вліяніемъ этого тяжкаго впечатлѣнія, подошелъ я къ Плію, стоявшему за колоннами, и спросилъ у него, что онъ думаетъ объ исходѣ дѣла...

— Примѣръ нуженъ,—отвѣчалъ онъ сурово.

Совершенно обезкураженный поплелся я домой. Когда я проходилъ дворомъ ратуши, вслѣдъ мнѣ, отовсюду, раздались плоскія насмѣшки и колкости. Но мнѣ было не до нихъ: не только не оглянулся я, а даже головы не приподнялъ. Дома нашелъ я повѣстку изъ военнаго суда, куда меня вызвали въ качествѣ свидѣтеля. Идти было еще рано: я сѣлъ у окошка и началъ придумывать, нельзя ли мнѣ, какъ-нибудь, показаніями своими облегчить вину подсудимаго...

Наконецъ, пробила половина девятаго: пришла пора отправляться...

Въ Ратушѣ было до того тѣсно, что безъ помощи жандармовъ невозможно было пробраться даже въ залу.

Когда я вошелъ, капитанъ Винье медленно и внятно читалъ обвинительный актъ. Бюрге сидѣлъ противъ него и внимательно слушалъ, заслонившись рукою отъ солнца. Меня провели въ свидѣтельскую комнату, гдѣ были уже Винтеръ, Соммъ, Шевріе и Дюбуръ. У дверей стоялъ часовой. На стѣнѣ, въ черной рамѣ висѣло печатное объявленіе, гласившее, что, на основаніи военныхъ постановленій, свидѣтель, давшій на судѣ

невѣрное показаніе, подвергается смертной казни наравнѣ съ преступникомъ...

Признаюсь, Фрицъ, попризадумался таки я, прочтя это объявленіе. Жалость жалостью, а все-таки за чужую голову-то свою подставлять никому не охота.

Перваго позвали Винтера, за нимъ Шевріе, потомъ Дюбура съ Соммомъ, а, наконецъ-то, ужъ и меня.

Когда меня ввели, дезертиръ, блѣдный, какъ полотно, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ между двумя жандармами.

Я взглянулъ вопросительно на Бюрге; онъ незамѣтно улыбнулся мнѣ.

При моемъ появленіи въ залѣ поднялся громкій смѣхъ.

Предсѣдатель позвонилъ—и все сейчасъ затихло.

Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Милиціонеръ Моисей, скажите безъ утайки суду все, что вы знаете...

Я почувствовалъ на себѣ строгіе глаза всѣхъ судей и вспомнилъ невольно про объявленіе въ черной рамѣ.

Собравшись съ духомъ я просто и откровенно сталъ разсказывать о томъ, какъ было дѣло, ничего не скрывая, ничего не добавляя къ сущей правдѣ...

— Довольно. Можете идти,—сказалъ предсѣдатель, когда я кончилъ.

Видя, что Винтеръ и другіе свидѣтели остались въ засѣданіи и усѣлись на первой скамейкѣ, я тоже подсѣлъ къ нимъ, чтобы подождать конца.

Въ эту минуту на хорахъ какіе-то голоса негодяевъ принялись во все горло кричать:

— Смерть! Смерть преступнику!..

По распоряженію предсѣдателя ихъ немедленно вывели

Въ залѣ водворилась мертвая тишина.

— Ваша очередь,—произнесъ предсѣдатель, повернувшись къ обвинителю.

Какъ сейчасъ вижу я его: малорослый, коренастый такой, лѣтъ 50-ти, съ широкимъ загорѣлымъ лицомъ, и быстрыми, заплывшими отъ жира глазами. Онъ говорилъ съ разстановкой, отчеканивая каждое слово, и по временамъ окидывалъ присутствующихъ бѣглымъ взглядомъ, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, раздѣляютъ ли всѣ его мнѣніе или нѣтъ.

Трудно было и не раздѣлять то его, скажу тебѣ, Фрицъ. Такъ дѣльно оно было, такъ убѣдительно, что, поневолѣ, приходилось съ нимъ согласиться...

Онъ доказывалъ, во-первыхъ, что фактъ преступленія былъ уже вполнѣ совершенъ, что въ ту минуту, когда мы взяли дезертира, онъ не собирался бѣжать, а ужъ бѣжалъ, что поимка его за городскимъ валомъ равносильна поимкѣ его въ рядахъ непріятельской арміи. Во-вторыхъ, переходя къ существу, онъ доказывалъ, что побѣгъ изъ службы есть величайшее преступленіе для солдата, что человѣкъ, покинувшій свое знамя, нарушившій присягу—недостоинъ жить, что судъ обязанъ приговорить его къ смертной казни, что такого приговора требуетъ и дисциплина, и честь французской арміи...

И такъ-то славно онъ объяснялъ все это, такіе неопровержимые доводы приводилъ... такъ ясно, отчетливо...

Ужъ на что мнѣ жалко было бѣднягу, а и я не могъ въ душѣ не соглашаться съ нимъ.. никакъ не могъ, право.

Рѣчь свою онъ кончилъ словами:

— Отечество въ опасности. Вся его надежда на храбрость арміи. Солдатамъ—теперь болѣе, чѣмъ когда-либо,—необходимъ примѣръ. Въ силу дѣйствующихъ законовъ, я требую смертной казни преступника...

Онъ замолчалъ и сѣлъ.

По всей залѣ пронесся шепотъ одобренія. Все заволновалось и привстало. На хорахъ раздалось хлопанье и крики:

— Vive l'empereur!

Судьи были видимо довольны. Покручивая усы, они переглянулись значительно, какъ бы говоря другъ другу.

— Совершенно справедливо. Вполнѣ согласны.

Участь преступника была рѣшена. Всѣ понимали, что остальное будетъ только одною формальностью, что тутъ ужъ невозможна никакая защита.

И самъ онъ сознавалъ это, безъ движенія, почти безъ чувствъ сидѣлъ онъ, бѣднякъ, опустивъ на грудь отяжелѣвшую голову.

— Очередь защиты...—сказалъ предсѣдатель.

Бюрге всталъ.

Ну, дружокъ, очень хотѣлъ бы я повторить тебѣ, что онъ говорилъ, да не смогу... нѣтъ, куда мнѣ!

Такъ говорить могъ только Бюрге, да... только онъ одинъ на свѣтѣ.

Вотъ тутъ-то понялъ только я великое значеніе защиты... высокое честное призваніе адвоката, который бодро становится рядомъ съ преступникомъ въ ту минуту, когда все возстаетъ на него, все, и шагъ за шагомъ отстаиваетъ его у людей, у закона спасаетъ его честь, его жизнь...

Святое дѣло.

На это одного краснорѣчія мало, тутъ нужна душа, нужно сердце.

Въ началѣ своей рѣчи Бюрге сталъ доказывать, что преступленіемъ можно назвать нѣчто сознательное, обдуманное, что для того, чтобы измѣнить чести знамени, славѣ родного оружія, надо глубоко понять все значеніе этой чести, оцѣнить эту славу. А могъ ли ихъ понять онъ, этотъ мальчикъ, почти ребенокъ, насильственно отторгнутый отъ своего семейства? И для чего бѣжалъ онъ? Для того, чтобы повидаться съ отцемъ, обнять старушку мать, убитую разлукой съ нимъ, взглянуть на любимую дѣвушку. Да развѣ это преступленіе? Кто же не былъ молодъ? Наконецъ, у кого изъ самыхъ храбрыхъ, самыхъ неустрашимыхъ воиновъ не дрогнетъ сердце при мысли о семьѣ? А, вѣдь, это не воинъ, это дитя... бѣдное дитя, стосковавшееся по родной деревнѣ, по родному небу...

Потомъ, обращаясь къ судьямъ, онъ сказалъ:

— У каждаго изъ васъ, господа, конечно, есть сыновья въ военной службѣ. А вполнѣ ли убѣждены вы, что они, сыновья ваши, въ эту же самую минуту, не подвергаются той же участи, не сидятъ на той же скамьѣ подсудимыхъ? А ежели бы было такъ, что сказали бы вы въ его защиту. Вотъ, что бы вы сказали:—«Я, старый солдатъ, всю жизнь свою я всецѣло посвятилъ отчизнѣ... посѣдѣлъ въ походахъ, израненъ въ сраженіяхъ... всякій чинъ мой купленъ моей кровью, пролитой мною за Францію. И вотъ моя послѣдняя надежда, мой единственный сынъ, опора моей старости—вотъ онъ тутъ, предъ вами, заранѣе осужденный на позорную смерть. Пожалѣйте меня! Простите, помилуйте! Онъ не вынесъ разлуки со мною... онъ позабылъ свою обязанность, чтобы лишній разъ обнять меня. Сорвите съ меня мои эполеты, мой крестъ, возьмите назадъ мои чины... возьмите все, все... отдайте только мнѣ моего сына...

Спасите его во имя моей долгой, честной службы!» Вотъ, чтобы вы сказали, не правда ли? Такъ знайте же, что отецъ этого несчастнаго, вашъ старый сослуживецъ... онъ совершалъ всѣ кампаніи республики... онъ раненъ подъ Маренго... а старшій сынъ его погибъ въ Россіи...

Бюрге говорилъ все это тихимъ прерывающимся голосомъ, весь блѣдный отъ волненія.

Всѣ напряженно его слушали...

Потомъ началъ онъ разсказывать домашнюю обстановку стараго ветерана и его жены, ихъ молчаливую, безотрадную жизнь, въ которой далекимъ лучемъ счастья блеститъ только радостное свиданіе съ сыномъ...

— Они ждутъ его... толкуютъ о немъ, грѣя старыя кости у камелька... и вдругъ приходитъ ужасная вѣсть... ихъ сынъ убитъ... Убитъ не врагами, палъ не въ честномъ бою, не на полѣ битвы... Нѣтъ, нѣтъ. Онъ убитъ своими... разстрѣляшъ французами.

Страшно было слушать. Не радъ я былъ, любезный мой, что остался. Сѣдые усы майора судорожно подергивались... онъ нѣсколько разъ протягивалъ впередъ руку, какъ бы желая сказать защитнику:

Но Бюрге продолжалъ говорить, не останавливаясь.

Довольно!

Каждое слово его шло прямо къ сердцу.

Онъ кончилъ только въ 11 часовъ.

Члены суда были глубоко растроганы. Въ залѣ всѣ рыдали. Преступникъ лежалъ въ обморокѣ.

Вслѣдъ за Бюрге опять было заговорилъ обвинитель, да ужъ его никто не слушалъ. Что отвѣчалъ ему Бюрге, я признаться и не припомню... столько у меня всего перебывало въ этотъ день въ головѣ.

Ровно въ часъ, члены суда изъ залы удалились для совѣщанія въ предсѣдательскій кабинетъ

Прошло десять минутъ томительнаго ожиданія.

Наконецъ, самъ предсѣдатель съ эстрады объявилъ, что обвиняемый единогласно оправданъ, и въ то же время приказалъ немедленно освободить его.

Это былъ первый оправдательный приговоръ со времени блокады.

Я порывисто подбѣжалъ къ Бюрге, схватилъ его за обѣ руки, и припалъ къ нему.

— Что, Моисей... довольны ли вы мною?— спросилъ онъ меня, сдерживая улыбку, прыгавшую у него на губахъ и на глазахъ.

— Я-то! Еще бы! Да я въ восторгѣ, въ восхищеніи! Въ жизнь свою не слыхивалъ ничего подобнаго!.. Чудесно! Великолѣпно! Самъ Ааронъ, братъ пророка Моисея, не могъ говорить лучше васъ. И такъ я вамъ благодаренъ, такъ благодаренъ, что готовъ вотъ сдѣлать для васъ все на свѣтѣ!

— Ой-ли?—сказалъ онъ.—Ну, хорошо же, ловлю васъ на словѣ. Угостите меня сегодня обѣдомъ въ гостиницѣ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я ему. — Идемте!

На лѣстницѣ всѣ окружили Бюрге и стали поздравлять его. Самъ мэръ подошелъ къ нему, подъ руку съ женою, и приглашалъ его къ себѣ обѣдать, но Бюрге наотрѣзъ отказался..

— Благодарю васъ, баронъ, я уже отозванъ моимъ другомъ Моисеемъ... Мы съ нимъ сегодня кутимъ у Баррьера...

Не успѣли мы сдѣлать двухъ шаговъ, какъ Сауликъ бросился ко мнѣ на шею. Ципора прислала его узнать, чѣмъ кончилось дѣло. Она тамъ, съ матерью-то, волновалась не меньше моего.

— Выиграли! Слышишь? Да какъ еще выиграли-то,—сказалъ я, цѣлуя его.—Скажи, матери, чтобы безъ меня обѣдали: я пирую сегодня съ Бюрге.—Сауликъ покатился со смѣху и пустился отъ насъ вприпрыжку, а мы пошли рядкомъ на бульваръ.

— Ну, Бюрге,—сказалъ я, когда мы расположились у Баррьера, въ отдѣльной, уютной комнаткѣ.—Берите карту и заказывайте, что хотите. Полагаюсь на вашъ вкусъ. Вы по этой части, знатокъ. Смотрите, денегъ моихъ не извольте беречь. Для васъ мнѣ ничего не жаль. Что самое лучшее, то и требуйте.

Глаза Бюрге радостно вспыхнули. Ужъ больно любилъ онъ хорошо поѣсть и выпить, а достатка-то не хватало...

— Чуръ не отступаться, Моисей, — отвѣчалъ онъ.—Ужъ коли такъ, то я распоряжусь по Лукулловски. Распотѣшу свою душу. Ха, ха, ха! Дорогонько вскочитъ вамъ моя защита, дорогонько!..

— Чѣмъ дороже, тѣмъ лучше,—возразилъ я, пожимая ему руку.—Не стѣсняйтесь, сдѣлайте одолженіе...

Бюрге потребовалъ обѣденную карту—и такъ-то серьезно принялся обдумывать и соображать каждое кушаніе, словно, ни вѣсть какое важное дѣло рѣшалъ.

Потомъ онъ позвонилъ и такъ глубокомысленно, съ такимъ знаніемъ дѣла, съ такими подробностями сталъ объяснять хозяину, что и какъ надо приготовить, что у меня, говоря по совѣсти, слюнки потекли.

Не прошло и пяти минутъ, какъ обѣдъ былъ поданъ. Не стану подробно разсказывать тебѣ, что мы пили и ѣли, а скажу только, что пообѣдали мы, дѣйствительно на славу. У Баррьера, для насъ, нашлись въ запасѣ — такіе лакомые кусочки, о которыхъ въ городѣ, со времени блокады, и помину не было: и салатъ, и свѣжія груши, и трюфели... и чего чего не подавали намъ.

Бюрге веселился до нельзя, а я такъ радовался, глядя на него, что въ концѣ обѣда потребовалъ даже бутылку шампанскаго.

— Ну, Моисей — сказалъ Бюрге, допивая послѣдній бокалъ.—Плати мнѣ всѣ кліенты, какъ вы, я не подумалъ бы служить въ школѣ, а только бы адвокатурою и занимался. Да дѣло то въ томъ, что вашъ обѣдъ единственный гонораръ мой въ нынѣшнемъ году...

— Эхъ, Бюрге!—отвѣчалъ я,—не знаете вы себѣ цѣны. Будь я на вашемъ мѣстѣ, не сталъ бы киснуть въ Пфальцбургѣ. Да васъ, съ вашей головой-то въ Парижѣ бы всѣ на рукахъ носили. Такіе бы тамъ обѣды, да угощенія видѣли... небось, не этому чета.

— Поздно,—отвѣчалъ онъ мнѣ, — поздно, пріятель. Лѣтъ двадцать тому назадъ, можно бы попытать счастья, а теперь—усталъ, облѣнился. Да что толковать о пустякахъ, пойдемте ка лучше кофе пить.

Въ теченіе всей моей долгой жизни, Фрицъ, не разъ приходилось мнѣ встрѣчать людей, въ родѣ Бюрге, и умныхъ, и глубоко образованныхъ, но, по какой-то странной случайности, позатертыхъ сначала толпой бездарностей, а тамъ махнувшихъ на все рукой и угасающихъ въ какомъ-нибудь захолустьи, безъ

пользы для себя и для другихъ. Кто виноватъ въ этомъ! Они ли сами, обстановка ли ихъ? Богъ вѣсть!

Отъ Баррьера мы пошли въ кофейную.

Ужъ сколько лѣтъ сряду являлся туда Бюрге, ежедневно около пяти часовъ вечера, и, немедленно, по приходѣ, садился въ пикетъ съ мѣнялой Соломономъ, извѣстнымъ всему городу шуллеромъ который и обыгрывалъ его всегда безсовѣстнымъ образомъ. Да и не одного его обиралъ Соломонъ: кромѣ Бюрге, у него было еще человѣкъ пять такихъ же простодушныхъ игроковъ, платившихъ ему постоянную дань. Тѣмъ-то я не удивляюсь —дуракъ на дуракѣ были. Но какъ Бюрге могъ такъ глупо попадаться на шуллерскую удочку, этого вотъ я никакъ постигнуть не могъ.

Дастъ ему Соломонъ бывало выиграть двѣ, три партійки, чтобы только заманить, да пріохотить, а тамъ и оберетъ, какъ липку...

И это всякій день.

Ужъ чего-чего не дѣлалъ я, Фрицъ: и совѣтовалъ-то я Бюрге, и просилъ-то, и резоны ему всякіе представлялъ... ничего не беретъ. Бывало, слушаетъ, соглашается со мною, а въ тотъ же вечеръ—опять дуется въ пикетъ съ Соломономъ...

Вѣришь ли, дружокъ, нѣтъ денегъ, такъ всю одежду ему готовъ проиграть... и проигрывалъ, да... Вѣрно тебѣ говорю, проигрывалъ...

Мы вошли въ кофейную а ужъ Соломонъ тамъ: ждетъ добычи, да ухмыляется.

Терпѣть не могъ я его, хоть онъ и былъ нашего закона...

При мнѣ-то Бюрге совѣстно было къ нему подойти, понимается... только тихонько кивнулъ ему головой, проходя мимо, да и усѣлся со мной въ сторонкѣ.

Ну, а потомъ, какъ остальные-то дураки собрались, да принялся ихъ Соломонъ обдѣлывать по своему, такъ моему Бюрге ужъ не втерпежъ пришло: со мной разговариваетъ, а самъ все туда глядитъ, да прислушивается, какъ тамъ игра идетъ.

Смотрѣть на него было досадно.

Около семи часовъ вечера, когда мы уже кончили кофе, въ залу вошелъ молодой солдатъ, остановился у дверей и началъ глазами искать кого-то. Увидавъ насъ, онъ быстро подошелъ къ намъ,

Это былъ нашъ дезертиръ.

Онъ былъ страшно блѣденъ и отъ волненія не могъ выговорить ни слова.

— Здравствуйте, мой милый,—сказалъ ему Бюрге, замѣтно покраснѣвшій при его появленіи.—Садитесь съ нами.

— Я пришелъ поблагодарить васъ за себя... и... и за своихъ родителей-стариковъ. Они не пережили бы такого горя,—проговорилъ солдатъ потупляясь.

У него въ голосѣ и на рѣсницахъ дрожали слезы.

— Вы рады, что такъ кончились?—отвѣчалъ ему вопросомъ Бюрге.

— Еще какъ радъ-то! — сказалъ тотъ. — Спасибо вамъ! Пошли вамъ Богъ всякаго счастья!

— Ну, ладно, ладно. Перестань. Ты, конечно, не отказался бы выпить за мое здоровье, да, можетъ быть, не на что,—перебилъ Бюрге, говоря ему уже, какъ сыну ты.—Да и у меня-то на бѣду, милый мой, ни гроша нѣтъ въ карманѣ. Выручите-ка насъ обоихъ, Моисей.

Я выпулъ десять франковъ и далъ дезертиру.

— Ступай, да выпей съ товарищами хорошенько,—сказалъ ему Бюрге.—Да смотри, впередъ то ужъ только не бѣгай.

Онъ поклонился, еще нѣсколько минутъ простоялъ передъ Бюрге, какъ бы, въ забытьи какомъ, потомъ встрепенулся и медленно вышелъ.

Лицо его — краснорѣчивѣе всякихъ словъ, высказывало намъ всю его искреннюю, безпредѣльную благодарность.

Я сталъ собираться домой.

— Прощайте, Моисей, прощайте, — сказалъ торопливо Бюрге, увидавъ, что я берусь за шляпу,—кланяйтесь вашимъ...

Радъ радешенекъ былъ онъ, что я ухожу: ужъ больно ему хотѣлось присоединиться къ играющимъ-то, боялся, что Соломона-то его безцѣннаго кто-нибудь у него перехватитъ.

Что значитъ привычка-то, Фрицъ. Да, вотъ и толкуй тутъ.

— Наша взяла, женушка моя милая!—закричалъ я, отворяя дверь гостиной.—Оправдали малаго. Вотъ мы съ Бюрге какіе молодцы.

— Ужъ вижу, что молодцы,—смѣясь отвѣчала она.—Ступай, да ложись спать скорѣй.

Понимаешь, дружокъ, она сразу замѣтила, что я навеселѣ немножко.

Черезъ полчаса, я былъ уже въ постели и спалъ, какъ убитый.

Въ этотъ день жена и Цитора, безъ меня, продали водки на 300 франковъ. Суди по этому самъ, любезный, каково шли дѣло-то. Большіе барыши предстояли.

XVI.

Конецъ недѣли прошелъ спокойно и мирно. Губернаторъ отдалъ приказъ срубить всѣ деревья на городской стѣнѣ, а офицерамъ, чтобы предупредить побѣги, съ солдатами велѣно было обращаться поласковѣе, да помягче...

Мимо города, внѣ пушечнаго выстрѣла ежедневно проходили сотни тысячъ австрійцевъ, русскихъ, баварцевъ, вюртембергцевъ и пруссаковъ. Всѣ они шли къ Парижу.

Сержантъ каждое утро, послѣ ученія, заходилъ за мной, и мы отправлялись съ нимъ на арсенальный бастіонъ, куда собирались постоянно всѣ городскіе жители, и большіе и малые, поглазѣть, да потолковать о войнѣ.

Отсюда открывалась вся окрестность.

Среди огромной, снѣжной равнины, окаймленной темнымъ лѣсомъ, намъ ясно видны были непріятельскія войска, словно исполинская змѣя, день и ночь, тянувшіяся вдоль по дорогѣ: и кавалерія и пѣхота, и цѣлые обозы пороху и ядеръ, и пушки и безконечные ряды штыковъ зловѣще, блестѣвшихъ на солнцѣ...

И какихъ, какихъ мундировъ тутъ не было: и красные, и бѣлые, и синіе, и зеленые... даже въ глазахъ рябило.

Наши старые солдаты по цвѣту сразу распознавали и націи, и полки; да и немудрено. Двадцать лѣтъ сряду, небось, воевали съ ними... пора было познакомиться...

Ужасъ меня разбиралъ скажу тебѣ, при видѣ этой несмѣтной силы. Каждый день, какъ изъ земли, вырастала она и колыхалась передъ нашими глазами, какъ та саранча, о которой повѣствуется въ книгахъ Моисеевыхъ...

Изрѣдка, изъ массы непріятелей, выдѣляется бывало два, три улана, начнутъ сначала гарцевать, а потомъ во весь опоръ, пустятся къ гласису, гикая и махая пиками. Сейчасъ же, кто-ни-

будь изъ канонировъ приставитъ ружье къ плечу... начнетъ примѣряться, нацѣлится... бацъ. И улана какъ не бывало. Одна только лошадь носится безумно по полю...

А то вотъ еще что бывало: соберутся наши на бастіонъ, да и начнутъ на пари стрѣлять въ баварскихъ часовыхъ, стоявшихъ въ ту пору, у Миттельброна и Бибельберга.

И такіе тутъ стрѣлки бывали, что промаха не дадутъ ни разу...

И что они народу на пари перебили, дружокъ, подумать страшно.

И чѣмъ больше шло непріятелей мимо Пфальцбурга, тѣмъ довольнѣе становился нашъ сержантъ.

— Гляди, Моисей, гляди, дядя,—частенько говаривалъ онъ мнѣ, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ тянулись непріятельскія арміи.—Всѣ они идутъ на вѣрную погибель. Всѣ. Да, Императоръ ужъ поджидаетъ ихъ, гдѣ-нибудь, и задастъ имъ жару, не хуже Аустерлица и Ваграма... Не долго проживете, голубчики, не долго. Поразберетъ онъ васъ по своему, порасчешетъ. А какъ они побѣгутъ отъ него во свояси, такъ мы отсюда нагрянемъ, да перерѣжемъ имъ дорогу, Тогда и поминай какъ звали. Ни одинъ домой не вернется. Всѣ здѣсь положатъ свои косточки. То-то старья-то ты тутъ накупишь, дядя Моисей... вотъ разживешься-то.

И съ такой увѣренностью говорилъ онъ все это, что, подчасъ слушая его, и я начиналъ, невольно, вѣрить въ непобѣдимость императора...

Съ бастіона, мы съ нимъ, по дорогѣ, заходили обыкновенно въ казармы за раціономъ, а потомъ шли домой и тамъ, за стаканчикомъ киршвассера, онъ принимался мнѣ разсказывать про свои походы, да про разныя баталіи, начиная съ итальянской кампаніи въ 1796 году. А я, бывало, слушаю его, а самъ ровно ничего не понимаю... да онъ, спасибо ему, такъ всегда увлекался своими разсказами, что понимай, не понимай—ему все равно.

Время отъ времени, къ намъ, то со стороны Меца, то отъ Нанси, а то по Саверпской дорогѣ—пріѣзжали парламентеры. Издали завидѣвъ ихъ бѣлое знамя, или заслышавъ трубача—дежурный офицеръ выѣзжалъ къ нимъ навстрѣчу. Парламентерамъ завязывали глаза и провожали, подъ конвоемъ, черезъ

весь городъ, до губернаторскаго дома. Но все, что они тамъ, промежъ себя, толковали, оставалось глубокой тайной для всѣхъ, кромѣ коменданта и мэра.

Всѣ мы жили, и въ городѣ, и въ крѣпости, словно, въ тюрьмѣ, запертые со всѣхъ сторонъ, безъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ, не зная ничего про то, что творится во Франціи.

Ты представить себѣ не можешь, Фрицъ, до чего невыносимо тяжела была намъ наша жизнь. Тутъ-то я понялъ, что неволя самое высшее несчастіе, самое тяжкое наказаніе для человѣка. Да вотъ, повѣришь ли, старики наши, которые, по нѣсколько лѣтъ сидѣли прежде безъ движенія въ креслахъ и никогда не переступали пороговъ своихъ—и тѣмъ-то даже было тягостно, что городскія ворота заперты. Кажется, приди тогда къ намъ, въ городъ, самый глупый, самый безтолковый парень изъ окрестныхъ деревень и тому бы, Богъ знаетъ, какъ всѣ обрадовались.

Къ концу января, сталъ уже чувствоваться сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Денегъ-то положимъ не могло убавиться, потому что ни шелега не выходило за черту города, но зато все вздорожало неимовѣрно. Что прежде стоило три су, за то теперь приходилось платить по двадцати. Да это ужъ всегда такъ: когда все дешево, тогда и деньги дешевы, а какъ поднимутся цѣны на хлѣбъ, да на мясо—такъ и деньги непремѣнно вздорожаютъ...

Я сталъ водку мою продавать по три франка за литръ—и выручилъ ровнехонько сто на сто. Чего бы лучше, кажется. А какъ пришлось самому-то покупать муку, да масло, да картофель, да то, да се, а все это дорожало съ каждымъ днемъ такъ радъ бы только концы съ концами свести... да.

Разъ утромъ, старуха Керю, ветошница, пришла ко мнѣ въ слезахъ: два дня ничего не ѣла... да безъ ѣды то она, пожалуй, согласилась бы еще пробыть денекъ, а выпить ей было не на что... вотъ главное-то горе.

Такъ и быть, налилъ ей даромъ стаканчикъ.

Ужъ какъ она за него благодарила, какъ благословляла меня...

Нюхальщики и курильщики въ отчаяніе приходили отъ того,

что въ городѣ не было табаку: весь запасъ вышелъ. Иные принимались курить даже сушеные орѣховые листья, а Конюсъ съ Левіемъ стали нюхать золу.

Но все это еще были только цвѣточки, а ягодки-то были еще впереди. Приближался голодъ, настоящій голодъ...

Къ концу февраля холода опять стали усиливаться. Гранаты снова начали летать въ городъ. Да къ нимъ такъ скоро привыкли, что и вниманія на нихъ не обращали. Вездѣ приготовлены были бочки съ водой, и чуть гдѣ упадетъ граната—со тотчасъ зальютъ, да тутъ же и думать объ ней позабудутъ.

Наши въ долгу не оставались, отстрѣливались, да правду-то сказать — только заряды даромъ теряли: союзники стрѣляли всегда ночью и изъ передвижныхъ орудій, такъ нашимъ-то приходилось цѣлиться, по большей части въ ихъ огонь, безпрестанно мѣнявшій мѣста, а тутъ попасть ужъ больно трудно.

Пожаровъ у насъ, по благости Господней, еще не было, несмотря на то, что нѣмцы частенько таки бросали въ городъ зажигательные снаряды... ракетами они называются, кажется, если не ошибаюсь...

Наши аванпосты, мало по малу, начали уже отступать, а союзники все болѣе и болѣе смыкались вокругъ крѣпости.

Такимъ образомъ они заняли ферму Озилью, черепичный заводъ Пернетта и Мезонъ-Ружъ, какъ только оттуда вышли наши.

Намъ, съ бастіоновъ-то, видно даже было, какъ ихъ часовые въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ и плоскихъ фуражкахъ, мѣрнымъ шагомъ расхаживали по аллеѣ, ведущей къ заводу...

Въ блокадѣ насъ держалъ нѣмецкій ландверъ изъ Бадена и Вюртемберга, а регулярное войско направилось все внутрь Франціи.

Они расположились зимовать передъ Пфальцбургомъ и распоряжались тутъ, какъ дома.

Подъ руками у нихъ было пять селеній, вдоволь доставлявшихъ имъ всякій провіантъ.

Изрѣдка ихъ замѣняли русскіе поляки, да и то не надолго: простоятъ два дня, не больше, да и опять въ путь...

Всѣ они, и баварцы, и вюртембергцы, и баденцы, а больше всѣхъ русскіе, по ночамъ безпощадно истребляли нашихъ часовыхъ подъ самыми стѣнами крѣпости. Въ городѣ стали поба-

иваться, чтобы они не перебрались черезъ крѣпостной валъ, а оттуда прямо въ предмѣстья.

Надивиться мы не могли, какъ губернаторъ не разгромитъ завода изъ пушекъ: на заводѣ-то и былъ ихъ главный притонъ; и старшій генералъ ихній тутъ же квартировалъ.

Какъ-то разъ, вечеромъ, сержантъ, вернувшись со службы, шепнулъ мнѣ:

— Поднимайся-ка, завтра, Моисей, чѣмъ свѣтъ, да пойдемъ со мной; покажу тебѣ славную штуку, распотѣшу. Чуръ только никому ни гугу.

— Хорошо, сержантъ, встану непремѣнно,—отвѣчалъ я.

Еще далеко до разсвѣта, часу въ пятомъ, услыхавъ, что онъ вскочилъ съ постели, сталъ и я поскорѣе одѣваться.

Сарра спросила меня, впросонкахъ:

— Куда ты, милый, собрался спозаранку?

— Иду вотъ вмѣстѣ съ сержантомъ,—отвѣчалъ я коротко.— Обѣщалъ мнѣ что-то показать...

И она сейчасъ же опять заснула.

Сержантъ тихонько стукнулъ въ дверь. Я задулъ свѣчу и вышелъ къ нему...

На дворѣ было темно хоть глазъ выколи.

— Ступай на бастіонъ, да полюбуйся оттуда,—проговорилъ онъ вполголоса.—Сейчасъ будетъ вылазка: мы идемъ заводъ разорять.

И пошелъ скорымъ шагомъ къ казармамъ, откуда доносился до насъ слабый гулъ.

Я пустился бѣгомъ вдоль Губернаторской улицы.

Добѣжавъ до вала, я увидалъ артиллеристовъ, неподвижно стоявшихъ около пушекъ. Тишина была мертвая. Слышно было, какъ вдали на аванпостахъ перекликались непріятельскіе часовые. Воткнутые въ землю фитили, какъ звѣздочки, одни мелькали въ ночномъ мракѣ.

Кромѣ меня, у бастіона еще собралось пять—шесть человѣкъ изъ обывателей, предупрежденныхъ, полагать надо, какъ и я, постояльцами своими о вылазкѣ.

Вскорѣ, на площади показалась толпа людей — и черной лентой стала подвигаться къ бастіону, безъ всякаго шума, почти неслышно.

То были наши охотники.

Они прошли мимо насъ, повернули и тихо поднялись по лѣстницѣ, ведущей къ крѣпостному вылазу. Я очень внимательно всматривался, и все-таки сержанта не видалъ; таково темно было.

Когда они спустились въ ровъ—все затихло.

Ноги у меня окоченѣли, а все же я не рѣшался уйти. Больно ужъ хотѣлось дождаться конца.

Наконецъ, черезъ полчаса, на горизонтѣ показалась блѣдная полоса свѣта, и намъ, понемногу, начала открываться снѣжная равнина, среди которой, въ туманѣ, то тамъ, то сямъ, мелькали конные нѣмецкіе разъѣзды. У входа въ аллею виднѣлся солдатъ-часовой.

Ночныя тѣни еще висѣли надъ землей, а вдали, изъ-за лѣсныхъ вершинъ, уже медленно всходило солнце.

Наши безмолвно стояли въ колоннахъ у вылаза.

Быстро разсвѣтало.

Никому бы и въ голову не пришло, что сейчасъ начнется сраженіе; до-того все казалось спокойно, безмятежно.

Но вотъ на ратушѣ пробило шесть часовъ...

Съ послѣднимъ ударомъ, охотники вышли изъ засады начали поспѣшно спускаться по гласису.

Черезъ пять минутъ, всѣ они уже были внизу...

Ну, Фрицъ, какъ почуялъ, что скоро пойдетъ кровопролитіе, вѣришь ли, такъ и задрожалъ весь, отъ головы до пятокъ.

Непріятельскій часовой, сквозь утренній туманъ, увидалъ длинную полосу штыковъ.

— Кто идетъ?—что есть мочи гаркнулъ онъ, выстрѣлилъ наугадъ и кинулся опрометью назадъ, по аллеѣ.

— Впередъ!—загремѣлъ въ отвѣтъ ему голосъ капитана Винье.

И звонко застучали по мерзлой землѣ шаги нашихъ солдатъ.

Непріятельскій аванпостъ выбѣжалъ изъ караульни и смѣло схватился съ передовыми охотниками. Раздались крики, выстрѣлы... Все смѣшалось. Черезъ пять минутъ наши двигались къ заводу уже по трупамъ нѣмцевъ.

Барабанный бой, трескъ перестрѣлки и вопли ужаса понеслись къ намъ по вѣтру.

Всѣ эти ландверцы, а ихъ было тутъ отъ шести до семи сотъ, застигнутые среди сна, бросались, какъ были въ постеляхъ, въ

двери и окна—понятно, одѣваться уже было некогда—кто въ одной рубашкѣ, кто только въ нижнемъ бѣльѣ.

Наскоро накинувъ черезъ плечо ружье и патронташъ, сломя голову бѣжали они на лугъ Сельтье, сзади завода, и тамъ выстраивались какъ могли...

Оправившись отъ испуга и выстроившись на лугу, они открыли по нашимъ сильный огонь и пошли на проломъ, съ крикомъ:

— Vaterland!

Тогда-то съ бастіоновъ—грянули имъ въ отвѣтъ пфальцбургскія пушки... Брр... вспомнить страшно!..

Наши ядра, врываясь въ непріятельскія колонны—до того нещадно опустошали ихъ, что они даже не успѣвали смыкаться, рядъ валился за рядомъ...

Тутъ и опытнымъ-то солдатамъ невмоготу стало бы, а нѣмецкій ландверъ—составляли купцы, пивовары, рѣщики, люди, отъ роду не воевавшіе и привыкшіе сызмала только къ мирнымъ занятіямъ, понятно, что они не выдержали, дрогнули и побѣжали.

Никогда не будетъ хорошимъ воиномъ тотъ, у кого на рукахъ жена и дѣти, а въ головѣ, дѣла, да обороты.

Забылъ тебѣ сказать, дружокъ, что кромѣ тѣхъ охотниковъ что дрались на заводѣ, еще двѣ егерскія роты, по распоряженію губернатора, на зорькѣ, тайно выступили изъ нѣмецкихъ воротъ и, на всякій случай, устроили засаду на Саверской дорогѣ. Это, изволишь видѣть, зовется военной хитростью

Удиравшіе съ завода нѣмцы, наскочили прямо на егерей. Увидавъ, новыхъ враговъ, бѣдняки, какъ безумные, бросились врассыпную. Раздѣтые, босые, бѣжали они, куда глаза глядятъ, не чувствуя со страха ни боли, ни холода. Впереди всѣхъ, въ одной рубашкѣ, на лошади безъ сѣдла, скакалъ ихъ генералъ. Наши ринулись за нимъ вслѣдъ, осыпая ихъ пулями и колоштыками. Ежеминутно валились несчастные... по трое и по четверо. Весь Катрванскій лугъ въ одну минуту покрылся мертвыми тѣлами. Чувство сожалѣнія охватило меня. Не выдержалъ я, отвернулся...

Эта бойня еще долго бы продлилась, кабы не подоспѣли на помощь баварцы, изъ Катрвана. Нашимъ тутъ протрубили отбой. Былъ 7-ой часъ утра.

Въ это самое время, надъ заводомъ показался густой дымъ, пламя въ мигъ охватило строенія... черезъ нѣсколько минутъ отъ нихъ остались только груды пепла.

Наши два отряда, скорымъ маршемъ, съ горнистами впереди, возвращались къ городу.

Я давно уже спустился съ вала, и ждалъ на гласисѣ сержанта.

Возвращеніе побѣдителей было торжественно. Только въ славные дни первой имперіи—и можно было видѣть, дружокъ, подобныя картины.

Сержантъ издали увидалъ меня и кивнулъ мнѣ головой...

— Не безпокойтесь, дядя Моисей! Цѣлехонекъ и живехонекъ!—крикнулъ онъ мнѣ на ходу.

Всѣ кругомъ насъ засмѣялись.

Я видѣлъ, что охотники наши не съ пустыми руками вернулись, а потому, не заходя къ себѣ, отправился прямо на Рыночную площадь, къ моей лавчонкѣ, отперъ ее и привелъ въ порядокъ. Я увѣренъ былъ, что побѣдители скоро явятся туда, чтобы обратить свои трофеи въ червонцы, да въ пятифранковики—и не ошибся...

Не прошло получаса времени, какъ ужъ на рынкѣ началась такая давка, какой давнымъ давно не было.

Не будь со мной Саулика—одному бы ни подъ какимъ видомъ не управиться.

Чего чего не натащили тутъ солдаты! И пистолетовъ, и мундировъ, и шинелей. Чего-чего тутъ только не было. И все это шло за безцѣнокъ, чуть-чуть не даромъ.

Меньше нежели въ шесть часовъ, я наполнилъ сверху до низу и мою лавку, и мой подвалъ. И все какой товаръ отмѣнный, скажу тебѣ! Что за сапоги, что за мундиры, бѣлье какое, первый сортъ; да и только. Кстати, скупилъ я у солдатъ и всѣ карманные часы, добытые ими съ нѣмцевъ: они сперва ходили было съ ними къ часовщику Гульдену, да тотъ отказался. Послѣ мертвыхъ, видишь ли не хотѣлъ покупать. Нѣжности какія!

Всего я накупилъ въ этотъ день на полторы тысячи ливровъ, а перепродалъ, впослѣдствіи откровенно признаться, вшестеро дороже. Много денегъ заработалъ.

Дома дѣла также шли превосходно.

Сарра съ Ципорой не успѣвали наливать.

Не спросясь меня, онѣ сами уже и цѣну надбавили, а все отъ покупателей отбою не было...

Да, благословеніе Божіе видимо почетъ на тѣхъ, кто дѣятельно трудится и умѣетъ пользоваться случаемъ.

Послѣ ужина, часовъ около девяти, я сталъ считать дневную выручку. Сауликъ собиралъ въ деревянную чашку серебряную монету, а я столбиками свертывалъ червонцы и укладывалъ ихъ около себя на стулѣ.

Вскорѣ затѣмъ, въ комнату вошелъ сержантъ. На плечѣ у него висѣла какая-то сафьяновая сумка.

— Ого, дядя Моисей,—сказалъ онъ, взглянувъ на свертки.— Денегъ-то сколько. Ишь ты. Да у тебя ихъ куры не клюютъ. Что хорошъ выдался денекъ, а?..

— Да ужъ на что лучше,—отвѣчалъ я.

— Вижу, вижу,—продолжалъ онъ, присаживаясь къ столу. Еще двѣ—три такія же стычки, такъ и забастовать можно. Такъ, что ли? Разживайся, дружище, разживайся. Очень радъ за тебя. А кстати, посмотри ка, что у меня-то.

Сержантъ открылъ сумку и вытащилъ оттуда пару перчатокъ на лисьемъ мѣху, теплые носки и большой складной ножикъ англійской стали.

— Вотъ такъ важная штука. Чего тутъ только нѣтъ,—проговорилъ онъ, внимательно разсматривая ножикъ.—И ножницы штопоръ, и отвертка... а вотъ и подпилокъ для гвоздей...

— Да это не подпилокъ, сержантъ,—возразилъ я ему,—а для ногтей пилочка...

— Для ногтей?..—недовѣрчиво покачивая головой переспросилъ онъ.—А чего добраго, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ такъ. Офицерикъ былъ такой гладенькій, чистенькій, точно съ иголочки. И взаправду ногти чистилъ, можетъ быть...

Сарра съ Ципорой вышли изъ гостиной и, вмѣстѣ съ нами, стали разсматривать ножикъ. Англійскія издѣлія тогда еще рѣдкостью были.

— Подождите ка... никакъ еще есть что-то,—сказалъ онъ, опуская руку въ сумку, и досталъ миніатюрный портретъ въ золотомъ медальонѣ.

Портретъ изображалъ молодую женщину съ двумя дѣтьми на рукахъ...

— Ахъ, прелесть какая!—воскликнула Сарра.

— А чтобы, по твоему это стоило?—промолвилъ сержантъ.

— Всякому другому оцѣнилъ бы я въ пятьдесятъ франковъ,—отвѣчалъ я, пристально посмотрѣвъ на медальонъ и возвращая его сержанту.—А васъ не хочу обманывать: здѣсь одного золота будетъ франковъ на сто. Взвѣсьте, коли хотите.

— Ну, а портретъ?

— Портретъ я отдамъ вамъ назадъ: онъ для меня не имѣетъ никакой цѣнности...

— Ну, ладно. Въ другой разъ потолкуемъ: мнѣ вѣдь не къ спѣху,—отвѣчалъ онъ и уложилъ медальонъ назадъ въ сумку.

— Какъ хотите, дѣло ваше.

— А умѣешь дядя Моисей, читать по-нѣмецки?

— Еще бы.

— Такъ прочти вотъ мнѣ, что мой офицерикъ настрочилъ въ свою нѣметчину. Должно быть нынче собирался отправить свою писулечку, да плохо разсчиталъ... попала не по адресу. Ну ка, дружище, что онъ тамъ городитъ.

И онъ передалъ мнѣ письмо, адресованное въ Штутгартъ на имя госпожи Редихъ.

Вотъ это письмо, Фрицъ; оно сохранилось у Сарры

Бибельбергъ. 25-го февраля 1914 г.

«Милая моя Аврелія.

Твое дорогое письмо отъ 29-го января—не застало меня въ Кобленцѣ: нашъ полкъ наканунѣ еще выступилъ въ Эльзасъ. Переходъ былъ труденъ до нельзя... дождь, снѣгъ... всего въ волю натерпѣлись. Сперва, пришли мы къ Битчу и обложили его, но черезъ три дня насъ отправили дальше къ Лютцельштейну. Тутъ насъ продержали сутки при деревнѣ Петерсбахъ, а затѣмъ направили на Пфальцбургъ, гдѣ мы теперь и стоимъ. Вокругъ насъ славныя селенія, исправно снабжающія насъ отличнымъ провіантомъ. Мы замѣнили здѣсь австрійцевъ, выступившихъ въ Лотарингію.

«Всюду слѣдовало за мной твое прелестное письмецо: каждый день, съ новымъ восторгомъ, перечитываю его я, мысленно обнимая нашу маленькую Сабиночку и шалуна Генриха и прижимая тебя, моя ненаглядная Аврелія, къ искренно, глубоко любящему тебя сердцу.

«Скоро ли настанетъ та счастливая минута, когда мы соберемся опять всѣ вмѣстѣ, въ нашей любезной аптечкѣ? Когда увижу я опять свои шкафы и полки со стлянками, свои рецепты и книги? Когда услышу опять и смѣхъ нашихъ малютокъ, и стукъ Геприхової деревянной лошадки, которая, помнишь, такъ часто выводила меня изъ терпѣнія? Скоро ли ты встрѣтишь своего Отто, увѣнчаннаго лаврами побѣды, и заключишь меня въ свои объятья?»

— Вотъ оселъ-то! Смѣетъ еще толковать о лаврахъ побѣды!—перебилъ сурово сержантъ. Зададутъ всѣмъ вамъ, дуракамъ, такихъ лавровъ, что и своихъ не узнаете.

Сарра и Ципора, нѣжно обнявъ дѣтей, слушали чтеніе.

Слезы въ три ручья лились изъ глазъ ихъ...

Да и самъ-то я, признаться былъ сильно растроганъ. Мнѣ, невольно, пришелъ въ голову нашъ бѣдный Варухъ, разлученный также и съ женой и съ дѣтьми...

Ну, Фрицъ, слушай же до конца.

«Мнѣ отвели квартиру на черепичномъ заводѣ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости. Всякій вечеръ, по приказанію генерала, баттареи наши бросаютъ въ городъ по нѣскольку гранатъ, чтобы понудить жителей къ сдачѣ. И, какъ мнѣ кажется, намъ теперь недолго ждать—у нихъ уже нѣтъ жизненныхъ припасовъ. Тогда-то мы, покойно расположившись постоемъ въ самомъ городѣ, будемъ ждать окончанія похода, что, кончено, также не замедлится: въ Шампаньи союзными войсками сряду одержаны три побѣды; Бонапарте отступаетъ въ безпорядкѣ; Блюхеръ и Шварценбергъ уже соединились и имъ осталось только пять—шесть дней до Парижа»...

— Что?.. Что такое?.. Что онъ тамъ вретъ?—прохрипѣлъ сержантъ, впиваясь глазами въ письмо. — Ну-ка, дядя, сначала, сначала мнѣ повтори. Ну?..

Я взглянулъ на него, онъ страшно поблѣднѣлъ... глаза тускло сверкали... лицо какъ-то перекосилось... подъ усами подрагивали мускулы...

— Онъ пишетъ, что Блюхеръ и Шварценбергъ подступаютъ къ Парижу.

— Къ Парижу?.. Они?.. Лжетъ, каналья!—задыхаясь отъ бѣшенства, закричалъ онъ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что все зазвенѣло.

Мы такъ и обмерли...

— А-а! Ты хотѣлъ, поганецъ, взять Пфальцбургъ... собирался съ лаврами побѣды вернуться къ своей бабѣ!.. Показалъ я тебѣ лавры!.. Другихъ, небось, ужъ не запросишь!..

И съ этими словами, онъ стремительно вскочилъ съ мѣста и дико захохоталъ...

Страшно было глядѣть на него.

— Да, да,—продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.—Ловко-таки пришлось аптекарю, какъ таракана пригвоздилъ я его къ стѣнѣ, на заводѣ. Долгонько не дождется его Аврелія!.. И рожа-то у него какая то дурацкая была подъ моимъ штыкомъ: глаза выскочили на лобъ... А вы, вы смотрите у меня! Вы, въ самомъ дѣлѣ не повѣрьте тому, что онъ сдуру вретъ. Тутъ все ложь! наглая, подлая ложь! Императоръ покажетъ имъ, что значитъ французская армія!..

Мы до того испугались, что и пикнуть не смѣли.

— Ну, прощайте... бросьте въ печку эту галиматью!—крикнулъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

По уходѣ его, мы нѣсколько минутъ молча поглядывали другъ на друга.

— Боже мой, что за звѣрство!—тихо сказалъ я. — Мало того, что онъ равнодушно убилъ отца семейства... онъ еще издѣвается надъ нимъ... Нѣтъ, это возмутительно...

— Не возмутительно, а грустно,—возразила мнѣ Сарра. — Въ душѣ-то онъ и добръ, и жалостливъ. У него одинъ только недостатокъ: его безпредѣльная привязанность къ императору.

XVII.

Съ этого дня, всѣ мы, признаться, какъ-то стали чуждаться сержанта: чувство гадливости охватило насъ. А онъ, ничего не замѣчая, ежедневно являлся къ намъ и выпивалъ аккуратно свой стаканчикъ киршвассера. Подниметъ, бывало, бутылку, посмотритъ эдакъ на свѣтъ, да и скажетъ шутливо:

— Эхъ, дядя Моисей, припасы убываютъ! Скоро придется перейти на половинную порцію... а тамъ надо будетъ, пожалуй, и уменьшить. Да лишь бы капелька осталась... хоть запахъ одинъ, съ меня и того довольно!

— Еще бы не было съ тебя довольно,—думалъ я подчасъ,

съ досадой про себя.—Ты, небось, ни въ чемъ недостатка не терпишь: и хлѣба, и свѣжаго мяса и всего у васъ тамъ вдоволь. А вотъ мы, горемыки, ужъ который день сидимъ на одной солонинѣ. Да мы-то что еще, а вотъ бѣдные дѣти... вѣдь и тѣ вынуждены были питаться такой же нездоровой пищей.

Голодъ и нужда все увеличивались, да ужъ не по днямъ, а по часамъ: только тѣ и могли еще существовать кое-какъ, кому заранѣе удалось что-нибудь припрятать. Да и имъ-то не легко приходилось. Губернаторъ, то-и-дѣло, отдавалъ приказъ за приказомъ, чтобы отнюдь не смѣли провизіи скрывать, а въ противномъ случаѣ грозилъ военнымъ судомъ. Да не очень-то его слушались, нѣтъ: голодъ-отъ не свой братъ. Всѣ бережно припрятывали про запасъ, что могли. Иначе то было невозможно. Представь ты себѣ, что за одно яйцо доводилось платить по 15 су, а о молокѣ, да о маслѣ—и помину не было. За свѣжую говядину брали по 25 франковъ за фунтъ, да и то, вмѣсто говядины-то, все больше конина отпускалась...

Цѣлыя семейства умирали съ голода. До того доходило, что иные, ночью, пробирались въ крѣпостные рвы, и тамъ, подъ выстрѣлами, выкапывали изъ снѣга мерзлые коренья; ими только и питались.. Да!.. Да!..

Вспомнить не могу безъ содраганія этихъ безкровно-блѣдныхъ, изнуренныхъ голодомъ, печальныхъ лицъ... этихъ живыхъ мертвецовъ, уныло бродящихъ вдоль стѣнъ...

— Боже мой,—восклицалъ я въ душѣ, глядя на нихъ,—вѣдь и насъ ждетъ та же самая участь, ежели императоръ не явится скоро на выручку!

Ужъ не съ улыбкой, а съ грустью встрѣчалъ я Саулика и Давида, внука моего, когда мы садились обѣдать и ужинать. Пищи подавалось все меньше, да меньше. Часто отказывался я отъ куска мяса, мнѣ слѣдовавшаго, чтобы имъ хватило.

— Ну васъ съ солониной!—скажешь, бывало, отодвигая отъ себя тарелку.—И глядѣть-то на нее противно!

Но отъ Сарры ничего не могло скрыться.

— Кушай, Моисей,—сказала она мнѣ, однажды, за ужиномъ.—Кушай, пожалуйста, на всѣхъ хватитъ. Не бойся, мы-то не умремъ съ голоду.

Слова ея ободрили меня.

Признаться, давно-таки подозрѣвалъ я, что такая умная,

предусмотрительная женщина, какою была всегда моя Сарра, не могла не запастись провизіей, на всякій случай, да не знала только, куда ей удалось припрятать запасецъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, отпустивъ Ципору и уложивъ внучатъ, она, со свѣчей въ рукахъ провела меня тихонько внизъ. Кромѣ большого погреба, у насъ, надо тебѣ сказать, тамъ были еще три маленькіе. Въ одномъ изъ нихъ, у стѣны была навалена огромная куча соломы. Разрывъ ее по наказу жены, я увидалъ, подъ соломой, два мѣшка картофеля, боченокъ масла и большой кусокъ солонины. Долго простояли мы, Фрицъ, надъ этой провизіей, какъ надъ сокровищемъ какимъ, соображая въ умѣ, насколько намъ ее достанетъ.

— По моему разсчету, Моисей,—сказала мнѣ Сарра,—мы обезпечены, по крайней мѣрѣ, недѣль на шесть. До тѣхъ поръ, или императоръ подоспѣетъ, или городъ сдастся. О говядинѣ думать нечего: будемъ довольствоваться картофелемъ, да солониной.

Нездоровая пища сильно вліяла на бѣдныхъ дѣтей; день ото дня они худѣли и блѣднѣли. Маленькій Давидъ сдѣлался неузнаваемъ. Его осунувшееся личико и впалые глазенки надрывали мнѣ душу...

Ты, Фрицъ, не испыталъ еще того страшнаго, безвыходнаго горя, когда видишь гибель своихъ дѣтей и не въ силахъ помочь имъ... да и не дай Богъ тебѣ никогда испытать. Выше этого страданія, по моему, нѣтъ на свѣтѣ... нѣтъ..

А между тѣмъ осада велась и все шла своимъ чередомъ. По улицамъ, то-и-дѣло, проходили патрули, на площадяхъ читались ежедневно прокламаціи, постоянно дѣлались домовые обыски, всякій вечеръ, попрежнему, летѣли въ городъ гранаты да бомбы.

Неизвѣстность о ходѣ войны возбуждала произвольные толки, нагонявшіе на жителей паническій страхъ.

Наконецъ, распространился слухъ, что вся французская армія разсѣяна.

Всѣ въ городѣ пріуныли и потеряли надежду окончательно на счастливый исходъ.

Моя винная торговля шла все успѣшнѣе, день ото дня: я уже распродалъ семь бочекъ спирта и заплатилъ всѣ свои долги. За всѣмъ тѣмъ у меня оставалось восемнадцать тысячъ ливровъ наличнаго капитала, не считая лавки на рынкѣ, сверху

до низу набитой товаромъ. Но и барыши уже не радовали меня. На что и деньги, когда цѣною ихъ нельзя купить безопасности своихъ кровныхъ.

Разъ, какъ-то вечеромъ, собрались всѣ мы въ гостиной. Сержантъ нашъ сидѣлъ тутъ же, у окошка, положивъ ногу на ногу, и поглядывалъ на насъ, покуривая трубочку свою. Что-то строгое отражалось на лицѣ его.

Да, теперь помню, было это—шестого марта, часовъ около девяти.

— Дядя Моисей,—вдругъ сказалъ сержантъ, прерывая молчаніе первый,—ребята-то твои на себя не похожи стали. Погляди-ка на нихъ.

— Давно самъ вижу, сержантъ!—съ глубокой грустью отвѣчалъ я ему.

При этихъ словахъ, Ципора зарыдала, и поспѣшно вышла изъ комнаты. Онъ взялъ Давида къ себѣ на руки, и, гладя ласково его по головкѣ, какимъ-то думающимъ, проникающимъ взглядомъ, пристально смотрѣлъ на его увядшее личико.

— Да, да,—заботливо продолжалъ онъ,—не надо запускать, не годится. Мы съ тобой еще потолкуемъ, старина.

Я вопросительно взглянулъ на него.

Не отвѣчая на мой взглядъ, онъ замурлыкалъ какую-то пѣсенку, и принялся подъ нее тихонько укачивать малютку. Когда Давидъ уснулъ, онъ бережно положилъ его на диванъ, а потомъ вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобы я за нимъ слѣдовалъ.

Впустивъ меня въ свою комнатку, онъ затворилъ за мною дверь, и усадилъ меня подлѣ себя на кровати.

— Слушай-ка, дядя,—началъ онъ, наклоняясь надъ моимъ плечомъ.—Надо тебѣ сообщить... да ты только не пугайся, не трусь... Въ городѣ появился тифъ. Да. Таить нечего. Уже пятеро солдатъ лежатъ въ госпиталѣ. Самъ комендантъ, говорятъ, заразился... Слухи носятся еще о какой-то женщинѣ съ тремя дѣтьми, которыя всѣ нынче померли...

Я слушалъ его, обезумѣвъ отъ страха.

— Да,—продолжалъ онъ въ раздумьи,—знаю я этотъ, проклятый тифъ. Наглядѣлся-таки довольно на него въ Россіи. А знаешь ли ты, старина, отчего онъ, главнымъ образомъ, развивается? Отъ дурной пищи.

— Боже мой! воскликнулъ я, заламывая назадъ руки и закидывая голову.—Да, что же мнѣ-то дѣлать, что?.. Я радъ бы душу свою отдать за дѣтей... Да, гдѣ же мнѣ взять другой пищи? Гдѣ?

— А, вотъ что я придумалъ, дружище,—промолвилъ сержантъ, положивъ руку ко мнѣ на колѣно.—Я завтра, поутру, принесу тебѣ свою порцію свѣжей говядины, а ты свари изъ нея дѣтямъ бульонъ... Да, да! Сарра пускай ходитъ теперь всякій день за моимъ порціономъ: обойдусь и безъ него... пользуйтесь имъ до конца осады...

Я былъ до того растроганъ, что бросился къ нему на шею и обнялъ его.

— А сами то вы, сержантъ?..

— Вотъ, вздумалъ еще заботиться! Небось, сержантъ Трюберъ и такъ проживетъ; не впервой ему, старина...

У меня были полны слезъ глаза.

— Ну, ну! Не нюнь, сдѣлай милость,—сказалъ онъ мнѣ, провожая меня до дверей.—Авось, все уладится. Да скажи дочкѣ-то, чтобы больше не тужила.

Сарра, которой я все немедленно передалъ, была растрогана не меньше моего. Объ отказѣ не могло быть и рѣчи: говяжій бульонъ былъ необходимъ для дѣтей, а въ городѣ, уже больше недѣли, положительно не было ничего, кромѣ конины.

На другой же день сварили мы дѣтямъ говядину сержанта... Но ужъ было поздно. Да, поздно!..

Страшный недугъ уже переступилъ порогъ моего жилища.

Гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ нами.

XVIII.

Теперь, Фрицъ, дошли мы съ тобою до самыхъ грустныхъ, самыхъ тяжелыхъ минутъ въ моей жизни. Не приведи Богъ никому то вынести, что я тутъ перечувствовалъ, перенесъ и пережилъ.

Изболѣла душа моя, изныло мое сердце. Страшная болѣзнь проникала въ мой домъ. 12-е марта. Послѣ ужина, Давидъ, прижавшись ко мнѣ, какъ теперь помню, задремалъ у меня на рукахъ—и я самъ снесъ его въ постельку. Ципора тоже вскорѣ ушла спать, а, вслѣдъ за нею, и всѣ мы улеглись.

Около полуночи меня разбудилъ раздирающій душу крикъ. Я сталъ прислушиваться....

— Это голосъ Ципоры, — сказала мнѣ испуганная Сарра.

Немедленно я вскочилъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Сарра слѣдовала за мной.

Едва мы отворили дверь въ коридоръ, какъ навстрѣчу намъ изъ гостиной, бросилась Ципора съ раздирающимъ крикомъ:

— Тамъ!... Дитя!.. Давидъ!..

Она задыхалась и глядѣла на насъ почти безумнымъ взглядомъ.

Мы кинулись за нею къ колыбели. Оба ребенка спали: Ездра—свѣженькій, съ розовыми щечками, а Давидъ—томительно блѣдный, холодный...

Не понимая самъ, что я дѣлаю, я схватилъ его на руки и сталъ будить его..

— Давидъ, Давидъ!—шепталъ я, легонько расталкивая его.

Давидъ не отвѣчалъ...

Тогда только, я увидалъ, что глазки у него были открыты. На остановившихся зрачкахъ—неподвижно блестѣли какія-то двѣ тусклыя точки...

— Будите его, будите его!...—обрывающимся голосомъ кричала Ципора.

— Дай его мнѣ,—сказала Сарра,—а самъ разведи огонь, да нагрѣй скорѣе воды. Нѣтъ, это сдѣлаетъ Ципора... А ты, Моисей, бѣги!... Не теряй времени, бѣги сію минуту за докторомъ Штейнбреннеромъ...

Бѣдная Сарра была испугана не меньше насъ, но присутствіе духа никогда не оставляло ее. Твердый характеръ имѣла, мужественный.

Накинувъ наскоро плащъ, отправился я за докторомъ, мысленно повторяя:

— Господи, сжалься надъ нами! Помилуй насъ! Ежели Давидъ умретъ, я не переживу, я умру безъ него!..

Такъ всегда бываетъ, Фрицъ. Тотъ изъ дѣтей, которому грозитъ опасность непремѣнно дѣлается дороже намъ всѣхъ остальныхъ.

Въ жизнь свою не запомню я такой темной ночи: въ двухъ шагахъ нельзя было ничего разглядѣть передъ собой. Вѣтеръ выдъ порывисто, и хлестали въ лицо снѣжные хлопья.

Позабывъ дома картузъ, я бѣжалъ съ открытой головой, не чувствуя ни холода, ни вьюги.

Черезъ полчаса я уже былъ у дверей доктора и звонилъ въ колокольчикъ.

Ко мнѣ вышла горничная съ фонаремъ въ рукахъ.

— Кто тутъ?—спросила она.

— Ради Бога, просите доктора къ намъ; у насъ занемогъ ребенокъ... опасно занемогъ!—сказалъ я ей. Тутъ я заплакалъ горько, горько, и сѣлъ на скамью, закрывъ лицо руками.

— Да, что же вы тутъ сѣли?—ласково проговорила она.— Войдите, войдите, обогрѣйтесь у насъ немножко. Докторъ еще не ложился; онъ только вернулся домой...

— Сейчасъ иду! — раздался тутъ голосъ доктора. Онъ стоялъ за дверью и слышалъ все.

И, дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ докторъ брелъ уже со мною по Училищной улицѣ, въ своей треугольной шляпѣ и ваточномъ кафтанѣ съ мѣховымъ воротникомъ.

Когда мы вошли въ гостиную, Ципора сидѣла въ креслахъ и тихо всхлипывала. Ребенокъ лежалъ на кровати. Подлѣ него стояла Сарра...

— Здѣсь слишкомъ жарко,—сказалъ докторъ,—освѣжите немного воздухъ...

Потомъ, посмотрѣвъ пристально на личико Давида онъ приподнялъ одѣяло и сталъ прислушиваться къ его дыханію: по лбу у доктора скользнула какая-то подозрительная тѣнь.

Маленькій Ездра проснулся и громко закричалъ.

— Вынесите отсюда другого ребенка... Здѣсь нуженъ покой, тишина... Дѣтямъ вредно быть въ одной комнатѣ съ больными,— сказалъ Штейнбреннеръ и внушительно взглянулъ на меня исподлобья.

Я понялъ строгое значеніе его взгляда. Это былъ тифъ, да...

Горе сдавило мнѣ грудь, рыданія душили меня, но я вспомнилъ про Ципору... Она стояла сзади насъ. Я сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе.

Сарра молчала; она тоже поняла...

На насъ повѣяло смертью.

Докторъ потребовалъ бумаги для рецепта, и, вмѣстѣ со мной, прошелъ въ нашу комнату. Тамъ я не въ силахъ былъ удержаться болѣе и громко зарыдалъ.

— Будьте тверды, Моисей, перестаньте,—сказалъ мнѣ докторъ.—Вспомните, что вы должны служить примѣромъ женѣ и дочери.

— Стало быть уже нѣтъ никакой надежды?.. Нѣтъ?..—спросилъ я его, робко смотря ему въ лицо.

— У ребенка тифъ,—отвѣчалъ онъ беззвучно.—Обѣщаюсь вамъ сдѣлать, что возможно, но ни за что не отвѣчаю. Вотъ рецептъ, бѣгите съ нимъ въ аптеку. Торопитесь, время дорого. Да, ради Бога удалите изъ дома другого-то ребенка, а ежели можно, то и дочь вашу. Возьмите лучше сидѣлку... Тифъ заразителенъ.

Я уже не въ силахъ былъ отвѣчать: безсильное страданіе овладѣло мною и крѣпко, крѣпко сжало меня.

Онъ помолчалъ нѣсколько, взялъ шляпу... и вышелъ.

Болѣзнь ребенка продолжалась шесть сутокъ; я провелъ ихъ безвыходно въ комнатѣ.

Когда Ципора, несмотря на запрещеніе доктора, входила къ больному, мною овладѣвало бѣшенство: я выталкивалъ ее вонъ.

— Да это мое дитя... мое родное дитя!—говорила она, заливаясь слезами.

— А ты сама? Развѣ ты-то не родное дитя мое? Что-жъ, мнѣ васъ всѣхъ что ли лишиться! Ступай, ступай!..

Безъ мысли, безъ движенія, по цѣлымъ часамъ сидѣлъ я, припадая глазами къ умиравшему малюткѣ, и только глоталъ слезы: горе подавило меня, убило меня.

Тутъ ужъ все было забыто, Фрицъ, и деньги, и осада, и голодъ, и тяготѣвшія надо всѣми бѣдствія.

Сержантъ, постоянно, всякій день, тихонько просовывалъ голову въ дверь и шепотомъ спрашивалъ меня:

— Ну что, дядя? Каково больному?

Не отвѣчая ни слова, я только отмахивался отъ вопросовъ.

Продажей водки завѣдывалъ Сауликъ. Каждое утро слышалъ я, какъ онъ вставалъ съ шести часовъ, отпиралъ лавку, приносилъ изъ подвала ведра два-три вина и принимался торговать.

— Ты думаешь, кто-нибудь присовѣтовалъ ему? Ничуть не бывало. Самъ взялся за дѣло, самъ.

Да, кабы не онъ, все бы сразу стало.

Давидъ скончался ночью на 18-е марта.

Въ ту же ночь двѣ гранаты упали на нашъ дворъ, но, отраженныя блиндажемъ, скатились на дворъ, гдѣ, разорвавшись, выбили всѣ стекла въ прачечной и разрушили дровяной сарайчикъ. Это была сильная бомбардировка, какую мы вынесли съ самаго начала осады.

Увидавши въ городѣ пламя, непріятель началъ стрѣлять залпами и съ Миттельброна, и съ Бараковъ, и съ Катрвана, чтобы помѣшать намъ тушить пожары.

Мы съ Саррой все время не отходили отъ постели ребенка, не обращая вниманія на бомбы: онъ былъ уже очень плохъ...

По всему тѣльцу выступили синія пятна.

Агонія приближалась.

Съ улицы неслись отчаянные крики:

— Пожаръ!.. Пожаръ!..

Направо и налѣво, то и дѣло, лопались разрывные снаряды. Пламя сосѣднихъ пожаровъ лизало наши стѣны и крыши. По временамъ, мимо нашихъ оконъ, проносили раненыхъ. Все въ домѣ дрожало, отъ чердака до погреба, мебель, посуда и все, все.

При взрывѣ первой гранаты на нашемъ дворѣ въ гостиную вбѣжала Ципора, какъ полоумная съ Сауликомъ и съ Ездрой. Давидъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Сарра судорожно рыдала, сидя у изголовья. Увидавъ конвульсіи несчастнаго ребенка, Ципора дико взвизгнула и повалилась на полъ. Безсознательно я отворилъ настежь окна. Въ одинъ мигъ комната наполнилась дымомъ.

Сауликъ, догадавшись, что наступаетъ послѣдняя минута, побѣжалъ за псаломщикомъ Кельмесомъ, и, несмотря на страшную давку на улицѣ, вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ нимъ.

Кельмесъ началъ читать отходную.

Задыхаясь отъ слезъ, мы, и я, и Сарра, повторяли за нимъ святыя слова. Ципора встала, подошла къ кровати, шатаясь, со стономъ припала къ Давиду и обняла его. Сауликъ стоялъ за нею: что-то просящее, страдающее выражалось въ его испуганныхъ, прищуренныхъ зрачкахъ.

Вдругъ онъ тревожно нагнулся къ ребенку и въ ужасѣ отскочилъ. Все было кончено. Мы громко рыдали, псаломщикъ умолкъ. Давида не стало.

Ужасно вспоминать, что тутъ было съ Ципорой. Когда пса-

ломщикъ, закрывая книгу, произнесъ: «Аминь», она быстро вскочила, схватила на руки ребенка, пристально взглянула ему въ лицо и вдругъ, высоко поднявъ его на головой, бросилась къ двери съ пронзительнымъ, нечеловѣческимъ воплемъ:

— Варухъ, Варухъ, спаси наше дитя!..

Я остановилъ ее въ коридорѣ и силой отнялъ у нея тѣло. Сарра схватила ее, и съ помощью старухи Ланчъ, Саулика и псаломщика ее на рукахъ отнесли въ наши комнаты.

Я остался одинъ у одра смерти.

Я положилъ Давида на постель и накрылъ его одѣяломъ: окна были отворены. Я зналъ, что онъ умеръ, а между тѣмъ, почему-то все боялся, чтобы онъ не озябъ. Долго, долго вглядывался я въ его личико, чтобы навсегда запечатлѣть въ душѣ дорогія черты внука, у меня отнятаго Богомъ.

Утромъ ко мнѣ вошелъ Сауликъ.

— Ципора съ Ездрой у раввина,—сказалъ онъ мнѣ вполголоса.

Я покрылъ себѣ голову по обряду, взялъ за руку сына и вышелъ изъ комнаты. Было около восьми часовъ. Въ городѣ знали, что у насъ покойникъ, и домъ наполнился нашими родственниками и единовѣрцами.

XIX.

Всѣхъ умершихъ тифомъ предписано было хоронить въ тотъ же день: христіанъ—на кладбищѣ, а насъ, евреевъ—во рву. Вотъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ уланскій манежъ. Изъ нашего семейства только я одинъ и находился при погребеніи: ни Сарра, ни Ципора, по закону нашему, не могли присутствовать, а Саулу нельзя было отлучиться отъ лавки. Какъ представитель рода, я долженъ былъ первый бросить горсть земли на гробикъ Давида.

Тутъ послѣднія силы оставили меня: я замертво упалъ на краю могилы.

Сержантъ довелъ меня до дому: онъ что-то говорилъ мнѣ дорогой, чѣмъ-то утѣшалъ меня, но я ужъ ничего не понималъ, не соображалъ, даже не плакалъ... меня неотлучно преслѣдовала только одна мысль:

— Что скажетъ мнѣ Варухъ? Что отвѣчу я Варуху?..

Ципора жила у раввина. Сарра не покидала ее и ухаживала за Ездрой. Всѣ окна въ домѣ были отворены день и ночь: служанка то и дѣло жгла ароматы, а свѣжій вѣтеръ, проникая отовсюду, очищалъ воздухъ. Я бродилъ безцѣльно по городу, нарочно избирая самыя уединенныя мѣста, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣчаться и все какъ бы отыскивая что-то нужное, забытое. Сауликъ продолжалъ торговать одинъ, попрежнему.

Голодъ росъ день отъ дня. Мука почти вся уже вышла. Свѣжихъ припасовъ даже и въ поминѣ не было.

Разъ какъ-то, рано утромъ, зашелъ я на мясной рынокъ. Въ это время тамъ не было уже другого мяса, кромѣ конины, да и она то уже продавалась по баснословной цѣнѣ. Съ ужасомъ смотрѣлъ я на бѣдныхъ, полуживыхъ старухъ, съ изнуренными лицами, со впалыми глазами, толпившихся передъ лавкою Франца Сепеля, который раздавалъ имъ куски лошадинаго остова и внутренностей. Исхудалыя руки налету перехватывали подачу. Слабыми, умоляющими голосами жалобно стонали онѣ:

— Еще кусочекъ печеночки... еще!.. Бога ради, еще!

Я уже собирался уйти, какъ издали показался Бюрге; онъ тихо пробирался вдоль заборовъ, поглядывая тревожно по сторонамъ.

Мнѣ припомнилось тутъ, что за нѣсколько дней до постигшаго насъ несчастья онъ говорилъ мнѣ, что его кухарка занемогла.

Онъ очень исхудалъ: лицо его осунулось и покрылось глубокими морщинами. Изъ-подъ нависшей на глаза шляпы выдавался небритый подбородокъ.

Терпѣливо дождавшись очереди своей, онъ схватилъ изъ рукъ Франца лошадиное ребро, поспѣшно спряталъ его подъ полу сюртука и направился скорыми шагами домой.

Сердце у меня дрогнуло.

— Возможно ли!—воскликнулъ я.—Какъ! И онъ, Бюрге!.. Профессоръ Бюрге также питается падалью...

— О, Боже милосердный...

Я вернулся домой страшно взволнованный.

Запасная провизія наша уже близилась къ концу, но я все-таки отложилъ въ корзинку немного картофеля и солонины, а

вечеромъ, когда Сауликъ заперъ лавку, позвалъ его въ свою комнату и сказалъ ему:

— Отнеси отъ меня Бюрге, скажи ему, что это все отъ дезертира... да... такъ и скажи. Да смотри, чтобы кто не увидалъ, а то сейчасъ отнимутъ.

Вернувшись, онъ сказалъ мнѣ, что Бюрге заплакалъ.

— Да, Фрицъ, вотъ она война-то! Вотъ, до чего доводитъ!..

Гарнизонный запасъ тоже былъ на исходѣ. Солдатскіе раціоны уменьшили наполовину. Новый комендантъ, замѣнившій прежняго, умершаго тифомъ, продолжалъ задавать пиры парламентерамъ: всѣ окна освѣщались, музыка гремѣла; офицеры главнаго штаба пили пуншъ и разныя дорогія вина. Все это, понимаешь, для отвода, чтобы обмануть непріятеля, увѣрить его, что мы ни въ чемъ не терпимъ недостатка.

Парламентеровъ-то, надо тебѣ сказать, всегда съ завязанными глазами провозили по улицамъ, а то, случись имъ по дорогѣ увидать то, что въ самомъ-то дѣлѣ происходило, такъ никакими пуншами потомъ не обмануть бы. Понимаешь?

Въ половинѣ марта, когда во всемъ Пфальцбургѣ не осталось ни одной лошади, ни собаки, ни кошки, вдругъ стали опять слышаться дурныя вѣсти: поговаривали о проигранныхъ генеральныхъ сраженіяхъ, о капитуляціи арміи, о вступленіи союзниковъ въ Парижъ.

Какъ ни принимали тайно парламентеровъ, а все же кое-что доходило до ушей прислуги. Потомъ отъ нея-то новости и облетали мигомъ весь городъ.

А между тѣмъ подходила весна. Снѣгъ въ лощинахъ начиналъ уже таять. Ожившія и проснувшіяся мошки роились въ солнечныхъ пятнахъ.

Живо помню я, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня въ концѣ марта первая ласточка. Я поднялъ глаза. Быстро разсѣкая воздухъ, пронеслась она мимо меня и исчезла высоко въ небѣ.

Не знаю почему, въ эту минуту вспомнился мнѣ Давидъ... и я горько заплакалъ.

Сарра съ Ципорой уже вернулись отъ раввина: наступалъ праздникъ Пасхи.

Надо было мыть полы, бѣлить стѣны, обновлять посуду.

Среди этихъ домашнихъ заботъ онѣ, бѣдныя, какъ будто, позабыли нѣсколько горе.

Чѣмъ больше близился праздникъ, тѣмъ больше я приходилъ въ уныніе. Не было никакой возможности исполнить, какъ слѣдуетъ, заповѣдь Божію:

«Да будетъ мѣсяцъ сей для васъ первымъ въ году. Въ десятый день, да возьметъ каждый отъ стадъ своихъ ягненка или теленка и да блюдетъ его до четырнадцатаго дня. Тогда да умертвятъ его и да ѣдятъ мясо его съ опрѣсноками и горькими травами»

Гдѣ было взять ягненка, гдѣ?

Хорошо, что псаломщикъ Самуилъ насъ выручилъ: онъ у себя въ погребѣ тайно уберегъ и откормилъ ягненка, и когда настало время, заклалъ его по обряду Каждое еврейское семейство получило свою долю отъ него. Правда, доля эта была крайне умѣренна, но все-таки заповѣдь Исхода была исполнена нами въ точности.

Въ этотъ день, какъ предписываетъ намъ законъ нашъ, я пригласилъ бѣднѣйшаго изъ среды братій нашихъ раздѣлить съ нами трапезу. Прежде всего отправились мы въ синагогу, принесли тамъ молитвы, а потомъ, возвратясь оттуда, сѣли за столъ. Все было приготовлено и установлено въ указанномъ порядкѣ. На бѣлой скатерти рядомъ съ мясомъ обрядового ягненка стоялъ и стаканъ уксуса, и хрѣнъ, и крутое яйцо, и нѣсколько опрѣсноковъ...

Когда я занялъ свое мѣсто, Сарра принесла кувшинъ съ водою и полила мнѣ руки. Затѣмъ я взялъ кусокъ хлѣба и произнесъ:

— Вотъ хлѣбъ нищеты, который отцы наши вкушали въ Египтѣ. Всякій алчущій да раздѣлитъ его съ нами. Всякій неимущій да воспразднуетъ съ нами Пасху.

— Въ память чего установленъ этотъ обрядъ, батюшка? — спросилъ меня Саулъ.

— Въ память исхода израильтянъ изъ Египта, дитя мое, — отвѣчалъ я ему. — Праотцы наши тамъ томились въ плѣну. Десница Всевышняго избавила ихъ.

И не успѣлъ я договорить словъ этихъ, какъ вдругъ на насъ пахнуло откуда-то надеждою: мы всѣ невольно переглянулись.

Каждому изъ насъ пришло въ голову, что милосердный Господь, конечно, не оставитъ чадъ своихъ и теперь, что Онъ спасетъ насъ, какъ спасъ нѣкогда, въ Египтѣ, прародителей нашихъ, и что императоръ Наполеонъ будетъ орудіемъ, избраннымъ Имъ для спасенія нашего.

Мы горько ошибались... да!...

Господь отвратилъ уже лицо Свое отъ этого человѣка.

XX.

На другой день, часу въ шестомъ утра, когда мы еще спали, вдругъ раздался вдалекѣ пушечный выстрѣлъ. Меня это очень удивило: непріятель стрѣлялъ всегда ночью.

Я сталъ прислушиваться... и вотъ за первымъ выстрѣломъ грянулъ другой... за нимъ третій... четвертый, пятый... и все по одному черезъ разные промежутки.

Я вскочилъ съ постели и открылъ окошки. Изъ-за арсенала всходило солнце. Во всѣхъ домахъ окна были настежь отворены, и въ нихъ виднѣлись испуганныя, удивленныя лица.

Свиста ядеръ и гранатъ не было слышно: непріятель стрѣлялъ порохомъ.

Веселый, громкій гулъ несся къ городу отъ Миттельброна, отъ Катрвана и отъ Бибельберга...

— Происходитъ что-то необыкновенное... — сказалъ я Саррѣ.—Дай-то Богъ, чтобы это было къ лучшему!

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ на улицу.

Не прошло и получаса съ тѣхъ поръ, какъ началась пальба, а ужъ весь городъ былъ на ногахъ: горожане и солдаты толпами бѣжали на бастіоны.

На поворотѣ въ Училищную улицу я увидѣлъ Бюрге и подошелъ къ нему. Онъ былъ еще блѣднѣй, чѣмъ въ тотъ день, когда я его встрѣтилъ на рынкѣ.

— Что случилось? Зачѣмъ эта пальба?—спросилъ я его.

— Какое-нибудь важное событіе, Моисей,—сказалъ онъ.— И, по всѣмъ видимостямъ, для насъ не больно хорошее. Иначе не стали бы они такъ радоваться.

— Я и самъ такъ думаю.—отвѣчалъ я.—Вѣрно, союзники одержали большую побѣду. Пожалуй, взяли Парижъ.

Бюрге бросилъ вокругъ себя испуганный взглядъ.

— Тише. Будьте осторожнѣе. Солдаты услышатъ, такъ плохо вамъ придется. Они теперь способны растерзать всякаго...

И онъ былъ правъ, какъ всегда. По счастью, близко никого не было.

— Я еще не поблагодарилъ васъ за то, что вы мнѣ на-дняхъ прислали,—сказалъ Бюрге, пожимая мнѣ руку.—Провизія ваша пришлась тогда очень кстати.

Я отвѣчалъ прямо, что, помня его одолженіе, послѣдній кусокъ хлѣба охотно раздѣлю съ нимъ. Потомъ мы пошли вмѣстѣ по Среднему бастіону.

Валъ былъ сплошь покрытъ любопытными: тутъ находился и баронъ Пармантье, и его адъютантъ, и Пипеллингеръ, и совѣтникъ Брантъ, и старый пасторъ Лодъ... всѣ они, смѣшавшись съ толпою, внимательно смотрѣли вдаль. По лицамъ ихъ понятно стало мнѣ, что происходитъ нѣчто необыкновенное.

Когда мы взлѣзли на башню, глазамъ нашимъ вполнѣ открылось то, что возбуждало всеобщее вниманіе. Всѣ союзныя войска: австрійцы, баварцы и русскіе, какъ безумные бѣгали и скакали взадъ и впередъ по равнинѣ. Люди цѣловали другъ друга, обнимались, махали зелеными вѣтками, и высоко бросали свои кивера и шапки. Ихъ радостные крики оглашали окрестность.

Простоявъ тутъ съ добрый часъ, мы отправились обратно въ городъ. Дойдя до нашей улицы, тогда совсѣмъ пустой, Бюрге, который шелъ нѣсколько впереди меня, опустивъ голову на грудь, вдругъ остановился и громко произнесъ:

— Вотъ онъ конецъ! Вотъ онъ! Пришелъ таки! Да! Но что же съ Парижемъ? Взятъ онъ или нѣтъ? Что съ императоромъ? Живъ ли онъ? Что будетъ съ нами? Франція попрежнему ли останется Франціей? Что у насъ отнимутъ? Что намъ оставятъ?

Я схватилъ его крѣпко за руку, вспомнивъ его недавній совѣтъ. Тогда онъ какъ бы очнулся, провелъ рукою по лбу—и удалился поспѣшно.

На другой день, ко дверямъ всѣхъ церквей и ко всѣмъ столбамъ на рынкѣ были прибиты рукописныя объявленія, возвѣщавшія, что союзныя войска вступили въ Парижъ подъ предводительствомъ императора Александра.

Никто не зналъ, откуда взялись эти объявленія, чьей рукой были писаны, кѣмъ прибиты. Подозрѣніе падало, правда

на бывшихъ эмигрантовъ, всегда враждебно относившихся къ имперіи, но положительнаго ничего нельзя было сказать.

Полицейскіе сорвали, конечно, всѣ афиши, да все-таки опоздали: уже многіе успѣли прочесть ихъ и потрясающее извѣстіе въ одинъ мигъ облетѣло и крѣпость, и городъ...

Старые солдаты никому не вѣрили. Они громко утверждали, что все это подлая ложь, гнусная измѣна, что императоръ никогда не проигрывалъ сраженія, да и не могъ проиграть, что Парижъ ни за что не сдастся, что всѣ эти и объявленія, и слухи, и вся эта пушечная пальба—не что иное, какъ военная хитрость союзниковъ.

Парламентеры чаще прежняго въѣзжали и выѣзжали изъ города. По цѣлымъ часамъ оставались они въ домѣ губернатора, вѣроятно, трактуя объ условіяхъ сдачи крѣпости.

Сержантъ нашъ уже рѣдко-рѣдко заходилъ къ намъ. Да мы, признаться, и рады отчасти тому были. Ципора была еще больна. Сарра не отходила отъ нея, а я, съ разсвѣта до вечерней зари, помогалъ Саулику.

Лавка постоянно была набита биткомъ ветеранами. Не успѣютъ одни выйти, а другіе уже идутъ имъ на смѣну. Они пили вино, какъ воду, но оно не веселило ихъ: съ каждой рюмкой, все мрачнѣе и мрачнѣе становились у нихъ лица, все суровѣе и сердитѣе смотрѣли глаза ихъ изъ-подъ нависшихъ бровей.

Въ ночь на 9-ое апрѣля въ крѣпости полученъ былъ съ курьеромъ сенатскій декретъ о низложеніи императора, а 11-го, не то 12-го, командиръ 4-ой дивизіи объявилъ въ приказѣ, что признаетъ рѣшеніе сената обязательнымъ для арміи и повинуется ему безпрекословно.

Это было жестокимъ ударомъ для нашихъ ветерановъ, все еще твердо надѣявшихся, что императоръ возьметъ верхъ, что маршалы и народъ не измѣнятъ ему. Въ тотъ же вечеръ мы прочли на лицѣ сержанта, что онъ пораженъ въ самое сердце. Въ одинъ день онъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Мнѣ хотѣлось утѣшить его, сказать ему, что онъ имѣетъ въ насъ истинныхъ, преданныхъ ему друзей, что всѣ мы готовы многимъ пожертвовать, чтобы только помочь ему, да успокоить его, ежели онъ будетъ вынужденъ перемѣнить родъ жизни...

Да, вотъ, Фрицъ, что я думалъ въ глубинѣ души, но, признаюсь, у меня не доставало силъ вымолвить слово.

Пройдетъ, бывало, молча, раза два-три по комнатѣ... остановится, помотаетъ, эдакъ, головой... сожметъ кулаки... и быстро выйдетъ вонъ.

16-го апр. заключено было перемиріе, подъ предлогомъ уборки тѣлъ убитыхъ. Подъемные мосты у Нѣмецкихъ воротъ опустили на цѣлый день. Многіе вышли тутъ изъ города, чтобы въ огородахъ и садахъ позапастись кой-какою зеленью. Мы остались дома. Ципорѣ что-то нездоровилось больше обыкновеннаго.

Поздно вечеромъ, когда уже стали было поднимать подъемные мосты, два офицера прискакали верхомъ изъ Меца, пронеслись во всю прыть черезъ городъ, и соскочили съ лошадей у губернаторскаго дома.

Пріѣздъ ихъ возбудилъ большіе толки. Всѣ ждали важныхъ перемѣнъ.

Мы всѣ слышали, и я, и Сарра, и Ципора, какъ сержантъ нашъ, всю ночь напролетъ, проходилъ изъ угла въ уголъ, бормоча про себя что-то...

Его вздохи не давали намъ спать.

На другой день, въ 10 часовъ утра забили сборъ у ратуши.

На улицахъ прохода не было. Вездѣ толпился народъ. Я едва могъ протолкаться на площади: всякій дорожилъ своимъ мѣстомъ, дружокъ... всѣмъ хотѣлось стоять поближе...

Полки были выстроены четвероугольникомъ. Квартирьеры, стоя посрединѣ, громко что-то читали.

То было отреченіе императора, увольненіе рекрутовъ, набранныхъ въ 1813 и 1814 годахъ, воцареніе Людовика XVIII и повелѣніе перемѣнить кокарды и знамена.

Ни звука, ни ропота не слышно было ни откуда: все было спокойно, мертво, ужасно.

Солдаты стояли неподвижно: зубы ихъ были крѣпко стиснуты, глаза мрачно опущены внизъ, сѣдые усы судорожно дрожали. Голоса квартирьеровъ поминутно прерывались, какъ будто, у нихъ захватывало духъ. Вдали, подъ сводами, виднѣлись комендантъ и его штабъ, суровые, блѣдные...

Покуда читали приказъ—все молчало, но когда потомъ скомандовали: «вольно!» грозный, единодушный вопль ярости раздался со всѣхъ сторонъ: началось смятеніе, шумъ, крики.

Ничего невозможно было разобрать въ этомъ хаосѣ...

Новобранцы бѣжали въ казармы. Старые солдаты срывали

съ себя эполеты и разбивали о камни свои ружья. Офицеры ломали свои шпаги. Губернаторъ попробовалъ было говорить, да ужъ никто его не слушалъ.

Идя домой, я самъ, своими глазами, видѣлъ, какъ нѣсколько старыхъ солдатъ, прислонясь головами къ забору, горько-горько плакали, какъ малые дѣти.

Не успѣлъ я разсказать женѣ все то, что видѣлъ, какъ вошелъ сержантъ. Лицо его выражало столько страданія, что намъ стало за него страшно.

— Ну, — сказалъ онъ, опуская ружье на полъ.—Все кончено, все!..

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Бѣдная, бѣдная Франція!—вдругъ произнесъ онъ порывисто. —Тебя предали! Тебя продали!.. О, мерзавцы... мерзавцы!..

Тутъ онъ присѣлъ къ нашему столу, привлекъ къ себѣ Саулика, и, охвативъ руками его голову, крѣпко поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Потомъ, взялъ на руки Ездру и сталъ качать его...

Мы переглянулись съ женою: за душу, понимаешь, братъ стало.

— Ну, прощай, дядя Моисей,—тихо сказалъ онъ, отдавая Саррѣ ребенка.— Пришла пора намъ съ тобою разстаться. Спасибо вамъ всѣмъ, спасибо. А жаль мнѣ, чортъ возьми, уходить отъ васъ... жаль.

— Да и намъ, вѣдь, жаль разставаться съ вами, сержантъ,— съ грустью отвѣчала ему Сарра.—И ежели вамъ не противно, такъ оставались бы жить, право, съ нами... а?..

— Нѣтъ. Невозможно, — живо перебилъ онъ.

— Такъ вы опять будете служить?

— Кому? Кому служить?.. Людовику XVIII? Бурбонамъ?.. Никогда! Старый сержантъ не измѣнитъ своему императору...

Онъ вскочилъ съ мѣста и раздирающимъ душу голосомъ закричалъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Мы всѣ дрожали.

Онъ превозмогъ волненіе и протянулъ ко мнѣ руки. Мы обнялись какъ два родные брата.

— Прощай, дядя Моисей, — сказалъ онъ. —Надолго... Навсегда прощай!

— Такъ вы сейчасъ же и отправляетесь?

— Да. Сію минуту.

— Вы знаете, сержантъ, что здѣсь остаются у васъ вѣрные и надежные друзья... и ежели бы вамъ когда-нибудь встрѣтилась въ насъ надобность, то милости просимъ.

— Знаю... знаю... Вы добрые люди... честные, хорошіе люди...

И онъ еще разъ прижалъ меня къ своей груди, а затѣмъ быстро выйдя въ коридоръ, закричалъ оттуда:

— Прощайте... Живите счастливо, а меня не поминайте лихомъ.

Спустя четверть часа, сержантъ спустился внизъ, съ ружьемъ въ рукахъ. На лѣстницѣ ему попался Сауликъ.

— На... передай вотъ это отцу,—сказалъ онъ, отдавая ему что-то завернутое въ бумагу.

Это былъ медальонъ съ убитаго имъ баварца.

Было около полудня.

Только что мы принялись было за обѣдъ, какъ на улицѣ раздались громкіе крики. Сарра и Сауликъ подошли къ окошку.

— Раненаго какого-то несутъ въ госпиталь,—сказалъ онъ, а вслѣдъ за этимъ, вглядѣвшись пристальнѣе, жалобно закричалъ:—Боже мой, да это нашъ сержантъ! Онъ, онъ!..

Ужасный свѣтъ озарилъ меня; я догадался, понялъ... Я выбѣжалъ, какъ полоумный, на улицу.

Четверо артиллеристовъ несли на плечахъ носилки. Толпа дѣтей бѣжала сзади.

Лицо сержанта было блѣдно... изъ груди тихо сочилась кровь.

Онъ былъ уже мертвъ.

Несчастный прямо отъ насъ отправился на бастіонъ, за арсеналомъ, и тамъ въ упоръ выстрѣлилъ изъ ружья—прямо себѣ въ сердце.

Въ тотъ же день, часа черезъ три, непріятель отодвинулъ свои аванпосты на 600 саженъ отъ прежнихъ линій. Крѣпостныя ворота снова отворились, а на церквахъ и на ратушѣ стало развѣваться по вѣтру бѣлое Бурбонское знамя.

Блокада Пфальцбурга была окончена.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

ПРИЗНАНІЯ КЛАРНЕТИСТА

ГЮГЪ ВОЛКЪ

CONFIDENCES D'UN JOUEUR DE LA CLARINETTE—HUGES-LE-LOUP.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Спб., Стремянная, 12, собств. д.

I.

Когда дядя мой Ставоло купилъ въ 1840 году пятнадцатую десятину виноградника, послѣ умершаго Ганса-Адена-Фишера, и заплатилъ за нее наличными тысячу экю нотаріусу Бишофу, вся деревня Экеревиръ ахнула отъ изумленія.

Желая выразить ему свое уваженіе, одни предлагали выбрать его въ бургомистры или муниципальные совѣтники, другіе, люди болѣе сообразительные, доказывали, что должность присяжнаго купора какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ такому тонкому знатоку въ винахъ, какъ дядя Ставоло; но онъ не гонялся за почестями и скромно отвѣчалъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, я не хочу быть ни бургомистромъ, ни муниципальнымъ совѣтникомъ. Слава Богу у меня не мало своихъ заботъ и не для чего мнѣ, на старости лѣтъ навязывать себѣ чужія. Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои, выкиньте это изъ головы: я не слуга общинѣ. Должность присяжнаго купора еще туда и сюда: отчего не выпить стаканъ хорошаго вина, за который не заставятъ платить? Но, благодаря Бога, въ погребахъ моихъ есть порядочный запасъ рикевира, кютерле и драгенфельца всѣхъ сортовъ, и мнѣ нѣтъ необходимости таскаться по чужимъ виноделъямъ и грабить сосѣдей. Сказать ли вамъ, чѣмъ я полагаю заняться на будущее время? Повѣрьте, что не заложу рукъ за спину: Я хочу старательно и съ толкомъ воздѣлывать виноградники: на мѣсто старыхъ кустовъ, не приносящихъ мнѣ никакой выгоды, насажу молодыхъ, сорта средняго качества постепенно замѣню высокими и каждое утро, прогуливаясь по виноградникамъ съ серпомъ въ карманѣ, самъ буду вырѣзывать сорную траву, гдѣ завижу повисшую лозу привяжу ее къ тычинѣ... Дѣло всегда найдется. Потомъ спокойно возвра-

щусь домой и сяду обѣдать съ дочерью Маргредель и племянникомъ Касперомъ. Вечеромъ разопьемъ бутылку вина, Касперъ повеселитъ насъ музыкой. Когда наступитъ время винодѣлія, я самъ выкурю бочки и буду наблюдать за броженіемъ; однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы соваться съ носомъ въ чужія дѣла, я займусь своими собственными. Не довольно, друзья мои, умѣть нажить, надо еще умѣть сберечь нажитое; сколько людей, гоняясь за почестями и славой, разорились въ конецъ! Благодарю васъ, дѣти мои, я вижу, что вы хотѣли сдѣлать мнѣ удовольствіе, только вы выбрали дѣло для меня не подходящее: мѣсто мое не въ муниципальномъ совѣтѣ, а въ виноградникахъ. Я не хочу быть ни чѣмъ другимъ, какъ только Конрадомъ Ставоло, какимъ есмь по милости Божіей.

Такъ разсуждалъ мой дядя, и всѣ согласились, что онъ былъ правъ.

Какъ онъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ, и не только свои виноградники, но и мои тоже привелъ въ отличное состояніе.

Со смерти моей матери, я жилъ въ домѣ дяди и, сказать вамъ всю правду, былъ влюбленъ въ двоюродную мою сестру Маргредель: ея бѣлокурые волосы, румяныя щечки съ ямочками, большіе голубые глаза казались мнѣ прелестнѣйшими въ мірѣ. Она какъ-то особенно красиво носила свою черную шелковую шапочку, да и вообще все, что она надѣвала—корсажъ шитый золотыми блестками, красную юбку съ чернымъ бархатомъ—все сидѣло на ней удивительно граціозно. Я часто, любуясь ею, говорилъ про себя: «Во всей окрестности отъ Мюнстера до Сенъ-Ипполита нѣтъ такой красивой, стройной, веселой и милой дѣвушки, какъ Маргредель!»

Въ свою очередь я, кажется, тоже нравился Маргредель; на всѣхъ деревенскихъ праздникахъ она выбирала меня своимъ кавалеромъ для танцевъ. Мы выѣзжали на эти праздники обыкновенно рано утромъ; я съ Маргредель усаживался въ тѣлежкѣ на соломѣ, дядя Конрадъ на козлахъ правилъ Фоксомъ и Раппелемъ и во всю дорогу смѣхъ и болтовня не прекращались ни на минуту. И теперь, когда подумаю объ этихъ маленькихъ путешествіяхъ, о привалахъ въ гостиницѣ «Золотой Кружки» на площади Гюневиръ, и о нашихъ веселыхъ танцахъ, я какъ будто снова переживаю это счастливое для меня время. Дядя Кон-

радъ зналъ, что я любилъ его дочь, но находилъ, что мы еще слишкомъ молоды, чтобы насъ женить.

— Касперъ,—говорилъ онъ мнѣ иногда,—старайся сколотить капиталецъ, не лѣнись играть на деревенскихъ праздникахъ, не пропускай случая заработать копѣйку; я слышалъ, что ты первый кларнетъ въ Эльзасѣ, и что вы съ Вальдхорномъ стоите цѣлаго оркестра: это говорилъ мнѣ старикъ Никлаусъ, а я ему вѣрю. Ну, такъ видишь ли, другъ мой, когда ты въ состояніи будешь купить двѣ десятины виноградника, я скажу тебѣ что-то хорошенькое.

При этомъ онъ смотрѣлъ на Маргредель, которая краснѣя, потупляла глазки, а я, я чувствовалъ, какъ сердце прыгало у меня въ груди отъ счастья.

Вы не повѣрите, какъ я любилъ Маргредель; часто, когда сижу одинъ, задумавшись, я вижу сонъ съ открытыми глазами: мнѣ кажется, что я, какъ тогда, поднимаюсь по дорогѣ въ нашу деревню; на откосѣ виднѣется домъ дяди Конрада; его остроконечная зубчатая крыша рѣзко выдается на Фреландѣ, покрытомъ виноградникомъ, подъ крышей слуховое окно, на которомъ сидятъ и воркуютъ бѣлые и сизые голуби или вьются надъ высокимъ шпицемъ; пониже два маленькихъ окошечка, на которыхъ разставлены резеда и левкои въ горшкахъ изъ обожженной глины—это комната Маргредель—а вотъ и она сама! Она смотритъ на меня изъ-за занавѣски и думаетъ, что я не вижу ее. Я поспѣшно прячу кларнетъ, застегиваю куртку, откидываю назадъ волосы и иду скорымъ шагомъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы она тоже подумала обо мнѣ: «Какой Касперъ молодецъ, онъ первый красавецъ у насъ въ деревнѣ».

Вотъ я поднимаюсь по лѣстницѣ и сбоку заглядываю въ столовую. Я вижу, какъ Маргредель торопливо разстилаетъ скатерть на столѣ и разставляетъ тарелки и стаканы; она какъ птичка спорхнула сверху и хочетъ показать, что и не подозрѣваетъ о моемъ возвращеніи, но я знаю, что она видѣла меня и въ восторгѣ повторяю: «она меня любитъ».

— Ты уже дома, Касперъ!—говоритъ она съ удивленіемъ.— А я думала, что ты ушелъ надолго.

— Нѣтъ, Маргредель, — отвѣчаю я, кладя кларнетъ на окошко,—я только сходилъ въ Орбе или Киршбергъ, или называлъ ей какую-нибудь изъ ближайшихъ деревень.

— Ты очень торопился домой?

— Да, торопился.

И мы смотрѣли другъ на друга; она улыбалась мнѣ, показывая свои бѣлые зубки, а я, я бы хотѣлъ расцѣловать ее, но она всегда вырывалась, крича: «Касперъ, отецъ идетъ!» и убѣгала въ кухню.

Я заглядывалъ въ окно на улицу и почти всегда видѣлъ широкоплечаго дядю Конрада, въ поярковой черной шляпѣ и сѣрой курткѣ, который, какъ нарочно тутъ возвращался изъ своихъ виноградниковъ. Увы! какъ сейчасъ вижу и переживаю все это. Счастливое время молодости! Зачѣмъ бѣжишь ты такъ быстро, между тѣмъ, какъ воспоминанія о тебѣ преслѣдуютъ насъ всю остальную жизнь.

Я очень уважалъ дядю моего Конрада и любилъ его, какъ отца, несмотря на его суровый голосъ, когда онъ бывалъ не въ духѣ, а ужъ особенно когда сердился; послѣднее, впрочемъ, случалось съ нимъ не часто, но всегда было ужасно: его большой носъ, какъ орлиный клювъ, спускался на губы, сѣрые глаза метали молніи, а голосъ гремѣлъ, какъ труба на страшномъ судилищѣ. Зная свою необыкновенную силу, онъ ни на кого не поднималъ руки, боясь причинить увѣчье.

Однажды, впрочемъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ дядя вспылилъ не на шутку и чуть не измѣнилъ своему благоразумію. Это случилось въ трактирѣ «Трехъ Розъ», куда мы по обыкновенію пришли вечеромъ распить бутылку вина въ компаніи экеревирскихъ виноделовъ. Разговоръ зашелъ объ исключительномъ способѣ сажать нѣкоторые сорта винограда. Старикъ Меріанъ утверждалъ, что токайскія лозы необходимо нѣсколько растягивать по бороздѣ, чтобы онѣ лучше принялись, дядя Конрадъ доказывалъ, что это совершенно лишнее и что слѣдуетъ ихъ вести прямо, изъ чего Меріанъ заключилъ, что дядя ничего не смыслитъ въ этомъ дѣлѣ и едва ли въ состояніи отличить токайскую лозу отъ драгенфельской. Дядя разсердился и, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы и бутылки подскочили къ потолку, всталъ съ мѣста и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Я не хочу отвѣчать клеветнику Меріану, но тѣ изъ васъ, которые раздѣляютъ его мнѣніе, выходите противъ меня, сколько бы васъ тамъ ни было: трое, четверо, шестеро, я разсчитаюсь съ вами!

Онъ окидывалъ глазами всю залу, но никто не шевелился: тогда я узналъ, что дядя Конрадъ считался первымъ силачемъ въ окрестности. Хотя мнѣ и прежде случалось слышать разсказы о томъ, какъ господинъ Ставоло въ былое время поражалъ всѣхъ геркулесовъ, которые собирались на деревенскія побоища и что еще немного лѣтъ тому назадъ, поборолъ извѣстнаго силача, такъ называемаго Вогезскаго Дуба, дровосѣка Димера, тѣмъ не менѣе, слыша отъ него постоянно, что сила еще ничего не доказываетъ, и что хвалиться тѣмъ, что силенъ неприлично, при чемъ онъ такъ смиренно поглаживалъ себѣ подбородокъ, я, наконецъ, повѣрилъ ему на слово и смотрѣлъ на него, какъ на самаго миролюбиваго человѣка. Онъ часто говорилъ мнѣ:

— Касперъ, если случится тебѣ попасть въ драку, знаешь ли ты, что надо дѣлать?

— Нѣтъ, дядя, не знаю.

— Ну, такъ слушай: такъ какъ Господь далъ тебѣ длинныя ноги, нарови скорѣй добраться до двери и валяй въ поле: вѣдь ты не сильнѣе зайца и при первомъ ударѣ повалишься на землю, а другіе будутъ драться на твоихъ бокахъ. Осторожность, другъ мой, это первая добродѣтель кларнетиста, который хочетъ жениться!

Послѣ такихъ рѣчей можно ли было не вѣрить, что дядя Конрадъ самъ человѣкъ осторожный и любитъ только свои виноградники, вино и музыку! Но въ этотъ вечеръ я убѣдился, что онъ гордился своей силой и это меня очень удивило.

Однако онъ сейчасъ же успокоился, извинился передъ старикомъ Меріаномъ и объяснилъ свою вспышку тѣмъ, что хотѣлъ только посмотрѣть, найдутся ли между молодежью такіе храбрецы, чтобы поддержать старика. Въ свою очередь Меріанъ сознался, что дядя Конрадъ отлично различаетъ всѣ сорта винограда, умѣетъ ухаживать за нимъ и превзошелъ всѣхъ въ искусствѣ виноделія, однимъ словомъ наговорилъ столько, что дядя Ставоло совсѣмъ усмирился и, улыбаясь, замѣтилъ ему, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, что едва ли кто въ совершенствѣ зналъ это дѣло, что сколько ни учись, а все многое останется неизвѣстнымъ, что долголѣтній опытъ всегда будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ успѣху, а потому молодежь никогда не

займетъ перваго мѣста, пока такіе старики, какъ Меріанъ, будутъ заниматься дѣломъ. Въ концѣ концевъ оба пришли въ умиленіе и къ одиннадцатти часамъ, когда ночной сторожъ напомнилъ всѣмъ, что пора расходиться, старики поцѣловались, величая другъ друга лучшимъ винодѣломъ и честнѣйшимъ человѣкомъ по всему берегу до Тапа и даже дальше. Глядя на нихъ присутствующіе тоже разчувствовались.

Вотъ какъ я узналъ, что дядя Конрадъ вовсе не пренебрегалъ силой, а только прикидывался передъ нами смиренникомъ, чтобы казаться человѣкомъ благоразумнымъ.

II.

Въ этомъ году въ концѣ лѣта у дяди Конрада должна была отелиться корова швейцарской породы, которая считалась первой во всемъ Экерсвирѣ, какъ по росту, красотѣ, такъ и по удою; ее звали Резель. Уже восемь дней ветеринаръ Гиртъ навѣщалъ ее и каждый разъ говорилъ «завтра».

Въ промежуткѣ какъ-разъ подоспѣлъ праздникъ въ Киршбергѣ, на который мы ѣздили каждый годъ потанцовать и отвѣдать новаго киршвассеру. Такъ какъ годъ былъ урожайный, предполагали, что праздникъ удастся какъ нельзя болѣе; всѣ, кто возвращался изъ Киршберга разсказывали, что вся гора вокругъ деревни до опушки лѣса покрыта деревьями до того осыпанными вишнями, сливами, ренглотами, что необходимо было подпирать вѣтви, чтобы онѣ не обломились отъ тяжести. Разсказывали также, что на фермѣ Іери-Ганса гонятъ день и ночь киршъ, что нашли средство обходиться безъ куба, пропуская пары въ большія бочки, окованныя желѣзными обручами и тому подобное. Все это очень огорчало меня и Маргредель: мы предвидѣли, что дядѣ Конраду не легко будетъ отлучаться изъ дома; наконецъ, онъ позвалъ насъ въ залу и самъ сказалъ намъ наединѣ:

— Нынѣшній годъ мы не поѣдемъ въ Киршбергъ на праздникъ. Ветеринаръ каждый день говоритъ: «завтра!, и я не могу оставить Резель въ такомъ положеніи. Неблагоразумно бы было покинуть на попеченіе Гирта и работницы корову, которая стоитъ мнѣ сто экю и даетъ ежедневно двѣнадцать горшковъ молока. Если бы я и поѣхалъ, я не былъ бы покоенъ ни

на минуту. Послушайте, дѣти мои, черезъ двѣ недѣли мы поѣдемъ на праздникъ въ Виценгеймъ и точно также повеселимся, вмѣсто трактира «Золотой Кружки» будемъ пить киршвассеръ въ трактирѣ «Краснаго Быка». Оно даже и лучше, потому что къ тому времени киршъ будетъ постарше.

— Хорошо, отецъ, мы согласны, — отвѣчала Маргредель довольно печальнымъ голосомъ.

Тѣмъ дѣло и порѣшили. Мы остались дома, между тѣмъ какъ половина Экерсвира отправлялась въ Киршбергъ. По дорогѣ тянулась вереница тѣлегъ, увозя по пяти и шести человѣкъ разряженнаго люда, съ лентами на шляпахъ и стеклянными украшеніями въ волосахъ. Мы грустно смотрѣли на нихъ изъ окна. Проѣзжая, молодыя дѣвушки кричали Маргредель:

— Какъ, развѣ ты не поѣдешь на праздникъ? Полно, одѣвайся скорѣй и иди къ намъ, у насъ есть для тебя мѣстечко!

— Благодарствуйте,—отвѣчала Маргредель, — въ другой разъ.

Въ свою очередь молодежь кричала мнѣ:

— Касперъ, бери кларнетъ и иди сюда, мы посадимъ тебя верхомъ на Шварца и гопъ, гопъ впередъ!

Я качалъ головой.

Чтобы не видать этихъ сценъ, дядя Конрадъ забрался въ огородъ на заднемъ дворѣ и подпиралъ деревья. Такъ продолжалось до десяти часовъ; наконецъ, тишина водворилась, деревня опустѣла и только старики грѣлись на солнышкѣ, сидя у своихъ дверей; даже собаки убѣжали за хозяевами, и обычный лай не раздавался.

Во время обѣда, дядя Ставоло говорилъ, что на праздникѣ вѣроятно будетъ тьма народа, что негдѣ будетъ повернуться и что трактирщики воспользуются случаемъ, чтобы сбыть кислое вино и заплесневѣлый сыръ. Онъ утѣшалъ насъ, что намъ гораздо будетъ веселѣе въ Виценгеймѣ у старика Михайлы Блума, его пріятеля, который давно звалъ его отвѣдать кугельгофовъ и бримбельвассеру. Послѣ обѣда мы пошли въ конюшню провѣдать Резель, и дядя сообщилъ мнѣ, что въ эту ночь она навѣрно отелится, и что въ такомъ случаѣ завтра рано утромъ мы поѣдемъ въ Киршбергъ на праздникъ. Но дѣло затянулось до вторника и ѣхать было уже поздно.

Между тѣмъ въ тотъ же вечеръ послѣ ужина дядя Конрадъ взялъ маленькую буковую трубку въ формѣ тюльпана и, положивъ ее въ карманъ, сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ, Касперъ, посмотрѣть, что дѣлается въ трактирѣ «Трехъ Розъ»; я увѣренъ, что многіе вернулись уже изъ Киршберга: старикъ Мсріанъ, Зафери, Бремеръ привыкли тридцать лѣтъ кряду ночевать дома,—я не думаю, чтобы они остались до утра. Маргредель, если случится что въ конюшнѣ, пришли за мной Оршель.

Мы вышли вмѣстѣ. Сходя съ лѣстницы дядя прибавилъ:

— А меня интересуетъ весело ли было на праздникѣ; вотъ мы сейчасъ все узнаемъ.

Мы перешли пустынную улицу и черезъ нѣсколько минутъ входили въ залу «Трехъ Розъ».

Дядя Конрадъ не ошибся; многіе старики уже вернулись съ праздника и, расположась съ локтями на столѣ, курили трубки и разсказывали все, что видѣли въ этотъ достопримѣчательный день, напоминая другъ другу, какъ въ такомъ и такомъ-то году, т. е. двадцать и тридцать лѣтъ тому назадъ, праздникъ въ Киршбергѣ былъ гораздо блистательнѣе, напримѣръ, при проѣздѣ Карла X или при въѣздѣ во Францію Маріи-Луизы, или во времена Сенъ-Жюста, когда посадили большой тополь посреди деревни. Они жаловались, что съ каждымъ годомъ все приходитъ въ упадокъ, молодежь теряетъ доблесть, налоги увеличиваются, киршвассеръ, вино, пиво, мука, мясо,—все вздорожало, что конца этому не предвидится, и что наступили времена скорби и печали, предсказанныя въ священномъ писаніи.

Старикъ Бремеръ, клеркъ общиннаго правленія, въ рыжеватомъ, гладко причесанномъ на подобіе мѣховой шапки, парикѣ, съ большой ульмской трубкой въ зубахъ, изъ которой по временамъ выпускалъ облако дыма, былъ какъ-то особенно мраченъ; онъ сидѣлъ, подперевъ голову руками, смотрѣлъ въ стаканъ и толковалъ о временахъ минувшихъ.

Мы сѣли къ столу. Трактирщикъ Зафери Мюцъ, принесъ намъ бутылку вина и два стакана, причемъ спросилъ, не отелилась ли Резель. Дядя отвѣтилъ, что нѣтъ, и мы стали прислушиваться къ разговору.

До десяти часовъ разговоръ шелъ о прошедшихъ праздникахъ и въ особенности о настоящемъ. Несмотря на только что

высказанное мнѣніе клерка, многіе утверждали, что никогда еще не было столько народа въ Киршбергѣ, а особенно танцующихъ, что баракъ былъ полонъ, какъ улей; что старикъ Іери-Гансъ, взявшій на откупъ всѣ игры, перестроилъ баракъ заново, возобновилъ знамена, поставилъ внутри по стѣнамъ скамейки, за что получилъ всеобщее одобреніе, потому что бабушкамъ и дѣдушкамъ пріятнѣе сидя смотрѣть, какъ танцуютъ ихъ внучата. Говорили, что киршвассеръ былъ отмѣнно вкусенъ; что игры рампо, кегли, пѣтухъ и баранъ и пр. покрыли всѣ издержки Іери-Ганса.

Однимъ словомъ, судили и рядили обо всемъ. Молодежь толковала о новой модѣ,—о тюлевыхъ чепцахъ, привезенныхъ изъ Страсбурга, о рукавахъ, имѣющихъ форму бараньей ноги, о прическахъ съ гребенками въ полфута вышины. Старый Клеркъ находилъ прежнія моды несравненно красивѣе: напримѣръ, черныя бархатныя повязки съ длинными лентами, гладкіе рукава, атласные корсажи шитые золотыми и серебрянными блестками, шелковыя юбки съ пестрыми разводами, длинныя косы, распущенныя по плечамъ, однимъ словомъ, все старое, начиная съ треуголки, красныхъ жилетовъ, башмаковъ съ серебрянными пряжками, до сѣраго камзола мельника и бѣлаго передника торговца сыромъ,—казалось ему лучше блузы и бумажнаго колпака.

Но это мало интересовало дядю Конрада, который, закрывшись рукой, зѣвалъ и съ трудомъ поднималъ вѣки.

— Послушайте, господинъ Бремеръ, — вскричалъ вдругъ старикъ Меріанъ,—во многомъ вы правы! Да, старинныя платья и старинныя повязки были красивѣе балахоновъ и высокихъ гребенокъ; скажу болѣе, кислая капуста и солонина не въ примѣръ были вкуснѣе, потому что говядину коптили и солили лучше, а вмѣсто деревянныхъ винтовъ, чтобы нажиматъ капусту, клали большой камень, который самъ собою опускался, между тѣмъ какъ теперь, если забудутъ завернуть винтъ, капуста портится въ погребѣ. Во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, но есть однако же, вещи, въ которыхъ молодежъ не уступитъ намъ.

Клеркъ сомнительно покачалъ головой.

— Да ужъ какъ вы ни качайте головой, — сказалъ Меріанъ,—а это вѣрно. Напримѣръ, въ искусствѣ бороться, въ

силѣ и ловкости, встрѣчали ли вы человѣка болѣе крѣпкаго и лучше сложеннаго, какъ сынъ Іери-Ганса, который только что возвратился изъ Африки? Вѣдь онъ кулакомъ быка убьетъ! Встрѣчали ли вы въ наше время такого Геркулеса, спрашиваю я васъ?

Клеркъ задумался, дядя Конрадъ завертѣлся на стулѣ; онъ прокашлялся, какъ бы собираясь возражать, но не сказалъ ни слова. Старикъ Меріанъ продолжалъ:

— Вотъ видите ли, Бремеръ, этотъ огромный канонеръ не побоится шести человѣкъ, конечно, но такихъ, какъ сидящій здѣсь почтеннѣйшій Ставоло,—нѣтъ это было бы слишкомъ много! Но я утверждаю, что въ наше время не было человѣка, который могъ бы состязаться съ нимъ въ силѣ.

Затѣмъ Меріанъ осушилъ свой стаканъ, а дядя Конрадъ довольно равнодушно спросилъ:

— О какомъ это канонерѣ идетъ рѣчь? Силачи были во всѣ времена, но меня удивляетъ, что объ этомъ я никогда не слыхалъ.

— Онъ сынъ Іери-Ганса, киршбергскаго фермера,—отвѣчалъ Меріанъ.

— А, помню помню... высокій, сухопарый; да... да... сынъ Іери,—сказалъ дядя, вертя пальцами:—вотъ какъ! Признаюсь я и не подозрѣвалъ, что онъ такой силачъ; удивительно, право, удивительно!

— До отъѣзда въ Алжиръ,—сказалъ Меріанъ,—онъ точно былъ худощавый и бѣлокурый, но теперь, почтеннѣйшій Ставоло, онъ рыжій, кожа у него смуглая, а плечи... плечи,—вотъ какія!—добавилъ онъ, съ восторгомъ разставляя руки.

— Большой ростъ еще ничего не доказываетъ,—замѣтилъ дядя и быстро опорожнилъ стаканъ. — Гансъ, еще бутылку! Нѣтъ, большой ростъ еще не доказываетъ силы; видалъ я великановъ, которые вовсе не были сильны. Когда мнѣ говорятъ о силачѣ, я спрашиваю, что онъ сдѣлалъ?

— Вотъ и видно, что вы не были на праздникѣ, почтеннѣйшій Конрадъ, иначе вы бы знали, что всюду только и разговору что о Іери-Гансѣ и о его побѣдахъ надъ всѣми, кто осмѣлился помѣряться съ нимъ силой.

— Надъ кѣмъ, напримѣръ?—спросилъ дядя.

— Я не помню ихъ именъ, но всѣ они были очень силь-

ные, цвѣтъ нашихъ винодѣловъ, угольщиковъ, дровосѣковъ,— однимъ словомъ, богатыри! И Боже ты мой, какъ это шло быстро! Не успѣешь моргнуть глазомъ, а богатырь ужъ лежитъ на землѣ и болтаетъ ногами... Ай да Іери-Гансъ!.. Вотъ такъ молодецъ!

Дядя Конрадъ помолчалъ, прокашлялся, досталъ трубку изъ кармана и заговорилъ съ странной улыбкой:

— Бываютъ разные силачи! Вѣроятно, вашъ канонеръ научился въ полку разнымъ фокусамъ, о которыхъ мнѣ разсказывалъ цирюльникъ Мюнхъ и которые состоятъ въ томъ, чтобы подцѣпить противника за ногу или каблукомъ съѣздить по головѣ! Да, да! Я часто слыхалъ о такихъ продѣлкахъ; солдаты выучиваются между собой такимъ штукамъ, а потомъ, возвратясь на родину, поражаютъ хромыхъ, горбатыхъ, тщедушныхъ,— одно названіе, что люди—и такимъ образомъ нагоняютъ страхъ по деревнямъ. Всѣ кричатъ: «вотъ страшный человѣкъ, вотъ силачъ!» А я такъ полагаю, что когда дожилъ до сѣдыхъ волосъ, такъ не мѣшаетъ подумать о томъ, что говоришь. Я говорю это только такъ, и вы повѣрите, Меріанъ, что мнѣ рѣшительно все равно; если вашъ канонеръ силенъ, тѣмъ лучше для него. Сила еще не доказываетъ разума; быкъ ужъ какъ силенъ, и все-таки смысла у него нѣтъ ни на грошъ. Только слышать такія вещи непріятно,—нервы раздражаетъ. Душевно желаю, чтобы вашъ Іери-Гансъ былъ первый силачъ въ мірѣ; отецъ его—мой старинный пріятель, но я говорю, что не мѣшаетъ подумать, когда говоришь въ присутствіи людей серьезныхъ.

Сказавъ это, дядя Конрадъ закурилъ трубку, а клеркъ Бремеръ вскричалъ:

— Послушайте Меріанъ, если бы мнѣ пришлось выбирать между вашимъ канонеромъ и почтеннѣйшимъ Ставоло, я бы, не задумаясь держалъ пари за Конрада, несмотря на то, что онъ старикъ...

Но дядя перебилъ его:

— Что это вы говорите, Бремеръ? Возможное ли дѣло, чтобы я сталъ тягаться съ молодымъ человѣкомъ! Конечно, десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я бы не такъ спокойно выслушивалъ, какъ другой хвалится, что онъ первый силачъ, и пожелалъ бы убѣдиться на дѣлѣ, но теперь, Боже меня со-

храни! Пусть борется съ кѣмъ знаетъ, пусть засучиваетъ рукава до локтей, я предсказываю ему, что онъ наскочитъ на молодца, который порядкомъ проучитъ его! Только это будетъ не Конрадъ Ставоло.

— Да я не къ тому и сказалъ почтеннѣйшій Конрадъ, я знаю, что вы въ ваши лѣта не станете связываться съ мальчишкой,—замѣтилъ Бремеръ.—Но откровенно говоря, если бы это случилось, я держу за васъ.

Дядя улыбнулся. Въ это время ночной сторожъ постучалъ въ полъ своей толстой палкой и сказалъ:

— Господа, одиннадцать часовъ!

Всѣ встали и побрели по домамъ.

Дорогой дядя былъ задумчивъ:

— Сумасбродный человѣкъ этотъ Меріанъ! — говорилъ дядя.—Онъ все такой же, какимъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ; что ново, то и лучше! Побилъ кто кого, и трубитъ, что вотъ-де я первый силачъ! А ужъ если побьютъ двухъ, то такого и свѣтъ не производилъ. Не люблю, когда изъ мухи дѣлаютъ слона. Но вотъ мы и дома. Прощай, Касперъ. Хорошо, если бы Резель надумала сегодня ночью!

— Ужъ какъ бы хорошо дядя: Маргредель очень скучаетъ, ей бы такъ хотѣлось потанцовать въ Киршбергѣ.

Мы разошлись по своимъ комнатамъ.

III.

Такъ какъ положеніе Резель не позволяло дядѣ Конраду отлучаться далеко изъ дома, то, чтобы заняться чѣмъ-нибудь, онъ пошелъ на другой день рано утромъ на голубятню и, проходя мимо моей двери, позвалъ меня съ собою. Голубятня была устроена на самой верхушкѣ сарая, надъ сѣноваломъ; надо было влѣзать по приставной лѣстницѣ, чтобы открыть ее. Внутри дядя огородилъ ее досками, которыя съ боковъ прибилъ къ рейкамъ, а въ слуховое окно наставилъ длинныхъ остроконечныхъ кольевъ для того, чтобы хорьки или куницы не могли забраться: эти хищныя животныя очень кровожадны.

Лишь только мы поднялись одинъ за другимъ на голубятню, какъ голуби, привыкшіе къ намъ, тотчасъ же усѣлись къ намъ

на плечи. Я иногда, ради забавы, набиралъ въ ротъ хлѣбныхъ зеренъ, и они дрались между собою, чтобы достать ихъ.

Дядя осмотрѣлъ гнѣзда и вдругъ высунулся въ слуховое окно. Передъ нимъ открывались три холма: Фреландъ, Мительвейзеръ и Кинсгеймъ, покрытые, насколько можно было обнять глазомъ, виноградниками. Онъ долго стоялъ, нагнувшись въ отверстіе; голуби, очутясь впотьмахъ, сѣли на гнѣзда и, распустивъ крылья, прикрыли своихъ птенцовъ, а я задавалъ себѣ вопросъ: на что это дядя смотритъ такъ пристально!

Дядя смотрѣлъ на свои виноградники, которыхъ не видалъ уже три дня, потому что не могъ выйти изъ дома.

Наконецъ онъ отошелъ отъ окна и сказалъ мнѣ весело:

— Касперъ, если такая погода простоитъ еще шесть недѣль, у насъ будетъ богатый урожай. Винограду уже нечего бояться, ягоды завязались, и ему нужно только солнце, въ лучахъ котораго есть непостижимая мягкость... Теплота—это поистинѣ жизнь и душа человѣка... И эта мягкость сообщается лучамъ отъ кометъ. Да, у насъ будетъ славный годъ, и я очень доволенъ, что не продалъ своихъ бочекъ Меріану, хотя онъ и давалъ мнѣ хорошую цѣну. Жители верхнихъ горъ тоже не могутъ пожаловаться. Весной шли обильные дожди, картофель окрѣпъ, и хлѣбное зерно налилось. Смотри-ка туда, повыше, на холмѣ, видишь, желтые, какъ золото квадраты между соснами—это овсы анабаптиста Пельслея. Въ каждомъ квадратѣ шесть десятинъ; а тамъ, въ тѣни Реталя эти коричневые квадраты видишь? Это туркгеймскій картофель; стебли начинаютъ желтѣть отъ жара, но это уже не вредно: клубни ужъ завязались. Наконецъ-то, всѣ будутъ довольны! Господь съ избыткомъ благословилъ землю. Пойдемъ, Касперъ, затвори хорошенько дверь, чтобы не забрался хорекъ.

Онъ сошелъ задомъ съ лѣстницы, я затворилъ дверь, задвинулъ задвижку и ощупью спустился за нимъ. Когда мы пришли на чердакъ, дядя положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ, смѣясь:—теперь самое время зашибить копѣйку, не лѣнись дуть въ кларнетъ; чѣмъ урожайнѣе годъ, тѣмъ люди щедрѣе и за двумя, тремя грошами не погонятся. Старайся нынѣшней зимой купить двѣ десятины виноградника,—съ тремя, которыя у тебя уже есть, да съ моими все вмѣстѣ составитъ изрядное хозяй-

ство. Да, да, другъ мой, подумай объ этомъ! Надо воспользоваться молодостью.

Я почувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Говоря такъ, дядя, конечно, думалъ о моей женитьбѣ на Маргредель. Затѣмъ онъ сошелъ во дворъ, и я видѣлъ изъ своего окна, какъ онъ осматривалъ, подъ большимъ навѣсомъ, бочки и кадки, пересматривалъ одинъ за другимъ всѣ обручи, потомъ постоялъ надъ прессомъ, наконецъ, отворилъ дверь въ погребъ направо и сталъ стучать по пустымъ бочкамъ; удары звонко раздались подъ сводами.

День былъ жаркій.

Пробило двѣнадцать часовъ, я сошелъ въ столовую, гдѣ Маргредель уже накрывала на столъ, и, взявъ ее за руку, передалъ слова отца; она потупила глаза и молчала.

— Ахъ, Маргредель,—вскричалъ я:—я вѣрю, что ты меня любишь, но если бы ты хоть разъ сказала мнѣ это, я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

— За что же мнѣ не любить тебя, Касперъ? Развѣ ты не самый честный, самый...

— Нѣтъ, нѣтъ, Маргредель, не такъ надо отвѣчать мнѣ! Скажи просто только: «Касперъ, я люблю тебя».

— Ну, ты ничѣмъ не доволенъ, — сказала она, отворяя дверь въ кухню.

Въ это время вошелъ дядя, и я не могъ продолжать разговора.

Дядя былъ серьезенъ, онъ сѣлъ за столъ и разложилъ на колѣняхъ салфетку, хотя кушанье не было еще подано.

— Удивительно, сколько народа возвращается изъ Киршберга!—сказалъ онъ, смотря на женщинъ, которыя проходили подъ окномъ съ большими корзинами на головахъ. — Съ утра только и видно, что корзины съ сливами да боченки съ киршвассеромъ!

Въ эту минуту вошла Маргредель и поставила на столъ миску съ супомъ. Я сѣлъ около Маргредель, дядя разлилъ намъ супъ. Затѣмъ Оршель принесла блюдо солонины съ кислой капустой. Дядя ѣлъ молча; въ концѣ обѣда онъ вдругъ неожиданно выпрямился на стулѣ и вскричалъ:

— Только и разговору, что о канонерѣ! Еще сейчасъ двѣ

старухи, переходя аллею за сараемъ, толковали: «канонеръ сдѣлалъ это». Просто непостижимо!

Очевидно, что разсказы старика Меріана въ трактирѣ «Трехъ Розъ» сильно засѣли у него въ головѣ, и это меня удивило, потому что дядя обыкновенно мало занимался чужими дѣлами.

Маргредель, повидимому, тоже удивилась.

— О какомъ это канонерѣ всѣ говорятъ?—спросила она.

— Да это Іери-Гансъ, который только что вернулся изъ Алжира, окончивъ солдатскій срокъ, и выдаетъ себя за перваго силача!

— Сынъ старика Іери изъ Киршберга? — вскричала радостно Маргредель.—Ахъ, я его очень хорошо знаю! Онъ блондинъ, высокаго роста и очень красивъ собою. Неправда ли, отецъ? Какъ сейчасъ его вижу! Помните семь лѣтъ тому назадъ, когда вы въ первый разъ повезли меня на праздникъ, онъ танцовалъ въ баракѣ, и всѣ говорили: «Какой красивый мужчина и какъ славно танцуетъ! Во всей деревнѣ нѣтъ такого танцора, какъ сынъ старика Іери». Въ то время я была еще очень молода, мы стояли съ тетей Кристиной позади всѣхъ, мнѣ страшно хотѣлось танцовать, такъ ноги и прыгали! Но никто не обращалъ на меня вниманія, и я только смотрѣла, какъ другіе веселились, какъ вдругъ Іери, который ходилъ вокругъ залы, увидалъ меня, остановился и закричалъ: «Посторонитесь! Посторонитесь». Сосѣди оглянулись, а я не могла понять, чего ему надо. «Это вы, Маргредель?»—сказалъ онъ.—«Развѣ отецъ вашъ здѣсь? Я васъ совсѣмъ не видалъ. Боже мой! Что же вы тутъ стоите? Отчего вы не танцуете?»—Что вы, что вы, господинъ Іери!—вскричала тетя Кристина, вѣдь она еще слишкомъ молода!» Помилуйте! Она совсѣмъ взрослая дѣвица, да еще и самая красивая на праздникѣ! Я буду ея кавалеромъ!» Онъ взялъ меня за руку и вытащилъ впередъ, музыка заиграла. Создатель мой! Какъ мы танцовали въ эту ночь! До двухъ часовъ ночи танцовали! Всѣ дѣвушки мнѣ завидовали. Я этого не забуду во всю жизнь!

Пока говорила Маргредель, глаза ея блестѣли, щеки разгорѣлись. Я слушалъ и чувствовалъ, какъ сердце мое постепенно

сжималось. Мнѣ было грустно, но я не могъ ничего сказать. Дядя Конрадъ тоже молчалъ, задумавшись.

— Такъ Іери воротился! — продолжала Маргредель — Но онъ, конечно, забылъ все это! Впрочемъ, все равно, онъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе въ тотъ вечеръ! Я танцовала тогда въ первый разъ!

— Ну, да точно, это тотъ самый высокій блондинъ, о которомъ всѣ толкуютъ,—отвѣчалъ дядя.—Я не спорю, онъ очень силенъ; я говорю только, что несправедливо ставить его превыше всей вселенной. Будь я молодъ, я не стерпѣлъ бы этого. Хорошо, что Касперъ у насъ такой разсудительный и не станетъ связываться съ такого сорта людьми, но каждый смотритъ на вещи по-своему, и я нисколько не удивляюсь, если такой силачъ, какъ, напримѣръ, угольщикъ, Полякъ изъ Гарцбурга, или дровосѣкъ, Димеръ изъ Шнесталя, соскучась выслушивать подобное самохвальство, спокойно возьметъ его за воротъ и швырнетъ подъ столъ. Да, это легко можетъ случиться съ Іери-Гансомъ! И подѣломъ! Хоть бы вчера разсказы Маріана! Это ужъ слишкомъ!

Дядя Конрадъ всталъ, взялъ шляпу и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; губы его были сжаты. Я былъ доволенъ, что дядя такъ отзывался о капонерѣ. Маргредель убирала со стола и складывала скатерть. Такъ прошло нѣсколько минутъ; какъ вдругъ вбѣжала Оршель и сказала, что Резель сейчасъ отелится.

Тутъ все было забыто; дядя Конрадъ снялъ камзолъ и сказалъ намъ:

— Оставайтесь въ комнатѣ, вы будете намъ только мѣшать; когда все кончится, тогда и приходите. Пойдемъ, Оршель.

Когда они вышли, Маргредель спросила у меня:

— За что отецъ сердится на Іери-Ганса?

— А за то,—сказалъ я,—что онъ большой хвастунъ! Съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ Алжирѣ, воображаетъ, что онъ первый силачъ и первый красавецъ въ Эльзасѣ, и что всѣ молодыя дѣвушки влюблены въ него.

Маргредель выслушала меня, но ничего не сказала. Когда я кончилъ, она, потупивъ глаза, вышла въ кухню, гдѣ стала мыть посуду.

Черезъ полчаса Оршель пришла сказать намъ, что Резель отелилась. Мы всѣ вмѣстѣ отправились въ конюшню. Доброе

животное лизало своего теленка, а дядя Конрадъ весело сказалъ намъ:

— Теперь я не жалѣю моихъ трудовъ. Черезъ пять, шесть лѣтъ у насъ останется только швейцарская порода; это самая лучшая. По мѣрѣ того, какъ будутъ родиться телята, я переведу старый скотъ.

Мы съ Маргредель не могли налюбоваться на малютку, который самъ находилъ вымя матери.

— Толкуйте мнѣ,—говорилъ дядя Конрадъ—что у животнаго нѣтъ разума! Какой ребенокъ можетъ, родясь на свѣтъ, стоять на своихъ ногахъ или найти грудь матери, или смотрѣть вамъ такъ въ глаза, какъ эта маленькая скотинка?

Онъ расписывалъ красоту теленка, его величину, ростъ, квадратную и крѣпкую форму колѣнъ. Оршель, съ корзинкою подъ мышкой, посыпала теленка солью, чтобы заставить мать лизать его.

Такъ прошелъ цѣлый день. Радость была въ домѣ, и до самаго вечера дверь въ конюшню стояла настежь, чтобы сосѣди и сосѣдки могли входить полюбоваться красивымъ малюткой. Дядя Конрадъ расточался въ похвалахъ швейцарской породѣ и объяснялъ посѣтителямъ, что по мясу, по качеству молока и по работѣ нѣтъ ея лучше.

Всѣ намъ завидовали. Подъ вечеръ мы выпили по стакану кютерлея за здоровье Резель, послѣ чего всѣ разошлись по домамъ. Дядя Конрадъ былъ очень радъ, что, наконецъ, отдѣлался отъ посѣтителей, жалуясь, что ему непомѣрно наскучили сплетни изъ трактира «Трехъ Розъ» и легкомысленныя сужденія старика Маріана.

IV.

На четвертый день праздника въ Киршбергѣ, въ среду, дядя Конрадъ ушелъ рано утромъ осматривать свои виноградники. Погода стояла прекрасная. Въ седьмомъ часу я сошелъ внизъ. Всѣ три окна въ столовой были отворены, а Маргредель, съ метлой въ рукахъ, разговаривала съ маленькой Анной Дюрлахъ, долговязой Финкъ и еще съ тремя или четырьмя подругами, которыя только что возвратились съ праздника.

— Ахъ, какъ было весело, Маргредель!—говорили онѣ.— Жаль, что тебя не было. Сколько мы танцовали! Кавалеровъ

наѣхало со всѣхъ деревень: изъ Орбе, Туркгейма, Рибавилье, отовсюду! Никель разсердился на меня за то, что я вальсировала съ Фрицемъ. Ну, да мнѣ все равно.

Такъ болтали онѣ, какъ сущія сороки.

Вдоль улицы, около каждаго дома стояла телѣга, изъ которой выгружали фугельгофы, пироги, мѣшки съ сливами и бочонки съ киршвассеромъ. Дѣти дули въ деревянные рожки; молодежь выпрягала лошадей и отводила ихъ въ конюшни.

Я сѣлъ къ столу и сталъ завтракать, не обращая особеннаго вниманія на разговоръ, который продолжался на лѣстницѣ, какъ вдругъ заговорили о Іери-Гансѣ. Я навострилъ уши. Маргредель, стоявшая все время ко мнѣ спиной, быстро повернулась въ мою сторону и заглянула въ отворенную дверь. Въ ту же минуту всѣ дѣвушки замолчали. Это показалось мнѣ очень страннымъ.

«Отчего,—подумалъ я,—Маргредель не хочетъ, чтобы при мнѣ говорили объ Іери-Гансѣ?»

Мысль эта преслѣдовала меня цѣлое утро. Я не могъ усидѣть на мѣстѣ; я готовъ былъ отдать половину моего состоянія тому, кто сообщитъ мнѣ, что долговязому канонеру выбили три передніе зуба или добрымъ кулакомъ сплюснули носъ. Я ходилъ изъ дома въ домъ и всюду слышалъ, что Іери-Гансъ первый силачъ въ Эльзасѣ и Вогезахъ. Боже мой! Какъ тяжело страдать, не бывъ ни въ чемъ виноватымъ!

Къ одиннадцати часамъ я былъ уже дома. Я сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Дядя Конрадъ, тоже скучный, возвращался домой. Я видѣлъ, какъ онъ подымался по дорогѣ, останавливаясь время отъ времени, чтобы поговорить съ сосѣдями, что было противно его привычкамъ. Когда дядя подошелъ къ дому, Бастіанъ, нашъ школьный учитель, въ потертой пуховой шляпѣ, въ широкомъ, свѣтло-зеленомъ камзолѣ съ мѣдными пуговицами, величиною въ цимбалъ, въ короткихъ панталонахъ и въ башмакахъ съ мѣдными пряжками, величественно выступалъ ему навстрѣчу

Бастіанъ возвращался изъ Киршберга, держа подъ мышкой синій коленкоровый дождевой зонтикъ и, поднявши кверху носъ. Онъ ходилъ на праздникъ только затѣмъ, чтобы купить на два су три камушка и бросить на Тирмаркѣ въ «пѣтуха»; въ этой игрѣ онъ былъ очень искусенъ и до сихъ поръ не встрѣчалъ себѣ

соперника. Дядя Конрадъ былъ увѣренъ, что и на этотъ разъ онъ остался побѣдителемъ.

Но Бастіанъ былъ тоже мраченъ и задумчивъ. Его длинные ноги шагали въ тактъ; онъ держался прямо и строго, а когда дѣти, встрѣтясь съ нимъ, кричали ему: «здравствуйте, г. Бастіанъ!» онъ не отвѣчалъ и смотрѣлъ въ небо.

— А! Здравствуйте, почтеннѣйшій Бастіанъ,—сказалъ дядя Конрадъ:—какъ поживаете?

Школьный учитель, узнавъ голосъ дяди, опустилъ глаза, снялъ шляпу и, согнувъ спину, смиренно отвѣчалъ:

— Понемножку, господинъ Ставоло, понемножку; къ вашимъ услугамъ.

— Уйдемте съ дороги,—сказалъ дядя, уводя его въ сторону, къ лѣстницѣ, гдѣ стояла каменная скамейка.—Мнѣ всегда пріятно, г. Бастіанъ, поговорить съ вами.

— Вы очень милостивы, г. Ставоло, очень милостивы,—сказалъ школьный учитель, польщенный такимъ обращеніемъ.

— Ну, какъ прошелъ праздникъ въ Киршбергѣ? Вы вѣдь оттуда, г Бастіанъ?

— Какъ видите, г. Ставоло, какъ видите. Праздникъ прошелъ довольно хорошо... да, довольно хорошо... Народу было много.

— Да, да, погода благопріятствовала. Это естественно, очень естественно. А почемъ сливы?

— Тридцать су четверикъ, г. Ставоло.

— Не дурно... не дурно! А киршвассеръ?

— Первый сортъ—по двадцать четыре су литръ.

— Это недорого! Совсѣмъ недорого!

Дядя Конрадъ замолчалъ. Я видѣлъ, что онъ замышляетъ что-то, но никакъ не могъ догадаться, что именно. Какъ вдругъ онъ спросилъ:

— Ну, а вы, почтеннѣйшій Бастіанъ, какъ всегда, остались побѣдителемъ и взяли призъ на «Пѣтуха»? Впрочемъ, объ этомъ нечего и спрашивать.

При этихъ словахъ, школьный учитель покраснѣлъ до ушей, носъ его сдѣлался еще длиннѣе, онъ поднялъ глаза къ небу, вытянулъ губы, прокашлялся и сказалъ:

— Я долженъ сознаться, г. Ставоло... Справедливость тре-

дуетъ, чтобы я сознался... что на этотъ разъ... я не взялъ приза на «Пѣтуха».

— Какъ! Возможно ли? Вы не взяли приза!—вскричалъ дядя, въ самомъ дѣлѣ озадаченный.—Кто же взялъ его?

Въ это время Бастіанъ успѣлъ нѣсколько оправиться, лицо его снова сдѣлалось блѣдно, и онъ спокойно отвѣчалъ:

— Военный... канонеръ.

— Какой канонеръ?—спросилъ дядя, выпрямляясь.

— Его, кажется, зовутъ Іери-Гансъ; онъ изъ здѣшнихъ. Да, г. Ставоло, онъ выигралъ призъ; да и не только этотъ, а еще нѣсколько другихъ, болѣе значительныхъ. Надо быть справедливымъ къ своимъ соперникамъ, и я считаю своею обязанностью опубликовать мое пораженіе.

— А! Онъ взялъ призъ на «Пѣтуха»! Значитъ, онъ мѣтко бросаетъ камешки?

— О! Да, очень мѣтко! Я долженъ въ этомъ сознаться.

Бастіанъ пріостановился, какъ бы собираясь съ мыслями; его руки, заложенныя за плоскую спину, опирались на дождевой зонтикъ; шляпа сдвинулась на затылокъ; онъ поднялъ глаза къ небу и меланхолическимъ голосмъ продолжалъ:

— Да, этотъ молодой человѣкъ взялъ призъ! Я могъ бы смягчить мое пораженіе, унижая моего противника, но я этого не сдѣлаю. Не я первый былъ жертвою несправедливости судьбы. Я могу указать вамъ нѣсколько подобныхъ случаевъ въ древней исторіи. Напримѣръ, Киръ, послѣ столькихъ побѣдъ, побѣжденъ женщиной. Анибалъ...

— Хорошо, хорошо,—перебилъ дядя,—все это мнѣ извѣстно, но, однакожъ, какъ это могло случиться? Были ли соблюдены всѣ условія игры честно и справедливо?

— О, да, г. Ставоло, все было въ порядкѣ.

Бастіанъ вынулъ изъ задняго кармана бумажный, синій платокъ съ красными полосками, обтеръ потъ съ лица и началъ разсказъ:

— Въ половинѣ десятаго, когда я пришелъ на площадь, пѣтухъ стоялъ на своей площадкѣ. Я тотчасъ же замѣтилъ, что его отодвинули на полторы сажени дальше, что съ двѣнадцатью прежними составляло изрядную дистанцію. Все равно, подумалъ я: условія для всѣхъ одинаковы, и рѣшился состязаться. Еще до меня пѣтуха задѣли нѣсколько разъ, но такъ легко, что всѣ

перья были цѣлы. До одиннадцати часовъ я присутствовалъ на состязаніи, не принимая участія въ игрѣ. Въ одиннадцать часовъ г. Ставоло, я купилъ три камешка и изъ нихъ двумя попалъ въ пѣтуха. Удача ободрила меня, и до трехъ часовъ я издержалъ двѣнадцать су на покупку восемнадцати камешковъ, изъ которыхъ одна пятая достигла цѣли. Но пѣтухъ, изъ дикой породы верхнихъ Вогезовъ, былъ очень живучъ; нѣсколько капель водки приводили его въ чувство, и онъ становился снова на ноги. Наконецъ, между тремя и четырьмя часами я начиналъ терять надежду. Истраченная сумма выходила изъ моихъ разсчетовъ и превышала награду; я стоялъ въ нерѣшимости. Однако-же, я опять попробовалъ бросить еще три камешка и третьимъ такъ оглушилъ пѣтуха, что онъ въ продолженіе минуты открывалъ и закрывалъ глаза. Присутствующіе поздравляли меня съ побѣдой. Какъ вдругъ явился молодой человѣкъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Онъ открылъ клювъ пѣтуху и сталъ дуть въ него; пѣтухъ очнулся, точно послѣ сна, выпрямился на площадкѣ, встряхнулъ гребешкомъ, какъ бы смѣясь надъ нами. Я былъ въ отчаяніи. Старожилы не запомнятъ подобнаго случая въ Эльзасѣ. Однако же, я все еще былъ убѣжденъ, что кромѣ меня некому одержать побѣды, тѣмъ болѣе, что всѣ присутствующіе отступились отъ непокорнаго животнаго, которое не хотѣло подчиниться участи, рано или поздно ожидающей каждаго изъ насъ. Такое рѣшеніе не испугало Іери-Ганса. Онъ взялъ наудачу три острые черепка изъ дна стараго горшка и объявилъ, что если не убьетъ ими пѣтуха, то оставитъ его на произволъ судьбы и больше пробовать не станетъ. Всѣ смотрѣли на это, какъ на фанфаронство. Я самъ, г. Ставоло, улыбнулся: «Вотъ она, думаю, глупая самонадѣянность легкомысленной молодости!» Іери снялъ куртку и бросилъ первый камешекъ, который ударился на двѣ линіи пониже площадки, но съ такою силою, что всѣ могли видѣть знакъ. Вторымъ онъ такъ задѣлъ пѣтуха, что съ него полетѣли перья, и вся правая сторона была точно выщипана. Всѣ думали, что дѣло кончено, но я, въ свою очередь, принялся дуть пѣтуху въ клювъ, и онъ опять вскочилъ на ноги. Изъ ноздрей его текла кровь. Наконецъ, третьимъ камешкомъ онъ ударилъ такъ мѣтко что отшибъ ему голову, и тѣмъ лишилъ меня возможности оживить его. Безполезно было дуть ему въ клювъ

или давать водки, потому что голова его лежала на землѣ. Это рѣшило побѣду.

Дядя Конрадъ слушалъ разсказъ съ изумленіемъ.

— Да, это ловко,—сказалъ онъ.—Я всегда думалъ, что Іери ловкій малый. Но сила все-таки сила, и ловкостью не сдѣлаешь, чтобы сосна была крѣпче дуба,—вотъ, что я утверждаю!

— Извините, г. Ставоло! Этотъ молодой человѣкъ такъ же силенъ, какъ и ловокъ. Равно, какъ онъ побѣдилъ меня въ игру «Пѣтухъ», онъ точно также побѣдилъ первѣйшихъ силачей на праздникѣ.

— Кого?—вскричалъ дядя.

— Несмѣтное число!—отвѣчалъ Бастіанъ, раздувая щеки и поднимая глаза къ небу.—Но я назову вамъ только одного,—вы знаете дровосѣка изъ Шнесталя?

— Конечно, я его знаю!—сказалъ дядя.

— Ну, такъ онъ разбилъ Димера, какъ муху!

— Онъ повалилъ Димера на землю и на спину?

— Именно такъ, на землю и на спину!

— Хотя вы и говорите, Бастіанъ, что сами видѣли, но, признаюсь вамъ, изъ всего, что вы разсказывали, это кажется мнѣ самымъ невѣроятнымъ.

— Увѣряю васъ, что это такъ было: я самъ видѣлъ.

— Вы видѣли! Но знаете ли вы условія боя? Не подмѣтили ли вы какихъ-нибудь фокусовъ? Напримѣръ, зацѣпить противника за ногу? Или вмѣсто того, чтобы взять его подъ мышки, не было ли какихъ фальшивыхъ пріемовъ?

— Я видѣлъ только одно: Іери-Гансъ взялъ дровосѣка за плечи и повалилъ его на спину, а когда тотъ вскочилъ и хотѣлъ опять бороться, онъ схватилъ его въ охапку и перебросилъ черезъ заборъ, какъ мѣшокъ.

— Это все штуки,—сказалъ дядя Конрадъ, поблѣднѣвъ.—Но вотъ бьетъ двѣнадцать, мнѣ пора обѣдать. Благодарю васъ, Бастіанъ.

— Имѣю честь кланяться, г. Ставоло, — сказалъ школьный учитель, приподнимая шляпу.

Потомъ прибавилъ:

— Повѣрьте, что все, что я разсказалъ вамъ, — сущая правда!

— Вѣрю, вѣрю, только вы какъ разъ не видали того, что надо было видѣть! Но все равно! Іери-Гансъ ловкій малый!

Затѣмъ дядя Конрадъ задумчиво сталъ подниматься по лѣстницѣ, а Бастіанъ отправился домой.

Послѣ обѣда того же дня, Вальдхорнъ пришелъ сказать мнѣ, что мы приглашены играть на свадьбѣ Лотхенъ Омахъ, дочери бергхеймскаго мельника, что кромѣ насъ будетъ тромбонъ Зефери, контръ-басъ и скрипка Куку-Петеръ и его племянникъ Матисъ, и что онъ постарается достать барабанъ изъ Зюлемберга, а если не достанетъ, то надсмотрщикъ Брюгель соглашается исполнить эту партію за три франка въ вечеръ.

Ночью мы отправились въ Боргхеймъ, и такъ какъ свадьба продолжалась два дня, то я возвратился въ Экерсвиръ только въ слѣдующую субботу, въ десять часовъ утра. Я заработалъ шесть экю и былъ очень веселъ.

V.

Поднимаясь по большой улицѣ, я уже зналъ, что застану Маргредель одну дома. Она имѣла обыкновеніе, когда отецъ уходилъ въ виноградники, отворять окна въ столовой, чтобы освѣжить воздухъ; я видѣлъ, что окна были отворены.

Я весело бѣжалъ съ кларнетомъ подъ мышкой; мнѣ хотѣлось удивить ее. Но въ ту минуту, какъ я заносилъ ногу на лѣстницу, я увидѣлъ, кого менѣе всего ожидалъ. Цыганка Вальдина, съ длинной козлиной мордой, съ обломкомъ чубука въ посинѣлыхъ губахъ, спускалась съ лѣстницы, шлепая старыми башмаками и, смѣясь, почесывала затылокъ. За спиной у ней болтался въ мѣшкѣ черномазый цыганенокъ, сынишко ея, Калепъ.

Дядя Конрадъ терпѣть не могъ этихъ бродягъ. Онъ говорилъ, что цыгане только и способны на воровство, грабительство и передачу порученій отъ молодыхъ людей къ дѣвицамъ, потихоньку отъ родителей, съ цѣлью получить нѣсколько грошей. Случалось, что иной по ошибкѣ забредетъ бывало къ намъ во дворъ, и дядя поднималъ страшный твалтъ:

— Вонъ отсюда, бездѣльникъ! — кричалъ онъ на всю улицу.—Берегись! Здѣсь, кромѣ палки, ничего не достанешь!

Такимъ образомъ, онъ отвадилъ ихъ, и они никогда не заглядывали къ намъ.

Вы повѣрите, что присутствіе этой женщины у насъ въ домѣ меня очень удивило.

— Вѣрю, она стащила яйца или кусокъ сала изъ кухоннаго шкафа подумалъ я и хотѣлъ уже кричать, чтобы задержать ее, какъ вдругъ Маргредель высунулась изъ окна и кивнула ей привѣтливо головой.

Я остолбенѣлъ. Бездна мыслей пробѣжала у меня въ головѣ.

Завидя меня, Маргредель отошла отъ окна и принялась мести полъ въ столовой. Я вошелъ въ комнату.

— Здравствуй, Маргредель. Вотъ и я воротился! — сказалъ я.

— Ахъ! Это ты, Касперъ! Что такъ скоро?—отвѣтила она съ недовольнымъ видомъ.

— Вотъ какъ ты меня встрѣчаешь!—сказалъ я, смѣясь (но въ душѣ былъ очень огорченъ). — Не хорошо такъ говорить, Маргредель; какъ видно, время показалось тебѣ недолго въ моемъ отсутствіи.

Она очень сконфузилась.

— Ты во всемъ видишь дурное, Касперъ! Каждый разъ, какъ мы остаемся вдвоемъ, ты всегда начинаешь съ упрековъ.

— А развѣ я не правъ?—вскричалъ я.

И замѣтя, что она отворила дверь въ кухню, съ намѣреніемъ уйти безъ дальнѣйшихъ объясненій, я задержалъ ее.

— Посмотри-ка, хоть ты и не думаешь обо мнѣ, а я все-таки не забылъ тебя: вотъ я опять купилъ тебѣ маленькій подарокъ.

Я подалъ ей прелестную голубую шелковую ленту.

Она неохотно стала развертывать пакетъ; но когда увидѣла ленту, бросилась ко мнѣ со слезами:

— Что бы ни было, Касперъ, а ты добрый мальчикъ!.. Да... да... я очень тебя люблю!

И вдругъ поцѣловала меня, чего прежде никогда не дѣлала. Мнѣ было очень грустно, мнѣ хотѣлось бы спросить, зачѣмъ къ ней приходила цыганка Вальдина, но я не смѣлъ и сказалъ только:

— Очень радъ, что лента тебѣ понравилась. Я всю дорогу безпокоился, что не угожу на твой вкусъ.

— Нѣтъ, она мнѣ нравится,—сказала она, подходя къ зеркалу и складывая ее въ нѣсколько бантовъ подъ своимъ кругъ

лымъ розовымъ подбородкомъ;—она очень хороша; ты доставилъ мнѣ большое удовольствіе!

Послѣ этого все было забыто, и я спросилъ:

— Зачѣмъ приходила сюда цыганка?

Маргредель покраснѣла, и я замѣтилъ въ глазахъ ея большое смущеніе.

— Вальдина?..—сказала она.

— Да, Вальдина; что ей нужно?

— Она бѣдная женщина... у нея маленькій ребенокъ... Я дала имъ орѣховъ... Но мнѣ пора идти готовить обѣдъ. Уже одиннадцать часовъ; скоро пріѣдетъ отецъ.

Она ушла въ кухню, а я понесъ кларнетъ и мѣшокъ въ свою комнату, размышляя о томъ, что случилось, и задавая себѣ вопросъ:

Отчего Маргредель сконфузилась? Можетъ быть, она заставляла цыганку погадать себѣ?

Я зналъ, что ухаживателей, кромѣ меня, у ней не было въ деревнѣ. Всѣ знали, что старикъ не любилъ шутить.

Это предположеніе показалось мнѣ правдоподобнымъ, и я жалѣлъ, что напрасно встревожился. Въ концѣ концовъ, я даже нашелъ, что Маргредель имѣла полное право на меня сердиться за недовѣріе къ ней, и что она поступала въ этомъ случаѣ, какъ всѣ дѣвушки.

Я все еще сидѣлъ враздумьи, когда дядя Конрадъ закричалъ мнѣ съ лѣстницы:

— Касперъ! Ты уже вернулся? Ступай обѣдать. А славную ленту ты принесъ Маргредель! Полно тебѣ на нее разоряться.

Я сошелъ внизъ. Дядя смѣялся такъ добродушно, что, глядя на него, я самъ повеселѣлъ.

На столѣ стояла яичница съ саломъ. Во время обѣда я разсказывалъ о свадьбѣ въ Берхгеймѣ, зная, что Маргредель нравились такіе разсказы.

Въ концѣ обѣда, въ то время, какъ мы собирались уже вставать, кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! А! Это почтеннѣйшая Робишонъ съ сыномъ!—вскричалъ дядя Конрадъ.—Здравствуйте, здравствуйте. Давно васъ не видать.

Робишонъ и сынъ ея Николай служили разносчиками на стеклянной фабрикѣ въ Вильденштейнѣ. Старуха тащила большую

корзинку съ стаканами, такъ называемыми maënnel glaëser, которые продаются сотнями въ Эльзасѣ, а Николай—высокій коробъ съ бутылками, который стоялъ у него надъ головой, какъ каска. Бѣдные люди не прочь были отдохнуть. Солнце палило нестерпимо, а дорога изъ Вильденштейна до Киршберга была не близкая.

— Да, это мы, г. Ставоло,—сказала старуха.—Мы пришли провѣдать, не нужно ли вамъ стакановъ?

— Хорошо, хорошо, объ этомъ потолкуемъ послѣ, а теперь садитесь,—сказалъ дядя.

Онъ помогъ ей снять корзину, а я, въ свою очередь, поддерживалъ коробъ Николая, изъ котораго онъ выбралъ бутылки. Мы приставили коробъ къ стѣнкѣ, и дядя Конрадъ, уважавшій каждаго человѣка, который трудомъ доставалъ себѣ хлѣбъ, сказалъ Маргредель:

— Принеси два стакана. Почтеннѣйшая Робишонъ и Николай выпьютъ съ нами вина. Подвигайте стулья поближе къ столу.

— Вы очень милостивы, г. Ставоло,—сказала, садясь, старуха.—Въ такую жару нельзя отказаться отъ стакана вина.

Николай въ блузѣ, въ сѣрыхъ холстинныхъ панталонахъ и въ бумажномъ синемъ колпакѣ съ красными полосками, стоялъ посреди комнаты, не смѣя сѣсть.

— Да, садись же, Николай,—сказалъ дядя, указывая ему на стулъ.

Маргредель принесла стаканы и налила ихъ вровень съ краями.

— За ваше здоровье, г-жа Робишонъ!

— И за ваше, г. Ставоло! Заплати вамъ Господь!

Дядя былъ очень веселъ. Мы пили вино и разговаривали о разныхъ разностяхъ: о трудности ремесла разносчика, о скудномъ вознагражденіи, о затрудненіи пріискивать работу и проч. Дядя освѣдомился о цѣнѣ стакановъ, о барышахъ, которые они получали въ каждый обходъ, наконецъ обо всемъ, что дѣлалось въ Эльзасѣ отъ Бельфора до Страсбурга.

Дядя Конрадъ былъ очень любознателенъ и любилъ поговорить съ заѣзжими людьми.

Старуха Робишонъ вздыхала, жаловалась на тяжелыя времена. Николай, положа руки на колѣни, сидѣлъ, сгорбясь, и

молчалъ; замѣтя, что онъ посматриваетъ на бутылку, дядя Конрадъ налилъ снова стаканы. Николай усмѣхнулся, раскрылъ толстыя губы, вытеръ носъ рукавомъ, какъ бы приготовляясь пить, но старуха не торопилась, и онъ ждалъ, чтобы она взяла стаканъ.

Мы съ Маргредель слушали и жалѣли бѣдныхъ людей, которымъ такъ трудно доставался хлѣбъ. Зиму и лѣто, во всякую погоду, они носили на продажу стаканы, и все оставались такими же бѣдняками. Я благодарилъ судьбу за то, что она дала мнѣ способность къ музыкѣ, вмѣсто профессіи Николая.

Наконецъ, послѣ разныхъ обходовъ, дядя Конрадъ спросилъ:

— Кстати, Робишонъ, вы вѣроятно, были на праздникѣ въ Киршбергѣ?

— Какъ же, г. Ставоло, какъ же, были! На праздникѣ въ Киршбергѣ киршвассеръ и черничная водка требуютъ много бутылокъ и рюмокъ; побольше чѣмъ на всѣхъ другихъ праздникахъ въ Эльзасѣ. Мы идемъ туда съ полными корзинами, а возвращаемся съ пустыми. Иногда Николай, на обратномъ пути, несетъ въ своемъ коробѣ боченокъ киршвассера для вильденштейнскихъ господъ, но не всегда.

— Такъ вы были въ Киршбергѣ?—сказалъ дядя Конрадъ.— Ну, а не слыхали ли вы чего о сынѣ Іери-Гансѣ, о канонерѣ?

— Какъ же не слыхать, Творецъ Небесный! — вскричала старуха, складывая свои сухія руки. — И какъ еще много слыхала!

— Такъ скажите, правда все то, что о немъ болтаютъ?

— Какъ же не правда, Господи помилуй! Да сколько ни говори, все будетъ мало. Вотъ это такъ человѣкъ, г. Ставоло! Стараго времени человѣкъ!

— Надо полагать, что вы, Робишонъ, ночевали, какъ всегда, въ овинѣ старика Іери-Ганса? Не правда ли?

Старуха сразу поняла, на что намекалъ дядя.

— Ваша правда, г. Ставоло, мы точно ночевали въ овинѣ Іери-Ганса, но повѣрьте, что мы не потому хвалимъ сына. Нѣтъ, это сущая правда! Канонеръ красивый мужчина, ловкій танцоръ, а какой обходительный!

— Вѣрю, вѣрю,—вскричалъ дядя,—но...

— Да вотъ судите сами, я про себя скажу. Какъ только я пришла, онъ сейчасъ же призналъ меня и кричитъ: «Здрав-

ствуйте, почтеннѣйшая госпожа Робинсонъ! Здравствуйте, какъ поживаете?» Посадилъ меня и налилъ стаканъ вина, а потомъ, вѣрьте—не вѣрьте, купилъ мнѣ на ярмаркѣ фунтовый пряникъ, да и говоритъ: «помните вы, тетка Робинсонъ, какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, вы каждый разъ, какъ пріѣзжали къ намъ на ферму, привозили мнѣ маленькихъ анисовыхъ пряниковъ?» И это правда, г. Ставоло, я точно привозила ему анисовыхъ пряниковъ отъ глистовъ, которые брала отъ аптекаря Госпе. Бѣдный ребенокъ былъ такъ блѣденъ и худъ, что мать не надѣялась вырастить его. А теперь, вотъ подите же, какой здоровенный мужчина! Никогда напередъ нельзя сказать, что изъ ребенка выйдетъ.

Такъ говорила старушка Робинсонъ, не переводя духа. Дядя Конрадъ выказывалъ нетерпѣніе, Маргредель слушала, разинувъ ротъ, а я смотрѣлъ на нее и недоумѣвалъ, отчего у нея такъ блестятъ глаза.

Цыганка Вальдина пришла на память.

— Такъ, такъ, онъ подарилъ вамъ пряникъ; это похвально съ его стороны, это показываетъ, что онъ признательный малый. Но скажите, отчего прошла молва, что онъ первый силачъ на свѣтѣ?

— На свѣтѣ? Ну, я этого не знаю, г. Ставоло. Нѣтъ, на свѣтѣ должно быть есть такіе же силачи, какъ онъ, а вотъ въ вашихъ мѣстахъ, такъ это правда.

— Въ нашихъ мѣстахъ!—сказалъ дядя.—А угольщикъ Полякъ? А дровосѣкъ Димеръ?

— Онъ повалилъ ихъ обоихъ на землю, на спину,—сказала старуха

— Какъ!.. Кого?..

— Угольщика, г. Ставоло.

— Развѣ угольщикъ былъ тамъ?

— Какъ же, былъ. Этого онъ повалилъ послѣдняго, да еще какъ! Послѣ побоища ему дали выпить три большихъ рюмки киршвассеру, такъ онъ надсадился: руки и ноги тряслись, думали, что помретъ!

— И вы это видѣли?

— Видѣли, г. Ставоло. Правда ли, Николай?

— Да, матушка,—пробормоталъ Николай.

Дядя Конрадъ уставилъ глаза въ столъ и что-то настистывалъ сквозь зубы. Робишонъ продолжала:

— А знаете ли, г. Ставоло, я вотъ сейчасъ только вспомнила! Вѣдь онъ говорилъ мнѣ о васъ.

— Обо мнѣ?—сказалъ дядя, поднимая голову.

— Да, онъ говорилъ, потирая руки: «госпожа Робишонъ, всѣхъ ихъ я упряталъ подъ столъ, остается только одинъ Конрадъ Ставоло, этотъ будетъ посильнѣй другихъ. Мы должны заглянуть другъ другу въ глаза, и когда я положу его на спину, не сдѣлавъ, конечно, ему никакого вреда, потому что я уважаю его, тогда я сложу руки и буду поджидать богатырей съ сѣвера!

Покуда старуха говорила, лицо дяди Конрада постепенно вытягивалось, носъ все болѣе и болѣе склонялся къ губамъ, глаза сверкали исподлобья.

— Какъ!—вскричалъ онъ, капонеръ сказалъ это?

— Сказалъ, г. Ставоло.

— Мальчишка!—пробормоталъ дядя, сдерживаясь. Говорить такъ обо мнѣ, о человѣкѣ моихъ лѣтъ, о человѣкѣ...

— Да вѣдь онъ не хотѣлъ причинить вамъ вреда,—перебила старуха.

— Вреда, вреда!—повторилъ дядя громовымъ голосомъ.— Пусть побережется, чтобы Конрадъ Ставоло не явился передъ нимъ! Вреда! Пусть побережется!—кричалъ онъ, грозя пальцемъ... Задѣвать миролюбиваго человѣка... человѣка, который выигралъ болѣе пятидесяти сраженій...

При этомъ онъ всталъ.

— Человѣка, который разбилъ Стаумица, какъ муху. Да, знаменитаго Стаумица съ верхней горы. Побѣдилъ Рошара, страшнаго Рошара, который поднималъ 1200 кило; неукротимаго Дюрана, который хваталъ за рога быка и опрокидывалъ его, и Мютца, и Никеля, Лося, и контрабандиста Тубака, и мясника Герцберга изъ Страсбурга... Всѣ, всѣ они прошли черезъ мои руки!—кричалъ дядя голосомъ, отъ котораго дрожали стѣны.

Потомъ, онъ вдругъ успокоился, сѣлъ на мѣсто, выпилъ залпомъ стаканъ вина и сказалъ:

— Я смѣюсь надъ вашимъ капонеромъ, какъ надъ трубкой табаку! Да помилуетъ его Господь отъ встрѣчи со мной! Вотъ все, что я могу ему желать. Но мнѣ некогда болтать, какъ кривая сорока. Маргредель, дай мнѣ куртку. Я иду въ Реталь. Сегодня

я выбранъ посредникомъ между Гансомъ-Аденомъ и старикомъ Рихтеромъ; скоро два часа, судья ждетъ меня въ ратушѣ.

Маргредель, дрожа отъ страха, пошла за курткой, старуха Робишонъ и сынъ ея молча подняли корзины на плечи, а дядя вышелъ, не сказавъ ни слова, какъ будто никого не было въ комнатѣ.

Я не могъ придти въ себя отъ столькихъ побѣдъ, которыми дядя въ первый разъ похвалился при мнѣ. Какъ видно, въ молодые годы онъ былъ рьяный боецъ. Для него ничего не значило прогуляться за двѣнадцать или пятнадцать миль, лишь бы побороться съ какимъ-нибудь извѣстнымъ силачемъ; но лѣта охладили страсть.

Старуха Робишонъ и сынъ ея простились съ нами и ушли.

VII.

Возвратясь вечеромъ домой, дядя Конрадъ не возобновилъ утренняго разговора. Онъ спокойно поужиналъ и ушелъ рано спать, ссылаясь на усталость.

Я тоже, послѣ двухъ ночей, проведенныхъ безъ сна, не безъ удовольствія растянулся на мягкой постели и проспалъ до семи часовъ. Дядя разбудилъ меня:

— Вставай, Касперъ, мы сейчасъ ѣдемъ въ Киршбергъ къ старухѣ Кобусъ. На прошедшей недѣлѣ у нея опоросилась свинья, а мнѣ необходимо имѣть шесть маленькихъ поросятъ на желудовый кормъ. Не каждый день выпадаетъ такой случай.

— Поросятъ на желудовый кормъ? Что вы дядя! Черезъ шесть недѣль, это другое дѣло, къ тому времени у нихъ выростутъ зубы, но...

— Я говорю тебѣ, что мнѣ нужно поросятъ!—перебилъ онъ рѣзко.—Когда есть двѣ повoтельныя коровы, можно кормить не шесть, а восемь поросятъ! Впрочемъ, теперь я хочу только отобрать, а черезъ двѣ недѣли Кобусъ перешлетъ мнѣ ихъ съ Степгеромъ. Одѣвайся скорѣй и сходи внизъ.

— Сейчасъ, дядя, только вы напрасно разсердились: я, право, не хотѣлъ досадить вамъ...

— Хорошо, хорошо, я не сержусь, только иди скорѣй...

Онъ вышелъ, а я сталъ одѣваться. Мнѣ показалось очень страшнымъ, что дядя, вмѣсто того, чтобы какъ всегда бить масло

и посылать на продажу въ Рибовилье съ толстой Оршель, вздумалъ молокомъ отпаивать поросятъ. Не слишкомъ ли жирно будетъ?

Я сошелъ въ столовую. Лошади были уже заложены и стояли подъ окнами. Дядя Конрадъ только что началъ завтракать.

— Выпей стаканъ вина,—сказалъ онъ мнѣ,—а говядины и хлѣба положи въ сумку: дорогой поѣшь.

Можно было подумать, что надъ нами горитъ.

Я замѣтилъ, что дядя надѣлъ новую сѣрую куртку, большую пуховую шляпу, коричневыя панталоны и шерстяные чулки; воротникъ рубашки онъ выправилъ на щеки. Все вмѣстѣ придавало ему очень почтенный видъ.

— Къ чему это онъ разодѣлся по воскресному?—подумалъ я.—Неужели только поросятъ покупать?

Когда мы сходили съ лѣстницы, Маргредель выглянула изъ окна и закричала намъ тонкимъ голоскомъ:

— Вы вернетесь къ ночи?

— Будь спокойна,—отвѣчалъ дядя, помогая мнѣ сѣсть въ телѣжку и садясь рядомъ.

Онъ взялъ вожжи, свиснулъ, ударилъ по лошадямъ, и Фоксъ и Раппель понеслись, какъ стрѣлы.

Дядя Конрадъ былъ серьезенъ. Когда мы выѣхали за деревню и мчались по тополевой аллеѣ, ведущей въ Киршбергъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Я ѣду покупать поросятъ, теперь настоящая пора: жолуди поспѣли. Я ѣду въ деревню Киршбергъ потому, что старуха Кобусъ говорила мнѣ, пять дней тому назадъ, что у нея есть продажные поросята. За этимъ мы и поѣхали; понимаешь, Касперъ?

— Еще бы! Это не трудно понять.

— Не правда ли, очень просто? Вотъ это я и хотѣлъ сказать.

И онъ ударилъ по лошадямъ.

Что это, подумалъ я, дядя Конрадъ, кажется, считаетъ меня дуракомъ! Съ какой стати онъ объясняетъ мнѣ все, какъ малому ребенку? «Мы ѣдемъ покупать поросятъ... теперь самая пора... За этимъ мы поѣхали къ старухѣ Кобусъ, а не за чѣмъ другимъ... Ты понимаешь, Касперъ?»

Помолчавъ съ минуту, дядя продолжалъ:

— Я человѣкъ тихій, миролюбивый, я скромный обыватель Экерсвира, который отправляется въ сосѣднюю деревню покупать поросятъ; но если кто вздумаетъ напасть на насъ, конечно, я буду защищаться!

«А! А! Такъ вотъ зачѣмъ мы ѣдемъ въ Киршбергъ!»—подумалъ я.

Стоило только посмотрѣть на лицо дяди Конрада, чтобы мурашки забѣгали по тѣлу. Кто вздумаетъ напасть на насъ!

Мнѣ разомъ пришли на память всѣ побѣды дяди. Я почувствовалъ невольное удивленіе къ добродушному виноделу, который такъ любилъ миръ и спокойствіе. Мы продолжали ѣхать. Я спросилъ:

— Кому же охота нападать на насъ, дядя? Вѣдь разбойниковъ нѣтъ на большихъ дорогахъ.

— Я только говорю: «если бы на насъ напали», Касперъ, ты понимаешь? Развѣ хорошо обижать смиреннаго человѣка, какъ я напримѣръ? Сѣдовласаго старика, отца семейства, который только и желаетъ, чтобы его оставили въ покоѣ?

— Да, это было бы очень дурно, и тотъ, кто рѣшится на это жестоко раскается!

— Само собою разумѣется. Я вынужденъ буду защищаться насколько хватитъ силъ. Нельзя же дозволить, чтобы тебя били и не обороняться! Это ужъ черезчуръ бы на руку негодяямъ. Тогда они и подавно прокричатъ себя первыми силачами въ мірѣ! Надо же, чтобы кто-нибудь образумилъ ихъ!

Тогда мнѣ сдѣлалось ясно, что дядя Конрадъ ѣхалъ въ Киршбергъ только за тѣмъ, чтобы Іери-Гансъ задѣлъ его. Я начиналъ бояться за послѣдствія и придумывалъ, какъ отвратить встрѣчу, какъ уговорить дядю вернуться домой. Послѣ разсказовъ Робишонъ, было очевидно, что Іери-Гансъ не замедлитъ явиться въ трактиръ «Трехъ-Розъ», лишь только узнаетъ, что дядя тамъ. Я искоса поглядывалъ на старика, обдумывая планъ, но онъ такъ искусно притворялся, у него былъ такой рѣшительно спокойный видъ, что я не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

Вдругъ мнѣ пришло на мысль: что, если дядя Конрадъ побѣдитъ канонера? Вѣдь тогда они будутъ заклятыми врагами. Іери-Гансъ не посмѣетъ отъ стыда показать носъ въ Экерсвиръ и уже никогда не будетъ танцовать съ Маргредель. Если же, на-

оборотъ, дядя окажется слабѣе, то дѣло пойдетъ еще хуже: онъ проклянетъ канонера, запретитъ дочери говорить о немъ, станетъ обзывать его разбойникомъ, бродягой и тому подобное.

Такія соображенія меня очень успокоили. Я знаю, что это дурно, но какъ же быть? Я такъ любилъ Маргредель, и мысль, что, можетъ быть, опять приходила цыганка изъ Киршберга меня сильно безпокоила. Съ тѣхъ поръ, какъ Маргредель вспомнила, какъ семь лѣтъ тому назадъ она танцовала съ Іери-Гансомъ, я смотрѣлъ на него, какъ на чуму. Это тоже непохвально съ моей стороны, но я рѣшился быть правдивымъ, и ничего не скрою, ни дурного, ни хорошаго. Могло еще случиться, что канонеръ не придетъ въ трактиръ «Золотой Кружки», и тогда дядя станетъ презирать его, какъ труса. Такъ или иначе, а Маргредель не увидитъ больше Іери-Ганса.

Я не только не сталъ отговаривать дядю отъ поѣздки въ Киршбергъ, а напротивъ, боялся, какъ бы онъ самъ не очнулся и не вздумалъ вернуться домой.

Вотъ какъ быстро измѣняются желанія человѣка, когда онъ видитъ свою выгоду!

Наконецъ, около одиннадцати часовъ на горѣ, покрытой фруктовыми деревьями, показалась деревня Киршбергъ. У опушки лѣса виднѣлась ферма отца Іери-Ганса; маленькіе домики съ сараями тянулись по дорогѣ.

Мы быстро приближались. Вывѣска трактира «Зеленаго Дерева» и первые домишки, отдѣленные другъ отъ друга навозными кучами, скоро остались за нами. На поворотѣ въ улицу, гдѣ стоялъ трактиръ «Золотой Кружки», дядя стегнулъ по лошадямъ; мимо насъ прогремѣлъ дилижансъ биткомъ набитый рекрутами въ синихъ блузахъ и въ красныхъ фуражкахъ. Онъ только что выѣхалъ изъ трактира, и ворота были еще отворены. Толпа рекрутовъ, стариковъ и женщинъ, между которыми было нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, стояла на дорогѣ и кланялась отъѣзжавшимъ, а тѣ въ свою очередь махали шапками изъ оконъ дилижанса. Нѣкоторые стояли наверху, размахивали руками и пѣли пѣсни, но за громомъ экипажа ничего нельзя было разобрать.

Среди этого шума мы въѣхали во дворъ трактира. Конюхъ взялъ нашихъ лошадей, мы слѣзли съ телѣжки, и дядя, отряхивая солому съ платья, сказалъ мнѣ:

— Идемъ, идемъ, Касперъ! Сперва выпьемъ бутылку рангена, а потомъ пойдемъ къ старухѣ Кобусъ!

Я пошелъ за нимъ, и мы вышли въ большую залу, гдѣ толпился народъ. Нѣсколько женщинъ плакали, закрывшись передниками; другія утѣшались рюмочкой бѣлаго вина. Торговцы важно покуривали изъ большихъ фаянсовыхъ трубокъ, а госпожа Дидрихъ въ большомъ тюлевомъ чепцѣ сидѣла за прилавкомъ съ аспидной доской.

Въ первую минуту на насъ не обратили вниманія, но когда мы усѣлись у окна направо, госпожа Дидрихъ увидала насъ и пришла поздороваться съ дядей Конрадомъ. Пріятно улыбаясь, она спросила его, отчего онъ не былъ на праздникѣ, освѣдомилась о здоровьи Маргредель и вообще всѣхъ нашихъ, и, получивъ отвѣтъ, что слава Богу всѣ здоровы, возвратилась на свое мѣсто. Я услыхалъ, какъ многіе вокругъ насъ говорили:

— Господинъ Ставоло изъ Экерсвира... господинъ Ставоло!

Всѣ поворачивались, чтобы посмотрѣть на насъ. У дверей бочаръ Гроссъ говорилъ кому-то:

— Этотъ! Этотъ самый! Первый силачъ въ Экерсвирѣ, господинъ Ставоло, я его знаю! Ну, онъ не побоится Іери-Ганса!

Дядя слышалъ разговоръ, и по его лицу я замѣтилъ, что таковой отзывъ былъ ему пріятенъ.

Служанка подала намъ на подносѣ бутылку рангена и два стакана. Дядя налилъ съ достоинствомъ и сказалъ:

— За твое здоровье, Касперъ!

— За ваше!—отвѣтилъ я ему.

Черезъ нѣсколько минутъ та же служанка поставила передъ нами тарелку съ бисквитами. Бисквиты подавались только почетнымъ посѣтителямъ, а обыкновенные смертные закусывали булкой съ кнакъ-вурстомъ.

Все это заставляло меня предполагать, что еслибы Іери даже и пришелъ въ трактиръ, онъ не осмѣлится задѣвать дядю Конрада, что мы были въ правѣ показать ему полное пренебреженіе, потому что люди, пользующіеся такимъ почетомъ, не могли связываться съ первымъ встрѣчнымъ; что всѣ обвинятъ его, и мы выиграемъ побѣду безъ боя.

Въ то время, какъ я вторично перемѣнялъ мнѣніе, подъ окномъ прошелъ огромнаго роста артиллеристъ, здоровенный мужчина съ смуглымъ лицомъ, голубыми глазами, толстымъ но-

сомъ, рыжеватыми усами и съ оттопыренными ушами. Онъ былъ одѣтъ въ артиллерійскій короткій казакинъ, стянутый у таліи, какъ женскій лифъ, въ широкіе, сѣрые полотняные панталоны и въ остроконечную каску, надѣтую на бекрень. Въ рукахъ у него была вѣтка орѣшника съ нѣсколькими листками на концѣ, которой онъ небрежно помахивалъ. Съ нимъ шелъ бочаръ Гроссъ, заложивъ руки въ карманы.

Черезъ секунду дверь отворилась, и Іери-Гансъ, не входя въ залу, нагнулся, посматривая налѣво и направо. Потомъ онъ поднялся на три ступеньки и, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ:

— Имѣю честь кланяться!

— Іери! Іери! Ступай къ намъ! Не хочешь ли стаканъ вина?—кричали ему товарищи.

Іери добродушно смѣялся, пробираясь между столовъ, здоровался съ знакомыми, трепалъ по плечу стариковъ, которые плакали, утѣшалъ ихъ:

— Ну, полно, почтеннѣйшій Францъ... не отчаявайтесь.. Что за бѣда! Онъ вернется къ вамъ,—вѣдь я же вернулся!

Старики мотали головой, или, закрывъ лицо морщинистой рукой, бормотали сквозь слезы:

— Оставь меня, Іери! Оставь!

Очевидно, что Іери былъ добрый малый; я не могъ съ этимъ не согласиться и страшно злился. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ отъявленный негодяй, и чтобы Маргредель, увидавъ его получила къ нему отвращеніе.

Дядя Конрадъ притворился задумчивымъ. Онъ досталъ изъ кармана трубку, спокойно набилъ ее, но вмѣсто того, чтобы закурить, положилъ снова въ карманъ и сказалъ мнѣ:

— Касперъ, сегодня прекрасная погода!

— Да, дядя, погода прекрасная!

— Виноградъ очень подвинется къ концу мѣсяца!

— Безъ сомнѣнія. Онъ съ каждымъ днемъ подвигается!

— Въ нынѣшнемъ году мы получимъ не менѣе ста бочекъ вина!

— Очень можетъ быть, дядя, и вдобавокъ отличнаго!

— Да, Касперъ, оно будетъ не хуже 1822 г.; то было славное, мягкое винцо! Мы продавали его черезъ три года по тридцати пяти франковъ за мѣру!

Во время разговора, дядя Конрадъ дѣлалъ видъ, будто очень интересуется, какъ напротивъ трактира кузнецъ Мартинъ куетъ лошадь.

Я не хотѣлъ вести себя, какъ дитя, но не могъ оторвать глазъ отъ Іери-Ганса, который, казалось не замѣчалъ насъ. Наконецъ, я тронулъ его за плечо, но онъ не сразу повернулся, а сказалъ, посмѣиваясь, еще нѣсколько словъ молоденькой дѣвушкѣ, которая смотрѣла на него ласково и добродушно,—потомъ самодовольно покачался съ боку на бокъ и медленно оборотился въ нашу сторону.

Дядя Конрадъ, подпершись локтями, сидѣлъ къ нему спиной. Черезъ минуту и онъ повернулся, чтобы взять стаканъ, и Іери-Гансъ сдѣлалъ видъ, какъ будто тутъ узналъ его.

— Да, я не ошибаюсь!—вскричалъ онъ.—Это господинъ Ставоло изъ Экерсвира!

И, приложа руку къ козырьку, онъ подошелъ къ намъ. Дядя прикинулся удивленнымъ и, не вставая, отвѣчалъ ему свысока:

— Я точно Ставоло изъ Экерсвира, но васъ не узнаю.

— Какъ! Вы не узнаете маленькаго Іери, сына старика Іери?

— Ахъ! Это ты Іери!—сказалъ дядя, слегка усмѣхаясь.—Такъ ты уже вернулся изъ полка? Ну, я очень радъ.

— Такъ точно, господинъ Ставоло, завтра будетъ двѣ недѣли, какъ я возвратился въ деревню. А я думалъ, что вы уже слышали обо мнѣ.

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ; за три лье новости не приходятъ такъ скоро. Я думалъ, что ты все еще въ Африкѣ.

Іери замялся и не зналъ, что сказать дальше. Онъ искоса взглянулъ въ мою сторону и продолжалъ добродушно:

— Вотъ видите ли, господинъ Ставоло, мы немножко помяли другъ другу бока, и я думалъ... хе, хе, хе!.. что дровосѣкъ Димеръ, угольщикъ Полякъ и еще трое или четверо изъ вашихъ старыхъ знакомыхъ извѣстили васъ...

— О чемъ извѣстили?

— Да о томъ, что я всѣхъ ихъ упряталъ подъ столъ!

— А, а, такъ ты силачъ изъ силачей, Іери? Ты вѣрно навезъ намъ кой-какихъ военныхъ фокусовъ? Да, чортъ возьми!

Теперь никто не посмѣетъ посмотрѣть на тебя косо! Ты, какъ говорится, стоишь на вершинѣ славы!

Все это онъ сказалъ такимъ тономъ, что нельзя было понять серьезно ли онъ говоритъ или смѣется. Многіе даже отворачивались, чтобы скрыть улыбку.

Канонеръ, несмотря на смуглую кожу, покраснѣлъ, и только черезъ минуту отвѣтилъ:

— Да, это совершенная правда, я уложилъ ихъ всѣхъ на спину и, если Богъ поможетъ, надѣюсь, что они будутъ не послѣдніе!

Губы дяди задрожали, онъ хотѣлъ отвѣчать, но Іери перебилъ его:

— Извините, мой стаканъ тамъ.

— О! Не церемонься!—сказалъ дядя сухо.

Іери-Гансъ сѣлъ противъ насъ за другимъ столомъ, между своими товарищами, которые оставили ему стаканъ вина.

— За ваше здоровье, господинъ Ставоло!—вскричалъ онъ, подмигивая глазомъ.

— За твое, Іери!—отвѣчалъ дядя.

Они продолжали разговаривать черезъ столъ, возвышая голосъ. Всѣ присутствующіе навострили уши; мнѣ очень хотѣлось уйти, и я раскаявался, что пріѣхалъ въ Киршбергъ.

Дядя Конрадъ, казалось, помолодѣлъ на двадцать лѣтъ. Онъ держалъ высоко голову, сѣрые глаза его сверкали, но онъ сохранялъ спокойствіе; только орлиный носъ какъ-то гордо склонялся надъ губой, а сѣдые волосы какъ будто стояли дыбомъ за ушами.

— Такъ вы, господинъ Ставоло, ничего не слыхали о праздникѣ?—спросилъ, смѣясь, канонеръ.—Это удивительно!

— Что же тутъ удивительнаго?—замѣтилъ дядя.

— Да какъ же не удивительно? Вы, когда-то страстный боецъ, гроза всѣхъ окрестныхъ силачей, вы ничего не знаете о послѣднемъ побоищѣ! Мнѣ кажется, что лѣта не могли совсѣмъ охладить вашу кровь; такія дѣла должны бы васъ интересовать, такъ сказать, расшевелить васъ, какъ старую кавалерійскую лошадь, которая при первомъ барабанномъ боѣ ржетъ и навостряетъ уши!

Дядя поблѣднѣлъ, но все еще сдерживался, и съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Лошадь—скотина, Іери-Гансъ; а человѣкъ съ лѣтами научается разуму. Ты этого еще не знаешь, другъ мой,—узнаешь послѣ. Молодости извинительно драться, очертя голову; человѣкъ же моихъ лѣтъ, выказывается рѣдко, но когда выказывается, то всѣ видятъ, что старая кровь, какъ старое вино, хоть и не играетъ, но грѣетъ.

Въ эту минуту лицо дяди было прекрасно и я слышалъ, какъ въ залѣ старики говорили другъ другу:

— Вотъ что называется говорить!

Самъ капонеръ посмотрѣлъ на дядю съ почтеніемъ.

— Все равно, господинъ Ставоло, мнѣ очень жаль, что васъ не было на праздникѣ; такъ какъ вы сами не боретесь, вы могли бы быть нашимъ судьею.

— Все это клонится къ тому, чтобы дать мнѣ почувствовать, что я состарился, не правда ли? По твоему, я гожусь только сидѣть въ кружкѣ и кричать вмѣстѣ съ бабами:—«Ахъ! Создатель! Они изувѣчатъ другъ друга, разнимите ихъ!» Ну такъ ты ошибаешься; посмотри мнѣ въ лицо, Іери! Если я рѣшаюсь побороться съ тобой, то только для того, чтобы показать тебѣ учителя!

— О, о!

— Да ,молокососъ, учителя! Ты ужъ слишкомъ зазнался, надо проучить тебя! Но сегодня мнѣ некогда, я пріѣхалъ покупать поросятъ у старухи Кобусъ...

— Поросятъ?—вскричалъ Іери-Гансъ и расхохотался.

Дядя вскочилъ, блѣдный, и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Да, крикунъ, поросятъ! Но хоть я и старъ, а не позволю наступать себѣ на ногу! Вставай, выходи на середину! Вѣдь ты только затѣмъ и пришелъ сюда, чтобы задѣть меня!

И, обратясь къ публикѣ, дядя сказалъ важнымъ тономъ:

— Развѣ можетъ человѣкъ моихъ лѣтъ изъ мелкаго тщеславія, любви къ дракѣ и тому подобныхъ глупостей пріѣхать нарочно въ Киршбергъ? Неправда ли, что это невозможно? Племянникъ мой можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что я пріѣхалъ по своимъ дѣламъ. Но вы сами слышали, какъ этотъ мальчишка издѣвался надъ моей сѣдиной; ну такъ пусть выходитъ противъ меня! Пусть попробуетъ меня повалить!

— Вотъ такъ-то лучше!—вскричалъ Іери-Гансъ. — Я за тѣхъ, кто смѣло выходитъ впередъ, а разглагольствовать могутъ и женщины!

Онъ всталъ; между тѣмъ всѣ бросились отодвигать столы и скамейки къ стѣнамъ, толкуя между собой:

— Вотъ такъ будетъ побоище, страшное побоище! Старикъ Ставоло еще крѣпокъ: не легко съ нимъ совладать!

Дядя Конрадъ и канонеръ стояли посреди залы и ожидали, покуда все будетъ убрано. Госпожа Дидрихъ и ея прислужницы убѣжали въ кухню и, отворивъ немного дверь, выглядывали изъ-за нея съ тревожнымъ любопытствомъ.

Я совсѣмъ растерялся. Я стоялъ въ углу у окна и смотрѣлъ на канонера, который вдругъ показался мнѣ еще выше и сильнѣе. Его лицо, съ свѣтлыми усами, напоминало играющаго льва, который напередъ знаетъ, что все повалитъ и все проглотитъ. Я вздрагивалъ и переносилъ глаза на дядю Конрада. Его плечистая, плотная фигура, толстыя мускулистыя руки, сутуловатая спина, орлиный носъ, волосы, падающіе до самыхъ бровей,—все внушало мнѣ довѣріе, и я успокоивался, что въ концѣ концовъ дядя навѣрно побьетъ канонера. Тѣмъ не менѣе морозъ пробѣгалъ у меня по спинѣ. Въ залѣ былъ страшный шумъ: двигали столы, тащили по полу скамейки... У меня подгибались колѣни. Я искалъ гдѣ бы присѣсть, но зала была уже пуста. Публика размѣстилась на столахъ, упираясь головою въ потолокъ, и нетерпѣливо ожидала.

Іери-Гансъ разстегнулъ казакинъ, а каску далъ кому-то подержать.

— Лови, Касперъ!—закричалъ мнѣ дядя, бросая шляпу, но шляпа упала на полъ.

Мнѣ показалось это дурной примѣтой, но дядя на это не обратилъ вниманія; онъ засучивалъ рукава, какъ обыкновенно дѣлалъ, когда работалъ въ виноградникахъ.

— Смотрите, чтобы послѣ не сказали, что я вызвалъ этого молодца! Вы всѣ видѣли, что онъ ко мнѣ приставалъ!

— Хорошо, хорошо, я все принимаю на себя!—вскричалъ канонеръ, смѣясь.

— Вы слышите?—сказалъ дядя.—Итакъ, съ Богомъ!

Онъ согнулъ спину, отставилъ лѣвую ногу впередъ и спросилъ:

— Ты готовъ, Іери?

— Готовъ, господинъ Ставоло!

По эльзаскому обычаю, они взяли другъ друга за воротъ, не касаясь корпуса. Надо думать, что сукно было очень крѣпко, потому что сперва дядя Конрадъ поднялъ канонера на воздухъ и держалъ его на вѣсу, какъ бы собираясь треснуть объ стѣну, а потомъ самъ былъ поднятъ такимъ же образомъ. Оба опустились на ноги перпендикулярно. Въ залѣ, казалось, всѣ замерли.

— У тебя здоровыя руки!—сказалъ дядя.—Я долженъ съ этимъ согласиться.

— Да, и у васъ тоже, господинъ Ставоло.

Дядя перемѣнилъ позу; вытянувъ руки впередъ и нагнувъ голову, какъ быкъ, который намѣревается проломить что-нибудь рогами, онъ изо-всей силы толкнулъ канонера, наровя въ тоже время приподнять его отъ земли; но Іери, навалясь на него, проѣхалъ съ визгомъ на каблукахъ, подъ толчками дяди, до самаго конца залы. Когда дядя остановился, тотъ въ свою очередь, съ дикимъ крикомъ бросился на него и повторилъ тотъ же самый маневръ, но, несмотря на всѣ усилія, не могъ повалить его. Противники выпрямились и на минуту выпустили другъ друга, зрители перевели духъ; на полу остались знаки отъ сапожныхъ твоздей. Дядя Конрадъ былъ блѣденъ, а канонеръ красенъ, какъ кирпичъ. Онъ сердито отдувался, бормоча:

— Хорошо же!

— А ты уже и усталъ?—замѣтилъ дядя.

— Усталъ!.. А вотъ мы увидимъ!

Съ этими словами онъ бросился на дядю, схватилъ его опять за воротъ и встряхивалъ, какъ бы пробуя, какова тяжесть. Дядя ухватилъ его. Такъ стояли они нѣсколько секундъ, слѣдя другъ за другомъ и смѣясь страннымъ смѣхомъ. Вдругъ канонеръ рванулъ дядю съ такой силой, что онъ долженъ былъ откинуться назадъ, чтобы устоять на ногахъ; Іери-Гансъ пользуясь этимъ движеніемъ, съ глухимъ рычаньемъ наскочилъ на него такъ неожиданно, что дядя Конрадъ разомъ повалился на спину вверхъ ногами, и обоими плечами коснулся земли.

Сотни побѣдныхъ криковъ раздались въ залѣ. Іери-Гансъ потиралъ руки и отдувался. Нелегко, однако, досталась ему побѣда! Глаза его налились кровью.

Дядя всталъ. Блѣдныя губы его дрожали, онъ готовился съ новымъ озлобленіемъ ринуться на канонера, какъ вдругъ нога у него подвернулась, и онъ долженъ былъ схватиться за столъ, чтобы не упасть. Всѣ замолкли.

— Что съ вами, господинъ Ставоло! Не ушиблись ли вы?— спросилъ Іери.

— Убирайся къ чорту, бездѣльникъ!—вскричалъ дядя.— Ты сломалъ мнѣ ногу! А, разбойникъ, ты предательски поймалъ меня! Вотъ теперь у меня нога сломана!

Я бросился къ дядѣ крича:

— Доктора, доктора! Дядю изувѣчили!

Іери-Гансъ надѣлъ фуражку и сказалъ:

— Очень сожалѣю, господинъ Ставоло, очень сожалѣю, но вы напрасно сердитесь. Я, право, не нарочно.

— Ахъ, ты, бездѣльникъ! Мошенническимъ образомъ сломалъ мнѣ ногу, да еще смѣетъ говорить, что не нарочно!

Дядю посадили въ кресло. Онъ скрежеталъ зубами, пока съ него снимали сапогъ.

— Ты мнѣ еще поплатишься за это! Непремѣнно поплатишься!

— Съ удовольствіемъ, господинъ Ставоло, когда прикажете! Только вы, право, напрасно кричите. Честное слово, я самъ огорченъ, что это такъ случилось.

Видно было, что онъ говоритъ правду. Но дядя, который надѣялся одержать побѣду, не внималъ никакимъ оправданіямъ.

— Убирайся вонъ!—кричалъ онъ.—Я не могу тебя видѣть! Ахъ ты, разбойникъ! Изувѣчить человѣка моихъ лѣтъ!

Іери вышелъ очень опечаленный. Дядя положилъ ногу на стулъ. Колбасникъ Суммеръ ощупывалъ ее сверху до низу. Всѣ стояли вокругъ и смотрѣли.

Гнѣвъ дяди скоро прошелъ.

— Хромать всю жизнь изъ-за этого негодяя! — ворчалъ онъ.—И зачѣмъ я пріѣхалъ покупать поросятъ! Ахъ! Разбойникъ!.. Я пилъ покойно вино, ни о чемъ не думалъ... Пострадать отъ фокусника, который научился въ Африкѣ разнымъ штукамъ и пріѣхалъ сюда увѣчить порядочныхъ людей!

Старикъ Суммеръ, въ бѣломъ колпакѣ и въ бѣломъ передникѣ, стоя на колѣняхъ, продолжалъ ощупывать ногу и, наконецъ, объявилъ, что всѣ кости цѣлы, но что нога вывихнута.

— Вывихнута!—вскричалъ дядя.

— Да, это похуже перелома, господинъ Ставоло. Надо скоро, какъ можно скорѣе поставить ногу въ холодную воду: съ вывихами шутка плохая. Чтобы не пришлось отнять ноги!

Дядя посмотрѣлъ на меня. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, хотѣлъ говорить, но не могъ и только простонялъ:

— Воды, Касперъ! Скорѣй воды.

Слезы навернулись у меня на глазахъ. Я бросился въ кухню, гдѣ служанка Земель уже накачивала воду, схватилъ кадушку и принесъ ее въ залу. Дядя опустилъ ногу, и съ нимъ сдѣлался ознобъ. Вода была изъ ключа.

— Вы не повѣрите, господинъ Ставоло, какъ я огорчена, что такое несчастье случилось у меня въ трактирѣ!—говорила дядѣ хозяйка.

— А я еще больше!—отвѣтилъ дядя съ досадой.

— Вы ночуете здѣсь?

— Я! Ночевать въ Киршбергѣ? Ни за что на свѣтѣ! Черезъ четверть часа я ѣду. Не скоро увидитъ меня это подлое мѣсто! Сохрани Боже, чтобы я еще когда пріѣхалъ сюда покупать поросятъ!

Народъ сталъ понемногу расходиться. Всѣ спѣшили разнести важную новость; черезъ четверть часа въ залѣ оставались только дядя Конрадъ, Суммеръ и служанка. Госпожа Дидрихъ тоже вышла, чтобы приказать закладывать лошадей.

— Вы бы лучше остались, господинъ Ставоло!—сказалъ Суммеръ.—Въ такомъ положеніи пускаться въ дорогу опасно

— Все равно!—отвѣчалъ дядя.—Я ненавижу Киршбергъ!

— Такъ вы рѣшились ѣхать?

— Да!

— Надо вынуть ногу изъ воды. Я обверну ее мокрыми тряпками, и этого будетъ достаточно до пріѣзда вашего домой.

Онъ осмотрѣлъ еще разъ ногу и сказалъ:

— Да, сильный вывихъ!

Госпожа Дидрихъ принесла тряпокъ. Суммеръ обернулъ ногу и облилъ сверху водой. Мы на креслахъ донесли дядю до телѣжки, усадили его и подложили подъ больную ногу соломы. Я взялъ возжи.

Вся деревня смотрѣла изъ оконъ, когда мы проѣзжали мимо. Госпожа Дидрихъ не вспоминала о счетѣ, а старикъ Суммеръ

крикнулъ намъ, что навѣститъ насъ дня черезъ три или четыре.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ дядя, стуча зубами отъ лихорадки.—Ну, торопись, Касперъ!

Мы поскакали въ галопъ черезъ деревню. Дядя очень конфузился, что столько народу собралось у каждаго дома.

— Смотри, Касперъ,—сказалъ онъ,—какіе они дураки въ Киршбергѣ, точно отъ роду не видали вывиха!.. А между тѣмъ это такое простое дѣло: каждый можетъ поскользнуться!

Наконецъ, когда мы выѣхали на большую дорогу, онъ успокоился и замолчалъ. Я погонялъ лошадей и размышлялъ, что въ самомъ несчастіи есть иногда хорошая сторона: теперь Маргредель навѣрно проклянетъ Іери-Ганса, а дядя будетъ приходить въ бѣшенство каждый разъ, какъ заговорятъ о немъ.

Среди этихъ размышленій мы пріѣхали въ Экерсвиръ; было три часа пополудни. Дядя безпокойно оглядывался по сторонамъ. Онъ боялся встрѣтить Меріана, Бремера или кого другого изъ обыкновенныхъ посѣтителей «Трехъ Розъ», которые навѣрно раскланялись бы съ нами, а можетъ быть и остановили бы, чтобы поговорить о нашей поѣздкѣ, особенно увидавъ дядю въ телѣжкѣ, а меня на козлахъ. По счастію ничего подобнаго не случилось. Мы подъѣхали къ дому, не встрѣтивъ ни души.

Когда мы остановились у крыльца, Маргредель выглянула въ окно и, казалось, удивилась, что мы воротились такъ скоро; но, когда она увидѣла дядю Конрада, съ вытянутой на соломѣ ногой, она бросила работу и выбѣжала къ намъ.

— Что случилось? Что съ тобой, отецъ?—закричала она.

— Ничего, Маргредель, право, ничего. Я только поскользнулся...

— Поскользнулся! Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же?

— Въ трактирѣ «Золотой Кружки», и кажется свихнулъ немного ногу, вотъ и все.

По лицу его Маргредель сейчасъ же догадалась, что дѣло было посерьезнѣе, и не слушая дальше, кликнула Оршель и приказала ей бѣжать за господиномъ Леманомъ, а сама влѣзла въ тѣлежку, обняла отца и стала нѣжнымъ голоскомъ приговаривать: «бѣдный, бѣдный отецъ!» и такъ цѣловала его, что я бы охотно вывихнулъ себѣ ногу, лишь бы быть на его мѣстѣ.

Старикъ растрогался:

— Ничего, Маргредель, это не опасно!—говорилъ онъ. — Только я не могу слѣзть одинъ. Позови Ремера и Гирша, чтобы они помогли мнѣ.

На крикъ Маргредель нѣсколько сосѣдокъ уже выползли изъ своихъ лачужекъ. Дядю подхватили подъ мышки и подъ колѣни, и такъ внесли по лѣстницѣ.

Мы положили дядю на постель. Оршель побѣжала за докторомъ, а бѣдная Маргредель плакала навзрыдъ.

Нѣсколько кумушекъ-сосѣдокъ суетились около кровати, перебивали другъ друга, предлагали разныя средства отъ вывиха: яичный бѣлокъ, рубленный лукъ съ петрушкой, орѣховое масло съ перцемъ и проч. Какъ вдругъ вошелъ докторъ Леманъ.

— Прошу прежде всего очистить комнату!—сказалъ онъ строго.—Терпѣть не могу, когда эти сороки болтаютъ!

Потомъ онъ подошелъ къ дядѣ Конраду, который смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза.

— Здравствуйте, господинъ Ставоло!—сказалъ онъ, пожимая ему руку.—Что это съ вами случилось?

— Я поскользнулся въ трактирѣ «Золотой Кружки» въ Киршбергѣ, и повредилъ себѣ ногу.

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ. Подите-ка сюда, Касперъ, а Маргредель я бы попросилъ посмотрѣть, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ снялъ перевязку, осмотрѣлъ ногу и вскричалъ:

— Да, вы вывихнули ногу! Какъ это вы, почтеннѣйшій Ставоло, человѣкъ еще крѣпкій на ногахъ, могли упасть въ залѣ на полу? И что всего удивительнѣе, вы повалились навзничь,—это видно по вывиху. Неужели не за что было удержаться?

— Это случилось,—сказалъ дядя, переминаясь, — вслѣдствіе предательскаго толчка...

Докторъ Леманъ выпрямился во весь свой ростъ.

— Какъ, предательскаго толчка?

— Да, господинъ Леманъ, это сущая правда. Касперъ можетъ подтвердить вамъ это.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ мы поѣхали въ Киршбергъ покупать поросятъ у старухи Кобусъ, какъ Іери-Гансъ неожиданно напалъ на него въ залѣ «Золотой Кружки», какъ онъ по-

скользнулся на сливную косточку, и упалъ, что, вѣроятно, и было причиной вывиха.

— А! Понимаю, понимаю! — сказалъ докторъ съ усмѣшкою.—Мы хотѣли попробовать силу, не правда ли, почтеннѣйшій Ставоло? Это не всегда удается! Вы вѣдь долго оставались побѣдителемъ, а счастье измѣнчиво!

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ дядя совсѣмъ переконфузясь.— Касперъ можетъ засвидѣтельствовать, что Іери-Гансъ поступилъ со мной предательски и что не случись косточки... Правда, Касперъ?

Хоть я и не видалъ никакой косточки, но дядя Конрадъ казался мнѣ такимъ жалкимъ, несчастнымъ, что я находилъ совсѣмъ лишнимъ противорѣчить ему.

— Да, это ясно, какъ день,—сказалъ я:—канонеръ сперва притянулъ васъ къ себѣ, а потомъ, подставя вамъ ногу, оттолкнулъ съ размаху, вы поскользнулись на косточку и упали.

— Да, да, онъ подставилъ мнѣ ногу!.. Разбойникъ! Но не случись косточки, я бы...

— Все равно,—перебилъ докторъ,—вывихъ довольно серьезенъ: малѣйшая неосторожность—и вы можете пролежать шесть недѣль въ постелѣ. Вы хорошо сдѣлали, что поставили ногу въ холодную воду, но перевязка никуда негодится.

Затѣмъ докторъ такъ искусно забинтовалъ ногу, что дядя могъ хоть сейчасъ ходить; но онъ запретилъ ему вставать съ постели и приказалъ какъ можно чаще смачивать ногу водой. Уходя, онъ обѣщалъ навѣстить насъ на другой день.

Дядя Конрадъ былъ пораженъ тѣмъ, что докторъ сразу отгадалъ истину. Когда мы остались одни, онъ сказалъ мнѣ:

— Всѣхъ этихъ докторовъ слѣдовало бы повѣсить, когда бы не жаль было веревокъ! Сто разъ толкуешь ему, какъ дѣло было, а онъ все свое! Если еще кто станетъ приставать ко мнѣ, я прямо скажу: «спросите Каспера, онъ все знаетъ, онъ видѣлъ, какъ меня зацѣпили за ногу, а потомъ мошенническимъ образомъ повалили на землю, да къ тому же косточка»... Самому не приходится говорить о себѣ: какъ будто я извиняюсь, или оправдываюсь! Такъ не дѣлается. Касперъ, ты будешь разсказывать всю правду, такъ какъ ты говорилъ Леману, вотъ и все тутъ! А теперь дай мнѣ покой, я спать хочу. Всѣ эти глупости меня разстроили.

Я вышелъ изъ комнаты. Маргредель сидѣла въ столовой у окна и, закрывъ руками свое хорошенькое личико, горько плакала. Я сказалъ ей, что Іери-Гансъ былъ во всемъ виноватъ, что онъ самъ присталъ къ отцу, подзадорилъ его на драку и, наконецъ, обманомъ повалилъ на землю.

За ужиномъ Маргредель взяла свою тарелку и ушла въ комнату отца; я ужиналъ одинъ. Мнѣ было досадно, что Маргредель не довольно сердилась на Іери-Ганса, очень досадно. На ея мѣстѣ, я проклялъ бы его тысячу разъ.

VII.

Быстро разнесся слухъ объ этомъ происшествіи. Репутація дяди Конрада значительно пострадала. Только и разговору было, что о Іери-Гансѣ; всѣ восхваляли его необыкновенную силу и въ одинъ голосъ кричали, что такого силача еще свѣтъ не производилъ.

Въ то же время дядя пустился въ философскія разсужденія о суетѣ міра. Часто, когда я сидѣлъ у его постели, онъ говорилъ мнѣ:

— Касперъ, чѣмъ больше я раздумываю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что люди глупы. Изъ чего они, въ самомъ дѣлѣ, хлопочутъ и надрываются всю жизнь? Что такое слава, спрашиваю я тебя? Я помню, какъ старый пасторъ Іеронимъ кричалъ съ кафедры: «Слава—это дымъ!» Я тогда не повѣрилъ, а это правда! Покуда человѣкъ силенъ, всѣ его прославляютъ, потому что всѣ его боятся... и всѣ его ненавидятъ, но никто не смѣетъ показать ему это... а состарѣется, или случится поскользнуться на косточку, и прощай слава! Съ деньгами тоже самое: на что и средства, когда нельзя пользоваться ими? Я, напримѣръ, Касперъ, на что мнѣ пятнадцать десятинъ винограда, когда я не могу присмотрѣть за нимъ? На что мнѣ старое вино, когда Леманъ запретилъ мнѣ пить его, боясь воспаленія въ ногѣ? Наконецъ, на что мнѣ все, что у меня есть? Я бы согласился имѣть только половину, лишь бы я могъ пользоваться ею. Объ остальномъ можно сказать тоже самое. Ты знаешь, когда-то у меня была добрая жена, которую я очень любилъ. Я былъ бы счастливъ, если бы могъ, прожить съ ней до конца дней моихъ; все мое богатство утѣшало бы меня гораздо больше, еслибы я

могъ пользоваться имъ вмѣстѣ съ своей доброй Кристиной, но она умерла, и толковать объ этомъ—только время терять. Мы не знаемъ доподлинно, думаетъ ли она о насъ и видитъ ли, что дѣлается въ Экерсвирѣ? Мы должны этому вѣрить, но, признаюсь, сомнительно, чтобы это было возможно. А дочь моя Маргредель? Я воспиталъ ее; она, ребенкомъ, прыгала у меня на колѣняхъ, на моихъ глазахъ выросла и въ ней было все мое счастье. И что же? Теперь ей двадцать одинъ годъ. Предположимъ, Касперъ, что тебя нѣтъ: она можетъ понравиться кому-нибудь другому, а я же денегъ дай, чтобы онъ женился на ней. Неправда ли ужасно воспитать дочь для перваго встрѣчнаго, у котораго, какъ говорится, ни кола, ни двора, да онъ же еще будетъ считать, что сдѣлалъ тебѣ большую честь, взявъ у тебя и дочь, и деньги. Да, я утверждаю, что все на свѣтѣ вздоръ, и безъ нашей святой религіи, которая обѣщаетъ намъ вѣчную жизнь, не стоило бы и родиться!

Я понималъ, что вывихнутая нога играла не маловажную роль во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ и не противорѣчилъ.

— Вы правы, дядя,—сказалъ я,—только, по моему, надо дѣлать какъ всѣ дѣлаютъ, т. е. жениться, потому что таковъ уже обычай у насъ въ Эльзасѣ. Когда вы выздоровѣете, вы сами будете думать иначе: вы пойдете осматривать виноградники, выпьете стараго кютерле... Меня вы знаете,—если мнѣ посчастливится понравиться Маргредель, я никогда не разлучу васъ съ нею—мы будемъ жить вмѣстѣ и будемъ счастливы.

Дядя не хотѣлъ видѣть никого изъ постороннихъ. Старикъ Бремеръ, Меріанъ и многіе другіе приходили навѣстить его, но онъ не велѣлъ пускать ихъ.

Особенно раздражали его разговоры о Іери-Гансѣ. Каждый разъ какъ произносили его имя, онъ мѣнялся въ лицѣ и бормоталъ:

— О, негодяй... Если я когда встрѣчу тебя за угломъ...

Разъ Маргредель попробовала сказать нѣсколько словъ въ защиту канонера, доказывая, что не онъ виноватъ, что дядя вывихнулъ ногу, а косточка. Дядя поблѣднѣлъ и сердито крикнулъ на нее:

— Молчи, Маргредель, молчи! Если ты не хочешь уморить меня, то никогда не оправдывай этого негодяя!

Я понялъ тогда, что Маргредель любила Іери-Ганса, благодарилъ Бога, что онъ, по милости своей, устроилъ такъ, что дядя Конрадъ и канонеръ навсегда сдѣлались непримиримыми врагами.

Въ то время, какъ дядя находилъ, что все идетъ дурно, я, наоборотъ, находилъ, что все идетъ отлично.

Маргредель была скучна. Она перестала напѣвать въ кухнѣ, не смѣялась болѣе за столомъ и часто задумывалась.

Я смотрѣлъ на нее, когда она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и думалъ:

— Ахъ, Маргредель, теперь я знаю зачѣмъ къ тебѣ приходила цыганка, и отчего ты покраснѣла, когда я засталъ ее у насъ въ домѣ! Я знаю, отчего ты запомнила молодого блондина, который танцовалъ съ тобою на праздникѣ въ Киршбергѣ! Я знаю, о чемъ ты скучаешь, но все это ни къ чему не поведетъ: Іери-Гансъ никогда уже не попадетъ въ домъ Конрада Ставоло. Нѣтъ, это дѣло рѣшенное! Подумай лучше о другомъ молодомъ, честномъ человѣкѣ, который тебя любитъ, а канонеръ твой негодяй, не думай о немъ.

Въ душѣ я жалѣлъ ее, но тѣмъ не менѣе былъ счастливъ. Я говорилъ себѣ:

— Маргредель поскучаетъ немного и забудетъ его, а я буду насторожѣ, и постараюсь утѣшить ее. Мы женимся и все пойдетъ отлично. Со временемъ, черезъ шесть, десять лѣтъ, когда около насъ будутъ шумѣть наши маленькія дѣти, а она будетъ сидѣть у домашняго очага, я вдругъ невзначай спрошу ее: «Маргредель, а тебѣ нравился когда-то Іери-Гансъ изъ Киршберга? Говори правду, не скрывайся». Она покраснѣетъ и отвѣтитъ мнѣ: «Что ты,Касперъ! Съ чего ты это взялъ! Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову».

Представлялъ я себѣ эту картину и слезы навертывались у меня на глазахъ, и я благодарилъ Бога, что онъ внушилъ дядѣ Конраду мысль побороться съ канонеромъ, чтобы подвинуть мою женитьбу на Маргредель.

Прошло три недѣли. Время отъ времени дядя посылалъ меня посмотрѣть, зрѣетъ ли виноградъ; я приносилъ ему нѣсколько кистей на пробу, но видѣлъ, что ему самому хотѣлось бы обойти свои виноградники: время сбора приближалось, надо было заготовлять бочки, нанимать рабочихъ, а онъ лежалъ, какъ пластъ,

не смѣя пошевелиться. Невозможно передать его отчаянія и всѣхъ проклятій, которыми онъ осыпалъ виновника своего положенія.

Докторъ Леманъ, въ длиннополомъ, желтомъ бархатномъ сюртукѣ, сѣрой шапкѣ съ козырькомъ и въ рыжихъ полусапожкахъ на длинныхъ ногахъ, навѣщалъ насъ аккуратно каждое утро.

— Все идетъ хорошо,—говорилъ онъ, снимая повязку.— Потерпите еще немного, почтеннѣйшій Ставоло; нога укрѣпляется, опухоль опадаетъ; черезъ нѣсколько дней я позволю вамъ немного пройтись съ палкой.

— Черезъ нѣсколько дней!—вскричалъ дядя.—Да когда же конецъ будетъ?

— Что дѣлать, съ вывихами нужно терпѣніе. Я знаю, что вамъ скучно лежать на спинѣ и думать, что погода прекрасная, виноградъ зрѣетъ, что надо выкуривать бочки сѣрой, ставить ихъ на подставки, чистить погреба, смазывать прессъ; все это я понимаю, но какъ же быть? Вы еще счастливо отдѣлались.

— Какъ счастливо?

— Конечно: тоже самое могло съ вами случиться въ самый разгаръ рабочей поры; тогда вы должны были бы предоставить наемщикамъ распоряжаться вашими дѣлами; да и вывихъ могъ быть посерьезнѣе. Теперь же все идетъ хорошо, нужно только побольше спокойствія, господинъ Ставоло.

И онъ посмѣивался, проводя рукою по своей рыжей бородѣ, потомъ выходилъ въ залу и останавливался на нѣсколько минутъ поболтать съ Маргредель, которая шила у окна.

— Ну, что, Маргредель, все попрежнему свѣжа и прелестна, какъ розовый бутончикъ?

— О, господинъ Леманъ, у васъ всегда готовъ комплиментъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю правду; я говорю то, что думаю. Каспеpъ не можетъ пожаловаться; я бы хотѣлъ быть на его мѣстѣ.

Маргредель краснѣла, а онъ, смѣясь, выходилъ, пожимая ей руку.

Такъ шли у насъ дѣла.

Дядя начиналъ терять терпѣніе. Наконецъ, однажды утромъ докторъ, осмотрѣвъ ногу, сказалъ дядѣ:

— Ну, господинъ Ставоло, на этотъ разъ все въ порядкѣ: вы можете встать и пройтись немного съ палкой.

Лицо дяди просіяло.

— Значитъ, нога совсѣмъ поправилась?

— Да, теперь только нуженъ легкій моціонъ, чтобы укрѣпить нервы.

Докторъ всталъ.

— На будущее время,—сказалъ онъ, смѣясь громко, — будьте поосторожнѣе, господинъ Ставоло. На свѣтѣ много косточекъ! Не надо наступать на нихъ; второй разъ будетъ хуже!

Дядя покраснѣлъ:

— Хорошо, хорошо! Не всѣ же косточки для одного человѣка!

— Ваша правда, почтеннѣйшій Ставоло, только не слѣдуетъ отыскивать ихъ, а то какъ разъ наступишь не въ очередь. Прощайте, до пріятнаго свиданія, только какъ можно рѣже!

Докторъ удалился, а дядя Конрадъ сѣлъ на постель и ворчалъ:

— Этотъ Леманъ мнѣ ужасно надоѣлъ. Онъ, кажется, не вѣритъ, что я поскользнулся на косточку и воображаетъ, что Іери-Гансъ повалилъ меня потому, что онъ сильнѣе. Ненавижу людей, которые надъ всѣмъ смѣются!

— Полноте, дядя! Онъ вылѣчилъ вамъ ногу, а до остального какое вамъ дѣло.

— Да, но я посылалъ за нимъ не для того, чтобы разговаривать о косточкахъ!

Дядя былъ не въ духѣ, тѣмъ не менѣе онъ всталъ съ постели, одѣлся и, не внимая мудрымъ совѣтамъ доктора, въ тотъ же день ушелъ осматривать виноградники. Онъ возвратился вечеромъ очень довольный и сказалъ намъ:

— Все отлично: больная нога такъ же крѣпка, какъ и здоровая. Ну, я доволенъ, что такъ кончилось,—могло быть хуже. Больше не будемъ объ этомъ толковать. Виноградъ удался какъ нельзя лучше: сборъ будетъ отличный, а это главное.

Я былъ очень радъ, что дядя совсѣмъ поправился.

Съ той минуты и до праздника св. Іеронима, который считается патрономъ Экерсвира, дядя не вспоминалъ объ Іери-

Гансѣ. Все это время онъ усердно занимался виноградниками, погребами и прессами.

Я часто уходилъ съ Вальдхорномъ и зарабатывалъ много денегъ. Еще двѣсти экю и у меня будутъ двѣ десятины виноградника, а съ ними и Маргредель!

Мечтать объ этомъ было моимъ счастіемъ. Всю дорогу, прислушиваясь къ пѣнію жаворонковъ, я только и думалъ о моей свадьбѣ. Возвращаясь домой, я каждый разъ приносилъ что-нибудь Маргредель: ленту, сережки, однимъ словомъ, что находилъ лучшаго; но она принимала подарки далеко не съ такой радостью, какъ въ первый разъ,—не улыбалась мнѣ больше, не благодарила меня, а какъ будто хотѣла сказать: «Что же тутъ удивительнаго, что ты даришь меня? Вѣдь ты хочешь на мнѣ жениться».

Такая перемѣна меня очень огорчала, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что дядя Конрадъ никогда не проститъ Іери-Ганса, а разъ я женюсь на Маргредель, она забудетъ его и сдѣлается отличной женой и хозяйкой.

VIII.

За недѣлю до праздника въ Экерсвирѣ, день былъ жаркій. Я сошелъ въ столовую и сѣлъ играть на кларнетѣ, приставя ноты къ простѣнку между двумя открытыми окнами. Дядя Конрадъ рубилъ дрова на дворѣ, подъ лѣстницей, а Маргредель мыла въ кухнѣ тарелки. Прошло съ полчаса. Вдругъ дядя вошелъ въ комнату, въ одной безрукавкѣ, и сталъ задумчиво ходить взадъ и впередъ, потомъ подошелъ ко мнѣ и, положа мнѣ руку на плечо, сказалъ:

— Ты играешь отличную штуку, Касперъ, но оставь на время музыку и потолкуемъ. Ну, что говорятъ обо мнѣ въ деревнѣ?

Я положилъ кларнетъ и повернулся къ нему.

— Право не знаю, дядя. Съ болѣзни вашей, я не былъ въ трактирѣ «Трехъ Розъ».

— Ну, а я знаю: всѣ радуются, что Іери-Гансъ чуть не сломалъ мнѣ ногу.

— О, дядя, какъ можно такъ думать!..

— Знаю, знаю: ты не хочешь огорчить меня. Впрочемъ, плевать я хочу на всю деревню: не поскользнись я на косточку, канонеру досталось бы отъ меня ловко! Но мнѣ все-таки досадно, что я обругалъ его: когда играешь, проигравши плати и молчи. Но тогда эта проклятая косточка меня ужасно взбѣсила; если бы Іери былъ сильнѣе меня, то и говорить не о чемъ, но упасть черезъ косточку это ужъ слишкомъ, особенно, когда рисковалъ сломать себѣ ногу!

— Конечно, досадно,—сказалъ я,—но что сдѣлано, то сдѣлано. Къ чему разговаривать объ этомъ?

— Разговаривать, Касперъ, точно лишнее, но дѣло это не можетъ такъ остаться.

Я сейчасъ же догадался, что дядя замышляетъ объ удовлетвореніи. Возвращеніе Іери-Ганса, радость Маргредель, все, какъ молнія, мелькнуло у меня передъ глазами.

— Какая вамъ дядя, выгода съ того, что васъ будутъ считать первымъ силачемъ въ деревнѣ? По моему, рѣшительно никакой; всѣ только злятся на насъ, желаютъ, чтобы вы себѣ переломали ребра, никто не жалѣетъ васъ, когда съ вами случится бѣда, напротивъ, говорятъ: подѣломъ ему!

— А! Они говорятъ это! Это мнѣ и нужно было знать. Теперь, слава Богу, моя нога совсѣмъ поправилась, и я долженъ непремѣнно повидаться съ канонеромъ.

— Какъ, дядя? Вы, такой благоразумный...

— Да, благоразумный, Касперъ. По твоему тотъ только и благоразумный, кто не даетъ сдачи. Нѣтъ братъ, все это хорошо для кларнетиста, ну, а мнѣ не годится. Встань, племянникъ, поди сюда, я хочу показать тебѣ что-то.

Онъ взялъ меня за пуговицу куртки, вывелъ на середину и сказалъ:

— Черезъ шесть дней у насъ праздникъ въ Экерсвирѣ; нельзя желать болѣе удобнаго случая. Я не люблю бороться въ трактирной залѣ, гдѣ по полу валяются косточки, куски хлѣба, сыра и разный соръ, на который легко поскользнуться; я думаю побороться съ канонеромъ у насъ на площади передъ народомъ, и нашелъ способъ положить его на спину. Смотри, Касперъ, обхвати меня, какъ можно крѣпче... ну, готовъ?

— Готовъ.

— Крѣпко ли ты меня держишь?

— Да, дядя, очень крѣпко.

— Смотри же!

Онъ взялъ меня за лѣвую руку и въ ту же минуту такъ поддалъ плечемъ подъ локоть, что я сразу повалился навзничь. Это случилось такъ неожиданно и такъ меня поразило, что я лежалъ на полу, разинувъ ротъ, не могъ ни говорить, ни перевести духъ. Я думалъ, что у меня всѣ ребра переломаны.

Дядя торжествовалъ.

— А что, племянникъ, видалъ ты его?

— Да видалъ, сказалъ я вставая, славная штука. Но вы могли бы, дядя объяснить мнѣ это иначе.

— Нѣтъ, Касперъ, ты не понялъ бы такъ хорошо. Вотъ тоже самое будетъ и съ канонеромъ! Дѣло въ томъ, чтобы затащить его сюда,—это не легко. Ты поѣдешь въ Киршбергъ и отъ моего имени пригласишь его къ намъ обѣдать въ первый день праздника.

— Ну ужъ этого не будетъ!—вскричалъ я въ негодованіи.— Я никогда не противорѣчилъ вамъ, дядя, я всегда исполнялъ ваши желанія, но самому привести сюда канонера, никогда, ни за что на свѣтѣ!

— Полно, полно, не горячись Касперъ: я пошлю Никеля, сказалъ дядя.

Я хотѣлъ возражать, но онъ перебилъ меня.

— Чтобы ты ни сказалъ, ни къ чему не поведетъ. Надо, чтобы Іери былъ здѣсь. Онъ опрокинулъ меня вверхъ ногами и я долженъ съ нимъ сдѣлать тоже самое.

Чтобы отвратить большое несчастье мнѣ оставалось только одно средство.

— Послушайте, дядя, право вы затѣваете не доброе дѣло. Посовѣтуйтесь съ Маргредель, и вы увидите, что она также думаетъ, какъ и я!

И не дожидаясь отвѣта, я отворилъ дверь въ кухню и закричалъ:

— Маргредель, поди сюда! Отецъ твой опять хочетъ бороться съ Іери-Гансомъ, онъ хочетъ заманить его на праздникъ въ Киршбергъ, чтобы изувѣчить!

Я былъ увѣренъ, что она всплеснетъ руками и станетъ умолять отца; мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе она любитъ ихъ обо-

ихъ, тѣмъ болѣе должна стараться помѣшать имъ бороться, но довѣряйтесь послѣ того женщинамъ!.. У Маргредель былъ замѣчательно тонкій слухъ и она навѣрно подслушала у дверей нашъ разговоръ, потому что вошла въ залу совершенно спокойно. Дядя Конрадъ принялся объяснять ей, что для него будетъ вѣчнымъ стыдомъ, если онъ, въ свою очередь, не повалитъ Іери-Ганса, что всѣ станутъ презирать Конрада Ставоло, что онъ не посмѣетъ показаться въ трактирѣ «Трехъ Розъ», да и нигдѣ, и проч. и проч.

Во все время Маргредель стояла, потупивъ глаза въ землю и заложивъ руки подъ передникъ. Когда дядя кончилъ, она тихимъ голоскомъ сказала:

— Ты правъ отецъ, и я во всемъ съ тобой согласна, но едва ли Іери-Гансъ осмѣлится придти къ намъ. Онъ самъ понимаетъ, что ты упалъ только потому, что поскользнулся на косточку и не рѣшится бороться съ тобою на площади. Я увѣрена въ этомъ! Вотъ ты увидишь!

— Ну, а если онъ не придетъ, — вскричалъ дядя, — то стыдъ падетъ на его голову!

— Ты видишь, Касперъ,—сказалъ онъ, весело обращаясь ко мнѣ,—ты видишь, у Маргредель побольше здраваго смысла, чѣмъ у тебя: она понимаетъ, что надо дѣлать, она видитъ, что я правъ! Теперь ты можешь продолжать свою арію, а я пошлю сейчасъ же Никеля въ Киршбергъ.

И онъ вышелъ. Маргредель возвратилась въ кухню, а я остался одинъ. Я до того былъ пораженъ тѣмъ, что случилось, что съ трудомъ вѣрилъ, что это не сонъ. Мнѣ мерещилось, что вотъ пришелъ Іери-Гансъ, гордый, напыщенный. Онъ стоитъ, заложивъ руки въ карманы и улыбается Маргредель, а на меня смотритъ съ высоты своего величія. Я задыхался и вдругъ бросился въ кухню.

— О чемъ ты думаешь, Маргредель?—вскричалъ я.—Ты хочешь, чтобы негодяй канонеръ опять изуродовалъ твоего отца? Это не простительно съ твоей стороны, потому что ты знаешь, что Іери сильнѣе! И подстрекаешь отца бороться съ нимъ!

Я чуть не плакалъ, но она нисколько не растрогалась и спокойно продолжала пробовать свои соусы; это приводило меня въ негодованіе.

— Что за вздоръ!—сказала она.—Ты всегда все видишь въ черномъ цвѣтѣ. Тогда отецъ поскользнулся на косточку, а теперь будетъ совсѣмъ другое.

— Поскользнулся па косточку! Никакой тамъ не было косточки! Дядя нарочно придумалъ это, чтобы оправдываться передъ людьми! Не могъ же я уличить его, что онъ лжетъ! Если канонеръ придетъ, то опять найдутся косточки, на площади, на улицѣ, вездѣ!

Но всѣ мои разумныя представленія нисколько не убѣдили Маргредель; напротивъ, она стала еще настойчивѣе и, перстирая тарелки, отвѣчала равнодушно:

— Ну, мы увидимъ! Будутъ, или нѣтъ косточки, а я держу пари за отца. Іери будетъ разбитъ- О, да, я увѣрена, что отецъ повалитъ его... лишь бы... онъ пришелъ... Только... я сильно сомнѣваюсь...

Заслышавъ шаги дяди Конрада, я замолчалъ и воротился въ столовую. Тамъ я взялъ своей кларнетъ, ноты, и ушелъ къ себѣ наверхъ. Я былъ, какъ помѣшанный, и не понималъ, что дѣлалъ.

Придя въ свою комнату, я бросился на сундукъ и схватилъ себя за голову: мнѣ хотѣлось плакать, кричать. Сердце мое разрывалось на части. Я начиналъ понимать, что всѣ мои планы на будущее рушились. А все по милости дяди Конрада, котораго я считалъ человѣкомъ благоразумнымъ и который теперь казался мнѣ такимъ мелкимъ честолюбцемъ.

Обѣдъ прошелъ въ разговорахъ о разныхъ штукахъ, которыя дядя придумалъ, чтобы одолѣть канонера. Маргредель одобряла все, при каждомъ словѣ кивала головой и восторгалась, повторяя:

— Только бы онъ пришелъ! Только бы онъ не побоялся прійти!

— А если онъ не прійдетъ, — сказалъ дядя, — то всѣ узнаютъ, что я поскользнулся на косточку!

Я слушалъ и думалъ:

— Творецъ ты мой! Возможно ли въ пятьдесятъ три года быть такимъ ребенкомъ! Случись, что онъ въ самомъ дѣлѣ повалитъ канонера, онъ умретъ отъ радости!

А Маргредель-то какъ водитъ за носъ бѣднаго старика, увѣряя его, что онъ сильнѣе! Такъ-то бы она и меня водила всю жизнь!

О, какъ мнѣ было больно открыть въ ней такое лукавство!

Несмотря на это, я находилъ Маргредель прелестною. Я хотѣлъ бы уйти, чтобы не показать моего отчаянія.

По глазамъ Маргредель я видѣлъ, что она отгадываетъ мои мысли, и только изъ хитрости показываетъ, будто сомнѣвается въ томъ, что Іери-Гансъ придетъ. Она переговаривается съ нимъ черезъ цыганку Вальдину, я былъ въ этомъ почти увѣренъ. Былъ увѣренъ и долженъ былъ молчать!

О, какъ былъ бы я счастливъ, еслибы кто сказалъ мнѣ, что Іери-Гансъ свалился съ овина головою внизъ, или что кто-нибудь посильнѣе переломалъ ему ребра! Но, увы! Ничего подобнаго не случилось, и я долженъ описать вамъ нашъ праздникъ въ Киршбергѣ! Коли началъ, надо кончить.

IX.

Отвѣтъ изъ Киршберга пришелъ въ тотъ же день около восьми часовъ вечера. Мы сидѣли за ужиномъ, когда вошелъ Никель и сказалъ, что Іери-Гансъ обѣщался быть къ обѣду, и приказалъ сказать, что сочтетъ за честь побороться съ г. Ставоло на площади въ Экерсвирѣ, при всемъ народѣ.

Маргредель была очень довольна этимъ отвѣтомъ, но изъ хитрости скрыла свою радость.

— Вотъ никакъ не ожидала, — сказала она, съ удивленіемъ.—Касперъ былъ правъ! Я не думала, что Іери рѣшится придти.

Дядя Конрадъ былъ въ восторгѣ. Онъ сейчасъ же хотѣлъ показать мнѣ всѣ новыя штуки, которыя, придумалъ чтобы опрокинуть канонера,—но съ меня уже было довольно!

— Благодарствуйте, дядя, сказалъ я печально, я вѣрю вамъ на слово; покажите ваши фокусы самому канонеру, а я въ нихъ ничего не понимаю. Я могу только пожелать вамъ, чтобы на площади не было косточекъ!

Я вышелъ изъ столовой въ неописанномъ отчаяніи.

—Постой, Касперъ, постой!—кричалъ мнѣ дядя вслѣдъ.

Но я не повернулъ даже головы. Я посылалъ всѣхъ къ черту: Іери-Ганса, дядю, Маргредель и самого себя; мнѣ хотѣлось бѣжать въ Америку, въ Алжиръ, куда-нибудь на край свѣта.

На другой день начались приготовленія къ празднику; въ большой залѣ мыли полъ и окна, разставляли столы и скамейки, посыпали полъ пескомъ. Можно было подумать, что Іери-Гансъ какой-нибудь важный графъ, такъ дядя Конрадъ хлопоталъ, чтобы принять его получше. Маргредель послала за Катериной Фогель, кухаркой стараго пастора Бока, и онѣ вдвоемъ принялись за стряпню: пекли кухены, кугельгофы, торты со сливками и творогомъ. Въ кухнѣ пылалъ огонь съ шести часовъ утра до девяти вечера.

Маргредель продолжала хитрить со мной. По мѣрѣ того какъ приближался день праздника, она все ласковѣе обходилась со мной, вѣроятно для того, чтобы держать меня въ неизвѣстности и помѣшать мнѣ предупредить дядю обо всемъ, что у насъ происходило.

— Что съ тобою Касперъ? — спрашивала она меня. — Отчего ты такой скучный? Ну, полно, Касперъ, засмѣйся! Какое можетъ быть у тебя горе?

При этомъ, она сама смѣялась отъ души, показывая мнѣ свои бѣлые зубы, и я принужденъ былъ казаться веселымъ сквозь слезы. Иногда я упрекалъ себя въ недовѣріи, и говорилъ себѣ:

— Развѣ Маргредель могла бы такъ притворяться и съ любовью смотрѣть на меня, если бы она не любила меня хоть немного? Нѣтъ, это невозможно! Не хорошо, Касперъ, быть такимъ подозрительнымъ!

И я искалъ причины, чтобы обвинить себя и увѣрить, что Маргредель любитъ меня, что она вовсе не думаетъ о Іери-Гансѣ, а только хочетъ испытать меня, возбудить ревность; однимъ словомъ, я выдумывалъ для нея тысячу оправданій и помогалъ ей обманывать себя; а потомъ я опять видѣлъ все ясно, и говрилъ себѣ: Бѣдный Касперъ! Бѣги отсюда, это будетъ лучше: къ чему ослѣплять себя? Она любитъ другого; онъ обѣщалъ пріѣхать, и посмотри, какъ она радуется, поетъ, танцуетъ и приготовляетъ лакомыя блюда!—Развѣ для тебя она дѣлала хотя что-нибудь подобное?

Мнѣ было тяжело сознаваться въ этомъ, а между тѣмъ я не былъ ни въ чемъ увѣренъ! Знай я навѣрное, что все для меня кончено, я взвалилъ бы на плечи мѣшокъ съ пожитками

и ушелъ бы куда глаза глядятъ,—и тамъ современемъ навѣрно бы утѣшился.

Меня больше всего удивляла увѣренность Маргредель; послѣ того, какъ я разсказалъ ей исторію о косточкѣ, она должна бы, кажется, ожидать, что Іери-Гансъ и во второй разъ повалитъ ся отца, и что тогда всѣ любезныя приглашенія и выраженія дружбы обратятся въ ненависть и проклятія, что тогда Іери-Гансъ не посмѣетъ показать носа къ намъ въ домъ, а еще менѣе посвататься за нея, что, въ такомъ случаѣ, дядя Конрадъ способенъ былъ встрѣтить его вилами. Хитрая Маргредель должна была это предвидѣть, а между тѣмъ, она была не только спокойна, но даже весела. Подъ этой веселостью скрывалась еще какая-нибудь хитрость! Можетъ быть къ ней опять приходила цыганка? Я ломалъ себѣ голову, наконецъ опять успокоилъ себя такъ: лишь бы канонеръ повалилъ дядю, тогда все пойдетъ хорошо; Маргредель можетъ тогда плакать и отчаяваться сколько ей угодно, дядю Конрада не легко разжалобить,—одинъ видъ канонера будетъ его приводить въ бѣшенство. Конечно мнѣ жаль, что старика еще разъ побьютъ, но все же это самое лучшее для общаго спокойствія.

Я снова ободрился и даже сталъ посмѣиваться каждый разъ, какъ эта мысль приходила мнѣ въ голову. Какъ быть! Утопающій хватается за соломенку.

До самаго праздника Маргредель обходилась со мной очень ласково. Я никогда не забуду кануна этого дня. Около шести часовъ вечера, за нѣсколько минутъ до ужина, я сидѣлъ задумавшись въ столовой и, прислонясь къ деревянному шкафу стѣнныхъ часовъ, прислушивался къ тиканью маятника и къ треску огня въ кухнѣ; вдругъ вошла Маргредель, въ короткой юбкѣ, съ засученными рукавами, и поманила меня рукой, чтобы не безпокоить дядю, который, съ очками на носу, читалъ, вытаращивъ глаза, газету «Хромой посолъ». Я пошелъ за ней въ кухню и притворилъ за собой дверь. Маргредель сначала показала мнѣ торты и пироги, разложенные въ порядкѣ на полкѣ, а потомъ подвела къ тарелкѣ съ оладьями, пересыпанными мелкимъ сахаромъ, и сказала:

— Это я приготовила для тебя, Касперъ, а ты все недоволенъ!

— Для меня Маргредель?—сказалъ я нѣжно.

— Да, да, для тебя! Что же тутъ удивительнаго?

Не зная, что отвѣчать, я сѣлъ къ сторонѣ, у очага, возлѣ котораго суетилась Катерина, и сталъ ѣсть, между тѣмъ какъ слезы невольно катились у меня по щекамъ.

— Она еще любитъ меня!—думалъ я, и находилъ оладьи очень вкусными.

Маргредель вышла накрывать столъ къ ужину. Когда она вернулась я улыбнулся ей и взялъ за руку.

— Ахъ, Маргредель, — вскричалъ я, — ты должна мнѣ простить что-то!

— Что такое?—спросила она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ... нѣтъ, не теперь, я скажу тебѣ послѣ

Я думалъ, что напрасно подозрѣвалъ... и хотѣлъ просить у нея прощенья!

Она пристально посмотрѣла на меня. Не знаю, отгадала ли она мою мысль, только очень покраснѣла и торопливо сказала:

— Иди, Касперъ, ужинать, отецъ ждетъ тебя.

— Ахъ! Какъ вкусны были оладьи!—вскричалъ я.—Мнѣ больше ѣсть не хочется.

— Идите, идите,—сказала Катерина.—Намъ здѣсь кавалеровъ не надо!

Я сѣлъ за столъ, нѣсколько успокоенный.

— Вальдхорнъ въ деревнѣ,—сказалъ мнѣ дядя,—я забылъ сказать, что онъ приходилъ къ тебѣ сегодня послѣ обѣда, пока ты былъ въ Рееберге, и велѣлъ передать, что будетъ ждать тебя въ трактирѣ «Трехъ Голубей». Завтра ты заработаешь два экю, послѣ-завтра тоже, и такъ до конца праздника, — превыгодно быть кларнетистомъ!

Потомъ онъ прибавилъ смѣясь:

— Двѣ десятины подвигаются! Не робѣй, Касперъ!

При этихъ словахъ, тяжелый грузъ свалился у меня съ сердца. Мнѣ казалось, что я видѣлъ дурной сонъ.

Послѣ ужина я побѣжалъ въ трактиръ «Трехъ Голубей», гдѣ ждалъ меня Вальдхорнъ; всѣ товарищи были въ сборѣ: тромбоны и охотничьи рожки висѣли на стѣнѣ. Мы пожали другъ другу руки и роспили двѣ или три бутылки вина, пока составляли программу праздника. Рѣшено было, что на другой день, отъ часу до трехъ, мы будемъ играть на всѣхъ большихъ

обѣдахъ, а послѣ вечерни въ баракѣ для танцевъ. Вальдхорнъ уже условился съ хозяиномъ.

Около десяти часовъ я воротился домой. Дядя Конрадъ уже легъ спать, а Маргредель съ Катериной Фогель все еще занимались приготовленіями къ празднику; проходя мимо, я посмотрѣлъ на Маргредель въ маленькое окошечко, и пошелъ въ свою комнату. Я тотчасъ же легъ и проспалъ до восьми часовъ утра, чего со мной давно не было.

Ярмарочный шумъ, дѣтскіе рожки, крики разнозчиковъ разбудили меня. Я весело вскочилъ съ постели, надѣлъ панталоны и отворилъ окно. Погода была прекрасная, флаги развѣвались на баракѣ; народъ гулялъ между палатками, толпился на площади: одни покупали, другіе прицѣнивались или разсматривали; игроки стояли въ кружокъ около рампо. По всей дорогѣ тянулись телѣги и мѣстныя повозки съ длинными дрогами, биткомъ набитыя народомъ въ треугольныхъ шляпахъ, красныхъ жилетахъ, шитыхъ повязкахъ, красныхъ юбкахъ. Всѣ имѣли веселый, праздничный видъ.

Зная, что къ намъ пріѣдетъ Іери-Гансъ, я, конечно, не забылъ побриться. Недѣлю тому назадъ, возвращаясь изъ Мюнстера, я нарочно къ этому дню принесъ новую рубашку, вышитую на груди и воротникѣ красной бумагой; трудно было бы найти что-нибудь лучше. Я надѣлъ ее и застегнулъ воротъ золотой булавкой въ видѣ сердца, надѣлъ тоже золотыя сережки, шитыя подтяжки, шириною въ ладонь, и зеленый камзолъ съ блестящими мѣдными пуговицами.

Прихорашиваясь, я былъ счастливъ. Я мечталъ о Маргредель; я думалъ, что она навѣрно найдетъ меня красивѣе Іери-Ганса, и расчувствовался. Время отъ времени я садился помечтать и послушать, что дѣлается внизу. Въ большой залѣ ходили взадъ и впередъ и разговаривали; каждую минуту раздавался громкій голосъ дяди Конрада, который здоровался съ своими гостями.

— А! Здравствуйте, господинъ бургомистръ. Хе, хе, хе, очень радъ, что вы пріѣхали; а какова погода? А! Госпожа Зейпель! Что это, сударыня, вы съ каждымъ днемъ молодѣете!

— Ну, полноте, господинъ Ставоло!

— Сущая правда, сударыня. Вы напомнили мнѣ славное

время, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда я танцовалъ съ вами лютцельштейнскаго гонсера... да, да, да!..

И они садились; я слышалъ, какъ двигали стулья по полу. Я смотрѣлся въ зеркало, чистилъ шляпу и очень заботился, чтобы не осталось гдѣ-нибудь соринки.

На улицѣ праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ. Я оставилъ дверь моей комнаты отворенной, и запахъ пироговъ и анисовыхъ тортовъ поднимался по лѣстницѣ. Пробило одиннадцать часовъ; меня удивляло, что Іери-Гансъ не ѣдетъ. Уже два раза дядя Конрадъ говорилъ Маргредель на лѣстницѣ:

— Негодяй этотъ не ѣдетъ! Ужъ не думаетъ ли онъ сыграть со мною шутку? Если черезъ четверть часа онъ не явится, мы сядемъ за столъ!

По голосу его я слышалъ, что онъ сердился. Маргредель ничего не отвѣчала. Я внутренно смѣялся и уже хотѣлъ итти внизъ, какъ вдругъ дядя вскричалъ:

— А, вотъ и онъ!

Я уже вышелъ было въ сѣни, но восклицаніе дяди произвело на меня странное дѣйствіе—я вернулся въ свою комнату и высунулся въ окошко.

У наружной двери передъ домомъ, я увидѣлъ Іери-Ганса верхомъ на большой, сѣрой въ яблокахъ лошади, гладкой, лоснящейся, съ закинутой головой и развѣвающимся хвостомъ. На немъ былъ блестящій артиллерійскій мундиръ и каска, съ мѣдными, на крестъ пушками и краснымъ султаномъ, которая придавала ему величественный видъ. Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на публику этотъ гордый канонеръ, верхомъ на сѣрой лошади, которая ржетъ и рветъ землю копытами! Всѣ гости дяди Конрада высыпали на лѣстницу и, опираясь на перила, раскланивались съ нимъ. Тутъ были и раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазами, Маргредель, въ короткихъ, бѣлыхъ рукавахъ и голубой шелковой повязкѣ, и толстый бургомистръ, съ приподнятой треуголкой, съ круглымъ, какъ у снигиря, брюшкомъ, и худощавая востроносая совѣтница Зейпель, въ большомъ чепцѣ, простеганномъ на затылкѣ, какъ матрацъ; и господинъ преподаватель Рейнхардъ, и старикъ Бремеръ и его двѣ высокія, рыжія дочери Лохтенъ и Гредель; и старикъ Меріанъ; и Оршель, и Катерина Фогель. Сосѣди высунулись изъ оконъ, а ярмарочная толпа, повернув-

шись въ нашу сторону, глазѣла на небывалое зрѣлище. Я сейчасъ же подумалъ, что Маргредель будетъ ослѣплена красивымъ мундиромъ, въ сравненіи съ которымъ, мое платье ничего незначило; я стоялъ въ смущеніи и какъ будто стыдился самого себя. Мнѣ бы хотѣлось спрятаться, а между тѣмъ, я не могъ оторваться отъ окна.

Дядя Ставоло, съ сіяющимъ лицомъ, въ пуховой шляпѣ съ темно голубой лентой и коричневой курткѣ, которая стягивала его широкія плечи, только что вышелъ на улицу и съ восторгомъ осматривалъ рослаго канонера; онъ пожималъ его руку, говоря:

— Добро пожаловать, Іери-Гансъ, добро пожаловать. Стараго не вспоминать, будемъ друзьями!

— Очень радъ, господинъ Ставоло,—сказалъ Іери съ веселымъ лицомъ.—Послѣ нашей встрѣчи въ Киршбергѣ, я люблю и уважаю васъ еще больше.

— Тѣмъ лучше,—замѣтилъ дядя,—тѣмъ лучше... Столъ накрытъ, ты пріѣхалъ во-время.

Тогда Іери, поднявъ глаза и увидавъ Маргредель, вскричалъ:

— Имѣю честь кланяться, сударыня! Вы стали еще красивѣе, еще свѣжѣе и граціознѣе. Ахъ, господинъ Ставоло, вы можете гордиться!

— О, господинъ Іери,—сказала наивная Маргредель,—вы, конечно, шутите, вы этого не думаете!

— Я! Я думаю въ тысячу разъ больше!—вскричалъ онъ, и глаза его заблестѣли, какъ у кошки, когда она видитъ птицу на вѣткѣ.

Затѣмъ онъ раскланялся съ нашими гостями, прикладывая руку къ козырьку, соскочилъ съ лошади и отдалъ поводъ совѣтнику Спицу. Польщенный такою честью, совѣтникъ принялся смѣяться, какъ старая сорока, раскрывая пасть до ушей.

О, люди! Многіе изъ васъ имѣютъ подлую душу! Подумать только, что муниципальный совѣтникъ могъ дѣлать подобныя вещи! Еслибы Оршель не пришла взять лошадь и отвести ее въ конюшню, онъ простоялъ бы съ нею до второго пришествія.

Іери-Гансъ сталъ подниматься на лѣстницу; я тоже рѣшился идти внизъ, чтобы не надѣлать тревоги въ домѣ, потому что

еслибы я не пришелъ обѣдать, дядя пожелалъ бы узнать причину. Іери встрѣтилъ меня въ кухнѣ:

— А! Здравствуй, Касперъ! Какъ поживаешь? — вскричалъ онъ.

Я внутренно бѣсился, что этотъ негодяй смѣлъ мнѣ говорить ты, но такъ какъ онъ протянулъ мнѣ руку, то я долженъ былъ взять ее.

— Да, ничего, Іери, хорошо, даже очень хорошо,—отвѣтилъ я.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!—сказалъ онъ и, смѣясь, показалъ мнѣ свои длинные, бѣлые зубы.

Мы вошли въ залу въ ту минуту, какъ Катерина Фогель ставила на столъ дымящуюся миску. Іери-Гансъ закрутилъ кверху усы и сказалъ, какъ бы про себя:

— А мнѣ ѣсть хочется.

Я же, идя за нимъ, подумалъ: «чортъ бы тебя взялъ!»

— Іери! Іери! Сюда!—кричалъ дядя, показывая ему мѣсто на концѣ стола.—Садись около меня! А другіе пусть садятся, гдѣ кто хочетъ.

Іери нашелъ очень естественнымъ, что его сажали на почетное мѣсто. Онъ сѣлъ возлѣ дяди Конрада, а я въ концѣ стола, у окна, между госпожею Сипель, которая разговариваетъ мало, и старикомъ Омахтомъ, который совсѣмъ ничего не говоритъ. При моемъ мрачномъ настроеніи, это мѣсто было для меня очень удобно. Мнѣ хотѣлось плакать, а я принуждалъ себя ѣсть и казаться веселымъ. Маргредель не обращала на меня никакого вниманія: моя нарядная рубашка, зеленый камзолъ, золотыя сережки,—все пропало даромъ! И отецъ, и дочь только и видѣли, что Іери-Ганса.

X.

Мнѣ придется много говорить объ этомъ обѣдѣ, который продолжался до трехъ часовъ. Да, я буду много говорить о немъ, хотя не мало времени прошло съ тѣхъ поръ!

Я еще какъ теперь, вижу муниципальнаго совѣтника Спица, съ длиннымъ, тонкимъ носомъ и большими, круглыми глазами, въ парикѣ, кончавшемся крысьимъ хвостомъ, который трясется и

прыгаетъ у него на спинѣ; совѣтникъ считаетъ долгомъ находить смѣшнымъ все, что скажетъ дядя, и безпрестанно смѣется; вижу подлѣ него толстаго, лысаго бургомистра, который пьетъ, поднявъ локоть и устремивъ въ экстазѣ глаза въ потолокъ; вижу Софью Шпикъ, школьную учительницу Маргредель, съ двумя маленькими локончиками у глазъ и нѣсколькими волосками, растянутыми на лбу, какъ веревки на цыплячьей корзинѣ, — я слышу, какъ она безпрестанно повторяетъ: «какъ жаль! какъ жаль, что я такъ поздно завтракала! теперь совсѣмъ нѣтъ аппетита!», что однакоже, не мѣшаетъ ей уничтожать сосиски, пироги, кугельгофы и все, что подается на столъ; вижу жирную, желтую госпожу Вагнеръ, жену отставного жандармскаго бригадира, въ чепцѣ съ широкими, красными лентами вокругъ курчавой головы и въ длинныхъ золотыхъ сережкахъ, которыя болтаются на ея отвислыхъ щекахъ; я вижу, какъ она при каждомъ новомъ кушаньи отодвигается со вздохомъ отъ стола и, вытянувъ руки впередъ, долбитъ вилкою въ талерку; вижу преподавателя Рейнхарда, имѣющаго обыкновеніе принимать пилюли передъ каждымъ праздникомъ или свадьбою, на которые приглашаютъ его многочисленные друзья; вижу старика Меріана, который прищелкиваетъ языкомъ каждый разъ, какъ опорожнитъ стаканъ, приговаривая: «это кютерле тридцать четвертаго года, а это прошлогодній рангенъ, а это драхенфельцъ», и т д., не заботясь ни о чемъ остальномъ.

И дядю Конрада вижу, который выпрямляется на стулѣ и прокашливается, собираясь разсказывать о своихъ славныхъ побѣдахъ, но вдругъ вспоминаетъ недавнее происшествіе въ Киршбергѣ и прикусываетъ языкъ; и величественнаго, гордаго канонера, закручивающаго усы, съ которыхъ каплетъ вино на подбородокъ; вижу и отворенную дверь въ кухню, и наивную Маргредель, которая уходитъ и приходитъ, разнося застѣнчиво блюда и бутылки; она все улыбается, чтобы показать свои бѣлые зубки.

Боже мой! Сколько бы я могъ разсказать объ этомъ обѣдѣ! Я знаю, что позднѣе тѣ же гости и за тѣмъ же столомъ, но уже безъ меня, присутствовали на другихъ празднествахъ, и многіе изъ нихъ смѣялись надъ моей простотой. Какъ будто вина другихъ, ихъ измѣна данному слову, ихъ лицемѣріе могли относиться ко мнѣ! Какъ будто я поступилъ безчестно, повѣривъ

людямъ, которыхъ я любилъ, и какъ будто честные люди смѣшны, потому что ихъ обманули, пользуясь ихъ добротой!

Я могъ бы, въ свою очередь, описать ихъ, уличить въ обжорствѣ и проч., но лучше промолчу, потому что злые языки и тутъ сказали бы, что я говорю это изъ зависти или ревности. Да, лучше замолчу и не буду тревожить себя воспоминаніями о людской несправедливости.

Обѣдъ длился безъ конца. Я скучалъ; я видѣлъ, что дѣла мои шли все хуже и хуже, что бутылки опоражнивались одна за другой, что дядя Конрадъ, несмотря на недавнее пораженіе, не выдерживалъ болѣе и собирался разсказывать о своихъ прошедшихъ подвигахъ. Какъ вдругъ Оршель дотронулась до моего плеча и сказала, что Вальдхорнъ съ товарищами ждутъ меня на улицѣ, и что время идти.

Я воспользовался случаемъ и вышелъ изъ-за стола къ удовольствію Маргредель, Іери-Ганса и своему собственному.

Къ чему столько лицемѣрія? Отчего не сказать прямо: «Ты мнѣ больше не нуженъ!» Зачѣмъ наканунѣ кормить меня сладкими оладьями! Зачѣмъ поддерживать во мнѣ надежду до послѣдней минуты? Да, поведеніе Маргредель приводило меня въ негодованіе!

Но несмотря на это, я вышелъ съ веселымъ лицомъ; мнѣ не хотѣлось показать долговязому канонеру, что онъ можетъ огорчать меня. На лѣстницѣ я поздоровался съ Вальдхорномъ и засмѣялся, какъ сумасшедшій, надъ собственной своей глупостью. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ потому, что привыкъ съ нѣкотораго времени видѣть меня скучнымъ.

— Ты выпилъ лишнее, Касперъ?—сказалъ онъ мнѣ.

— Я! Я не выпилъ и стакана вина! Нѣтъ, меня смѣшатъ разныя мысли, которыя приходятъ мнѣ въ голову!

— А гдѣ же твой кларнетъ?

— Я сейчасъ схожу за нимъ.

Въ то время, какъ я проходилъ черезъ залу къ себѣ наверхъ, дядя позвалъ меня:

— Касперъ!

— Что, дядя?

— Музыканты на улицѣ?

— Да.

— Отчего же они не идутъ сюда?

— Вы хотите, чтобы мы играли?

— Само собою разумѣется! Въ такой-то день!

— Хорошо, мы сейчасъ придемъ!

Я пошелъ за кларнетомъ и черезъ окно крикнулъ товарищамъ, чтобы они шли къ намъ. Мы расположились въ залѣ и заиграли такую веселую музыку, особенно я на кларнетѣ, что я самъ дивился. Маргредель смотрѣла на меня съ безпокойствомъ, а я хохоталъ и бросалъ на нее насмѣшливые взгляды. Да, я сталъ другимъ человѣкомъ,—я былъ внѣ себя!

Дядя Конрадъ пѣлъ и колотилъ по столу. Два раза мы уходили и два раза насъ ворочали съ лѣстницы; наконецъ, дядя пожелалъ спѣть еще пѣсню «Три гусара отправляются на войну». Припѣвъ послѣ каждаго куплета «прощай! прощай! прощай!» говорятъ гусарамъ ихъ матери, сестры и возлюбленныя.

Въ то время, какъ дядя громкимъ басомъ пѣлъ «гусаровъ» съ акомпаниментомъ музыки и хора гостей, Маргредель вышла изъ залы; Іери-Гансъ билъ тактъ ручкой отъ ножа, а я,—я сунулъ кларнетъ подъ мышку. Я трясся всѣмъ тѣломъ, у меня не было силы дуть, холодъ пробѣгалъ по моимъ жиламъ. Когда хоръ повторилъ послѣдній разъ: «прощай! прощай! прощай!», я обернулся и посмотрѣлъ въ кухню, куда спряталась Маргредель; я думалъ, что она тоже пропоетъ мнѣ послѣднее прощай! Но она не показывалась.

Когда всѣ замолкли, я вдругъ началъ смѣяться. Мнѣ казалось, что что-то порвалось у меня въ груди, какъ пружина въ часахъ, которая вертится, вертится такъ, что и нельзя остановить ее, а стрѣлка въ одну минуту показываетъ всѣ часы.

Музыканты стали выходить изъ залы; я пошелъ за ними, и никто ничего не замѣтилъ. На улицѣ я успокился. Мы поднимались на горку. Старый другъ мой Вальдхорнъ задержалъ меня назади и сказалъ:

— Касперъ, ты смѣешься, играешь и разговариваешь, какъ счастливый человѣкъ, но я вижу, что ты скученъ!

— Ты правъ, Вальдхорнъ: я могъ бы зарыдать!

— О чемъ, Касперъ?

Я разсказалъ ему на-ходу все, что случилось.

— Ба! Только-то? Да тѣмъ лучше! Музыкантъ не долженъ жениться. Къ тому же твоя Маргредель...

— Что такое?

— Я разскажу тебѣ въ другой разъ, теперь некогда,—мы пришли къ помощнику Дрейфусу, войдемъ. Все это, Касперъ, не стоитъ того, чтобы благоразумный человѣкъ задумался хотя на минуту. Когда женщина можетъ свалиться вамъ на шею, а кто-нибудь другой подвернется, чтобы принять ее на свою, благодарите стократъ небо: это значитъ, что Богъ васъ любитъ!

Съ этими словами Вальдхорнъ втащилъ меня въ залу; это былъ нашъ второй привалъ. До половины третьяго мы обошли всѣхъ зажиточныхъ обывателей въ деревнѣ, а въ три часа были уже на эстрадѣ барака.

Слова Вальдхорна не выходили у меня изъ головы, но они не утѣшили меня. Видно, что хорошо для одного, не годится другому!

Въ баракѣ танцующихъ было тьма; они наѣхали изо всѣхъ окрестныхъ деревень, изъ Киршберга, Рибовалье, Ляпутре, Обре, однимъ словомъ, отовсюду. Пуховыя шляпы, трехуголки, разноцвѣтныя платья мелькали у меня передъ глазами и отуманивали мнѣ голову; а общее веселье, шумъ, говоръ, взрывы смѣха сжимали сердце. Я не владѣлъ болѣе собою, я былъ, какъ сумасшедшій.

По временамъ Вальдхорнъ говорилъ мнѣ:

— Ради Бога, Касперъ, не дуй такъ громко! Ты заглушаешь весь оркестръ!

А я продолжалъ все громче и громче: то полутономъ выше, то полутономъ ниже; я надувалъ щеки вровень съ носомъ; въ глазахъ у меня потемнѣло.

Вальдхорнъ приходилъ въ отчаяніе, товарищи смотрѣли на меня съ удивленіемъ, не понимая, что со мной сдѣлалось. Я прежде никогда не фальшивилъ.

Наконецъ, около четырехъ часовъ громовой голосъ дяди Конрада вывлъ меня изъ одуренія. Я протеръ глаза и сталъ смотрѣть.

Сильно подгулявшіе гости наши входили попарно въ залу. Дядя въ пуховой съ лентами шляпѣ, которая торчала на ухѣ, шелъ впереди, ведя подъ руку старуху Вагнеръ; за нимъ Іеригансъ съ Маргредель; за ними бургомистръ съ госпожею Синель, и т. д. Всѣ были красны, какъ вареные раки. Дядя, поднявъ руки кверху, кричалъ «ура! ура!» такъ, что стѣны дрожали;

у высокаго канонера были влажные глаза, и, наклонясь къ Маргредель, онъ покручивалъ усъ и нѣжно разговаривалъ съ ней.

Увидавъ ихъ, я сталъ такъ сильно дуть, что Вальдхорнъ вышелъ изъ себя.

— Касперъ, ты оглохъ что-ли? Перестань, ради Бога! Остановись, ты разгонишь всю публику!

Но что для меня значили его просьбы? Да и чьи бы то ни было? Мое отчаяніе не имѣло предѣловъ!

Дядя пустился вальсировать со старухой Вагнеръ, положа ей, по старой модѣ, руки на плечи; за нимъ двинулись всѣ остальные. Все завертѣлось у меня въ глазахъ: баракъ и люди. Я слышалъ, какъ хрипѣлъ рожокъ, пыла труба, гнусилъ второй кларнетъ. Я видѣлъ развѣвающіяся ленты, поднятую столбомъ пыль, поднятыя руки танцоровъ и танцорокъ, а надъ ними весело кружащіяся головы, какъ на картинкахъ Монбеліара, гдѣ пирующіе съ хохотомъ, плясками и поцѣлуями нисходятъ въ адъ.

Въ то время, какъ я дѣлалъ это сравненіе, вальсъ кончился. Кавалеры посадили своихъ дамъ на мѣста; я услыхалъ, какъ дядя крикнулъ канонеру:

— Идемъ, Іери, теперь пора! Ты готовъ?

— Готовъ, господинъ Ставоло!

Въ залѣ вдругъ всѣ притихли.

Я понялъ, что они идутъ бороться. На минуту надежда оживила меня: если Іери-Гансъ переломитъ дядѣ два или три ребра, то не все еще потеряно. Я представлялъ себѣ, какъ Маргредель опять вернется ко мнѣ, и какъ я скажу ей:

— А! А! Ты теперь ко мнѣ? Поздно, моя милая: теперь я тебя знаю и мнѣ тебя не надо!

Дядя Конрадъ и Іери вышли изъ барака. Толпа бросилась за ними. Маргредель стояла блѣдная у дверей; она не хотѣла видѣть побоища. Когда канонеръ проходилъ мимо нея, она посмотрѣла на него, а онъ, улыбаясь, кивнулъ ей головой. Я спрашивалъ себя, что бы это значило?

Въ ту же минуту на площади раздался голосъ дяди Конрада:

— Посторонитесь! Посторонитесь!

Такъ какъ музыканты не могли уйти съ эстрады, то Вальдхорнъ и еще трое товарищей вынули доску изъ стѣны барака, чтобы смотрѣть на площадь; я подошелъ къ нимъ. Толпа образовала кругъ, посреди котораго стояли дядя Конрадъ и Іери-Гансъ

и съ важностью разсматривали другъ друга; оба сбросили верхнее платье и отдали шляпы.

— На этотъ разъ, Іери,—сказалъ дядя,—мы одновременно нападемъ другъ на друга!

— Какъ вамъ угодно, господинъ Ставоло, я васъ жду.

— Ну такъ начинай, и стараго не вспоминать!—крикнулъ дядя.

— Стараго не вспоминать!—отвѣтилъ канонеръ.

Они схватились съ ужасающей силой: руки ихъ впились другъ другу въ бока, какъ веревки, ноги переплелись; со стономъ и пѣной у рта каждый старался повалить другого.

Потомъ я видѣлъ, какъ дядя хотѣлъ поймать канонера на свой фокусъ, но тотъ зналъ его,—онъ только улыбнулся и отдернулъ руку. Тогда дядя попробовалъ выдвинуть впередъ ногу и перекинуть канонера, но онъ и самъ сдѣлалъ то же самое. Оставалось рѣшить, который сильнѣе, кто перегнетъ противника,—вещь очень трудная, какъ для одного, такъ и для другого.

Дядя, какъ и въ первый разъ, былъ совсѣмъ блѣдный, а Іери красный, какъ ракъ.

Публика смотрѣла въ молчаніи, какъ вдругъ мальчуганъ, котораго отецъ держалъ на плечахъ, крикнулъ:

— Канонеръ сильнѣе!

Дядя повернулъ голову и свирѣпо посмотрѣлъ на ребенка; въ ту же минуту Маргредель, протолкавшись между народомъ, вошла въ кругъ. Я видѣлъ, какъ она пристально смотрѣла на канонера, какъ бы желая напомнить ему что-то. Глаза Іери налились кровью, усы взъерошились; онъ держалъ дядю на воздухѣ. Дядя разставилъ ноги и страшно работалъ боками, чтобы достать до земли, но безуспѣшно. Еще одна минута и онъ лежалъ бы на спинѣ; но лишь только Іери увидалъ Маргредель, какъ глаза его приняли болѣе кроткое выраженіе, онъ вздохнулъ, незамѣтно выпустилъ дядю и сталъ поддаваться. Черезъ минуту, какъ бы выбившись изъ силъ, онъ допустилъ дядю поднять себя отъ земли и опрокинуть, среди криковъ всеобщаго изумленія. Потомъ, желая приподняться, онъ повалился на спину и обоими плечами коснулся земли. Побѣда была полная.

Дядя Конрадъ, считавшій себя погибшимъ, не менѣе другихъ былъ пораженъ своей побѣдой. Онъ подбѣжалъ къ канонеру, взялъ его за руки и вскричалъ:

— Не ушибся ли ты Іери?

Іери-Гансъ смотрѣлъ на Маргредель, глаза его блестѣли.

— Нѣтъ, г. Ставоло,—отвѣчалъ онъ,—мнѣ никогда еще не было такъ хорошо. Вамъ принадлежитъ пальма первенства, вы побѣдили меня!

И онъ обтряхивалъ панталоны.

— Что ты, Іери!—вскричалъ дядя въ восторгѣ.—Развѣ мы съ тобой не одинаково сильны? Но забудемъ все, стараго не вспоминатъ! Поцѣлуемся, Іери!

— Охотно,—сказалъ канонеръ, не переставая смотрѣть на Маргредель.

Они поцѣловались, а Маргредель, издали наблюдавшая за ними, приложила руку къ сердцу. Тогда я все понялъ: негодяй канонеръ, зная, что если онъ повалитъ дядю на площади при всемъ народѣ, то навсегда распростится съ Маргредель, употребилъ хитрость и, такимъ образомъ, выигралъ расположеніе дяди Конрада, человѣка гордаго, тщеславнаго и тѣмъ болѣе ослѣпленнаго своей побѣдой, что онъ боялся Іери-Ганса и рѣшительно самъ не понималъ, какъ поборолъ его. Въ настоящую минуту онъ боялся только одного: какъ бы Іери не вздумалъ потребовать удовлетворенія, а потому онъ опять поцѣловалъ его и, обратясь къ толпѣ, закричалъ:

— Вотъ человѣкъ, который не уступитъ мнѣ въ силѣ! Я, Конрадъ Ставоло, говорю вамъ это, и если кто осмѣлится утверждать противное, будетъ имѣть дѣло со мной! Да, Іери, задалъ ты мнѣ работу! Но теперь часъ веселья. Возьми, Іери, Маргредель: танцуйте, веселитесь, дѣти мои! Ты останешься у насъ на весь праздникъ, слышишь, Іери? Мы повеселимся, славно проведемъ время! Да, ты останешься у насъ?

— Съ удовольствіемъ, господинъ Ставоло, я почту себѣ за большую честь!

— Полно, Іери, мнѣ честь, а не тебѣ!

— Эй, вы! Убирайтесь къ чорту!—крикнулъ онъ народу, который стоялъ, разинувъ рты и все еще ждалъ чего-то.

Дядя боялся, чтобы видъ мѣста побоища не подзадорилъ канонера; онъ поспѣшилъ застегнуть куртку, помогъ Іери надѣть мундиръ и взялъ его подъ руку:

— Ну, товарищъ,—вскричалъ онъ,—если бы теперь на насъ двухъ напало десять, пятнадцать, двадцать человѣкъ, однимъ

словомъ, вся ярмарочная челядь, вѣдь мы бы не струсили! А? Какъ ты думаешь?

Такъ разсуждалъ этотъ старый дурень, какъ шестилѣтній ребенокъ!

Канонеръ нѣжно смотрѣлъ на Маргредель и смѣялся. Онъ застегнулъ свой мундиръ и сказалъ:

— Сударыня, теперь, когда я побѣжденъ вашимъ отцомъ, не надо стыдиться танцовать со мной!

— Стыдиться!—вскричалъ дядя.—Хотѣлъ бы я это видѣть! Развѣ мы съ тобой не первые силачи, Іери? Стыдиться! Послушай, Маргредель, если ты хочешь потѣшить старика-отца, то танцуй съ Іери! Танцуй, дочь моя!.. А я схожу въ трактиръ «Трехъ Голубей» выпить стаканъ вина. Іери! Ты побережешь дочь мою... Я сейчасъ же и назадъ!

Итакъ, дядя мой, когда-то человѣкъ разумный, готовъ былъ отдать жену, дочь и все свое достояніе, лишь бы прослыть первымъ силачемъ въ деревнѣ! И теперь, когда подумаю объ этомъ, волосы становятся у меня дыбомъ! Вотъ она, любовь къ славѣ!

Іери-Гансъ и Маргредель возвратились въ баракъ. Разсказывать вамъ, какъ они танцовали, прыгали, взглядывали другъ на друга, какъ, вальсируя, она клала головку на грудь канонера,—я не могу. Скажу только, что Маргредель поведеніемъ своимъ до того измучила меня въ этотъ день, что я рѣшился все покончить.

— Если бы даже Іери опять уѣхалъ въ Африку, никогда я не женился бы на Маргредель! Нѣтъ, она мнѣ больше не нужна! —думалъ я.

Тѣмъ не менѣе, я такъ страдалъ въ эти три дня, что, сознаюсь, желалъ умереть.

Самое грустное во всемъ этомъ было ослѣпленіе дяди Конрада; Іери-Гансъ воистину сталъ его Богомъ. Онъ считалъ за честь себѣ забавлять его, прогуливался съ нимъ по деревнѣ. Канонеру отвели лучшую комнату въ домѣ. Каждое утро, около семи часовъ, дядя отправлялся будить его съ бутылкой кютерле и двумя стаканами, которые ставилъ на ночномъ столикѣ. Я слышалъ, какъ они смѣялись, разсказывали другъ другу о своихъ побѣдахъ. Маргредель нетерпѣливо ждала Іери внизу, встрѣчала его съ улыбкой, наливала ему кофе, покачивала граціозно головкой, припрыгивала на кончикахъ пальцевъ, однимъ сло-

вомъ, не знала, что дѣлать, чтобы окончательно обворожить этого красиваго, отважнаго, страшнаго силача Іери. Я сталъ въ домѣ, какъ посторонній.

Наконецъ, на четвертый день праздника, измученный всѣмъ этимъ, я всталъ очень рано, уложилъ въ мѣшокъ свои пожитки— платье, бѣлье, все, что у меня было, взялъ кларнетъ и около семи часовъ вечера, спустился съ лѣстницы. Въ эту минуту дядя Конрадъ съ бутылкою и стаканами направлялся къ капоперу; онъ встрѣтилъ меня съ дорожной палкой и спросилъ:

— Куда ты, Касперъ, собрался такъ рано?

— Я ухожу съ Вальдхорномъ и съ товарищами,—сказалъ я,—теперь время праздниковъ, надо имъ пользоваться; можетъ, я пробуду съ мѣсяцъ.

— А! Хорошо! Не забудь двѣ десятины виноградника!

— Будьте спокойны, дядя, я ничего не забуду!

Мы пожали другъ другу руки и разошлись.

Въ сѣняхъ я встрѣтилъ Маргредель съ кофейникомъ; она съ нетерпѣніемъ ожидала Іери-Ганса; у меня подкосились ноги, и я дрожащимъ голосомъ сказалъ ей:

— Прощай, Маргредель!

— Ахъ! Это ты, Касперъ!

— Да, это я... прощай, Маргредель!

— Развѣ ты уходишь?

— Да, я ухожу... И, кажется, надолго.

Она поняла, что я уходилъ навсегда, и очень смутилась. Я внутренно плакалъ, я чувствовалъ, какъ слезы одна за другою падали мнѣ на сердце. Однакожъ, я сказалъ ей твердымъ голосомъ:

— Будьте здоровы!.. Будьте счастливы, когда меня не будетъ здѣсь...

— Касперъ!—вскрикнула она и замолчала; я ждалъ. Тогда она, потупивъ глаза, тихо прибавила:

— Я всегда любила тебя, Касперъ, какъ брата!

Я не могъ удержаться, схватилъ ее за голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Да... да, я знаю это!—сказалъ я, понижая голосъ, оттого я и ухожу!.. Да, я долженъ уйти... Ахъ, Маргредель, ты растерзала мнѣ сердце!

И, рыдая, я бросился бѣжать. Мнѣ казалось, что кто-то звалъ меня:

— Касперъ! Касперъ!

Но я не увѣренъ: можетъ быть, я слышалъ свои собственныя рыданія.

На улицѣ было пусто. Я добѣжалъ до трактира «Трехъ Голубей», и никто не видалъ моихъ слезъ.

Въ тотъ же день я уѣхалъ съ Вальхорномъ и съ товарищами въ Сенъ-Ипполитъ, и исторія моя кончена...

Нѣтъ, позвольте! Спустя шесть недѣль, въ началѣ зимы, я былъ въ Васселонѣ, и тамъ получилъ письмо отъ дяди Конрада. Я сохранилъ его; вотъ оно:

«Любезный племянникъ мой Касперъ!

«Во-первыхъ, увѣдомляю тебя, что сборъ винограда былъ очень удаченъ, и что у насъ есть 123 мѣры вина. Хлопотъ было не мало, но съ Божіей помощью все въ порядкѣ. Изъ 123 мѣръ девятнадцать твоихъ. Я поставилъ ихъ отдѣльно въ маленькій погребъ подъ прессъ. Вино хорошо, имѣетъ крѣпость и сохранится долго. Приходилъ Меріанъ и предлагалъ мнѣ тридцать франковъ за мѣру, когда виноградъ былъ еще въ кистяхъ; я отказалъ. Мнѣ нѣтъ надобности торопиться: черезъ три, четыре года это вино будетъ въ цѣнѣ, тогда и увидимъ.

«Но дѣло не въ этомъ. Съ отъѣзда твоего многое у насъ измѣнилось; старикъ Іери-Гансъ приходилъ просить Маргредель въ замужество для своего сына, и Маргредель согласилась: вотъ все дѣло въ двухъ словахъ. Я отвѣчалъ, что далъ слово тебѣ и сдержу его, несмотря ни на что. Не скрою отъ тебя, что молодой Іери-Гансъ отличный, честный малый, и если ты не хочешь поставить меня въ большое затрудненіе, то пріѣзжай какъ можно скорѣе. Во всякомъ случаѣ отвѣчай, такъ или иначе».

Твой дядя Конрадъ Ставоло».

Я отвѣчалъ, что слишкомъ люблю Маргредель, чтобы сдѣлать ее несчастною, и что Іери-Гансъ можетъ жениться на ней потому, что она его любитъ.

И теперь еще бьетъ меня лихорадка, какъ вспомню, чего мнѣ это стоило!

Зима прошла для меня очень скучно. Но вѣдь весна возвращается каждый годъ, а съ нею цвѣты и жаворонки. Когда

смотришь на голубое небо, когда чувствуешь, какъ теплота входитъ въ сердце, когда видишь, какъ таетъ послѣдній снѣгъ подъ заборомъ, то какъ ни тяжело, а все же радуешься, что живешь на землѣ.

Однажды,—дѣло было къ веснѣ,—Вальдхорнъ съ рожкомъ черезъ плечо, а я съ кларнетомъ подъ мышкой, мы шли въ Сенъ-Мари по маленькой бузиновой аллеѣ за Сенъ-Ипполитомъ. Я думалъ о Маргредель, о дядѣ Конрадѣ, о нашемъ домѣ, о нашей деревнѣ. Мнѣ хотѣлось побывать тамъ хоть на одинъ день и хоть издали взглянуть на родныя мѣста.

— Что-то подѣлываютъ тамъ?—думалъ я.—О чемъ думаетъ Маргредель, дядя Ставоло и... тотъ?

Я шелъ, склонивъ голову, какъ вдругъ Вальдхорнъ сказалъ мнѣ:

— Касперъ, ты помнишь, въ концѣ прошедшей весны я говорилъ тебѣ о Маргредель Ставоло?

И такъ какъ я не отвѣчалъ, то онъ продолжалъ:

— Ты знаешь цыганку Вальдину? Она изъ нашихъ. Она сама разсказывала мнѣ, что съ самаго праздника въ Киршбергѣ передавала порученія Іери-Ганса къ Маргредель. Когда никого не было дома, Маргредель ставила на окно у лѣстницы горшокъ резеды, и Вальдина приходила къ ней. Вотъ какъ они переговаривались!

— Отчего ты тогда не сказалъ мнѣ этого? — спросилъ я Вальхорна.

— Ба! Чему быть, тому не миновать! Если Маргредель любила канонера больше тебя, естественно, что она вышла за него замужъ. И я считаю, что это даже лучше: она сдѣлала бы тебя несчастнымъ. Къ тому же, предположимъ, Касперъ, что ты бы женился: гдѣ бы я нашелъ себѣ такого отличнаго кларнетиста, какъ ты? Право, все устроилось къ лучшему: теперь мы можемъ шататься вездѣ и играть вмѣстѣ до конца дней нашихъ.

ГЮГЪ ВОЛКЪ.

Однажды утромъ, передъ Рождествомъ 18... года, когда я спокойно спалъ въ гостиницѣ «Лебедь» въ Фрейбургѣ, въ мою комнату вошелъ старый Гедеонъ Сперверъ.

— Радуйся, Фрицъ!—воскликнулъ онъ.—Я свезу тебя за десять миль отсюда, въ замокъ Нидекъ. Ты знаешь Нидекъ? Это самое лучшее помѣстье во всей мѣстности,—старинный памятникъ славы нашихъ предковъ.

Замѣтьте то, что я не видѣлъ Спервера, почтеннаго мужа моей кормилицы шестнадцать лѣтъ. За это время онъ обросъ бородой; громадная шапка изъ лисьяго мѣха закрывала ему голову; въ рукѣ у него былъ фонарь, который онъ держалъ подъ самымъ моимъ носомъ.

— Прежде всего поступимъ методично,—сказалъ я,—кто вы такой?

— Кто я?..Какъ, ты не узналъ Гедеона Спервера, браконьера изъ Шварцвальда?.. О, неблагодарный!.. А я то кормилъ, воспитывалъ тебя, научилъ тебя ставить западни, подстерегать лисицу въ уголку лѣса, пускать собакъ по слѣду козули... Неблагодарный, онъ не узнаетъ меня! Ну, взгляни на мое отмороженное лѣвое ухо.

— Ага! Узнаю твое лѣвое ухо. Ну, поцѣлуемся.

Мы нѣжно расцѣловались. Сперверъ отеръ глаза ладонью и сказалъ:

— Ты знаешь Нидекъ?

— Конечно... по разсказамъ... Что ты дѣлаешь тамъ?

— Я завѣдующій охотой графа.

— А кто прислалъ тебя?

— Молодая графиня Одиль.

— Хорошо... Когда же мы отправимся?

— Сейчасъ. Дѣло важное, старый графъ боленъ и его дочь наказала мнѣ не терять ни минуты... Лошади готовы.

— Но, мой милый Гедеонъ, посмотри, какая погода; вотъ уже третій день снѣгъ идетъ безостановочно.

— Ба! Ба! Представь себѣ, что отправляешься на охоту. Одѣвайся ка поскорѣе; надѣнь шпоры и въ путь-дорогу! Я велю пока приготовить поѣсть.

Онъ вышелъ изъ комнаты, но сейчасъ же вернулся и прибавилъ:—Не забудь накинуть шубу.

Онъ спустился внизъ.

Я никогда не могъ противиться Гедеону; съ дѣтства онъ могъ подѣлать со мной, что угодно, кивкомъ головы, пожатіемъ плечъ. Я быстро одѣлся и пошелъ за нимъ въ большую залу.

— Я зналъ, что ты не отпустишь меня одного!—радостно проговорилъ онъ.—Съѣшь поскорѣе ветчины и выпьемъ на дорогу Лошади теряютъ терпѣніе. Да, между прочимъ, я велѣлъ привязать твой чемоданъ къ сѣдлу.

— Какъ, мой чемоданъ?

— Да, ты ничего не проиграешь; тебѣ придется остаться въ замкѣ на нѣсколько дней; это необходимо; сейчасъ я объясню тебѣ все.

Въ эту минуту къ гостиницѣ подъѣзжало двое всадниковъ, повидимому, изнемогавшихъ отъ усталости. Лошади ихъ были покрыты бѣлой пѣной. Сперверъ, большой любитель лошадей, вскрикнулъ отъ удивленія.

— Что за чудесныя животныя!.. Валахскія... Что за стройность, настоящіе олени. Скорѣе, Никлозъ, набрось на нихъ попоны; онѣ могутъ простудиться.

Мы заносили ноги въ стремена, когда мимо насъ прошли путешественники, укутанные въ мѣховую одежду. Я разглядѣлъ только длинные темные усы одного изъ нихъ и его черные, необыкновенно живые глаза.

Они вошли въ гостиницу.

Конюхъ держалъ нашихъ лошадей; онъ пожелалъ намъ добраго пути и отпустилъ повода.

Мы тронулись.

Сперверъ ѣхалъ на лошади чистокровной мекленбургской породы, я—на горячей арденской лошадкѣ; мы летѣли по снѣгу и черезъ десять минутъ уже миновали послѣдніе дома Фрейбурга.

Погода прояснилась. Насколько охватывалъ взглядъ, не видно было ни признака дороги, или тропинки. Единственными нашими спутниками были шварцвальдскія вороны. Онѣ расправляли свои большія крылья на снѣжныхъ буграхъ, перелетали съ мѣста на мѣсто и кричали хриплыми голосами:

— Бѣда! Бѣда! Бѣда!

Гедеонъ со своимъ широкимъ, обвѣтреннымъ лицомъ, въ шубѣ изъ мѣха дикой кошки, въ мѣховой шапкѣ съ длинными наушниками, галопировалъ впереди меня, насвистывая какой-то мотивъ изъ Фрейшюца. По временамъ онъ оборачивался и я видѣлъ, какъ прозрачная капля воды блестѣла, дрожа, на кончикѣ его длиннаго, кривого носа.

— Э, Фрицъ! Что за чудное зимнее утро!—сказалъ онъ.

— Да; но нѣсколько холодное.

— Я люблю сухую погоду; она оживляетъ кровь. Если бы у стараго пастора Тоби хватило смѣлости отправиться въ путь по такой погодѣ, онъ не чувствовалъ бы ревматизма.

Я слегка улыбнулся.

Послѣ часа бѣшеной ѣзды Сперверъ сдержалъ лошадь и поѣхалъ рядомъ со мной.

— Фрицъ,—сказалъ онъ болѣе серьезнымъ тономъ,—тебѣ необходимо узнать причину нашей поѣздки.

— Я думалъ объ этомъ.

— Тѣмъ болѣе, что у графа перебывало уже много докторовъ.

— А!

— Да; пріѣзжали къ намъ доктора изъ Берлина въ большихъ парикахъ; они смотрѣли только языкъ; другіе—изъ Швейцаріи—желали видѣть только мочу; парижскіе доктора вставляли кусочекъ стекла въ глазъ, чтобы разглядѣть лицо больного. Но всѣ они ничего не поняли и только заставили щедро оплатить свое невѣжество.

— Чортъ возьми! Какъ ты относишься къ намъ!

— Я говорю не про тебя; напротивъ, тебя я уважаю и сломай я себѣ ногу, я охотнѣе довѣрился бы тебѣ, чѣмъ какому-

нибудь другому доктору. Ну, а что касается внутренности, то вы еще не изобрѣли очковъ, чтобы видѣть, что происходитъ въ нихъ.

— Ты почемъ знаешь?

Добрякъ искоса взглянулъ на меня при этихъ словахъ.

— Неужели и онъ такой же шарлатанъ, какъ другіе?—подумалъ онъ, однако, продолжалъ начатый разговоръ.

— Если у тебя есть такіе очки, Фрицъ, то они пригодятся какъ разъ, потому что болѣзнь графа именно внутренняя. Болѣзнь ужасная—нѣчто въ родѣ бѣшенства. Ты, вѣдь, знаешь, что бѣшенство обнаруживается по истеченіи девяти часовъ, девяти дней, или девяти недѣль?

— Говорятъ; но я сомнѣваюсь, такъ какъ самъ не видалъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, ты знаешь, что есть болотныя лихорадки, которыя повторяются черезъ три года, черезъ шесть или девять лѣтъ. Нашъ механизмъ чрезвычайно сложенъ. Когда эти проклятые часы заведены извѣстнымъ образомъ, лихорадка, колики или зубная боль появляются въ назначенный часъ.

— Это правда, мой бѣдный Гедеонъ и эти періодическія болѣзни составляютъ мое отчаяніе.

— Тѣмъ хуже!.. Болѣзнь графа періодична; она возвращается каждый годъ, въ одинъ и тотъ же день и часъ; ротъ у него наполняется пѣной; глаза становятся бѣлыми, словно шарики изъ слоновой кости; онъ дрожитъ съ головы до ногъ и скрежещетъ зубами.

— У этого человѣка, должно быть, большое горе?

— Нѣтъ! Онъ былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, если бы его дочь вышла замужъ. Онъ могуществен, богатъ, осыпанъ почестями. У него есть все, чего желаютъ другіе. Къ несчастью, его дочь отказываетъ женихамъ. Она хочетъ посвятить себя Богу и его огорчаетъ мысль, что древній родъ Нидековъ долженъ угаснуть.

— Какъ обнаружилась его болѣзнь?

— Внезапно, лѣтъ десять тому назадъ

Старикъ, казалось, старался припомнить что-то; онъ вынулъ изъ жилета трубку, медленно набилъ ее и закурилъ.

— Однажды вечеромъ,—сказалъ онъ,—я былъ наединѣ съ графомъ въ фехтовальной залѣ замка. Рождество было близко. Мы цѣлый день охотились на кабана въ узкихъ проходахъ до-

лины Рее и возвратились домой, когда наступила ночь, привезя съ собой двухъ бѣдныхъ собакъ, разстерзанныхъ съ головы до ногъ. Погода была такая же, какъ теперь: холодная и снѣжная. Графъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатамъ, опустивъ голову и заложивъ руку за спину съ видомъ человѣка, погруженнаго въ глубокое раздумье. По временамъ онъ останавливался и взглядывалъ на высокія окна, занесенныя снѣгомъ. Я грѣлся у камина, думая о своихъ собакахъ, и мысленно проклиналъ всѣхъ кабановъ Шварцвальда. Въ замкѣ всѣ уже легли спать часа два назадъ; раздавался только шумъ большихъ сапогъ графа со шпорами на каменномъ полу. Я ясно помню, какъ какая-то ворона, должно быть, загнанная вѣтромъ, съ жалобнымъ крикомъ ударилась крыльями о стекло окна, сбивъ глыбу снѣга за нимъ; окна, передъ тѣмъ бѣлыя стали черными...

— Эти подробности имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ болѣзни твоего господина?

— Дай мнѣ окончить... увидишь. При этомъ крикѣ графъ остановился съ неподвижнымъ взглядомъ, поблѣднѣвшими щеками, съ головой, наклоненной впередъ, какъ охотникъ, почуявшій звѣря. Я продолжалъ грѣться, раздумывая, скоро ли онъ ляжетъ спать. Сказать по правдѣ, я падалъ отъ усталости. Я такъ и вижу все это, Фрицъ!.. Какъ только ворона испустила свой крикъ, старые часы пробили одиннадцать.—Въ то же мгновеніе графъ поворачивается... прислушивается... губы его движутся; я вижу, что онъ шатается, какъ пьяный. Онъ протягиваетъ руки; челюсти его сжаты, глаза побѣлѣли. Я кричу:—Что съ вами, ваше сіятельство!—Онъ хохочетъ, какъ сумасшедшій, шатается и падаетъ лицомъ на каменный полъ. Я зову на помощь; прибѣгаютъ слуги. Себальтъ беретъ графа за ноги, я за плечи; мы относимъ его на кровать, стоящую у окна. Я только что хотѣлъ перерѣзать ему галстухъ охотничьимъ ножомъ, такъ какъ боялся удара, какъ вдругъ въ комнату вошла графиня и бросилась на графа съ раздирающими душу криками. Я дрожу до сихъ поръ, когда вспоминаю объ этомъ.

Гедеонъ вынулъ изо рта трубку, медленно поколотилъ ее о сѣдло, вытряхивая золу, и продолжалъ печальнымъ голосомъ:

— Съ этого дня, Фрицъ, дьяволъ поселился въ стѣнахъ Нидека и, повидимому, не хочетъ покинуть ихъ. Каждый годъ, въ

то же время, въ тотъ же часъ съ графомъ повторяется припадокъ. Болѣзнь тянется отъ одной до двухъ недѣль, во время которыхъ онъ кричитъ такъ, что волосы на головѣ встаютъ дыбомъ. Потомъ онъ поправляется, медленно, медленно. Онъ слабъ, блѣденъ, съ трудомъ переходитъ со стула на стулъ; при малѣйшемъ шумѣ, движеніи онъ оборачивается, боится своей собственной тѣни. Молодая графиня, самое кроткое существо на свѣтѣ, не покидаетъ его; но онъ не выноситъ ея вида:—Прочь! Прочь!—кричитъ онъ, протягивая руки. Оставь меня! Оставь! Неужели я еще не достаточно страдалъ?—Ужасно слышать его и я, который сопровождаю его на охотѣ, трублю въ рогъ, я—старшій изъ его слугъ, готовый сломить себѣ голову ради него,—я готовъ его задушить въ такія минуты, такъ отвратительно видѣть, какъ онъ обращается съ родной дочерью!

Сперверъ съ угрюмымъ выраженіемъ лица всадилъ шпоры въ бока лошади, и мы поскакали галопомъ.

Я задумался. Вылѣчить отъ такой болѣзни казалось трудно, почти невозможно. Очевидно, болѣзнь была психическая; чтобы бороться съ ней, надо было узнать ея первоначальную причину, а причина эта, вѣроятно, терялась въ тайникахъ души графа.

Эти мысли волновали меня. Разсказъ старика-охотника вмѣсто того, чтобы ободрить меня, произвелъ на меня грустное впечатлѣніе; въ такомъ настроеніи трудно было ожидать успѣха.

Около трехъ часовъ мы увидали вдали, на горизонтѣ, старинный замокъ Нидекъ. Несмотря на далекое разстояніе, ясно можно было разглядѣть высокія башенки по угламъ. То былъ только легкій силуэтъ, вырисовывавшійся на лазури неба, но мало-по-малу сталъ замѣтенъ и красный оттѣнокъ гранита вогезовъ.

Сперверъ убавилъ ходъ и крикнулъ:

— Фрицъ, нужно поспѣть до ночи!.. Впередъ!

Но напрасно онъ пришпоривалъ коня. Конь оставался неподвижнымъ, съ ужасомъ упираясь въ землю передними ногами; грива у него стала дыбомъ; изъ расширенныхъ ноздрей вылетали клубы синеватаго пара.

— Ты ничего не видишь, Фрицъ? Неужели это...

— Что это!—вскрикнулъ изумленный Гедеонъ.

Онъ не докончилъ фразы и указалъ на какое-то существо

сидѣвшее на корточкахъ въ снѣгу, шагахъ въ пятидесяти отъ насъ.

— Чума!—сказалъ онъ такимъ взволнованнымъ тономъ, что я самъ почувствоалъ волненіе.

Я взглянулъ по направленію его взгляда и съ изумленіемъ увидѣлъ старуху. Она сидѣла, охвативъ колѣни руками кирпичнаго цвѣта, которыя высовывались изъ рукавовъ. Пряди сѣдыхъ волосъ висѣли вокругъ шеи длинной, красной и обнаженной, какъ у ястреба.

Странное дѣло! Узелъ съ пожитками лежалъ у нея на колѣняхъ; угрюмый взглядъ былъ устремленъ вдаль, на снѣжную равнину.

Сперверъ взялъ налѣво, описавъ громадный кругъ. Я съ трудомъ догналъ его.

— Что ты дѣлаешь, чортъ возьми!—крикнулъ я.—Что это, шутка?

— Шутка! Нѣтъ, нѣтъ! Боже меня сохрани отъ шутокъ на этотъ счетъ! Я не суевѣренъ, но эта встрѣча пугаетъ меня.

Онъ обернулся и, увидѣвъ, что старуха не двигается и продолжаетъ смотрѣть все въ томъ же направленіи, повидимому, немного успокоился.

— Фрицъ,—проговорилъ онъ торжественнымъ тономъ,—ты ученый, учился многимъ вещамъ, въ которыхъ я ничего не смыслю; но научись отъ меня, что никогда не слѣдуетъ смѣяться надъ тѣмъ, чего не понимаешь. Я не безъ основанія называю эту женщину «Чумой». Такъ зовутъ ее повсюду въ Шварцвальдѣ; но здѣсь, въ Нидекѣ, она болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, заслуживаетъ это названіе.

И онъ продолжалъ путь, не прибавивъ ни слова.

— Ну, Сперверъ, объясни яснѣе,—сказалъ я,—я ничего не понимаю.

— Да, это наша общая погибель, колдунья, что ты видѣлъ тамъ; отъ нея идетъ все зло: она убиваетъ графа.

— Какъ это возможно? Какъ можетъ она имѣть такое вліяніе?

— Почемъ я знаю? Вѣрно только то, что при первомъ же припадкѣ болѣзни графа, стоитъ только выйти на сигнальную башню, чтобы увидѣть «Чуму», словно пятно, сидящую между

Тифенбахскимъ лѣсомъ и Нидекомъ. Она сидитъ одна, на корточкахъ. Она приближается съ каждымъ днемъ, и припадки графа становятся все ужаснѣе и ужаснѣе; можно сказать, что онъ слышитъ ея приближеніе. Иногда, въ первый день, когда у него начинается ознобъ, онъ говоритъ мнѣ: — Гедеонъ, она идетъ!—Я держу его за руку, чтобы онъ не дрожалъ; но онъ повторяетъ, запинаясь, съ вытаращенными глазами: — Она идетъ! Ой, ой, она идетъ!—Тогда я подымаюсь на башню Гюга и долго смотрю... Ты знаешь, Фрицъ, глаза у меня хорошіе. Наконецъ, вдали, въ туманѣ, я замѣчаю черную точку. На слѣдующій день черная точка увеличивается; графъ Нидекъ ложится въ постель; зубы у него стучатъ. На слѣдующее утро старуха ясно видна; начинаются припадки; графъ кричитъ... На слѣдующій день старуха появляется у подножія горы; тогда челюсти графа стиснуты, изо рта идетъ пѣна, глаза блуждаютъ. О, несчастная!.. И подумать только, что я разъ двадцать цѣлился въ нее изъ карабина, а бѣдный графъ мѣшалъ мнѣ выпустить въ нее пулю. Онъ кричалъ:—Нѣтъ, Сперверъ, не надо крови!—Бѣдняга бережетъ ту, которая убиваетъ его, потому что она убиваетъ его, Фрицъ; у него остались только кожа да кости.

Мой другъ Гедеонъ былъ слишкомъ предубѣжденъ противъ старухи, чтобы можно было образумить его. Да и кто изъ людей можетъ провести границу между возможнымъ и невозможнымъ? Развѣ мы не видимъ ежедневно, какъ расширяется область дѣйствительности? Всѣ эти оккультныя вліянія, таинственныя сношенія, невидимое сродство душъ, весь этотъ міръ магнетизма, проповѣдуемый иными со всѣмъ пыломъ вѣры, съ насмѣшливымъ видомъ оспариваемый другими, кто можетъ отвѣтить, что онъ не прорвется завтра къ намъ? Такъ легко быть разумнымъ среди всеобщаго невѣжества.

Поэтому я ограничился тѣмъ, что попросилъ Спервера умѣрить свой гнѣвъ и, главное, не стрѣлять въ «Чуму», такъ какъ это принесло бы ему несчастье.

— Мнѣ это все равно,—сказалъ онъ,—самое худшее, что можетъ случиться со мной, это то, что меня повѣсятъ.

— Ну, это слишкомъ для честнаго человѣка.

— Эге! Смерть, какъ всякая другая. Задохнешься, вотъ и все. Мнѣ это нравится такъ же, какъ если бы тебя хватили мо-

лоткомъ по головѣ, какъ это бываетъ при ударѣ, или когда не можешь спать, курить, глотать, переваривать пищу, чихать, какъ въ другихъ болѣзняхъ.

— Бѣдный Гедеонъ, ты плохо разсуждаешь для человѣка съ сѣдой бородой.

— Сѣдая такъ сѣдая, а это мой взглядъ. У меня всегда въ одномъ дулѣ пуля для колдуньи; по временамъ я перемѣняю зарядъ и если представится случай...

Онъ закончилъ свою мысль выразительнымъ жестомъ.

— Ты будешь не правъ, Сперверъ, ты будешь не правъ; я раздѣляю совѣтъ графа Нидека:—Не надо крови!—Одинъ великій поэтъ сказалъ: «Всѣ волны океана не могутъ смыть капли человѣческой крови!» Подумай объ этомъ, товарищъ, и разряди твое ружье при первой встрѣчѣ съ кабаномъ.

Эти слова, повидимому, произвели впечатлѣніе на стараго браконьера; онъ опустилъ голову, и лицо его приняло задумчивое выраженіе.

Въ это время мы ѣхали по лѣсистымъ склонамъ, отдѣляющимъ жалкую деревушку Тифенбахъ отъ замка Нидекъ.

Наступила ночь. Какъ почти всегда бываетъ послѣ свѣтлаго, холоднаго зимняго дня, пошелъ снѣгъ; онъ падалъ большими хлопьями и таялъ на гривахъ нашихъ лошадей, которыя тихо ржали и прибавляли шагу, вѣроятно, возбуждаемыя близостью жилья.

Время отъ времени Сперверъ оглядывался назадъ съ видимымъ безпокойствомъ. И самъ я испытывалъ какое-то непонятное чувство, при мысли о странной болѣзни, описанной слугой графа.

Къ тому же настроеніе духа человѣка согласуется съ окружающей его природой, а для меня нѣтъ ничего грустнѣе вида лѣса, покрытаго инеемъ и колеблемаго холоднымъ вѣтромъ; больно видѣть печальныя, какъ бы окаменѣвшія деревья.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались дальше, дубы попадались все рѣже; изрѣдка виднѣлись березы; прямыя и бѣлыя, какъ мраморъ, онѣ выдѣлялись на темной зелени сосновыхъ лѣсовъ. Внезапно, при выѣздѣ изъ чащи, старый замокъ предсталъ передъ нами своей черной массой, пронизанной свѣтлыми точками.

Сперверъ остановился передъ дверью, продѣланной въ видѣ

воронки между двумя башнями и запиравшейся желѣзной рѣшеткой.

— Ну вотъ, мы и пріѣхали!—вскрикнулъ онъ, наклонясь къ шеѣ лошади.

Онъ позвонилъ, дернувъ за оленью ножку, служившую рукояткой звонка, и ясный звукъ колокола раздался вдали.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія въ глубинѣ свода показался фонарь, освѣтившій мракъ. Въ его ореолѣ обрисовался торбатый человѣчекъ съ желтой бородой, широкоплечій и укутанный въ мѣха.

Среди окружавшей его тьмы онъ казался какимъ-то гномомъ изъ Нибелунговъ.

Онъ медленно подошелъ и прижался къ рѣшеткѣ своимъ широкимъ, плоскимъ лицомъ, тараща глаза и стараясь разглядѣть насъ во тьмѣ.

— Это ты, Сперверъ?—спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Скоро ли ты откроешь, Кнапвурстъ?—крикнулъ охотникъ.—Развѣ ты не чувствуешь, какой собачій холодъ?

— А, узнаю тебя,—сказалъ человѣчекъ.—Да... да... это ты... Когда ты говоришь, то такъ и кажется, что готовъ проглотить человѣка.

Дверь открылась, гномъ поднялъ, съ странной гримасой, фонарь въ мою сторону и проговорилъ на мѣстномъ нарѣчіи:

— Добро пожаловать, г. докторъ,—съ такимъ видомъ, который говорилъ: «еще одинъ, который отправится ни съ чѣмъ, какъ другіе!» Потомъ онъ спокойно заперъ рѣшетку, пока мы сходили на землю, и затѣмъ взялъ подъ уздцы нашихъ лошадей.

II.

Идя за Сперверомъ, который быстро подымался по лѣстницѣ, я могъ убѣдиться, что замокъ Нидекъ былъ достоинъ своей репутаціи. Это была настоящая крѣпость, высѣченная въ скалѣ.

Наши шаги отдавались подъ высокими, глубокими сводами замка, а проникавшій черезъ бойницы воздухъ колебалъ пламя факеловъ, воткнутыхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга въ кольца, вдѣланныя въ стѣны.

Сперверъ зналъ всѣ закоулки громаднаго зданія; онъ повора-

чивался то направо, то налѣво. Я шелъ за нимъ, задыхаясь. Наконецъ, онъ остановился на большой площадкѣ и сказалъ:

— Фрицъ, я оставлю тебя на минутку съ обитателями замка и пойду предупредить о твоемъ пріѣздѣ молодую графиню Одоль.

— Хорошо. Дѣлай, что находишь нужнымъ.

— Ты найдешь тамъ нашего дворецкаго, Тоби Оффенлоха, стараго солдата Нидекскаго полка; онъ участвовалъ во французской компаніи подъ начальствомъ графа.

— Очень хорошо.

— Ты увидишь также его жену, француженку, Марію Лагуттъ, которая имѣетъ претензію принадлежать къ знатной фамиліи.

— А почему бы и нѣтъ?

— Но, между нами, это просто бывшая маркитантка великой арміи. Она привезла намъ на своей телѣжкѣ Тоби Оффенлоха безъ ноги, и бѣдняга женился на ней изъ благодарности; ты понимаешь...

— Довольно. Отворяй же, я совсѣмъ замерзъ.

— Я хотѣлъ войти, но Сперверъ, упрямый, какъ истый нѣмецъ, считалъ нужнымъ познакомить меня со всѣми лицами, съ которыми я долженъ былъ войти въ сношенія. Онъ продолжалъ, держа меня за рукавъ:

— Потомъ ты увидишь Себальта Крафта, главнаго егермейстера; жалкій малый, но не найдешь никого, кто умѣлъ бы трубить въ рогъ, какъ онъ; Карла Трумпфа, дворецкаго; Христіана Беккера; однимъ словомъ, всѣхъ нашихъ, если только они не легли спать.

Сперверъ толкнулъ дверь, и я остановился, пораженный, на порогѣ высокой темной залы, бывшей караульни замка Нидекъ.

Прежде всего я замѣтилъ три окна въ глубинѣ, выходившія на обрывъ; направо—нѣчто вродѣ буфета изъ дуба, потемнѣвшаго отъ времени; на буфетѣ стояла бочка, стаканы, бутылки; налѣво готическій каминъ съ колпакомъ надъ очагомъ, озаренный краснымъ свѣтомъ великолѣпнаго огня и украшенный скульптурными изображеніями различныхъ эпизодовъ охоты на кабана въ средніе вѣка; наконецъ, посреди комнаты длинный столъ, а на столѣ громадный фонарь, освѣщавшій дюжину пивныхъ кружекъ съ оловянными крышками.

Одного взгляда было достаточно, чтобы разглядѣть все это.

Больше всего, однако, меня поразили находившіеся въ залѣ люди.

Я узналъ дворецкаго по деревянной ногѣ. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, толстый, съ румянымъ цвѣтомъ лица, съ отвислымъ животомъ, съ краснымъ носомъ, похожимъ на спѣлую малину. На немъ былъ громадный парикъ цвѣта пеньки, образовавшій складку на затылкѣ, камзолъ изъ плюша яблочнаго цвѣта, съ громадными стальными пуговицами, величиной съ большія монеты, бархатные штаны, шелковые чулки и башмаки съ серебряными пряжками. Онъ только что началъ отвертывать кранъ бочки; выраженіе несказаннаго удовольствія разлилось по всему его багровому лицу; выпученные глаза блестѣли, какъ выпуклыя стекла.

Его жена—достойная Марія Лагуттъ, одѣтая въ штофное платье съ большими разводами, съ длиннымъ и желтымъ, какъ старинная кожа, лицомъ играла въ карты съ двумя слугами, важно возсѣдавшими на креслахъ съ прямыми спинками. На носу у старухи, а также у одного изъ игроковъ, красовались очки въ уродливой мѣдной оправѣ. Третій игрокъ подмигивалъ глазомъ, съ хитрой улыбкой посматривая на своихъ партнеровъ.

— Сколько картъ?—спросилъ онъ.

— Двѣ,—отвѣтила старуха.

— А ты Христіанъ?

— Двѣ...

— Ха, ха!.. Попались... Бейте короля... Бейте туза... Вотъ такъ, вотъ такъ! Опять сорвалось, матушка! Ну, зато не будете больше хвалить французскія игры!

— Г. Христіанъ, вы непочтительно относитесь къ прекрасному полу.

— Въ карточной игрѣ не до почтительности.

— Но вы же видите, что нѣтъ мѣста.

— Ба, ба! Съ такимъ носомъ, какъ у васъ, всегда найдутся средства, чтобы...

Въ эту минуту Сперверъ крикнулъ:

— Вотъ и я, товарищи!

— А, Гедеонъ... уже вернулся?

Марія Лагуттъ быстро скинула свои уродливые очки. Толстый дворецкій опорожнилъ стаканъ. Всѣ повернулись въ нашу сторону.

— Что его сіятельство? Лучше ему?

— Гмъ, — проговорилъ дворецкій, вытягивая нижнюю губу,—гмъ!

— Все то же?

— Почти,—сказала Марія Лагуттъ, не сводившая глазъ съ меня.

Сперверъ замѣтилъ это.

— Представляю вамъ моего сына: докторъ Фрицъ изъ Шварцвальда,—съ гордостью сказалъ онъ.—Все здѣсь перемѣнится, господинъ Тоби. Теперь, когда пріѣхалъ Фрицъ, эта проклятая мигрень должна исчезнуть... Если бы меня послушали раньше... Ну да, лучше поздно, чѣмъ никогда.

Марія Лагуттъ продолжала наблюдать за мной. Экзаменъ, повидимому, удовлетворилъ ее, потому что она вдругъ крикнула дворецкому:

— Ну, г. Оффенлохъ, пошевелитесь же, подайте стулъ господину доктору. Вы стоите съ разинутымъ ртомъ, словно карпъ. Ахъ, сударь... эти нѣмцы!

И, вскочивъ, словно на пружинѣ, она подбѣжала, чтобы помочь мнѣ снять пальто.

— Позвольте, сударь...

— Вы слишкомъ добры...

— Давайте, давайте... Что за погода! Ахъ, сударь, что за страна!

— Итакъ, его сіятельству ни хуже, ни лучше,—сказалъ Сперверъ, отряхивая снѣгъ съ шапки,—мы поспѣли во-время. Эй, Касперъ! Касперъ!

Человѣкъ маленькаго роста, съ однимъ плечомъ выше другого, съ лицомъ, усѣяннымъ милліардами веснушекъ, вышелъ изъ-подъ колпака камина.

— Вотъ я.

— Хорошо! Приготовь для господина доктора комнату въ концѣ большой галлереи, комнату Гюга, знаешь?

— Да; сейчасъ, Сперверъ.

— Одну минуту. Проходя мимо, захвати чемоданъ доктора. Кнапвурстъ дастъ его тебѣ. Что касается ужина...

— Будьте покойны; я устрою все.

— Отлично; я разсчитываю на тебя.

Касперъ вышелъ, а Гедеонъ, снявъ шубу, отправился предупредить молодую графиню о моемъ пріѣздѣ.

Любезность Маріи Лагуттъ смущала меня.

— Встаньте, Себальтъ,—сказала она главному ловчему;— я думаю, вы достаточно нажарились съ утра. Садитесь къ огню, г. докторъ, у васъ, вѣроятно, озябли ноги. Протяните ихъ... Вотъ такъ.

Потомъ она подала мнѣ табакерку.

— Употребляете?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Напрасно, — проговорила она, запихивая табакъ въ носъ;—это краситъ жизнь.

Она положила табакерку въ карманъ передника и черезъ нѣсколько минутъ заговорила снова:

— Вы пріѣхали кстати: вчера у его сіятельства былъ второй припадокъ, ужасный припадокъ, не правда ли, г. Оффенлохъ?

— Именно ужасный,—важно проговорилъ дворецкій.

— Неудивительно,—продолжала добрая женщина,—если человѣкъ не питается; вѣдь онъ ничего не кушаетъ, сударь. Представьте себѣ, я замѣтила, что онъ въ продолженіе двухъ дней не кушалъ бульонъ.

— И не выпилъ ни стакана вина,—прибавилъ дворецкій, скрещивая на животѣ свои маленькія ручки.

Я счелъ нужнымъ покачать головой для выраженія удивленія.

Тоби Оффенлохъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Знаете что, г. докторъ,—сказалъ онъ.—Пропишите-ка ему по бутылкѣ маркобрюннера ежедневно.

— И по куску дичи на обѣдъ и ужинъ,—перебила его Марія Лагуттъ.—Бѣднякъ страшно худъ.

— У насъ маркобрюннеръ шестидесяти лѣтъ,—продолжалъ дворецкій;—французы не все выпили, какъ увѣряетъ госпожа Оффенлохъ. Вы могли бы посовѣтовать ему пить иногда и иоганнисбергъ; ничто не поправляетъ такъ больного, какъ это вино.

— Прежде, — съ грустнымъ видомъ проговорилъ главный ловчій,—его сіятельство назначалъ по двѣ большихъ охоты въ недѣлю и чувствовалъ себя хорошо; съ тѣхъ поръ, какъ онъ не дѣлаетъ этого, онъ боленъ.

— Очень просто,—замѣтила Марія Лагуттъ;—на воздухѣ разыгрывается аппетитъ. Г. докторъ долженъ былъ бы назначить по три большихъ охоты въ недѣлю, чтобы нагнать потерянное время.

— Достаточно было бы и двухъ,—серьезно замѣтилъ ловчій,—достаточно двухъ. Нужно отдохнуть собакамъ; собаки такія же созданія Божіи, какъ и люди.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія. Я слышалъ, какъ вѣтеръ ударялся въ окна и жалобно завывалъ въ бойницахъ.

Себальтъ закинулъ правую ногу на лѣвую, оперся локтемъ на колѣно и, опустивъ голову на руку, смотрѣлъ въ огонь съ выраженіемъ невыразимой грусти. Марія Лагуттъ, взявъ новую понюшку, постукивала по табакеркѣ, а я думалъ о странномъ свойствѣ любви, заставляющемъ ихъ надоѣдать другъ другу совѣтами.

Дворецкій всталъ

— Г. докторъ, вѣроятно, выпьетъ стаканъ вина,—сказалъ онъ, облокачиваясь на спинку моего кресла?

— Благодарю; я никогда не пью, когда иду къ больному.

— Какъ? Ни рюмки вина?

— Ни рюмочки.

Онъ широко раскрылъ глаза и съ удивленнымъ видомъ взглянулъ на жену.

— Г. докторъ правъ,—сказала она,—я сама люблю пить только во время ѣды, а потомъ выпить рюмку коньяку. Въ моей странѣ дамы пьютъ коньякъ; это гораздо благороднѣе водки.

Марія Лагуттъ еще заканчивала свои объясненія, когда Сперверъ пріотворилъ дверь и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Я поклонился честной компаніи и, выйдя въ коридоръ, услышалъ, какъ жена дворецкаго сказала своему мужу:

— Онъ очень хорошъ, этотъ молодой человѣкъ; изъ него вышелъ бы прекрасный карабинеръ.

Сперверъ казался обезпокоеннымъ; онъ ничего не говорилъ; я самъ былъ очень задумчивъ.

Черезъ нѣсколько шаговъ подъ мрачными сводами замка смѣшныя фигуры Тоби и Мари Лагуттъ совершенно исчезли

изъ моей памяти. Бѣдныя, безвредныя существа! Они жили, словно летучія мыши подъ могучимъ крыломъ ястреба.

Гедеонъ открылъ дверь въ великолѣпную комнату, обтянутую лиловымъ бархатомъ съ золочеными карнизами надъ занавѣсями. Она слабо освѣщалась поставленной на каминѣ бронзовой лампой съ хрустальнымъ матовымъ шаромъ. Густой мѣхъ ковровъ смягчалъ шумъ нашихъ шаговъ. Казалось, то было убѣжище безмолвія и размышленія.

Сперверъ вошелъ и приподнялъ тяжелыя занавѣси, закрывавшія готическое окно. Я видѣлъ, какъ онъ устремилъ свой взглядъ въ темноту, и понялъ его мысль: онъ смотрѣлъ, сидитъ ли еще колдунья среди равнины. Однако, онъ ничего не увидѣлъ, такъ какъ ночь была темная.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и при блѣдномъ сіяніи лампы разглядѣлъ какое-то хрупкое бѣлое существо, сидѣвшее на креслѣ готическаго стиля, невдалекѣ отъ больного.

Это была Одиль Нидекъ. Ея длинное, черное шелковое платье, мечтательный и грустный видъ, идеально благородныя черты напоминали мистическія созданія среднихъ вѣковъ, которыя современное искусство забываетъ, не будучи въ силахъ заставить насъ забыть ихъ.

Что произошло въ моей душѣ при видѣ этой бѣлой статуи? Не знаю. Въ моемъ волненіи было какое-то религіозное чувство. Внутреннее музыкальное чувство привело мнѣ на память старинныя баллады, слышанныя въ дѣтствѣ, набожныя пѣсни, которыя добрыя шварцвальдскія кормилицы напѣваютъ, чтобы успокоить наши первыя горести.

Одиль встала при моемъ приближеніи.

— Добро пожаловать, г. докторъ,—сказала она съ трогательной простотой; потомъ, указавъ на альковъ, прибавила:— мой отецъ тамъ.

Я низко поклонился и, ничего не отвѣтивъ—такъ я былъ взволнованъ—подошелъ къ ложу больного.

Сперверъ, стоя у изголовья кровати, держалъ высоко лампу одной рукой; въ другой у него была большая мѣховая шапка. Одиль стояла слѣва отъ меня. Свѣтъ, умѣряемый матовымъ стекломъ, слабо падалъ на лицо графа.

Меня сразу поразила странная физіономія графа; несмотря

на все мое почтительное восхищеніе его дочерью, я невольно сказалъ про себя:—Это старый волкъ!

Дѣйствительно, эта сѣдая голова съ короткими волосами, удивительно опухшая за ушами, со странно продолговатымъ лицомъ; этотъ суживающійся кверху лобъ, широкій внизу, расположеніе вѣкъ, заканчивавшихся подъ острымъ угломъ у начала носа, окаймленныхъ черными кругами и невполнѣ закрывавшихъ мутныя, холодныя глазныя яблоки; короткая, густая борода, окружавшая костлявыя челюсти—все въ этомъ человѣкѣ вызывало во мнѣ дрожь и странныя мысли о сходствѣ съ животнымъ приходили мнѣ на умъ.

Я совладалъ со своимъ волненіемъ и взялъ руку больного; она была суха и нервна, съ маленькой, жесткой кистью.

Съ медицинской точки зрѣнія я нашелъ, что пульсъ у больного частый, лихорадочный; состояніе его походило на столбнякъ.

Что дѣлать?

Я погрузился въ раздумье; меня страшно стѣсняло съ одной стороны присутствіе молодой графини, полной тревоги; съ другой стороны Сперверъ старался прочесть мои мысли по глазамъ, внимательно слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Я видѣлъ, что нельзя предпринять ничего серьезнаго.

Я опустилъ руку больного и прислушался къ его дыханію. Повременамъ грудь графа подымалась, какъ бы отъ рыданій; потомъ дыханіе ускорялось, становилось прерывистымъ. Очевидно, какой-то кошмаръ угнеталъ этого человѣка. Что это? Эпилепсія или столбнякъ? Не все ли равно... Причина... причина... вотъ что мнѣ нужно было узнать и что ускользало отъ меня.

Я въ раздумьѣ отошелъ отъ кровати.

— На что можно надѣяться, сударь?—спросила меня молодая дѣвушка.

— Вчерашній припадокъ близится къ концу, сударыня. Нужно предупредить новый приступъ.

— А это возможно, г. докторъ?

Я хотѣлъ было отвѣтить общими медицинскими мѣстами, не смѣя высказаться положительно, какъ вдругъ до нашихъ ушей донесся отдаленный звукъ колокола.

— Чужіе,—сказалъ Сперверъ.

Наступило молчаніе.

— Подите, посмотрите,—сказала Одиль; легкая тѣнь легла на ея лицо.—Боже мой! Какъ исполнять обязанности гостепріимства въ такихъ обстоятельствахъ?.. Это невозможно!

Дверь отворилась; въ темнотѣ показалась бѣлокурая головка съ розовымъ личикомъ и тихо проговорила:

— Г. баронъ Циммеръ-Блудерикъ со своимъ берейторомъ проситъ пристанища въ замкѣ... Онъ заблудился въ горахъ.

— Хорошо, Гретхенъ, — кротко отвѣтила молодая графиня.—Скажите дворецкому, чтобы онъ принялъ господина барона Циммера. Пусть ему скажутъ, что графъ боленъ и поэтому не можетъ самъ привѣтствовать его. Разбудите людей, и пусть все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

Нельзя описать благородной простоты, съ которой молодая хозяйка отдавала приказанія. Если благородство кажется наслѣдственнымъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ—это потому, что исполненіе долга, налагаемаго богатствомъ, возвышаетъ душу.

Я восхищался граціей, нѣжностью взгляда, благородствомъ Одиль Нидекъ, чистотой линій ея лица, которую можно найти только въ аристократическихъ сферахъ. Раздумывая объ этомъ, я напрасно старался найти въ моихъ воспоминаніяхъ что-либо подобное красотѣ графини.

— Ну, Гретхенъ, поторопитесь.

— Хорошо, сударыня.

Дѣвушка ушла, а я все еще нѣсколько секундъ сидѣлъ, какъ очарованный.

Одиль обернулась ко мнѣ.

— Какъ видите,—съ печальной улыбкой проговорила она,—нельзя предаваться печали; приходится разрываться между привязанностями и свѣтскими обязанностями.

— Правда, сударыня,—отвѣтилъ я,—избранныя души принадлежатъ всѣмъ несчастнымъ: заблудившійся путникъ, больной, голодный бѣднякъ—всѣ требуютъ ихъ участія, потому что Богъ создалъ ихъ, подобно звѣздамъ, для счастья всѣхъ.

Одиль опустила свои длинныя рѣсницы, а Сперверъ тихо пожалъ мнѣ руку.

— Ахъ, г. докторъ, если бы вы спасли моего отца!—послѣ минутнаго молчанія проговорила Одиль.

— Какъ я уже говорилъ вамъ, сударыня, припадокъ прошелъ. Нужно помѣшать его возвращенію.

— Надѣетесь вы на это?

— Съ Божьей помощью, безъ сомнѣнія, это не невозможно. Я подумаю.

Одиль, взволнованная, проводила меня до двери. Мы съ Сперверомъ прошли по передней, гдѣ нѣсколько слугъ ожидало приказаній хозяйки. Мы вошли въ коридоръ. Гедеонъ, шедшій впереди, вдругъ обернулся и положилъ мнѣ на плечи обѣ руки.

— Ну, Фрицъ,—сказалъ онъ, пристально смотря мнѣ въ глаза,—я—мужчина; ты можешь сказать мнѣ прямо, что ты думаешь.

— Сегодня ночью нечего опасаться.

— Да, я знаю, ты сказалъ это графинѣ; ну, а завтра?

— Завтра?..

— Да; не отворачивайся. Предположимъ, что тебѣ не удастся предотвратить припадка... Скажи мнѣ откровенно, Фрицъ, какъ ты думаешь, умретъ онъ въ этомъ случаѣ?

— Возможно, но я не думаю этого.

— Ну, если ты не думаешь, то, значитъ, увѣренъ вполнѣ!— вскрикнулъ Сперверъ, прыгая отъ радости.

И, взявъ меня подъ руку, онъ увлекъ меня въ галлерею. Мы только что вошли въ нее, какъ появились баронъ Циммеръ-Блудерикъ съ берейторомъ. Впереди нихъ шелъ Себальтъ съ зажженнымъ факеломъ. Они отправлялись въ отведенныя имъ комнату. Оба они, съ наброшенными на плеча плащами, въ высокихъ, мягкихъ венгерскихъ сапогахъ до колѣнъ, въ длинныхъ мундирахъ фисташковаго цвѣта, въ мохнатыхъ медвѣжьихъ шапкахъ, надвинутыхъ на головы, съ охотничьими ножами за поясомъ, имѣли странный, живописный видъ при бѣломъ свѣтѣ горящей смолы.

— Ну, если я не ошибаюсь, это тѣ, что мы видѣли въ Фрейбургѣ. Они послѣдовали за нами.

— Ты не ошибся; это они. Я узналъ младшаго по его высокому росту; у него орлиный профиль, и онъ носитъ усы à la Валленштейнъ.

Они исчезли въ боковомъ проходѣ.

Гедеонъ снялъ со стѣны факелъ и повелъ меня черезъ лаби-

ритъ коридоровъ, проходовъ съ высокими, стрѣльчатыми, готическими сводами. Переходы эти казались безконечными.

— Вотъ зала маркграфовъ,—говорилъ онъ,—вотъ портретная, часовня, въ которой не служатъ обѣдни съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ Лысый сталъ протестантомъ. Вотъ оружейная.

Все это мало интересовало меня.

Послѣ того, какъ мы поднялись наверхъ, намъ пришлось спускаться по цѣлому ряду лѣсенокъ. Наконецъ, слава Богу, мы добрались до маленькой массивной двери. Сперверъ вынулъ изъ кармана громадный ключъ и, передавъ мнѣ факелъ, сказалъ:

— Смотри за огнемъ. Будь внимателенъ.

Онъ толкнулъ дверь, и холодный наружный вѣтеръ ворвался въ коридоръ. Пламя стало колебаться, выбрасывая искры во всѣ стороны. Мнѣ показалось, что я стою на краю пропасти, и я отступилъ въ ужасѣ.

— А, а, а—вскрикнулъ Сперверъ, раскрывая до ушей свой большой ротъ,—а вѣдь ты словно боишься, Фрицъ! Иди впередъ... Не бойся... Мы на полянкѣ, которая ведетъ отъ замка къ старой башнѣ.

И онъ вышелъ изъ замка, чтобъ показать мнѣ примѣръ.

Снѣгъ покрывалъ площадку съ гранитной баллюстрадой; вѣтеръ, громко завывая, сметалъ снѣгъ. Тотъ, кто увидалъ бы съ равнины свѣтъ нашего колеблющагося факела, могъ бы сказать:—Что это они дѣлаютъ тамъ, въ облакахъ? Зачѣмъ прогуливаются въ такое время?

— Старая колдунья, можетъ быть, смотритъ на насъ,—подумалъ я и вздрогнулъ отъ этой мысли. Я плотнѣе укутался въ плащъ и, придерживая шляпу, побѣжалъ за Сперверомъ. Онъ подымалъ фонарь, чтобы освѣщать мнѣ путь, и шелъ большими шагами.

Мы поспѣшно вошли въ башню, а потомъ и въ комнату Гюга. Яркій огонь насъ встрѣтилъ своимъ веселымъ потрескиваніемъ. Какое счастье очутиться подъ защитой толстыхъ стѣнъ!

Я остановился, пока Сперверъ запиралъ дверь, и осмотрѣлъ великолѣпное жилище.

— Слава Богу!—вскрикнулъ я.—Мы можемъ отдохнуть.

— За хорошимъ ужиномъ, — прибавилъ Гедеонъ. — По-

смотри-ка лучше сюда, чѣмъ глазѣть по сторонамъ: задняя нога козули, два рябчика, щука съ синей спиной, съ петрушкой во рту. Холодное мясо и подогрѣтое вино—все, что я люблю. Я доволенъ Касперомъ; онъ хорошо понялъ мои приказанія.

Добрякъ Гедеонъ говорилъ правду:—холодное мясо и подогрѣтое вино—такъ какъ передъ огнемъ цѣлый рядъ бутылокъ подвергался пріятному дѣйствію тепла.

Я почувствовалъ, что во мнѣ пробуждается волчій аппетитъ, но Сперверъ, какъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ, сказалъ мнѣ:

— Фрицъ, не будемъ торопиться, устроимся сначала поудобнѣе; рябчики не улетятъ. Во-первыхъ, должно быть, сапоги жмутъ тебѣ ноги; послѣ восьми часовъ безпрерывнаго галопа хорошо перемѣнить обувь—это мой принципъ. Ну, садись, протяни твою ногу... Вотъ такъ. Ну, я держу ее... Отлично... Вотъ одинъ сапогъ и снятъ... Теперь другой... Такъ! Сунь ноги въ эти деревянные башмаки, сними свой плащъ и накинь этотъ кожанъ. Вотъ хорошо!

Онъ сдѣлалъ то же самое; потомъ крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Ну теперь, Фрицъ, за столъ! Работай съ своей стороны, а я буду съ моей и помни хорошенько старую нѣмецкую пословицу:—Если дьяволъ создалъ жажду, то, навѣрно, вино создалъ Господь Богъ!

III.

Мы ѣли съ тѣмъ блаженнымъ увлеченіемъ, которое вызывается десятичасовой скачкой по снѣгамъ Шварцвальда.

Сперверъ, набрасываясь то на заднюю часть козули, то на рябчиковъ и на щуку, бормоталъ съ набитымъ ртомъ:

— У насъ лѣса! У насъ мѣста, покрытыя верескомъ! У насъ пруды!

Потомъ онъ откидывался на спинку кресла, схватывалъ какую попало бутылку и прибавлялъ:

— У насъ есть также холмы, зеленые весной и пурпуровые осенью... За твое здоровье, Фрицъ!

— За твое Гедеонъ.

Чудесно было смотрѣть на насъ; мы любовались другъ другомъ.

Огонь трещалъ; вилки стучали; челюсти быстро работали, бутылки пѣнились; стаканы звенѣли, а снаружи вѣтеръ зимнихъ ночей, сильный горный вѣтеръ пѣлъ свою похоронную пѣсню, тотъ странный, печальный гимнъ, который онъ поетъ, когда эскадроны снѣга нападаютъ другъ на друга, борются, а блѣдная луна смотритъ на вѣчную битву.

Мало-по-малу нашъ аппетитъ успокаивался. Сперверъ наполнилъ стаканъ старымъ брумбергскимъ виномъ; пѣна дрожала на большихъ краяхъ стакана, который берейторъ подалъ мнѣ со словами:

— За выздоровленіе господина Іери-Ганса Нидека! Выпей до послѣдней капли, Фрицъ, чтобы Богъ услышалъ насъ.

Что мы и сдѣлали.

Потомъ онъ снова наполнилъ свой стаканъ и повторилъ громовымъ голосомъ:

— За выздоровленіе высокаго и могущественнаго господина Іери-Ганса Нидека, моего хозяина!

Съ серьезнымъ видомъ онъ опорожнилъ и этотъ стаканъ.

Чувство глубокаго удовлетворенія охватило обоихъ насъ, и мы считали себя счастливыми, что живемъ на свѣтѣ.

Я откинулся въ креслѣ, задравъ носъ, опустивъ руки и принялся разсматривать мою резиденцію.

Это былъ низкій сводъ, высѣченный прямо въ скалѣ, настоящій очагъ изъ цѣльнаго куска, достигавшій не болѣе двѣнадцати футовъ въ вершинѣ дуги. Въ глубинѣ я увидѣлъ большую нишу, въ которой стояла моя кровать, очень низкая, съ медвѣжьей шкурой вмѣсто одѣяла; въ этой нишѣ была другая, поменьше, украшенная статуэткой Святой Дѣвы, высѣченной изъ той же глыбы гранита и увѣнчанной пучкомъ увядшей травы.

— Ты осматриваешь свою комнату,—сказалъ Сперверъ.— Не очень-то грандіозно, чортъ возьми! Не сравнить съ аппартаментами въ замкѣ. Мы въ башнѣ Гюто; она стара, какъ гора, Фрицъ, и относится ко временамъ Карла Великаго. Въ то время, видишь, люди еще не умѣли строить высокихъ, широкихъ, круглыхъ или острокопечныхъ сводовъ; они высѣкали въ камнѣ.

— Какъ бы то ни было, ты упряталъ меня въ страшную дыру, Гедеонъ.

— Ошибаешься, Фрицъ, это почетная зала. Здѣсь помѣщаютъ друзей графа, когда они пріѣзжаютъ къ нему; понимаешь, старая башня Гюга—это самое лучшее въ замкѣ.

— Кто такой этотъ Гюгъ?

— Гюгъ-Волкъ.

— Какъ, Гюгъ-Волкъ? Что это значитъ?

— Глава рода Нидекъ, страшный сорви-голова. Онъ поселился здѣсь съ двадцатью рейтарами и тѣлохранителями своего отряда. Они взобрались на эту скалу, самую высокую въ этихъ горахъ. Завтра ты самъ увидишь. Они выстроили эту башню, а потомъ сказали себѣ:—Мы—господа! Горе тѣмъ, кто захочетъ проѣхать безъ выкупа; мы нападемъ на нихъ, какъ волки; мы съѣдимъ у нихъ шерсть на спинѣ, а если за шерстью послѣдуетъ и кожа—тѣмъ лучше! Отсюда далеко видно: мы можемъ видѣть ущелья долины Рее, Штейнбаха, Рошъ-Платъ, всей линіи Шварцвальда. Берегитесь купцы!—И они поступили такъ, какъ сказали. Гюгъ-Волкъ былъ ихъ предводителемъ. Все это мнѣ разсказалъ вчера Кнапвурстъ, вчера вечеромъ.

— Кнапвурстъ?

— Маленькій горбунъ... тотъ, что намъ открылъ рѣшетку. Такой чудакъ, Фрицъ, важно сидитъ въ библіотекѣ.

— Ага! У васъ, въ Нидекѣ, есть и ученый.

— Да, бездѣльникъ!.. Вмѣсто того, чтобы сидѣть въ своей сторожкѣ, онъ цѣлый день проводитъ въ томъ, что стряхиваетъ пыль со старыхъ фамильныхъ пергаментовъ. Онъ расхаживаетъ по полкамъ библіотеки, словно большая крыса. Этотъ Кнапвурстъ знаетъ всю нашу исторію лучше насъ самихъ. Вотъ-то поразсказалъ бы онъ тебѣ, Фрицъ! Онъ называетъ это хрониками!.. Ха, ха, ха!

И Сперверъ, повеселѣвшій отъ стараго вина, хохоталъ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, самъ не зная, почему.

— Итакъ, Гедеонъ,—сказалъ я,—эта башня называется башней Гюга... Гюга-Волка?

— Чортъ возьми, я уже говорилъ!.. Это тебя удивляетъ?

— Нѣтъ!

— Нѣтъ, удивляетъ; я вижу это по твоему лицу; о чемъ ты думаешь?.. О чемъ ты думаешь?

— Боже мой... удивляетъ меня вовсе не названіе этой башни; я думаю, какъ это я нахожу тебя, стараго браконьера, съ дѣтства видѣвшаго только сосны, снѣжныя вершины Вальдгорна, ущелья долины Рее, тебя, который въ молодости только и дѣлалъ, что дразнилъ сторожей графа Нидека, бѣгалъ по тропинкамъ Шварцвальда, бродилъ по лѣсамъ, вдыхалъ свѣжій воздухъ, горячіе лучи солнца, велъ свободную лѣсную жизнь—какъ это я нахожу тебя черезъ шестнадцать лѣтъ здѣсь, въ этой красной гранитной кишкѣ? Вотъ что удивляетъ меня, чего я не могу понять. Ну, Сперверъ, зажигай трубку и разскажи мнѣ, какъ это случилось.

Бывшій браконьеръ вынулъ изъ своей кожаной куртки черную трубку; медленно набилъ ее, взялъ на ладонь уголь и положилъ его въ трубку; потомъ поднялъ голову, устремилъ глаза въ пространство и заговорилъ съ задумчивымъ видомъ.

— Старые сокола, старые кречеты и старые ястреба долго летаютъ на свободѣ, а кончаютъ тѣмъ, что поселяются въ расщелинѣ скалы. Да, правда: я любилъ свѣжій воздухъ; люблю и теперь; но вмѣсто того, чтобы сидѣть вечеромъ на высокой вѣткѣ и раскачиваться отъ вѣтра, теперь я предпочитаю вернуться въ мою берлогу, выпить хорошенько... спокойно разрѣзать кусочекъ дичи и высушить мои перья передъ хорошимъ огнемъ. Графъ Нидекъ не презираетъ Спервера, стараго сокола, настоящаго лѣсного человѣка. Однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ меня при свѣтѣ луны и сказалъ:—Товарищъ, ты охотишься всегда одинъ; приходи охотиться со мной. У тебя хорошій клювъ, хорошіе когти. Ну, продолжай охотиться, потому что это у тебя въ крови, но охотиться съ моего позволенія, потому что я—орелъ этой горы; меня зовутъ Нидекъ!

Сперверъ помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ продолжалъ:

— Ну, что же! Это мнѣ было удобно. Я попрежнему охочусь и распиваю спокойно бутылку вина съ пріятелемъ.

Въ эту минуту дверь затряслась. Сперверъ остановился и прислушался.

— Это порывъ вѣтра,—сказалъ я.

— Нѣтъ, это другое. Развѣ ты не слышишь, что это скребутся когти?.. Это сорвавшаяся собака. Сюда, Ліэверлэ! Сюда, Блитцъ!—крикнулъ, вставая, Сперверъ; но онъ не сдѣлалъ и

двухъ шаговъ, какъ датская собака страшнаго вида вбѣжала въ башню, положила лапы на шею старика и принялась лизать своимъ большимъ розовымъ языкомъ его бороду и щеки съ трогательными криками радости.

Сперверъ положилъ руку на шею собаки и обернулся ко мнѣ.

— Фрицъ,—сказалъ онъ,—кто изъ людей могъ бы такъ любить меня?.. Взгляни на эту голову, эти глаза, зубы.

Онъ отвернулъ губы собаки и показалъ мнѣ клыки, которые могли бы разорвать буйвола. Потомъ онъ съ трудомъ оттолкнулъ собаку, которая удвоила ласки.

— Пусти, Ліэверлэ; я знаю, что ты меня любишь. Чортъ возьми! Кто бы любилъ меня, если бы не ты?

И Гедеонъ пошелъ запереть дверь.

Никогда не видалъ я такого страшнаго животнаго, какъ этотъ Ліэверлэ; ростомъ онъ былъ двухъ съ половиною футовъ. Это была сильная охотничья собака, съ широкимъ приплюснутымъ лбомъ, съ тонкой кожей, вся сотканная изъ нервовъ и мускуловъ, съ живыми глазами, широкой грудью, плечами и боками, но безъ чутья. Дай такой собакѣ носъ таксы—и дичь живо перевелась бы, вся, безъ остатка.

Сперверъ вернулся, сѣлъ и, положивъ руку на голову своего Ліэверлэ, съ гордостью перечислялъ мнѣ его достоинства.

Ліэверлэ, казалось, понималъ его.

— Знаешь, Фрицъ, эта собака душитъ волка, вцѣпляясь въ него... Это можно сказать совершенство по смѣлости и силѣ. Ему пѣтъ пяти лѣтъ, и онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Мнѣ не нужно тебѣ говорить, что онъ дрессированъ для охоты на кабана. Каждый разъ, какъ мы встрѣчаемъ стадо кабановъ, я боюсь за моего Ліэверлэ: онъ бросается слишкомъ смѣло, летитъ, какъ стрѣла. Поэтому я дрожу при мысли, что кабанъ можетъ его хватить клыкомъ. Ложись тамъ, Ліэверлэ—крикнулъ Сперверъ,—ложись на спину!

Собака послушалась и легла.

— Посмотри, Фрицъ, на бѣлую полосу, которая начинается подъ ляжкой и идетъ до груди: это сдѣлалъ кабанъ. Бѣдное животное! Оно все же не выпускало его уха изъ своихъ челюстей. Мы шли по кровавому слѣду. Я прискакалъ первымъ. Увидя моего Ліэверлэ, я вскрикнулъ, соскочилъ на землю, схватилъ его въ охапку, завернулъ въ плащъ и отправился сюда. Я

былъ внѣ себя! Къ счастью, кишки не были затронуты. Я зашилъ ему брюхо. Ахъ, чортъ возьми, какъ онъ выдъ... Онъ страдалъ; но черезъ три дня онъ уже зализывалъ свои раны; собака, которая лижетъ свои раны, спасена. Помнишь, Ліэверлэ? Зато и любимъ же мы другъ друга.

Я былъ искренне растроганъ привязанностью человѣка къ собакѣ и собаки къ человѣку; они смотрѣли въ глубину души другъ друга. Собака виляла хвостомъ; у человѣка были слезы на глазахъ.

Сперверъ продолжалъ:

— Какая сила!.. Видишь, Фрицъ; онъ разорвалъ веревку, чтобы придти повидаться со мной; очень толстую веревку. Онъ нашелъ мой слѣдъ. Ну, Ліэверлэ, лови!

И онъ бросилъ остатокъ задней ноги козули. Собака схватила кусокъ, причемъ челюсти ея сильно щелкнули. Сперверъ взглянулъ на меня со странной улыбкой и сказалъ:

— Фрицъ, если бы онъ схватилъ тебя за штаны, немного осталось бы отъ тебя.

— Какъ и отъ всякого другого, чортъ возьми!

Собака легла подъ колпакъ камина, вытянувъ свою худую спину и держа мясо въ переднихъ лапахъ. Она начала разрывать его на кусочкамъ. Сперверъ поглядывалъ на нее искоса съ довольнымъ видомъ. Кости такъ и хрустѣли на зубахъ Ліеверлэ; онъ любилъ мозгъ.

— Да,—проговорилъ старый браконьеръ,—что бы ты сдѣлалъ, если бы тебѣ поручили отнять у него кость?

— Чортъ возьми! Трудное было бы порученіе!

И мы оба расхохотались отъ всего сердца. Сперверъ, растянувшійся въ своемъ кожаномъ коричневомъ креслѣ, опустивъ лѣвую руку, поставилъ одну ногу на скамеечку, другую протянулъ къ полѣну, которое трещало и шипѣло въ каминѣ, и выпускалъ спиралями синеватый дымъ къ вершинѣ свода.

Я продолжалъ смотрѣть на собаку; вдругъ мнѣ пришелъ на память прерванный разговоръ.

— Послушай, Сперверъ, ты не все сказалъ мнѣ,—замѣтилъ я.—Если ты покинулъ гору для замка, то причиной этому была смерть Гертруды, твоей доброй, достойной жены.

Гедеонъ, нахмурилъ брови; взоръ его затуманился слезой; онъ выпрямился и выколотилъ золу изъ трубки объ ноготь.

— Ну да,—сказалъ онъ,—правда, моя жена умерла!.. Вотъ что выгнало меня изъ лѣса. Я не могъ безъ скрежета зубовъ видѣть долину Рошъ-Крезъ; я рѣже охочусь въ верескѣ, но вижу ее сверху, и когда, случайно, стая гончихъ поворачиваетъ туда, я посылаю все къ чорту! Я возвращаюсь назадъ... я стараюсь думать о чемъ-нибудь другомъ.

Сперверъ сталъ мраченъ. Онъ молчалъ, опустивъ голову; я раскаивался, что вызвалъ въ немъ грустныя воспоминанія. Потомъ мнѣ вспомнилась «Чума», сидящая на корточкахъ, и я почувствовалъ, что дрожь пробѣжала у меня по тѣлу.

Странное впечатлѣніе! Слово, одно слово навело насъ на цѣлый рядъ грустныхъ размышленій. Случайно возникъ цѣлый міръ воспоминаній.

Не знаю, сколько времени продолжалось наше молчаніе, какъ вдругъ какой-то глухой, страшный звукъ, похожій на отдаленный гулъ грозы, заставилъ насъ вздрогнуть.

Мы взглянули на собаку. Она продолжала держать въ переднихъ лапахъ полуизгрызанную кость, но, приподнявъ голову и правое ухо, прислушивалась съ блестящими глазами... прислушивалась въ молчаніи; дрожь гнѣва пробѣгала по ея тѣлу.

Сперверъ и я переглянулись, поблѣднѣвъ: снова ни шума, ни звука; вѣтеръ спалъ; ничего не было слышно кромѣ непрерывнаго, глухого ворчанія, вырывавшагося изъ груди собаки.

Вдругъ она вскочила и бросилась къ стѣнѣ съ сухимъ, хриплымъ, ужаснымъ лаемъ, раздавшимся подъ сводами, словно ударъ грома.

Ліэверлэ, опустивъ голову, казалось, смотрѣлъ сквозь гранитъ; изъ-подъ приподнятыхъ губъ виднѣлись два ряда бѣлоснѣжныхъ зубовъ. Онъ продолжалъ ворчать. По временамъ онъ вдругъ останавливался, прижимался мордой къ углу стѣны и тяжело дышалъ; потомъ съ гнѣвомъ подымался и пробовалъ рыть гранитъ передними лапами.

Мы наблюдали за собакой, ничего не понимая.

Второй взрывъ яростнаго лая, ужаснѣе прежняго, заставилъ насъ вскочить.

— Ліэверлэ!—вскрикнулъ Сперверъ, бросаясь къ нему.— Что съ тобой, чортъ возьми? Взбѣсился ты, что ли?

Онъ схватилъ полѣно и сталъ ударять имъ, зондируя стѣну,

толстую, какъ скала. Нигдѣ не было замѣтно пустоты; собака продолжала дѣлать стойку.

— Право, Ліэверлэ, тебѣ приснился дурной сонъ,—сказалъ старый браконьеръ.—Ну, ложись, не разстраивай моихъ нервовъ.

Какъ разъ въ эту минуту до насъ донесся шумъ снаружи. Дверь отворилась, и толстый, почтенный Тоби Оффенлохъ, съ большимъ фонаремъ въ одной рукѣ, съ тростью въ другой, въ съѣхавшей на затылкѣ треуголкѣ, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, показался на порогѣ.

— Привѣтъ, честная компанія!—проговорилъ онъ.—Что это вы тутъ дѣлаете?

— Да вотъ эта тварь Ліэверлэ поднялъ такой шумъ,—сказалъ Сперверъ.—Представьте себѣ, ощетинился на эту стѣну. Хотѣлъ бы узнать, чего ради?

— Чортъ возьми! Вѣроятно, онъ услышалъ стукъ моей деревяшки по лѣстницѣ башни,—смѣясь, сказалъ добрякъ.

Онъ поставилъ фонарь на столъ и продолжалъ:

— Это научитъ васъ привязывать вашихъ собакъ, господинъ Гедеонъ. Вы такъ слабы съ вашими собаками, такъ слабы! Эти проклятыя животныя скоро выгонятъ насъ. Сейчасъ, въ большой галлереѣ, я встрѣтилъ вашего Блитца; онъ бросился на мою ногу; посмотрите: вотъ слѣды его зубовъ! Нога совсѣмъ новая! Каналья!

— Привязывать моихъ собакъ! Вотъ-то хорошо!—проговорилъ Сперверъ.—Привязанныя собаки ничего не стоютъ; онѣ слишкомъ дичаютъ. И развѣ Ліэверлэ не былъ привязанъ? У бѣднаго животнаго и теперь еще веревка на шеѣ.

— Ну да я говорю не ради себя. Когда онѣ подходятъ ко мнѣ, я подымаю трость и выставляю впередъ мою деревянную ногу; я говорю о дисциплинѣ: собаки должны быть въ конурахъ, кошки на чердакахъ, а люди въ замкѣ.

Тоби сѣлъ при этихъ послѣднихъ словахъ и, опершись обоими локтями на столъ, вытаращивъ глаза отъ удовольствія, сказалъ тихимъ, довѣрчивымъ тономъ:

— Знаете, господа, сегодня я холостякъ.

— Вотъ какъ!

— Да, Марія-Анна дежуритъ съ Гертрудой въ передней его сіятельства.

— Такъ что вы не торопитесь?

— Нисколько!

— Какое горе, что вы пришли слишкомъ поздно,—сказалъ Сперверъ,—всѣ бутылки пусты.

Разстроенный видъ старика тронулъ меня. Ему такъ хотѣлось воспользоваться своимъ соломеннымъ вдовствомъ! Но, несмотря на всѣ усилія, я не могъ удержаться отъ сильной зѣвоты.

— Ну, въ другой разъ,—сказалъ онъ.—Отложенное не потеряно!

Онъ взялъ свой фонарь.

— Спокойной ночи, господа.

— Эй, погодите,—крикнулъ Гедеонъ,—я вижу, Фрицъ хочетъ спать, мы выйдемъ вмѣстѣ.

— Охотно, Сперверъ; охотно; по пути зайдемъ къ дворецкому Трумперу; онъ внизу съ остальными; Кнопвурстъ разсказываетъ имъ всякія исторіи.

— Хорошо. Спокойной ночи, Фрицъ.

— Спокойной ночи, Гедеонъ; не забудь позвать меня, если графу станетъ хуже.

— Будь спокоенъ.—Эй, Ліэверлэ!

Они вышли. Когда они проходили по двору, я услышалъ, какъ пробило одиннадцать.

Я изнемогалъ отъ усталости.

IV.

Въ единственное окно башни проникали синеватые лучи разсвѣта, когда отдаленные звуки охотничьяго рога разбудили меня въ моей гранитной нишѣ.

Нѣтъ ничего печальнѣе, меланхоличнѣе вибраціи этого инструмента на разсвѣтѣ, когда все вокругъ еще молчитъ, когда ни одно дыханіе, ни одинъ вздохъ не нарушаютъ безмолвіе уединенія; въ особенности послѣдняя, продолжительная нота, несущаяся по громадной равнинѣ, пробуждая далеко-далеко эхо къ горѣ, имѣетъ въ себѣ что-то высоко поэтичное, трогающее сердце.

Опершись локтемъ на медвѣжью шкуру я слушалъ этотъ жалобный голосъ, вызывавшій воспоминанія о феодальныхъ временахъ. Видъ моей комнаты, этой странной берлоги Нидекскаго волка, низкаго, мрачнаго, тяжелаго свода, маленькаго окна со

свинцовыми оконницами, болѣе широкаго, чѣмъ высокаго и глубоко вдавшагося въ стѣну, возбуждалъ во мнѣ еще болѣе суровыя воспоминанія.

Я всталъ поспѣшно, подбѣжалъ къ окну и широко распахнулъ его.

Тутъ меня ожидало зрѣлище, котораго не можетъ описать никакое человѣческое слово, зрѣлище, которое дикій орелъ высокихъ Альпъ видитъ каждое утро при поднятіи пурпуровой завѣсы на горизонтѣ: горы!.. горы!.. горы!.. Неподвижныя волны, которыя выравниваются и исчезаютъ въ отдаленныхъ туманахъ Вогезовъ; — громадные лѣса, озера, ослѣпительныя вершины; крутыя линіи ихъ вырисовываются на синеватомъ фонѣ долинъ, покрытыхъ снѣгомъ. А дальше—безконечность!

Какой энтузіазмъ можетъ возбудить подобная картина!

Я былъ внѣ себя отъ восторга. Каждый взглядъ открывалъ новыя подробности: села, фермы, деревни, какъ бы выростали въ каждой складкѣ земли. Куда ни посмотришь—какой видъ!

Я стоялъ такъ уже четверть часа, когда чья-то рука медленно легла мнѣ на плечо; я обернулся; спокойное лицо и молчаливая улыбка Гедеона привѣтствовали меня.

Онъ облокотился, рядомъ со мной, на окно и курилъ трубку.— Онъ протянулъ руку въ безконечность и сказалъ мнѣ:

— Взгляни, Фрицъ, взгляни... Ты, сынъ Шварцвальда, долженъ любить это! Взгляни вонъ туда!.. туда!.. «Рошъ-Фандю». Видишь? Помнишь ты Гертруду?.. О, какъ все это далеко!

Спервъ отеръ слезу; что могъ я отвѣтить ему?

Мы погрузились въ созерцаніе, взволнованные такимъ величіемъ. Иногда старый браконьеръ, замѣтивъ, что я смотрю въ какую-нибудь точку на горизонтѣ, говорилъ мнѣ:

— Это—Тифенталь! Ты видишь потокъ Штейнбалъ, Фрицъ? Онъ повисъ ледяной бахромой на плечѣ Харберга: холодный плащъ для зимы!—А вотъ та тропинка ведетъ въ Фрейбургъ; недѣли черезъ двѣ мы съ трудомъ отыщемъ ее.

Такъ прошло больше часа.

Я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища. Нѣсколько хищныхъ птицъ, съ вырѣзными крыльями, съ хвостомъ въ видѣ вѣера, летали вокругъ башни; наверху пролетали цапли, избѣгая когтей хищниковъ, благодаря высотѣ своего полета.

Ни одного облачка; весь снѣгъ былъ на землѣ. Охотничій рогъ въ послѣдній разъ привѣтствовалъ гору.

— Это плачетъ мой другъ Себальтъ,—сказалъ Сперверъ,— хорошій знатокъ собакъ и лошадей и, кромѣ того, первый трубачъ въ рогъ въ Германіи. Прислушайся, Фрицъ, какъ нѣжно!.. Бѣдный Себальтъ! Онъ таетъ со времени болѣзни его сіятельства; онъ не можетъ охотиться, какъ прежде. Вотъ его единственное утѣшеніе: каждое утро, при восходѣ солнца, онъ подымается на Альтенбергъ и играетъ любимыя пѣсни графа. Онъ думаетъ, что это можетъ вылѣчить больного.

Сперверъ, съ тактомъ человѣка, умѣющаго восторгаться, не мѣшалъ моему созерцанію; но, когда я, ослѣпленный сильнымъ свѣтомъ, взглянулъ во тьму башни, онъ сказалъ:

— Фрицъ, все идетъ хорошо; у графа не было припадка.

Эти слова вернули меня къ дѣйствительности.

— А! Тѣмъ лучше... тѣмъ лучше!

— Это ты помогъ ему, Фрицъ.

— Какъ я? Я ничего не предписывалъ ему.

— Ну, такъ что же? Ты былъ тутъ.

— Ты шутишь, Гедеонъ; что значитъ мое присутствіе, разъ я ничего не предписываю больному?

— Ты ему приносишь счастье.

Я пристально взглянулъ ему въ глаза; онъ не смѣялся.

— Да, Фрицъ, ты приносишь счастье; прошлые годы у нашего господина послѣ перваго припадка на слѣдующій день бывалъ второй, потомъ третій, четвертый. Ты мѣшаешь этому, останавливаешь болѣзнь. Это ясно.

— Не очень, Сперверъ; напротивъ, я нахожу, что это очень неясно.

— Поживешь—научишься, — возразилъ Сперверъ. — Знай, Фрицъ, что есть люди, которые приносятъ счастье и другіе, которые приносятъ несчастье. Напримѣръ, Кнапвурстъ всегда приноситъ мнѣ несчастье. Каждый разъ, какъ я встрѣчаю его, отправляясь на охоту, я увѣренъ, что случится что-нибудь: или мое ружье дастъ осѣчку, или я вывихну себѣ ногу, или кабанъ разорветъ собаку... Зная это, я и стараюсь отправиться пораньше, пока малый, который спитъ, какъ сурокъ, не откроетъ глазъ; или выхожу задней дверью. Понимаешь?

— Понимаю очень хорошо; но твои мысли мнѣ кажутся очень странными, Гедеонъ.

— Ты, Фрицъ,—продолжалъ онъ, не слушая меня,—ты славный, достойный малый; небо осыпало твою голову безчисленными благодѣяніями; достаточно увидѣть твое хорошее лицо, твой откровенный взглядъ, твою улыбку, полную доброты, чтобы на сердце стало радостно... Положительно, ты приносишь счастье людямъ... я всегда говорилъ это... а доказательство... хочешь доказательства?

— Да, чортъ возьми! Мнѣ хотѣлось бы узнать, какія добродѣтели скрываются въ моей особѣ.

— Ну, такъ взгляни туда,—сказалъ онъ, хватая меня за руку.

Онъ показалъ мнѣ на холмъ, находившійся отъ замка на разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ карабина.

— Видишь, ты, вонъ ту скалу, занесенную снѣгомъ?

— Отлично вижу.

— Посмотри вокругъ... ты ничего не видишь?

— Ничего.

— Чортъ возьми! Это очень просто—ты прогналъ «Чуму». Каждый годъ, при второмъ припадкѣ, ее видѣли тамъ, сидящую на корточкахъ. Ночью она разводила огонь, грѣлась и варила коренья. Проклятіе! Сегодня утромъ, первое—что я сдѣлалъ—влѣзъ сюда. Я подымаюсь на сигнальную башенку, смотрю: ушла старая негодяйка! Напрасно я прикладываю руку къ глазамъ, смотрю направо, налѣво, вверхъ, внизъ, на равнину, на гору—ничего, ничего! Она почуяла тебя, это вѣрно.

Старикъ съ восторгомъ обнялъ меня и проговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Фрицъ! Фрицъ, какое счастье, что я привезъ тебя сюда! Вотъ-то сердится старуха... Ха, ха, ха!

Признаюсь, мнѣ было стыдно, что за мной оказались такія заслуги, о которыхъ я и не подозрѣвалъ.

— Итакъ, Сперверъ,—сказалъ я,—графъ хорошо провелъ эту ночь?

— Очень хорошо.

— Тѣмъ лучше; спустимся внизъ.

Мы снова прошли по площадкѣ и я лучше могъ разглядѣть

валъ, достигавшій громадной высоты; онъ шелъ уступами отвѣсно по скалѣ, надъ пропастью.

У меня закружилась голова, когда я заглянулъ туда; я съ ужасомъ отступилъ на середину площадки и быстро вошелъ въ коридоръ, который шелъ къ замку.

Мы прошли нѣсколько коридоровъ; по пути намъ попалась большая открытыя дверь; я заглянулъ въ нее и увидѣлъ наверху двойной лѣстницы маленькаго гнома, Кнапвурста, смѣшная физіономія котораго поразила меня вчера вечеромъ.

Зала, въ которую я заглянулъ, привлекла мое вниманіе своимъ внушительнымъ видомъ. Это была зала, гдѣ хранились архивы Нидека, высокая, мрачная, пыльная комната съ большими стрѣльчатыми окнами, начинавшимися у вершины свода и оканчивавшимися на разстояніи двухъ метровъ отъ паркета.

Тамъ, на большихъ полкахъ, хранились собранные старинными аббатами документы, бумаги, генеалогическое древо Нидековъ, въ которомъ указывались ихъ права, браки, историческія отношенія къ самымъ знаменитымъ фамиліямъ Германіи; сборники миннезингеровъ и большія изданія Гутенберга и Фауста, замѣчательныя не только своимъ происхожденіемъ, но и монументальной солидностью своихъ переплетовъ.—Тѣни свода, покрывавшія холодныя стѣны своими сѣрыми очертаніями, будили воспоминанія о старинныхъ средневѣковыхъ монастыряхъ, а гномъ, сидѣвшій на верху лѣстницы, держа огромный томъ съ краснымъ обрѣзомъ на кривыхъ колѣняхъ, съ головой, ушедшей въ мѣховую шапку, съ сѣрыми глазами, приплюснутымъ носомъ, съ сжатыми въ раздумьѣ губами, широкими плечами, худыми членами и круглой спиной, казался естественнымъ хозяиномъ, фамулусомъ, крысой, какъ называлъ его Сперверъ, этого послѣдняго убѣжища науки въ замкѣ Нидекъ.

Но что придавало особенное историческое значеніе залѣ архивовъ—это фамильные портреты, занимавшіе цѣлую стѣну старинной библіотеки. Тутъ были всѣ—мужчины и женщины, начиная съ Гюго-Волки до Іери-Ганса, нынѣшняго хозяина замка; начиная отъ грубаго наброска варварскихъ временъ до совершеннаго творенія самыхъ знаменитыхъ художниковъ.

Понятно, что мой взглядъ направился въ эту сторону.

Гюго 1-й, лысый, казалось, смотрѣлъ на меня, какъ смо-

тритъ волкъ въ лѣсу. Сѣрые, налитые кровью глаза, рыжая борода, большія волосатыя уши придавали ему свирѣпый видъ, наводившій на меня страхъ.

Рядомъ съ нимъ, словно ягненокъ рядомъ съ хищнымъ звѣремъ портретъ молодой женщины съ нѣжными, грустными глазами, съ высокимъ лбомъ, со сложенными на груди руками держащими молитвенникъ, съ густыми, бѣлокурыми, шелковистыми волосами, окружавшими золотымъ ореоломъ блѣдное лицо, привлекшее мое вниманіе сильнымъ сходствомъ съ Одиль Нидекъ.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе нѣжнаго и очаровательнаго, чѣмъ эта старинная картина съ нѣсколько жесткими и сухими контурами, но восхитительная по своей наивности.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ я смотрѣлъ на нее, но потомъ мое вниманіе было привлечено портретомъ другой женщины, висѣвшимъ рядомъ. Представьте себѣ вестготскій типъ въ его первоначальной чистотѣ: широкій и низкій лобъ, желтые глаза, выдающіяся скулы, рыжіе волосы, орлиный носъ.

— Какъ эта женщина должна была подходить къ Гюгу,— подумалъ я про себя.

Я сталъ разсматривать ея костюмъ; онъ соотвѣтствовалъ энергичному выраженію лица; правая рука женщины опиралась на мечъ; желѣзныя латы сжимали талію.

Трудно было бы описать размышленія, которыя волновали меня при видѣ этихъ трехъ лицъ-; мой взоръ переходилъ отъ одного къ другому съ страннымъ любопытствомъ. Я не могъ оторваться отъ портретовъ.

Сперверъ остановился на порогѣ библіотеки и издалъ рѣзкій свистъ. Кнапвурстъ, не трогаясь, смотрѣлъ на него съ высоты лѣстницы.

— Это ты меня высвистываешь какъ собаку?—спросилъ гномъ.

— Да, злая крыса, я дѣлаю это въ твою честь.

— Слушай Сперверъ,—тономъ величайшаго презрѣнія проговорилъ Кнапвурстъ,—что ты ни дѣлай, ты не можешь достигнуть до высоты моего башмака. Попробуй ка,—прибавилъ онъ подымая ногу.

— А если я подымусь по лѣстницѣ?

— Я хвачу тебя этимъ томомъ.

Гедеонъ разсмѣялся.

— Не сердись, горбунъ, не сердись,—сказалъ онъ.—Я не желаю тебѣ зла; напротивъ, я чувствую уваженіе къ твоимъ познаніямъ. Но что ты дѣлаешь такъ рано съ лампой, чортъ возьми? Можно подумать, что ты провелъ тутъ ночь.

— Это правда; я провелъ ее за чтеніемъ.

— Развѣ дни недостаточно длинны для тебя?

— Нѣтъ; меня занимаетъ важный вопросъ; я засну только послѣ того какъ разрѣшу его.

— Чортъ возьми!—А что это за вопросъ?

— Я хочу узнать, при какихъ обстоятельствахъ Людвигъ Пидекъ нашелъ моего предка, Отто Карлика въ Тюрингенскихъ лѣсахъ. Знаешь, Сперверъ, мой предокъ Отто былъ ростомъ въ локоть — приблизительно, въ полтора фута. Онъ очаровывалъ свѣтъ своимъ умомъ и съ почетомъ фигурировалъ на коронаціи герцога Рудольфа. Графъ Людвигъ спряталъ его внутри жаренаго павлина, поданнаго на столъ цѣликомъ въ перьяхъ и съ хвостомъ; это было одно изъ самыхъ лучшихъ блюдъ того времени наравнѣ съ маленькими поросятами, наполовину вызолоченными и посеребренными. Во время пира Отто распускалъ хвостъ павлина и всѣ вельможи, придворные и важныя дамы удивлялись остроумному механизму. Наконецъ, Отто вышелъ со шпагой въ рукѣ и закричалъ громкимъ голосомъ:—Да здравствуетъ герцогъ Рудольфъ! — и вся зала повторила это восклицаніе. Бернгардъ Гертцогъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ; но не говоритъ, откуда явился этотъ карликъ, былъ ли онъ высокаго или низкаго происхожденія; послѣднее, впрочемъ, мало вѣроятно: у простыхъ людей не бываетъ такого ума.

Гордость такого маленькаго человѣчка поразила меня; но крайнее любопытство заставляло меня щадить его: только онъ могъ дать мнѣ нѣкоторыя разъясненія насчетъ двухъ портретовъ, висѣвшихъ справа отъ потрета Гюго.

— Г. Кнанвурстъ,—сказалъ я почтительнымъ тономъ,—не будете ли вы такъ любезны, не разъясните ли мнѣ одно сомнѣніе?

Польщенный моей вѣжливостью человѣчекъ отвѣтилъ:

— Говорите, сударь; если дѣло касается хроникъ,—я готовъ удовлетворить васъ. Остальное не интересуетъ меня.

— Вотъ именно; я хотѣлъ бы узнать, кто изображенъ на второмъ и на третьемъ портретѣ вашей галлереи?

— А!—сказалъ Кнапвурстъ, и лицо его оживилось.—Вы говорите о Гедвигѣ и Хульдинѣ—двухъ женахъ Гюго?

Онъ положилъ на мѣсто томъ и сошелъ съ лѣстницы, чтобы на свободѣ поговорить со мною. Глаза его блестѣли; видно было, что тщеславіе одолѣвало его; онъ радовался, что можетъ выказать свои познанія.

Онъ подошелъ ко мнѣ и поклонился съ важнымъ видомъ. Сперверъ стоялъ за нами, очень довольный, что можетъ показать мнѣ нидекскаго карлика. Несмотря на то, что, по его мнѣнію, Кнапвурстъ приносилъ несчастье, старый браконьеръ уважалъ его ученость и восхвалялъ ее.

— Сударь,—сказалъ Кнапвурстъ, протягивая свою длинную, желтую руку къ потретамъ.—Гюго фонъ Нидекъ, первый изъ своего рода, женился въ 832 г. на Гедвигѣ фонъ Лютцельбургъ, которая принесла ему въ приданое графства Гиромани, Верхній-Барръ, замки Геральдзекъ, Тейфельгорнъ и другіе. Гюго Волкъ не имѣлъ дѣтей отъ этой первой жены, которая умерла очень молодой въ 837 году по Р. Х. Гюго завладѣлъ наслѣдствомъ жены и не хотѣлъ отдавать его. Произошли страшныя битвы между нимъ и его свояками. Его другая жена—та, что въ латахъ—Хульдина, помогала ему совѣтами. Это была очень мужественная женщина. Неизвѣстно, откуда она появилась и къ какой фамиліи принадлежала; но это не помѣшало ей спасти Гюго, захваченнаго въ плѣнъ Францемъ фонъ Лютцельбургомъ. Онъ долженъ былъ быть повѣшенъ въ тотъ же день и уже протянули желѣзный прутъ между стѣнными зубцами, какъ вдругъ Хульдина, во главѣ вассаловъ графа, которыхъ она увлекла за собой своею храбростью, овладѣла подземнымъ выходомъ изъ замка, спасла Гюго и вмѣсто него велѣла повѣсить Франца. Гюго-Волкъ женился на этой своей второй женѣ въ 842 г.; отъ нея онъ имѣлъ трехъ дѣтей.

— Итакъ,—задумчиво проговорилъ я,—первую изъ женъ звали Гедвигой и потомки Нидека не имѣютъ никакого отношенія къ ней?

— Никакого.

— Вы вполнѣ увѣрены въ этомъ?

— Я могу показать вамъ ихъ генеалогическое древо. У

Гедвиги не было дѣтей; у Хульдины, второй жены, было трое.

— Это удивительно!

— Почему?

— Мнѣ казалось, что я замѣтилъ нѣкоторое сходство...

— Ахъ, сходство, сходство,—съ рѣзкимъ смѣхомъ сказалъ Кнапвурстъ.—Вотъ.. взгляните, видите вы эту табакерку изъ самшитоваго дерева рядомъ съ большой борзой собакой; на ней представленъ мой прадѣдъ Гансъ Вурстъ. Носъ у него похожъ на тасильникъ; подбородокъ—калошей; у меня носъ курносый, а ротъ пріятный; развѣ это мѣшаетъ мнѣ быть его внукомъ?

— Нѣтъ, конечно.

— Ну, вотъ то же и у Нидековъ. Я не говорю, что черты лица у кого-нибудь изъ нихъ не могутъ походить на черты лица Гедвиги, но родоначальница ихъ—Хульдина. Взгляните на генеалогическое древо, сударь, взгляните.

Кнапвурстъ и я разстались лучшими друзьями на свѣтѣ.

V.

— Все равно,—говорилъ я себѣ,—сходство существуетъ... Приписать ли это случаю?.. Случай... что это такое въ сущности? Безсмыслица.. то, чего не можетъ объяснить человѣкъ. Должно быть что-нибудь иное.

Я задумчиво слѣдовалъ за моимъ другомъ Сперверомъ, который продолжалъ идти по коридору. Портретъ Гедвиги, ея простой, наивный образъ смѣшивался въ моемъ умѣ съ образомъ молодой графини.

Вдругъ Гедеонъ остановился; я поднялъ глаза; мы находились передъ комнатою графа.

— Входи, Фрицъ,—сказалъ онъ мнѣ;—я пойду давать кормъ собакамъ; когда нѣтъ хозяина, слуги распускаются; я скоро приду за тобой.

Я вошелъ; мнѣ больше хотѣлось видѣть графиню Одиль, чѣмъ графа; я упрекалъ себя за это, но нельзя насильно заставить себя интересоваться чѣмъ-нибудь. Каково было мое удивленіе, когда въ полутьмѣ алькова я увидѣлъ хозяина замка,

который, приподнявшись на локтѣ, смотрѣлъ на меня съ глубокимъ вниманіемъ. Я такъ не ожидалъ этого взгляда, что совершенно потерялся.

— Подойдите, г. докторъ,—сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.—Мой честный Сперверъ мнѣ часто говорилъ о васъ; мнѣ хотѣлось познакомиться съ вами.

— Будемъ надѣяться, ваше сіятельство, что наше знакомство будетъ продолжаться при хорошихъ предзнаменованіяхъ, — отвѣтилъ я. — Еще немного терпѣнія и приступъ окончится.

— Терпѣнія у меня достаточно,—сказалъ онъ.—Я чувствую, что мой послѣдній часъ приближается.

— Это—заблужденіе, г. графъ.

— Нѣтъ. Природа даетъ намъ, какъ послѣднюю милость, предчувствіе нашего конца.

— Сколько разъ я видѣлъ, какъ эти предчувствія не оправдывались,—улыбаясь, проговорилъ я.

Онъ смотрѣлъ на меня странно пристальнымъ взглядомъ, какъ смотрятъ всѣ больные, выражающіе сомнѣніе насчетъ состоянія ихъ здоровья. Это трудная минута для доктора; отъ его манеры держаться зависитъ нравственная сила больного, взглядъ котораго проникаетъ до глубины совѣсти доктора. Если больной откроетъ въ душѣ доктора подозрѣніе близкаго конца—все потеряно: нападаетъ уныніе, душевныя силы упадаютъ; болѣзнь одерживаетъ верхъ.

Я хорошо выдержалъ это испытаніе; графъ, повидимому, успокоился. Онъ снова пожалъ мнѣ руку и опустился на подушки, болѣе спокойный и довѣрчивый.

Тогда только я замѣтилъ графиню Одиль и старую даму, вѣроятно, ея гувернантку, сидѣвшихъ въ глубинѣ алькова, по другую сторону кровати.

Онѣ привѣтствовали меня наклоненіемъ головы.

Портретъ въ библіотекѣ внезапно пришелъ на память мнѣ.

— Это она,—сказалъ я себѣ,—она... первая жена Гюго! Вотъ этотъ высокій лобъ, эти длинныя рѣсницы, эта невыразимо грустная улыбка... О, сколько таится въ улыбкѣ женщины! Не ищите въ ней радости счастья. Улыбка женщины скрываетъ столько интимныхъ страданій, столько безпокойства, столько

тревогъ! Молодой дѣвушкой, женой, матерью—всегда надо улыбаться, даже тогда, когда сжимается сердце, душатъ рыданія... Это твоя роль, женщина, въ той большой битвѣ, которую называютъ человѣческимъ существованіемъ.

Я продолжалъ раздумывать обо всемъ этомъ, пока хозяинъ Пидека не заговорилъ снова:

— Если бы Одиль, мое дорогое дитя, захотѣла сдѣлать то, о чемъ я прошу ее, если бы она согласилась только дать надежду на исполненіе моихъ желаній, я думаю, ко мнѣ вернулись бы силы.

Я взглянулъ на молодую графиню; она опустила глаза и, казалось, молилась.

— Да,—продолжалъ больной,—я возродился бы къ жизни; перспектива видѣть себя окруженнымъ новой семьей, прижать къ сердцу внуковъ, продолженіе нашего рода, оживила бы меня.

Я почувствовалъ себя растроганнымъ отъ тихихъ словъ этого человѣка.

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

Графъ смотрѣлъ на нее умоляющимъ взглядомъ въ продолженіе минутъ двухъ и затѣмъ продолжалъ:

— Одиль, развѣ ты не хочешь составить счастья своего отца? Боже мой! Я прошу тебя дать только надежду, я не назначаю времени. Я не хочу стѣснять твоего выбора. Мы отправимся ко двору; тамъ представятся сотни подходящихъ партій. Кто не былъ бы счастливъ, получивъ руку моего дитяти? Ты будешь свободна въ выборѣ.

Онъ замолчалъ.

Для чужого нѣтъ ничего тягостнѣе подобныхъ семейныхъ разговоровъ: при этомъ сталкивается столько различныхъ интересовъ, интимныхъ чувствъ, что уже одна стыдливость заставляетъ насъ избѣгать такихъ признаній. Я страдалъ, хотѣлъ бѣжать, но обстоятельства не позволяли мнѣ сдѣлать это.

— Отецъ мой,—проговорила Одиль, какъ бы желая избѣгнуть настойчивыхъ просьбъ больного,— вы выздоровѣете; небо не захочетъ отнять васъ отъ насъ, любящихъ васъ. Если бы вы знали, какъ горячо я молюсь!

— Ты не отвѣчаешь мнѣ,—сухо проговорилъ графъ.—Что можешь ты имѣть противъ моего намѣренія? Развѣ оно не справедливо, не естественно? Неужели я долженъ быть лишенъ утѣ-

неній, которыя достаются на долю самыхъ несчастныхъ? Развѣ я оскорбилъ твои чувства? Хитрилъ ли я съ тобой? Былъ ли я жестокъ къ тебѣ?

— Нѣтъ, отецъ мой.

— Отчего же ты не соглашаешься на мои просьбы?

— Мое рѣшеніе принято... Я посвящаю себя Богу.

Я вздрогнулъ съ головы до ногъ: столько твердости въ такомъ слабомъ тѣлѣ. Она сидѣла, словно статуя Мадонны въ башнѣ Гюго, хрупкая, спокойная, безстрастная.

Въ глазахъ графа показался лихорадочный блескъ. Я сдѣлалъ знакъ молодой графинѣ, чтобы она дала ему хоть какую-нибудь надежду, для успокоенія его все возраставшаго волненія; она, казалось, не замѣтила этого.

— Итакъ,—продолжалъ онъ голосомъ, прерывавшимся отъ волненія,—ты согласилась бы видѣть гибель твоего отца? Достаточно было бы одного твоего слова, чтобы возвратить ему жизнь; ты не скажешь этого слова?

— Жизнь принадлежитъ не человѣку, а Богу, — сказала Одиль,—мое слово ничего не значитъ.

— Это прекрасныя нравственныя положенія, которыми отдѣлываются отъ всякихъ обязанностей,—съ горечью проговорилъ графъ.—Но развѣ Богъ, о Которомъ ты безпрестанно говоришь, не сказалъ: «Чти отца твоего и матерь твою?»

— Я почитаю васъ, отецъ мой,—кротко возразила Одиль,—но замужество—не моя обязанность.

Я услышалъ, какъ графъ заскрежеталъ зубами. Онъ сохранилъ наружное спокойствіе; потомъ быстро обернулся.

— Уходи,—сказалъ онъ,—мнѣ больно видѣть тебя.

И, весь блѣдный, обратился ко мнѣ съ свирѣпой улыбкой:

— Докторъ, нѣтъ ли у васъ какого-нибудь сильнаго яда?.. Такого яда, который убивалъ бы мгновенно, какъ молнія?.. Это было бы человѣчно, если бы вы мнѣ дали немного... Если бы вы знали, какъ я страдаю!

Черты лица его исказились; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Одиль встала и пошла къ двери.

— Останься!—прорычалъ графъ.—Я хочу проклясть тебя!..

До этихъ поръ я держался въ сторонѣ, не смѣя становиться между отцомъ и дочерью; теперь я не могъ выдержать.

— Ваше сіятельство!—вскрикнулъ я.—Ради вашего здоровья, ради справедливости, успокойтесь, отъ этого зависитъ ваша жизнь!

— Что жизнь для меня? Что будущее? Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ ножа, чтобы покончить съ собой? Дайте мнѣ умереть!

Его волненіе возрастало съ каждой минутой. Я предвидѣлъ моментъ, когда, внѣ себя отъ гнѣва, онъ бросится на свое дитя, чтобы уничтожить его. Дѣвушка, спокойная, блѣдная, стала на колѣни на порогѣ. Дверь была открыта, и я увидѣлъ, сзади молодой дѣвушки, Спервера. Щеки у него конвульсивно поддергивались; видъ былъ потерянный. Онъ подошелъ на цыпочкахъ и, наклонившись къ Одиль, сказалъ ей:

— Графиня!.. Графиня Одиль!.. Графъ такой хорошій человѣкъ! Если бы вы только сказали: можетъ быть... посмотримъ... позже!

Она ничего не отвѣтила и продолжала стоять въ той же позѣ.

Я далъ графу Нидеку нѣсколько капель опія; онъ опустился съ глубокимъ вздохомъ на подушки и погрузился въ глубокій, тяжелый сонъ, дыханіе его стало ровнѣе.

Одиль встала; ея старая гувернантка, не произнесшая ни слова, вышла вмѣстѣ съ ней. Сперверъ и я смотрѣли имъ въ слѣдъ. Онѣ медленно удалялись. Какое-то спокойное величіе выражалось въ походкѣ графини; она казалась живымъ воплощеніемъ исполненнаго долга.

Когда она исчезла въ глубинѣ коридора, Гедеонъ обернулся ко мнѣ:

— Ну, Фрицъ,—проговорилъ онъ серьезнымъ тономъ,—что думаешь ты обо всемъ этомъ?

Я молча опустилъ голову: твердость духа молодой дѣвушки пугала меня.

IV.

Сперверъ негодовалъ.

— Вотъ оно счастье великихъ міра сего!—вскричалъ онъ, выходя изъ комнаты графа.—Стоитъ быть графомъ Нидекомъ,

имѣть замки, лѣса, пруды, лучшія помѣстья въ Шварцвальдѣ для того, чтобы молодая дѣвушка говорила вамъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:—Ты хочешь? Ну, а я не хочу! Ты меня просишь? А я отвѣчаю:—Это невозможно!—Божей мой! Какое горе! Не лучше ли во сто разъ родиться сыномъ дровосѣка и жить спокойно своимъ трудомъ? Пойдемъ прочь отсюда, Фрицъ. Я задыхаюсь.... мнѣ нужно вздохнуть чистымъ воздухомъ.

Онъ взялъ меня подъ руку и увелъ въ коридоръ.

Было около девяти часовъ. Погода, такая чудесная утромъ, при восходѣ солнца, стала облачной. Холодный вѣтеръ наносилъ снѣгъ на окна, и я съ трудомъ могъ разглядѣть вершины сосѣднихъ горъ.

Мы собирались спуститься съ лѣстницы, которая шла на главный дворъ, и на поворотѣ коридора столкнулись носъ къ носу съ Тоби Оффенлохомъ.

Почтенный дворецкій задыхался.

— Эй!—сказалъ онъ, загораживая намъ дорогу тростью.—Куда это вы такъ бѣжите, чортъ возьми!.. А завтракъ?

— Завтракъ? Какой завтракъ?—спросилъ Сперверъ.

— Какъ, какой завтракъ? Вѣдь мы же согласились завтракать сегодня утромъ съ господиномъ Фрицемъ.

— Правда? Я и забылъ.

Оффенлохъ разразился смѣхомъ, растянувъ до ушей свой большой ротъ.

— Ха, ха, ха!—кричалъ онъ.—Вотъ такъ штука! А я то боялся опоздать. Ну, ну, поторопитесь! Касперъ ждетъ васъ наверху. Я велѣлъ ему накрыть въ вашей комнатѣ; тамъ намъ будетъ удобнѣе. До свиданія, г. докторъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку.

— Вы не идете съ нами?

— Нѣтъ, я долженъ доложить госпожѣ графинѣ, что баронъ Циммеръ-Блудерикъ желаетъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, прежде чѣмъ покинетъ замокъ.

— Баронъ Циммеръ?

— Да, тотъ незнакомецъ, что пріѣхалъ вчера ночью.

— А! Ну, хорошо, поторопитесь.

— Будьте спокойны... только откупорю бутыли и явлюсь.

Онъ удалился, хромая.

Слово «завтракъ» совершенно измѣнило направленіе мыслей Спервера.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ, идя со мной обратно по коридору.—Лучше всего выпить хорошенько, чтобы прогнать черныя мысли. Я доволенъ, что накрыли въ моей комнатѣ; подъ огромными сводами фехтовальной залы, у маленькаго стола, кажешься мышью, которая грызетъ орѣхъ въ углу церкви. Ну, вотъ мы и пришли, Фрицъ; послушай, какъ вѣтеръ завываетъ въ бойницахъ. Черезъ полчаса будетъ страшный ураганъ.

Онъ толкнулъ дверь. Маленькій Касперъ, барабанившій пальцами по стеклу, казалось, обрадовался намъ. У этого человѣчка были бѣлокурые, похожіе на паклю, волосы, худощавая фигура и вздернутый носъ. Сперверъ сдѣлалъ изъ него своего фактотума; Касперъ разбиралъ и чистилъ его оружіе; починялъ уздечки и подпруги его лошадей, давалъ кормъ собакамъ во время его отсутствія и наблюдалъ на кухнѣ за приготовленіемъ его любимыхъ блюдъ. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ исполнялъ обязанности дворецкаго при Сперверѣ, какъ Тоби при графѣ. Теперь, съ салфеткой подъ мышкой, онъ съ важностью откупоривалъ длинныя бутылки съ рейнвейномъ.

— Касперъ,—сказалъ Сперверъ, входя въ комнату,—я доволенъ тобой. Вчера все было хорошо: козуля, рябчики и щука. Я справедливъ; люблю всегда громко сказать, что человѣкъ исполнилъ свою обязанность. Сегодня то же: эта кабанья голова на бѣломъ винѣ имѣетъ очень вкусный видъ, а раковый супъ распространяетъ восхитительный запахъ. Не правда ли, Фрицъ?

— Конечно.

— Ну, такъ наливай намъ стаканы! Ты достоинъ повышенія.

Касперъ опускалъ глаза со скромнымъ видомъ; онъ краснѣлъ и, повидимому, упивался похвалами своего хозяина.

Мы сѣли, и я восхищался, какъ старый браконьеръ, который бывалъ нѣкогда счастливъ, когда могъ приготовить себѣ самъ картофельный супъ въ своей хижинѣ, разыгрывалъ теперь роль важнаго барина. Будь онъ прирожденнымъ графомъ Нидекомъ, онъ не могъ бы держать себя за столомъ болѣе благороднымъ и достойнымъ образомъ. По одному его взгляду Касперъ

подавалъ требуемое имъ блюдо, или откупоривалъ нужную бутылку.

Мы только что собрались напасть на кабанью голову, когда явился Тоби. Но онъ былъ не одинъ. Къ великому нашему удивленію мы увидѣли за нимъ барона Циммеръ-Блудерика и его берейтора.

Мы встали. Молодой баронъ пошелъ навстрѣчу намъ, снявъ шляпу. У него была красивая голова съ блѣднымъ, гордымъ лицомъ, окоймленнымъ длинными, черными волосами. Онъ остановился передъ Сперверомъ.

— Сударь,—сказалъ онъ съ чисто саксонскимъ акцентомъ, неподражаемомъ ни на какомъ другомъ діалектѣ,—я обращаюсь къ вашему знанію этой мѣстности. Госпожа графиня Нидекъ увѣрила меня, что никто лучше васъ не можетъ дать мнѣ свѣдѣній объ этой горѣ.

— Я думаю, сударь,—отвѣтилъ съ поклономъ Сперверъ,—я къ вашимъ услугамъ.

— Важныя обстоятельства заставляютъ меня отправиться, несмотря на бурю,—отвѣтилъ баронъ, указывая на занесенныя снѣгомъ окна.—Мнѣ хотѣлось бы добраться до Вальдгорна, который находится въ шести миляхъ отсюда.

— Это будетъ трудно, милостивый государь, всѣ дороги занесены снѣгомъ.

— Я знаю... но такъ нужно.

— Вамъ необходимъ проводникъ: если желаете, пойду я, или Себальтъ Крафтъ, здѣшній главный ловчій; онъ отлично знаетъ гору.

— Благодарю васъ за предложеніе, сударь, но я не могу принять его. Мнѣ достаточно будетъ указаній.

Сперверъ поклонился, подошелъ къ одному изъ оконъ и распахнулъ его. Сильный порывъ вѣтра донесъ снѣгъ до коридора и захлопнулъ дверь.

Я оставался на своемъ мѣстѣ у кресла, положивъ руку на его спинку; маленькій Касперъ спрятался въ уголъ. Баронъ и его берейторъ приблизились къ окну.

— Господа,—вскрикнулъ Сперверъ. Онъ говорилъ громко, чтобы заглушить завыванія вѣтра,—вотъ карта здѣшней мѣстности.—Онъ протянулъ руку.—Если бы погода была ясная,

я пригласилъ бы васъ подняться на сигнальную башню; мы увидѣли бы безконечную даль Шварцвальда... но къ чему это? Отсюда вамъ видно остріе Альтенбурга, а дальше, за той бѣлой вершиной, Вальдгорнъ, гдѣ бѣснуется ураганъ. Ну, такъ надо идти прямо къ Вальдгорну. Тамъ—если позволитъ снѣгъ—съ вершины скалы въ видѣ митры, которую называютъ «Расколотою Скалою», вы увидите три гребня: Беренкопфъ, Гейерштейнъ и Трифельсъ. Вамъ нужно идти правѣе, къ этому послѣднему. Долину Рее пересѣкаетъ потокъ, но теперь онъ, должно быть, покрытъ льдомъ. Во всякомъ случаѣ, если вамъ невозможно будетъ идти дальше, подымаясь налѣво по берегу, вы найдете на половинѣ дороги пещеру, такъ называемую «Полую Скалу». Вы проведете тамъ ночь и завтра, когда, по всѣмъ вѣроятіямъ, вѣтеръ спадетъ, вы будете имѣть передъ глазами Вальдгорнъ.

— Благодарю васъ, сударь.

— Если бы вамъ удалось встрѣтить угольщика, онъ могъ бы указать вамъ бродъ черезъ потокъ,—сказалъ Сперверъ,—но я сильно сомнѣваюсь, чтобы нашелся кто-нибудь въ горахъ въ такую погоду. Отсюда трудно объяснить. Старайтесь только обойти подножіе Беренкопфа; спускаться съ другой стороны невозможно: тамъ отвѣсныя скалы.

Во время этихъ объясненій я наблюдалъ за Сперверомъ, дававшими ихъ точно, яснымъ, отрывистымъ голосомъ, и за молодымъ барономъ, который слушалъ его съ страннымъ вниманіемъ. Повидимому, никакія препятствія не пугали его. Старый берейторъ казался не менѣе рѣшительнымъ.

Въ ту минуту, когда они хотѣли отойти отъ окна, стало какъ-будто яснѣе, то было одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда вѣтеръ быстрымъ движеніемъ подымаетъ массы снѣга, словно развѣвающіяся полотнища занавѣси. Взглядъ могъ проникнуть дальше: видны стали три остроконечныя вершины за Альтенбургомъ. Обрисовались детали, о которыхъ говорилъ Сперверъ; потомъ снова все смѣшалось.

— Хорошо,—сказалъ баронъ,—я видѣлъ цѣль моего путешествія и надѣюсь достигнуть ее, благодаря вашимъ объясненіямъ.

Сперверъ молча поклонился. Молодой человѣкъ и берейторъ поклонились намъ и медленно вышли изъ комнаты.

Гедсонъ заперъ окно и обратился къ Тоби и ко мнѣ:

— Нужно быть одержимымъ, чтобы выходить въ такую погоду,—улыбаясь, проговорилъ онъ.—Мнѣ совѣстно было бы выгнать волка. Впрочемъ, это касается ихъ однихъ. Лицо молодого человѣка мнѣ очень нравится; старика также. Выпьемъ-ка! За ваше здоровье, господинъ Тоби.

Я подошелъ къ окну. Въ то время, какъ баронъ Циммеръ и его берейторъ садились на лошадь на большомъ дворѣ, я замѣтилъ, несмотря на снѣгъ, носившійся въ воздухѣ, что налѣво, въ башенкѣ съ высокими окнами, пріоткрылось окно, и блѣдная графиня бросила долгій взглядъ на молодого человѣка.

— Что ты тамъ дѣлаешь, Фрицъ?—крикнулъ Сперверъ.

— Ничего, смотрю на лошадей этихъ господъ.

— Да; чудесныя животныя; я видѣлъ ихъ сегодня утромъ въ конюшнѣ.

Всадники поскакали. Занавѣсъ задвинулся.

VII.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ перемѣнъ. Моя жизнь въ Нидскѣ была очень однообразна; утромъ всегда раздавались грустные звуки рожка Себальта; потомъ посѣщеніе графа, завтракъ, безконечныя размышленія Спервера о «Чумѣ», неумолчная болтовня Маріи Лагуттъ, господина Тоби и всего сонма слугъ, у которыхъ не было другихъ развлеченій кромѣ выпивки, игры въ карты, куренья и сна. Только Кнапвурстъ велъ сносную жизнь; онъ по уши уходилъ въ свои хроники и, дрожа отъ холода, съ покраснѣвшимъ носомъ, неутомимо продолжалъ свои любопытные поиски.

Можно себѣ представить, какъ я скучалъ. Сперверъ разъ десять показывалъ мнѣ конюшни и собачью конуру; собаки начинали привыкать ко мнѣ. Я зналъ наизусть всѣ грубыя шутки дворецкаго послѣ выпивки и отвѣты Маріи Лагуттъ. Меланхолія Себальта овладѣвала мной все болѣе и болѣе; я охотно поигралъ бы на его рожкѣ, чтобы излить горамъ мою жалобу, и постоянно обращалъ мой взоръ къ Фрейбургу.

Болѣзнь господина Іери-Ганса протекала своимъ чередомъ. Это было мое единственное серьезное занятіе. Все, что раз-

сказывалъ мнѣ Сперверъ, подтвердилось: иногда графъ просыпался въ испугѣ, приподымался на кровати и, вытянувъ шею, съ блуждающими глазами, тихо бормоталъ:

— Она идетъ! Она идетъ!

Гедеонъ качалъ головой и подымался на сигнальную башню; но напрасно смотрѣлъ онъ направо и налѣво: «Чума» оставалась невидимой.

Размышляя объ этой странной болѣзни, я пришелъ къ заключенію, что владѣлецъ Нидека—сумасшедшій; странное вліяніе старухи на его умъ, переходы отъ бреда къ ясности мысли—все поддерживало меня въ этомъ убѣжденіи.

Доктора, занимавшіеся изученіемъ умопомѣшательства, знаютъ, что періодическое безуміе не является рѣдкостью; у нѣкоторыхъ оно проявляется нѣсколько разъ въ годъ, — весной, осенью, зимой; у другихъ оно проявляется только разъ въ годъ. Я знаю въ Фрейбургѣ одну старую даму, которая, впродолженіе тридцати лѣтъ, сама предчувствуетъ приближеніе приступа. Она является въ сумасшедшій домъ. Ее запираютъ. Несчастная видитъ каждую ночь воспроизведеніе ужасныхъ сценъ, свидѣтельницей которыхъ она была въ молодости: она дрожитъ подъ рукой палача; она покрыта кровью жертвъ; она стонетъ такъ, что заплакали бы камни. Черезъ нѣсколько недѣль, припадки становятся рѣже. Ей возвращаютъ свободу съ увѣренностью, что на будущій годъ она снова появится.

— Графъ Нидекъ находится въ подобномъ же положеніи,—говорилъ я себѣ,—очевидно, существуетъ какая-то, никому неизвѣстная, связь между нимъ и «Чумой».—Какъ знать? Эта женщина была молода... Должно быть, красива».—И настроенное воображеніе создавало цѣлый романъ. Только я никому не говорилъ о немъ. Сперверъ никогда не простилъ бы мнѣ, что я могъ заподозрить его господина въ любовныхъ отношеніяхъ со старухой; что касается графини Одиль одно слово «сумасшествіе» могло нанести ей ужасный ударъ.

Бѣдная молодая дѣвушка была очень несчастна; ея отказъ отъ замужества такъ разсердилъ графа, что онъ съ трудомъ выносилъ ея присутствіе; онъ съ горечью упрекалъ ее за непослушаніе и распространялся насчетъ неблагодарности дѣтей. Иногда послѣ посѣщенія Одиль у него бывали сильные припадки. Дѣло дошло до того, что я счелъ нужнымъ вмѣшаться.

Я подождалъ однажды графиню въ передней и умолялъ ее отказаться отъ ухода за графомъ, но встрѣтилъ, противъ ожиданія, необъяснимое упорство. Несмотря на всѣ мои замѣчанія, она хотѣла попрежнему ухаживать за отцомъ.

— Это мой долгъ,—проговорила она рѣшительнымъ тономъ,—и ничто не можетъ избавить меня отъ него.

— Сударыня,—сказалъ я, становясь передъ дверью комнаты больного,—положеніе медика налагаетъ на него также извѣстный долгъ и какъ бы онъ ни былъ тяжелъ—честный человѣкъ долженъ исполнить его: ваше присутствіе убиваетъ графа.

Всю жизнь буду помнить внезапную перемѣну въ лицѣ Одиль.

При этихъ словахъ вся кровь отлила у нея къ сердцу; она стала блѣдна, какъ мраморъ. ея большіе, голубые глаза, устремленные на мои глаза, казалось, хотѣли прочесть въ глубинѣ моей души.

— Возможно ли это?.. — пробормотала она. — Вы можете сказать это по чести... Не правда ли, сударь?

— Да, сударыня, по чести.

Наступило долгое молчаніе. Потомъ она проговорила задыхающимся голосомъ:

— Хорошо. Да будетъ воля Господня.

И удалилась, склонивъ голову.

На слѣдующій день, около восьми часовъ утра, я расхаживалъ въ башнѣ Гюго, раздумывая о болѣзни графа, исхода которой не видѣлъ, и о моихъ кліентахъ въ Фрейбургѣ, которыхъ я рисковалъ потерять изъ-за слишкомъ долгаго отсутствія. Три легкихъ удара въ дверь вывели меня изъ раздумья.

— Войдите!

Дверь отворилась и на порогѣ показалась Марія Лагуттъ. Она сдѣлала мнѣ глубокій реверансъ.

Приходъ доброй женщины былъ непріятенъ мнѣ; я хотѣлъ было попросить ее оставить меня одного, но задумчивое выраженіе ея лица удивило меня. Она набросила на плечи большую красную съ зеленымъ шаль. Опустивъ голову, она кусала губы; но болѣе всего меня удивляло, что войдя въ комнату, она снова отворила дверь, чтобы убѣдиться, не шелъ ли кто-нибудь за ней.

— Чего она отъ меня хочетъ?—подумалъ я.—Что значатъ эти предосторожности?

Я былъ заинтересованъ.

— Г. докторъ,—наконецъ, проговорила она, подходя ко мнѣ,—прошу извиненія, что безпокою васъ такъ рано, но я должна сказать вамъ нѣчто серьезное.

— Говорите, сударыня. Въ чемъ дѣло?

— Дѣло касается графа.

— А!

— Да, сударь. Вы, конечно, знаете, что сегодня ночью я дежурила у него.

— Знаю. Садитесь, пожалуйста.

Она усѣлась въ большое кожаное кресло передо мной и я съ удивленіемъ замѣтилъ энергичное выраженіе этого лица, показавшагося мнѣ такимъ смѣшнымъ въ вечеръ моего пріѣзда въ замокъ.

— Г. докторъ, — начала она послѣ минутнаго молчанія, устремивъ на меня свои большіе черные глаза,—прежде всего должна сказать, что я женщина не робкая; я видѣла столько ужаснаго въ жизни, что нѣтъ ничего, что могло бы удивить меня: когда побываешь при Маренго, Аустерлицѣ, въ Москѣ передъ тѣмъ, какъ очутиться въ Нидекѣ, то страхи растеряешь въ пути.

— Я вѣрю вамъ, сударыня.

— Я говорю это не изъ хвастовства, а для того, чтобы вы поняли, что я не сумасшедшая и мнѣ можно повѣрить, когда я говрю:—Я видѣла то то и то то.

— Что такое она сообщитъ мнѣ, чортъ возьми?—спрашивалъ я себя.

— Ну, такъ вотъ,—продолжала Марія Лагуттъ,—вчера вечеромъ, между девятью и десятью часами, я собиралась лечь спать. Пришелъ Оффенлохъ и сказалъ мнѣ: — Марія, тебѣ надо дежурить эту ночь у графа.—Сначала это удивило меня.—Какъ дежурить у графа? Развѣ барышня не будетъ сама сидѣть у него?—Да, не будетъ; барышня больна и ты должна замѣнить ее.—Больна!.. Бѣдное, дорогое дитя! Я была увѣрена, что дѣло кончится этимъ.—Я говорила ей это сотни разъ, сударь, но что дѣлать? Когда молодъ, все кажется нипочемъ и къ тому же это ея отецъ. Ну, я беру свое вязанье, прощаюсь съ Тоби и от-

правляюсь въ комнату его сіятельства. Сперверъ, поджидавшій меня, ушелъ спать. Ну вотъ! Я одна.

Тутъ добрая женщина остановилась, медленно понюхала табакъ и, казалось, собиралась съ мыслями. Я весь обратился въ слухъ.

— Было около половины одиннадцатаго, — начала она, — я работала, сидя у кровати; по временамъ я подымала пологъ, чтобы видѣть, что дѣлаетъ графъ; онъ не двигался; онъ спалъ сладкимъ сномъ ребенка. Все шло хорошо до одиннадцати часовъ. Тутъ я почувствовала усталость. Когда становишься старой, г. докторъ, то ничего не подѣлать, падаешь помимо своей воли; да мнѣ ничего и на умъ не приходило; я говорила себѣ: — Онъ проспитъ до утра. — Къ полночи вѣтеръ прекратился; большія окна перестали дрожать. Я встала, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ. Ночь была темная какъ бутылка чернилъ; наконецъ, я снова сѣла въ кресло, взглянула еще разъ на больного; вижу, онъ не измѣнилъ своего положенія; я взяла снова вязанье; но черезъ нѣсколько минутъ заснула... заснула... можно сказать... хорошо! Кресло было мягкое, какъ пухъ, въ комнатѣ тепло... Что дѣлать?.. Я спала около часа, какъ вдругъ проснулась отъ притока свѣжаго воздуха. Открываю глаза и что же вижу! Большое среднее окно открыто, занавѣси отдернуты, а графъ, въ рубашкѣ, стоитъ на окнѣ!

— Графъ!

— Да.

— Это невозможно... Онъ еле можетъ двигаться.

— Я не спорю! Но я видѣла его, какъ вижу васъ: онъ держалъ въ рукѣ факелъ; ночь была темная и воздухъ такъ тихъ, что пламя факела не колебалось.

Я въ изумленіи смотрѣлъ на Марію Анну.

— Сначала, — продолжала она послѣ минутнаго молчанія, — при видѣ этого человѣка съ голыми ногами въ такой позѣ я пришла въ такое состояніе... что хотѣла крикнуть... но потомъ, подумала: — Можетъ быть, онъ лунатикъ! Если ты крикнешь... Онъ проснется... упадетъ... онъ погибнетъ! — Ну, хорошо, я молчу и смотрю во всѣ глаза... Вотъ онъ медленно подымаетъ факелъ, потомъ опускаетъ его... подымаетъ и опускаетъ, какъ будто давая сигналъ; потомъ онъ бросаетъ факелъ въ ровъ, за-

крываетъ окно, задергиваетъ занавѣси, проходитъ мимо, не видя меня и ложится бормоча Богъ знаетъ что!

— Вы увѣрены, что видѣли все это, сударыня?

— Еще бы!..

— Странно!

— Да, я знаю; но это такъ. Ахъ! Въ первую минуту это такъ взволновало меня... Потомъ, когда я увидѣла его лежащимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на кровати, со сложенными на груди руками, я сказала себѣ:—Марія-Анна, тебѣ приснился дурной сонъ, ничто иное,—и подошла къ окну; но факелъ еще горѣлъ; онъ упалъ въ чащу, нѣсколько влѣво отъ третьяго подземнаго входа и блистѣлъ, какъ звѣздочка: отрицать было невозможно.

Впродолженіе нѣсколькихъ секундъ Марія Лагуттъ молча смотрѣла на меня.

— Вы, конечно, понимаете, сударь, что съ этой минуты мнѣ слышалось что-то за кресломъ. Это не былъ страхъ, но безпокойство; это мучило меня! Рано утромъ я побѣжала будить Оффенлоха и послала его къ графу. Проходя по коридору, я замѣтила, что перваго факела не было въ кольцѣ; я сошла внизъ и нашла его около маленькой тропинки, ведущей въ лѣсъ. Вотъ онъ.

Она вынула изъ подъ передника обгорѣлый факелъ и положила его на столъ.

Я былъ пораженъ.

Какъ человѣкъ, котораго я видѣлъ наканунѣ такимъ слабымъ, истощеннымъ, могъ встать, пойти, открыть и закрыть тяжелое окно? Что означалъ этотъ сигналъ въ ночи? Мнѣ казалось, что я присутствовалъ съ широко раскрытыми глазами при этой странной, таинственной сценѣ и мысль моя невольно перенеслась къ «Чумѣ». Наконецъ, я пробудился отъ этого внутренняго созерцанія и увидѣлъ, что Марія Лагуттъ встала и собирается уходить.

— Сударыня, вы хорошо сдѣлали, что предупредили меня,—сказалъ я,—благодарю васъ. Вы никому не разсказывали объ этомъ случаѣ?

— Никому, сударь, такія вещи говорятся только священнику и доктору.

— Ну, я вижу, что вы молодецъ.

Мы обмѣнивались этими словами на порогѣ башни. Въ эту минуту Сперверъ со своимъ другомъ Себальтомъ показался въ глубинѣ галлереи.

— Эй, Фрицъ,—крикнулъ онъ, проходя по куртинѣ,—какія я тебѣ скажу новости!

— Ну... Еще новое, — проговорилъ я про себя.—Право, дьяволъ мѣшается въ наши дѣла.

Марія Лагуттъ исчезла. Старый браконьеръ и его товарищъ вошли въ башню.

VIII.

На лицѣ Спервера выражался сдержанный гнѣвъ; лицо Себальта носило выраженіе горькой ироніи. Почтенный ловчій, поразившій меня въ день моего пріѣзда въ Нидекъ своимъ меланхолическимъ видомъ, былъ худъ и сухъ, какъ щепка; одѣтъ онъ былъ въ охотничью куртку, перетянутую кушакомъ, на которомъ висѣлъ ножъ съ роговой ручкой; высокія, кожаныя гетры заходили за колѣна; рогъ висѣлъ на перевязи. На головѣ у него была широкая фетровая шляпа съ перомъ цапли. Его профиль, заканчивавшійся рыжей бородкой, напоминалъ козулю.

— Да,—продолжалъ Сперверъ,—хорошія ты узнаешь новости.

Онъ бросился на стулъ и съ отчаяніемъ схватился за голову. Себальтъ спокойно снялъ черезъ голову рогъ и положилъ его на столъ.

— Ну, Себальтъ!—крикнулъ Гедеонъ.—Говори же.

Потомъ, взглянувъ на меня, онъ прибавилъ:

— Колдунья бродитъ вокругъ замка.

Эта новость была бы мнѣ совершенно безразлична до сообщенія Маріи Лагуттъ, но теперь она поразила меня. Между графомъ Нидекомъ и старухой были какія-то отношенія; я не зналъ, въ чемъ они состояли; нужно было узнать во что бы то ни стало.

— Одну минутку, господа, одну минутку,—сказалъ я Сперверу и его другу, ловчему.—Прежде всего я хотѣлъ бы знать, откуда является кольдунья?

Сперверъ, пораженный, взглянулъ на меня.

— Богъ знаетъ, откуда,—сказалъ онъ.

— Хорошо. Въ какое время она постоянно появляется передъ Нидекомъ?

— Я уже говорилъ тебѣ: ежегодно, за недѣлю до Рождества.

— И остается?

— Отъ двухъ до трехъ недѣль.

— А раньше ея не видятъ? Хотя бы случайно? И позже также?

— Не видятъ.

— Такъ нужно непремѣнно схватить ее,—вскрикнулъ я,— это неестественно! Нужно узнать, чего она хочетъ, кто она, откуда приходитъ.

— Схватить ее!—сказалъ ловчій съ странной улыбкой,— схватить!

И онъ съ грустнымъ видомъ покачалъ головой.

— Мой бѣдный Фрицъ,—сказалъ Сперверъ,—твой совѣтъ, безъ сомнѣнія, хорошъ, но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Если бы можно было, выстрѣлить въ нее—отлично; удалось бы и подойти къ ней; но графъ противится этому; а взять ее инымъ способомъ... попробуй-ка схватить козюлю за хвостъ! Выслушай Себальта; увидишь самъ.

Ловчій, сидѣвшій у края стола, положивъ одну длинную ногу на другую, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Сегодня утромъ, спустившись съ Альтенбурга, я пошелъ нижней дорогой въ Нидекъ. По краямъ снѣгъ лежалъ отвѣсной стѣной. Я шелъ, ни о чемъ не думая, какъ вдругъ въ глаза мнѣ бросился какой-то слѣдъ; онъ былъ глубокъ и шелъ черезъ дорогу; для этого нужно было спуститься по откосу, потомъ подняться влѣво. Это не былъ ни слѣдъ щетки зайца, который не ступаетъ такъ глубоко, ни вилка кабана, ни трехлистникъ волка, а глубокая яма, настоящая дыра.—Я останавливаюсь... разрываю снѣгъ, чтобы видѣть основаніе слѣда и нападаю на слѣдъ колдуньи...

— Вы вполнѣ увѣрены въ этомъ?

— Какъ вполнѣ увѣренъ? Я знаю ногу старухи лучше, чѣмъ ея лицо. Вѣдь я, сударь, всегда опускаю глаза къ землѣ, я узнаю людей по ихъ слѣду... Да тутъ не ошибся бы и ребенокъ.

— Какое же особое отличіе этой ноги?

— Она мала такъ, что ее можно спрятать въ рукѣ, хорошо сложена, пятка немного длинна, очертанія отчетливы, большой палецъ очень близко къ другимъ; всѣ пальцы сжаты, какъ будто въ полусапожкахъ. Нога, можно сказать, дивная. Лѣтъ двадцать тому назадъ я влюбился бы въ ногу. Каждый разъ, что я ее вижу, она производитъ на меня сильное впечатлѣніе... Боже мой, возможно ли, что такая хорошенькая нога принадлежитъ колдуньѣ!

И, сложивъ руки, онъ съ печальнымъ видомъ принялся разглядывать каменный полъ.

— Ну, дальше, Себальтъ,—нетерпѣливо проговорилъ Сперверъ.

— Да, правда... Ну такъ вотъ: я узналъ слѣдъ и пошелъ по нему. Я надѣялся застать старуху дома, но увидите, какой путь она заставила меня продѣлать. Я взлѣзъ на откосъ тропинки на разстояніи двухъ выстрѣловъ отъ Нидека; спустился съ него, идя все время по слѣду направо, вдоль долины Рее. Вдругъ слѣдъ перескакиваетъ черезъ ровъ въ лѣсъ. Отлично; я все же иду по слѣду, но, взглянувъ случайно нѣсколько влѣво, замѣчаю другой слѣдъ, шедшій по слѣду старухи. Я останавливаюсь... Кто это? Сперверъ, или Касперъ Трумпфъ?.. Или кто-нибудь другой? Я приближаюсь—и представьте себѣ мое удивленіе. То не былъ слѣдъ кого либо изъ мѣстныхъ жителей! Я знаю ноги всѣхъ въ Шварцвальдѣ, начиная отъ Фрейбурга до Нидека. Эта нога не походила на наши. Сапогъ—такъ какъ это былъ сапогъ—тонкій и изящный со шпорами, оставлявшими за собой тонкую бороздку—вмѣсто того, чтобы быть круглымъ въ концѣ, имѣлъ квадратную форму; подошва, тонкая и безъ гвоздей, сгибалась при каждомъ шагѣ. Походка, быстрая и рѣшительная, могла принадлежать только человѣку отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ. Я сразу замѣтилъ отпечатки швовъ голенища на снѣгу; никогда я не видѣлъ такой хорошей работы.

— Кто бы это могъ быть?

Себальтъ пожалъ плечами, развелъ руками и замолчалъ.

— Кому могло быть нужно идти за старухой?—обратился я къ Сперверу.

— Эхъ, только дьяволъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ,—сказалъ онъ съ отчаяніемъ.

Нѣсколько минутъ мы сидѣли, погруженные въ раздумье.

— Я снова пошелъ по слѣду,—заговорилъ, наконецъ, Себальтъ;—онъ поднялся съ другой стороны, на отлогости еловаго лѣса, потомъ обогнулъ Рошъ Фандю. Я говорилъ про себя:— Старая чума, если бы было много дичи твоего сорта, ремесло охотника было бы невыносимымъ; лучше бы работать, какъ негру!—Мы—оба слѣда и я—добираемся до вершины Шнеесберга. Тутъ дулъ вѣтеръ, снѣгъ доходилъ мнѣ до бедеръ; все равно, нужно было переходить. Я дохожу до береговъ Штейнбахскаго потока. Нѣтъ болѣе слѣда старухи! Я останавливаюсь и вижу, что сапоги неизвѣстнаго господина, потоптавшись направо и налѣво, кончили тѣмъ, что пошли по направленію къ Тифенбаху; дурной знакъ! Я смотрю на другую сторону потока—ничего! Старая негодяйка поднялась или спустилась по рѣкѣ, пройдя по водѣ, чтобы не оставить слѣда. Куда идти? Направо или налѣво? Въ нерѣшительности я вернулся въ Нидекъ.

— Ты забылъ разсказать о ея завтракѣ,—сказалъ Сперверъ.

— Ахъ, правда, сударь. Я видѣлъ, что она разводила огонь у подножія Рошъ Фандю... Кругомъ все мѣсто черное. Я положилъ руку, думая, что зола еще теплая; тогда было бы ясно, что колдунья недалеко ушла; но зола была холодна, какъ ледъ. Вблизи я замѣтилъ на кустикѣ протянутые силки...

— Силки?..

— Да, видно, колдунья умѣетъ ставить западни... Туда попалъ заяцъ; мѣсто, гдѣ онъ лежалъ во всю длину, еще отпечатывалось на снѣгу. Колдунья разводила огонь, чтобы изжарить его; она хорошо угостилась.

— И подумать только,—крикнулъ Сперверъ, въ бѣшенствѣ ударяя кулакомъ по столу,—что эта старая злодѣйка ѣстъ мясо, тогда какъ въ нашей деревнѣ многіе честные люди питаются картофелемъ! Вотъ что возмущаетъ меня, Фрицъ! Ахъ, еслибъ она только попалась мнѣ!

Но онъ не успѣлъ выразить своей мысли; онъ поблѣднѣлъ, и всѣ мы трое замерли, смотря другъ на друга съ открытыми ртами.

Крикъ—жалобный крикъ волка въ холодные зимніе дни... крикъ, который нужно слышать, чтобы понять все то скорбное

и зловѣщее, что содержитъ въ себѣ жалоба животнаго—такой крикъ раздался вблизи насъ! Онъ подымался спиралью по нашей лѣстницѣ, какъ будто животное было на порогѣ башни.

Часто говорятъ о рычаніи льва, раздающемся по вечерамъ въ громадной пустынѣ; но если знойная, обожженная солнцемъ, каменистая Африка имѣетъ свой голосъ, раздающійся какъ отдаленный грохотъ грома, то и въ обширныхъ снѣжныхъ равнинахъ сѣвера есть также свой странный голосъ, подходящій къ грустной зимней картинѣ, гдѣ все дремлетъ, ни одинъ листъ не шепчетъ; голосъ этотъ—вой волка.

Лишь только раздался этотъ жалобный крикъ, на него отвѣтилъ грозный голосъ шестидесяти собакъ въ Нидекѣ. Вся свора разразилась сразу: грубый лай ищеекъ, быстрое тявканье шпицевъ, визгъ болонокъ, меланхолическій, плачевный голосъ таксъ—все это сливалось съ звономъ цѣпей, со стукомъ потрясаемыхъ отъ ярости конуръ... и надъ всѣмъ этимъ безпрерывный, однообразный вой волка: то былъ адскій концертъ.

Сперверъ соскочилъ съ мѣста, выбѣжалъ на площадку и устремилъ взглядъ на подножіе башни.

— Ужъ не упалъ ли волкъ въ ровъ?—сказалъ онъ.

Но вой раздавался изнутри.

Тогда онъ крикнулъ намъ:

— Фрицъ, Себальтъ, идите, идите!

Мы сбѣжали съ лѣстницы, перескакивая черезъ четыре ступеньки сразу, и вошли въ фехтовальную залу. Тутъ мы слышали только вой волка подъ гулкими сводами: отдаленный лай своры становился задыхающимся, собаки хрипли отъ ярости, ихъ цѣпи запутывались; можетъ быть, онѣ душили ихъ.

Сперверъ вынулъ свой охотничій ножъ, Себальтъ сдѣлалъ то же; они пошли впереди меня въ галлерею.

Вой велъ насъ въ комнату больного. Сперверъ пересталъ говорить... онъ ускорилъ шаги. Себальтъ вытягивалъ свои длинныя ноги. Я чувствовалъ, что дрожь пробѣгаетъ у меня по тѣлу; предчувствіе говорило намъ о чемъ-то отвратительномъ.

Весь домъ былъ на ногахъ: сторожа, егеря, поварята всѣ бѣжали куда попало, спрашивая другъ друга:

— Что случилось? Откуда эти крики?

Не останавливаясь, мы добѣжали до коридора передъ комнатой хозяина замка; на лѣстницѣ мы встрѣтили достойную Марію

Лагуттъ. Только у нея хватило мужества войти въ комнату раньше насъ. Она несла на рукахъ молодую графиню. Одиль была въ обморокѣ; голова ея запрокинулась; волосы распустились.

Мы прошли такъ быстро, что еле замѣтили эту трогательную сцену. Впослѣдствіи она припомнилась мнѣ, и блѣдное лицо Одиль, лежавшее на плечѣ старухи, кажется мнѣ теперь трогательнымъ изображеніемъ агнца, безъ жалобы, заранѣе убитаго страхомъ, подставляющаго подъ ножъ свое горло

Наконецъ, мы у комнаты графа.

Вой раздавался за дверью.

Мы молча переглянулись, не пробуя объяснить себѣ присутствія въ комнатѣ такого гостя. У насъ не было времени; мысли мѣшались у насъ въ умѣ.

Сперверъ быстро толкнулъ дверь и съ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ хотѣлъ броситься въ комнату; но остановился на порогѣ неподвижно, словно окаменѣвшій.

Никогда мнѣ не доводилось видѣть выраженія такого изумленія на лицѣ человѣка; глаза у него, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ, большой, худой носъ опустился надъ открытымъ ртомъ.

Я заглянулъ черезъ его плечо и похолодѣлъ отъ ужаса.

Графъ Нидекъ сидѣлъ на корточкахъ на постели, съ блестящими глазами, вытянувъ руки, опустивъ голову подъ краснымъ пологомъ, и испускалъ жалобный вой.

Волкъ... былъ онъ.

Плоскій лобъ, остроконечное лицо, рыжеватая борода, щетинившаяся на щекахъ, длинная, худая спина, нервныя ноги, лицо, крикъ, поза—все, все выдавало дикаго звѣря, скрывавшагося подъ маской человѣка!

Повременамъ онъ останавливался на секунду, чтобы прислушаться, и покачивалъ головой, отчего высокій пологъ колебался, какъ листва; потомъ снова принимался за свою грустную пѣснь.

Сперверъ, Себальтъ и я стояли, какъ прикованные; мы сдерживали дыханіе, охваченные ужасомъ.

Вдругъ графъ умолкъ. Какъ дикій звѣрь, который чуетъ по вѣтру, онъ поднялъ голову и прислушался.

Тамъ!.. Тамъ!.. Подъ высокими елями лѣса, осыпанными

снѣгомъ, раздался крикъ; сначала слабый, онъ постепенно усиливался и скоро онъ возвысился надъ лаемъ своры: волчица отвѣчала волку!

Сперверъ обернулся ко мнѣ съ блѣднымъ лицомъ; протянувъ руку по направленію къ горѣ, онъ тихо сказалъ мнѣ:

— Слышишь?.. Старуха!

А графъ, неподвижный, съ высоко поднятой головой, вытянутой шеей, открытымъ ртомъ, горящими глазами, казалось, понималъ то, что ему говорилъ далекій голосъ, затерявшійся посреди пустынныхъ ущелій Шварцвальда, и лицо его свѣтилось какой-то страшной радостью.

Въ эту минуту Сперверъ голосомъ, полнымъ слезъ, крикнулъ:

— Графъ Нидекъ, что вы дѣлаете?

Графъ упалъ, какъ пораженный громомъ. Мы бросились ему на помощь.

Начался третій приступъ—онъ былъ ужасенъ.

IX.

Графъ Нидекъ умиралъ!

— Что можетъ сдѣлать искусство въ этой великой борьбѣ между жизнью и смертью! Въ этотъ послѣдній часъ, когда невидимые борцы схватываются, задыхаясь, поочереди падаютъ и подымаются, что можетъ сдѣлать врачъ?

Смотрѣть, слушать и дрожать!

Иногда борьба какъ будто прекращается; жизнь удаляется въ свою крѣпость; отдыхаетъ, почерпаетъ мужество отчаянія. Но вскорѣ врагъ слѣдуетъ за ней. Тогда она бросается навстрѣчу ему, снова схватывается съ нимъ. Начинается болѣе горячая битва, близкая къ роковому концу.

А больной лежитъ безпомощно, покрытый холоднымъ потомъ, съ неподвижнымъ взоромъ, безсильно опущенными руками. Его дыханіе то короткое, затрудненное, тревожное, то продолжительное, спокойное и глубокое показываетъ различные фазисы этой ужасной битвы.

А присутствующіе переглядываются. Они думаютъ: — Въ одинъ прекрасный день такая же борьба наступитъ и для насъ. И побѣдительница—смерть унесетъ насъ въ свою пещеру, какъ паукъ уноситъ муху. Но жизнь... она... душа улетитъ къ дру-

тимъ небесамъ, восклицая:—Я исполнила свой долгъ, я мужественно боролась. — А смерть, смотря снизу, какъ она подымается, не сможетъ послѣдовать за ней: у нея останется только трупъ!—О, великое утѣшеніе!—увѣренность въ безсмертіи, надежда на правосудіе, какой варваръ смогъ бы вырвать васъ изъ души человѣка?

Къ полуночи положеніе графа Нидека казалось мнѣ безнадежнымъ; начиналась агонія; сильный, неправильный пульсъ временами упадалъ, останавливался.. потомъ внезапно поднимался.

Мнѣ оставалось только быть свидѣтелемъ, какъ умретъ этотъ человѣкъ... я падалъ отъ усталости; все что можетъ сдѣлать искусство, я сдѣлалъ.

Я сказалъ Сперверу, чтобы онъ остался дежурить и закрылъ глаза своему господину.

Бѣдняга былъ въ отчаяніи. Онъ упрекалъ себя въ своемъ невольномъ восклицаніи:—Графъ Нидекъ, что вы дѣлаете?—и рвалъ волосы съ отчаянія.

Въ каминѣ горѣлъ славный огонь. Я бросился одѣтымъ на постель и скоро сонъ охватилъ меня—тяжелый, безпокойный, который такъ и кажется, долженъ прерваться стонами и слезами.

Я спалъ, обернувшись лицомъ къ очагу, свѣтъ котораго струился на каменный полъ.

Черезъ часъ огонь заглохъ и, какъ бываетъ, оживая, освѣщалъ стѣны своими большими красными крылами и утомлялъ мои вѣки.

Въ полудремотѣ я полуоткрылъ глаза, чтобы видѣть, откуда появились эти полосы свѣта и мрака.

Самый странный сюрпризъ ожидалъ меня.

На фонѣ очага, еле освѣщавшагося нѣсколькими догоравшими головешками, вырисовывался черный профиль: силуэтъ «Чумы».

Она сидѣла на корточкахъ на табуретѣ и молча грѣлась.

Сначала я подумалъ, что это иллюзія—естественное слѣдствіе моихъ размышленій за послѣдніе дни. Я приподнялся на локоть и слѣдилъ глазами, которые стали круглыми отъ страха

Это была она; спокойная, неподвижная, она сидѣла, охвативъ колѣни руками, такая, какой я видѣлъ ее на снѣгу, съ

длинной шеей въ складкахъ, орлинымъ носомъ, сжатыми губами. Мнѣ стало страшно.

Какъ попала сюда старуха? Какъ могла она пробраться въ эту башню возвышавшуюся надъ пропастями?

Все, что мнѣ разсказывалъ Сперверъ о ея таинственномъ могуществѣ показалось мнѣ справедливымъ! Сцена, когда Ліэверлэ ворчалъ у стѣны, промелькнула, какъ молнія, передъ моими глазами! Я спрятался въ альковѣ и, еле дыша, смотрѣлъ на неподвижный силуэтъ, какъ мышь смотрѣла бы на кошку изъ глубины своей норки.

Старуха была неподвижна, какъ скульптурныя украшенія камина; губы ея что-то бормотали.

Сердце у меня сильно билось; страхъ удваивался съ минуты на минуту, благодаря молчанію и неподвижности этого сверхъестественнаго видѣнія.

Такъ продолжалось около четверти часа. Вдругъ огонь охватилъ еловую вѣтку; она вспыхнула съ трескомъ, извиваясь, и яркіе лучи освѣтили глубину залы.

Этой вспышки было достаточно для того, чтобы я могъ разглядѣть старуху. Она была одѣта въ старинное платье изъ брокара пурпуроваго цвѣта, переходившаго въ фіолетовый; на лѣвой рукѣ былъ тяжелый браслетъ; въ густыхъ сѣдыхъ волосахъ, свернутыхъ на затылкѣ, красовалась золотая стрѣла; она была какъ будто призракомъ минувшихъ дней.

Однако у нея не могло быть враждебныхъ намѣреній, иначе она воспользовалась бы моимъ сномъ для исполненія ихъ.

Эта мысль нѣсколько успокоила меня, какъ вдругъ она встала и медленно... медленно приблизилась къ моей постели, держа въ рукахъ только что зажженный факелъ.

Тутъ я замѣтилъ неподвижный, свирѣпый взглядъ ея глазъ.

Я сдѣлалъ усиліе, чтобы встать, крикнуть: ни одинъ мускулъ моего тѣла не дрогнулъ, ни малѣйшаго звука не сорвалось съ моихъ губъ.

А старуха, нагнувшись надо мной изъ-за занавѣсей, смотрѣла на меня съ странной улыбкой. Я хотѣлъ защищаться, позвать... взглядъ ея парализовалъ меня, какъ птицу взглядъ змѣи.

Каждая минута этого безмолвнаго созерцанія казалась мнѣ вѣчностью.

— Что сдѣлаетъ она?

Я ожидалъ всего.

Вдругъ она повернула голову, прислушалась, потомъ прошла большими шагами залу и отворила дверь.

Мужество отчасти вернулось ко мнѣ. Усиліемъ воли я всталъ, словно движимый пружиной. Я бросился вслѣдъ за старухой, которая одной рукой высоко держала факелъ, другой широко распахнула дверь.

Я хотѣлъ схватить ее за волосы, какъ вдругъ въ глубинѣ галлереи, подъ стрѣльчатымъ сводомъ замка, выходившимъ на площадку, я увидѣлъ... кого?

Самого графа Нидека!

Графа Нидека—котораго я считалъ умирающимъ—одѣтаго въ громадную волчью шкуру; верхняя челюсть волка была надвинута на лобъ въ видѣ забрала, когти лежали на плечахъ, хвостъ волочился по каменному полу.

На немъ были большіе башмаки изъ толстой кожи. Шкура застегивалась у шеи серебряными когтями; все въ его лицѣ, за исключеніемъ тусклаго, неподвижнаго, ледяного взгляда, обличало человѣка сильнаго, привыкшаго управлять—властелина.

Мысли мои совершенно смѣшались при видѣ его. Бѣгство было невозможно. У меня хватило присутствія духа только на то, чтобы броситься въ нишу у окна.

Графъ вошелъ, смотрѣлъ на старуху съ суровымъ выраженіемъ лица. Они заговорили тихо, настолько тихо, что я не могъ разобрать ихъ словъ, но жесты ихъ были выразительны: старуха указывала на кровать.

На цыпочкахъ они подошли къ камину. Тутъ, въ тѣни, старуха, улыбаясь, развернула большой мѣшокъ.

Едва графъ увидѣлъ мѣшокъ, какъ въ три прыжка онъ былъ у кровати и оперся на нее однимъ колѣномъ. Занавѣси заколебались; тѣло графа исчезло подъ ихъ складками; я видѣлъ только одну его ногу, упиравшуюся въ каменный полъ, и хвостъ, болтавшійся то вправо, то влѣво.

Можно было бы подумать, что тутъ происходила сцена убійства!

Все самое страшное, самое ужасное не охватывало бы меня такимъ страхомъ, какъ нѣмое изображеніе этого акта.

Старуха прибѣжала, въ свою очередь, развертывая мѣшокъ.

Занавѣси снова зашевелились, на стѣнахъ показались тѣни. Самое ужасное было то, что мнѣ показалось, будто лужа крови медленно потекла по полу къ камину: то былъ снѣгъ, приставшій къ ногамъ графа и таявшій отъ тепла.

Я продолжалъ смотрѣть на этотъ черный слѣдъ, чувствуя, что языкъ у меня цѣпенѣетъ, какъ вдругъ я увидѣлъ странную картину.

Старуха и графъ запихивали простыни въ мѣшокъ; они втискивали ихъ съ поспѣшностью собаки, роющей землю; потомъ владѣлецъ Нидека взбросилъ себѣ на плечо этотъ некрасивый предметъ и направился къ двери. Простыня тащилась за нимъ; старуха шла съ факеломъ. Они прошли по площадкѣ.

Я чувствовалъ, какъ дрожали мои колѣна, какъ они стучали другъ о друга; я тихонько молился.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ я бросился по ихъ слѣдамъ, увлекаемый внезапнымъ, неотразимымъ любопытствомъ.

Я бѣжалъ по площадкѣ и только что хотѣлъ войти въ стрѣльчатую арку башни, какъ у меня подъ ногами очутилась большая, глубокая цистерна; туда, спиралью, спускалась лѣстница; я увидѣлъ, какъ факелъ мерцалъ въ глубинѣ, словно свѣтлячекъ, и становился незамѣтнымъ по мѣрѣ того, какъ удалялся.

Я сошелъ, въ свою очередь, по первымъ ступенямъ лѣстницы, идя на этотъ отдаленный свѣтъ.

Внезапно онъ исчезъ: старуха и графъ дошли до дна пропасти. Я продолжалъ спускаться, держась за перила, увѣренный, что могу подняться въ башню, въ случаѣ если не окажется другого выхода.

Вскорѣ ступеньки окончились. Я оглядѣлся и замѣтилъ налѣво лунный свѣтъ, пробивавшійся изъ-подъ низкой двери черезъ высокую крапиву и покрытый инеемъ терновникъ. Я отбросилъ ногой эти препятствія и увидѣлъ, что нахожусь у основанія башни Гюго.

Кто могъ бы предположить, что такая дыра шла къ замку? Кто показалъ этотъ путь старухѣ? Я не остановился на этихъ вопросахъ.

Передо мной разстилалась обширная равнина, залитая свѣтомъ, какъ среди бѣлаго дня. Направо черная линія Шварц-

вальда съ его отвѣсными скалами, ущельями, обрывами, уходила въ безконечную даль.

Воздухъ былъ холоденъ, тихъ; я чувствовалъ себя, какъ бы пробужденнымъ; всѣ чувства мои обострились подъ вліяніемъ ледяной атмосферы.

Прежде всего я старался узнать, по какому направленію пошли графъ и старуха. Ихъ высокія, черныя фигуры медленно подымались на холмъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ меня. Онѣ вырисовывались на фонѣ неба, покрытаго безчисленными звѣздами.

Я догналъ ихъ при спускѣ.

Графъ шелъ медленно, саванъ тянулся за нимъ... Его поза, движенія, такъ же какъ и поза и движенія старухи, напоминали автоматовъ.

Они шли въ двадцати шагахъ отъ меня по дорогѣ въ Альтенбургъ то въ тѣни, то на полномъ свѣту, такъ какъ луна была поразительно ярка. Вдали за ней неслись облака, какъ бы простирая длинныя руки, чтобы схватить ее; но она ускользала отъ нихъ, и ея лучи, холодные, какъ стальные клинки, проникали мнѣ въ сердце.

Мнѣ хотѣлось вернуться, но какая-то непобѣдимая сила заставляла меня идти за похороннымъ шествіемъ.

До сихъ поръ я вижу тропинку, подымающуюся среди низкаго кустарника въ Шварцвальдѣ, слышу, какъ хруститъ снѣгъ подъ моими ногами, какъ летитъ листъ отъ дыханія холоднаго вѣтра; вижу себя слѣдующимъ за двумя безмолвными существами и не могу понять, какая таинственная сила увлекала меня за ними.

Вотъ мы, наконецъ, въ лѣсу подъ высокими, обнаженными буками. Черныя тѣни ихъ высокихъ вѣтокъ преломляются на нижнихъ и падаютъ на покрытую снѣгомъ дорогу. По временамъ мнѣ чудится, что кто-то идетъ за мной.

Я быстро оборачиваюсь и ничего не вижу.

Мы дошли до линіи скалъ на гребнѣ Альтенбурга; за этими скалами находится потокъ Шнеебергъ, по зимой потоки не текутъ, лишь тонкая струя воды извивается подъ густымъ покровомъ льда; въ уединенномъ мѣстѣ нѣтъ ни журчанія, ни щебетанія птицъ, ни грома: безмолвіе ужаснѣе всего!

Графъ Нидекъ и старуха нашли брешь въ скалѣ; они поднялись прямо, не задумываясь, съ невѣроятной увѣренностью; я долженъ былъ цѣпляться за кусты, чтобы слѣдовать за ними.

Взобравшись на вершину скалы, я увидѣлъ въ трехъ шагахъ отъ себя графа и его спутницу; съ другой стороны я замѣтилъ бездонную пропасть. Слѣва падалъ потокъ Шнеебергъ, въ данное время покрытый льдомъ и повисшій въ воздухѣ. Видъ неподвижной волны, которая какъ будто летитъ, увлекая въ своемъ паденіи сосѣднія деревья, забирая кусты и прорывая плющъ, несущійся за ней, не теряя корней, это кажущееся движеніе при неподвижности смерти и эти два безмолвныхъ существа, идущія на свое ужасное дѣло съ нечувствительностью автоматовъ,— все это снова пробудило во мнѣ страхъ.

Сама природа, повидимому, раздѣляла мой ужасъ.

Графъ положилъ свою ношу; онъ и старуха раскачивали ее въ продолженіе одной минуты надъ краемъ пропасти; потомъ длинный саванъ взвился надъ пропастью, и убійцы наклонились надъ ней.

Эта длинная, бѣлая развѣвающаяся простыня еще стоитъ передъ моими глазами. Я вижу, какъ она опускается, опускается, какъ лебедь, раненый высоко въ небесахъ, съ поникшими крыльями, запрокинутой головой.

Она исчезла въ глубинѣ пропасти.

Въ это мгновеніе облако, которое уже давно надвигалось на луну, медленно закрыло ее своими синеватыми очертаніями; лучи луны скрылись.

На одну секунду показалась старуха. Она держала графа за руку и увлекала его съ головокружительной быстротой.

Облако совершенно закрыло дискъ луны. Я не могъ сдѣлать ни шагу, не рискуя упасть въ пропасть.

Черезъ нѣсколько минутъ облако разорвалось. Я оглянулся вокругъ... Я былъ одинъ на вершинѣ скалы; снѣгъ доходилъ мнѣ до колѣнъ.

Охваченный ужасомъ, я сошелъ съ утеса и побѣжалъ къ замку, взволнованный, какъ будто я совершилъ убійство!

Что касается графа Нидека и старухи, ихъ не было видно на равнинѣ.

X.

Я бродилъ вокругъ замка, не находя мѣста, откуда вышелъ.

Безпокойство и рядъ перенесенныхъ мною волненій начинали дѣйствовать на мою голову; я шелъ зря, съ ужасомъ спрашивая себя, ужъ не овладѣло ли мною безуміе, не рѣшаясь вѣрить тому, что видѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пугаясь ясности моихъ представленій.

Человѣкъ подымаетъ факелъ во тьмѣ, воетъ, какъ волкъ, идетъ и холодно совершаетъ воображаемое убійство, не упуская ни одного движенія, ни одного обстоятельства, ни малѣйшей подробности, убѣгаетъ и повѣряетъ потоку тайну совершеннаго имъ убійства,—все это мучило меня, постоянно проходило передъ моими глазами и производило дѣйствіе кошмара.

Я бѣгалъ, задыхаясь, путаясь въ снѣгу, не зная, въ какую сторону направиться.

Холодъ становился все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ приближался разсвѣтъ. Я дрожалъ... Я проклиналъ Спервера за то, что онъ пріѣхалъ за мной въ Фрейбургъ, чтобы запутать меня въ это отвратительное приключеніе.

Наконецъ, измученный, съ ледяными сосульками на бородѣ, съ полуотмороженными ушами я отыскалъ рѣшетку и позвонилъ изо всѣхъ силъ.

Было около четырехъ часовъ утра. Кнапвурстъ заставилъ себя ждать страшно долго. Въ его маленькомъ домикѣ, прислоненномъ къ скалѣ, около главныхъ воротъ, царило безмолвіе. Мнѣ казалось, что горбунъ никогда не кончитъ одѣваться. Я думалъ, что онъ въ постели и можетъ быть спитъ.

Я позвонилъ еще разъ.

Его смѣшная фигура показалась въ дверяхъ. Онъ крикнулъ яростнымъ тономъ:

— Кто тамъ?

— Я... докторъ Фрицъ.

— А... это другое дѣло.

Онъ вернулся въ домъ за фонаремъ, прошелъ по наружному двору по брюхо въ снѣгу и, пристально смотря на меня черезъ рѣшетку, проговорилъ:

— Извините, извините, докторъ Фрицъ; я думалъ, что вы

спите себѣ въ башнѣ Гюга. Такъ это вы звонили? Ага! Такъ вотъ почему Сперверъ приходилъ ко мнѣ около полуночи и спрашивалъ, не выходилъ ли кто-нибудь изъ воротъ. Я отвѣтилъ, что никто не выходилъ; да вѣдь и правда, я не видалъ васъ.

— Но ради Бога, откройте же, г. Кнапвурстъ. Вы объясните мнѣ все потомъ.

— Ну, ну, немного терпѣнія.

И горбунъ медленно, медленно отперъ замокъ и открылъ рѣшетку. Я щелкалъ зубами отъ холода и дрожалъ съ головы до ногъ.

— Вы очень озябли, докторъ, — сказалъ горбунъ,—вамъ нельзя идти въ замокъ.—Сперверъ, не знаю почему-то—заперъ внутреннюю дверь; обыкновенно бываетъ достаточно калитки. Придите ко мнѣ отогрѣться. Комната моя не представляетъ собой ничего удивительнаго. Собственно говоря, это просто логово; но когда холодно, не приходится разбирать.

Не слушая его болтовни, я поспѣшно пошелъ за нимъ.

Мы вошли въ домикъ, и, несмотря на то, что я почти совсѣмъ замерзъ, я не могъ не залюбоваться на живописный безпорядокъ этой, своего рода, ниши. Черезъ шиферную крышу, прислоненную съ одной стороны къ скалѣ, а съ другой къ стѣнѣ въ шесть или семь футовъ высотою, видны были почернѣвшія балки, доходившія до конька.

Помѣщеніе состояло изъ одной комнаты, украшенной плохой постелью, которую гномъ убиралъ на каждый день, и двумя окошечками съ шестиугольными стеклами, на которыя луна разсыпала свои лучи, отливавшіе розовымъ и фіолетовымъ цвѣтомъ. Большой, четырехъугольный столъ занималъ средину комнаты. Какъ этотъ массивный дубовый столъ вошелъ въ эту маленькую дверь?.. Трудно сказать.

Нѣсколько полочекъ или этажерокъ поддерживали свитки пергамента, старинныя книги, большія и маленькія. На столѣ лежалъ громадный томъ съ разрисованными большими буквами, въ переплетомъ изъ бѣлой кожи, съ застежкой и уголками изъ серебра. Онъ имѣлъ видъ сборника хроникъ. Два кресла, одно изъ коричневой кожи, другое съ пуховой подушкой, на которой виднѣлись отпечатки угловатой спины и нескладнаго таза Кнопвурста, дополняли убранство комнаты.

Я пропускаю чернильницу, перья, горшокъ съ табакомъ, пять-шесть повсюду разбросанныхъ трубокъ и маленькую печку съ небольшой дверцей, открытую, пылающую, выбрасывающую иногда снопъ искръ съ страннымъ шипѣніемъ, похожимъ на шипѣніе кошки, которая сердится и подымаетъ лапу.

Все это носило колоритъ коричневой пережженой умбры, успокоительный для зрѣнія, колоритъ, секретъ котораго унесли фламандскіе мастера.

— Такъ значитъ вы дѣйствительно выходили вчера вечеромъ, г. докторъ?—сказалъ Кнапвурстъ, когда мы удобно усѣлись, онъ—передъ своей книгой, я—у трубы печки, о которую грѣлъ руки.

— Да; довольно рано,—отвѣтилъ я.—Одному угольщику въ Шварцвальдѣ понадобилась моя помощь· онъ поранилъ себѣ топоромъ лѣвую ногу.

Это объясненіе удовлетворило, повидимому, горбуна; онъ зажегъ свою трубку, старую, почернѣвшую деревянную трубку, которая ниспадала ему на подбородокъ.

— Вы не курите, докторъ?

— Извините, курю.

— Ну такъ, набейте одну изъ моихъ трубокъ.—Я тутъ читалъ хроники Гертцога,—сказалъ Кнапвурстъ, кладя длинную, желтую руку на открытую книгу,—когда вы позвонили.

Теперь я понялъ, отчего мнѣ пришлось ждать такъ долго.

— Вамъ нужно было окончить главу?—улыбаясь, протоворилъ я.

— Да, сударь,—тоже съ улыбкой отвѣтилъ онъ.

Мы оба разсмѣялись.

— Все равно,—сказалъ онъ,—если бы я зналъ, что это вы, я бросилъ бы главу.

Наступило нѣсколько минутъ молчанія.

Я разсматривалъ странную физіономію горбуна: глубокія морщины, окружавшія его ротъ, маленькіе глаза съ сморщенными вѣками, круглый на концѣ носъ и—главное—громадный лобъ. Въ лицѣ Кнапвурста я нашелъ нѣкоторое сходство съ Сократомъ. Грѣясь и прислушиваясь къ треску огня, я размышлялъ о странной судьбѣ нѣкоторыхъ людей:

— Вотъ,—думалъ я, — этотъ карликъ, это безобразное,

невзрачное существо, закинутое въ уголъ Нидска, какъ сверчокъ вздыхающій за очагомъ,—вотъ этотъ Кнапвурстъ живетъ одинокимъ среди суматохи и, большихъ охотъ, постоянныхъ кавалькадъ, лая собакъ, грубыхъ криковъ охотниковъ, весь погруженный въ свои книги, думая только о былыхъ временахъ, когда все вокругъ поетъ, или плачетъ. Весна, лѣто, зима приходятъ и проходятъ, заглядывая, поочередно, въ его маленькія, тусклыя окна, веселя, согрѣвая, оцѣпеняя природу!.. Въ то время, какъ столько людей предаются увлеченію любви, честолюбія, жадности, надѣются, добиваются, желаютъ, онъ ни на что не надѣется, ничего не добивается, ничего не желаетъ. Онъ куритъ свою трубку и, устремивъ глаза на какой-нибудь старый пергаментъ, мечтаетъ, приходитъ въ восторгъ отъ вещей не существующихъ больше, или никогда не существовавшихъ—что то же самое.—Гертцогъ сказалъ то то... такой-то предполагаетъ другое!—И онъ счастливъ! Его пергаментное лицо сіяетъ, его спина, формы трапеціи, сгибается еще больше, острые, большіе локти протираютъ дыру въ столѣ, длинные пальцы словно вростаютъ въ щеки, сѣрые глазки устремлены на латинскія, греческія, или этрусскія буквы. Онъ приходитъ въ восторгъ, облизываетъ губы, какъ кошка, которая только что вылакала любимую ѣду. А потомъ онъ вытягивается на своей постели, скрестивъ ноги, вполнѣ довольный собой. Господи, Боже мой! Внизу или наверху лѣстницы находишь строгое примѣненіе Твоихъ законовъ, исполненіе долга?

А снѣгъ таялъ вокругъ моихъ ногъ, нѣжное дыханіе печки проникало въ меня, я чувствовалъ, что оживаю въ этой атмосферѣ, наполненой запахомъ табаку и благовонной смолы.

Кнапвурстъ положилъ трубку на столъ и снова, дотронувшись до книги, заговорилъ серьезнымъ тономъ, какъ бы исходившимъ изъ глубины его совѣсти, или, вѣрнѣе изъ бочки.

— Вотъ, докторъ Фрицъ, законъ и пророки.

— Какъ такъ г. Кнапвурстъ?

— Пергаментъ, старый пергаментъ, — сказалъ онъ,—я люблю это. Эти старые, желтые, изъѣденные червями листы—все, что остается намъ отъ былыхъ временъ—отъ Карла Великаго до нынѣшняго дня! Старыя фамиліи исчезаютъ, пергаменты остаются. Что было бы со славой Гогенштауфеновъ, Лейнинге-

новъ, Нидековъ и многихъ знаменитыхъ родовъ?.. Что сталось бы съ ихъ титулами, гербами, высокими подвигами, дальными походами въ Святую Землю, браками, старинными претензіями, побѣдами, давно уже забытыми?.. Что сталось бы со всѣмъ этимъ безъ пергаментовъ? Ничего. Эти бароны, герцоги, принцы какъ будто не существовали бы—и они сами и все, что касалось ихъ... Ихъ большіе замки, дворцы, крѣпости падаютъ и исчезаютъ съ лица земли; это развалины, смутныя воспоминанія... Изо всего этого существуетъ только одно: хроника, исторія, пѣсня барда, или миннезингера—пергаментъ!

Наступило молчаніе. Кнапвурстъ продолжалъ:

— А въ эти отдаленныя времена, когда знатные рыцари вели войны, сражались, ссорились изъ-за какого-нибудь клочка земли, титула и того меньше—съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли они на бѣднаго маленькаго писца, ученаго человѣка, знакомаго съ волшебствомъ, скромно одѣтаго, съ чернильницей за поясомъ вмѣсто оружія. Какъ они презирали его, говоря:—это атомъ, тля; онъ ни на что не годенъ, ничего не дѣлаетъ, не собираетъ намъ подати, не управляетъ нашими имѣніями, тогда какъ мы, храбрые, одѣтые въ желѣзныя латы, съ пикой въ рукѣ, мы—все.—Да, они говорили такъ, видя, какъ бѣднякъ еле передвигаетъ ноги, дрожитъ отъ холода зимой, потѣетъ лѣтомъ, покрывается плѣсенью въ старости. Ну, и вотъ этотъ атомъ, эта тля заставляетъ ихъ пережить пыль ихъ замковъ, ржавчину ихъ оружія.—Поэтому я и люблю эти старые пергаменты, уважаю ихъ, почитаю. Какъ плющъ, они покрываютъ развалины, мѣшаютъ старымъ стѣнамъ обрушиться и исчезнуть навсегда.

Говоря это, Кнапвурстъ принялъ важный задумчивый видъ; эта мысль растрогала его, вызвала двѣ слезы на его глаза.

Бѣдный горбунъ! Онъ любилъ тѣхъ, кто снисходительно относился къ его предкамъ, покровительствовалъ имъ. И кромѣ того, онъ говорилъ правду; его слова имѣли глубокій смыслъ.

Я былъ очень удивленнъ.

— Г. Кнапвурстъ, такъ вы учились по-латыни?

— Да, научился самъ,—отвѣтилъ онъ не безъ тщеславія,—латыни и греческому; съ меня было достаточно старинныхъ грамматикъ. Это были заброшенныя книги графа; онѣ попались

въ руки мнѣ; я проглотилъ ихъ!.. Черезъ нѣсколько времени графъ, услышавъ случайно отъ меня латинскую цитату, удивился.—Кто научилъ тебя латыни, Кнапвурстъ?—Я самъ, ваше сіятельство.—Онъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Я отвѣтилъ довольно хорошо.—Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Кнапвурстъ знаетъ больше моего; я сдѣлаю его хранителемъ моихъ архивовъ.—И онъ передалъ мнѣ ключъ отъ архива. Это было тридцать пять лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ я все прочелъ, все просмотрѣлъ. Иногда графъ, видя меня на лѣстницѣ, останавливается и спрашиваетъ:—Что это ты тамъ дѣлаешь, Кнапвурстъ?—Читаю семейные архивы, ваше сіятельство.—А! И что же нравится тебѣ?—Очень.—Ну тѣмъ лучше; безъ тебя, Кнапвурстъ, кто зналъ бы о славѣ Нидековъ?—И онъ уходитъ, смѣясь. Я дѣлаю здѣсь, что хочу.

— Онъ очень добрый хозяинъ, г. Кнапвурстъ?

— О, докторъ Фрицъ, какое сердце! Какая откровенность!—складывая руки, проговорилъ горбунъ.—У него только одинъ недостатокъ.

— Какой?

— Онъ недостаточно честолюбивъ.

— Какъ такъ?

— Да, онъ могъ бы добиваться всего. Нидекъ! Одна изъ знаменитнѣйшихъ фамилій Германіи, подумать только! Онъ могъ бы—если бы захотѣлъ—быть министромъ или фельдмаршаломъ. Такъ нѣтъ! Онъ съ юности удалился отъ политики; за исключеніемъ французской компаніи, которую онъ продѣлалъ во главѣ вооруженнаго имъ самимъ полка, за этимъ исключеніемъ, онъ всегда жилъ вдали отъ шума, волненій, простой, почти неизвѣстный, ни о чемъ не думая кромѣ охоты.

Эти подробности въ высшей степени заинтересовали меня. Разговоръ принималъ какъ разъ желательный для меня оборотъ. Я рѣшился воспользоваться имъ.

— Такъ у графа не было никакой сильной страсти?

— Никакой, докторъ Фрицъ, и это очень жаль, потому что сильныя страсти составляютъ славу знатныхъ фамилій. Когда въ высокомъ родѣ появляется человѣкъ лишенный честолюбія—это несчастіе: онъ содѣйствуетъ упадку расы. Я могъ бы при-

вести вамъ много примѣровъ. То, что составило бы счастье купеческой семьи, служитъ причиной гибели знаменитыхъ именъ.

Я былъ удивленъ; всѣ мои предположенія насчетъ прежней жизни графа рушились.

— Однако, г. Кнапвурстъ, графу пришлось испытывать несчастья...

— Какія?

— Онъ потерялъ жену...

— Да, вы правы... жену... ангела... онъ женился на ней по-любви... Она была изъ фамиліи Заанъ—старинная, хорошая дворянская фамилія Эльзаса, но разоренная революціей. Графиня Одетта составляла счастье графа. Она умерла отъ изнурительной болѣзни, длившейся пять лѣтъ. Было исчерпано все для ея спасенія. Они вмѣстѣ уѣзжали въ Италію; оттуда она вернулась въ еще худшемъ состояніи и скончалась черезъ нѣсколько недѣль послѣ возвращенія. Графъ чуть не умеръ съ горя. Онъ заперся и въ продолженіе двухъ лѣтъ не хотѣлъ никого видѣть. Онъ забросилъ свою свору, своихъ лошадей. Наконецъ, время утишило его печаль. Но все же тутъ осталось что-то,—съ волненіемъ сказалъ горбунъ, прижимая палецъ къ сердцу,—вы понимаете... что-то истекающее кровью. Старыя раны болятъ при перемѣнѣ погоды и старыя печали также—весной, когда на могилахъ вырастаетъ трава и осенью, когда листья съ деревьевъ покрываютъ землю. Графъ не захотѣлъ жениться во второй разъ; всю свою любовь онъ перенесъ на дочь.

— Такъ, значитъ, этотъ бракъ былъ счастливъ?

— Счастливъ! Онъ былъ благословеніемъ для всѣхъ.

Я замолчалъ. Графъ не совершилъ, не могъ совершить преступленія. Пришлось согласиться съ очевидностью. Но что же означала эта ночная сцена, эти сношенія съ «Чумой», это страшное подражаніе убійству, утрызенія совѣсти, заставляющія виновныхъ выдавать во снѣ свое прошлое? Что это?

Я положительно терялся.

Кнапвурстъ зажегъ трубку и предложилъ мнѣ другую, которую я взялъ.

Охватившій меня ледѣнящій холодъ разсѣялся; я испытывалъ то сладкое спокойствіе, которое слѣдуетъ за сильной усталостью, когда, растянувшись въ удобномъ креслѣ, въ углу у

огня, въ облакѣ дыма, предаешься удовольствію отдыха и слушаешь дуэтъ сверчка и шипящаго полѣна.

Мы просидѣли такъ около четверти часа.

— Графъ Нидекъ сердится иногда на свою дочь?—рѣшился спросить я.

Кнапвурстъ вздрогнулъ и искоса взглянулъ на меня почти враждебно.

— Я знаю, я знаю.

Я исподтишка смотрѣлъ на него, думая узнать что-нибудь новое, но онъ прибавилъ насмѣшливымъ тономъ:

— Башни Нидека слишкомъ высоки, а клевета летаетъ слишкомъ низко для того, чтобы подняться туда.

— Безъ сомнѣнія; но это фактъ.

— Да, что дѣлать! Эта странность—дѣйствіе болѣзни. Какъ только проходитъ кризисъ, вся его привязанность къ графинѣ возвращается. Это удивительно, сударь; двадцатилѣтній любовникъ не могъ бы быть любезнѣе, нѣжнѣе. Эта дѣвушка составляетъ его радость, его гордость. Представьте себѣ, я разъ десять видѣлъ, какъ онъ отправлялся верхомъ, чтобы купить ей какое-нибудь украшеніе, цвѣты. Онъ отправлялся одинъ и возвращался съ тріумфомъ, трубя въ рожокъ. Онъ не передавалъ порученія никому, ни даже Сперверу, котораго онъ такъ любитъ. Графиня не рѣшается высказать какого-нибудь своего желанія изъ страха передъ этимъ безуміемъ. Что же вамъ еще сказать? Графъ Нидекъ достойнѣйшій изъ людей, нѣжнѣйшій изъ отцовъ и лучшій изъ господъ. Старый графъ Людвигъ велѣлъ бы повѣсить браконьеровъ, которые опустошаютъ лѣса нынѣшняго графа, а онъ относится къ нимъ снисходительно, даже дѣлаетъ изъ нихъ завѣдующихъ охотой. Вотъ, напр., Сперверъ! Будь живъ графъ Людвигъ, его кости давно бы стучали, какъ костаньеты на концѣ веревки, а теперь онъ у насъ занимаетъ важную должность.

Всѣ мои предположенія оказывались невѣрными. Я оперся лбомъ на руки и долго думалъ. Кнапвурстъ, предполагая, что я уснулъ, снова принялся за чтеніе.

Сѣрые лучи разсвѣта проникали въ домикъ. Лампа блѣднѣла. Въ замкѣ слышался смутный шумъ.

За окномъ раздались шаги. Я видѣлъ, что кто-то прошелъ тамъ. Дверь поспѣшно распахнулась, на порогѣ показался Гедеонъ.

XI.

Блѣдность Спервера, блескъ его глазъ указывали, что произошли какія-то новыя событія. Однако, онъ былъ спокоенъ и, повидимому, не удивился, что я у Кнапвурста.

— Фрицъ, — отрывисто проговорилъ онъ, — я пришелъ за тобой.

Я молча всталъ и пошелъ за нимъ.

Только что мы вышли изъ домика, онъ взялъ меня подъ руку и быстро повелъ къ замку.

— Графиня Одиль хочетъ говорить съ тобой,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо.

— Графиня Одиль?.. Она больна?

— Нѣтъ; она совершенно оправилась, но происходитъ нѣчто необыкновенное. Представь себѣ, что сегодня, около часа утра, видя, что графъ близокъ къ тому, чтобы отдать Богу душу, я пошелъ разбудить графиню, но въ ту минуту, какъ собрался позвонить, у меня не хватило духу:—Зачѣмъ огорчать ее?—сказалъ я себѣ,—она и такъ слишкомъ рано узнаетъ о несчастіи; къ тому же будить ее среди ночи, когда она слаба и потрясена волненіемъ—это значило бы сразу убить ее. Я раздумывалъ такъ минутъ десять; потомъ рѣшилъ взять все на себя. Возвращаюсь въ комнату графа, смотрю... никого! Невозможно: человѣкъ въ агоніи! Я бѣгу въ коридоръ, какъ безумный. Никого! Вхожу въ большую галлерею. Никого! Тогда я теряю голову и вотъ я снова передъ комнатой графини Одиль. На этотъ разъ звоню; она появляется съ крикомъ: — Мой отецъ умеръ? — Нѣтъ.—Онъ исчезъ?—Да, сударыня... Я вышелъ на минуту... Когда я вошелъ...—А докторъ Фрицъ?.. Гдѣ онъ?—Въ башнѣ Гюга.—Въ башнѣ Гюга!—Она кутается въ капотъ, беретъ лампу и уходитъ. Я остаюсь. Черезъ четверть часа она приходитъ съ ногами въ снѣгу и такая блѣдная, что жаль на нее смотрѣть. Она ставитъ лампу на каминъ и говоритъ, смотря на меня:—Это вы помѣстили доктора въ башнѣ?—Да, сударыня.—Не-

счастный!.. Вы никогда не узнаете, какое зло вы причинили.— Я хотѣлъ отвѣтить.—Довольно,—сказала она,—пойдите, заприте всѣ двери и ложитесь спать. Я буду сама дежурить. Завтра утромъ пойдите къ Кнапвурсту за докторомъ Фрицемъ и приведите его ко мнѣ. Чтобы не было шуму!.. Вы ничего не видѣли... и ничего не знаете.

— Это все Сперверъ?

Онъ медленно наклонилъ голову.

— А графъ?

— Онъ вернулся... онъ здоровъ.

Мы дошли до передней. Гедеонъ тихонько постучался въ дверь, потомъ открылъ ее и доложилъ:

— Докторъ Фрицъ.

Я сдѣлалъ шагъ впередъ и очутился въ присутствіи графини Одиль. Сперверъ вышелъ и заперъ дверь.

Странное впечатлѣніе произвелъ на меня видъ молодой графини. Она стояла, блѣдная, одѣтая въ длинное черное бархатное платье, опираясь рукой на спинку кресла, съ глазами, свѣтившимися лихорадочнымъ блескомъ, съ спокойнымъ и гордымъ видомъ.

Я былъ сильно взволнованъ.

— Г. докторъ,—сказала она, указывая на стулъ,—сядьте, пожалуйста; мнѣ нужно поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

Я повиновался молча.

Она также сѣла и, повидимому, собиралась съ мыслями.

— Рокъ,—начала она, устремляя на меня свои большіе, голубые глаза,—рокъ или Провидѣніе—не знаю, что именно, сдѣлалъ васъ, сударь, свидѣтелемъ тайны, въ которой задѣта честь моей фамиліи.

Она знала все.

Я былъ пораженъ.

— Сударыня... — пробормоталъ я. — Повѣрьте, что только случайность...

— Это безполезно, — сказала она, — я все знаю... Это ужасно!

Потомъ она крикнула душу раздирающимъ голосомъ:

— Мой отецъ невиновенъ!

Я вздрогнулъ и протянулъ къ ней руки.

— Я это знаю, сударыня; я знаю жизнь графа, одну изъ самыхъ прекрасныхъ, изъ самыхъ благородныхъ, о которыхъ можно мечтать.

Одиль приподнялась, какъ будто протестуя противъ всякой мысли враждебной ея отцу. Услышавъ, что я самъ защищаю его, она опустилась въ кресло и, закрывъ лицо руками, разразилась слезами.

— Да благословитъ васъ Богъ, сударь,—бормотала она,— да благословитъ васъ Богъ; я умерла бы при мысли, что подозрѣніе...

— Сударыня, кто могъ бы принять за дѣйствительность бредъ, фантазіи лунатика.

— Это правда, сударь, я говорила себѣ такъ, но внѣшній видъ... Я боялась... простите меня!.. Я должна была помнить, что докторъ Фрицъ—порядочный человѣкъ .

— Ради Бога, успокойтесь, сударыня.

— Нѣтъ, дайте мнѣ выплакаться,—проговорила она.—Эти слезы успокаиваютъ меня... Я столько выстрадала за эти десять лѣтъ, столько выстрадала! Эта тайна, такъ долго хранившаяся въ мой душѣ, убивала меня... Я умерла бы отъ нея, какъ моя мать. Богъ сжалился надо мной... Онъ наполовину открылъ ее вамъ. Дайте мнѣ разсказать вамъ все, сударь, дайте...

Она не могла продолжать; рыданія душили ее.

Таковы всѣ гордыя, нервныя натуры. Побѣдивъ горе, заключивъ его и какъ бы раздавивъ въ глубинѣ души, онѣ проходятъ среди толпы, если не счастливыя, то, по крайней мѣрѣ, равнодушныя, и даже наблюдательный взоръ можетъ ошибиться; но внезапное потрясеніе, неожиданное открытіе, ударъ грома— и все рушится, все исчезаетъ. Побѣжденный врагъ подымается болѣе страшный, чѣмъ при своемъ пораженіи; онъ съ яростью потрясаетъ двери своей темницы, и продолжительная дрожь обуреваетъ тѣло, рыданія подымаютъ грудь, и долго сдерживаемыя слезы вырываются изъ глазъ, обильныя и частыя, какъ дождь во время бури.

Такова была Одиль.

Наконецъ, она подняла голову, отерла мокрыя отъ слезъ щеки и, облокотясь на ручку кресла, устремивъ глаза на ви-

сѣвшій на стѣнѣ портретъ, заговорила медленнымъ, печальнымъ голосомъ:

— Когда я углубляюсь въ прошлое, сударь, когда я вспоминаю свои первыя мечты, я вижу мою мать. Это была высокая, блѣдная, молчаливая женщина. Въ то время, о которомъ я говорю, она была еще молода; ей было едва тридцать лѣтъ, но на видъ можно было дать, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ. Сѣдые волосы окружали ея задумчивое чело. Ея исхудалыя щеки, строгій профиль, всегда печально сжатыя губы придавали ея лицу странное выраженіе печали и гордости. Въ этой старой тридцатилѣтней женщинѣ молодого было только ея прямая, гордая фигура, блестящіе глаза и голосъ нѣжный и чистый, какъ мечта ребенка. Она часто цѣлыми часами ходила по этой самой залѣ, а я бѣгала вокругъ нея, счастливая, да счастливая, потому что я—бѣдный ребенокъ!—не сознавала, что моя мать грустна, не понимала, сколько глубокой печали таилось подъ этимъ челомъ, изборожденномъ морщинами! Прошлое было неизвѣстно мнѣ; настоящее полно радости, будущее... будущее представлялось рядомъ игръ.

Одиль горько улыбнулась и продолжала:

— Иногда во время моихъ шумныхъ игръ мнѣ случалось наталкиваться на безмолвно ходившую мать. Она останавливалась, опускала глаза, медленно наклонялась, цѣловала меня въ лобъ съ неопредѣленной улыбкой; потомъ выпрямлялась и продолжала свой путь съ прежней грустью. Впослѣдствіи, когда я старалась отыскать въ душѣ воспоминанія первыхъ лѣтъ, эта высокая, блѣдная женщина представлялась мнѣ изображеніемъ печали. Вотъ она,—сказала графиня, указывая на висѣвшій на стѣнѣ портретъ,—такая, какой ее сдѣлала не болѣзнь, какъ думаетъ мой отецъ, а страшная, роковая тайна... Взгляните.

Я обернулся и вздрогнулъ, увидѣвъ внезапно портретъ, на который мнѣ указывала молодая дѣвушка.

Представьте себѣ длинное, блѣдное, худое лицо, носящее суровый, холодный отпечатокъ смерти, и въ орбитахъ этого лица два черныхъ, горящихъ, пристально смотрящихъ на васъ, страшно живыхъ глаза!

Наступило молчаніе.

— Какъ должна была страдать эта женщина!—мысленно проговорилъ я, и сердце у меня болѣзненно сжалось.

— Я не знаю, какимъ образомъ моя мать сдѣлала это ужасное открытіе,—продолжала Одиль,—но она знала таинственное очарованіе «Чумы», свиданія въ комнатѣ Гюга... Однимъ словомъ, все. Она не сомнѣвалась въ моемъ отцѣ. О, нѣтъ! Она только медленно умирала, какъ умираю и я.

Я схватился руками за голову... я плакалъ.

— Однажды ночью,—продолжала Одиль,—мнѣ было тогда десять лѣтъ, моя мать, которую поддерживала только ея энергія, сказалась при смерти. Это было зимой; я спала. Вдругъ чья-то нервная, холодная рука схватила мою руку. Смотрю: передо мной какая-то женщина; въ одной рукѣ у нея былъ факелъ, другой она сжимала мою руку. Платье ея было все въ снѣгу; конвульсивная дрожь пробѣгала по ея тѣлу; глаза блестѣли мрачнымъ огнемъ сквозь длинные, сѣдые, нависшіе на лицо, волосы. Это была моя мать.

— Одиль, дитя мое,—проговорила она,—встань, одѣнься; ты должна узнать все.—Я одѣлась, дрожа отъ страха. Она повела меня въ башню Гюга, показала мнѣ открытую цистерну.—Твой отецъ выйдетъ оттуда, — сказала она, указывая на башню;—онъ выйдетъ съ Волчицей. Не дрожи, онъ не можетъ увидѣть тебя.—Отецъ дѣйствительно вышелъ со старухой, неся свою ужасную ношу. Мать пошла за ними, неся меня на рукахъ. Она показала мнѣ сцену на Альтенбургѣ.—Смотри, дитя,—кричала она,—это нужно, такъ какъ я... я умру. Ты сохранишь эту тайну. Ты будешь ходить за твоимъ отцомъ одна, совсѣмъ одна, слышишь? Дѣло идетъ о фамильной чести.—Мы вернулись.

Черезъ двѣ недѣли моя мать умерла, завѣщавъ мнѣ продолжать ея дѣло, слѣдовать ея примѣру. Я свято слѣдовала этому примѣру. Вы видѣли цѣпой какихъ жертвъ: я должна была не повиноваться отцу, разрывать ему сердце! Выйти замужъ—это значило ввести въ нашу среду чужого, выдать тайну нашего рода!! Я противилась. Въ Нидекѣ никто не знаетъ о сонамбулизмѣ графа, и безъ вчерашняго кризиса, подорвавшаго мои силы и помѣшавшаго мнѣ самой дежурить у отца, я оставалась единственной хранительницей страшной тайны!.. Богъ рѣшилъ

иначе, онъ отдалъ въ ваши руки честь нашей семьи. Я могла бы потребовать отъ васъ торжественное обѣщаніе никогда не открывать того, что вы видѣли сегодня ночью. Это было бы мое право.

— Сударыня,—сказалъ я, вставая,—я готовъ...

— Нѣтъ, сударь,—съ достоинствомъ проговорила она,—я не нанесу вамъ этого оскорбленія. Клятвы не дѣйствительны для низкихъ сердецъ, а для порядочныхъ достаточно законовъ чести. Я увѣрена, что вы сохраните тайну, потому что это вашъ долгъ. Но я ожидаю отъ васъ большаго, гораздо большаго, и вотъ почему я сочла себя обязанной все сказать вамъ.

Она медленно встала.

— Докторъ Фрицъ,—сказала она голосомъ, заставившимъ меня вздрогнуть,—силы измѣняютъ мнѣ; я сгибаюсь подъ тяжестью, мнѣ нуженъ помощникъ, совѣтникъ, другъ; хотите вы быть этимъ другомъ?

Я всталъ, взволнованный.

— Сударыня,—сказалъ я,—я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе и не могу сказать, какъ я горжусь имъ, но позвольте мнѣ сдѣлать одно условіе.

— Говорите, сударь.

— Условіе это состоитъ въ томъ, что я принимаю названіе друга со всѣми обязанностями, налагаемыми имъ.

— Что вы хотите сказать?

— Какая-то тайна рѣетъ надъ вашей семьей; нужно, во что бы то ни стало, проникнуть въ эту тайну; нужно схватить «Чуму», узнать, кто она, чего хочетъ, откуда явилась...

— Это невозможно,—сказала она, качая головой.

— Почемъ знать? Можетъ быть, у Провидѣнія были какіе-нибудь виды на меня, когда оно внушило Сперверу мысль пріѣхать за мной въ Фрейбургъ.

— Вы правы,—серьезно проговорила она,—Провидѣніе ничего не дѣлаетъ безцѣльно! Поступайте, какъ посовѣтуетъ вамъ сердце. Я впередъ одобряю все.

Я поднесъ къ губамъ ея протянутую руку и вышелъ, полный восхищенія передъ этой молодой женщиной, такой хрупкой и въ то же время такой мужественной.

Нѣтъ ничего прекраснѣе благородно исполняемаго долга!

XII.

Часъ спустя послѣ моего разговора съ Одиль, мы съ Сперверомъ вдвоемъ вылетѣли изъ Нидека.

Сперверъ, нагнувшись къ шеѣ лошади, все время поторопялъ ее.

Онъ ѣхалъ такъ скоро, что его большой мекленбургскій конь съ развѣвающейся гривой, прямымъ хвостомъ, казался неподвижнымъ; онъ буквально разсѣкалъ воздухъ. Моя маленькая ардонская лошадка закусила удила. Ліэверлэ сопровождалъ насъ, несясь рядомъ съ нами, какъ стрѣла. Мы мчались съ головокружительной быстротой.

Башни Нидека были уже далеко. Сперверъ ѣхалъ, по обыкновенію, впереди. Вдругъ я крикнулъ ему:

— Стой, товарищъ, стой!.. Прежде, чѣмъ продолжать путь, нужно обсудить дѣло.

Онъ повернулъ лошадь.

— Скажи только, Фрицъ, куда нужно поворачивать: направо или налѣво.

— Нѣтъ, подъѣзжай ко мнѣ. Тебѣ необходимо знать цѣль нашего путешествія. Въ двухъ словахъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы взять старуху.

Выраженіе удовольствія освѣтило длинное желтое лицо стараго браконьера; глаза его заблестѣли.

— А!—проговорилъ онъ.—Я зналъ, что намъ придется сдѣлать это.

Движеніемъ плеча онъ опустилъ карабинъ.

Этотъ выразительный жестъ обратилъ на себя мое вниманіе.

— Одну минуту, Сперверъ! Нужно не убивать «Чуму», а взять ее живой.

— Живой?

— Безъ сомнѣнія, и чтобы освободить тебя отъ угрызеній совѣсти въ будущемъ, я долженъ предупредить тебя, что судьба старухи связана съ судьбой твоего господина. Поэтому, пуля, которая сразитъ ее, убьетъ сразу и графа.

Сперверъ, пораженный, открылъ ротъ.

— Это правда, Фрицъ?

— Это навѣрное.

Наступило долгое молчаніе; наши лошади—Фоксъ и Реппель—качали головами, стоя другъ передъ другомъ, привѣтствовали другъ друга и, какъ бы поздравляя съ прогулкой, рыли снѣгъ ногами. Ліэверлэ зѣвалъ отъ нетерпѣнія, то вытягивая свою длинную, худую спину, то подбирая ее, какъ змѣя, а Сперверъ сидѣлъ неподвижно, положивъ руку на карабинъ. Вдругъ онъ закинулъ его на спину и сказалъ:

— Ну! Постараемся взять ее живой, эту «Чуму»! Надѣнемъ перчатки, если будетъ нужно. Но это не такъ легко, какъ ты думаешь, Фрицъ.

И, протянувъ руку къ горамъ, которыя простирались амфитеатромъ вокругъ насъ, онъ прибавилъ:

— Взгляни: вотъ Альтенбургъ, Биркенвальдъ, Шнеебергъ, Оксенгорнъ, Ресталь, Беренскопфъ; если мы подымемся немного, ты увидишь еще пятьдесятъ вершинъ, теряющихся вдали, до равнинъ Палатината. Тамъ есть скалы, обрывы, проходы, потоки и лѣса, безконечные лѣса; здѣсь ели, дальше буки, еще дальше дубы. Старуха прогуливается среди всего этого; у нея здоровыя ноги, хорошое зрѣніе, она чуетъ приближеніе человѣка за милю. Попробуй-ка взять ее.

— Если бы это было легко, то въ чемъ же заслуга? Тогда я не выбралъ бы именно тебя.

— Мастеръ ты говорить, Фрицъ... Если бы еще мы знали начало слѣда, ну тогда, пожалуй, съ смѣлостью и терпѣніемъ...

— Что касается слѣда—не безпокойся; я беру это на себя.

— Ты?

— Да я.

— Ты умѣешь нападать на слѣдъ?

— А почему бы нѣтъ?

— Ну, если ты ни въ чемъ не сомнѣваешься и думаешь, что знаешь лучше меня, то это другое дѣло... Ступай впередъ, я поѣду за тобой.

Ясно было, что старикъ разсердился за то, что я осмѣлился коснуться его спеціальности. Тихонько посмѣиваясь про себя, я не заставилъ повторять приглашенія и круто повернулъ налѣво, въ увѣренности, что мнѣ удастся пересѣчь слѣды старухѣ, которая, послѣ того, какъ убѣжала съ графомъ по подземному ходу, должна была уйти въ горы черезъ равнину.

Сперверъ ѣхалъ сзади, насвистывая съ равнодушнымъ видомъ, и я слышалъ, какъ онъ бормоталъ:—Найди-ка на равнинѣ слѣды Волчицы!.. Другой бы подумалъ, что она, по обыкновенію, пойдетъ по опушкѣ лѣса. Но, повидимому, теперь она разгуливаетъ во всѣ стороны, засунувъ руки въ карманы, какъ горожанинъ изъ Фрейбурга.

Я притворялся, что ничего не слышу. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ удивленія; потомъ, смотря на меня проницательнымъ взглядомъ, проговорилъ:

— Фрицъ, ты знаешь больше, чѣмъ говоришь

— Какъ такъ, Гедеонъ?

— Да, слѣдъ, который я искалъ бы цѣлую недѣлю, ты нашелъ сразу; это неестественно.

— Гдѣ ты видишь слѣдъ?

— Эхъ! Не притворяйся, не ищи его у себя подъ ногами.

Онъ указалъ на еле замѣтный бѣлый слѣдъ, тянувшійся вдали.

— Вотъ онъ!

Онъ пустился въ галопъ; я за нимъ, и черезъ двѣ минуты мы соскочили на землю. Дѣйствительно, то былъ слѣдъ «Чумы».

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, — сказалъ Сперверъ, складывая на груди руки,—откуда, чортъ возьми, идетъ этотъ слѣдъ?

— Не безпокойся объ этомъ.

— Ты правъ, Фрицъ; не обращай вниманія на мои слова; я говорю иногда на вѣтеръ. Главное—узнать, куда ведетъ слѣдъ.

Онъ пристально оглядѣлъ слѣдъ.

Я весь превратился въ слухъ; онъ былъ весь вниманіе.

— Слѣдъ свѣжъ,—сказалъ онъ послѣ перваго осмотра,—онъ проложенъ въ эту ночь. Это странно, Фрицъ, во время послѣдняго припадка графа старуха бродила вокругъ Нидска.

Онъ пристально оглядѣлъ слѣдъ.

— Она прошла между тремя—четырьмя часами утра.

— Почемъ ты знаешь?

— Слѣдъ ясенъ; вокругъ лежитъ градъ. Вчера ночью, около полудня я вышелъ, чтобы запереть двери; шелъ градъ; на слѣду его нѣтъ; значитъ, онъ проложенъ позже

— Это вѣрно, Сперверъ; но, вѣдь, онъ могъ быть проложенъ и гораздо позже, напримѣръ, въ восемь или девять часовъ.

— Нѣтъ; взгляни, слѣдъ затянутъ льдомъ. Заморозки бываютъ только раннимъ утромъ. Старуха прошла послѣ града, до гололедицы, между тремя и четырьмя часами.

Проницательность Спервера поразила меня.

Онъ всталъ, похлопывая рука объ руку, чтобы отряхнуть снѣгъ, и, смотря на меня задумчивымъ взглядомъ, проговорилъ какъ бы самъ себѣ:

— Ну, самое позднее, пять часовъ. Вѣдь уже полдень, не правда ли, Фрицъ?

— Безъ четверти двѣнадцать.

— Хорошо! Старуха обогнала насъ на семь часовъ. Намъ придется идти шагъ за шагомъ по всему ея пути. На лошади мы можемъ проѣхать въ одинъ часъ то пространство, которое она прошла въ два; предположимъ, что она продолжаетъ идти— часовъ въ семь или въ восемь вечера мы догонимъ ее. Въ дорогу, Фрицъ, въ дорогу!

Мы снова поскакали по слѣдамъ, которые вели насъ прямо къ горѣ.

Галопируя, Сперверъ продолжалъ разговаривать.

— Если бы, къ счастью, эта проклятая «Чума» зашла въ какую-нибудь дыру, или, вообще, отдохнула часокъ-другой, мы могли бы догнать ее до конца дня.

— Будемъ надѣяться, Гедеонъ.

— Не разсчитывай, не разсчитывай. Старая Волчица идетъ все время; она неутомима; она заметаетъ всѣ дороги въ Шварцвальдѣ. Не нужно успокаивать себя химерами. Если она случайно останавливалась—тѣмъ лучше для насъ; а если шла все время—не будемъ приходить въ отчаяніе.—Ну, галопомъ! Гопъ, гопъ, Фоксъ!

Странное состояніе человѣка, охотящагося за своимъ ближнимъ, такъ какъ эта несчастная все же была одарена безсмертной душой, она чувствовала, думала, размышляла, какъ мы. Правда, извращенные инстинкты приближали ее, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, къ волчицѣ и тайна окружала ее. Бродячая жизнь, вѣроятно, притупила ея нравственное чувство и даже извратила человѣческій характеръ, но, во всякомъ случаѣ, ничто не давало

намъ права примѣнить къ ней деспотизмъ, проявляемый человѣкомъ относительно животныхъ.

А между тѣмъ дикій пылъ увлекалъ насъ при преслѣдованіи; я чувствовалъ, какъ кровь кипѣла у меня въ жилахъ; я рѣшился не отступать ни передъ какимъ средствомъ, чтобы только захватить это странное существо. Охота на волка, на кабана не могла бы возбудить меня въ такой степени.

Снѣгъ летѣлъ за нами; по временамъ кусочки льда, отбиваемые подковами, словно рѣзакомъ, свистѣли у насъ въ ушахъ.

Сперверъ съ развѣвающимися рыжими усами скакалъ, то подымая голову, то устремляя свои сѣрые глаза на слѣдъ. Ліэсерлэ подпрыгивалъ иногда до спины нашихъ лошадей; я невольно вздрагивалъ при мысли о его встрѣчѣ съ «Чумой»: онъ могъ растерзать ее въ клочки, прежде чѣмъ она успѣла бы крикнуть.

Старуха заставляла насъ ѣхать страшно скоро. На каждомъ холмѣ она дѣлала крюкъ, на каждомъ бугоркѣ мы встрѣчались съ ложнымъ слѣдомъ.

— И здѣсь никого!—кричалъ Сперверъ.—Это видно издали; вотъ въ лѣсу будетъ другое дѣло. Тамъ надо держать глаза открытыми. Видишь, какъ она, проклятая, сбиваетъ со слѣда... Вотъ она старалась замести свои шаги; а тутъ она спустилась къ ручью и шла вдоль него по кроссу до вереска. Не будь этихъ двухъ шаговъ, она совершенно сбила бы насъ съ пути.

Мы доѣхали до опушки еловаго лѣса и Сперверъ сошелъ, чтобы лучше разглядѣть слѣды, а мнѣ велѣлъ остановиться съ лѣвой стороны.

Тутъ было много мѣстъ, покрытыхъ сухими листьями и гибкими вѣточками ели, на которыхъ не остается никакого отпечатка. Поэтому Сперверъ могъ найти слѣды только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежалъ снѣгъ.

Намъ нуженъ былъ цѣлый часъ, чтобы выйти изъ этого букета деревьевъ. Старый браконьеръ грызъ съ досады усы, а его большой носъ образовывалъ полукругъ. Какъ только я собирался сказать что-нибудь, онъ сразу останавливалъ меня.

— Не говори; это мѣшаетъ мнѣ.

Наконецъ, мы спустились по долинѣ на лѣвой сторонѣ и,

Гедеонъ, указывая мнѣ на слѣды Волчицы на косогорѣ, покрытомъ верескомъ, сказалъ:

— Это, старичина, не ложный слѣдъ; мы можемъ смѣло идти по нему.

— Почему?

— Потому, что у «Чумы» есть привычка, во всѣхъ ея контръ-маршахъ, дѣлать три шага въ одну сторону, потомъ возвращаться на слѣды, сдѣлать пять-шесть шаговъ въ другую и быстро перепрыгнуть на прогалину. Но, когда она считаетъ себя въ безопасности, то уже не прибѣгаетъ къ этимъ уловкамъ... Вотъ, видишь, что я говорилъ тебѣ?.. Она лѣзетъ черезъ кусты, словно кабанъ; теперь не трудно будетъ выслѣдить ее. Все равно, оставимъ ее теперь и зажжемъ трубки.

Мы остановились. Лицо Спервера оживилось; онъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Фрицъ, этотъ день можетъ быть прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни! Если намъ удастся взять старуху, я привяжу ее, какъ узелъ съ тряпками, къ крупу Фокса. Одно только досадно мнѣ!

— Что?

— Что я забылъ взять рожокъ. Мнѣ хотѣлось бы трубить при приближеніи къ замку. Ха, ха, ха!

Онъ зажегъ трубку и мы отправились дальше.

Слѣды Волчицы шли въ лѣсу по такому крутому склону, что намъ нѣсколько разъ приходилось сходить съ лошадей и вести ихъ подъ уздцы.

— Вотъ она поворачиваетъ направо,—сказалъ Сперверъ;— съ этой стороны отвѣсныя горы; одному изъ насъ, можетъ быть, придется держать лошадей, пока другой влѣзетъ на гору, чтобы взглянуть, куда повернуть. Чортъ возьми! Какъ будто начинаетъ темнѣть!

Пейзажъ принималъ грандіозный видъ; громадныя, сѣрыя скалы, покрытыя льдинами, воздымали то тутъ, то тамъ свои угловатыя вершины, словно рифы надъ океаномъ снѣга

Нѣтъ ничего печальнѣе зимняго вида въ высокихъ горахъ: ихъ гребни, уступы, обнаженныя деревья, блестящій отъ инея верескъ—все это носитъ характеръ заброшенности и невыразимой печали. Безмолвіе — такое глубокое, что слышно, какъ

скользитъ листъ по затвердѣвшей землѣ, какъ вѣточка отламывается отъ дерева—давитъ человѣка, дастъ ему представленіе о безграничности его ничтожества.

Какъ мало значитъ человѣкъ! Выдадутся двѣ суровыхъ зимы и жизнь исчезаетъ съ земли.

По временамъ который-нибудь изъ насъ чувствовалъ потребность возвысить голосъ; слова говорились самыя незначительныя.

— Мы доберемся!.. Какой собачій холодъ!

Или:

— Э! Ліэверлэ, да ты повѣсилъ носъ!

И все это только, чтобы услышать свой голосъ, чтобы сказать себѣ:

— Я чувствую себя хорошо... Гмъ, гмъ!

Къ несчастью, Фоксъ и Реппель начали уставать; они проваливались въ снѣгъ по грудь и уже не ржали, какъ при отправленіи.

Безъисходныя ущелья Шварцвальда продолжались до безконечности. Старуха любила такія уединенныя мѣста: тутъ она обошла вокругъ покинутой хижины угольщика; дальше срывала корни, которые растутъ на покрытыхъ мхомъ скалахъ; въ другомъ мѣстѣ она присѣла подъ деревомъ и недавно, никакъ не болѣе, какъ за два часа, потому что слѣды были совершенно свѣжи. Наши надежды и пылъ удвоивались. Но день, видимо, приближался къ концу.

Странная вещь: со времени нашего отъѣзда изъ Нидека мы не встрѣчали ни дровосѣковъ, ни угольщиковъ. Въ это время года въ Шварцвальдѣ такъ же пустынно, какъ въ степяхъ Сѣверной Америки.

Въ пять часовъ стемнѣло; Сперверъ остановился и сказалъ мнѣ:

— Мой бѣдный Фрицъ, мы опоздали на два часа. Волчица слишкомъ далеко ушла! Черезъ десять минутъ подъ деревьями станетъ темно, какъ въ печи. Самое простое—это добраться до Ропъ-Крезъ, въ двадцати минутахъ отсюда, зажечь хорошій костеръ, съѣсть нашу провизію и опорожнить нашъ козій мѣхъ. Какъ только взойдетъ луна, мы снова пойдемъ по слѣду и, если

только старуха не самъ чортъ, держу десять противъ одного, что мы найдемъ ее замерзшей подъ какимъ-нибудь деревомъ; невозможно, чтобы человѣческое существо могло вынести столько усталости въ такую погоду; этого не выдержалъ бы и Себальтъ, первый ходокъ въ Шварцвальдѣ!—Ну, что ты объ этомъ думаешь, Фрицъ?

— Я думаю, что только сумасшедшій могъ бы поступить иначе; къ тому же я просто умираю отъ голода.

— Ну, такъ въ дорогу!

Онъ поѣхалъ впередъ и проникъ въ узкое ущелье между двумя рядами отвѣсныхъ скалъ. Ели скрещивали свои вѣтви надъ нашими головами. Подъ нашими ногами струился почти пересохшій потокъ; мѣстами случайно попавшій въ эту глубину лучъ отражался въ мутной, какъ свинецъ, волнѣ.

Настала такая темнота, что я долженъ былъ бросить уздечку Реппеля. Шаги нашихъ лошадей по скользкимъ камнямъ раздавались какъ-то странно, словно взрывъ хохота макакъ. Эхо въ скалахъ повторяло эти звуки; какая-то глубокая черная точка какъ бы увеличивалась по мѣрѣ нашего приближенія—то былъ выходъ изъ ущелья.

— Фрицъ,—сказалъ Сперверъ,—мы въ руслѣ потока Тункельбахъ. Это самое дикое ущелье во всемъ Шварцвальдѣ; оно заканчивается чѣмъ-то вродѣ глухого переулка, извѣстнаго подъ названіемъ: «Котелъ Большого Ревуна». Весною, во время таянія снѣговъ, Тункельбахъ съ страшнымъ ревомъ извергаетъ туда всѣ свои воды съ высоты двухсотъ футовъ. Это производитъ страшный шумъ. Вода брызжетъ и падаетъ дождемъ на сосѣднія горы. Иногда она даже наполняетъ большую пещеру въ Рошъ-Крезъ; но теперь русло, должно быть, сухо, какъ пороховница и тамъ можно развести хорошій огонь.

Слушая Гедеона, я разсматривалъ мрачное ущелье и говорилъ себѣ, что инстинктъ дикихъ звѣрей, ищущихъ такія берлоги, вдали отъ всего, что веселитъ душу, является слѣдствіемъ отчаянія. Дѣйствительно, всѣ существа, живущія на солнцѣ—коза, стоящая на остроконечномъ утесѣ, лошадь, которая носится по равнинѣ, собака, рѣзвящаяся рядомъ со своимъ господиномъ, птица, купающаяся въ свѣтѣ—всѣ они дышатъ радостью, счастьемъ; они привѣтствуютъ день танцами и востор-

женными криками. И въ козулѣ, кричащей подъ высокими деревьями, на зеленѣющемъ пастбищѣ, есть что-то такое же поэтичное, какъ и любимое ея жилище; въ кабанѣ есть что-то такое же грубое, угрюмое, какъ чаща, въ которыя онъ забирается; въ орлѣ—гордое, смѣлое, какъ его отвѣсныя скалы; во львѣ—величественное, какъ грандіозные своды его пещеры; но волкъ, лисица, куница ищутъ мракъ; страхъ сопровождаетъ ихъ; это походитъ на раскаяніе, на угрызенія совѣсти.

Я раздумывалъ объ этомъ и чувствовалъ уже, какъ свѣжій вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо — мы подходили къ выходу изъ ущелья,—какъ вдругъ, на скалѣ въ ста футахъ надъ нами мелькнулъ красноватый отблескъ, освѣтившій пурпуровымъ свѣтомъ темную зелень елей и отразившійся въ гирляндахъ инея.

— Ага!—тихо проговорилъ Сперверъ,—мы поймали старуху.

Сердце у меня забилось; мы шли, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Собака глухо ворчала.

— Не можетъ она убѣжать?—совсѣмъ тихо спросилъ я.

— Нѣтъ; она попала, какъ крыса въ крысоловку. Изъ «Котла Большого Ревуна» нѣтъ другого выхода, а скалы вокругъ имѣютъ двѣсти футовъ въ вышину. Ага! Я поймалъ тебя, старая злодѣйка.

Онъ сошелъ въ ледяную воду и далъ мнѣ держать своего коня. Дрожь охватила меня. Въ окружавшемъ насъ безмолвіи я услышалъ звукъ заряжаемаго карабина. Этотъ легкій пронзительный шумъ ударилъ меня по нервамъ.

— Сперверъ, что ты хочешь дѣлать?

— Не бойся; я только попугаю ее.

— Отлично! Но не надо крови! Помни, что я сказалъ тебѣ: «пуля, которая сразитъ ее, убьетъ сразу и графа».

— Будь спокоенъ.

Онъ удалился, не слушая меня. Я услышалъ шлепанье его ногъ по водѣ, потомъ увидѣлъ его высокую фигуру у выхода изъ ущелья, черную на синеватомъ фонѣ. Минутъ пять онъ стоялъ неподвижно. Я стоялъ, наклонясь и внимательно смотря на него. Онъ тихонько подходилъ ко мнѣ. Когда онъ обернулся, я былъ въ трехъ шагахъ отъ него.

— Тсъ!—сказалъ онъ съ таинственнымъ видомъ.—Смотри.

Въ расщелинѣ скалы я увидѣлъ большой костеръ: огонь подымался золотыми спиралями къ своду пещеры, а передъ костромъ на корточкахъ сидѣлъ человѣкъ, по костюму котораго я узналъ барона Циммеръ-Блудерика.

Онъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову на руки. Сзади него лежалъ какой-то темный предметъ; еще дальше почти терявшаяся во тьмѣ лошадь смотрѣла на насъ пристальнымъ взглядомъ, поднявъ уши, широко раскрывъ ноздри.

Я остановился, пораженный.

Какимъ образомъ очутился баронъ Циммеръ въ такое время въ этомъ уединенномъ мѣстѣ?.. Зачѣмъ онъ здѣсь?.. Не заблудился ли онъ?..

Самыя противорѣчивыя предположенія мелькали въ моемъ умѣ; я не зналъ на чемъ остановиться. Вдругъ лошадь барона заржала.

При этомъ звукѣ ея хозяинъ поднялъ голову.

— Что съ тобой, Доннеръ?—спросилъ онъ.

Потомъ онъ, въ свою очередь, взглянулъ въ нашу сторону широко раскрытыми глазами.

Это блѣдное лицо съ рѣзкими чертами, съ тонкими губами, съ густыми, сросшимися черными бровями, съ глубокой перпендикулярной морщиной, пересѣкавшей лобъ, возбудило бы во мнѣ чувство восхищенія во всякое другое время; но теперь мной овладѣла какая-то неописанная тревога; я былъ полонъ безпокойства.

— Кто тутъ?—вдругъ вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Я, г. баронъ,—отвѣтилъ Гедеонъ, подходя къ нему,—я—Сперверъ, рейткнехтъ графа Нидека...

Молнія промелькнула въ глазахъ барона, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ. Онъ всталъ и накинулъ на плечи шубу. Я взялъ подъ-уздцы лошадей и позвалъ собаку, которая вдругъ начала печально выть.

На кого не нападаетъ иногда суевѣрный страхъ? Мнѣ стало страшно отъ жалобнаго воя Ліэверлэ; ледянящая дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу.

Сперверъ и баронъ стояли въ пятидесяти шагахъ другъ отъ друга: первый, неподвижный, съ карабиномъ на плечѣ, стоялъ посреди пещеры; второй—на площадкѣ передъ пещерой, высоко

поднявъ голову, гордымъ, властнымъ взглядомъ смотрѣлъ на насъ.

— Чего вы хотите?—спросилъ молодой человѣкъ задорнымъ тономъ.

— Мы ищемъ одну женщину,—отвѣтилъ старый браконьеръ,—женщину, которая ежегодно бродитъ вокругъ Нидека; у насъ есть приказаніе арестовать ее.

— Украла она что-нибудь?

— Нѣтъ.

— Убила кого-нибудь?

— Нѣтъ, г. баронъ.

— Такъ чего же вамъ надо? По какому праву преслѣдуете вы ее?

Сперверъ вытянулся во весь ростъ и, устремивъ свои сѣрые глаза на барона, проговорилъ со странной улыбкой:

— А по какому праву вы взяли ее? Вѣдь она тамъ... я вижу ее въ глубинѣ пещеры. Съ какой стати вы вмѣшиваетесь въ наши дѣла? Развѣ вы не знаете, что мы здѣсь на своей землѣ и имѣемъ право судить всѣ уголовныя и гражданскія дѣла?

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ.

— Я не обязанъ давать вамъ отчетъ,—грубымъ тономъ проговорилъ онъ.

— Берегитесь,—сказалъ Сперверъ.—Я пришелъ къ вамъ съ мирными, дружелюбными намѣреніями. Я дѣйствую отъ имени господина Іери-Ганса, я въ своемъ правѣ, а вы дурно отвѣчаете мнѣ.

— Ваше право!—съ горькой улыбкой сказалъ молодой человѣкъ.—Не говорите о своемъ правѣ—вы принудите меня говорить о моемъ...

— Ну, такъ говорите!—крикнулъ старый браконьеръ, большой носъ котораго шевелился отъ гнѣва.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ баронъ,—я ничего не скажу, и вы не войдете сюда.

— Это мы посмотримъ,—сказалъ Сперверъ, направляясь къ пещерѣ.

Молодой человѣкъ вынулъ охотничій ножъ. Видя это, я хотѣлъ броситься между ними. Къ несчастію, собака, которую я держалъ на привязи, вырвалась и опрокинула меня на землю. Я считалъ барона погибшимъ. Но въ ту же минуту изъ глубины

пещеры раздался дикій крикъ, и, поднявшись, я увидѣлъ передъ костромъ старуху. Одежда ея была вся въ лохмотьяхъ; голова откинута назадъ, волосы развѣвались по плечамъ. Она подымала свои длинныя, худыя руки къ небу и испускала зловѣщій вой, похожій на жалобный вой волка въ холодныя зимнія ночи, когда онъ корчится отъ холода.

Никогда въ жизни я не видѣлъ ничего ужаснѣе. Сперверъ какъ бы окаменѣлъ, стоя неподвижно, съ устремленными глазами, съ открытымъ ртомъ. Сама собака остановилась на нѣсколько секундъ при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ; но вдругъ она согнула ощетинувшуюся спину и бросилась впередъ съ нетерпѣливымъ ворчаніемъ. Я вздрогнулъ. Площадка пещеры подымалась на восемь—десять футовъ отъ земли; не будь ничего, Ліэверлэ былъ бы на ней однимъ скачкомъ. Я до сихъ поръ слышу, какъ онъ перескакиваетъ черезъ покрытые инеемъ кусты, вижу, какъ баронъ становится передъ старухой съ раздирающимъ душу крикомъ:

— Мать моя!

Собака дѣлаетъ послѣдній прыжокъ; Сперверъ съ быстротой молніи прицѣливается, и Ліэверлэ падаетъ мертвымъ у ногъ молодого человѣка.

Все это произошло въ одну секунду. Пропасть освѣтилась; отдаленные раскаты эхо передавали звукъ выстрѣла въ своихъ безконечныхъ глубинахъ. Безмолвіе, казалось, возросло, какъ мракъ послѣ молніи.

Когда дымъ отъ выстрѣла разсѣялся, я увидѣлъ Ліэверлэ, распростертаго у подножія скалы, и старуху въ обморокѣ, на рукахъ у молодого человѣка. Сперверъ, весь блѣдный, смотрѣлъ мрачнымъ взглядомъ на барона, опустивъ дуло карабина на землю; лицо у него подергивалось, глаза были полузакрыты отъ негодованія.

— Господинъ Блудерикъ, — сказалъ онъ, протянувъ руку къ пещерѣ,—я убилъ моего лучшаго друга, чтобы спасти эту женщину... вашу мать!.. Возблагодарите Бога, что ея судьба связана съ судьбой графа... Уведите ее! Уведите ее!.. И чтобы она не возвращалась больше... потому что я не могу отвѣчать за старика Спервера.

Онъ бросилъ взглядъ на собаку.

— Мой бѣдный Ліэверлэ!—вскрикнулъ онъ раздирающимъ

душу голосомъ.—Такъ вотъ что ожидало меня здѣсь... Идемъ, Фрицъ... бѣжимъ... Я способенъ причинить большое несчастье.

Онъ схватилъ Фокса за гриву и хотѣлъ сѣсть на сѣдло, но вдругъ не выдержалъ и, опустивъ голову на плечо лошади, зарыдалъ, какъ ребенокъ.

XIII.

Сперверъ уѣхалъ и увезъ Лізверла, завернувъ его въ свой плащъ. Я отказался ѣхать съ нимъ: мой долгъ заставлялъ меня оставаться со старухой; я не могъ покинуть несчастную, иначе совѣсть замучила бы меня.

Къ тому же, долженъ сказать, мнѣ было интересно посмотрѣть поближе на это странное существо. Поэтому лишь только Сперверъ исчезъ во мракѣ ущелья, я уже шелъ по тропинкѣ въ пещеру.

Тутъ меня ожидало странное зрѣлище.

На большомъ плащѣ изъ бѣлаго мѣха лежала старуха въ своемъ пурпуровомъ платьѣ, съ руками, судорожно сжатыми на груди, съ золотой стрѣлой въ сѣдыхъ волосахъ.

Образъ этой женщины не изгладится изъ моей памяти, хотя бы я прожилъ тысячу лѣтъ. Страшно было видѣть эту голову ястреба, содрогавшуюся при послѣднихъ вспышкахъ жизни, съ неподвижными глазами, полуоткрытымъ ртомъ. Такова должна была быть ужасная королева Фредегонда въ свой послѣдній часъ.

Баронъ, стоя на колѣняхъ рядомъ съ нею, старался вернуть ее къ жизни; но я съ перваго же взгляда увидѣлъ, что всякая надежда потеряна. Не безъ чувства глубокаго состраданія я нагнулся, чтобы взять ея руку.

— Не трогайте ее,—крикнулъ молодой человѣкъ раздраженнымъ тономъ;—я запрещаю вамъ это!

— Я—докторъ, г. баронъ.

Онъ нѣсколько минутъ, молча, смотрѣлъ на меня; потомъ поднялся съ колѣнъ.

— Простите меня, сударь,—тихо проговорилъ онъ,—простите!

Онъ сильно поблѣднѣлъ; губы у него дрожали.

Черезъ минуту онъ спросилъ;

— Что вы думаете?

— Все кончено... Она умерла.

Не отвѣчая ни слова, онъ сѣлъ на большой камень, опустилъ голову на руки, облокотился и сидѣлъ, какъ убитый, устремивъ вдаль неподвижный взглядъ.

Я присѣлъ на корточки къ огню, смотря, какъ пламя ползло по своду пещеры и бросало мѣдный красный отблескъ на строгое лицо старухи.

Такъ просидѣли мы съ часъ, неподвижные, какъ статуи. Вдругъ баронъ поднялъ голову и сказалъ:

— Сударь, все это смущаетъ меня!.. Вотъ моя мать... въ продолженіе двадцати шести лѣтъ я думалъ, что знаю ее... и вотъ цѣлый міръ тайнъ и ужаса открывается передо мною!.. Вы, докторъ... видѣли вы что-нибудь ужаснѣе этого?

— Г. баронъ,—отвѣтилъ я,—графъ Нидекъ страдаетъ болѣзнью, замѣчательно схожей по характеру съ болѣзнью вашей матушки. Если вы довѣритесь мнѣ настолько, что сообщите мнѣ факты, свидѣтелемъ которыхъ вы должны были быть, я охотно разскажу вамъ то, что самъ знаю, потому что этотъ обмѣнъ можетъ дать мнѣ возможность спасти моего больного.

— Охотно, сударь,—сказалъ баронъ.

И онъ безъ всякаго колебанія разсказалъ мнѣ, что баронесса Блудерикъ, принадлежавшая къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Саксоніи, каждую осень отправлялась въ Испанію въ сопровожденіи стараго слуги, ея единственнаго повѣреннаго. Этотъ слуга, умирая, пожелалъ видѣть сына своего бывшаго господина и въ послѣдній часъ, мучимый, можетъ быть, угрызеніями совѣсти, разсказалъ молодому человѣку, что путешествіе въ Испанію было для его матери только предлогомъ для экскурсій въ Шварцвальдъ, цѣли которыхъ онъ не зналъ, но, вѣроятно, это было что-то ужасное, потому что баронесса возвращалась истощенная, въ лохмотьяхъ, почти умирающая и что ей нужно было нѣсколько недѣль отдыха, чтобы отправиться отъ странной усталости этихъ немногихъ дней.

Вотъ что совершенно просто разсказалъ молодому барону старый слуга, думая, что, такимъ образомъ, онъ исполняетъ свой долгъ.

Сынъ, желая во что бы то ни стало узнать истину, рѣшился самъ провѣрить непонятный фактъ и поѣхалъ за матерью сна-

чала въ Баденъ. Потомъ онъ увидѣлъ, какъ она углубилась въ ущелья Шварцвальда, и пошелъ за нею шагъ за шагомъ. Слѣды, замѣченные Себальтомъ на горѣ, были слѣды его ногъ.

Послѣ признанія барона я счелъ себя не вправѣ утаить странное вліяніе, которое производило появленіе старухи на состояніе здоровья графа, а также и другія подробности этой драмы.

Мы оба были совершенно поражены совпаденіемъ фактовъ, таинственной притягательной силой, которую имѣли другъ надъ другомъ эти два существа, незнакомыя между собой, трагическимъ дѣйствіемъ, которое они изображали безъ своего вѣдома; поражало насъ и то, что старуха такъ хорошо знала замокъ, котораго никогда не видала раньше, самые потайные ходы его; костюмъ, который она надѣвала въ такихъ случаяхъ могъ быть взятъ только изъ какого-нибудь таинственнаго убѣжища, открытаго ею посредствомъ ясновидѣнія. Въ концѣ концовъ мы согласились, что все наше существованіе полно ужасовъ и что тайна смерти можетъ быть наименьшая изъ тѣхъ, которыя вѣдомы только Богу.

Ночной мракъ разсѣивался. Далеко, очень далеко сова возвѣщала удаленіе тьмы страннымъ, какъ бы выходящимъ изъ горлышка бутылки, голосомъ. Вскорѣ въ глубинѣ ущелья послышалось лошадиное ржаніе. При первыхъ лучахъ дневного свѣта мы увидѣли сани, которыми правилъ слуга барона. Въ саняхъ лежала солома и была приготовлена постель, на которую положили старуху.

Я сѣлъ на свою лошадь, которая, казалось, была не прочь поразмять ноги, такъ какъ простояла на льду половину ночи. Я проводилъ сани до выхода изъ ущелья; потомъ мы раскланялись съ серьезнымъ видомъ, какъ подобаетъ важному барину и горожанину.

Они повернули налѣво, къ Гиршланду, я направился къ башнямъ замка.

Въ девять часовъ я былъ у графини Одиль и разсказалъ ей обо всемъ случившемся.

Потомъ я отправился къ графу и нашелъ его въ очень удовлетворительномъ сотояніи. Онъ испытывалъ еще большую слабость, вполнѣ понятную послѣ перенесенныхъ имъ страшныхъ

припадковъ; но пришелъ въ себя, и лихорадка совершенно покинула его съ вечера.

Дѣло шло къ близкому выздоровленію.

Нѣсколько дней спустя я, видя, что старый графъ совсѣмъ поправился, хотѣлъ вернуться въ Фрейбургъ, но онъ такъ настойчиво просилъ меня поселиться въ Нидекѣ и предложилъ мнѣ такія выгодныя во всѣхъ отношеніяхъ условія, что мнѣ было невозможно отказаться отъ его предложенія.

Долго я буду помнить первую охоту на кабана, въ которой я имѣлъ честь участвовать вмѣстѣ съ графомъ, и въ особенности торжественное возвращеніе при свѣтѣ факеловъ послѣ того какъ мы охотились двѣнадцать часовъ въ снѣгахъ Шварцвальда, не покидая стремянъ.

Я поужиналъ и подымался въ башню Гюга, изнемогая отъ усталости. Проходя мимо комнаты Спервера, дверь въ которую была полуоткрыта, я услышалъ веселыя восклицанія. Я остановился и увидѣлъ чрезвычайно пріятное зрѣлище: вокругъ массивнаго дубоваго стола собралось человѣкъ двадцать въ веселомъ настроеніи духа. Двѣ желѣзныя лампы, спускавшіяся съ потолка, освѣщали всѣ эти здоровыя, четыреугольныя, веселыя лица.

Они чокались.

Тутъ былъ Сперверъ съ костлявымъ лбомъ, мокрыми усами, блестящими глазами, съ сѣдыми, всклокоченными волосами. Направо отъ него сидѣла Марія Лагуттъ, налѣво Кнапвурстъ. На загорѣлыхъ щекахъ Спервера игралъ легкій румянецъ; онъ поднялъ античный кубокъ изъ чеканнаго серебра, почернѣвшій отъ времени; черезъ плечо у него проходила перевязь съ большой бляхой—онъ, по обыкновенію, былъ въ охотничьемъ костюмѣ.

Пріятно было смотрѣть на его простое, веселое лицо.

Щеки Маріи Лагуттъ горѣли пламенемъ; ея большой тюлевый чепецъ, казалось, готовъ былъ улетѣть. Она смѣялась и болтала то съ однимъ, то съ другимъ изъ присутствовавшихъ.

Что касается Кнапвурста, то сидя на креслѣ,—причемъ голова его приходилась на высотѣ руки Спервера,—онъ казался какой-то огромной тыквой. Потомъ шелъ Тоби Оффенлохъ, словно вымазанный подонками вина, такъ онъ былъ красенъ; парикъ его висѣлъ на стулѣ; деревянная нога лежала про за-

пасъ подъ столомъ. Дальше виднѣлась длинная, меланхоличная фигура Себальта; онъ тихо посмѣивался, смотря на дно своего стакана.

Были тутъ также слуги и служанки—весь тотъ маленькій міръ, который живетъ и благоденствуетъ вокругъ знатнаго дома, какъ мохъ, плющъ и вьюнки вокругъ дуба.

Лампы лили на всѣхъ свой прекрасный янтарный свѣтъ, оставляя въ тѣни старыя сѣрыя стѣны, на которыхъ извивались золотыми кругами трубы и охотничьи рожки стараго браконьера.

Нельзя себѣ представить что-либо оригинальнѣе этой картины.

Своды пѣли.

Сперверъ, какъ я уже сказалъ, поднялъ кубокъ; онъ затянулъ пѣсню бургграфа Гаттона Чернаго:

— Я—король этихъ горъ...

Красная роса вина дрожала на каждомъ волоскѣ его усовъ. При видѣ меня онъ остановился и протянулъ мнѣ руку.

— Фрицъ, тебя не хватало намъ!—проговорилъ онъ.—Давно уже я не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ сегодня вечеромъ. Добро пожаловать.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него: со смерти Ліэверлэ я не видалъ улыбки на его лицѣ.

— Мы празднуемъ выздоровленіе его сіятельства, а Кнапвурстъ разсказываетъ намъ исторіи,—прибавилъ онъ серьезнымъ тономъ.

Всѣ обернулись.

Меня встрѣтили самыми радостными восклицаніями.

Себальтъ подхватилъ меня, усадилъ подлѣ Маріи Лагуттъ и поставилъ передо мной большой стаканъ изъ богемскаго хрусталя, прежде чѣмъ я успѣлъ придти въ себя.

Въ старой залѣ, словно жужжаніе пчелъ, слышались взрывы хохота. Сперверъ обнялъ меня лѣвой рукой за шею, высоко поднялъ бокалъ и съ суровымъ выраженіемъ лица, какое всегда бываетъ у честнаго, подвыпившаго человѣка, кричалъ:

— Вотъ мой сынъ!.. Онъ и я... Я и онъ... До смерти!.. За здоровье доктора Фрица.

Кнапвурстъ, стоя на перекладинѣ спинки кресла, наклонялся ко мнѣ и протягивалъ стаканъ. Марія Лагуттъ размахивала большими крыльями своего головного убора; Себальтъ,

стоя передъ своимъ стуломъ, высокій и худой, какъ привидѣніе, повторялъ: — За здоровье доктора Фрица!—а брызги пѣны струились изъ его кубка и разсыпались на каменномъ полу.

Наступила минута молчанія. Всѣ пили; потомъ всѣ сразу съ шумомъ поставили стаканы на столъ.

— Браво!—крикнулъ Сперверъ.

Потомъ онъ обернулся ко мнѣ.

— Фрицъ,—сказалъ онъ,—мы уже выпили за здоровье графа и графини Одиль. Ты долженъ также выпить.

Мнѣ пришлось два раза выпить кубокъ подъ устремленными на меня взглядами всѣхъ присутствовавшихъ. Тутъ и я, въ свою очередь, сталъ серьезнымъ и всѣ предметы казались мнѣ свѣтлыми; изъ мрака выдѣлялись какія-то фигуры и подходили, чтобы поближе посмотрѣть на меня; тутъ были и старыя, и молодыя, и красивыя, и некрасивыя; но всѣ казались мнѣ добрыми, радушными и нѣжными. Однако, мои глаза притягивали съ конца залы болѣе молодыхъ и мы обмѣнивались долгими взглядами, полными сочувствія.

Сперверъ продолжалъ смѣяться и напѣвать что-то. Вдругъ онъ положилъ руку на горбъ карлика.

— Молчать!—сказалъ онъ,—вотъ заговоритъ Кнапвурстъ, нашъ архиваріусъ... Видите, вотъ этотъ горбъ—это эхо стариннаго замка Нидекъ.

Маленькій горбунъ вмѣсто того, чтобы разсердиться на такой комплиментъ, съ нѣжностью взглянулъ на Спервера и сказалъ:

— А ты, Сперверъ, одинъ изъ тѣхъ старыхъ рейтаровъ, исторію которыхъ я разсказывалъ вамъ... Да, у тебя руки, усы и сердце стариннаго рейтара! Если бы открылось окно и одинъ изъ нихъ потянулъ бы руку во мракѣ, что сказалъ бы ты?

— Я пожалъ бы ему руку и сказалъ:—Товарищъ, садись съ нами. Вино такъ же хорошо и дѣвушки такъ же красивы, какъ и во времена Гюго.

И Сперверъ показалъ на блестящую молодежь, смѣявшуюся вокругъ стола.

Очень хороши были дѣвушки въ Нидекѣ: однѣ изъ нихъ краснѣли отъ радости, другія медленно подымали бѣлокурыя рѣсницы, скрывавшія взглядъ лазурныхъ глазъ и я удивлялся,

что до сихъ поръ не замѣчалъ этихъ бѣлыхъ розъ, распустившихся на башенкахъ стараго замка.

— Молчать! — во второй разъ вскрикнулъ Сперверъ. — Нашъ другъ Кнапвурстъ повторитъ легенду, которую только что разсказывалъ намъ.

— Почему не другую?—сказалъ горбунъ.

— Эта мнѣ нравится.

— Я знаю лучшія.

— Кнапвурстъ!—сказалъ Сперверъ, съ важнымъ видомъ подымая палецъ,—у меня есть основаніе послушать ту же самую; сократи ее, если хочешь. Она говоритъ очень многое. А ты, Фрицъ, слушай.

Карликъ, полупьяный, положилъ оба локтя на столъ и, подперши щеки кулаками, вытаращилъ глаза и закричалъ пронзительнымъ голосомъ:

— Ну, такъ вотъ! Бернардъ Гертцогъ разсказываетъ, что бургграфъ Гюгъ, прозванный Волкомъ, до восьмидесяти двухъ лѣтъ не разставался со своими доспѣхами, хотя къ этому времени онъ уже еле дышалъ.

Передъ смертью онъ призвалъ своего капеллана, Отто Бурлака, своего старшаго сына Гюга, своего второго сына Бартольда и свою дочь Берту рыжую, жену одного саксонскаго вождя Блудерика, и сказалъ имъ:

— Ваша мать Волчица дала мнѣ свои когти... Ея кровь смѣшалась съ моей... Она будетъ возрождаться въ васъ отъ вѣка до вѣка и плакать въ снѣгахъ Шварцвальда. Одни будутъ говорить: — Это плачетъ холодный вѣтеръ! — Другіе: — Это сова...—Но это будетъ ваша кровь, моя, кровь Волчицы, которая заставила меня задушить Гедвигу, мою первую жену передъ Богомъ и Святою Церковью... Да, она умерла отъ моей руки.. Да будетъ проклята Волчица, потому что грѣхи отцовъ,—какъ сказано въ Писаніи—взыщутся съ дѣтей, пока не свершится правосудіе.

И старый Гюгъ умеръ.

И съ того времени, вѣтеръ плачетъ, сова кричитъ, а путешественники, бродящіе ночью не знаютъ, что это плачетъ кровь Волчицы... которая возрождается, говоритъ Гертцогъ и будетъ возраждаться изъ вѣка въ вѣкъ до тѣхъ поръ, пока первая

жена Гюга, Гедвига, не появится подъ видомъ ангела въ Нидекѣ, чтобы утѣшить и простить.

Сперверъ всталъ, снялъ одну изъ лампъ и спросилъ ключи отъ библіотеки у пораженнаго Кнапвурста.

Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ идти зи нимъ.

Мы поспѣшно прошли по большой, мрачной галлереѣ, потомъ по фехтовальной залѣ и вскорѣ зала, гдѣ хранились архивы, показалась на концѣ громаднаго коридора.

Шумъ умолкъ; замокъ казался пустыннымъ.

По временамъ я поворачивалъ голову и видѣлъ, какъ наши двѣ тѣни, продолжаясь до безконечности, скользили, словно призраки, по высокимъ стѣнамъ и извивались въ причудливыхъ судорогахъ.

Я былъ взволнованъ. Мнѣ было страшно.

Сперверъ быстро открылъ старую дубовую дверь и, высоко поднявъ факелъ, съ всклокоченными волосами, блѣднымъ лицомъ, первый вошелъ въ залу. Подойдя къ портрету Гэдвиги, сходство которой съ молодой графиней поразило меня, когда я въ первый разъ былъ въ библіотекѣ, онъ остановился и сказалъ съ торжественнымъ видомъ:

— Вотъ та, которая должна была вернуться, чтобы утѣшить и простить!.. И она вернулась!.. Въ настоящую минуту она внизу, у старика. Смотри, Фрицъ, узнаешь ты ее? Это Одиль.

Потомъ онъ повернулся къ портрету второй жены Гюга:

— А это—Гульдина—Волчица,—сказалъ онъ. — Впродолженіе тысячи лѣтъ она плакала въ ущельяхъ Шварцвальда; она причина смерти моего бѣднаго Ліэверлэ; но съ этого времени графы Нидекъ могутъ спокойно спать, потому что правосудіе совершилось и добрый ангелъ семьи вернулся!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Признанія кларнетиста 3

Гюгъ-Волкъ 77

BINDING LIST JUN 15 1949

PQ
2238
D417

Erckmann, Émile
Dva brata

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY